Гевара по прозвищу Че

Пако Игнасио Тайбо II

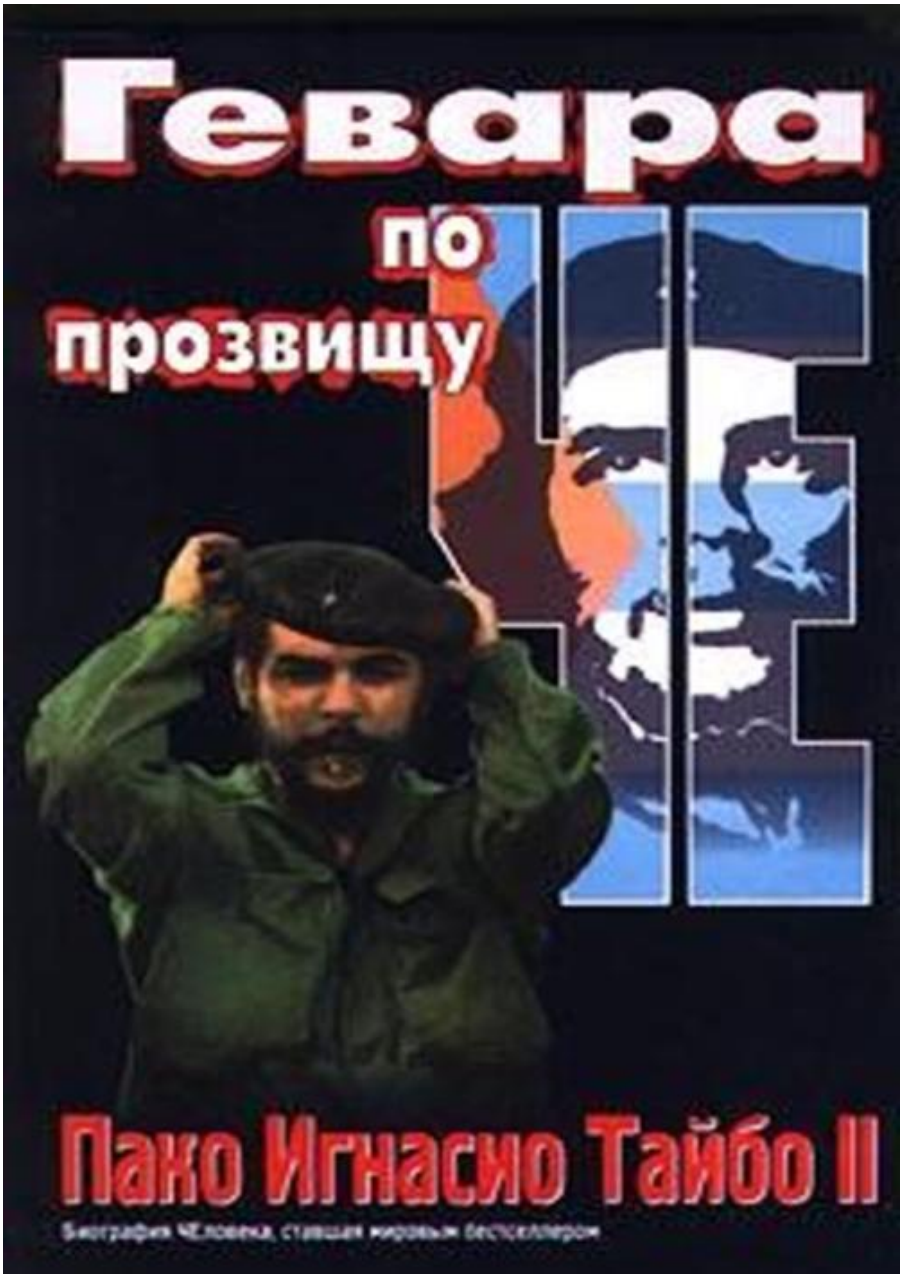

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Его жизнь была полна приключений и борьбы, его смерть окружена тайной, его влияние на современников и потомков огромно, и каждое приходящее поколение открывает его для себя заново. Каков он был, Гевара по прозвищу Че, аргентинец, принятый кубинским народом как сын, человек, научивший латиноамериканцев сражаться за свою свободу?

Пако Игнасио Тайбо И, писатель и ученый, не просто рассказывает о жизни и борьбе Эрнесто Гевары, но и раскрывает многие загадки, связанные с жизнью и смертью.Че, предавая огласке архивные документы, ранее недоступные исследователям.

Биография Эрнесто Че Гевары, принадлежащая перу Пако Игнасио Тайбо II, получила широкое признание и стала мировым бестселлером.



- Пако Игнасио Тайбо II. Гевара по прозвищу Че
  - 1. "Детство - это судьба"
  - 2. Воспоминания о прошлом главного героя.
  - 3. Открытие Латинской Америки.
  - 4. Вход через выход.
  - 5. Америка, или прорыв.
  - 6. Гватемала: момент истины.

- 7. Порты захода.
- 8. «Гранма» черпает воду.
- 9. Кораблекрушение.
- 10. Идти некуда
- 11. Воскресение из мертвых на реке Ла-Плата.
- 12. Казнь
- 13. Картинки в пыли.
- 14. Майор.
- 15. Разногласия.
- 16. Сьерра и равнина.
- 17. Наступление.
- 18. Вторжение.
- 19. Новые горы, новые проблемы.
- 20. Молниеносная волна.
- 21. "Мау-Мау" в Санта-Кларе.
- 22. Первый день революции.
- 23. Долгий январь 1959 года.
- 24. Битва за аграную реформу.
- 25. Не время мечтать в тени пирамид.
- 26. Возвращение.
- 27. "Когда Гевара берется за бизнес, дело всякий раз заканчивается крахом"
- 28. Фабрики и дезодоранты
- 29. Плайя-хирон.
- 30. Уставать некогда.
- 31. Стремление сбивать самолеты.
- 32. Даже Че не всегда мог соответсвовать образу Че.
- 33. 1964: основа революции.
- 34. Снова латинская америка.
- 35. Повторное открытие Африки.
- 36. "Моя скромная помощь требуется в других странах".
- 37. Тату - номер 3.
- 38. Ожидание.
- 39. Разгром на Фронте-Де-Форс.
- 40. Вездесущий призрак.
- 41. Пессимистичный оптимист.
- 42. Последние дни ноября.
- 43. Дар-эс-Салам
- 44. Прага: холод и одиночество.
- 45. Корабли сожжены.
- 46. "Сегодня начинается следующий этап".
- 47. Зверский поход.
- 48. Бои.

- 49. Иностранное вмешательство и гибель друзей
- 50. Истребление арьегарда
- 51. “Выбраться отсюда и найти более подходящие зоны”
- 52. Ущелье Юро.
- 53. Плен.
- 54. Восемнадцать часов в Ла - Игуэре.
- 55. Исчезнувший труп.
- 56. Множество часов майора Гевары.
- 57. Сомнительные дневники
- 58. “Проклятие” Че
- 59. Образы и призраки.

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31

- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24

Пако Игнасио Тайбо II. Гевара по прозвищу Че

1. "Детство - это судьба"

Фотография, сделанная в 1929 году в Карагватау, провинция Мисьонес, что на северо-востоке Аргентины, запечатлела четырнадцатимесячного Эрнесто Гевару. Он держит в руках маленькую чашечку (возможно, для мате), на нем маленькое белое пальтишко, и ужасного вида филиппинская кепка в колониальном стиле.

Эта одежда была первым из тех бедствий, которые портные всю жизнь устраивали Эрнесто. “Детство — это судьба”, — высказался мексиканский физиолог Сантьяго Рамирес; впечатления, которые получает индивидуум в начальный период развития сознания, формируют его действия в будущем. Был ли Рамирес прав, или же детство просто случайность, всего-навсего предыстория человека, чей характер будет порожден его собственной волей и самоопределением?

Если детство — это судьба, то оказывается совсем непросто интерпретировать символы будущего. Есть фотография 1932 года, запечатлевшая Эрнесто верхом на ослике. Нашему герою четыре года. Он сидит очень прямо и всем своим видом показывает любовь к этому ослику - не ко всем ослам, мулам, лошадям и другим четвероногим, способным ходить под седлом, ту привязанность, которая сохранилась у него на всю жизнь. И если детство и впрямь есть судьба, то, значит, не случайно двадцатью пятью годами позже в разгар авиационного налета командующий колонной № 4 кубинских повстанцев, некий Гевара, известный по прозвищу Че, ехал верхом на осле по имени Баланса, Он глядит в фотокамеру с том же самым озадаченным выражением, что и маленький мальчик: “С какой стати история интересуется мною, когда осел заслуживает этого больше?”

Ослик — предшественник тех прекрасных мулов, что появляется во время вторжения на запад Кубы, и даже маленькой боливийской лошадки, которую он очень любил, но, в конце концов, был вынужден съесть. Вполне вероятно, что Эрнесто Гевара оказался последним из витязей, выезжавших верхом на коне (или муле, или осле — это не имеет никакого значения для человека, всегда готового посмеяться над собою), которые упоминались в латиноамериканских героических преданиях.

В скрытом дымкой отдаленности прошлом среди предков Гевары имелся даже вице-король Новой Испании, Дон Педро Кастро-и-Фигероа; впрочем, его правление в середине восемнадцатого столетия продолжалось всего-навсего год и пять дней. Он имел сына по имени Хоакин, который сбежал вместе с

женой в Луизиану. Потомки Хоакина оказались захвачены золотой лихорадкой в Сан-Франциско, а их потомки, в свою очередь, столетием позже обосновались в Аргентине. Во время сан-францисского периода среди предков Че были люди с фантастическими именами: Розаминда Перласка или дядя Горгоно, который разводил рогатый скот и продавал мясо золотоискателям.

Вторая ветвь семейства носила фамилию Линч. Ее можно проследить в Аргентине вплоть до начала восемнадцатого столетия, когда эмигранты из Ирландии прибыли в эту страну. Не отсюда ли те муравьи, что с детства набились в штаны Эрнесто и не позволяли ему сидеть на месте, те крылья, что выросли на его ногах? Так или иначе, они всю жизнь не давали ему покоя.

О ветви Ла Серна можно сказать только, что дедушка Хуан Мартин Ла Серна был в молодости лидером Аргентинской радикальной партии. Его воинственный нрав разделил один из Линчей, двоюродный дед Гильермо, и они оба приняли участие в неудавшейся революции 1890 года.

Так или иначе, но кажется, что чем больше проходило времени, тем меньше симпатий оставалось у Че к людям, о которых он отзывался следующим образом: “мои предки... были членами великой аргентинской скотоводческой олигархии”. Однако ребенком Эрнесто, должно быть, воспринимал подвиги своих бабушки и дедушки на золотых приисках в Сан-Франциско, на скотоводческом поприще, наподобие захватывающего приключения.

Его отец был инженером, он предпринял тысячу различных начинаний и потерпел неудачу в большинстве их. Наиболее известным из его поступков оказался удар, который он нанес по лицу будущего знаменитого писателя Хорхе Луиса Борхеса за то, что последний пожаловался учителю: "Синьор, этот мальчик мешает мне заниматься”. В результате его выставили из Национального колледжа. Эрнесто Гевара Линч был по натуре авантюристом. Студент-архитектор, бросивший учебу ради того, чтобы войти в мир мелкого бизнеса, добился настоящей удачи, как сам признавал, когда женился на Селии Ла Серна, выхватив девушку из-под носа у многочисленных женихов в ее родной Кордове. Селия Ла Серна, мать Че, в молодости благочестивая католичка, склонилась в дальнейшем к либерализму, сохранив при этом часть сильных убеждений своей прежней религии. Одна из её племянниц позднее вспоминала: “Она была первой женщиной, которая ходила с волосами, подстриженными под мальчика, курила и клала ногу на ногу при людях. Она была предводительницей феминисток Буэнос-Айреса”. К моменту

обручения она была еще несовершеннолетней, что послужило причиной разрыва с родителями и вынудило Селию переселяться в дом своей тетки.

Молодые родители Эрнесто были культурными людьми несколько богемного склада, наследниками олигархии, обеспокоенными существующим положением дел. Они чувствовали в олигархии отсутствие жизненных сил и робость и взамен стремились вселить в своих детей вкус к приключениям, страсть к книгам и самообладание — качества, которые через много лет станут девизом Эрнесто младшего.

Сохранилась фотография, сделанная тоже в 1929 году, которая, похоже, говорит об истинной природе человека, обещающего вырасти из этого ребенка. Эрнесто с широко раскрытыми глазами и растрепанными волосами засунул в рот указательный палец и мизинец левой руки и сосредоточенно сосет их, а свободными пальцами, кажется, делает непристойный жест тем, кто на него смотрит.

Первые два года ребенок прожил в Карагватау, где его отец владел плантацией. Селия, младшая сестра Эрнесто, родилась в конце 1929 года, вскоре после переезда семейства в Буэнос-Айрес- Они вели бродячую жизнь, передвигаясь с места на место по мере того, как Эрнесто - старший начинал все новые и новые неудачные деловые предприятия, одно из которых закончилось утратой всего урожая, похищенного с его плантаций.

Когда Эрнесто было около двух лет, его отец снова сорвал свою семью с места — на сей раз в Сан-Исидро, почти на границе с Парагваем. Здесь он сделался одним из совладельцев верфи.Финансовое положение предприятия было не блестящим, но ему удалось поддержать дело.

В своих мемуарах Эрнесто-старший, подобно многим биографам, лишенным предусмотрительности, привел ряд анекдотов, которые должны были подкрепить образ того человека, которым стал его сын. Он, в частности, писал:

"Маленький Эрнесто только-только начал ходить. Мы любили пить мате, вот и посылали его на кухню, примерно метрах в двадцати от дома, чтобы он принес полные стаканы. Между домом и кухней была прорыта небольшая канавка, в которой проходила водосточная труба. Почти всегда маленький мальчик спотыкался там, падал и разливал мате. И каждый раз он раздраженно поднимался, возвращался за новым стаканом, и, споткнувшись о трубу, опять падал. Он снова и снова ходил за мате, “Пока не научился перепрыгивать через канаву”.

Эта сцена, в которой мальчик скачет через канаву, была подобна кольцу кинопленки, которое может год за годом

крутиться, повторяясь, и показывать Эрнесто его решимость, упорство, являющиеся одними из основополагающих черт его характера, его устойчивую веру к важность преодоления препятствий. Можно ли считать, что образ маленького мальчику неполных двух лет от роду предвещал ход будущих событий, или следует считать, что то и другое не связано между собой?

Будучи младенцем, Эрнесто серьезно заболел бронхопневмонией и чудом избежал смерти. Чтобы помочь молодой матери ухаживать за первенцем, из Буэнос-Айреса приехали его тетки Беатрис и Эрсилия. Возникшая тогда глубокая родственная привязанность между Эрнесто и ими сохранилась навсегда.

В мае 1931 года произошла новая неприятность. Маленький Эрнесто вместе с матерью купался в реке и по возвращении домой начал кашлять. Кашель долго не проходил, и доктор диагностировал бронхит. Болезнь не поддавалась лечению, и другой врач решил, что у мальчика хронический астматический бронхит. Наконец, следующий врач определил у него астму, возникшую как осложнение после пневмонии, которую Эрнесто перенес в раннем детстве. Все доктора, к которым обращались родители, в один голос заявляли, что никогда еще не видели ребенка с таким тяжелым случаем астмы. Через много лет сестра Че, Мария, говорила: “Его астма была настолько серьезна, что наши родители пришли в отчаяние. Они думали, что он умрет”. Они проводили дни и ночи у кровати сына, а тот широко раскрывал рот, отчаянно размахивая руками, и задыхался, пытаясь набрать в грудь хоть немного воздуха. Звук его дыхания, как позднее вспоминал дон Эрнесто, был похож на мяуканье кошки. Одно из первых слов, которые мальчик научился говорить, был “укол” именно его он произносил, когда чувствовал приближение очередного приступа.

Когда семейство в 1932 году вернулось в Буэнос-Айрес, причиной этого послужили не только очередные попытки дона Эрнесто проявить деловую активность, но и астма маленького Эрнесто. В Буэнос-Айресе родился третий ребенок, Роберто.

Но, по словам матери, “Эрнесто не мог перенести климата столицы. Его отец постоянно спал, сидя около кровати нашего первенца, чтобы с началом очередного приступа взять Эрнесто на руки и попытаться немного облегчить его страдания”. Отец добавлял: “Я клал его себе на грудь, чтобы ему было легче дышать, так что спать мне удавалось очень мало, если удавалось вообще”.

В 1933 году семейство Гепара, продолжая попытки избавить Эрнесто от астмы, в очередной раз сменило место жительства. На

сей раз они переехали и провинцию Кордова. Но болезнь не отступала, После очередного консилиума было решено испробовать сухой горный климат, и в июне семья перебралась в Альта-Грасию, маленький городок в той же Кордоне, Там состояние Эрнесто. казалось, улучшилось, но от астмы избавиться не удалось; заболевание осталось на всю жизнь. Ему исполнилось пять лет, когда он попал и Альта-Грасию, где прожил до пятнадцати. Там Эрнесто обзавелся друзьями, с которыми был неразлучен на протяжении юности. Самым близким из них был Карлос Феррер по прозвищу Цыганенок, сын доктора, лечившего Эрнесто от астмы.

Так как болезнь не позволяла мальчику регулярно посещать школу, Селия сама учила его читать. Чтобы было легче скоротать бесконечные часы, которые Эрнесто должен был проводить в постели, отец учил его играть в шахматы. Если мальчику поддавались и намеренно проигрывали, Эрнесто выходил из себя. “Я так не играю”, - кричал он.

Еще одна сестра Эрнесто. Ана Мария, родилась в 1934-м.

К девяти годам астма у Эрнесто настолько осложнилась, что гора определяли се как непреодолимый кашель. “Когда он вставал, что приближается приступ, то ложился в кровать и лежал неподвижно, борясь с удушьем, от которого астматики страдают во время кашля, — вспоминал его отец. — По совету докторов, у меня пол рукой всегда был большой баллон с кислородом, так что в самые тяжелые моменты я мог дать мальчику подышать газом. Он не хотел зависеть от этой помощи и пытался терпеть сколько хватало сил, но когда он был уже не в состоянии держаться и его лицо становилось фиолетовым от удушья, он начинал корчиться и указывать на рот, чтобы дать понять, что время наступило. Кислород немедленно приносил ему облегчение”.

И какой же характер начал формироваться под влиянием заболевания? Неотвязная болезнь, чтение книг в постели — это ненормальная жизнь для девятилетнего мальчишки. Именно тогда началась его личная война против ограничений, накладываемых астмой. Он развивал в себе вкус к опасности. Он отправлялся на прогулки без разрешения и играл в утомительные подвижные игры.

Во многом мальчик походил на свою мать — в поиске опасностей и стремлении доходить и жизни до крайности. Сохранилось множество анекдотов насчет того. сколько раз она оказывалась буквально на волосок от того, чтобы утонуть. Эрнесто сам видел, как его мать уносило мощным течением во время купания в реке Паране. Селию, превосходную пловчиху,

опасность просто притягивала. Ее муж, отличавшийся более спокойным характером, говорил, что Эрнесто унаследовал ее стремление противостоять опасности лицом к лицу, но между ними имелось одно важное различие: он предварительно очень тщательно оценивал опасность".

В 1936 году Селия получила запрос из Министерства просвещения: там интересовались, почему мальчик не посещает школу. Родители решили, что наступило время отправить мальчика учиться, благо к тому времени приступы астмы стали реже. Его записали в общедоступную школу, где учились в основном дети малообеспеченных родителей. Его брат вспоминал: “Друзья наших родителей были богатыми людьми, а наши собственные друзья, дети, жившие по соседству, дети крестьян и домохозяек — бедными”.

Астма не позволила Эрнесто стать нормальным учеником. “Более или менее регулярно он посещал только второй и третий классы, — рассказывала его мать. В четвертом, пятом и шестом классах он делал все, что мог; брат и сестра старательно записывали для него в школе домашние задания, чтобы он учился дома”.

Несмотря на болезнь, Эрнесто стал лидером в компании детей, собиравшихся в заднем дворе его дома. Их самым великим подвигом стал поджог зарослей сахарного тростника во время игры.

Эрнесто - старший был занят постройкой здания при поле для гольфа. Его финансовое положение было довольно шатким, и хотя семья Гевара ни разу не осталась без гроша в кармане, она все же испытывала достаточно серьезные материальные затруднения. Гевара являли собой пример буржуазного семейства, попавшего в критическое положение; их основной доход составляла арендная плата за пару земельных участков. Часть денег уходила на оплату помощи по уходу за детьми: Селия не могла управиться со всеми четырьмя. Деньги тратились без остатка — на школу, на одежду, на непомерное количество медикаментов, необходимых Эрнесто.

Его отцу в Альта-Грасии было очень тяжело. Как он сам выразился: “Мне казалось, будто я впал в немилость и оказался в тюрьме. Я не мог выдержать жизни среди больных людей или среди тех, кто ухаживает за ними”. Он ощущал депрессию, его все раздражало. В бедственном положении Селия выказала большую силу духа.

Лето 1936 года семья провела на курорте Мардель-Плата, на побережье океана. Фотографии того отпуска овеяны духом патетики. На одной из них Эрнесто, несомненно страдающий от

приступа астмы, одет в штаны и рубашку. Его окружают дети в купальниках, Селия держит сына за руку, а он опускает ноги вводу, но не может зайти в нее глубже. Один из друзей семейства вспоминал, что тем летом окружающие непрерывно предлагали вернейшие средства от астмы, и Эрнесто покорно выполнял все рекомендации, которые давали его родителям, — спал, обложившись мешками с песком, пил разнообразные виды чая, терпеливо переносил ингаляции и другие способы лечения, “Мы так переживали из-за этой болезни, которая никак не могла отстать от ребенка, — говорил его отец, что испробовали все возможные способы борьбы с нею. Мы следовали советам докторов и шарлатанов. Мы использовали все лекарственные средства отечественного производства, покупали и пробовали любую панацею от астмы, какую только рекламировали в газетах. Как только я слышал о чем-нибудь подобном, например о травяном чае или смеси из сорняков, так сразу же давал средство Эрнесто.

По возвращении в Альта-Грасию в 1937 году Эрнесто, широко раскрыв от удивления глаза, слушал послеобеденные рассказа отца о семейной истории, особенно о дедушке-географе, определившем границы Чако — центральной области Южной Америки, на долю которого во время экспедиции выпали ужасная жара и нападения индейцев, В это же время отец купил радиоприемник. Передачи и газетные известия о гражданской войне в Испании произвели сильное впечатление на девятилетнего Эрнесто. Тогда же в семье стали бывать двое сыновей доктора Агилара, известного испанского республиканца, огда же в семье заместителя премьер-министра, который оказался вынужден покинуть Испанию.

Для Эрнесто борьба Испанской республики с военными мятежниками и фашистами стала личным делом. Он внимательно следил за событиями, отмечая крошечными флажками на карте линию фронта. На заднем дворе он построил макет Мадрида и разыгрывал с друзьями осаду города- Они выкапывали траншеи в земле и устраивали яростные поединки, кидаясь землей, камнями, орехами и палками, Роберто чуть не сломал ему ногу, и Эрнесто хромал несколько дней, но это не помешало ему накрепко заучить имена всех республиканских генералов.

Детство демократично, и Эрнесто, Цыганенок Феррер и дети Фигероа нашли друзей среди детей сторожей в летних виллах. Через несколько десятков лет официант из гостиницы в Альта Грасии вспоминал: “Эрнесто ребенком жил по соседству и предпочитал проводить время с нами, а не с благовоспитанными учениками частных школ”. Горожанин Хуан Мингес говорил:

“Если мы играли в футбол и нас было только пятеро, Эрнесто хотел играть в воротах против оставшихся четырех”. Можно воспринять эти слова как миф о том, как Че становился самим собой, но их подтверждает и друг Гевары Сесар Диас: “Он играл вратарем, потому что не мог много бегать из-за астмы”.

Достоверно известно, что он был очень активен и иногда непричесан. Благодаря упорству он смог наверстать время, потерянное из-за астмы. В течение многих месяцев он занимал второе место на соревнованиях по настольному теннису, которые проводились в местной гостинице. Чемпионом постоянно оказывался Родольфо Руарте. Но однажды Эрнесто сказал Руарте, что на некоторое время откажется от игры. Он тайно построил дома стол для пинг-понга и тренировался на нем в одиночестве, а затем бросил вызов чемпиону — и одержал победу.

По воскресеньям он ходил с отцом заниматься стрельбой. Он научился обращаться с пистолетом в пять лет, и уже тогда пулями разносил кирпичи на части. И еще он читал, все время читал — Жюля Верна, Александра Дюма, Эмилио Сальгари, Роберта Луиса Стивенсона и Мигеля Сервантеса.

В том же 1937 году семья переехала в другой дом, а Эрнесто увлекся маскарадами и переодеваниями. Он был то индейцем, то древним греком, то гаучо, то маркизом. В школьной театральной постановке он изображал боксера. По воспоминаниям его сестры Анны Марии, всё шло очень хорошо, пока на сцене не появилась фея с волшебной палочкой, которая оживила детей, стоявших неподвижно, как полагается куклам, Роберто и Эрнесто были одеты боксерами, фея спросила: "Ну, куклы, что вы умеете делать?”, на что последовал ответ: "Подожди минуточку, и мы тебя удивим". С этими словами мальчики начали боксировать, сначала понарошку, но вскоре Эрнесто нанес младшему брату настоящий удар, и тот вполне реально рухнул на пол. “Учитель поднял крик, но даже волшебная палочка феи не могла остановить братьев”.

Астма между тем не отступала. Эрнесто-старший вспоминал: “Наше отчаяние было так велико, что мы даже пробовали обращаться к знахарю, лечащему больных молитвами и наложением рук. Даже больше того: помню, кто-то сообщил мне, что астматику будет легче, если с ним в постели будет спать кот. Я не стал раздумывать, принес беспризорного кота и посадил его и кровать к сыну. В результате кот задохнулся, а Эрнесто было все так же плохо, Мы сменили набивку матрацев и полушек, вместо хлопчатобумажных простынь взяли нейлоновые, или льняные. Мы убрали из комнат все драпировки и ковры. Мы непрерывно чистили стены от пыли, прогнали со двора собак, кошек и

домашнюю птицу. Но все это оказалось бесполезно, и мы добились лишь разочарования и уныния. Астма оставалась непобедимой, и мы знали только, что обострение может возникнуть из-за чего угодно, в любое время года, при любом режиме питания, а главным результатом всех усилий было твердое знание о том, что полезней всего при его болезни сухая погода и возвышенная местность...- И дыхательные упражнения, особенно при плавании".

Однако выяснилось, что холодная вода вызывает приступы.

В 1939 году, когда Эрнесто было одиннадцать, семья Гевара переселилась о бунгало. В жизнь мальчика вступили новые друзья. Дети Агилара познакомили его с Фернандо Барралем, испанским сиротой, который вместе со своей матерью нашел убежище в Аргентине. Барраль хорошо запомнил Эрнесто. "Должен признать, что и несколько завидовал Эрнесто. Он был решительным, смелым, самоуверенным и, что важнее всего, бесстрашным. Я помню бесстрашие как одну из определяющих черт его характера. Опасность не порождала в нем никакого страха или, по крайней мере, чувства, которое можно назвать этим словом" .

Эрнесто проверял себя. Он мог выпрыгнуть из окна чердака двухэтажного дома, чтобы заставить друзей побледнеть от испуга. Его подруга Долорес Мойано прямо указывала на причины, заставлявшие юного Гевару вести себя так, а не иначе: "Игра Эрнесто со смертью, его вызов опасностям в стиле Хемингуэя не были ни безрассудством, ни хвастовством. Когда он совершал какой-нибудь опасный или запретный поступок, например поедал мел или проходил по верху забора, он делал это, чтобы понять, может ли он справиться, причем как можно лучше, В основе каждого поступка лежало осмысленное отношение к нему, а скрытым поводом был эксперимент".

Годом позже, с началом Второй мировой войны, Эрнесто - старший присоединился к "Аргентинскому действию" — антифашистской организации, сочувствовавшей союзникам. Двенадцатилетний Эрнесто с гордостью показывал друзьям членский билет отца и даже вызвался расследовать проникновение нацистов в среду немцев, живших в районе Альта-Грасии.

Но чтение оставалось главной страстью Эрнесто в ранней юности, в нем он находил облегчение, когда астма сбивала его с ног. Эрнесто - старший говорил, что, "когда Эрнесто исполнилось двенадцать, он уже был начитан как восемнадцатилетний юноша. На его полках лежали высокие стопки приключенческих книг и романов о путешествиях". Много лет спустя Эрнесто в одной из

своих многочисленных записных книжек составил список прочитанных книг, причем к части названий были сделаны комментарии. Он назвал его в Алфавитный каталог прочитанных книг". Под рубрикой в Жюль Верн" были записаны заглавия двадцати трех романов.

В 1942 году, когда Эрнесто исполнилось четырнадцать лет, он был принят в школу "Колегио Насьональ Дин Фунес" в Кордойе. Это была либеральная общедоступная школа, в противоположность частным школам, где учились дети из высших слоев общества. Кордова находится в двадцати милях от Альта-Грасии, и мальчик каждый день ездил в школу на поезде.

В Кордосе он познакомился с братьями Гранадо. Томас был его одноклассником, а Лльберто — на шесть лет старше, Томас, очарованный своим новым другом со стрижкой ежиком и необычной агрессивностью в спортивных состязаниях, представил его своему старшему брату, после чего Эрнесто смог присоединяться к студенческой команде регби. На Альберто, обучавшегося медицине, товарищ младшего брата не произвел такого сильного впечатления. Он заметил у мальчика "одышку, которая указывала на неполадки с дыханием".

Студенты предложили Геваре испытание: он должен был перепрыгивать через ручку от метлы, лежавшую на спинках двух стульев на высоте в четыре фута, приземляясь на плечо. "Бритоголовый" Гевара взялся за дело, и его пришлось остановить, иначе он пробил бы яму в земле- Через несколько дней он начал играть в регби и довольно скоро был принят в команду. Правда, ему подчас приходилось во время игры выходить за боковую линию, чтобы воспользоваться ингалятором. Он носился по полю, расталкивая игроков, и громко кричал: "С дороги, идет Эль Фурибундо — "Фусер" Бешеный Серна!" Это и стало его прозвищем. Он играл так, будто от исхода матча зависела его жизнь, но не позволял игре завладеть своим существом и душой погрузиться в жизнь, рискуя и переступая через наставленные границы, то боролся против астмы.

И так же, со страстным увлечением, продолжал читать. Товарищи по команде часто видели, как он открывал книгу и углублялся в чтение, пользуясь несколькими минутами перед выходом на поле, прямо возле боковой линии поля. или где-нибудь в городе под фонарным столбом. Он вынимал книгу из кармана и переставал замечать окружающее. Он читал много и быстро, но при этом, несомненно, имел какую-то систему. Его план чтения был очень своеобразен. Он очень любил приключенческую литературу, книги о путешествиях, о Латинской Америке, равно как и произведения Орасио Кироги,

Инхеньеро, Пабло Неруды и Джека Лондона. Он читал “Декамерона” Боккаччо, а вскоре после того, как начал заниматься с матерью французским языком, стал читать Бодлера в оригинале. Его очень интересовала психология, он прочел труды Юнга и Адлера. Отец Хосе Агилара, врач, эмигрировавший из Испании, был удивлен, увидев, что подросток читает Фрейда, и сказал детям, что их товарищ веще слишком молод, для того, чтобы изучать великого психоаналитика. Альберто Гранадо долго не мог поверить, что Эрнесто так много читает, но потом они обсуждали произведения Стейнбека и Фолкнера. У Фолкнера им обоим чрезвычайно понравился роман “Святилище”. Где только Бешеный Серна находил время?

“Понимаешь, Миал мой Альберт, при каждом приступе астмы, или же, когда мне приходится сидеть взаперти и вдыхать фимиам, прописанный врачами, я использую эти два или три часа, чтобы прочесть все, что возможно”.

В 1943 году, когда Эрнесто исполнилось пятнадцать, семья переехала в Кордову и поселилась в большом доме. Сестра Эрнесто Селия поступила в школу для девочек. Гевара – старший вступил в дело с местным архитектором. А 18 мая 1943 года родился Хуан Мартин, самый младший из братьев Эрнесто.

Интерес Эрнесто к литературе не ослабевал. Он читал Малларме, Бодлера, Маркса и Энгельса, Гарсиа Лорку, Верлена, Антонио Мачадо. Он открыл для себя Ганди, который произвел на него сильное впечатление. Друзья вспоминали, как он читал наизусть стихи — конечно, Неруды, но также и нескольких испанских поэтов. Одна строфа особенно потрясла его: “Это была ложь / ложь, ставшая печальной правдой, / что его поступь слышали / в Мадриде, которого больше не существует”.

Кубинский писатель Альдо Исидрон, первый биограф Эрнесто, сообщил, что Эрнесто не был типичным аргентинцем: “У него не было музыкального слуха. Он не мог даже узнать мелодию танго. Ему пришлось выучить все па танца”. Чтобы танцевать хотя бы иногда, он спрашивал у друзей, какую играют мелодию — фокстрот или танго. Его кузина Кармен Кордова де ла Серна, которую он называл Ла Негрита (негритяночка), говорила, что “несмотря на отсутствие слуха, ее двоюродный брат стремился танцевать и всегда приглашал самых некрасивых девушек, так что они не ощущали себя забытыми.

В Кордове он лишился Негрины, собаки, которая была у него еще в Альта-Грасии. Местный собаколов, увидев собаку на улице, насыпал ей на спину отраву из цианида, и животное погибло почти сразу же после того, как попыталась зализать раздражение. Эрнесто вместе с друзьями попытался найти убийцу, но тщетно.

Когда план мести рухнул, он устроил похороны Негрины со всеми подобающими атрибутами, включая гроб.

И, конечно, Эрнесто продолжал играть в регби с братьями Гранадо. Его друг Барраль отзывался о Геваре как о самом азартном игроке в команде, хотя он все также постоянно носил с собой на игры ингалятор. Именно тогда он заработал грубое прозвище, которым, впрочем, очень гордился.

“— Меня называли Боровом.

— Потому что вы были жирным?

— Нет, потому что я был грязным”,

Страх перед холодной водой, которая иногда вызывала приступы астмы, породил у Эрнесто неприязнь к личной гигиене.

Отвращение к ванне и душу осталось у него до конца жизни.

В это время у Эрнесто укрепилась не только нелюбовь к умыванию, но также и антимилитаризм. Вскоре после военного переворота он заявил в классе: “Военные не позволят массам получить образование, потому что если бы люди были бы образованны, то они не приняли бы к власти”. Сразу же разгорелись споры, и испуганный учитель удалил Эрнесто из класса.

В конце 1943 года Гранадо оказался в тюрьме как активный участник студенческой забастовки против власти военных, и Эрнесто часто навещал его. Гранадо расспрашивал о том, что говорят его друзья на собраниях. Эрнесто ответил, что не пойдет к ним до тех пор, пока ему не дадут пистолет.

Ни тогда, ни два года спустя он не проявлял особой заинтересованности в политической деятельности, хотя время от времени участвовал в различных акциях. Вместе со своим другом, студенческим лидером Густаво Рокой, он принял участие в демонстрации, которую разогнала полиция. Но миф о подростковой воинственности он опроверг лично: “Подростком я не имел ни малейшего интереса к социальным проблемам и не принимал никаго участия в политическом или студенческом движении в Аргентине”. В 1943 году Эрнесто исполнилось пятнадцать лет, и его лицо утратило мальчишеский вид. Оценки в “Колегио Насьональ Дин Фунес” соответствовали его интересам: очень хорошо” — по литературе, “неудовлетворительно” — по английскому языку, “очень хорошо” — по философии, “неудовлетворительно” — по музыке; “хорошо” — по истории, “посредственно” — по математике и естествознанию.

На следующий год, в очередной попытке навести порядок в хаосе своих знаний, Эрнесто начал составлять философский словарь на основе прочитанного и продолжал это занятие в течение двух лет. Привычка записывать подробности, связанные с

чтением, и делать заметки останется у него на всю жизнь- Время шло, жизненные обстоятельства и новое чтение заставляли его изменить отношение к той или иной книге, и тогда он делал заметки к заметкам. Только человек хаотического склада характера может быть настолько организованным.

24 февраля 1946 года состоялись выборы, утвердившие в качестве президента Хуана Доминго Перона (который фактически исполнял эту обязанность со времени переворота), но Эрнесто по молодости еще не мог принимать участие в голосовании. Он вызвался было поступить на военную службу, но его признали непригодным из-за астмы.

Он закончил “Колегио Насъональ Дин Фунес” и решил учиться на строителя. Почему он не выбрал литературу или психологию, которые, казалось, больше всего интересовали его в юности? Возможно, он развивал в себе практический подход, который был несовместим с его юношескими пристрастиями?

Эрнесто отправился в Буэнос-Айрес, где поселился у Аны, своей бабушки с материнской стороны, и тети Беатрис, с которой всегда был духовно близок. В столице он поступил на строительный факультет университета.

Как представитель небогатого буржуазного семейства, которое не могло позволить себе особой роскоши, он провел каникулы вместе с Томасом Гранадо, обучаясь на техника-лаборанта по механике грунтов. Оба смогли сдать экзамен и были приняты на работу - Эрнесто занимался проектами строительства шоссе и организации общественных работ в маленьких городках между Кордовой и Росарио. Ближе к концу года он писал отцу:

“Босс сказал мне, что я единственный техник-лаборант из всех, кого он знал за десять лет, кто не берет продукты в подарок, он один из двоих-троих, кто не берет взятки. Можно подумать, что я был чересчур придирчив к ним, но я заставил их остановиться и переделать изрядный кусок шоссе”.

Во время борьбы со строителями, которые привыкли облегчать свою работу, подмазывая представителей заказчика и контролеров. он узнал об убийстве Ганди, героя своего детства, и был глубоко опечален. Он решил не возвращаться в университет, а продолжать работать, изучая науки в свободное время. Вот что он писал отцу: “Если я смогу изучить полный университетский курс т. е. инженерные дисциплины, полагающиеся по программе, то останусь на всю зиму, поскольку, по прикидке, я смогу сэкономить 80—100 песо в месяц. Я зарабатываю 200 в месяц, имею жилье, поэтому трачу деньги только на еду и несколько книг для развлечения”.

Но и самые лучшие планы срываются. Бабушка Ана заболела.

Он оставил свой шоссейный департамент и помчался прямиком и Буэнос-Айрес, чтобы ухаживать за ней. У нее случилось кровоизлияние в мозг. и одна сторона тела оказалась парализована. Эрнесто провел следующие семнадцать дней у ее постели, кормил и заботился о ней, пока она не умерла.

Вне всякого сомнения, те долгие дни, что он провел рядом с умирающей любимой бабушкой — так же как, возможно, и его собственный многолетний опыт астматика, привели к изменению прежде избранного направления в жизни. Эрнесто решил оставить строительство и обратиться к медицине. Он начал свой путь заново.{1}

2. Воспоминания о прошлом главного героя.

Анатомический театр на медицинском факультете. Две дюжины студентов, позирующих подле голого распотрошенного трупа, лежащего на столе. Привычка, некрофилия или профессиональный вызов? Некоторые из студентов робко, почти незаметно улыбаются, но большинство сохраняет серьезное благопристойное выражение, как и подобает будущим докторам. Единственный, кто усмехается открыто, почти вызывающе, стоит во втором ряду и почти не виден. Это двадцатилетний Эрнесто Гевара. На фотографии запечатлены три женщины, одна из них — девушка с жестким выражением круглого лица.Возможно, дело в том, что ее глаза немного косят и ей приходится напрягаться, чтобы смотреть вперед. Это Берта Гилда Инфанте; друзья называют ее Тита.

Она вспоминает:

«Мне не раз приходилось слышать его глубокий теплый голос. Звучавшая в нем ирония придавала и ему самому, и всем нам смелости, когда мы оказывались перед чем-то, что могло потрясти даже самых невозмутимых из этих будущих галенов. В его речи улавливался провинциальный акцент. Это был красивый беспечный парень. Его поведение, представлявшее собой смесь застенчивости и надменности, возможно с примесью безрассудства, маскировало глубокий интеллект, жадную жажду понимания и спрятанную в глубине души бесконечную способность к любви».

«Когда я начал изучать медицину, в моем идейном багаже еще не было большинства тех концепций, которые я имею теперь, будучи революционером. Я, как и все другие, хотел достичь успеха. Я мечтал о том, как стану известным исследователем, о том, как неустанной работой добьюсь чего-то такого, что непременно принесет большую пользу человечеству, но в то время это было лишь стремление к личному триумфу. Я, как и все мы, был продуктом окружавшей меня среды».

Казалось, что улыбающийся Гевара в тот, первый, год серьезно относился ко всему происходившему. Марио Парра, секретарь факультета, вспоминал: «Я познакомился с ним после того, как библиотекари упомянули его как лучший пример правильного подхода к занятиям. Во время занятий он ни с кем не разговаривал». Но изучал ли он медицину? Ведь в первый год обучения он записался только на три дисциплины, и получил

далеко не блестящие оценки: «хорошо» по описательной анатомии в апреле «хорошо» по паразитологии в ноябре и всего лишь «удовлетворительно» по эмбриологии в августе. Он явно был на чем-то сосредоточен, а вот объект его интересов далеко не столь очевиден.

Тогда что же он делал в библиотеке? Конечно, читал. Он по психологии и изучал те медицинские дисциплины, которые интересовали его больше, чем курсу, которые он изучал в данное время. А может быть, он проводил столько времени вдали от дома из-за того, что в отношениях между его родителями возникла напряженность?

В 1948 году Гевара переехали в Буэнос-Айрес. Его отец снял небольшой офис на улице Парагвай. Некоторые авторы утверждают, что ссоры между Селией и Эрнесто старшим к тому времени дошли до апогея и семья была на грани распада. Родители достигли компромисса, решившись на полуразвод: Эрнесто - старший должен был жить в своем офисе, но посещать свою семью в чем же было дело?

Те же самые источники говорят, что причина семейных трений заключалась в пристрастии дона Эрнесто к экономическим авантюрам, которые обычно заканчивались провалом. Так это или не так — неизвестно, но достоверно, что Эрнесто-младший проводил куда больше времени в библиотеке медицинского колледжа, чем в своей маленькой и в скромно обставленной комнатушке на улице Арроз.

С белой рубашкой Эрнесто, которая появляется на столь многих его фотографиях того времени, связана история - брат Эрнесто, рассказывал, что эта нейлоновая рубашка носила название «еженедельник», так как раз в неделю ее стирали, причем после стирки ее можно было не гладить — синтетический материал, высыхая, становился ровным. Неопрятная одежда Эрнесто была постоянным предметом обсуждения в нашей семье и среди друзей. Отец говорил, что Эрнесто никогда не носил галстука, а его обычный костюм я на вид очень странным: непарные ботинки, мятые брюки и «еженедельник».

На первом курсе медицинского факультета Гевару вновь посещает любовь к шахматам. Он участвовал в матчах между факультетами и даже сыграл в сеансе одновременной состоявшемся в «Провинсиал - отеле» в Мардель - Плате в знаменитого гроссмейстера Мигуэля Найдорфа. Гроссмейстер выиграл. Медленные, задумчивые шахматы находились в странном контрасте с другой любимой игрой — азартным регби, в которую он не прекращал играть. «Для астматика семьдесят минут беготни в погоне за передачами во время матча регби были

настоящим подвигом», — заметил друг Эрнесто Роберто Аумада. Эрнесто был упорным, мужественным игроком и настолько любил регби, что стал автором и редактором спортивного журнала «Тэкли («Полузащитник»), скрываясь за псевдонимом в китайском стиле Чанг-Чо.

Хуан Мартин, самый младший из братьев Гевара, с нежностью вспоминал о том, как Эрнесто совсем по-отечески заботился о нем. Он прозвал его Пататин (Пушистик), и ребенок восторженно откликался на новое имя. Он смотрел на старшего брата как на великого человека, героя. Эрнесто научил его стишку, в котором рассказывалось о том, как два друга прятались от грозы под деревом и одного из них, носившего на груди медаль Св. Криспина, убило молнией. Когда мальчик с ангельским личиком читал наизусть столь экстравагантно атеистическое стихотворение, дамы бывали просто потрясены.

В 1949 году Эрнесто принял участие в университетской олимпиаде, которая проводилась в Сан-Мигель-де-Тукумане, выступая в соревнованиях по шахматам и легкой атлетике. Кроме того, он, со своим обычным стремлением бросить вызов неизведанному, решил соревноваться в прыжках с шестом. Карлос Фигероа вспоминал; «Когда его спросили, где его шест, он ответил, что рассчитывал, что университет обеспечит его. Ему дали шест, и он прыгнул, впрочем, безрезультатно, так как не имел ни малейшего понятия об этом виде спорта».

Время, пока Эрнесто обучался в университете, было ничем не примечательным. На экзаменах он, как правило, получал «удовлетворительно». Что касается политической жизни, то он держался в стороне от левых групп. Активист Движения коммунистической молодежи, попытавшийся увлечь Эрнесто литературой своей организации, сказал, что «наши отношения были трудными и неприветливыми», и отозвался о нем как о человеке с этическими, но не политическими идеями. Эрнесто часто вступал в жаркие споры с Титой Феррер, членом молодежной коммунистической организации, обвиняя марксистов в том, что те являются косными сектантами. Тита считала, что может объяснить, почему Эрнесто так мало интересовала университетская жизнь: «Мы оба по различным причинам не слишком подходили для обучения медицине. Возможно, он знал, что сможет найти здесь очень немногое из того, к чему стремился». Эрнесто продолжал играть в регби несмотря на предупреждение докторов о том, что это может привести его к заболеванию сердца. Отеи пытался говорить с ним об этом, но Эрнесто отказывался прислушаться к любым доводам. «Да пусть меня хоть разорвет», — говорил он. Отиу удалось лишь

уговорить одного из однокурсников сына бегать с ингалятором неподалеку от кромки поля, чтобы Эрнесто мог время от времени останавливаться и делать несколько вдохов лекарства.

По мере того как 1949 год близился к концу, Эрнесто — а ему нравилось считать себя странником — придумал план велосипедного путешествия. «Я думаю о поездке по провинции Санта-Фе, северной части Кордовы и востоку Мендосы. По пути я буду заниматься некоторыми из моих университетских предметов, так что смогу сдать их».

Приспособив к велосипеду маленький итальянский моторчик «Куччоло», он первого января отправился в путь, к восторгу младших братьев и сестер и тревоге его родителей. Они назвали эту поездку «дурачеством Эрнесто». На фотографии, сделанной рядом с итальянской больницей в Кордове, он сидит на своем велосипеде, одетый в кожаную куртку и большие очки. Задолго до того как Эрнесто стал известен как Че, эта фотография была опубликована в нескольких выпусках журнала «Графиков». Восхищенный Хуан Мартин старательно вырезал их все. «Аргентинский студент-медик Эрнесто Гевара Ла Серна на своем велосипеде с мотором «Куччоло» совершил поездку по республике».

«Выехав до Буэнос-Айреса ночью на 1 января, я был полон сомнений насчет мощности моторчика, который поставил на велосипед, и того, сможет ли он доставить меня целым и невредимым в Илар, конечный пункт моего путешествия. Однако поездка прошла без осложнений. Я много часов крутил педали, время от времени ехал на моторе и устраивал в полдень привалы под деревьями, чтобы заниматься медициной. По мере того как проходили дни, моя слабая плоть стала требовать себе матраца, но дух был крепок, и поездка продолжалась».

Как-то на дороге он встретил бродягу - тот угостил его из фляги мате сомнительного происхождения, а также, вспомнив, что когда-то был парикмахером, подстриг Эрнесто волосы. «Свою стрижку ежиком я продемонстрировал как трофей, когда подъехал к дому Агиларов, чтобы увидеться с моей сестрой Аной Марией».

Сестра отправилась вместе с ним любоваться красивым водопадом в Лос-Чорриллос. («Там я узнал первый закон горных восхождений: подниматься легче, чем спускаться».) В очередной раз, как он делал это с самого детства, он решил поиграть со смертью, и к ужасу друзей, нырнул с обрыва в озерцо глубиной не более двух футов.

29 января он двинулся дальше, направляясь в лепрозорий города Чанар, расположенного невдалеке от Кордовы. Там

работал Альберто, старший из братьев Гранадо. Во время посещения лепрозория будущему доктору пришлось вместе с дипломированным коллегой иметь дело с очень молодой и хорошенькой пациенткой, которая была больна проказой, но отказывалась смириться с диагнозом. Гранадо прикасался горячими и холодными предметами к лишенным чувствительности местам ее спины, но больная могла лишь догадываться, что он делал. Внезапно он воткнул в спину пациентки огромную иглу для инъекций; она не реагировала. Эрнесто пришел в ярость, обозвал Альберто равнодушным и бесчувственным человеком и несколько дней был зол на своего друга. Гранадо пытался объяснить, что это был единственный способ подтвердить диагноз. Эрнесто, казалось, был глубоко задет вызовом десяти заповедям, которые он сам составил: оскорбление достоинства есть непростительный грех. Резкость простительна, а обман — нет.

Через несколько дней Эриесто Гевара продолжил свою поездку. Бродяга, вместе с которым он ночевал в трубе, спросил: «Ты что, действительно тратишь столько сил впустую?»

Молодой Гевара записал в дневнике своего путешествия: «Я понимаю, что нечто, прораставшее во мне в течение некоторого времени, созрело о суматохе городской жизни, и это была ненависть к цивилизации, несуразным образам людей, которые, как сумасшедшие, мечутся, подгоняемые ударами этого ужасного шума».

На дороге он встретился с мотоциклистом, обладателем настоящего мотоцикла, новехонького «Харлей-Дэвидсон», который предложил нашему путешественнику взять его на буксир и подвезти со скоростью пятьдесят-шестьдесят миль в час. Но Эрнесто к тому времени уже знал, что ехать на его машине быстрее двадцати пяти миль очень опасно, и отказался. На следующий день, въезжая в город, он снова увидел этого мотоциклиста — на сей раз мертвого; тот погиб в результате несчастного случая.

В пути Эрнесто не только изучал медицину. Он учился писать. На страницах его дневника начали появляться метафоры; описания стали гораздо ярче, размышления «отшельника» перемежались с тщательно проработанными деталями пейзажа.

Наконец он добрался до Мендосы, где тетя Маруха не узнала его под слоем грязи. Но, поняи в конце концов, что «это» на самом деле ее племянник, они накормила Эрнесто до отвала, постирала его одежду и набила рюкзак булочками. После этого он через Сан-Луис вернулся в Буэнос-Айрес, завершив маршрут протяженностью более 2800 миль.

В октябре 1950 года на свадьбе в доме Гонсалсса Агилара в Кордове Эрнесто встретился с молодой девушкой Марией дель Кармен Феррейра по прозвищу Чичина. «Это была юношеская любовь с первого взгляда», — рассказывал его друг Хосе Гонсалес: Чичина была миловидным подростком с большими глазами, густыми длинными волосами, которые, рассыпаясь, скрывали ее лицо, и множеством поклонников.

Их бурный роман, однако, имел свои проблемы. Эрнесто был Молодым человеком из буржуазного семейства, находившегося в полосе неудач, тогда как семья Чичины относилась к старой олигархии Кордовы. Ее родители владели Малагеньей, поместьем с двумя огромными теннисными кортами, лугом для игры в поло, арабскими скакунами и собственной церковью. Рабочие жили о отдалении от хозяйского дома.

Эрнесто явился туда в рубашке без рукавов и без галстука, и родители Чичины, обнаружив, что отношения между этим молодым человеком и их дочерью весьма серьезны, были не очень обрадованы. «Они смеялись над его вечной нейлоновой рубашкой, которую он стирал прямо на себе в ванне, их удивляло его невнимание к формальному этикету и его запущенный вид, которого я в те глупые молодые годы немного стыдился. Но они внимательно слушали его, когда он говорил о литературе, истории или философии или рассказывал о своих путешествиях», — вспоминал Гонсалес Агилар. Долорес Мояно, двоюродная сестра Чичины, охарактеризовала их роман четко и кратко: «Эрнесто влюбился В принцессу: это было удивительно и неожиданно. Она олицетворяла все то, что он презирал в обществе, как, впрочем, и он для неё. Невозможные отношения... То,. что Эрнесто не обращает никакого внимания на свою одежду, но стремился дать понять, что он находится выше моды, было лдной из любимых тем разговора у наших друзей.

Нужно представлять себе образ мыслей провинциальной олигархии, для того чтобы оценить, насколько удивительную фигуру являл собой Эрнесто». Родственников Чичины, упакованных в английские свитеры, кожаные ботинки и шелковые галстуки, конечно, не мог не смутить нейлоновый «еженедельник» Эрнесто, но стиль Гевары смог превозмочь все. Поэтому когда Эрнесто прибыл на прием, он не выглядел обеспокоенным своей бедностью, не казался задетым богатством остальных присутствующих, а был уравновешен и приятен в обращении. Расстояние, разделявшее влюбленных, помогло им, как ни странно, избежать разногласий, и их отношения расцвели. Одно временно крепла дружба Эрнесто с Титой Инфанте, которая стала его интеллектуальным компаньоном.

В конце 1950 года Эрнесто овладело новое безумие. Вместе со своим другом Карлосом Фигероа он по дешевке приобрел на какой-то обувной фабрике бракованные ботинки, потратив все имевшиеся у обоих деньги. Часть обуви они подобрали по парам и продали с небольшой прибылью, а с оставшейся отправились по городу, разыскивая слепых. Тогда разошлась злая сплетня, утверждавшая, что после того как друзьям удастся наполнить обувные ящики в самом дальнем углу ада, Эрнесто будет до конца жизни донашивать то, что не удалось пристроить.

В поисках хоть каких-нибудь денег Эрнесто в конце 1950 года получил разрешение работать фельдшером на аргентинских торговых судах. В феврале он начал плавать на грузовых судах и нефтеналивных танкерах. В море, во время плавания от порта к порту, где откачивали и заливали нефть, у него было достаточно времени для занятий.

Его отношения с Чичиной ограничивались краткими визитами и перепиской. Он сделал ей предложение и собирался провести медовый месяц в путешествии по Америке в передвижном домике-трейлере. Родители воспротивились, да и сама Чичина оказалась не в восторге от этой идеи. Затем последовали недоразумения, связанные с политикой: Эрнесто и его друга Гонсалеса Агилара обвинили в принадлежности к коммунистической партии, хотя в то время молодой Гевара был еще очень далек от марксизма и пребывал в основном под влиянием Ганди. (Одной из его любимых книг было «Открытие Индии» индийского премьер-министра Джавахарлала Неру.)

Покинув торговый флот, Эрнесто начал работать с Сальвадором Писани, известным врачом, специалистом в области аллергий, который прежде лечил самого Эрнесто. Помимо этого, он вместе с тем же Карлосом Фигероа разработал формулу нового инсектицида, но на этом новое предприятие и закончилось. (Не унаследовал ли он от отца стремления к тем самым рискованным авантюрам в бизнесе, которые у Эрнесто - старшего обычно заканчивались крахом?)

В октябре Эрнесто в очередной раз навестил семейство Гранадо в Кордове. Помогая Альберто ремонтировать его мотоцикл «Ла Подероса[1] II», Эрнесто внезапно сказал:

«- Почему бы нам не поехать в Северную Америку?

- Как?

- На «Подеросе», конечно».

По словам самого Гранадо, идею высказал его младший брат Томас; он же предположил, что Гевара достаточно сумасшедший для того, чтобы поддержать ее. Сам Гранадо утверждал, что Эрнесто, собиравшийся навестить в Кордове Чичину, «принялся

плясать вокруг и вопить, что мы должны заключить нерушимый договор о том, что будем путешествовать вместе.

Обе версии сходятся в том, что Альберто не был удовлетворен своей работой, а Эрнесто к тому времени только что освободился от очередной работы да вдобавок был утомлен учебой, практикой в больницах, экзаменами...

В ноябре Эрнесто работал в клинике Писани с новым гомогенизатором[2]. В своем обычном нетерпении он не захотел дожидаться установки защитного фильтра и заразился. Через два дня у него началась лихорадка с очень высокой температурой, он не мог подняться. После безуспешной попытки скрыть свое состояние он был вынужден просить отца вызвать медсестру с сердечным стимулятором. Эрнесто-старший сразу же пригласил Писани. Оказалось, что у Эрнесто вот-вот могло остановиться сердце. На следующий день он поднялся и, с трудом держась на ногах, отправился сдавать экзамен. Отец говорил, что он был совершенно изможден, Но такого слова не было в словаре Гевары. {2}

3. Открытие Латинской Америки.

Планы путешествия, составленные Эрнесто и Альберто, были немного странноватыми: сначала они должны были отправиться из Кордовы в Буэнос-Айрес, чтобы попрощаться с родителями Эрнесто, затем - на Атлантическое побережье попрощаться с Чичиной, после этого их маршрут лежал на юг к озерами в Чили, откуда они собирались повернуть на север.

В последних числах 1951 года они двинулись в путь. Отъезжая от дома Гранадо после бесконечных прощаний, они чуть не (врезались в трамвай. 4 января оставили Буэнос-Айрес, обменяв кучей взаимных обвинений с родителями. Селия просила Альберто сделать все нужное для того, чтобы Эрнесто вернулся и закончил свое обучение: «Ученая степень никогда не бывает лишней». В это время а экспедицию был завербован еще один доброволец: собака ищейка по кличке Камбэк (по-английски - «вернись»); она села на перегруженном мотоцикле, цепляясь когтями за багаж.

Из Буэнос-Айреса они поехали в Мирамир, маленький купли городок, где Чичина проводила лето вместе со своими. «Эти два дня мы собирались растянуть, как резинку, в восемь, а к сладкой печали расставании примешивался мой неисправимы халитоз[3]... Альберто заметил опасность и уже представлял в одиночестве на американских шоссе, но не стал повышать. Всё это касалось лишь меня и ее».

В конце концов они все же расстались («после того, как мой сходивший слюною компаньон Альберто Гранадо вытащил меня оттуда»). Чичина вручила Эрнесто пятнадцать долларов, чтобы он купил себе купальный костюм, он поклялся, что скорее будет, чем потратит эти деньги на что-нибудь еще, а взамен одарил ей собаку.

16 января мотоциклисты прибыли в Баия-Бланку. В предместье города мотоцикл опрокинулся, они упали, и Эрнесто сильно обжег ногу о цилиндр. Ожог никак не желал нормально заживать. Им пришлось прервать путешествие, и Эрнесто провел некоторое время в больнице Беньямина Сорильи.

14 февраля они наконец пересекли границу с Чили. Правда, предварительно им пришлось выдержать небольшой конфликт с хозяином буксира «Эсмеральда«. Тот согласился перевезти мотоцикл, если Эрнесто и Альберто будут качать трюмные насосы. Эрнесто в это время случился приступ астмы. «Мы расплатились за наш с «Подеросой» проезд потом, лившимся с наших лбов». При выезде из Темуко произошла уже серьезная

авария: «мотоцикл без всякого предупреждения забуксовал» и упал. На сей раз, как ни странно, путешественники остались невредимы, но рама и алюминиевый кожух коробки передач оказались сломаны. Сварка рамы «Подеросы» (Эрнесто тут же переименовал мотоцикл в «Слабака») полностью опустошила карманы обоих.

Пока мотоцикл находился в ремонте, Эрнесто и Альберто присоединились к компании чилийцев и в конце концов отправились с ними в Лаутаро пить вино. Эрнесто так описал это событие:

«Чилийское вино восхитительно, и я пил как черт. Мы пошли на местные танцы... Чрезвычайно дружелюбный механик из гаража попросил меня потанцевать с его женой, так как сам сильно перебрал и был не в состоянии шевелить ногами. Женщина была горячей, раскраснелась от чилийского вина, и я взял ее за руку, чтобы вывести наружу. Она покорно пошла, но быстро поняла, что муж наблюдает за нами, и сказала мне что останется в зале. Она попыталась пнуть меня, а так как я все еще тащил ее, то она споткнулась и шлепнулась на пол. Толпа разъяренных танцоров гналась за нами почти до самого города, а страдания Альберто усугублялись еще и тем, что муж заставил нас заплатить за вес вино».

Гранадо позже рассказывал, что Бешеный Серна совершенно серьезно сказал ему: «Мы должны дать обещание больше не совращать женщин на танцах». Близ Сантьяго мотоцикл скончался - «Прощаешься как с телом старой подруги», - сказал на прощание Гранадо. Потеря средства передвижения означала потерю статуса. Как выразился Эрнесто: «До некоторой степени мы были рыцарями дороги; мы принадлежали к старинной «бродячей» аристократии и имели визитные карточки с безупречными внушительными титулами. Теперь же мы стали просто двумя автостопниками, голосующими до Вальпараисо».

8 марта они пробрались на борт «Сан-Антонио», направлявшегося в Антофагасту, и спрятались в ванной. «Мы провели два с половиной дня в ванных. Всякий раз, когда кто-нибудь пытался открыть дверь, хриплый голос говорил: «Занято!» Затем медоточивый голос вежливо добавлял: «Извините». Когда на горизонте становилось чисто, мы переходили в следующую ванную и повторяли там ответы. Через некоторое время они сдались». Из Антофагасты они направились в шахтерский район. Эрнесто был просто потрясен тем, как британские компании эксплуатировали местных шахтеров. («Величие компаний построено на десяти тысячах тел, покоящихся на кладбище».) Там они встретились с шахтером - коммунистом. Особенно интересно

мнение Эрнесто о нем: «Это вопиющий позор - так угнетать людей. Независимо от того, представляет коллективизм опасность для добропорядочной жизни или не представляет, коммунизм, терзающий его внутренности, есть всего-навсего естественное стремление к чему-то лучшему».

23 марта, проделав с юга на север путь в 2200 миль, они покинули Чили.

Их первые впечатления от Перу были определены усталостью: «Наши рюкзаки, казалось, стали тяжелее в сто раз». Глубокой ночью они подошли к крестьянскому дому. Гости представились, объяснив, что они доктора из Аргентины, и двери гостеприимно распахнулись. «Они из страны Перона и Эвиты, где не е..т индейцев так, как у нас», - сказал крестьянин.

С 24 по 31 марта они неторопливо добирались до Куско, посетив предварительно озеро Титикака. Они ели изредка, как придется, ездили в грузовиках вместе с индейцами и скотиной и своими глазами видели расизм и жестокость, присущие местным жителям.

Мир Куско, сохранившийся со времен инкской цивилизации, взволновал Эрнесто. Описывая свои впечатления в дневнике, он выбирал совершенно невероятные слова, пользовался дикими метафорами, и одновременно эти страницы дневника исполнены лиризма. Куско воскрешал иную жизнь, его улицы были покрыты неосязаемой пылью давно минувшей эпохи. Вне всякого сомнения, из глубины души будущего доктора Гевары рвался на свободу археолог. Но если Куско взволновал его, то Мачу-Пикчу просто потряс. Там он собрал данные, которые года через два использует в статье.

6 апреля они покинули археологические раскопки и направились в лепрозорий Уамбо, который был одной из главных целей поездки. На этом этапе путешествия Эрнесто настиг ужасный приступ; несмотря на две инъекции адреналина, к вечеру ему стало совсем плохо. Они провели ночь в полицейском участке. Простерилизовать шприц должным образом не было возможности, и Гранадо очень боялся, что его друг после укола подхватит столбняк - ведь в этом случае Эрнесто скорее всего умер бы. Но все обошлось, а повторная инъекция позволила купировать приступ. «Завернувшись в одеяло, которое принадлежало полицейскому, находившемуся при исполнении служебных обязанностей, я глядел на дождь и курил одну за другой черные сигареты, которые несколько облегчали мою усталость. Я заснул только после того. как рассвело, привалившись к столбу в коридоре».

Путешественники скитались по стране до конца апреля,

понемногу подрабатывая лечением людей и наблюдая за жестокими порядками, которые были присуши перуанскому обществу. 1 мая они наконец прибыли В Лиму. «Мы завершили одну из наиболее важных стадий поездки; у нас не было ни цента, ни надежды на то, что удастся вскоре добыть хоть одни, но мы были счастливы».

В Лиме они отправились на встречу с доктором Уго Пессе. Этот клиницист, светило в области изучения проказы и марксист по своим убеждениям, особое внимание уделял исследованию и лечению заболеваний беднейших слоев населения, в первую очередь от малярии и проказы. Пессе очень тепло встретил двоих врачей-путешественников, разделявших его интерес к проказе. По его рекомендации Сорайда Боларте, помощница Пессе, убедила строгих салезианских монахинь, управлявших лепрозорием Гия, позволить двум молодым врачам поселиться на несколько дней в больнице.

Они пробыли в Лиме десять дней. На прощание Пессе поинтересовался их мнением о своей последней книге «Широты тишины» («Latitides del Silencio»). Отзыв Эрнесто оказался очень резким. По его словам, описания пейзажей в книге были просто ужасными, а говоря об индейцах, автор был слишком пессимистичен. Тот разозлился: как смел Гевара говорить все это после того, что Пессе сделал для них? Эрнесто ответил, что таково свойство правды: она болезненна. Пессе оставалось лишь согласиться. Два молодых аргентинца унесли с собой благодарные воспоминания о докторе, а также пару костюмов, которые тот дал Эрнесто - парень ходил уже в совершенных отрепьях.

Теперь их путь пролегал к Амазонке. Эрнесто написал в письме родителям: «Если вы в течение года не получите от нас известий, то через год ищите наши засушенные головы в каком-нибудь американском музее, потому что мы собираемся пересечь территорию хиваро[4]».

Во время плавания по перуанской Амазонке на лодке под названием «Сенепа» они дружески общались «без нанесения ущерба», как выразился Гранадо, с раскованной и весьма доступной девушкой (Гевара назвал ее неряхой, что было для него очень сильным выражением), которая с удовольствием слушала их рассказы о путешествии на протяжении бесконечных дней и ночей, когда путников поедом ели москиты. Эрнесто теперь вспоминал о Чичине как каждый вспоминает о ком-то, оставшемся в завершившемся периоде жизни.

В Сан-Пабло, лепрозории, затерянном в глубине джунглей, они давали консультации, ухаживали за пациентами,

осматривали их вместе с докторами, удили рыбу на реке и играли в футбол с прокаженными.

14 июни, вдень Святого Гевары, как Эрнесто называл этот день, ему исполнилось двадцать четыре. «Была большая пьянка». Через три дня он совершил поступок, который принес ему большое удовлетворение: переплыл Амазонку, покрыв, с учетом сноса течением, две с половиной мили. Выйдя на берег, он с трудом смог отдышаться, но был совершенно счастлив.

Друзья достигли колумбийской границы, а оттуда на каноэ добрались до Летисии. Там они повстречали менеджера местной футбольной команды «Индепендьенте спортинг» и убедили его в своих талантах. Было решено, что они в течение неопределенного времени будут работать с командой, а оплату лолучат по результатам. Это была лучшая работа, которую они имели за всю поездку. Два блестящих тренера научили местных игроков персональной опеке противника и за считанные часы достигли потрясающих результатов; для этого понадобился лишь тренировочный матч, в котором каждый защитник действовал против указанного ему нападающего.

Под колеи они сыграли в турнире по кубковой системе, с выбыванием, и выиграли первую игру благодаря голу, забитому Гранадо. Местные болельщики за прекрасный дриблинг переименовали Альберто в Педернериту в честь знаменитого аргентинского футболиста. Эрнесто был превосходным вратарем. Они действительно помогли команде сделать большой шаг вперед, но всё же пришло время уезжать. Заезжих тренеров уговаривали остаться и дальше работать с командой, но они все же вытребовали свой гонорар и улетели в Боготу на военном транспортном самолете.

Их поразило количество вооруженных до зубов полицейских на улицах колумбийской столицы. Теперь они почувствовали, - сколько тяжела была диктатура Лауреано Гомеса. Они ели в студенческой столовой и спали на стульях в больнице.

Однажды ночью Эрнесто, достав маленький перочинный нож, принялся рисовать на земле карту, пытаясь определить подходящий маршрут из Боготы. Случайные полицейские задержали его и конфисковали нож как холодное оружие. Сытые по горло Колумбией и ее полицией, Гевара и Гранадо 14 июля переправились через реку Тачиро и оказались в Венесуэле.

Но из-за высоких цен в Венесуэле им пришлось в Баркисимето пить воду, в то время как окружающие пили пиво. У Эрнесто началось новое обострение астмы. Друзья составили предварительный план своих дальнейших действий. Если Эрнесто удастся с помощью родственника устроиться сопровождать

лошадей в Буэнос-Айрес на грузовом самолете, а Гранаде сможет найти место врача, то путешествие временно закончится. Если же они оба потерпят неудачу, то нужно будет отправиться в Мексику. Но уже к концу первой недели их пребывания в Венесуэле Гранадо нашел работу в лепрозории небольшого городка приблизительно в двадцати милях от Кабо-Бланко, а представитель владельца лошадей, имевшего дела с дядей Эрнесто, легко согласился подождать день-другой, пока Эрнесто получит американскую визу (полет в Аргентину проходил через Майами).

Во время прощальной выпивки с друзьями, которыми они успели обзавестись за несколько дней пребывания в стране, Эрнесто не мог удержаться от спора с журналистом из агентства ЮПИ и, в его лице, с венесуэльским буржуазным образом мыслей. Его заключительное высказывание было достаточно резким: «Я скорее предпочел бы быть неграмотным индейцем, чем американским миллионером».

Эрнесто прилетел из Каракаса в Майами на грузовом самолете, перевозившем скаковых лошадей. Предполагалось, что в Майами они пробудут всего один день, но один из моторов самолета забарахлил. Пассажиру пришлось дожидаться окончания ремонта с единственным долларом в кармане. Он смог найти жилье, убедив хозяев, что вышлет деньги сразу же по возвращении в Аргентину. Он часто посещал библиотеку, жил на однообразной диете, состоявшей только из кофе с молоком, проходил ежедневно по десять миль от своего жилища в центре Майами до океанского побережья и имел неприятности с полицией из-за обшения с неким пуэрториканцем, который дурно отзывался об американском президенте Гарри Трумэне. Тита Инфанте позднее вспоминала, как Эрнесто говорил ей, что «те двадцать дней, которые он провел в Майами, можно считать самыми тяжелыми и неприятными в его жизни, причем не только из-за экономических трудностей, которые ему пришлось перенести».

Когда самолет наконец отремонтировали и Эрнесто вылетел домой, семья, встречавшая его в аэропорту Буэнос-Айреса, видела, как он сошел на землю среди привезенных лошадей. Блудный сын снова был дома. Он похудел и несомненно выглядел повзрослевшим, но лицо его все еще оставалось лицом юноши, почти мальчика. Так ли это было? Закончив переписывать набело свой дневник, Эрнесто отозвался о нем следующим образом: «Человек, написавший эти строки, скончался, вступив вновь на аргентинскую землю... Все эти скитания по нашей «Большой Америке» меня намного сильнее, чем я мог рассчитывать». Хосе

Агиллар подтвердил это мнение и указал на одну черту Эрнесто, которая изменилась особенно сильно: «Мне бросилось в глаза, что после своей первой поездки он приобрел большой интерес к политике».

Насколько большой? К какой политике и к каким ее проявлениям?

Отредактированный дневник того восьмимесячного путешествия завершается страстным и бескомпромиссным кредо:

«Я буду на стороне народа, и я знаю это, потому что и вижу в написанном ночью, что я, эклектичный расчленитель доктрин, догматический психоаналитик, пойду на баррикады и в траншеи, крича, как одержимый, окрашу свое оружие кровью и, обезумев от гнева, перережу горло любому противнику, с которым столкнусь».

Тогда казалось, что это просто слова.{3}

4. Вход через выход.

Начиная с сентября 1952 года Эрнесто работал как безумный, готовясь к экзаменам. Он проводил долгие часы в Национальной библиотеке на улице Родригеса Пеньи в Буэнос-Айресе. Тита Инфанте вспоминала через много лет: «Он был способен остановиться для того, чтобы серьезно обдумать проблемы, которые страстно увлекали его, такие, как проказа, аллергия, нейрофизиология, новейшая психология... И в то же время он мог увлечься разговором на всю ночь накануне экзамена».

В январе 1953-го он в последний раз посетил Малагенью и в последний раз встретился с Чичиной. Какая серьезная трещина прошла к тому времени в их отношениях? Может быть, Эрнесто сделал предложение и получил отказ? А может быть, Чичина не пожелала разделить его безумие? Во всяком случае, разрыв оказался окончательным.

В том же месяце была опубликована научная статья об аллергии, над которой Эрнесто работал в клинике Писани. Его коллеги по этой больнице позже вспоминали самые тривиальные вещи, наподобие тех, о которых говорят в романе, написанном об исчезнувшем человеке - вроде того, как он однажды пришел в клинику, обутый в разные ботинки, оставшиеся от его предприятия по торговле обувью. И читал он что-то странное: книгу по археологии инков, купленную на деньги его тети. Он рассказывал лаборантам грустные анекдоты, исправлял синтаксис своих коллег, флиртовал со своим соавтором Лирией Боссьолеси, которой не то в шутку, не то всерьез предложил отправиться вместе с ним в следующую поездку. Какую поездку? После того как Эрнесто проехал по Аргентине, стало ясно, что следующая поездка состоится обязательно. А потом он открыл для себя Латинскую Америку и теперь бежал от той ограниченной будущности, которая ждала его как врача в Буэнос-Айресе. (Лирия, очень застенчивая девушка, была искренне напугана этим предложением.)

Эрнесто взялся за писательский труд, начав с обработки дневника своей недавней латиноамериканской одиссеи. Он так и назвал книгу - «Дневник путешествия»; впрочем, эта книга так и не была закончена.

Второго апреля он сдал последний экзамен - клиническую неврологию. Через несколько часов он позвонил отцу: «Говорит доктор Гевара».

Вся семья была счастлива. Казалось, что будущее Эрнесто совершенно ясно: он будет работать у Писани. Но тут

последовала фраза: «Папа, я уезжаю в Венесуэлу». Он уезжает к Гранадо в Венесуэлу, где есть шанс устроиться ординатором лепрозория в Майкетии. Родные боялись, что с ним может случиться самое худшее - из-за его астмы, холода на шоссе, поездок на захудалых поездах, голода. Хуже всего было то, что его решение оказалось твердым. Гранадо работал в Венесуэле. «Венесуэлой» могло оказаться что угодно, лишь бы это было подальше от дома. Странник одержал в нем верх.

Пока Эрнесто готовился к отъезду, в дом непрерывно приходила молодежь. Это продолжалось два месяца, пока он собирал деньги, получал свой диплом и лицензию практического врача. На сей раз ему должен был составить компанию его старый друг из Альто-Грасии Цыганенок Феррер.

В прощальном вечере принимала участие вся семья. Селия, сестра Эрнесто, приготовила кэрри. Молодежь танцевала, а Эрнесто, прислонясь к стене, глядел на танцующих. Теперь танцы были для него пустой тратой времени. Пока он так стоял, наблюдая из угла за веселой пирушкой, его мать, Селия, сказала своей племяннице: «Я потеряла его навсегда. Я никогда больше не увижу моего сына Эрнесто». Она была не права, но тот Эрнесто, которого она увидит спустя многие годы, будет совсем другим человеком.

5. Америка, или прорыв.

Холодным серым днем июля 1953 года Эрнесто Гевара Цыганенок Феррер попрощались со своими родными в буэнос-айресском железнодорожном вокзале Ретиро. У путешественников на двоих было меньше семисот долларов.Провожающим запомнилось, как молодой человек, идущий к платформе, внезапно вскинул на спину свой зеленый рюкзак крикнул: «Вот идет солдат для внезапно вскинул на спину свой зеленый рюкзак крикнул: «Вот идет солдат для Америки!» и, почти не оглядывала побежал вслед плавно тронувшемуся с места поезду, ухватился за перила и вскочил в вагон. Родители Эрнесто были встревожены. Теперь, по сверхчеловеческих усилий, которые он приложил для того, чтобы завершить свое высшее образование, он бросил все к черту. Чего он искал? - пытался понять отец. Приключений? Ладно, пусть он солдат для Америки, но все же для которой из многочисленных войн, происходивших в то время на континенте? С собою у них было четырнадцать пакетов - главным образом прощальные подарки и продукты на дорогу. Рикардо Рохо который позднее не раз встретится с нашими авантюристами рассказал Ферреру, каким требованиям должен соответствовать спутник доктора Гевары: «Он должен быть готов к бесконечной ходьбе, презирать любые мысли о состоянии и виде одежды и б всякого недовольства мириться с недостатком денег или даже и полным отсутствием».

Им предстояло пересечь две тысячи миль однообразных пустынных пампасов, для того чтобы попасть в Ла-Пас, крупнейший город Боливии; направиться куда прямым путем у них не было возможности. Они ехали во втором классе в обществе индейцев, работавших на сахарных заводах в Жужуе, но Феррер высказался об этой поездке так: «Мы сидели на местах второго класса, зато с первоклассными людьми».

В Ла-Пасе они сняли обшарпанную комнатушку на Янакоша; там было вбито в стену два гвоздя, на которые они в шали свои вещи. 24 июля Эрнесто написал своим родителям:

«Я рассчитывал месяц поработать врачом на оловянном руднике, а Цыганенок был бы моим ассистентом. Но из этого ничего не получилось (врач, обещавший им эту работу, исчез). Я немного разочарован из-за того, что нельзя остаться здесь: это очень интересная страна, переживающая особенно интересное время. 2 августа вступает в действие аграрная реформа, и по всей стране ожидаются недовольства и бунты... Мы каждый день слышим стрельбу, имеются убитые и раненые. Правительство

почти полностью доказало свою несостоятельность в управлении массами крестьян и шахтеров, правда, последние в известной мере оказывают противодействие, и нет сомнения в том, что Фаланга оппозиционная партия окажется на стороне НРД[5], если то возьмется за оружие».

Даже проницательному молодому аргентинскому доктору с его ненасытным любопытством и почти профессиональными качествами наблюдателя было не просто разглядеть путь, по которому шла боливийская революция. Порой он оценивал ее как попытку, заведомо обреченную на неудачу или предательство со стороны коррумпированных лидеров. А в иные моменты он не мог не восхищаться упорной борьбой, которую вели шахтеры, и столкновениями, в результате которых пострадало две тысячи человек. «Они сражались бесстрашно», - написал он в письме своей давней наперснице Тите Инфанте, Эрнесто сочувствовал аграрной реформе, но не видел никого, кто был бы способен провести ее. Он различал в НРД, побеждающей партии, три крыла: во-первых, продажное правое крыло соглашателей, лидером которого был Эрнан Силес Суасо; затем центр, неуклонно съезжавший вправо, но главе с Виктором Пас Эстенсорро; наконец, левое крыло, которое возглавлял Хуан Лечин, лидер шахтеров, «сам по себе - выскочка, бабник и повеса». Эрнесто чувствовал, что революция может противостоять нападениям извне, но окажется расколотой из-за внутренних разногласий. Но, конечно, он не мог знать, что со временем ему придется столкнуться с этими тремя людьми при совершенно иных обстоятельствах.

Сначала Эрнесто наблюдал и обдумывал происходящее, сидя 6 июля в полных оживленными людьми кафе близ рынка Камачо и с жадностью поедая тропические фрукты, а затем перешел в бар отеля «Сукре палас». Бар оказался удобной точкой для наблюдения за событиями в городе, где непрерывно происходили демонстрации шахтеров и рабочих. «Это была живописная, но незрелая демонстрация. Ее медленное ленивое движение и низкий энтузиазм выдавали недостаток силы и жизнеспособности. Знатоки говорили, что в толпе не было живых шахтерских лиц».

Вместе с Рохо, которого он встретил в доме богатого аргентинца, Эрнесто посетил Министерство сельского хозяйства. Там они увидели выставку, посвященную обработке ДДТ крестьянских посевов зерновых. Ньюфло Чавес, представитель левого крыла НРД, дал им пояснения, представлявшие собой всего лишь изложение тех причин, по которым кампесинос[6] следует посещать музей. Это было слабо завуалированным

оскорблением, и визитеры удалились расстроенными. НРД не была народной партией; это была партия без кадров, лидеры которой, окруженные бюрократическим вакуумом, выкрикивали лозунги в кабаре, в то время как люди за стенами залов формировали вооруженные отряды.

Как-то Феррер попросил Эрнесто, выполнявшего обязанности казначея, дать ему денег, чтобы помыться, на что тот с полной серьезностью ответил, что это бесполезное занятие и что в , первую очередь следует думать о пище, а потом уже о чистоте. Цыганенок продолжал настаивать, и Гевара сказал, что ради ванны ему придется пожертвовать завтраком. Спустя несколько часов чисто вымытый Феррер глотал слюнки, глядя, как Эрнесто пьет кофе с молоком и ест печенье. Правда, вскоре доктор смягчился и поделился с другом завтраком.

По пути из Боливии Эрнесто вновь обратился к своей старой любви - археологии. Он посетил руины в Тихуанако, а затем ИсладельСоль на озере Титикака. Из письма матери: «Я осознал, что у меня как исследователя есть глубоко затаенная мечта, когда нашел на местном кладбище статуэтку женщины размером с мой мизинец».

17 августа они пересекли перуанскую границу в ЮнгуЙо и были задержаны таможенниками, которые старательно проверили их книги и записи о сельском хозяйстве, сделанные в Боливии.

21 августа Эрнесто провел в Куско. Позже он использовал сделанные там фотографии в качестве иллюстраций к статье, описывавшей его первую поездку в Мачу-Пикчу и озаглавленной «Каменная загадка». «Я не знаю, сколько у меня еще будет возможностей восхищаться этим местом, но эти серые курганы, эти лиловые в цветные пики, образующие фон ярко-серым руинам, являются одним из наиболее изумительных зрелищ, которые я могу вообразить».

Археологический энтузиазм Эрнесто оказался чрезмерным для Рохо, который откололся от группы и направился в Лиму. Гевара жадно впитывал впечатления, он стремился увидеть как можно больше древних руин, каждый раз все новые, и каждый раз бывал изумлен. Он описал различие между Гранадо и Ферррром как спутниками по путешествию: один лежал бы в траве и мечтал о женитьбе на инкской принцессе, а другой жаловался бы на собачье дерьмо, в которое он наступал на каждой улице Куско. «Он обоняет не ту неосязаемую, навевающую воспоминания субстанцию, из которой состоит Куско, а запах тушеного мяса и дерьма».

Вторично оказавшись в Мачу-Пикчу, Эрнесто, исполненным эмоций, записал в своем дневнике: «Граждане Латинской

Америки, вы можете еще раз завоевать прошлое». В своей статье Эрнесго будет протестовать против разграбления главных музейных центров и вывоза исследовательских материалов из Латинской Америки и процитирует записку, оставленную в гостинице каким-то американцем; «Мне повезло найти место, где нет рекламы кока-колы».

Зато в Лиме вокруг Эрнесто не витали никакие археологические призраки, так что он был в состоянии разглядеть симптомы ухудшения политической обстановки, которые проявлялись у репрессивной и кровожадной военной диктатуры, возглавляемой Мануэлем Одриа. В письме, написанном позднее, он охарактеризовал политическую атмосферу как «удушение», а правительство оценивал как непопулярное и опирающееся на штыки. Его планы в тот период были неясными. Он сообщил Тите: «Что касается моего будущего, то я очень мало знаю о том, как поступать, о еще меньше о сроках».

26 сентября друзья пересекли границу Эквадора, направившись сначала в Юкильяс, затем в Пуэрто-Бояивар, а оттуда в Гуа-якиль. Там они снова встретились с Рохо. Тот позднее вспоминал, как Эрнесто выиграл спор насчет состояния своего нижнего белья. Он снял его, и удивленным взглядам друзей предстал самостоятельно стоящий предмет неопределимого цвета, покрытый грязью со всех дорог, по которым они странствовали.

Рохо также рассказывал, как он предложил им отправиться в Гватемалу, где начиналась революция, опиравшаяся преимущественно на сельскохозяйственных рабочих. Сам Эрнесто вспоминал об этом событии по-другому: «Наше экономическое положение было весьма плачевным... Все произошло из-за шутки Гуало Гарсии, которого мы встретили в Перу. «Почему бы вам не отправиться с нами в Гватемалу, парни?» Идея была посеяна, и понадобилось лишь немного подтолкнуть меня для того, чтобы решение созрело».

Чтобы оплатить поездку или, по крайней мере, ее начало, они продали часть своего скудного запаса одежды и наконец 24 октября отплыли из Гуаякиля в Панаму.

В Панаме Эрнесто и Гуало Гарсия жили за счет студенческого лидера, Ромуло Эскобара, который пригласил их остановиться в его доме, так как они не могли позволить себе жить в гостинице. Это не было обычное мирное жилище: полиция время от времени арестовывала Эскобара по политическим мотивам. Эрнесто в Дешевом ресторане «Гато Негро» («Черный кот»), который был местом встречи местных студенческих лидеров и поэтов.

Именно в Панаме он дебютировал как журналист: его статья

о Мачу-Пикчу была опубликована в журнале «Сиете».

Наконец они нашли способ переправиться в Коста-Рику, но Эрнесто, не обращавший внимания ни на что, кроме своих прихотей, и не желавший менять планов из-за каких-нибудь затруднений или спешки, сказал, что он не уедет из Панамы до тех пор, пока не увидит английскую королеву, которая должна была прибыть в эту страну с официальным визитом.

Они приехали в Коста-Рику в начале декабря, оставив в Панаме чемоданы, полные книг,которые причинили им столько проблем при пересечении многих других границ. Эскобр, котрому было поручено хранение чемоданов, берег их содержимое в течение многих лет. Первое же письио, написанное Эрнесто в Сан-Хосе, было адресовано его тете Беатрис в Буэнос-Айрес. Тоном охотника за головами, принятым для того, чтобы посильнее напугать своих самых консервативных родственников, он написал, что у него появилась возможность «пройти через владения «Юнайтед Фрут» и еще раз убедиться в том, насколько ужасны эти капиталистические монстры. Я поклялся образом запоздало оплакиваемого старого нашего товарища Сталина, что не успокоюсь до тех пор, пока эти спруты не будут побеждены».

В кафе «Сода Палас» в Сан-Хосе Эрнесто присоединился к группе кубинских изгнанников, которые незадолго до того бросили вызов диктатуре Батисты[7], совершив набег на большие армейские казармы Монкада. Казалось, он скептически относился к рассказам Каликсто Гарсии или Северино Реселя о Фиделе Кастро, молодом адвокате, объединившем цвет почти безоружной молодежи своими рассуждениями на темы морали. «Дурите кого-нибудь другого!» - говорил он.

В конце концов они направились в Гватемалу. Поездка от никарагуанской границы оказалась самой трудной частью путешествия.

Попав в Никарагуа, они уселись, сложа руки, и принялись дожидаться кого-нибудь, кто доставил бы из в Гондурас. И тут появился Рохо. Он восседал в каком-то драндулете в обществе братьев Бебераджи Альенде. Это было приятной неожиданностью. В этом автомобиле они все вместе доехали до Манагуа, столицы Никарагуа, где Эрнесто встретила телеграмма от отца, предлагавшего ему деньги. Эрнесто бал очень недоволен. «Я думаю, что они уже должны были понять, что я не стану просить у них денег, независимо от того, в каком госдарстве нахожусь».

Они выехали в Гватемалу, где братья рассчитывали продать автомобиль, но деньги закончились раньше, так что они принялись продавать его по частям: сначала домкрат, затем фары и все остальное, что удалось сбыть. На том, что осталось, им

предстояло добраться до Гватемалы.

6. Гватемала: момент истины.

В декабре 1953 года Эрнесто написал матери:

«Это единственная заслуживающая внимания страна в Центральной Америке несмотря даже на то, что ее столица не больше, чем Баия-Бланка, и совершенно сонная. Конечно, все режимы теряют что-то из своего облика, когда встретишься с ними вплотную; здесь, будто специально для того, чтобы подтвердить правило, видишь произвол и грабежи, но здесь же существует реальная атмосфера демократии и сотрудничества, возникшая благодаря иностранцам, которые по тем или иным причинам бросили здесь якорь».

Место, чтобы бросить якорь? Надолго ли? В Гватемале, стране, сотрясаемой переменами, которые осуществляло либеральное народное правительство под руководством президента Хакобо Арбенса, находившегося на ножах с американскими монополиями?

20 декабря, через несколько дней после прибытия в город Гватемалу, столицу этого государства, Эрнесто отправился на встречу с перуанкой по имени Ильда Гадеа, одной из неисчерпаемого списка латиноамериканских изгнанников, которыми изобиловал город, чтобы выяснить, не может ли она помочь им найти недорогое жилье. Вот как Ильда описывает свою первую встречу с этими двумя молодыми людьми:

«Им было примерно по двадцать пять — двадцать шесть лет, на вид они были худощавыми и более рослыми, чем большинство обитателей нашей части мира — что-то около пяти футов и девяти-десяти дюймов. Гевара, очень незагорелый и бледный, с каштановыми волосами, большими выразительными глазами, коротким носом, правильными чертами лица, казался в целом очень красивым... У него был чуть хрипловатый, очень мужественный голос, которого трудно было ожидать, судя по его довольно слабому сложению. Двигался он быстро и ловко, но при этом казалось, что он всегда спокоен. Я обратила внимание, что у него умный и проницательный взгляд и что его замечания очень остры. ...Он произвел на меня впечатление немного тщеславного и самодовольного человека... Позже я узнала, что обращение за помощью смущало Гевару, что он страдал от приступа астмы и поэтому был вынужден напрягать грудь, чтобы иметь возможность дышать... Как и многие латиноамериканцы, я настороженно относилась к аргентинцам».

Доброжелательное описание Ильды умалчивает о том, что Эрнесто был обут а ветхие, донельзя изношенные ботинки и имел

одну-единственную рубаху, выбивавшуюся из-за пояса.

По совету Ильды Эрнесто, Гуало и Рохо переселились в ночлежку на Пятой улице.

Через несколько дней Эрнесто навестил коммерческий атташе аргентинского посольства, которому было суждено сыграть решающую роль в его жизни: он записал Гевару в штат в качестве своего помощника, а позднее предоставил ему безопасное убежище. Через три дня после первой встречи, во время которой Гевара мучился от астмы, благодарные аргентинцы посетили Ильду в ее пансионате. Ильда, конечно, не могла при первых встречах произвести на Эрнесто слишком сильное впечатление. Это была маленькая пухленькая интеллектуалка двадцати семи лет, на два года старше Гевары. От своей бабушки-индианки она унаследовала раскосые, как у азиатов, глаза. У нее было интересное политическое прошлое: диктатура генерала Мануэля Одрии выслали ее из Перу за активное участие в деятельности Американского народно-революционного альянса (АНРА), а в Гватемале она работала в правительственном агентстве, оказывавшем поддержку кооперативам и мелким фермерам. Одна из коллег Ильды, Мирна Торрес, оказалась больше увлечена вновь прибывшими и записала в своем дневнике 27 декабря: «Я встретила очень привлекательного аргентинского мальчика».

Тем временем Эрнесто наконец-то настигли те испытания и беды, которых, казалось бы, удалось избегать во время путешествия, и приступы астмы стали очень серьезными. Но мучения, однако, не помешали ему броситься на поиски работы. Через несколько дней после прибытия он написал матери:

«Сейчас я выясняю, смогу ли получить работу в лепрозории за 250 кетцалей1 со свободными вечерами, но пока что нет ничего определенного. Тем не менее я, конечно, так или иначе устроюсь, поскольку люди здесь доброжелательные, а докторов не хватает».

К группе изгнанников присоединился Гарольд Уайт, высокий, тощий седовласый американец лет пятидесяти, профессор философии («Я увлечен светскими беседами с гринго[8] , который не знает ни слова по-испански; так что мы создали наш собственный язык и творим совершенные чудеся. Одни говорят, что этот гринго оказался в изгнании не по своей воле, так как его преследовало ФБР, другие говорят, что он — агент ФБР. Достоверно то, что он пишет неистовые антиамериканские статьи и читает Гегеля, так что я не знаю, за какую команду он играет».) Другой новичок, Ньико Лопес, высокий неопрятный кубинец с курчавыми нечесаными волосами, был на четыре года моложе

Эрнесто. Сын испанских иммигрантов, он бросил школу, организовал повстанческую группу, называвшую себя «Нищие», и 26 июля, одновременно со штурмом казарм Монкада, совершил налет на казармы Баямо на Кубе.

«Я чувствую себя мелким, когда слышу, как кубинцы с бесстрастными лицами делают высокопарные заявления! Я могу составлять речи, которые будут в десять раз убедительнее и не так насыщены банальностями; я могу лучше произносить их и убеждать аудиторию в том, что я говорю истину, но я не могу убедить даже сам себя, тогда как кубинцы действуют. Говоря в микрофон, Ньико вкладывал туда свое сердце и потому смог пробить даже такого скептика, как я».

Спустя несколько дней в группу влилось еще несколько кубинских беглецов. У них было очень плохо с деньгами, и потому они обратились к Эрнесто с просьбой о бесплатном лечении. И в это время он под влиянием изгнанников сменил круг своего чтения. Сначала это произошло после первых бесед с Уайтом (проводившихся сначала с помощью Мирны, выступавшей в качестве переводчицы, а затем на их странном искусственном языке). Эрнесто начал разговор, защищая Фрейда, а закончил чтением Павлова. С Ильдой они беседовали о Сартре, которым оба восхищались. Ильда дала Эрнесто книги Мао Цзэдуна. Первые споры возникли неожиданно. Эрнесто сцепился с Рохо, который казался ему слишком умеренным. Как казалось Эрнесто, перемены в Латинской Америке не могли произойти через половинчатые реформы; революция должна была быть насильственной. Ильда попыталась успокоить его, он в ответ вэорвался: «И пусть никто не пытается успокоить меня!», но затем оправдывался: «Толстяк разозлил меня».

В начале января Эрнесто в письме своей тете Беатрис подпел первые итоги:

«Это страна, где можно глубоко вдохнуть и легкие окажутся заполненными демократией. Компания « Юнайтед фрут» утверждает или не утверждает чуть не каждую бумагу, с которыми я, если бы был Арбенсом, разобрался бы к пять минут, и это позор, но даже из этого можно понять, что они желают сказать, какую картину рисуют — то, что хотят увидеть в США: что это логово коммунистов, воров, предателей и т. д. Я не стану утверждать, что это страна изобилия, вовсе нет, но здесь есть возможность честно работать, и, если мне удастся избежать некоторых раздражающих бюрократических проволочек, я останусь здесь на некоторое время».

Ссыльный венесуэльский врач устроил Эрнесто встречу с министром здравоохранения, который сказал, что если он хочет

заняться медицинской практикой, то должен пройти годичный курс повышения квалификации и местном университете.

Шайка кубинских проходимцев предложила Эрнесто способ добыть денег, занявшись своеобразным бизнесом: продажей картин с изображением Христа, творящего чудо. Изображения, напечатанные на оловянной фольге, были смонтированы в деревянных коробках и особым образом подсвечены. «В настоящее время я торгую на улицах хорошенькими картинками Господа Эскипульского, черного Христа, творящего всевозможные чудеса... У меня уже образовался богатый запас сказок о чудесах Христовых, и постоянно добавляются новые». Но уличная торговля, похоже, не слишком удавалась небольшой компании атеистов: Че мечтал о еде; в ночлежке его «морили голодом».

Пошел второй месяц пребывания Эрнесто в Гватемале. Политическая ситуация обострялась, возрастала опасность переворота. Было раскрыто несколько военных заговоров, организованных при поддержке «Юнайтед фрут». Тем временем Эрнесто вступил и общение с гватемальскими левыми. Во вторую субботу февраля он встретился с Альфонсо Бауэром, председателем Национального аграрного банка и членом политического комитета коалиции партий, поддерживающих Арбенса, в его бунгало. Эрнесто критиковал раздоры и сектантство среди партий, принадлежащих к фронту, который поддержал Арбенса. Он считал, что они были слишком доверчивы, и полагал, что истинное народное сопротивление не было организовано.

Вскоре после этого Эрнесто принял участие в первом фестивале Демократического молодежного альянса, празднике под открытым небом, включавшем в себя спортивные, политические и культурные мероприятия. Там он познакомился с Карлосом Мануэлем Пельесером, депутатом конгресса от Гватемальской коммунистической партии, который произвел на него отвратительное впечатление: «Он типичный представитель бюрократии, находящейся у власти». Но 5 февраля Эрнесто написал своей матери:

«Моя позиция никоим образом не является дилетантской — один разговоры и ничего больше; я решил разделить судьбу гватемальского правительства, а также ГРП Гватемальской рабочей партии, которая является коммунистической. Я также наладил контакт с интеллектуалами, которые издают здесь журнал, и работал как врач с союзами. Из-за этого у меня возник конфликт с Хирургической коллегией, которая является полностью реакционной».

В то время это были лишь добрые намерения, высказанные

от.всей души. Эрнесто, вероятно, сочувствовал гватемальским левым, хотя был не более чем наблюдателем, стоявшим в стороне от процесса. Он мог лишь стремиться присоединиться к нему, но и только. Его врачебная работа с союзами была всего лишь предложением, которое ему сделали, но оно не привело ни к чему. Эрнесто, конечно, вступил в конфликт с явно реакционной Хирургической коллегией, представлявшей собой закрытую корпорацию с соответствующим образом мыслей, однако очень сомнительно, чтобы ненависть молодого доктора Гевары смогла нанести этому бюрократическому учреждению хоть малейший ущерб... Несмотря на все свои добрые намерения, Эрнесто все еще был посторонним, и Латинска Америка — даже Аргентина — была для него только подготовительным классом, наукой, которую нужно было изучать.

Положение в Гватемале становилось все напряженнее, и Эрнесто решил на всякий случай не торопиться с решением. У отца Он Узнал адрес одного из его старых друзей в Мексике, кинорежиссера по имени Улисес Петит де Мюрат. К концу февраля Эрнесто подвел итог своему не слишком прочному финансовому положению:

«Один песо в день за уроки английского языка (испанского, я хочу сказать), которые я даю гринго, и 30 песо в месяц за помощь о работе над книгой по географии, которую пишет местный экономист. Помощь означает перепечатку на машинке и обработку данных. Итого 50, и если принять во внимание, что моя еда и кров стоят 45, что я не хожу в кино и не нуждаюсь в медицинском обслуживании, то этого больше чем достаточно».

Несмотря на этот «обильный» доход, Эрнесто задолжал за жилье за два месяца. Он сводил концы с концами, найдя работу по рисованию уличных реклам. Между тем «кажется, что лучшая из возможностей никак не оправдается, так как члены кооператива не очень-то стремятся платить доктору». Отношения Эрнесто с Ильдой Гадеа становились все лучше под воздействием присущей обоим интеллектуальной пытливости. У них обнаружились общие интересы в поэзии; она дала ему книгу Сесара Вальехо, а Эрнесто ей — Хуана де Ибарбуру. Ильда познакомила его с творчеством Леона Фелипе и Уолта Уитмена. Выяснилось, что они оба без ума от киплинговского стихотворения «Если...». Когда разговор зашел о прозе, Эрнесто рассказал ей о романах «Шкура» Курцио Малапарте и «Мамита Юнай» Карлоса Фальяса. Она помогла перевести книгу Уайта и одолжила спою пишущую машинку. Все это сопровождалось долгими и увлекательными спорами о марксизме, в ходе которых Эрнесто упрекал Ильду за то, что она тратит впустую время,

пытаясь активно работать в либеральной народной партии, такой, как АНРА. Ее лидер Виктор Рауль Айя де ла Торре прибыл в Гватемалу и произвел на доктора Гевару негативное впечатление. Так или иначе, у Эрнесто и Ильды обнаружилось нечто родственное в отношении к умственным занятиям; они вели долгие беседы и порой целыми днями гуляли за городом.

Однажды, когда они отправились в Сакатепекес, чтобы посмотреть сельский праздник, то сильно задержались, и не знали, как вернуться в город. Ильда очень беспокоилась, что придется там же заночевать: «Что подумают в моем пансионе?» Эрнесто все же удалось найти возможность доставить ее в столицу. С какой стороны ни взглянуть, это было интеллектуальное и притом весьма консервативное общение.

Примерно в это же время Эрнесто сделал Ильде формально предложение. Он рассказал ей, что у него была интрижка с медсестрой в больнице, где он время от времени бесплатно работал, но он совершенно вольная птица. Ильда была встревожена и предпочла не разговаривать на эту тему.

К апрелю с жильем у Эрнесто стало совсем плохо, так что ему пришлось отправиться в общежитие кубинцев, где он спал вместе с ними на полу. В конце концов ему сообщили, что поданное заявление о приеме на работу в области Петен отклонено.

В написанных позднее мемуарах и Рикардо Рохо и Ильда голос утверждали, что Эрнесто не получил работу потому, что отказался вступить в Гватемальскую коммунистическую партию (ГКП), что было условием приема. Ильда вспоминала также, как возмущенный Эрнесто заявил Херберту Цейссигу, молодому коммунисту, что он «может и решил бы вступить в ГКП, но не ради того, чтобы получить работу». Безнравственность и оппортунизм вызывали у него отвращение. Гватемальская виза Эрнесто кончалась, и он решил покинуть страну, чтобы вскоре вернуться туда. Ильде он сказал: «До свидания, она была уверена, что он никогда больше туда не приедет, что его бродяжий дух окажется сильнее, чем интерес к Гватемале. Эрнесто оставил ей на хранение свои вещи и обещание извратиться.

Он направился и Сальвадор, соседнюю с юга страну, проделав «полпути пешком, а полпути автостопом». При переходе границы сальвадорская полиция конфисковала некоторые из его книг. В Сальвадоре он был в основном занят разговорами об аграрной реформе и чтением стихов случайным знакомым. К счастью, за этим не последовало значительных неприятностей, если не считать совета больше говорить о поэзии и меньше о политике. Неделей позже он снова был в Гватемале и рассказывал друзьям, насколько ужасна ситуация в Сальвадоре, как власти на деньги

владельцев плантаций создавали вооруженные банды, и делился опытом общения с полицией.

В письме матери Эрнесто воодушевлено рассказывал о руинах городов майя, которые посетил, но отрицал самую мысль о чтобы стать археологом: «Кажется несколько парадоксальным сделать главной целью своей жизни исследование чего-то, давно уже умершего и не влияющего на жизнь». Он подтвердил, что его практически устремления сосредоточены на чем-то вроде генетики, но единственное, в чем казался уверенным, было то, что «Латинская Америка явится сценой моих приключений, куда важных, чем я мог бы представить; я действительно думаю, приехал для того, чтобы понять эту землю, и я со всей определенностью чувствую, что латиноамериканцы отличаются от всех остальных жителей Земли».

Интересно, что только в этом письме он впервые называет имя Ильды своим родным (Эрнесто, скромник, рассказывавший в своих письмах обо всем, кроме любовных интрижек!): «Я при любой возможности пью мате и веду бесконечные дискуссии с товарищем Ильдой Гадеа, сторонницей АНРА, которую я со своей обычной деликатностью пытаюсь убедить расстаться с этой дерьмовой партией. Как-никак, у нее золотое сердце, и она помогает мне во всех перипетиях повседневной жизни (начиная с поисков жилья)».

Спустя много лет отец Эрнесто нашел в старых бумагах сына черновик статьи о Гватемале, написанный в том апреле и озаглавленный «Дилемма Гватемалы», проект, в котором Эрнесто дал краткую характеристику напряженной гватемальской ситуации. Окончание этих записок стоит здесь привести, так как из него видно, о чем он тогда думал: «Пришла пора, когда нужно большой дубинке противопоставить другую большую дубинку, а если уж придет время умереть, то лучше сделать это как Сандино, а не как Асана Мануэль Асана-и-Диас, президент побежденной республиканской Испании».

15 мая началась последняя глава неосуществленной гватемальской революции. ЦРУ, за спиной которого стояла компания «Юнайтед фрут», готовило государственный переворот, и когда в страну прибыло судно с грузом чехословацкого оружия — из-за американской блокады правительство Арбенса не могло купить оружия больше нигде — это послужило предлогом для осуществления плана. Небольшая армия наемников во главе с полковником Кольосом Кастильо Армасом, дожидавшаяся своего часа на гондурасской границе, вступила в действие. Наемников вооружило и финансировало ЦРУ, их снабжение осуществлялось самолетами, летавшими из Никарагуа, в которой к тому времени

утвердилась диктатура Анастасио Сомосы.

Вступление частной армии Кастильо в Гватемалу сопровождалось ожесточенной пропагандистской обработкой гражданского населения, начатой заблаговременно. Двумя днями позже Эрнесто написал матери: «Два дня назад самолет обстрелял из пулемета бедные предместья города; погибла двухлетняя девочка. Этот случай заставил всех сплотиться вокруг правительства, в том числе и таких пришельцев-попутчиков, как я».

Сначала он был настроен оптимистически: «Арбенс смелый парень... Дух у людей очень высок... Я уже подрядился оказывать неотложную медицинскую помощь и вместе с молодежными бригадами занимаюсь военной подготовкой, чтобы делать все то, что окажется необходимым». Это правда. Еще через несколько дней Эрнесто отправился в штаб бригады Аугусто Сесара Сандино, место встречи центральноамериканцев — сторонников левой ориентации. Там он беседовал с Родольфо Ромеро, командиром никарагуанской бригады, и вызвался участвовать в караульной службе

Ромеро рассказывал:

«Я дал ему одну из чешских винтовок гватемальской армии, а он спросил меня: «Как ею пользоваться?» Я быстро показал ему, как се разбирать и собирать в полевых условиях, и в первую ночь, во время затемнения, поставил его на самое высокое место в здании, где он с двух до шести утра нес свой первый караул».

Вскоре Эрнесто формально завербовался в бригаду как санитар. Атмосфера становилась все более и более напряженной. Затемненный город бомбили каждую ночь.

Это была странная война, в которой слухи и дезинформация были куда важнее фактов, война радиоволн, согласно которым колонны полковника Кастильо, на самом деле заблокированные и пребывавшие в неподвижности, «продвигались» к столице Гватемалы; война давления со стороны американского посольства, духовенства, офицеров и чиновников, не желавших бороться, война нападений на торговые суда... На самом деле к концу нюня гватемальская армии сумела остановить маленькую группу наемников, но всё время распускались слухи о том, что те продолжают наступление. Бомбежки стали еще ожесточеннее и осуществлялись совершенно безнаказанно.

Эрнесто считал, что наемников можно остановить, если вооружить население. «И даже если город всё же падет, борьбу можно продолжить в горах». Он предлагал — так же, как и многие другие молодые активисты из различных левых групп — направить к границе с Гондурасом бригады добровольцев.

В конце концов Арбенс приказал раздать оружие населению, но его собственные армейские командиры отказались выполнить это распоряжение. Регулярная армия не хотела сражаться. В вооруженных столкновениях погибло лишь пятнадцать человек, и двадцать пять были ранены; большую часть жертв гватемальской Контрреволюции составляло гражданское население, пострадавшее во время бомбежек.

27 нюня по требованию американского посольства военные низложили Арбенса. В тот день по радио прозвучал грустный голос свергнутого президента: «Когда-нибудь темные силы, которые угнетают и топчут колониальный мир, будут разбиты...» Арбенс нашел убежище в мексиканском посольстве.

Эрнесто. встретившись с Ильдой, сказал, что направляется в Мексику, и повторно предложил выйти за него замуж. Но Ильда продолжала колебаться. Спустя несколько часов город оказался в руках военного временного правительства, которое в течение нескольких дней передало власть лидерам удавшегося переворота. Для безопасности и Ильда, и Эрнесто сменили место жительства. Среди поклонников Гевары ходит легенда о том, что Эрнесто провел неделю после свержения Арбенса, отчаянно помогая изгнанникам найти убежище в посольствах и укрывая оружие в домах молодых демократических активистов. Долорес Мойано позже вспоминала, как Эрнесто провел три бессонных дня и ночи среди городских бригад; другие источники говорят о сумасшедшем аргентинце, организовывавшем безнадежное сопротивление. В те ужасные дни, когда большинство заботилось только о себе, Эрнесто, несомненно участвовал в каких-то незначительных акциях с группой бойцов. Они пытались что-то делать на свой страх и риск, невзирая на хаос, увлекший за собой партии, к которым они принадлежали. И он наверняка так или иначе участвовал в сопротивлении. Но очевидно, всё это тогда было бесполезным: ведь в общем и в целом сделать уже ничего было нельзя. Однако эти действия обязательно должны были вызвать интерес всяческих доносчиков и полиции. И наконец, всем было ясно, что иностранцы станут объектом пристального внимания со стороны карательных органон и лидеров военного перепорота. Поэтому Эрнесто прислушался к совету Санчеса Торансо, одного из своих друзей, который снабжал его мате, и укрылся в аргентин- ском посольстве. Именно там он встретил двоих кубинцев — Марио Далмау и Умберто Пинеду, приятеля Мирны Торрес.

Вскоре была задержана Ильда, попытавшаяся забрать из своего прежнего жилища что-нибудь из одежды. На первом же допросе ее спрашивали про доктора Гевару, а потом заключили в

женской тюрьме. Узнав эти новости, Эрнесто хотел сдаться властям с условием, что Ильду выпустят, но друзья остановили его.

4 июля он написал матери: «Мама, все, что здесь случилось, похоже на какой-то удивительный сов... Измена — вот наследство армии... Арбенс оказался не на высоте обстоятельств, а военные наложили в штаны», А закончил он письмо признанием, которое, даже если не вдаваться в его содержание, рисует этого авантюриста-наблюдателя совсем с другой стороны:

«Я немного стыжусь признаться, что на самом деле в те дни замечательно проводил время. Это волшебное чувство неуязвимости... заставляло меня буквально корчиться от восхищения, когда я видел людей, убегавших как ненормальные от налетающего самолета, или же ночью, во время затемнения, когда в городе гремели орудия. Между прочим, могу сообщить тебе, что осветительные бомбы являют собой очень внушительное зрелище».

Далее следовали его первые впечатления от нового режима:

«Если хочешь узнать, что я думаю об ориентации этого правительства, я сообщу пару деталей. Один из первых городов, взятых захватчиками, принадлежал «Юнайтед фрут», а служащие там бастовали. Сразу же по приходе наемников забастовка была немедленно прекращена, рабочих отвели на кладбище и убили — их закидали гранатами».

Хотя Эрнесто знал, что за ним охотится полиция, он часто покидал свое убежище в посольстве, а однажды ночью помог вывезти в автомобильном багажнике Умберто Пинеду, который желал остаться и продолжать борьбу в подполье.

Ильду освободили 28 июля, и хотя она не могла проникнуть в аргентинское посольство, все же начала обмениваться записками с Эрнесто. В конце августа прилетел самолет, который должен был вывезти аргентинцев, укрывшихся в посольстве. Родственники Эрнесто воспользовались случаем и послали ему одежду и деньги. Он написал матери: «Вы, кажется, прислали мне слишком много одежды и потратили слишком много денег. Может показаться, что я несколько неблагодарен, но я не думаю, что заслуживаю такой оценки... Мой основной девиз — путешествовать налегке, на сильных ногах и с животом непритязательным как у факира». Все деньги, присланные родственниками, и еще пять долларов в придачу он отдал своему кубинскому другу Далмау и отказался от приглашения вернуться в Аргентину.

На улицах Гватемалы полиция охотилась за сторонниками

свергнутого правительства; тем не менее Эрнесто выбрался из посольства и появился в ресторане, где завтракала Ильда. Люди, знавшие их в лицо, провожали испуганными взглядами пару, шедшую по городу. Эрнесто рассказал Ильде, что он забросил свой паспорт в мексиканское посольство с просьбой о визе и что на три дня уезжал на озеро Атитиан. Как обычно, он демонстрировал замечательное пренебрежение опасностью и столь же замечательную способность совершать среди всеобщей суматохи нечто столь обыденное, как туристская прогулка. Все прошло без помех; Эрнесто провел три дня в мирной и тихой гватемальской сельской местности и, вероятно, привел в это время в порядок свои мысли. К концу третьей недели сентября, через девять месяцев после прибытия в Гватемалу, Эрнесто Гевара снова сел в поезд, возобновив жизнь странника. Ильда сопровождала его часть пути до мексиканской границы, а затем вернулась в город Гватемалу. Обоим казалось, что они прощаются навсегда, хотя Эрнесто сказал, что будет ждать Ильду в Мехико.

В поезде доктор Гевара встретился с другим молодым человеком, также бежавшим от военной диктатуры. Это был Хулио Роберто Касерес Валье, известный под кличкой Эль Патохо, которую можно перевести как «Мальчик с пальчик», «Коротышка», «Малыш». «Он был на несколько лет моложе меня, но между нами сразу завязалась длительная дружба».

Эрнесто оставлял за спиной еще один эпизод своей жизни, который должен был произвести на него сильное впечатление. Это была история того, что произошло, и того, что не свершилось: революции, сломленой на полпути, а вместе с ней и личности самог Гевары, который также был остановлен на полпути — по крайней мере временно. Неужели ему было суждено всю жизнь оставаться сторонним наблюдателем?{4}

7. Порты захода.

21 сентября 1954 года Мексика была для него совершенно неизвестным новым горизонтом. У нового пришельца не было никакой связи со страной, в которую он только что прибыл, если не считать неясных семейных воспоминаний о прабабушке по имени Конча Кастро. Она родилась в Мексике в девятнадцатом столетии и оказалась разоренной после американского вторжения и последующей аннексии мексиканской территории.

Вскоре после прощания с Ильдой молодой аргентинский доктор двадцати шести лет и нескольких месяцев от роду по фамилии Гевара — он еще не получил прозвища Че — вместе с недавно обретенным попутчиком Хулио Роберто Касересом, которого называли Эль Патохо, сел в другой поезд, направлявшийся на сей раз в Мехико. Город был тогда полон изгнанниками из разных латиноамериканских стран. Это были пуэрториканские борцы за независимость; перуанцы, главным образом сторонники АНРА, выступавшие против диктатуры Мануэля Одрии; венесуэльские противники деспотического правительства Маркоса Переса Хименеса; кубинцы — участники штурма Монкады, сражавшиеся против полковника Фульхенсио Батисты; гватемальцы, нашедшие убежище после недавнего переворота; никарагуанские противники Анастасио Сомосы, бежавшие от тюрьмы и пыток; доминиканцы, спасавшиеся от преследования со стороны диктатора Леонидаса Трухильо.

Эрнесто потребовалось меньше недели, чтобы привести свои эмоции в состояние, позволявшее описать первое впечатление: «Город, даже, вернее, страна, встречает меня со всем безразличием большого животного, которое и не машет хвостом и не щерит на меня зубы». Слово «безразличие» точно соответствует положению вещей. Мексикой владел консерватизм, смешанный с апатией. Страна с абсолютным безразличием следила за организованным ЦРУ переворотом в Гватемале; правда, имелись широко известные и благородные исключения. Предыдущий президент Ласаро Карденас попал под огонь резкой критики со стороны консервативной прессы зато, что посмел заявить публично о своем недовольстве тем, что произошло у ближайшего южного соседа. Нынешний же президент Адольфо Руис Кортинес, внешне похожий на провинциального адвоката, с виду немного богемный, но очень умный и резкий, был слишком занят борьбой с социальными бедствиями, облаченными в одеяние прогресса, которые он унаследовал от администрации Мигеля Алемана.

Гевара и Эль Патохо поселились в центре Мехико. Из окна

снятой ими комнатушки для прислуги на улице Боливара величественный городской пейзаж представлял собой море развевав шихся на вечернем бризе сохнущих одежд, бесконечные крыши, верхушки водосточных труб и газохранилища вдали. Но, с точки зрения отверженных, мексиканская столица была землей чудес, землей невзгод.

Гевара описал свое видение страны, будущего и своей жизни в письмах домой: «К тому же здесь можно говорить то, что хочется, но при условии, что ты за это так или иначе расплатишься — иными словами, это долларовая демократия». В своих письмах он сообщал, как всегда, о новых поездках, планах переезда из одного места в другое, как будто супершоссе, звездная автострада, по которой он двигался последние десять лет, была бесконечна. Его цели не изменились: «Мой следующий порт захода по-прежнему Европа, а за ней следует Азия. Как — это уже другая история. Что касается Мексики, то я не могу сообщить ничего определенного, кроме этого общего впечатления, и то же самое касается меня самого».

В письме к отцу он добавлял в этот список Соединенные Штаты — с оговоркой «если они впустят меня». Но пока что Мексика явно была безопасной гаванью, где он мог зализывать полученные в Гватемале раны и удовлетворять свое любопытство. Однако, как и во многих других случаях, когда с деньгами было очень плохо, основной проблемой оставалось простое выживание. «Я достаточно долго пробыл в Мексике, чтобы понять: здесь будет нелегко, но я обладаю пуленепробиваемым духом».

Если поэзия — это очень личное пространство, и пЪэт, хороший или плохой, использует стихи, чтобы сказать то, что он не вписал бы в дневник, не упомянул бы в биографии или переписке; если стихотворение или лирический отрывок дают нам представление о внутренней жизни автора, тогда мексиканские стихи молодого доктора Гевары скажут о нем больше, чем его статьи. В одном из них, озаглавленном «Темный автопортрет», он написал:

Я один в непреклонной ночи,
Пропитанной неизменным сладковатым запахом билетов.
Европа зовет меня голосом, подобным выдержанному вину,
Дуновением бледной плоти, сокровищ искусства.
Лицом я чувствую мягкое прикосновение песни о Марксе и Энгельсе.

В те первые дни пребывания в Мексике Эрнесто завел одно из своих немногочисленных мексиканских знакомств — с другом своего отца, аргентинским кинорежиссером и сценаристом Улисесом Петит де Мюратом, который работал в некогда мощном

мексиканском кинопроизводстве, правда, в то время переживавшем упадок. Петит де Мюрат кормил его огромными бифштексами (своеобразным гастрономическим символом ностальгии по Аргентине), предложил поселиться у него и даже говорил, что может помочь ему устроиться учиться. Эрнесто поблагодарил его и принес извинения; вероятно, в этом человеке было нечто такое, что ему не нравилось, так как в дальнейшем он сторонился его. Как всегда, Гевара предпочел трудное, но независимое существование.

Он взялся за первую попавшуюся работу, точно так же, как это было везде на протяжении нескольких последних лет. Рафаэль дель Кастильо Баена, испанский беженец, владелец фотостудии «Толлер», рассказывает: «Я располагался на углу улицы Морелос. Мой друг, имевший фотостудию на углу улицы Сан-Хуан де Летран, прислал его ко мне... Я дал ему камеру без всяких условий. Он должен был расплатиться со мной после, когда у него появятся деньги».

Это был пример солидарности политических беженцев, тех, кто знает.

«У Эль Патохо вообще не было денег, у меня было лишь несколько песо... Вместе с ним мы делали кое-какую не облагавшуюся налогом работу, фотографируя в парках. В деле участвовал еще один мексиканский партнер, владевший маленькой лабораторией, где мы проявляли пленки и печатали снимки. Мы изучили каждый уголок в Мехико, постоянно шляясь из конца в конец этого города, чтобы доставить готовые фотографии, мы сражались, убеждая разнообразных клиентов, что их крошечный младенец получился на фотографии прямо-таки прекрасно и что за такое сокровище вполне стоит заплатить мексиканский песо».

Рафаэль дель Кастильо Баена добавляет: «Он начал фотографировать, являлся каждый день, так что мне приходилось проявлять множество пленок, которые он настрелял на вечеринках или же на улицах. Каждую неделю он выплачивал мне часть долга за камеру... Однажды он сказал мне, что был врачом. Как это так — врач, промышляющий фотографиями вечеринок и уличных прохожих?»

«Эта работа кормила нас на протяжении нескольких месяцев, и мы шаг за шагом двигались вперед».

* * *

Другая встреча позволила Эрнесто снова вернуться к медицинской практике, хотя это случилось при не слишком благоприятных обстоятельствах. Некий врач из Центральной Америки представил его доктору Марио Саласару Мальену,

руководителю пары исследовательских групп в муниципальной больнице и кардиологической клинике. Саласар Мальен сначала предложил ему интернатуру в аллергологическом отделении муниципальной больницы. По словам Ильды Гадеа, эта работа оплачивалась плохо; сам же Че утверждал, что она не оплачивалась вообще.

Там, в Мехико, у Эрнесто произошла встреча, послужившая причиной важной перемены в его молодой жизни. На улице он столкнулся с кубинцем по имени Ньико, которого знал по Гватемале. Тот прибыл в Мексику вместе с соотечественником, нуждавшимся в лечении аллергии. Вскоре после этого Ньико, воспользовавшись амнистией, объявленной Батистой, возвратился на Кубу, но Эрнесто продолжал общаться с несколькими кубинцами, с которыми его познакомил Лопес.

Наконец, обеспечив себе возможность выжить, Эрнесто смог по горячим следам осмыслить те события в Гватемале, через которые недавно прошел:

«Центристское положение не может означать ничего иного, кроме первой ступеньки к предательству... Плохо то, что я тогда не смог занять определенную позицию, которую должен был выработать уже давно, поскольку в глубине души (и снаружи тоже) я неизлечимый бродяга и не имею никакого желания видеть, как мою карьеру прерывает железная дисциплина... Я даже не знаю, буду ли я актером или заинтересованным зрителем действия».

В начале ноября 1954 года он написал матери:

«Я не делаю ничего нового... Я все еще зарабатываю на жизнь фотографией и не имею больших надежд на то, что смогу вскоре расстаться с этим занятием, несмотря даже на то, что теперь каждое утро провожу исследования в двух местных больницах.... Вторую половину дня и по воскресеньям я занимаюсь фотографией, а по ночам понемногу учусь. ... Кажется, я уже сообщил тебе, что живу теперь в приличной квартире, готовлю и делаю все сам и даже каждый день принимаю ванну, благодаря тому, что здесь нет недостатка в горячей воде. Как ты можешь заметить, я сильно изменился в этом отношении, но, с другой стороны, остался прежним — я кое-как стираю свою одежду, поскольку все еще не могу позволить себе оплачивать прачку, и это получается ужасно».

Несколькими днями позже тот квази-уют, который Эрнесто создал вокруг себя, упрочился прибытием его друга — фактически невесты — Ильды Гадеа, которую выслали из Гватемалы. Она прибыла в Мехико на самолете из Тапачулы и немедленно связалась с Эрнесто: «Я прикрыла телефонную трубку

носовым платком, чтобы изменить голос, и спросила: «Нет ли здесь доктора Гевары?» Но он сразу же узнал меня». И уже через несколько минут они встретились в гостинице «Рома», где остановилась И льда.

«Эрнесто опять заговорил о нашей женитьбе. Я сказала ему, что мы должны немного подождать, поскольку я только что приехала и хочу обустроиться и поискать работу. Я действительно еще не приняла определенного решения, и он понял это. Это немного беспокоило его. У меня сложилось впечатление, что мой довольно неопределенный ответ сделал отношения между нами несколько натянутыми. Потом он решил, что мы останемся только хорошими друзьями. Я была ошеломлена его реакцией. ... Не успела приехать, а мы уже поссорились».

Они продолжали встречаться друг с другом, хотя в их отношениях продолжала ощущаться некоторая напряженность. Ильда жила в меблированных комнатах на улице Реформ вместе с другой изгнанницей, венесуэльской поэтессой по имени Лусилья Веласкес. Эрнесто звонил ей раза два в неделю, чтобы пригласить пообедать, посетить один из изумительных музеев Мехико или пойти в кино.

Другая случайная встреча помогла доктору Геваре улучшить положение с работой. В трамвае он встретил Альфонсо Переса Вискайно, руководителя бюро официального аргентинского информационного агентства «Латина де Нотисиас». Перес Вискайно предложил ему стать фоторепортером. Это звание, конечно, было куда основательнее, чем бродячий уличный фотограф.

Положение Эль Патохо тоже укрепилось. От доставки фотографий и сбора денег он перешел на пост ночного сторожа в книжном магазине «Фондо де Культура». Время от времени Эрнесто присоединялся к нему, устраивался в спальном мешке и, пользуясь возможностью, читал. 29 ноября он написал Тите Инфанте:

«В конце каждого месяца я должен предпринимать некие действия для того, чтобы выправить положение, а проще говоря, голодать, чтобы свести концы с концами... Время от времени я испытываю желание сдаться — во всяком случае впадаю в изрядный пессимизм... Когда это происходит как временное явление, в течение дня, я справляюсь с этим — выпиваю немного мате и пишу пару стихов... Все, что я когда-либо делал, происходило от чего-нибудь беспокоящего меня; даже сегодня, когда я думаю, что близок к тому, чтобы с высоко поднятой головой вступить в борьбу, особенно в социальных вопросах, я спокойно продолжаю скитаться повсюду, где события могут

захватить меня, даже не думая о том, чтобы включиться в борьбу в Аргентине. Должен признать, что это — моя самая сильная головная боль, потому что я веду эту ужасную борьбу с целомудрием (когда нахожусь там) и желанием (скитаться, особенно по всей Европе) и вижу, что стыдливо проституирую сам себя при каждом удобном случае. Начиная письмо, я собирался дать тебе совет, а закончил описанием своих собственных проблем.

Я зарабатываю на жизнь, фотографируя сопляков в парке и составляя для «Ахенсиа Латина де Нотисиас» (выкидыш Перона) заметки об аргентинцах, появляющихся в этих местах...

Хороший прием в научном мире дал мне основания для медицинского оптимизма, и я работал в больнице — в аллергологических отделениях — бесплатно, как один из семи гномов. В любом случае все получилось хорошо, так как Писани его университетский профессор в Буэнос-Айресе опережает на многие мили любого другого специалиста по аллергии в западном мире... Это приводит меня к мысли о том, что состояние моих финансов тоже может измениться, поскольку успех в этих счастливых благочестивых местах оборачивается монетой, если, конечно, ты не совсем уж такой слюнтяй, как говорят окружающие».

В том же письме доктор Гевара пытался ободрить своего друга Титу, оказавшуюся жертвой одной из своих частых депрессий, советом относительно половой жизни:

«Не забывай, что тот легкий зуд, который мы называем сексуальностью, нужно время от времени почесывать, иначе он выйдет из-под контроля, захватит каждое мгновение бодрствования и приведет к настоящим неприятностям. Ты можешь считать, что все это глупости, но я знаю, что в глубине души ты так не думаешь. В моих словах что-то есть, и это важно, поскольку оно даст тебе возможность справиться со своей проблемой».

С деньгами у него лучше не стало, зато изменились отношения с Ильдой: «На последней неделе ноября он водил меня в кино на «Ромео и Джульетту», советский фильм-балет. Картина по-настоящему понравилась нам обоим, и мы говорили о всеобщей привлекательности Шекспира, пьесы которого хорошо знали. Это помогло нам помириться».

В начале декабря Ильда и ее подруга Лусилья переселились в маленькую квартиру в буржуазном районе Кондеса и приобрели самую дешевую мебель. Эрнесто был у них частым гостем. Согласно мемуарам Ильды Гадеа, отношения между нею и Эрнесто были бурными: они часто ссорились. Любопытно, что в

обильной аргентинской корреспонденции Гевары нет никаких упоминаний о его отношениях с Ильдой. Кажется, что или из-за какой-то странной стыдливости, или же потому, что Эрнесто не считал эти отношения достаточно важным делом, он просто умалчивал о них в письмах. В последние несколько недель 1954 года, который заканчивался для доктора Гевары обычным финансовым кризисом (однажды ему даже пришлось торговать игрушками на улице), любопытство привело его в университет, где он на правах вольнослушателя сидел на лекциях легендарного Хесуса Сильвы Эрсога, экономиста, руководившего в 1938 году национализацией нефтяных скважин в Мексике.

К концу года Эрнесто возобновил работу над книгой «Роль врача в Латинской Америке» («я не слишком много знаю о медицине, но я прошел всю Латинскую Америку»). Он зарабатывал 700 песо[9] в месяц как корреспондент и фотограф в «Ахенсиа Латина» и рассчитывал при помощи уличной фотографии довести эту сумму до тысячи. Три утра в неделю он полностью посвящал работе в больнице и продолжал писать о своем желании посетить Европу — правда, теперь добавил к своему списку «Кортизон» (т. е. страны «железного занавеса» — от исп. cortina de hierro). Ге-вара продолжал скрупулезно вести дневник; он занимался этим на протяжении долгих лет, и рано или поздно его записи увидят свет. Чтобы глубже узнать Мексику, он читал все лучшее, что мог найти, по новейшей истории страны, например «Восставшую Мексику» Джона Рида и «Воспоминания о Панчо Вилье»[10] Мартина Луиса Гусмана.

Примерно в это же время молодой Гевара попытался проанализировать свои впечатления от политического состояния Латинской Америки. «То, как гринго обращаются с Латинской Америкой ... все больше и больше приводит меня в возмущение,... затем настала очередь Гватемалы и всяких дел, о которых трудно даже просто говорить. ... Я не могу сказать, не могу даже предположить, в какое время оставил попытки ухватиться за что-нибудь наподобие веры, потому что дорога и впрямь оказалась долгой и полной препятствий».

Рождественские каникулы прошли под знаком постоянных колебаний в его отношениях с Ильдой. К тому времени эти колебания стали хронической болезнью. Ильда и ее венесуэльская подруга пригласили Эрнесто и Эль Патохо 24 декабря, в сочельник, на ужин. Однако Гевара пришел с большим опозданием, задержавшись в гостях у своих кубинских друзей — те собрались в доме Марии Антонии Гонсалес, где часто встречались беглые участники штурма казарм Монкада и их сторонники. И уехал он в этот вечер рано, чтобы забрать свой

спальный мешок и составить Эль Патохо компанию в его ночной смене. В опоздании и раннем уходе Ильда усмотрела обиду и впала в уныние. Хотя они и провели следующий день, Рождество, вместе, прогуливаясь в парке Чапультепек, в предновогодний вечер та же история повторилась — Эрнесто вообще не пришел по приглашению Ильды. Та уже решила, что стоит полностью порвать отношения с Эрнесто, раз он больше думает о своем друге-гватемальце, чем о ней. Их роман походил на отношения между подростками: он был полон сомнений, неверных истолкований слов и поступков друг друга, разрывов и примирений.

Первый день нового, 1955 года застал пару вновь помирившейся и прогуливающейся по Толуке3. Мирные, хотя и нарушавшиеся кратковременными раздорами отношения держались в течение января. Двадцатого числа Эрнесто наконец-то преподнес Ильде запоздалый новогодний подарок — экземпляр «Мартина Фиерро» с надписью: «Ильде, чтобы после расставания у тебя остался кусочек субстрата моей охоты к перемене мест и воинственного фатализма. Эрнесто».

В феврале Эрнесто в очередной раз предложил Ильде выйти за него замуж. На сей раз она приняла его — с условием, что они поженятся в марте. Почему не теперь? — спросил Эрнесто, и услышал в ответ, что она хочет дождаться первой годовщины их встречи. Однако намерениям вновь не суждено было осуществиться. Между страницами книги, которую Эрнесто дал ей почитать, Ильда нашла негатив фотографии женщины в купальнике.

Это вызвало у нее приступ ревности, а Эрнесто, в свою очередь, был раздражен ссорой, которую она учинила из-за находки. Он объяснил, что никаких причин для ревности нет, что это всего-навсего дочь Петит де Мюрата. «Он сказал, что я только ищу повода для того, чтобы не выходить за него замуж, что на этот раз он прекращает со мной всякие отношения и что теперь мы не останемся даже друзьями», — вспоминала Ильда.

Они не виделись друг с другом целую неделю, и разрыв уже казался окончательным. Однако затем Ильда заболела и попросила пригласить к ней доктора Гевару. Эрнесто нашел у нее тонзиллит, давший осложнение на уши, и стал лечить ее антибиотиками. Они снова оказались вместе.

Их любовные отношения, казалось, значили для Эрнесто не так уж и много; по крайней мере недостаточно для того, чтобы упоминать о них в постоянном потоке писем своим родным в Буэнос-Айрес: там вовсе нет упоминаний о них. А вот тема будущих поездок продолжала возникать, порой совершенно

неожиданно; ее можно даже рассматривать как своеобразную навязчивую идею. Он писал отцу, что в его списке достопримечательностей имеются Франция и «Кортизон», «а Председатель Мао, как всегда отнесен, в конец моего бродяжничества или почти в конец, поскольку вопрос со стипендией еще не решен». Чтобы иметь возможность совершить эти поездки, «мое обеспечение составят три или четыре очень хорошие его типичная скромность научные работы».

В начале марта 1955 года появился шанс несколько упрочить финансовое положение. «Ахенсиа Латина», на которое он продолжал работать, предложило ему хорошо оплачиваемую работу — освещение четвертых спортивных Панамериканских игр. «Мне предстояло быть оперативным репортером, отвечать за подбор фотоматериала и руководить журналистами, съехавшимися со всей Южной Америки».

Эрнесто основал импровизированную команду, в которую входил его друг Эль Патохо, кубинец Северино Россель и венесуэльский эмигрант, предоставивший темную комнату, где они проявляли негативы и печатали снимки. Россель через много лет назвал эту группу «маленьким коллективом фотографов». Гевара с головой погрузился в работу, которая продолжалась с 6 марта до 20 марта, не оставив при этом и своей работы в больницах, где проводил исследование в области аллергии.

«Моя работа во время Панамериканских игр была в полном смысле слова изматывающей, так как... в среднем я спал не больше четырех часов за ночь... поскольку я вместе с ос тальными также занимался проявкой пленок и печатанием фотографий. Вся эта работа должна была принести скромную денежную награду в виде примерно 4000 песо, которые причитались мне после всего этого тяжелого труда и волнений».

Спустя несколько лет в журнале «Боэмия» нашлось несколько фотографий доктора Гевары: перуанская спортсменка, выполняющая прыжок в высоту, над планкой, заезды спринтерской велогонки, финал мужских соревнований в беге на 110 метров с барьерами, гимнасты бразильской команды, вытаращившиеся в объектив... Но конец этой истории оказался вовсе не счастливым:

«Когда весь тяжкий труд и хлопоты закончились, и каждый из журналистов, работавших на играх, получил подобающие поздравления, лаконичная телеграмма из агентства сообщила нам, что оно прекращает передачу информации и что каждый корреспондент может делать со своим материалом все, что хочет (ни слова о жалованье). Услышав эти новости, я понял, что вложил свою душу и сердце в дело порки собственной задницы».

Несмотря на колоссальную нагрузку, в эти же дни он вернулся к разговору о женитьбе. Ильда Гадеа так вспоминала об этом:

«Когда он пришел домой, то серьезно спросил, пришла ли я к решению. Его голос был спокоен, но тверд; это звучало как ультиматум. И поскольку я действительно решилась, то сказала: «Да, мы поженимся в мае»... После этого я спросила его, действительно ли он уверен в моем согласии. Он совершенно серьезно ответил: «Да, потому что ты знаешь, что в случае нового отказа потеряешь меня».

Затем последовала конвульсивная борьба за преодоление бюрократических препон, расставленных на их пути Министерством внутренних дел, которое, похоже, должно было затратить не один год на поиски путей для того, чтобы сделать жизнь безденежных иностранцев совершенно невозможной.

Хотя в то время, когда близилась свадьба, и произошел кризис в отношениях с агентством, все же происходило и нечто хорошее: «К счастью, мне дали стол и дом при муниципальной больнице, и, возможно, какое-нибудь случайно завалявшееся песо захочет оказаться у меня в руках (я трачу деньги в основном на дынный сок)».

В письме матери он объяснил, что стипендия, как оказалось, означала комнату, стол и прачечную, но не деньги. Оливия Саласар, вдова Мальена, позднее вспоминала, что ее муж предложил доктору Геваре пожить в их доме, но Эрнесто, заявив, что не желает злоупотреблять дружбой, «предпочел спать на лабораторном столе в маленьком кабинете или в кладовой оборудования в больнице». Это и было то самое «жилье», которым он хвастался в письме своим родителям.

* * *

Чтобы заслужить право жить и питаться при больнице, Эрнесто написал работу пол названием «Кожное исследование с использованием полупереваренных пищевых антигенов», которая была представлена на аллергологической конференции в Веракрусе, а в мае 1955 года напечатана в журнале «Иберо-американский аллергологический обзор» .

С переменным успехом он работал и над полудюжиной других проектов.

Лаура де Альбису Сампос, пуэрториканка, бежавшая из своей страны и жившая в то время в Мексике, рассказывала:

«Он ставил эксперименты на кошачьем мозге, изучая реакцию нервных и мозговых клеток на определенные стимуляторы... Я думаю, что он платил хозяйке по песо за кошку, но хозяйка организовала группу мексиканских мальчишек, которые

отлавливали кошек, и я всегда задавала ему один и тот же вопрос: что он будет делать, когда кошек в округе не останется, а он хохотал в ответ».

Часто он в компании доктора Давида Митрани после работы в лаборатории ходил в забегаловки неподалеку от Медицинского центра есть тако[11] . Они вели еще несколько экспериментов, два из которых привлекли внимание медицинского сообщества: «Работы о пищевых антигенах и о воздействии гистамина на кошачью матку... Днем он проводил исследование, а по вечерам выполнял обязанности ассистента преподавателя практической физиологии человека в старой медицинской школе».

Со своим обычным резким остроумием Эрнесто писал отцу: «Я провожу двадцать четыре часа в сутки в разговорах о болезнях и их лечении (хотя, конечно, ничего не лечу)», А в письме к Тите Инфанте он подвел итог своего исследования следующим образом: «С научной точки зрении я первоклассный неудачник: все мои большие исследовательские проекты были провалены,... и мне осталось лишь представить скромную работу, в которой я повторяю в Мексике проведенное в Аргентине исследование Писани о полупереваренной пище».

К концу апреля Ильда нашла работу, сначала в Экономической комиссии по Латинской Америке и странам Карибского бассейна, а затем в Панамериканском управлении здравоохранения. Она и Эрнесто проводили все свое свободное время в борьбе с мексиканской бюрократией в Министерстве внутренних дел, пытаясь получить разрешение на брак.

Хотя свадьба была намечена, в письмах, которые Эрнесто посылал в Аргентину, практически не встречалось упоминаний о ней. Зато он продолжал описывать планы своих возможных, невозможных и гипотетических поездок. Тите Инфанте он написал: «Я надеюсь, Тита, что мы скоро встретимся на углу какого-нибудь старого европейского города; я с набитым животом и ты с дипломом в руке. Ну а пока самое большее, на что мы можем надеяться, так это то, что будущее работает на людей».

Общение с кубинцами заставило Эрнесто пересмотреть список его потенциальных поездок: «Следующим шагом могут быть США (очень трудно), Венесуэла (выполнимо) или Куба (вероятно). Но мое сердце устремлено к Парижу, и я попаду туда, даже если мне придется добираться вплавь через Атлантику».

По существу, на этой стадии своей жизни Эрнесто Гевара был бродягой. В течение двадцати двух месяцев пребывания в Мексике в письмах родным и двоим друзьям он сто шестьдесят один раз упомянул о своих возможных или гипотетических поездках. Эта навязчивая идея путешествия нашла отражение в

написанном в то время стихотворении:

Море дружески манит рукой,
Мой луг — континент —
Разворачивается нежно и врезается в душу,
Как колокольный звон на вечерней заре.

Рикардо Рохо, соотечественник Гевары, 30 апреля 1955 года прибыл в Мехико из Соединенных Штатов, где он провел год после бегства из Гватемалы, и немедленно разыскал Эрнесто. «Он похудел и, хотя и был уличным фотографом, все еше внешне очень напоминал университетского студента на каникулах».

Следующий день был Первым мая, и Эрнесто вместе с Ильдой и Рохо пошел смотреть парад. Перед изгнанниками прошла грустная пародия на демонстрацию трудящихся. Сменяя одна другую, мексиканские проправительственные рабочие организации заявляли о своей преданности и покорности. Не такая уж большая манифестация, причем совершенно рутинная. Левые партии, такие, как ПОКМ и Коммунистическая партия, объединения рабочих-диссидентов, в частности железнодорожников, преследовались полицией и, конечно, не были допущены к официальной манифестации. Эрнесто так прокомментировал увиденное: «Мексиканская революция мертва — и мертва уже изрядное время, но мы не понимали этого... Демонстрация организованных рабочих напоминает похоронную процессию... Они собраны вместе бюджетом, правительственной платежной ведомостью. Пойдем отсюда, дружище».

Рохо провел в Мехико всего неделю, в один из дней которой он вместе с Эрнесто пошел на встречу с кубинцами, чей штаб находился в «Империал-билдинг». Совершенно неожиданно для себя они включились в горячие дебаты. В то время на Кубе обсуждался законопроект об амнистии для участников нападения на казармы Монкада в 1953 г., в частности для руководителя акции, некоего Фиделя Кастро. Кубинцы, не отрываясь от радиоприемников, следили за новыми событиями, успехами и задержками. Фидель был освобожден двумя неделями позже, 15 мая.

Эхо интереса к кубинским событиям слышится в письме Эрнесто к его родителям, отправленном в конце мая: «Гавана в особенности захватывает мое внимание, наполняя сердце пейзажами с изображениями Ленина».

Тем временем мексиканские иммиграционные власти вновь и вновь продолжали отказывать Ильде и Эрнесто в разрешении на женитьбу («как же так — дама перуанка, а хочет выйти замуж за аргентинца?»). Но они решили все равно жить вместе. Доктор Гевара собрал скудные пожитки, которые были у него в больнице,

и переселился в квартиру, которую Ильда с Лусильей снимали на улице Рин — далекое от роскоши жилище, где туалет представлял собой две доски и пару реек, обернутых тряпкой.

18 мая они отправились в «свадебное путешествие» в Куэрнаваку[12]. Ильда говорила, что это была «самая настоящая свадьба».

17 июня Эрнесто написал матери: «Ахенсиа Латина» уволило меня, задолжав 6000 песо. Теперь они заплатили мне, но только 3000, из которых я должен рассчитаться с целой кучей долгов». Дальше шел рассказ о том, что он, ожидая денег, принялся изыкивать возможность отправиться в Испанию (как часть запланированной поездки в Польшу), но, получив только половину, отказался от этого намерения, поскольку «действительно испытывал нужду». Как обычно, он постарался сохранить в письме равновесие дурных и хороших сторон своего существования: «Эта грубая и неприветливая Мексика все-таки обошлась со мной по справедливости, и хоть меня и ограбили, когда я уеду, то возьму с собой кое-что кроме денег: мое респектабельное имя на ряде более или менее заслуживающих внимания статей и, что важнее всего, устоявшийся набор идей и стремлений в мозгу, где прежде находился только туман».

И опять никакого упоминания о его свершившемся де-факто браке.

Хотя он старательно убеждал мать, что его исследования идут не так уж и плохо, работать ему приходилось в условиях крайней бедности оснащения. «Я работаю здесь бактериологом, ... и в физиологической лаборатории, занимаюсь специфической областью аллергии, и должен добывать оборудование из вакуума, поскольку у нас нет даже паршивой бунзеновской горелки».

В середине июня Эрнесто взялся за предприятие, которое вряд ли можно считать подходящим делом для астматика: он участвовал в восхождении на Попокатепетль, вулкан, возвышающийся неподалеку от Мехико. Экспедиция закончилась неудачей, но Эрнесто оставил незабываемое описание восхождения:

«Мы пробивались геройски, но не сумели достичь вершины. Я был готов продолжать попытки подняться до тех пор, пока не лягу костьми, но друг-кубинец, который шел со мной в паре, обморозил обе ноги, так что оставшиеся пятеро должны были повернуть вниз. Когда мы спустились на сотню метров (на такой высоте это много), буря немного утихла, а туман рассеялся; тогда мы поняли, что почти достигли края кратера, но уже не могли повернуть обратно. Шесть часов мы сражались со снегом, который при каждом шаге набивался в ширинку и проникал аж до

лобковых волос; ноги у нас промокли из-за того, что мы по небрежности не позаботились о подходящей обуви.

Проводник заблудился в тумане, и мы каким-то чудом не попали в зону трещин, которые довольно опасны, а мы все устали до полусмерти от борьбы с мягким и изобильным снегом. На спуске мы съезжали с горы, как на санях или с горки в бассейне, и с тем же самым результатом: когда мы добрались до подножия, ни у одного из нас не осталось целых штанов.

Когда мы спустились, мои ноги оттаяли, но лицо и шея оказались сожжены целиком, как будто я целый день лежал, загорая на солнце в Мар-дель-Плате. Сейчас мое лицо напоминает Франкенштейна, особенно после того, как я густо намазался вазелином, а пузыри полопались. Хуже того, мой язык находится в точно таком же состоянии, поскольку я ободрал его о снег. Горное восхождение — это прекрасно, но одно все же беспокоит меня: пятидесятидевятилетний старикан, шедший с нами, поднимался лучше, чем любой из нас».

Неужели он действительно вел такую жизнь? На самом деле был уличным фотографом, плохо оплачиваемым медиком-исследователем, вечным изгнанником, ничем не примечательным мужем, автором писем, поэтом и составителем дневников (две последние ипостаси — тайные)? Да, и много больше того.

Письмо матери он закончил так: «Главное состоит в том, что я кажусь сам себе похожим на что-то из танго, я хочу сказать, что во мне обнаружилась частица аргентинца, черта, которую я почти всегда отрицал. Я думаю, что это первый признак старости (которая в конце концов есть усталость), другими словами, я стремлюсь к милому мирному дому».

* * *

Но Эрнесто Гевара, которому только что исполнилось двадцать семь, который боялся задержаться на одном месте и сбиться с пути своих латиноамериканских скитаний, собирался отправиться в замечательную поездку.

В конце июня на одной из встреч с кубинскими беглецами, осевшими в Мехико, Эрнесто встретился с младшим из братьев Кастро, Раулем, юношей с совсем еще детским лицом. Тот был вынужден покинуть страну уже после недавней амнистии, потому что правительство Батисты обвинило его в установке взрывного устройства в кино. Марксистские взгляды Рауля и рассказ о том, как он участвовал в набеге на Монкаду, судя по всему, сделали его куда более привлекательным для Эрнесто, чем были те латиноамериканские изгнанники, с которыми он до тех пор поддерживал контакты, профессиональные мечтатели, смешивавшие иллюзии с действительностью и жившие сказками о

триумфальном возвращении на родину.

Эти двое несколько раз беседовали в новом доме, где жили Эрнесто и Ильда, и в подвале по адресу: улица Рамона Гусмана, 6, где остановился молодой кубинец. Они говорили о Фиделе, легендарном брате Рауля, и его ожидаемом приезде в Мексику. Хотя Фидель первоначально собирался остаться на Кубе, чтобы организовать сеть революционных организаций, которые должны были противостоять диктатуре, цензурные строгости и разнообразные репрессии против товарищей наконец убедили его уехать из страны и готовить вооруженное возвращение.

На второй неделе июля, в «одну из холодных, несмотря на лето, мексиканских ночей», Гевара встретился со старшим из братьев Кастро, бесспорным лидером того социального явления, которое получило известность как Движение 26 июля (именно в этот день состоялась попытка штурма казармы Монкада, и еще несколько вооруженных выступлений на Кубе), или просто Д26 — сопротивление режиму Батисты. Фидель прибыл в Мексику 8 июля и встретил Эрнесто на квартире Марии Антонии Гонсалес, где, сменяя один другого, селились кубинские изгнанники.

Та первая беседа между Фиделем и Геварой продолжалась, судя по более поздним воспоминаниям свидетелей, восемь или десять часов и произвела сильное впечатление на обоих. С восьми вечера и до самого рассвета они обсуждали политику, международную ситуацию, взгляды друг друга на Латинскую Америку, но прежде всего — на революцию. Особенно подробно они говорили о событиях в Гватемале в версии Эрнесто и будущей революции на Кубе.

Гевара, который в ту пору жизни был весьма замкнутым человеком и тщательно скрывал свои эмоции, был поражен магическим очарованием Фиделя, завораживавшим как змеиный взгляд. На следующий день он записал в дневнике: «Встреча с Фиделем Кастро, кубинским революционером, умным, молодым и очень уверенным в себе парнем, является политическим событием. Думаю, что мы с ним нашли общий язык».

Попав домой, он сказал Ильде: «Ньико был прав, когда в Гватемале сказал, что Фидель — это лучшее, что вышло с Кубы со времен Марти[13]. Он собирается заставить революцию свершиться».

Пару лет спустя он сказал аргентинскому журналисту Хорхе Рикардо Масетти:

«Фидель поразил меня своей неординарностью. Он мужественно встречал самые невероятные проблемы и решал их. У него была необоримая вера в то, что если он покинул Кубу, то вернется туда вновь, что, попав туда, будет сражаться и победит в

сражении. Я разделял его оптимизм. Это должно свершиться; должна быть борьба, должна быть победа. Нужно было прекратить скулеж и драться».

Вскоре последовали другие многочисленные встречи; под конец одной из них, состоявшейся в доме 43 на улице Рин, где жили Эрнесто и Ильда, она спросила Фиделя, почему он оказался в Мексике. Тот ответил четырехчасовым монологом, после которого Ильда пришла к выводу, что должна связать свою судьбу с группой 26 июля.

Когда Фидель ушел и они остались одни, Эрнесто признался жене, что считает план Фиделя безумием, но безумием выполнимым и реалистическим...

Сохранилось описание Фиделя, сделанное Ильдой после этой встречи: «Очень бледный и высокий, плотно сбитый, но без капли жира, с очень черными сверкающими вьющимися волосами; с усами. Его движения были быстрыми, ловкими и точными... Он мог сойти за красивого туриста-буржуа, но когда говорил...»

Несколькими днями позже Эрнесто спросил Ильду:

«— Что ты думаешь о сумасшедшей идее этих кубинцев насчет вторжения на полностью военизированный остров?

— Конечно, это сумасшествие, но ты не сможешь возразить против этого.

— Я считаю так же. Хотел только узнать твое мнение. А сам я уже решил присоединиться к экспедиции. Мы ведем переговоры и скоро начнем подготовку. Я поеду как врач».

На лодке авантюристов Утопии появилось несколько новых гребцов. Однако в это время Рауль Кастро вбил себе в голову, что должен стать тореадором, и при малейшей возможности принимался репетировать пассы с друзьями. Охватившая его страсть была прямо-таки невероятной. А когда он не посещал корриду, то сопровождал Эрнесто в переулках Мехико в охоте на кошек — для экспериментов доктора Гевары.

Примерно в то же время квартиру на улице Рин обворовали. Для воров там было мало поживы, если не считать самого драгоценного имущества молодой пары: пишущей машинки Ильды и фотоаппарата Эрнесто. Гевара был возмущен; он сказал Ильде, что это работа ФБР, и они решили не сообщать о случившемся в полицию. Но теперь доктор больше не мог заниматься фотографией, а оба они не могли закончить книгу «Роль врача в Латинской Америке», над которой работали вместе. Эрнесто писал ее несколько лет. Последнее время Эрнесто привык диктовать, а Ильда печатала под диктовку. «Роль врача» должна была стать длинным эссе из четырнадцати глав и охватывать не только проблемы здравоохранения, клинические вопросы,

экономику и геополитику медицины, но также и проекты «социалистического будущего» медицины на континенте. Книге предстояло подчеркнуть, что врач-революционер решительно противостоит государственным структурам, находящимся в рабском подчинении у влиятельных землевладельцев, никогда не бывавших в своих имениях, и иностранных монополий, и будет стремиться создать медицину, в которой не преобладали бы грабительское отношение к пациентам и погоня за прибылью. Гевара так и не закончил эту книгу.

А тем временем бракосочетание вновь и вновь откладывалось из-за выставлявшихся с бесконечной изобретательностью бюрократических препон. Эрнесто и Ильда начали думать, что, возможно, следует зарегистрировать брак в посольстве. В перуанском посольстве, сказала она; в аргентинском — возразил он.

В начале августа Ильда поняла, что она беременна, и когда Эрнесто возвратился из больницы, сказала ему об этом. Сначала он не поверил: «Ты шутишь!», а затем обрадовался. В тот же день он подарил ей мексиканский серебряный браслет, купленный на часть денег, полученных от агентства печати.

Наконец им удалось узнать, как решить проблему бракосочетания. Гевара уговорил коллегу-врача устроить ему встречу с судебными властями Тепосотлана, небольшого городка в тридцати минутах езды от Мехико, в котором находился известный женский монастырь. В Тепосотлане их могли зарегистрировать в «мексиканском стиле», т. е. без официального разрешения. И таким образом 18 августа чиновник, который по случайности носил имя Анхель ангел, в присутствии нескольких друзей зарегистрировал бракосочетание Ильды Гадеа Акоста и Эрнесто Гевары де ла Серна.

Хесус Монтане, руководитель антибатистского движения в изгнании, и поэтесса Лусилья Веласкес были свидетелями со стороны невесты. Монтане заменил Рауля Кастро, который присутствовал на церемонии, но по причинам безопасности не мог подписать свидетельство. Доктор Валтасар Родригес и Альберто Мартинес Лосано — последний был уроженцем Тепосотлана и организовал всю процедуру — были свидетелями со стороны жениха. По возвращении домой Эрнесто устроил барбекю. Среди гостей был и Фидель.

Семейство Ильды было уведомлено телеграммой, а своим родным Эрнесто в ближайшие недели написал письмо. Родители, недовольные тем, что их не известили заранее, прислали пятьсот долларов и потребовали, чтобы молодая чета обвенчалась в церкви. Эрнесто ответил на это:

«Вы совершенно правы, когда жалуетесь, что я не поставил вас в известность о нашей свадьбе заблаговременно. Ребенок развивается нормально; биологические реакции и целый ряд клинических данных позволяют мне быть абсолютно уверенным... Мне очень жаль, но приходится сообщить вам, что политические и религиозные убеждения, которые мы с женой разделяем, не допускают ничего другого, кроме гражданского брака».

Стиль, в котором Эрнесто известил родителей и тетю Беатрис о своей свадьбе, был довольно оригинальным. В письме матери, датированном 24 сентября, т. е. более чем через месяц после события, он написал: «Я хочу официально сообщить тебе новость, о которой ты можешь всем рассказать: я женился на Ильде Гадеа, и вскоре у нас должен быть ребенок». Он не писал ни слова о своей жене — даже кто она такая и откуда — и запрятал это, по всей видимости, написанное с неохотой известие о свадьбе в груде других новостей. 8 октября он написал тете Беатрис: «Ты, должно быть, слышала новости о моей любовной жизни от матери; я женился и ожидаю в скором времени появления Владимиро Эрнесто, то есть ожидаю его я, а будет он у моей жены». В письмах того месяца к Тите Инфанте он даже не упомянул о своем браке. Что крылось за этими задержками информации и подчеркнуто малом внимании к происшедшему? Опасение того, что его родители и родственники, следуя своей буржуазной точке зрения, отрицательно отнесутся к его решению? Отвращение к браку? Для человека, чьи письма всегда содержали детальный рассказ о событиях и стремлениях, стиль, в котором он сообщил своей семье и друзьям о женитьбе, кажется немного странным, если не подозрительным.

И он продолжал страстно мечтать о путешествиях. В письме к родителям жены Эрнесто говорил о возможной поездке на Кубу так, словно это часть туристского маршрута, а также делился планами посещения Китая и Франции. Он упорно утверждал, что рано или поздно они с Ильдой отправятся в Париж, как любые другие обеспеченные аргентинцы. А список на этом не кончался:

«Наши странствия все еще не закончены. Прежде чем поселиться в Перу, стране, которая вызывает у меня восхищение, или в Аргентине, мы хотели бы открыть для себя Евро пу и пару таких очаровательных стран, как Индия и Китай. Я особенно заинтересован новым Китаем, так как он созвучен моим политическим идеалам».

В те же дни Эрнесто даже попросил Ильду выяснить возможность поездки в Африку.

Может быть, его не привлекала кубинская экспедиция? Или он сомневался в том, что этот план выполним? Конечно, он был

очарован личностью Фиделя, и предложение было ему полностью по душе, но в докторе Геваре все еще должен был сохраниться след былого скептицизма. Сколько раз в замкнутом мирке политических изгнанников, в котором он обитал уже несколько лет, говорили о революции? Сколько планов было составлено и рухнуло еще до начала выполнения? Сколько стран получили свободу, правда, только на словах?

Конфликт между владевшим Эрнесто стремлением к жизни странника, писателя-путешественника и потребностью включиться в политическую деятельность, отказавшись от позиции стороннего наблюдателя, нашел отражение в его стихотворении «Здесь»:

Я метис еще и в другом смысле.

В тех двух силах, что борются в моем разуме...

И обе притягивают и отвергают друг друга.

Ильда вспоминала о тех месяцах:

«Эрнесто очень тревожился об одной из своих пациенток в больнице, о прачке, которую он называл старуха Мария. Когда он сказал мне, что она в очень плохом состоянии из-за острого приступа астмы, то вид у него был просто сокрушенный. Он так волновался, что я даже начала немного ревновать, поскольку эта Мария почти полностью занимала его мысли. Он каждое утро мчался в больницу, чтобы увидеть ее... Однажды он очень уныло сказал мне, что она, вероятно, не переживет эту ночь, и пошел в больницу дежурить у ее кровати, чтобы попытаться спасти больную. Она все же умерла той ночью, задохнувшись от астмы».

Смерть старой прачки произвела большое впечатление на доктора Гевару. Он был возмущен той нищетой, в которой жила эта женщина вместе с дочерью и тремя или четырьмя внуками, и печалился из-за того, она умерла «без боли и славы», как тогда говорили в Мексике.

Смерть старухи вдохновила врача-поэта на новое стихотворение. Это не были хорошие стихи, но в них он последовательно описал нищету женщины, больничную палату и смерть от астмы. В нем имеется обещание «ваши внуки будут жить, чтоб увидеть рассвет», и риторический, но искренний финал: «Я КЛЯНУСЬ», написанный заглавными буквами.

16 сентября в Аргентине произошел военный переворот против Перона. Эрнесто в Мексике буквально пожирал газеты и сразу же написал своим родителям и тете. Он уже прокомментировал первую попытку переворота, случившуюся за два месяца до того, и был очень обеспокоен тем,-что его антиперонистски настроенное семейство окажется вовлеченным в события: «Надеюсь, что дела обстоят не настолько плохо, как

здесь говорят, и что никого не заденут эти неприятности, с которыми ничего нельзя поделать».

Теперь же, узнав о том, что военные расправлялись с самыми основами перонистских организаций, он написал матери, что ничто из устраивающего олигархию не может быть хорошим и что консервативные элементы, обрадовавшиеся падению Перона, не несут в себе никаких здоровых начал. Пользуясь случаем, он также заметил: «твой старый враг повержен» — и предсказал Аргентине будущее зависимой банановой республики.

Тем временем в Мексике жизнь шла своим чередом. Аргентина и Перон были очень, очень далеко. Ильда вспоминала: «Однажды мы пошли смотреть «Занавес поднимается» с Кантинфласом. Я не помню фильма, но Эрнесто, глядя на экран, очень много смеялся... Сцена, в которой Кантинфлас танцует менуэт и неожиданно обнаруживает, что находится на сцене, рассмешила его до невозможности». Гевара несколько раз смотрел этот кинофильм и при этом, конечно, вспоминал доктора Веленсу, перуанского физиолога, с которым он встретился во время своего первого путешествия по континенту. Веленса сказал ему, что единственный способ понять панлатиноамериканизм состоит в том, чтобы увидеть Кантинфласа.

Этот анекдот часто приходит на память, когда рассматриваешь историю последующих лет. Когда Эрнесто хотел посмеяться над собой, он использовал свое сходство с Кантинфласом, сходство, которого еще не было в 1956 году. В те дни Эрнесто выглядел скорее молодой и чисто выбритой версией Джона Гарфилда, будучи лишь чуть повыше ростом и немного более коренастым.

Но тогда он жил в состоянии нерешительности и неуверенности. Фидель издалека продолжал свою организационную работу и кампанию вербовки рекрутов, Эрнесто тратил время, обсуждая с Ильдой варианты имени младенца (Ильда Викторина или Эрнесто Владимиро), учился у одного из кубинских беглецов стричь волосы и испытывал полученные знания в этой области на невинных пациентах в больнице. («Любое знание полезно; все когда-нибудь может пригодиться, разве не так?») Вместе с Ильдой (но без Лусильи) они переехали в квартиру в доме 5 по улице Неаполь (согласно документам прокуратуры). Новое жилье было столь же скромным, как старое, но немного побольше.

И все же он осуществил свою мечту подняться на вершину Попокатепетля. 12 октября, на праздник Дня Колумба, или Дня расы, как его называют в Мексике, в ознаменование начала слияния европейцев с аборигенной расой Мексики, Эрнесто

вместе с толпой народа поднялся на старый вулкан. Трудное восхождение, особенно для астматика, на высоту почти 5,5 км и длиной в восемь миль.

29 октября Фидель в сопровождении Хуана Мануэля Маркеса отправился в Соединенные Штаты на поиски денег. В его отсутствие Рауль заболел; его лечил доктор Гевара. У Рауля Эрнесто встретился с его другом, советским дипломатом Николаем Леоновым, и попросил у него несколько русских книг. Леонов дал ему свою карточку, даже не предполагая, что за этим простым поступком несколько месяцев спустя последует масса неприятностей. Ильда в своих мемуарах упоминает о том, что Эрнесто читал книги, которые для него принес советский дипломат.

В конце октября Рикардо Рохо, возвращавшийся в Аргентину из Нью-Йорка, остановился в Мехико и немедленно встретился с Геварой. Согласно воспоминаниям Рохо, Эрнесто внимательно следил за событиями в Аргентине, но не имел ни малейшего желания вернуться туда. Он уехал из Аргентины не для того, чтобы держаться подальше от Перона; хотя Гевара, возможно, и не слишком жаловал его, но его противников, Фрондиси[14] и других, жаловал еще меньше. Рохо предложил Геваре вернуться вместе с ним на родину, но услышал в ответ:

«Что там есть такого, к чему стоило бы вернуться? Военное правительство, которое прямо сейчас пытается изгнать рабочий класс из политической жизни страны. Предположим, что это правительство уйдет, так же как вчера ушло предыдущее, придет твой друг Фрондиси, а ты сам станешь министром. Что ты сможешь сделать? Правительство с хорошими намерениями, но без всяких возможностей осуществить далеко идущие перемены».

Согласно мемуарам Ильды Гадеа, споры между Геварой и Рохо становились все более ожесточенными, поскольку последний казался Эрнесто слишком консервативным.

Рохо вспоминал: «В то время я рекомендовал Гевару на работу крупнейшему издателю Мексики, аргентинцу Армандо Орфиле, который был еще и руководителем Фонда экономической культуры». Но, очевидно, они не слишком понравились друг другу. Эрнесто занимался комиссионной продажей книг для фонда, но не искал благосклонности руководства».

При беседе Гевары с Орфилой случайно присутствовал кубинский левый по имени Рауль Роа. Вот каким он запомнил Эрнесто:

«Он казался — и был на самом деле — очень молодым, — рассказывал Роа. — Его облик запечатлелся на моей сетчатке:

яркий ум, аскетическая бледность, дыхание астматика, выпуклый лоб, жесткие волосы, сухое выражение лица, энергичный подбородок, серьезная манера держаться, вопрошающий взгляд, острые замечания, немногословность, живые чувства, открытый смех и мысли, затуманенные волшебными мечтами, которые так и читались в его глазах».

Из мемуаров Рохо можно извлечь еще два анекдота. Вместе с Эрнесто он был на встрече с кубинскими изгнанниками в прокуренной комнате в «Империал-билдинг» в центре Мехико. Там Рохо впервые услышал развернутый рассказ о плане Вторжения. Это вызвало у него приступ саркастического смеха: «Ты знаешь, куда мы в Буэнос-Айресе запираем людей с идеями, похожими на твои? В Вьейтес». Эрнесто не нужно было напоминать, что это психиатрическая больница.

Другой анекдот касается встречи с Леоном Фелипе, испанским поэтом, высланным из своей страны и поселившимся в Мексике, который, судя по всему, произвел сильное впечатление на аргентинского доктора. Эрнесто хорошо знал его произведения и всю жизнь неоднократно вспоминал их. Беглая зарисовка Рохо говорит о многом: когда Эрнесто и Леон удобно расселись в одинаковых позах, закинув ногу на ногу, стало видно, что подметки ботинок у обоих проносились насквозь.

Наконец, в ноябре 1955 года состоялся так долго откладывавшийся медовый месяц. Эрнесто и Ильда решили поехать на юг Мексики и совершить поездку по старинной земле майя. Они не составили никакого конкретного плана поездки.

В Мехико Эрнесто пытался контролировать свою астму, придерживаясь строгой диеты. Он мог есть говядину, фрукты и овощи, но полностью отказывался от рыбы, курятины и яиц — все это вызывало у него аллергию. Но, когда они спустились из горной местности к побережью, астма возвратилась. Ужасный приступ, случившийся в Паленке, свалил Эрнесто с ног. Ильда попыталась сделать ему укол, но он возмущенно остановил ее. Ильда вспоминала:

«Он яростно запретил мне оказывать ему помощь. Я поняла, что это было связано не с самим уколом, а скорее с тем, что он не любил находиться под чьей-либо защитой, получать помощь, когда ему было плохо. Я буквально онемела после его резкой отповеди.

Прости. Ты ни в чем не виновата. Это болезнь вывела меня из равновесия. Не волнуйся, это глупо, а расстраиваться просто не из-за чего».

Мерила, Чичен-Ица, Ушмаль.

Эрнесто неистово карабкался на пирамиды, как мальчишка, обнаруживший новое приключение, как исследователь, наткнувшийся на главное открытие своей жизни. Зачарованный грандиозными руинами, он метался вверх и вниз и непрерывно фотографировал. Эта зачарованность заметна в его стихотворении о Паленке:

Какая сила долгие века помогает тебе оставаться
Полной жизни, как в юности?
Что за бог под вечер вдыхает
Дуновение жизни в твои стены?

В Веракрусе у Эрнесто чуть не случилась драка с какими-то пьяницами в баре, куда они с Ильдой зашли попробовать свежей рыбы. Завсегдатаи, пившие пиво, потребовали, чтобы «его королева» выпила с ними, а доктор Гевара в истинно мексиканском стиле загородил собой жену, готовый разбить им всем физиономии. «Попробуй-ка со мной!» — предложил Эрнесто самому агрессивному из своих противников, процитировав какой-то мексиканский фильм. История получила счастливое окончание благодаря тому, что владелец бара пригрозил, что в случае скандала сразу же вызовет полицию.

Через несколько дней они отправились в короткое плавание на судне вдоль побережья до Веракруса. Эрнесто вспоминал о тех Долгих плаваниях, которые совершал в юности, и наслаждался Круизом. В то время как большинство пассажиров страдало морской болезнью, он носился по палубе, делая снимки пейзажей.

В Мехико Гевару ждала хорошая новость: ему предложили читать лекции по физиологии в Национальном университете. В декабрьском письме матери он скептически заявляет: «Я не могу представить себя даже учителем в начальной школе». Но все равно в письмах он продолжал говорить о курсе лекций, хотя ему и не было суждено прочесть их. Они заполняли место действительно происходивших событий, о которых нельзя было упоминать: из Соединенных Штатов возвратился Фидель; начались обучение и подготовка к экспедиции.

Оставшиеся в живых должны были запомнить суровую зиму 1955/56 года в Мехико, пыль, пронизывающий холод, сырость и мрачные дожди. Такой она представлялась кубинцам; отсутствие солнца и раскидистых пальм угнетало и нервировало их. На фотографиях тех дней они кажутся компанией мальчишек-бедняков, «бедных, но благовоспитанных», с руками, засунутыми в карманы в поисках денег, которых там нет.

Эрнесто Гевара со свисающей на лоб челкой, постоянно нахмуренный, в потертой рубашке, кажется мальчишкой-переростком и странно выглядит рядом с опрятными кубинцами,

с прическами в ужасном стиле пятидесятых годов, из-за которых уши казались оттопыренными, с тонкими усиками, словно нарисованными на верхней губе. Никто из них пока еще совсем не похож на те великолепные непокорные, бородатые и длинноволосые фигуры, которые позднее спустятся с гор Сьерра-Маэстра и Эскамбрей.

Появлявшиеся в Мексике в конце 1955-го и начале 1956 года поодиночке или группами по два-три человека, пробиравшиеся из Гаваны, Камагуэя, Майами, Коста-Рики, Сан-Франциско, имевшие при себе лишь номер контактного телефона или явочный адрес, эти люди приезжали сюда не для того, чтобы присоединиться к числу стенающих над своей судьбою изгнанников, которых нехотя терпят местные власти. Они прибывали, чтобы принять участие в вооруженном вторжении на Кубу. Их лидер произнес великолепную фразу, своего рода клятву. В Нью-Йорке 30 октября 1955 года Фидель сказал: «Я могу сообщить вам с абсолютной уверенностью, что в 1956 году мы или завоюем свободу, или обретем мученический венец». И сам Фидель, тридцатилетний адвокат, был известен не только своими блестящими ораторскими способностями, но и тем, что его слова обычно не расходились с делом.

Первоначальный план, который складывался постепенно, состоял в том, чтобы организовать высадку на востоке острова. Вторжение было задумано как воплощение эпической мечты, ко торая связывала традиции борьбы за независимость, проходившей в девятнадцатом веке, с деятельностью Гитераса в тридцатые годы, долгой историей кубинских беглецов и их возвращением с оружием в руках.

Квартира Марии Антонии Гонсалес в центре Мехико стала штабом и главным местом сбора. Любопытное совпадение — она располагалась в двух кварталах от бакалейного магазина, именовавшегося «Ла Антилья» (Куба входит в группу Больших Антильских островов). Если революции имеют свои сердца и умы, то и дома тоже должны иметь души. По прибытии в Мексику в феврале Хуан Альмейда так описал это место:

«Квартира маленькая, тесная оттого, что там спит много народу. Когда в доме спит больше трех человек, очень трудно заставить их спозаранку складывать вещи. Помещение очень простое, с гостиной, столовой, спальней, ванной, маленькой кухней и длинным узким небольшим патио . В гостиной, столовой и спальне стоит несколько раскладушек. Позже мы выяснили, что их ставят на ночь, а днем сворачивают».

В этой и еще нескольких конспиративных квартирах в городе поселились Джино — итальянец, бывший партизан, участник

венецианской организации антинацистского Сопротивления во время Второй мировой войны, который после войны жил на Кубе, Мигель Санчес, получивший кличку Кореец за участие в борьбе против армии США в недавней войне, Гильен Селайя, единственный мексиканец в группе; Каликсто Гарсия, один из первых изгнанников, который сначала попытался стать профессиональным бейсболистом в Мексике, а потом устроился статистом в кино, доминиканец Рамон Мехия дель Калисто по прозвищу Пичирило и длинноногий друг Эрнесто рабочий лидер Ньико Лопес Фернандес, который возвратился с Кубы по призыву Фиделя. «Его видели спавшим на скамейках в парке посреди зимы;

Гитерас, Антонио (1905—1935) — общественный и государственный деятель Кубы; в 20-е гг. — один из лидеров революционного студенческого движения. Во временном революционном правительстве (сентябрь 1933 — январь 1934 гг.) занимал посты военного министра и министра внутренних дел, провел ряд реформ по ограничению деятельности империалистических монополий и защите прав трудящихся. В 1934 г. основал национально-революционную организацию «Молодая Куба», боровшуюся против диктатуры Батисты, и героически погиб в неравном бою с войсками диктатора.

он предпочитал изнемогать от голода, но не протягивать руку с просьбой о помощи к своим более обеспеченным землякам-эмигрантам». Там было и много других. Юниверсо Санчес, крестьянин из Матансаса и старый коммунист. Рамиро Вальдес, бедняк из Артемисы, прославившийся захватом сторожевых постов казарм Монкада. Военный моряк Норберто Кольядо, которого пытала полиция Батисты — его жгли огнем, подвешивали за мошонку и- выкинули в конце концов на мусорную свалку; он любил хвастаться своими боевыми ранами. Хуан Альмейда, еще один участник штурма Монкады. Альмейда быстро полюбил Мехико; ему очень нравилось ходить с подружкой-мексиканкой по имени Лупита есть тако в холмы Тепеяс.

Эти мужчины были связаны с группой женщин. Женщин было много, так как у движения был очень сильный женский состав. Это женщины главным образом организовывали сети финансирования, это они создали инфраструктуру в Сантьяго-де-Кубе и в Мексике. Работу в Мексике возглавляла Мария Антония Орхидея Пино. Неутомимый организатор, она, не имея денег, устраивала конспиративные квартиры и время от времени закладывала любой имевшийся хлам, чтобы оплатить аренду помещений. Она была поразительно груба. Эрнесто как-то раз

сказал Ильде: «Не удивляйся грязи, которая так часто льется с ее языка, это составляющая ее характера; она респектабельная дама и хороший товарищ». Кроме Марии Антонии, там были сестры Фиделя, а также мексиканка Пьедад Солис (жена Рейнальдо Бенитеса), Мельба Эрнандес, игравшая важную роль в набеге на Монкаду. Вместе со своим мужем Хесусом Монтане она занимала один из ключевых постов в мексиканской организации движения и ее финансировании.

Эти люди, совсем новые в жизни доктора Гевары, не были безобидными обывателями. Они принадлежали к той части поколения, у которой были кровные счеты с диктатурой Батисты. Это придало их цели трагический смысл, а отношениям с историей — определенную специфику.

В конце 1955 года Эрнесто, не расставаясь со своим стремлением стать всемирным путешественником, занимался русским языком в Советско-мексиканском центре культурных связей, прочел много книг по экономике (включая первый том «Капитала») и начал учиться печатать на новой пишущей машинке. «Теперь я с большим воодушевлением колочу по машинке, почти не глядя на клавиатуру. Когда я полностью овладею этим делом, то буду учиться вышивать».

Фидель приготовил рождественский обед, на который пригласил Эрнесто, Ильду, Мельбу и Монтане. Меню было очень

кубинским — «Мавры и христиане» — юкка (кассава) и мохо. Однако, несмотря на праздничную атмосферу, между гостями ощущалась некоторая напряженность: совместная жизнь Эрнесто и Ильды шла далеко не гладко и фактически держалась только на предстоящем рождении ребенка.

Благодаря агитаторским способностям Фиделя и его стремлению вовлечь в свои планы каждого, кто по неосторожности оказывался достаточно близко, к группе присоединился еще один человек. Это был Арсасио Ванегас, мексиканский спортсмен, занимавшийся вольной борьбой, который к тому же имел маленький печатный станок. Его назначили ответственным за физическую подготовку новичков.

Начинали тренировки с длинного перехода. Поскольку почти все будущие революционеры жили в южной части центра города, то они встречались около кинотеатра «Линдависта», в восьми-девяти километрах от конспиративных квартир, а оттуда шли на северную окраину, в Сакатенко. Через много лет Ванегас вспоминал, что они шли к месту встречи пешком, так как у них не было денег на автобус. «Обычным завтраком у нас была лепешка и вода».

В январе 1956 года начались тяжелые тренировки. Эрнесто в

то время исключил из своего рациона хлеб и макароны, чтобы похудеть. Он забросил свои эксперименты в области аллергии в больнице и не взялся за предоставленный ему курс лекций по физиологии.

Ванегас не только заставлял их ходить пешком и карабкаться по холмам, но также и обучал основам самообороны в спортивном зале, который арендовал на улице Бучарели. «Вольная борьба, немного карате, падения и страховки, удары ногами, подъем на стены».

По словам Ильды, когда Че после-первой тренировки «пришел домой, у него болело все тело, и я растирала его мазью». Но не мускулы составляли его главную проблему. Во время одного из забегов вверх по склону Ванегас заметил, что Гевара остановился, задыхаясь. «Вот что, дружище, я бы не хотел, чтобы кто-нибудь знал о том, что ты видел. Понимаешь ли, у меня сильная астма».

Когда мы оглядываемся назад через годы, эти тренировки кажутся нам смешными: игры для подростков, у которых много свободного времени и нет никакого понятия о дисциплине. Но все же они означали гораздо больше и, конечно, приносили пользу, эти марши по авениде Инсурхентес проспекту Повстанцев (!) — Перев.}, потом вверх по склону холма в Сакатенко, Чи-киюте или Ахуско, причем порой с рюкзаками.

В феврале обучение стало серьезнее и опаснее: Фидель получил разрешение тренироваться на «Лос-Гамитос», пригородном стрельбище, где обычно занимались члены стрелкового клуба. Будущие повстанцы стреляли из винтовок с оптическими прицелами в мишень на 600 метров или в живых индюков на 500. Когда кто-нибудь прицеливался в яблочко мишени, то, казалось, было слышно, как летит пуля, а если кто-то стрелял в индюка, то все вообще замирали, так как призом за меткую стрельбу в данном случае было право съесть пораженную цель. Обучение стрельбе, чередующееся с пешими походами и борьбой, продолжалось три месяца.

Именно в то время, согласно мемуарам Ильды Гадеа, Эрнесто выучился различать первые звуки Пятой и Девятой симфоний Бетховена. Это привело доктора в такое счастливое расположение духа, что он немедленно написал об этом матери. В музыкальном образовании Гевары было немного таких триумфов; при прискорбном отсутствии музыкального слуха он был не в состоянии сделать то, что считается обязательным умением любого настоящего аргентинца — спеть танго — и вынужден был просто пересказывать тексты танцевальных песенок.

«— Я отдал бы правую руку за умение играть на гитаре, —

сказал он жене.

— Но как бы ты без нее перебирал струны? — последовал ответ».

15 февраля примерно в семь часов вечера в «Санаторио Инглес» на свет появился долгожданный младенец.

«Ее назвали Ильда Беатрис, и она сделала меня счастливым вдвойне. Во-первых, потому что ее появление приостановило нарастающий разлад в нашей семейной жизни, а во-вторых, потому что теперь я полностью уверен, что смогу от- ' правиться на Кубу несмотря ни на что, так как моя неспособность жить вместе с ее матерью оказалась сильнее, чем ~ привязанность^ которую я ощущаю, когда смотрю на младенца. На какие-то мгновения мне показалось, что очарование ребенка и уважение к его матери (которая является во , многих отношениях замечательной женщиной и, пожалуй, чрезмерно любит меня) могут превратить меня в ничем не примечательного скучного отца.... Теперь я вижу, что этого не будет и что я буду продолжать свою цыганскую жизнь до тех пор, пока не приволоку, неведомо когда, свои грешные :. кости в Аргентину. Тогда мне придется выполнять свои обя занности, прекратить играть в странствующего рыцаря и препоясать чресла для настоящего сражения. Что касается ребенка, то не могу сказать ничего определенного; она ' представляет собой комок лиловой плоти, который сосет грудь каждые четыре часа как заведенный и с несколько меньшей регулярностью отрыгивает большую часть съеденного».

Эрнесто был чрезвычайно счастлив. Поскольку он обычно не проявлял своих чувств внешне, его радость не была явной для окружающих. Как сказала Мирна Торрес: «Казалось, что он счастлив быть отцом; он стал более человечным».

На горизонте имелось только одно темное облако: доктор волновался из-за того, что дочь могла унаследовать его астму. Он непрерывно наблюдал ее в поисках каких-либо признаков. К счастью, их не было.

Через пару месяцев он написал матери: «Она повадками напоминает Мао Цзэдуна. Она избалована сильнее, чем большинство детей, и ест примерно так же, как, судя по словам моей бабушки, ел я — это значит, что она сосет грудь не переводя дыхания, до тех пор, пока молоко не полезет из ушей».

Ключевой фигурой в планах Фиделя был Альберто Байо, замечательный человек, в прошлом полковник испанской Республиканской армии, потерявший глаз в бою. В то_время он жил в Мексике как эмигрант. Фидель встретился с ним в 1955 году. Ознакомившись с планами кубинского революционера, Байо

предложил прочесть ряд лекций по партизанской войне. Фидель не только поймал его на слове, но и склонял к более активному участию. Напоминая Байо о его кубинском происхождении, он уговаривал полковника присоединиться к той самой группе, которую он должен был обучать. Полковник согласился. Значительно позже он написал: «Я упивался энтузиазмом». Единственное сомнение, которое оставалось у него по поводу участия в предстоящем Вторжении, даже конкретной даты Вторжения, было связано с широким обнародованием этой даты. Это было безумием.

Насколько серьезно они относились к предстоящему? Да, они тренировались под руководством бывшего борца, который изматывал их бесконечными маршами по авенидам Мехико, занимались греблей на озере, где обычно школьники прогуливали уроки, стреляли в цель в тире стрелкового клуба, а теперь должны были оказаться в руках одноглазого полковника, который выделялся среди множества людей только тем, что был предан республике, некогда потерпевшей поражение в войне.

Конечно же, они воспринимали все это серьезно, абсолютно серьезно. Это видно из того, что они гребли и ходили как одержимые, из того, что дисциплина в группе соблюдалась неукоснительно. Все они стремились отобрать власть у Батисты и потому с такой злостью расстреливали несчастных индюков. Потому полковник Байо за закрытыми дверями с предельной серьезностью рассказывал рьяным новобранцам все то немалое, что знал о диверсиях, тактике партизанской войны, поддержании дисциплины в нерегулярных войсках, разбросе при стрельбе, использовании легкой артиллерии, стрельбе по самолетам, маскировке...

Эрнесто Гевара написал позднее:

«Моей непосредственной реакцией после тех первых занятий стала вера в возможность победы, которую победу я, в то время когда присоединился к руководителю мятежников, считал очень сомнительной. Я был связан с ним с ': самого начала. То было обязательство, порожденное взаимной симпатией между романтическими авантюристами и основанное на вере в то, что за такой чистый идеал стоит погибнуть на неведомом берегу».

Другим членом команды был Антонио дель Конде, человек столь же замечательный, как Байо и Ванегас. Кубинцы дали ему прозвище Эль Куате . Эль Куате владел маленьким оружейным магазинчиком в центре Мехико. Фидель пробудил в нем энтузиазм, он начал снабжать кубинцев оружием и стал неоценимым сотрудником, исполненным духа солидарности и авантюризма. Фидель предложил ему в качестве вознаграждения

10 процентов от стоимости приобретенного с его помощью оружия, но дель Конде продавал его кубинцам по себестоимости и в конце концов стал вкладывать в подготовку вторжения деньги из своего собственного кармана.

Благодаря способностям Эль Куате и некоторым сомнительным мероприятиям в различных местах, начиная от Толуки и кончая Пуэбло, были закуплены детали, из которых в оружейном магазине собрали двадцать охотничьих карабинов с оптическими прицелами. В Соединенных Штатах удалось приобрести и легально доставить в Мексику пять автоматов «ремингтон». Кроме

того, через северную границу контрабандой доставили еще довольно много разнообразного оружия, в том числе двадцать автоматов «томпсон», два противотанковых ружья пятидесятого калибра, пистолет «стар» с откидным прикладом, а из Ганахуато также рюкзаки, фляги и обувь.

Постепенно Эль Куате еще глубже вошел в дело и предложил Фиделю для хранения первой партии оружия подвал в доме, принадлежавшем родственникам его жены. Дом находился в престижном районе Ломас, обитатели которого частенько держали в кладовых оружие.

Байо арендовал ранчо Санта-Роса в Чалко, местности, расположенной в часе езды от Мехико. Оно принадлежало одному из былых приверженцев Панчо Вильи. Кубинцы надули старика, сказав, что владение хочет купить крупный политик из Сальвадора и что, если здание отреставрировать, за него можно будет запросить хорошую цену. Обманутый радужными перспективами, Ривера, сподвижник легендарного мексиканского революционера, сдал свое имение за символическую цену — восемь долларов в месяц.

Во второй половине мая 1956 года Эрнесто сказал Ильде, что для него настало время отлучиться из города. Доктор не знал тогда, что они расстаются на несколько лет.

Не он один сжигал за собой мосты. Полковник Байо бросил все, в том числе и преподавание в авиационной школе. Он посвятил все свое время обучению «его» кубинцев.

В Чалко сразу же началась учеба: стрельбы, трудный ночной марш-бросок («курение было строго запрещено», — вспоминал Юниверсо Санчес), боевое единоборство и теоретические занятия. Байо отвечал за подготовку и стал военным руководителем. Гевара был назначен ответственным за учет личного состава. Его назначение вызвало недовольство у некоторых кубинцев, раздраженных тем, что такой важный пост доверен иностранцу. Фиделю пришлось лично вмешаться и публично поблагодарить

«тех, кто, не будучи уроженцем нашей земли, желает пролить за нее свою кровь». Но Эрнесто все же почувствовал обиду. «Он был человеком без амбиций и замыкался в себе, если кто-нибудь возражал против его участия в какой-нибудь деятельности», — скажет Фидель много лет спустя.

Ранчо было малопригодно для жилья, так что будущие повстанцы спали на полу и тратили много времени на строительст во отхожих мест и избиение полчищ мух, которых было столько, что казалось, будто белые стены покрывала черная шуба.

По ночам при свечах проводились шахматные баталии между доктором Геварой и Байо и политические дебаты. Политические ориентации кубинцев были очень разнообразными. С одной стороны, были либерально, в духе Хосе Марти, настроенные Фидель, Хуан Мануэль Маркес и Феликс Элмуса, с другой — Рауль и Ньико Лопес, обладавшие более радикальными взглядами, а значительная часть бойцов вообще не имела никаких твердых политических убеждений.

«Я помню, как во время спора в узком кругу в одном из мексиканских домов поддержал мысль о том, что кубинскому народу нужно предложить революционную программу. На это один из участников нападения на Монкаду — позднее он покинул Движение 26 июля — ответил словами, которые я навсегда запомнил: «Все очень просто. Нам нужно всего лишь устроить удачный переворот. Батиста организовал удачный переворот и в тот же день пришел к власти; так что нам необходимо устроить другой, чтобы прогнать его прочь. Батиста дал американцам сотню концессий, а мы дадим сто одну». Вот и все идеи о захвате власти. Я спорил с ним, доказывал, что мы должны нанести удар, опираясь на определенные принципы, что очень важно знать, что мы будем делать, придя к власти... К счастью для нас, он и другие, думавшие так же, как он, оставили наше революционное движение и пошли своим собственным путем».

Эрнесто приписывал такие упрощенные предложения группе, которая стремилась обратить революцию «на благо преступных группировок, располагавшихся главным образом в Майами».

Мемуары Байо подтверждают, что Эрнесто изо всех сил стремился делать все как можно лучше, буквально добиваясь невозможного, и ему всегда это удавалось. Поражающее воображение состязание с самим собой и с пределами своих возможностей сделало его «первым кандидатом на повышение по службе; по всем дисциплинам он получил высшие оценки: десять из десяти».

Эрнесто был не единственным из тех, кто стремился

превзойти самого себя. Байо также решил, что не может быть только преподавателем, нет, он решил отправиться на Кубу вместе с повстанцами.

«Даже представить нельзя, что он делал на ранчо. Он хотел участвовать в экспедиции, но был очень толст, и потому устроил себе диету из одной только воды. Всего за две

недели он потерял десять килограммов. Он хотел сбросить еще десять, но времени не хватило. Какой великолепный старик!»

Именно в те дни доктор Эрнесто Гевара, готовившийся к участию в экспедиции в качестве врача, получил прозвище Че. К тому времени его аргентинский лексикон обогатился изрядным количеством кубинских выражений (точно так же, как за время своих поездок по Латинской Америке он повсеместно усваивал местную лексику). Он был очарован пристрастием кубинцев к чистоте (две ванны в день! Даже в ледяной воде высокогорного Чалко!), но все же не смог избавиться от одной из самых распространенных аргентинских привычек: именно так — «che!», то есть «эй, (ты)!» —он обращался ко всем окружающим. Для кубинцев и мексиканцев такое обращение оказалось экзотическим (в Центральной Америке традиционно обращение «hombre»), и потому товарищи по экспедиции стали именовать его именно этим забавлявшим их словом.

Находясь на ранчо, Че написал одно из худших своих стихотворных произведений — эпопею, посвященную Фиделю. Единственное достоинство этого произведения состоит в том, что из него видно, каким обаянием обладала личность кубинского лидера для аргентинского доктора:

Пойдем, сияющий пророк рассвета,
По нехоженым извилистым тропам.
Освобождать зеленого аллигатора, которого
ты так любишь.

Очевидна также и та серьезность, с которой Эрнесто воспринимал принятое обязательство перед революционным движением:

И если железо пресечет наш путь,
Мы будем просить, чтоб саваном слез кубинцы
Укрыли кости партизан
На дороге к латиноамериканской истории.
Более ничего.

Хорошо известно, что, как только Фидель поселился в Мексике, полиция режима Батисты начала готовить его убийство. Известно также, что в этом участвовал военно-морской атташе кубинского посольства, а с Кубы был доставлен наемный убийца, который должен был заручиться помощью местных гангстеров.

Местные, которым пообещали 10 000 долларов, подрядились убить Фиделя. Но слухи о подготовке акции достигли ушей Кастро, и заговор провалился. Однако в то же самое время официальные представители кубинского посольства обратились к мексиканским властям, чтобы выяснить, что тем известно о кубин цах, и предложили купить у хозяев информацию. Этот подход привел к успеху.

20 июня 1956 года мексиканская полиция, частично подкупленная, частично вынуждаемая давлением со стороны кубинского посольства, взялась за дело.

Фидель в ту ночь был на конспиративной квартире на углу улиц Кеплера и Коперника, с ним были Рамиро Вальдес, Канди-до Гонсалес и Юниверсо Санчес; они беседовали с Сиро Редондо и полудюжиной разместившихся там новобранцев. Случайно выглянув в окно, кубинцы заметили две странные фигуры, изучавшие номерной знак автомобиля Сиро — разбитого «Паккарда» 1942 года выпуска. Опасаясь худшего, Фидель велел группе разделиться и ушел с Юниверсо и Рамиро, но через несколько кварталов на них набросились полицейские. Фидель попытался сопротивляться и достал оружие, но тут же отдал его, когда полиция загородилась схваченными Юниверсо и Рамиро, как щитом.

Полицейские возили троих задержанных по Мехико, угрожая им и требуя, чтобы они назвали себя. Фидель ответил, что назовет себя только тем властям, которым, по его мнению, следует знать его имя. Тогда их доставили в Федеральное управление безопасности (ФУБ).

Кандидо Гонсалеса и Хулио Диаса задержали, когда они вышли из дома, привели в четвертый полицейский участок и подвергли истязаниям. Их связали по рукам и ногам и сунули под струю ледяной воды — у полицейских это называлось «загадать желание». Мексиканца Гильена Сейя, который отправился искать их, тоже арестовали.

Сиро Редондо, которому удалось убежать от первой облавы, был взволнован, потому что в его «Паккарде» находилась партия оружия. Его и Бенитеса задержали, когда они пытались разгрузить автомобиль.

Все происшедшее не было случайностью. Облава была подготовленной, и мексиканская полиция действовала под давлением полиции Батисты или же по договоренности с нею.

Второй набег состоялся поздним утром 21 июня. На этот раз полиция явилась к Марии Антонии, в дом номер 49 по улице Эм-параи. Агенты воспользовались условным сигналом революционеров — три стука в дверь. Мария Антония и Альмейда

были арестованы. Эваристо Венерео, предупредивший их, смог убежать через окно ванной.

В тот же день федеральные агенты появились в доме Гевары. Ильду обвинили в том, что она получает корреспонденцию для подрывной группы. На следующий день ее вместе с младенцем тоже арестовали. В штаб-квартире управления безопасности на площади Ла Революсьон ей показали телеграмму, адресованну «Алехандро» (псевдоним Фиделя), и настойчиво допрашивали насчет Эрнесто. Ильда придерживалась заранее подготовленной версии о том, что доктор Гевара уехал в Веракрус. Эль Патохо, живший в мансарде дома Че, тоже был задержан; правда, вскоре их с Ильдой выпустили.

Единственной удачей оказалось то, что один из кубинцев, видевший арест Фиделя, сумел сообщить об этом на ранчо, и Рауль успел спрятать оружие.

Судя по тому, что смог услышать Юниверсо, во время первой серии допросов в ФУБ Фидель решил сделать попытку уладить дело с помощью взятки. Вот что он потом рассказывал:

«Капитан Гутьерес Барриос сказал:

— Я веду дело.

— Посудите сами, мы — приличные люди. Как бы получше разобраться со всем этим? Скажем, мы могли бы дать вам некое пособие, а вы отпустили бы нас...

— Ну, и сколько вы предлагаете?

— Двадцать пять тысяч долларов.

У нас не было таких денег, и мне хотелось произнести совсем другие слова: вот дерьмо — он схватил меня, надел на меня наручники. Как он сказал мне позже, из-за того, что мы предложили ему так много, он решил, что мы скрываем что-то серьезное, какие-нибудь дела с нар- . котиками».

Из рассказа Гутьереса Барриоса:

«Мы нашли более или менее прилично нарисованную карту Мехико с шоссейными дорогами; на ней была обозначена Чалко... Я велел привести Фиделя и сказал:

— Избавьте нас от столкновения, которое не пойдет на пользу ни вам, ни нам».

Фидель решил поехать вместе с федеральными агентами в Учебный центр, чтобы избежать перестрелки. Прибыв на место, , он попросил бойцов соблюдать дисциплину, сказав им, что мексиканской полиции придется за все ответить. Че мог бы укрыться, так как в тот момент, когда прибыли джипы, он сидел на дереве — местном наблюдательном пункте. Но остальные настояли, чтобы он спустился, так как «Фидель зовет всех». А Рауль все же смог ускользнуть.

В конце концов задержанных собрали в тюрьме «Мигель Шульц» в районе Сан-Рафаэль. Это было небольшое заведение, использовавшееся Министерством внутренних дел как пересыльный пункт для иностранцев, подлежащих высылке.

Хотя Альмейда и скажет через много лет, что Гутьерес Барриос знал, что имеет дело «с приличными людьми» и обращался с ними достаточно аккуратно, «чтобы избежать столкновения», допросы проводились разными методами, от дружественного до зверского. Чучу Рейеса подвергли пыткам, чтобы добиться от него описания Эль Куате, таинственного поставщика оружия. Че обвинили в том, что он является коммунистом; полиция грозила, что будет пытать его жену и младенца. С этого момента он отказался отвечать на допросах, сказав, что раз они такие дикари, то могут больше на него не рассчитывать и что хотя он до сих пор отвечал на вопросы, касавшиеся лично его, то теперь он будет молчать.

Президент Руис Кортинес распорядился ускорить следствие по делу кубинских революционеров и выдвинуть против них обвинение. Генеральный прокурор направил для проведения допросов четырнадцать представителей Министерства социальных проблем. Полиция сообщила в прессу, что доктор Гевара в течение ряда лет имел связи с русскими. Эрнесто ограничился признанием очевидного: да, он входил в Движение 26 июля; да, он находился на ранчо; да, там было оружие (откуда он может знать, кто стрелял из него?); да, Фидель Кастро желал свергнуть Батисту. Однако, сделав это заявление, Эрнесто не вступал ни в какие дебаты и уклонился от разговора, когда агент министерства пожелал обсудить с ним какие-то вопросы марксизма. Если бы не вмешательство Гутьереса Барриоса, положение Гевары могло бы стать еще хуже. «Советник, он уже сознался, что является марксистом-ленинцем. А теперь идите и составляйте обвинительное заключение».

В тюрьме «Мигель Шульц» кормили только супом с хлебом; там было так холодно, что даже краска облупилась со стен. Кубинцам, похоже, было еще хуже. Двадцать восемь заключенных находились под гнетом опасения, что их могут казнить или депортировать на Кубу. Кто мог бы предсказать их участь в застенках Батисты? И, конечно, они переживали, что полетели к чертям долгие месяцы подготовки.

Затем последовал период странной неопределенности, во время которого судьба арестованных ни в малейшей степени не зависела от них. 27 июня консервативная газета «Эксельсиор» подлила масла в огонь, обвинив Че в том, что он поддерживает связь с другими революционными движениями Латинской

Америки и русскими эмигрантами. Эти утверждения, основанные на его членстве в Советско-мексиканском центре культурных свя зей, принесли серьезные неприятности Николаю Леонову, советскому дипломату, который дал Че книги Островского и Фурманова. Среди бумаг Че обнаружилась его визитная карточка, что было представлено как подтверждение связи Леонова с революционерами. Дипломата, послужившего причиной скандала, в который напрямую оказалось втянуто посольство, срочно отозвали в СССР.

Ильда, по совету родителей Эрнесто, связалась с их дальним родственником, работавшим в аргентинском посольстве, и попросила его вмешаться. Альфонсо Бауер, гватемальский друг Эрнесто, также высланный в Мексику, отправился в тюрьму и увиделся с Геварой. Эрнесто сказал ему: «Пончо, я пришел сюда вместе с товарищами и уйду вместе с ними. Большое спасибо тебе».

Оставшиеся на свободе Рауль Кастро и Хуан Мануэль Маркес организовали юридическую защиту. Они нашли двух адвокатов, Игнасио Мендосу и Алехандро Гусмана, которые взялись за дело и немедленно потребовали, чтобы заключенным разрешили связь с внешним миром. Одновременно в газетах появился документ, подписанный Раулем Кастро и Маркесом. В нем говорилось, что арестованные кубинцы ведут войну с диктатурой Батисты, но не принимают никакого участия в политической жизни Мексики.

Положение было очень напряженным, но дух арестованных оставался на высоте. Фотографии, сделанные в «Мигеле Шуль-це» — это, строго говоря, была не тюрьма, а центр, где в режиме относительной изоляции содержались нежелательные иностранцы, которых ожидала высылка за пределы страны, — кажутся праздничными. На одной из них, напоминающей снимок большого семейства, все улыбаются. На переднем плане Че в белом костюме растянулся как вратарь в ногах игроков своей команды, сверкает улыбка Альмейды, а в центре группы гордо стоит Мария Антония в темных очках и держит маленький кубинский флаг.

На другой, более неофициальной фотографии, запечатлено спальное помещение казарменного типа в «Мигеле Шульце»: белые железные больничные кровати, множество стоящих в беспорядке стульев, тумбочки с наваленными на них книгами, разбросанная одежда. Посреди помещения Фидель в темном костюме смотрит на Че Гевару, а тот, очень молодой с виду, обнаженный по пояс, надевает брюки. Любопытно, что эта фотография, переснятая из журнала «Маньяна», оказалась в досье тайной полиции Батисты. Это было первое изображение

аргентинского Доктора, попавшее в руки секретной службы кубинской диктатуры.

Переправившиеся за границу Рауль Кастро и Маркес попробовали связаться с бывшим президентом Мексики Ласаро Карде насом, который мог без труда оказать воздействие на мексиканское правительство. В конце концов, с помощью старой няньки Карденаса, жившей в Хикилпане, им это удалось. Карденас принял адвокатов кубинцев, которые попросили его переговорить с министром внутренних дел, но экс-президент решил пойти дальше и сказал, что обратится непосредственно к своему преемнику Руису Кортинесу.

6 июля, когда положение арестованных все еще оставалось неопределенным, Эрнесто наконец-то написал родителям длинное письмо, в котором рассказал историю своих отношений с Движением 26 июля и признался в том, что скрывал от них действительное положение вещей, ссылаясь на курс лекций, которых на самом деле не читал. Насчет своего участия в движении он сообщил:

«Я занимался физической подготовкой молодежи. Именно к этому участию в революционной работе вели все события, совершавшиеся прежде в моей жизни. А будущее делится на два: среднесрочное и ближайшее. Я могу сообщить вам, что среднесрочное связано с освобождением Кубы. Мне предстоит или победить вместе с ними, или погибнуть . там... Что касается ближайшего будущего, то о нем я мало что могу сказать, потому что не знаю, что случится со мной. Я во власти судьи, и мексиканцам будет легко выслать меня в Аргентину, если я не смогу получить убежища в третьей стране, что я думаю, пошло бы на пользу моему политическому здоровью».

Походя он упомянул, что в любом случае Ильда-старшая вместе с Ильдой Беатрис вскоре уедет к своим родным в Перу и что их семейный разрыв стал свершившимся фактом. В том же письме он объявил, что ему не нравится, что его письма читают посторонние, и поэтому теперь он будет писать реже.

«Мы готовы начать голодовку протеста против необоснованного задержания и пыток, которым были подвергнуты некоторые из моих товарищей, и продолжать ее сколько потребуется. Дух в нашей группе в целом очень высок.

Если по какой-либо причине, которую пока что нельзя предвидеть, я больше не смогу писать, если я сойду с ума, то, прошу, считайте эти строки прощанием — не очень красноречивым, но искренним. Всю свою жизнь я, спотыкаясь, брел по дороге в поисках моей правды и теперь, когда у меня есть дочь, которая сможет продолжить дело после меня, я замкнул

круг. Теперь я могу воспринимать свою смерть как всего-навсего неприятность, как Хикмет : «Я ,, возьму с собой в могилу / лишь сожаление о неоконченной . песне».

Тремя днями позже, 9 июля, когда должна была начаться голодовка, иммиграционные власти освободили двадцать человек из числа задержанных. Освобождение сопровождалось странным бюрократическим выражением: «Вас приглашают покинуть страну». Юниверсо Санчеса, Сиро Редондо, сына полковника Байо и еще нескольких человек освободили под честное слово с единственным простым условием — еженедельно являться для регистрации. Еще двоих средства массовой информации обвинили в том, что они являются коммунистами, и их выслали из Мексики под тем предлогом, что у них истекли сроки разрешения на иммиграцию. В тюрьме остались лишь Фидель, Эрнесто Гевара и Каликсто Гарсия.

Обращение Карденаса к мексиканскому президенту оказалось лишь первым успехом. Мексиканское правительство, похоже, решило пересмотреть проблему, решив, что не стоит публично потворствовать диктатуре Батисты. Но власти не привлекала и мысль об освобождении всех до одного кубинских революционеров. Снова возник основополагающий вопрос, связанный с самим принципом власти, с навязчивым: «Кто за это отвечает?» Этот вопрос и ответ на него составляли важнейшую из проблем мексиканской политики начиная с сороковых годов; в нем было что-то маниакальное. Фиделю по-дружески предлагали высылку в Уругвай, но лидер Движения 26 июля отказался, поскольку это неминуемо нарушило бы планы Вторжения.

Тюремные дни шли своим чередом. Эрнесто играл в футбол, а по четвергам и воскресеньям к нему приходили посетители. Он с большим удовольствием играл с маленькой Ильдой, пока она не засыпала, рассказывала ее мать, «а затем мог целую вечность смотреть на нее и развлекаться гримасами, которые она строила во сне».

Мать Эрнесто в письме сурово отчитала его. 15 июля он направил ей ответ: «Я не только не являюсь умеренным, но и никогда не попытаюсь стать им». Так что она не могла питать ложных идей по поводу положения, в котором оказался сын. К тому же она теперь знала, что ему не изменило чувство юмора: в том же письме он пояснил, что «пятна на письме — это не кровавые слезы, а томатный сок».

Фидель был освобожден 24 июля. Какие условия были достигнуты в ходе переговоров? Действительно ли помогло вмешательство в события бывшего президента? Двоим товарищам, оставшимся в заложниках, Фидель пообещал, что не

начнет экспедицию без них.

Наконец, после пятидесяти семи дней заключения, Че и Каликсто вышли за ворота тюрьмы «Мигеле Шульц». Ходили слухи о том, что кому-то где-то дали огромную взятку. Сам Че сказал Ильде, что они оказались на свободе «благодаря тому, что Фидель уплатил большую сумму денег иммиграционным властям». Фидель кратко и четко сформулировал свое отношение к Мексике: «Происшествие закончено и забыто, и я не хочу, чтобы кубинцы сохранили какую-то обиду на Мексику. Тюрьма и дурное обращение — все это составные части нашего дела борьбы».

Че рассказывал много лет спустя:

«Факт состоит в том, что Фидель, можно сказать, ради дружеских привязанностей, предпринял некоторые шаги, которые поставили под угрозу его революционные устремления. Помню, как я объяснял ему свое положение: я иностранец, незаконно проживающий в Мексике, которому предъявлена куча обвинений. Я сказал ему, что он не должен никоим образом прерывать революционную работу ради моего спасения и что ему следует оставить меня; что я понимаю положение и постараюсь приехать, чтобы принять участие в борьбе, отовсюду, куда бы мексиканские власти ни отправили меня, и что единственное усилие, которое он должен сделать — это добиться, чтобы меня выслали в какую-нибудь близлежащую страну, а не в Аргентину. Я также помню краткий ответ Фиделя: «Я тебя не брошу». И именно так и получилось, поскольку для того, чтобы вытащить нас из мексиканской тюрьмы, пришлось потратить драгоценное время и деньги».

Теперь костяк группы изгнанников, вынужденных еще более строго соблюдать секретность, оставшихся с разгромленной сетью конспиративных квартир и без денег, должен был найти новые жилища и заново организовать обучение. Они отчаянно принялись за организацию мер безопасности, чтобы сохранить оружие, которое удалось спасти, и за работу по восстановлению финансов движения.

Новый лагерь был организован в Мериде, а в Мехико устроили несколько тайников для оружия. Мария Антония взяла на себя ответственность за восстановление сети жилья; ей пришлось заложить свое собственное имущество и одежду, чтобы возместить первоначальные расходы.

В одной из многочисленных поездок по всей стране в поисках мест, подходящих для обучения, Фидель случайно выяснил, что Эль Куате Конде являлся совладельцем разбитой яхты, находившейся поблизости от порта Туспан.

« —Если вы сможете уладить дела с этим судном, я возьму

его.

— Эта лодка совершенно бесполезна».

Яхта только наполовину принадлежала Эль Куате, так как он выплатил лишь половину стоимости ее владельцу, некоему американцу по имени Роберт Б. Эриксон. Хотя она несла мексиканский флаг, но называлась «Гранма» (вероятно, в честь бабушки американца'). К сожалению, судно было длиной всего лишь шестьдесят три фута и имело только одну палубу. Фиделю и другим казалось, что она годилась лишь для команды, состоящей из карликов, да и то немногочисленной. Ее два двигателя «Грей» по 250 лошадиных сил каждый, теоретическая вместимость, составлявшая двадцать пассажиров и команду (при этом люди должны были набиться в суденышко, как сельди в бочку), и киль, поврежденный прошлогодним ураганом, красноречиво подтверждали мнение Эль Куате. Эриксон просил за свою долю в лодке 15 000 долларов при условии, что покупатели еще за две тысячи приобретут дом на берегу реки Туспан. Фидель обратился к свергнутому Батистой президенту Кубы Карлосу Прио Сокарра-су, который нашел укрытие в Соединенных Штатах. Он был не слишком высокого мнения об этом человеке, но тогда было не время воротить нос от возможного помощника. Без судна не состоялось бы никакой экспедиции. «Это будет единственный вклад со стороны, который мы приняли», — несколько месяцев спусти сказал Фидель американскому журналисту.

Несколькими днями раньше решили полностью отказаться от идеи вторжения по воздуху, а никакого другого судна на примете не было. Поэтому Эль Куате и Фидель (он назвался братом Конде) купили у Эриксона «Гранму» и немедленно приступили к ее переоборудованию. Они капитально отремонтировали оба дизельных двигателя, что должно было заметно прибавить им мощности, увеличили полезное пространство, демонтировав множество не очень нужных приспособлений, и добавили баки для воды.

После освобождения Эрнесто Гевара провел три дня дома, упаковал вещи и попрощался с женой. Неделей позже он через связного предложил Ильде еще раз встретиться в Куаутле, куда он приехал под именем доктора Эрнесто Гонсалеса. При встрече Ильда спросила его, как он достает деньги. Она была убеждена в том, что он не должен жить за счет движения, несмотря даже на то, что уже с мая он не работал в больнице и не имел никаких доходов.

В то же время начиная с сентября Че был вынужден перейти на нелегальное положение, так как «Министерство внутренних

дел совершило серьезную ошибку: поверив в мое джентльменское обещание, оно освободило меня с тем условием, что я в течение десяти дней покину страну». Время от времени он забегал проведать свою дочь, маленькую Ильду, и как-то раз процитировал ей строки из стихотворения Антонио Мачадо, посвященного генералу Листеру, одному из героев гражданской войны в Испании: «Мое слово разносится от холмов до моря / Если бы мое перо обрело мощь твоего пистолета / Я умер бы счастливым». Судя по всему, семимесячной Ильде понравились звонкие стихи Мачадо: когда отец умолк, она расплакалась, прося читать еще.

Шел заключительный этап набора добровольцев. В конце октября из Гаваны возвратился доктор Фаустино Перес. К группе присоединился Камило Сьенфуэгос — портной, обладавший помимо своего профессионального умения множеством других талантов. На ноге у него сохранился шрам от пулевого ранения, полученного во время студенческой демонстрации. Камило жил в США и приехал сразу же, как только до него дошел слух о том, что «в Мексике заваривается что-то серьезное». Следом появился Эфихенио Амейхейрас. Однажды, листая журнал «Боэмия», он нашел там известие о том, что его брат был убит после набега на казармы Монкада. Он был водителем такси в Мехико, куда прибыл из Коста-Рики с фальшивым паспортом. Однако в Мексику собирались не только бойцы, стремившиеся пополнить ряды повстанцев. Появилось множество агентов кубинской военной разведки, которые, помимо всего прочего, усиленно фотографировали прибывавших в аэропорту.

В последние месяцы произошел ряд важных встреч, определивших отношения между повстанцами и группами политической оппозиции на самой Кубе. Встречи проходили в любезной обстановке, но несмотря на настойчивые пожелания представи телей ряда организаций, Фидель отказался изменить свой план или отложить его осуществление.

Первая и, пожалуй, самая важная из этих встреч произошла в начале августа, сразу же после того, как Фидель вышел из тюрьмы. Фидель встретился с Франком Паисом. Этот молодой школьный учитель, один из руководителей революционной организации Восточной Кубы, присоединился к Движению 26 июля уже после того, как Фидель покинул остров. Франк сказал Фиделю, что, по его мнению, лучше отложить вторжение до того времени, когда вновь основанные городские организации окажутся лучше подготовленными и смогут начать восстание одновременно с высадкой десанта. Фидель согласился с этим обоснованным предложением. На обоих собеседников встреча

произвела очень сильное впечатление. В лице Франка Фидель нашел городского координатора, который был так нужен движению. Тогда же были выработаны стратегические принципы совместных действий. Одновременно с высадкой должны были начаться городские выступления.

В августе у Фиделя состоялась встреча еще с одной из центральных фигур демократической левой оппозиции — студенческим лидером Хосе Антонио Эчеверрией, членом Революционного Директората. Они заключили договор о координации действий. Фидель сообщил Директорату о своих планах, а Эчеверрия пообещал поддержать высадку десанта вооруженным выступлением в Гаване.

Еще одна важная встреча состоялась у Фиделя с представителями Народно-социалистической партии Кубы (НСПК) — так с 1944 года стал называться Революционный коммунистический союз. Их возглавлял Флавио Браво, лидер ее студенческого крыла, учившийся вместе с Фиделем в Гаванском университете. Но здесь не было достигнуто взаимопонимания, поскольку НСПК в принципе возражала против вторжения повстанцев на Кубу. Флавио стремился убедить Фиделя и в его лице все Движение 26 июля в том, что наилучшим образом действий будет мирное противостояние диктатуре коалиции левых партий. Но Фидель не принял его доводов во внимание.

В конце октября вновь приехал Франк Пайс, чтобы окончательно уточнить детали предстоящих действий. На Кубу он возвратился с текстом кодовой телеграммы, которой предстояло уведомить кубинские организации о планах Фиделя. Было вновь подтверждено соглашение о том, что восстание будет приурочено к высадке десанта. Пайсу сообщили и другие важные сведения: высадка предполагалась в области Никеро, в предгорьях Сьерра-Маэстры.

В начале ноября Эрнесто написал матери:

«Я убедился в том, что мое дело невозможно разрешить законным способом. Я пишу тебе из ничем не примечательного места в Мексике, где дожидаюсь, пока положение определится. Этот воздух свободы является в действительности воздухом тайны, что, впрочем, не имеет значения: это придает событиям облик захватывающего детективного фильма».

В те дни он скрывался в мансарде на чердаке дома своего друга Альфонсо Бауера в Нарварте, районе Мехико. Эту каморку он делил с Каликсто Гарсией и еще несколькими кубинцами. «Мы проводили долгие дни скрываясь, прятались, где только можно, насколько это было в наших силах, избегали появляться на людях и вообще старались не выходить на улицу». Им чудом удалось

укрыться, когда в дом ворвалась полиция и полезла на чердак с обыском. В результате полицейские принесли извинения доктору Геваре, который очаровал их, прикинувшись неимущим интеллигентом. «Вор — наверняка дружок какой-нибудь из служанок», — сказали они ему на прощание.

А вот что он написал Тите Инфанте о своих отношениях с Ильдой:

«Тебе, вероятно, будет интересно узнать, что мой брак практически распался. Окончательно мы разойдемся уже в следующем месяце, когда моя жена поедет в Перу, чтобы впервые за восемь лет увидеться со своими родными. В этом разрыве есть привкус горечи, поскольку она была надежным спутником и ее действия как революционера во время моих принудительных каникул были безукоризненными, но наши духовные разногласия оказались слишком большими; я живу исполненный анархического духа, который заставляет меня мечтать о новых горизонтах».

Ильда в своих мемуарах придерживается другой версии. Она подчеркивает, что разрыв предполагался временным и произошел только из-за стечения обстоятельств. Правда, Ильда Гева-ра — маленькая Ильда — вспоминала, как мать не раз говорила ей, что в Мексике, когда ее родители разошлись, Эрнесто считал, что таким образом жена и дочь не будут подвергаться опасности ареста, а при новой встрече они с женой смогут увидеть, какими их отношения окажутся к тому времени. Учитывая опасность кубинского предприятия, Че не желал, чтобы у его жены именно в это время были какие-нибудь сомнения относительно ее семейного положения.

Фидель арендовал другое ранчо, на сей раз в Абасоло, штат Тамаулипас, неподалеку от намеченного пункта отплытия. Это было почти идеальное место, так как находилось в значительном отдалении от столицы. К группе присоединился Фаустино Перес. К концу октября там собрались шестнадцать из будущих членов экспедиции, затем прибыли еще двадцать человек.

Заключительный этап тоже не обошелся без осложнений. В Мехико продолжались облавы и обыски. В середине ноября мексиканская полиция конфисковала партию оружия; были разгромлены две конспиративные квартиры, а один из кубинцев, Педро Мирет, был арестован. Фидель отправился на встречу с Гутьересом Барриосом, который сказал ему, что мексиканская полиция получала сведения от кубинской секретной службы, которая, несомненно, смогла внедриться в Движение 26 июля.

«Мы выяснили, что в наших рядах был предатель, имени которого мы не знали, и что это он выдал партию оружия. Мы

также выяснили, что он выдал яхту и передатчик, хотя юридический коммерческий контракт на приобретение судна все же следовало составить. Эти данные сразу же должны были показать кубинским властям, что предатель имел четкое представление о наших самых сокровенных тайнах. Но это также спасло и нас, так как мы смогли узнать то же самое».

Сам же Фидель высказался более определенно. «Тот, кто передавал сведения о нас, сбежал от мексиканской границы. Мы выяснили, что он выдавал конспиративные квартиры одну за другой, а затем собирался выдать и нашу лодку. Именно поэтому мы так поторопили события». Личности этого часто упоминавшегося предателя предстояло остаться одной из великих тайн кубинской революции. Его имя так и не было обнародовано.

Тем временем Че скрывался на том 'же чердаке в доме Бауэра — и, по словам домовладельца, являлся идеальным гостем. «У него была одна укоренившаяся привычка: он читал как проклятый, держа в руках тыкву с мате. Он старался не причинять никаких беспокойств; нам приходилось каждый раз просить его спуститься вниз, чтобы поесть». Однажды Фидель приехал без предупреждения, чтобы повидать Че, и с большим трудом смог увидеться с ним: Бауэр наотрез отказался признать знакомство с Эрнесто, а Фидель доказывал, что знает, что Че в доме. В конце концов он поставил ногу в дверь и заявил, что не сдвинется с места, пока его не впустят.

21 ноября с ранчо Абасоло исчезли два человека, и таким об разом вся намеченная экспедиция еще до начала оказалась под угрозой полного провала. Фидель принял решение: с 22 ноября вступал в действие план мобилизации разрозненных групп будущих десантников. Сбор был назначен двадцать четвертого числа на пристани на реке Туспан, в нескольких милях вверх по течению от одноименного маленького порта в штате Веракрус.

Че вспоминал об этих событиях: «Приказ о сборе пришел совершенно неожиданно; все мы должны были выбираться из Мехико без вещей лишь в той одежде, что была на нас, группами по два-три человека... чтобы опередить предателя, который должен был выдать нас полиции». Че оставил разобранную постель, рядом была тыква с мате и раскрытые книги. Через несколько дней, когда друзья разволновались и выбили замок, они увидели, что в последние дни Че читал «Государство и революцию» Ленина, «Капитал» Маркса, руководство по военно-полевой хирургии Германа Арсиньегаса и неизвестно чью книгу под названием «Como Opera el Capital Yanqui in Centroamerica» («Как капитал янки работает в Центральной Америке»)1. Группа, базировавшаяся в Веракрусе и Халапе, покинула свою гостиницу в

Теко-лутле, бросив там все свои вещи и скорее всего не расплатившись по счетам. Торопясь уйти от весьма вероятной опасности, почти никто из повстанцев, имевших небольшие тайные арсеналы, не успел извлечь оттуда автоматическое оружие. И это не было единственным осложнением. Че вспоминал: «Я должен был уйти так же налегке, без ингалятора, и по дороге со мной случился ужасный приступ астмы. Я уже думал, что так и не смогу добраться туда».

В конце концов участники экспедиции двадцать четвертого ноября собрались в Туспане. Шел дождь. Все они проделали многомильные путешествия на автомобилях или автобусах из Мехико, Веракруса, Халапы и Сьюдад-Виктории, где новобранцы, покинувшие ранчо Абасоло, скрывались по ночлежкам. Из-за организационной неразберихи о маленькой группе под командой Эктора Алдама просто забыли. Они так и не получили приказа на сбор.

«Некоторые, сначала, казалось, желавшие идти, позже отпали под тем или иным предлогом, так что число участников экспедиции оказалось ограниченным. В итоге на борт «Гран-мы» нас поднялось восемьдесят два человека».

Версия Гевары неточна. Претендентов, стремившихся отправиться в плавание на борту «Гранмы», было поначалу гораздо больше, чем восемьдесят два человека. Фидель вспоминал:

«На «Гранме» было восемьдесят два человека; многих желающих мы не могли взять, и им предстояло остаться. Знаете, как мы выбрали их? Исходя в первую очередь, конечно, из имеющегося у человека опыта, практики и т. д., и т. п.; в результате набралось человек пятнадцать примерно одной категории, а затем мы сказали: «Как бы нам взять как можно больше из них оставшихся? И мы выбирали по весу и росту. Самых маленьких из всех наших отрядов оставили под конец, а троих-четверых самых жирных парней вовсе не учитывали. Они не ехали, и не было никакой возможности убедить их в том, что все дело в их размерах».

Кроме «жирных парней», были оставлены и некоторые другие. Педро Мирет, одна из ключевых фигур, находился в Мехико под арестом, ожидая суда. Эль Патохо Фидель отказал потому, что не хотел, чтобы экспедиция стала «иностранным легионом». Эль Куате также не позволили остаться на борту; его участие в финальной части экспедиции было ограничено поездкой по побережью Мексиканского залива до островов Исла Мухерес для страховки на тот случай, если с «Гранмой» случится серьезная авария. Байо не допустили из-за возраста, и никто не мог утешить

его. Даже Ванегас вынужден был со слезами на глазах попрощаться с Че.

Маленькая группа выступала в роли комитета по организации проводов. Мельба Эрнандес, Пьедад Солис и Эль Куате смотрели на небольшую яхту, заполненную людьми. Добровольцы спешили на судно, чуть ли не отпихивая друг друга, потому что прошел слух, что не все из них годятся и многим придется остаться на суше. После стольких месяцев ожидания никто не хотел выбыть из игры.

Припасы были размещены под тентом; там же разместился Фидель, взявший на себя вахту в первые несколько часов. В половине второго ночи на 25 ноября загудели два двигателя «Гранмы». Судно с выключенными огнями отошло от импровизированного причала. Северный шторм, «норте», вызвал сильное волнение в Мексиканском заливе, шел непрерывный дождь, и малым судам выход в море был запрещен.

На переполненном судне находились восемьдесят два человека. Они стояли, прижимаясь друг к другу, пытаясь укрыться от холода последней ночи, проводимой на территории Мексики.

Санчес Амая, один из участников экспедиции, сказал: «На палубе было некуда ступить». Они пребывали в смешанном состоянии неловкости, опасения и надежды. И они были «хорошими», не в строго правильном испанском или мексиканском смысле, а в кубинском смысле, то есть, храбрыми и дерзкими. И они были действительно «хороши» в своем намерении свергнуть военную диктатуру руками восьмидесяти двух человек, плохо вооруженных, отправившихся в путь на переполненной хрупкой маленькой лодочке. Два исполненных сомнений года подготовки к невероятному предприятию закончились. В таких случаях принято говорить: «Все в руце божьей».

Впереди их поджидали тридцать пять тысяч вооруженных людей — столько насчитывала приведенная в готовность полиция, не считая тайных агентов. А кроме полиции, была еще армия, оснащенная танками, десятью военными кораблями, пятнадцатью судами береговой охраны и семьюдесятью восемью истребителями и транспортными самолетами.

Ну а пока что «Гранма» танцевала на волнах, смело противостоя всем фуриям северного ветра. Мексика уходила за корму. Со временем Че и его товарищи будут добром поминать эту страну. В памяти у них в первую очередь будут возникать готовность людей прийти на помощь и их улыбки, а не полицейские пытки и взяточничество, долгие прогулки по

авениде Инсурхентес и вкусные такое, а не холод и одиночество. Че будет рассказывать о солидарности с ними экс-президента Карденаса, прекрасных пирамидах майя и даже о старой Марии, а не о высоких стенах тюрьмы «Мигеле Шульц».{5}

8. «Гранма» черпает воду.

Яхта двинулась вниз по течению и уже через полчаса вышла из устья реки. Она погрузилась в воду значительно ниже ватерлинии, корма чуть возвышалась над поверхностью, а палуба была сплошь забита кое-как рассевшимися людьми. Много лет спустя Фидель Кастро рассказывал:

«Мы испытывали «Гранму» в спокойных водах и всего с несколькими членами команды на борту. Никто не подумал толком о том, что, если на лодку погрузить восемьдесят два человека, которые вместе весят несколько тонн, плюс оружие, воду, топливо, продовольствие... это должно сильно перегрузить лодку. Она была не просто перегружена, она чуть ли не тонула. Судно представляло собой жалкую скорлупку, подпрыгивавшую на волнах в Мексиканском заливе».

Это была не единственная проблема экспедиции. Несмотря на все меры по обеспечению безопасности и принятые предосторожности, таинственный и все еще неизвестный осведомитель, внедрившийся в Движение 26 июля, смог отправить первое сообщение. Несмотря на свою неопределенность, оно тем не менее вызвало тревогу у руководства войск диктатуры. Депеша, достигшая высших чинов кубинской армии, гласила: «Лодка с большим количеством людей и оружия вышла сегодня из мексиканского порта».

Рейс только начался, а у доктора Гевары уже появилась работа.

«Мы принялись лихорадочно искать антигистамины для борьбы с морской болезнью, но ничего не нашли. Уже минут через пять после того, как были спеты кубинский национальный гимн и гимн Движения 26 июля, лодка представляла собой смешное и трагическое зрелище. Люди с встревоженными лицами хватались за животы. Некоторые уткнулись головами в ведра, другие в самых причудливых позах неподвижно лежали на палубе в испачканной рвотой одежде. Кроме двух или трех моряков и четырех-пяти из числа остальных, все восемьдесят два человека на борту страдали от морской болезни».

Перед рассветом было принято решение: как можно скорее покинуть мексиканские территориальные воды, чтобы избежать встречи с береговой охраной. Рулевой взял курс на восток, но с трудом выдерживал его из-за ураганного ветра.

Рассвет 26 ноября был облачным, на переполненную палубу яхты обрушивался ливень. Лодка делала 7,2 узла вместо ожидае

мых десяти. Ближе к вечеру люди стали страдать от голода сильнее, чем от морской болезни; были открыты мешки с апельсинами, лежавшие на корме. Гевара уговаривал тех, кому было хуже всех от морской болезни, выпить хотя бы немного жидкости. Ему самому было хуже некуда — тяжелый приступ астмы. Хесус Монтане рассказывал: «Экспедиция была вынуждена отправиться в сильной спешке... И Че не удалось собрать медикаменты, необходимые для того, чтобы справляться со своими приступами... Мы были все поражены стоицизмом и самопожертвованием, с которым он переносил страдания. Никто не слышал от него ни единой жалобы. И лишь благодаря тому, что товарищ Фаустино Перес, словно по наитию, захватил с собой несколько ампул адреналина, удалось несколько облегчить Че самые тяжелые мгновения приступа». Мореплаватели плохо представляли себе, где они находятся. Они шли вдоль полуострова Юкатан, держась примерно в сорока милях от побережья, чтобы избежать встречи с мексиканскими властями. По мнению Рене Родригеса, считавшегося кинооператором, «но без камеры и пленки, так как у нас не было денег ни на то, ни на другое», ближайшей точкой кубинского побережья был Пинар-дель-Рио; с ним были согласны еще несколько человек.

Волнение утихло, и Фидель, решив воспользоваться относительно спокойной погодой, приказал установить оптические прицелы и проверить автоматы. «Никто даже головы не поворачивал туда, где находился ближайший берег, — мишень поместили на баке, а стрелки расположились на корме». В разгар стрельб руководитель группы заметил новую цель — нескольких дельфинов, плававших поблизости от судна, и приказал стрелять по ним. Но тут начался ропот. Эфихенио Амейхейрас, бывший водитель такси в Гаване и в Мехико, стрелявший тогда из своего автомата «томпсон», заметил: «Я был из числа тех, кто доказывал, что нельзя стрелять в дельфинов, так как моряки говорят, что это очень плохая примета».

27 ноября, на третий день плавания, когда «Гранма» находилась к северу от Юкатана, Норберто Кольядо, один из рулевых, выяснил, что в трюме остапось всего несколько мешков апельсинов, несколько дюжин крутых яиц, которых с трудом должно было хватить на один-единственный прием пиши, протухший кусок ветчины и две банки морских галет. «В суматохе поспешного отъезда часть продовольствия забыли на берегу. Не было бы счастья, да несчастье помогло: из-за морской болезни люди и думать не могли о еде, и поэтому в течение первых нескольких дней недостаток провизии не был замечен. Обнаружив, что положение становится критическим, Фидель

немедленно ввел нормирование питания.

Количество неприятностей увеличивалось непрерывно. Инженер Чучу Рейес хотя и уделил много времени и труда двум дизельным двигателям, которыми очень гордился, обнаружил, что на одном из них пробуксовывает фрикцион и потому увеличить скорость нельзя. Лишь держа не больше половины оборотов, можно было не опасаться погубить двигатель. Затем лопнул шланг одного из топливных насосов, в трюм судна непонятно откуда стала набираться вода, а помпа работала плохо.

В тот пасмурный день, когда солнце лишь изредка пробивалось сквозь густую облачность, «Гранма», перегруженная скорлупка Фиделя, выжимавшая едва две трети от своей крейсерской скорости, легла на новый курс. Судно шло на восток от мыса Каточе, крайней северо-восточной оконечности Юкатанского полуострова, оставляя далеко на севере ближайшую точку Кубы — мыс Сан-Антонио. Достигнутые на испытаниях яхты десять узлов оставались недоступной мечтой; удавалось делать в лучшем случае семь с половиной.

«Требуемая книга распродана. Найдите издателей», — гласила первая телеграмма. «Необходимо срочно выслать диплом колледжа. Люблю, Берта», — сообщала вторая. Что говорилось в третьей телеграмме, так и осталось навсегда неизвестным, потому что ее получатель, Альдо Сантамария, вынужден был проглотить депешу, когда через несколько дней был схвачен полицией Гаваны. Телеграммы были посланы из Мексики для того, чтобы привести в готовность сеть организаций Движения 26 июля в Сантьяго, Гаване и Санта-Кларе. Они ставили товарищей на Кубе в известность о том, что экспедиция вышла в море, чтобы, как было запланировано, высадка совпала с началом восстания в городах. Но сколько же времени, с учетом задержек, вызванных штормами, перегрузкой и отказом двигателя, должно было потребоваться «Гранме», чтобы достичь провинции Орьенте, западной части острова?

Тем временем некоторые участники экспедиции, страдавшие от морской болезни и тесноты, думали только о том, как бы живыми добраться до берега. Инженер Чучу Рейес вспоминал: «Некоторые товарищи провели все три дня, неподвижно скорчившись по углам».

Гильен Сейя, молодой мексиканец, участвовавший в экспедиции, рассказывал, что аргентинский доктор продолжал страдать от приступов астмы. Спустя несколько лет один американский журналист где-то откопал историю о том, что после особенно сильного обострения Гевара лежал при смерти и кто-то сказал об этом Фиделю. «Если он мертв, то бросьте его за

борт», — ответил тот.

В среду 28 ноября судно продолжало набирать воду, но положение в целом уже казалось не таким безнадежным. «Мы обнаружили, что вода проникает в трюм не через какие-то неведомые щели, а через открытый клапан фановой трубы, шедшей от уборных». Вскоре возникли еще две версии. Чучу Рейес: «Один из туалетов был все время занят товарищами, которых непрерывно рвало из-за морской болезни; он оказался переполненным, клапан, через который выливалось содержимое, оказался заклинен в открытом положении, и морская вода начала поступать внутрь». У Фиделя была другая версия. «Мы отчаянно откачивали воду, а проблема, как выяснилось позже, была очень проста. Часть борта, которая обычно находилась над водой, была менее водонепроницаема чем подводная часть и поначалу пропускала воду, но судно глубоко сидело в воде, доски разбухли и щели закрылись сами собой». Однако, какими бы ни были истинные причины течи, люди провели три первых дня плавания, посменно откачивая воду.

29 ноября, на пятый день плавания, яхта ушла в сторону от мексиканского побережья и западной оконечности Кубы, держа курс южнее острова, на Каймановы острова и Ямайку. В поле зрения попалось несколько рыбацких лодок, и Фидель приказал очистить палубу, поднять из трюма оружие и приготовиться к бою. Однако тревога оказалась ложной.

Конечно, бойцы, находившиеся на борту «Гранмы», не могли знать, что диктатура Батисты уже мобилизовала свои силы на всей территории острова, что авиация получила приказ высматривать в прибрежных водах подозрительные суда, что к тому же в Сантьяго-де-Куба бросили якоря американские военные суда: подводная лодка, несколько эскадренных миноносцев, фрегат1 и сторожевой корабль.

На следующий день, в пятницу 30 ноября, радиоприемник принес тревожные известия: в столице и небольших городах повстанцы выступили против существующего режима, на улицах возникали спорадические перестрелки, происходили диверсии, но в Сантьяго восстание, казалось, было самым мощным. Сообщалось о вооруженных столкновениях в полицейских участках, в штаб-квартире морской полиции, о снайперах на городских крышах.

Находившиеся на борту «Гранмы» мучительно страдали отто го, что их не было там, что они болтались в Мексиканском заливе, в то время как их товарищи сражались. Неуверенность, сознание того, что они опоздали, как темным саваном окутали участников революционного десанта. А часы шли, и

радиосообщения, казалось, подтверждали, что столкновения ослабевают, а мятежники терпят поражение.

Фидель и другие руководители обсуждали возможность изменения плана: вместо попытки высадиться неподалеку от порта Никеро, который к настоящему времени должен был оказаться под контролем военных, они могут попытаться приблизиться к побережью Лас-Колорадас, лежащему на юго-востоке от первоначально намеченной точки. Оттуда они могут на грузовиках направиться к ближайшему городу, атаковать его, а потом двинуться в горы Сьерра-Маэстра.

К 1 декабря армия Батисты (несомненно, благодаря мексиканскому осведомителю) смогла получить информацию о предполагаемом месте высадки революционеров. Командование флота и авиации получило следующее распоряжение:

«Начинайте поиск самолетами военно-воздушных сил белой яхты 65 футов, цепь занимает почти всю длину судна, без названия, под мексиканским флагом, вышла из Туспана, штат Веракрус, Мексика, 25 ноября. Предполагаемое направление область Орьенте. Доложите результаты в Центр. Генерал Родригес Авила».

После многократного повторения этого текста ошибку все же исправили, заменив слово «цепь» cadena на «каюта» cabina.

Тем временем на борту яхты, согласно дневнику Рауля Кастро, «каждый окурок был бесценным». «Ночью мы взяли курс прямо на Кубу, отчаянно высматривая маяк Кабо-Крус, испытывая нехватку воды, топлива и продовольствия». Топлива осталось только десять четырнадцатигаллонных бочонков (т. е. всего 53 литра). «Гранма» набрала много воды, и, когда «в два часа утра задул штормовой ветер, положение стало тревожным. Впередсмотрящие крутили головами, вглядываясь в темноту в поисках светового пятна на горизонте, которое все не появлялось. Роке Роке Нуньес, опытный моряк, которого Фидель назначил штурманом взобрался на маленькую наблюдательную площадку, стремясь увидеть свет на мысу, но не удержался и упал в воду».

Начался безнадежный поиск в темноте. Судно описывало все более и более широкие круги, безуспешно пытаясь найти товарища среди высоких волн в бурном море. Фидель настойчиво требовал продолжать поиск. Луны в небе не было.

Леонардо Роке провел час в одиночестве среди моря, размышляя о своих матери и отце и о том, насколько лучше было бы не утонуть, а погибнуть как-нибудь по-другому — например, в настоящем революционном сражении... И тут перед ним появилась яхта; он услышал, как Фидель выкрикивает его имя. После тысячи и одной неудачи его удалось выловить из

безжалостной воды, и два врача, Че Гевара и Фаустино Перес, сделали ему искусственное дыхание.

«Только после того как мы снова двинулись вперед, показался свет маяка, но из-за рыскания судна последние часы плавания показались бесконечными». На рассвете в воскресенье 2 декабря, проведя 172 часа в море (путешествие заняло больше семи дней вместо запланированных трех), повстанцы увидели какой-то контур, напоминавший твердую землю.

«— Это Куба? — спросил Фидель одного из моряков, Онелио Пинто, — или какой-нибудь риф? Вы полностью уверены, что мы не на Ямайке?

— Да.

— Тогда давайте запустим моторы на всех парах и на полном ходу погоним к ближайшему берегу».

Им удалось продвинуться не очень далеко, так как примерно в двух тысячах ярдов от берега лодка села на илистую отмель. Видимость составляла не больше пятидесяти ярдов, и они смогли разглядеть только смутные очертания земли с редкой растительностью. Было тепло, 70 градусов по Фаренгейту (т.е. 20 по Цельсию).

Очень скоро повстанцам предстояло узнать, что они высадились около мангрового болота в месте, именуемом Велик, примерно в полутора милях от намеченного побережья Лас-Колорадас.{6}

9. Кораблекрушение.

«— Спускайся с корабля! — приказал мне Фидель.

Я плюхнулся в воду с рюкзаком и всем что смог захватить, но почти сразу же увяз в иле. Тогда я схватился за якорную цепь и сказал Фиделю, что мы вляпались в болото.

— Вперед, черт возьми! — ответил он».

Именно так Рене Родригес, первый человек, вступивший на землю Кубы 2 декабря 1956 года, вспоминал об этом событии.

«Это была не высадка, а кораблекрушение», — так сказал позднее Рауль Кастро.

По грудь в воде люди удалялись от «Гранмы». Спустили спасательную шлюпку; в нее погрузились командиры и авангард. Люди пробирались по морскому дну, переходившему в мангровое болото. Вокруг были ил, вода, вязкая трясина, густо перепутанные корни — и ни клочка твердой земли. Высказывались тревожные опасения, что группа могла оказаться на маленьком островке, отрезанном от материка. «Час спустя после начала выгрузки мы продвинулись на несколько сотен ярдов, так и не коснувшись твердой почвы. Мы находились посреди болота, окруженные тучами злобных мошек и москитов».

Яхту, севшую на мель, заметили с борта двух маленьких грузовых судов — угольщика «Три брата» и «Хибариты», груженной песком. «Хибарита» немедленно повернула на северо-восток, чтобы уведомить власти.

После двухчасового перехода по мангровому болоту наконец удалось выйти на сушу перед рощей кокосовых пальм. Некоторые из людей так устали, что более сильные товарищи буквально несли их на руках. Луис Креспо, юный кубинский крестьянин, возвратился, чтобы помочь Че, который пытался превозмочь приступ астмы. Луис, сам сын астматика, хорошо понимал, какие муки испытывал его товарищ.

«— Дай мне руку.

— Нет, чего ради ты будешь помогать мне?

— Пойдем, надо выбраться из болота, ты устал.

— Нет, черт возьми! Черта с два ты будешь помогать мне. Я приехал сюда, чтобы сражаться, а не чтобы мне помогали».

Креспо все же смог забрать у Че рюкзак.

Последняя группа во главе с Раулем Кастро все еще находилась на борту «Гранмы», выгружая остатки амуниции, когда на горизонте появились военные корабли. Вскоре после этого судно береговой охраны «106» открыло огонь по мангровому болоту; сразу же вслед за этим появилась авиация.

Возможно, выстрелы послужили для нее ориентиром. Летающая лодка «каталина» принялась осыпать местность бомбами. «Пока мы пробирались через мангры, авиация не видела нас, но армейские части диктатуры были готовы наступить на пятки».

Уже состоялась встреча с первыми кампесинос. Кресло вошел в дом на берегу как раз в тот момент, когда послышались выстрелы и первые разрывы бомб. Крестьяне сказали, что они находятся на побережье Лас-Колорадас. «Мы выбрались на сухую землю и брели по ней спотыкаясь, словно армия призраков, которой управляла некая неопределенная психиатрическая программа. Во время переправы наши люди провели семь дней, страдая от голода и морской болезни».

В это время на Че наткнулся Эфихенио Амейхейрас.

«Я увидел его, сидевшего в грязи, прислонясь к каким-то мангровым кустам. Я шлепнулся рядом с ним. Он увидел, что я измотан, и первый заговорил со мной:

— Ну, на что жалуетесь?

— Дружище, я устал.

Он медленно поднялся на ноги и растянул лицо в подчеркнутой улыбке, видимо, посмеиваясь над самим собой.

— Давай я тебе помогу.

— Тебе бы кто помог. Ты выглядишь, как утопленник.

— Да, видишь ли, у меня приступ астмы.

— Очень жаль, дружище. Надо посмотреть, не пора ли двигаться дальше.

Поднявшись, я спросил его:

— Ты разве не тот доктор-аргентинец, который раздавал пилюли на лодке?»

Восемь участников экспедиции во главе с Хуаном Мануэлем Маркесом потерялись. Фидель приказал собраться в колонну и двигаться в горы, пытаясь проникнуть в Сьерра-Маэстру.

На следующий день, 3 декабря, «мы шли медленным шагом, над головой постоянно кружили самолеты разведки. Ели мы только один раз. Ночью потерялся Луис Кресло. Фидель вполголоса объяснял группе: любой отставший от главных сил должен самостоятельно искать горы Сьерра-Маэстра».

Руководитель бюро «Юнайтед пресс интернэшнл» в Гаване отправил своим партнерам сенсационное известие: «Фидель Кастро мертв». Это был не первый случай передачи дезинформации о судьбе Фиделя ведущими агентствами печати, но данному сообщению выпала честь стать последним, по меньшей мере на ближайшие три года.

Хуан Мануэль Маркес, ушедший на несколько миль от группы перед тем, как она собралась на сухом берегу, присоединился к

ней на следующий день. Люди были очень голодны. Эфихенио Амейхейрас вспоминал, что перед уходом на сбор группы они два дня питались от случая к случаю, затем путешествовали автобусом по Мексике и поели только один раз, после этого провели семь дней в море без горячей пищи, только галеты и недоброй памяти апельсины. И ко всему этому теперь нужно было добавить двухдневную прогулку по непроходимому бездорожью.

«Мы вышли ночью и шли до 12.30 дня. Мы сделали привал посреди плантации сахарного тростника. Мы съели много тростника и оставили очень много следов; затем мы шли до самого рассвета». На заре они стали лагерем под открытым небом на плантации сахарного тростника в Алегриа-де-Пио, принадлежавшей американской компании «Нью-Никеро». Че не мог знать, насколько заметным был оставленный ими след. Двое кампесинос, повстречавшиеся с колонной, дали местной полиции точные сведения о ее движении, так что диктатура вполне могла собрать силы и перекрыть подходы к Сьерра-Маэстре. И в это самое время сто сорок человек во главе с полицейскими сидели в засаде на сахарном заводе в Алегриа-де-Пио, всего-навсего в двух милях от пришельцев.

«Мы шли, измученные донельзя нашим походом, который был не таким уж длинным, но очень трудным. Из военной амуниции не осталось ничего, кроме винтовок, поясов с патронами и нескольких промокших коробок с патронами. Наши медикаменты пропали, большая часть рюкзаков была оставлена позади, в болоте.

Большинство бойцов стерло ноги новыми ботинками. Но новые ботинки и сбитые ноги были не единственными нашими врагами. К рассвету пятого числа немногие из нас были в состоянии сделать лишний шаг. Люди все больше слабели; они делали короткие переходы и просили о длинных привалах. Именно поэтому было решено сделать привал рядом с плантацией сахарного тростника в чахлой рощице неподалеку от высокой горы. В то утро большинство из нас уснуло».

Пролетевший самолет должен был послужить для них предупреждением, но мятежники были настолько неопытны, что некоторые из них продолжали резать тростник, несмотря на то, что самолеты уже гудели над головами.

Че в это время пытался облегчить боль в стертых ногах товарищей. Рене Родригес так рассказывал об этих событиях: «Че возился со мною, накладывая мертиолат на мои ноги, облепленные засохшей грязью. Он был хорошим революционером, но паршивым доктором». «Кажется, я помню последнюю процедуру, которую провел в тот день. Товарища

звали Умберто Ламотте, и этот день оказался последним в его жизни. Я до сих пор помню усталое и обеспокоенное выражение на его лице, когда он, держа в руках ботинки, которые уже не мог надеть, хромал от палатки скорой помощи к своему посту».

В 4.30 пополудни Че присел рядом с Хесусом Монтане. «Мы сидели вдвоем, прислонившись к стволу дерева, и разговаривали о наших детях. Мы ели наши скудные дневные пайки — по полсосиски и паре галет, — когда раздался выстрел и через считанные секунды — по крайней мере, в нашем подавленном настроении так казалось — на людей обрушился град пуль». «Не понимаю, каким образом хоть кому-то из нас удалось выбраться оттуда», — недоумевал позднее Эфихенио Амейхейрас.

Близость смерти не располагает к рациональности. И в памяти участников запечатлелись наиболее абсурдные моменты, бессвязные обрывки воспоминаний.

«Я не знаю, в каком порядке и как происходили события. В памяти все покрыто туманом. Я помню, как в разгар стрельбы ко мне подошел Альмейда и спросил, какие есть приказания, но не было никого, кто мог бы их отдать. Как я узнал позже, Фидель тщетно пытался собрать людей вместе на близлежащей плантации сахарного тростника, до которой можно было добраться только преодолев ограду. Все началось слишком уж неожиданно, слишком уж сильным был огонь. Альмейда снова принял на себя командование группой.

Именно тогда один товарищ уронил к моим ногам сумку с боеприпасами. Я указал ему на это и хорошо помню его ответ: «Сейчас не до боеприпасов»; с искаженным от страха лицом он опрометью бросился к посадкам тростника.

Пожалуй, это оказался первый раз, когда мне пришлось сделать практический выбор между профессией медика и обязанностями революционного солдата. У меня был рюкзак, полный лекарств, и сумка с боеприпасами; вместе они были слишком тяжелы для меня. Я схватил боеприпасы, бросив рюкзак, и рванулся через пустошь к тростникам. Я отчетливо помню Фаустино Переса; он, опустившись на одно колено у межи, стрелял из автомата. Рядом со мной к посадкам бежал товарищ, которого звали Альбентоса. Нас, как и остальных, накрыло огнем: я почувствовал, как что-то сильно ударило меня в грудь и в шею. Я приготовился к смерти.»

Пуля попала в мешок с боеприпасами и рикошетом нанесла Че удар такой силы, что тому показалось, что у него поражено горло. Он прислонился к дереву, готовый умереть. «Альбентоса, у которого изо рта и носа хлестала кровь из-за огромной раны от пули 45-го калибра, выкрикнул что-то вроде: «Они убили меня» и

начал палить, как безумный, неведомо куда. Именно в тот момент никого видно не было».

Че, собравшись с силами, сказал Фаустино Пересу: «Меня е..нуло». Хотя Перес и ответил ему, что все в порядке, Гевара смог прочесть в его глазах, что «с ним покончено».

«Я тут же принялся соображать, что лучше всего будет умереть именно тогда, когда кажется, что все потеряно. Я вспомнил старый рассказ Джека Лондона, где главный герой прислоняется к дереву и готовится с достоинством закончить жизнь, когда понимает, что ему суждено замерзнуть насмерть в дебрях Аляски. Это единственная картина, которую я могу восстановить в памяти».

Че услышал за спиной голос, призывавший их сдаться. В память ему врезался ответ одного из бойцов (позже приписанный Камило Сьенфуэгосу): «Здесь никто не сдается, черт возьми!»

«Появился Понсе, взволнованный и задыхающийся, с раной от пули, которая, очевидно, прошла через его легкое. Он сказал мне, что ранен, а я весьма безразлично показал ему, что тоже ранен. Он потащился в заросли, вместе с ним несколько невредимых товарищей. На мгновение я остался один и растянулся в ожидании смерти. Тут ко мне подошел Альмейда и, подбадривая, заставил идти дальше, что я и сделал, несмотря на боль, и мы вошли в заросли тростника».

Альмейда велел Че подержать его винтовку и кое-как завязал обильно кровоточившую рану. Он также попытался восстановить порядок, посоветовав шедшим вместе с ним людям целиться по одному из легких самолетов,

«который, летая низко над землей, очередями стрелял из пулемета, порождая хаос. Возникавшие сцены то казались списанными у Данте, то были совершенно гротескными. Как будто в калейдоскопе, мелькали кричащие люди, раненые взывали о помощи, бойцы пытались прятаться за стебли тростника, словно это были стволы деревьев, а некото рые, испуганные, умоляли соблюдать тишину, прижимая пальцы к губам среди оглушительной стрельбы — и вдруг раздался ужасный вопль: «Стреляйте по тростникам!»

Так, благодаря силе духа Хуана Альмейды и его поддержке Че и другие смогли добраться до посадок сахарного тростника. Группа собралась было, но разбилась вновь: некоторые откололись. Затем появились Рамиро Вальдес, Бенитес и Чао, они вместе пробрались по краю поля и готовы были подниматься в гору.

Че следовал за товарищами, чувствуя себя заблудившимся в тумане:

«Я больше думал о горечи поражения и моей неизбежной смерти, чем о прошедшем бое. Я шел и шел, пока мы не добрались до поросшей густым лесом горы. Мы шли до тех пор, пока темнота и деревья — они росли так густо, что мы не видели звезд — не заставили нас остановиться не так уж далеко от того места, где мы подверглись нападению. Мы решили лечь спать все вместе и сбились в кучу; нас атаковали москиты и мучили жажда и голод».{7}

10. Идти некуда

На следующий день после высадки группа Хуана Альмейды, в которой был и раненый Че, блуждала по холмам Они не знали, куда могла направиться остальная часть отряда, слышали вдали выстрелы, но не имели никакого представления о том, кто стрелял. У них почти не было воды, а тут случилась и еще одна неприятность:

“С нашей единственной консервной банкой молока, хранение которой было поручено Бенитесу, произошел несчастный случай. Он положил ее в карман вверх тормашками, то есть отверстиями, через которые его нужно высасывать, вниз. Так что когда пришло время получить наш рацион — он составлял дозу сгущенного молока, отмеренную коробкой из-под таблеток, и глоток воды, — мы с досадой увидели, что все молоко вытекло в карман Бенитеса и просочилось на его форменную одежду”.

Чао убедил их, что такой путь наугад приведет их прямиком в засаду, и все согласились укрыться в пещере и идти дальше только ночью. Пятеро членов экспедиции заключили между собой в этой пещере пожизненный договор: если их обнаружат, то они будут сражаться, но не сдадутся. Это был героизм отчаяния.

Свойственный Че стоицизм проявился в том, что во всех своих записях об этих ужасных событиях, даже в собственном дневнике, он ни разу не упомянул о своей раненой шее. С другой стороны, Альмейда вспомнил, что, когда они нашли Че, рана сильно кровоточила, но на следующий день она начала подживать и казалась не особенно серьезной.

Ночью на 7 декабря они попытались достичь Сьерра-Маэстры. Их вел Че, который, и свою очередь, выбрал в качестве ориентира звезду, которую считал Полярной. “Много позже я обнаружил, что это была не Полярная звезда, ориентируясь по которой мы должны были идти точно на восток; только благодаря совпадению мы шли до рассвета примерно в нужном направлении и добрались до скал на побережье”. Там люди нашли крабов и съели их сырыми. После этого завтрака всех особенно сильно мучила жажда, и они жадно пили дождевую воду, которую удалось собрать во впадинах камней.

“Мы собирали воду с помощью маленького насоса от противоастматического ингалятора; нам досталось лишь по нескольку капель на каждого.

Мы шли равнодушно, бесцельно. Над морем время от времени пролетал самолет. Ходьба по рифам была очень утомительной, и кое-кто предлагал идти вдоль скал, но против

этого было серьезное препятствие — нас могли заметить. В конце концов мы устроились в тени каких-то кустарников, дожидаясь, пока снизится солнце. В сумерках мы нашли небольшой пляж и вымылись”.

Запись в дневнике Че за восьмое декабря заканчивается патетической фразой: “Ничего не ели”.

В поисках воды Че провел эксперимент, который закончился полным провалом..

“Я попробовал повторить то, что прочитал в какой-то научно-популярной публикации или романе. Там говорилось, что если две части пресной воды смешать с третью морской воды, то полученная смесь будет пригодна для питья... Мы использовали то, что оставалось в нашей фляге, и результат оказался жалким: соленая микстура, вызвавшая всеобщую критику в мой адрес”.

Следующая ночь, к счастью, оказалась лунной, и они заметили рыбацкую хижину, в которой были люди в военной форме. Недолго думая, они со всех ног бросились к ней с криками: “Сдавайтесь!”, но, оказавшись внутри, обнаружили в доме Камило Сьенфуэгоса, Панчо Гонсалеса и Пабло Уртадо, Повстречавшиеся соратники снова и снова вспоминали кошмар засады в Алегриа-де-Пио, а затем разделили между собой пойманных крабов, оставшиеся куски сахарного тростника и двинулись дальше. Всех их одолевали мучительные мысли о том, что они могли оказаться последними членами экипажа “Гранмы”, оставшимися в живых.

“От нас не укрылся тот факт, что обрывистые скалы с одной стороны и море с другой исключают любую надежду на спасение в том случае, если мы наткнемся на вражеский отряд. Я не могу вспомнить теперь, один или два дня мы шли по побережью; помню только, что мы ели какие-то колючие груши, растущие па берегу — всего по одной-две штуки на каждого, — которые совершенно не помогли утолить голод, и что мы мучились от жажды, так как те немногие капли воды, что нам удалось сохранить, нужно было строго нормировать”.

Во вторник, второго декабря, изможденные люди добрались До берега реки Торо и увидели в отдалении дом, тщательно присмотрелись и разглядели нечто похожее на фигуру солдата.

“Сначала я решил, что было бы лучше не соваться туда, поскольку, вполне возможно, там были наши враги или размещались армейские части. Бенитес придерживался противоположного мнения, и в конце концов мы оба стали проби раться к дому. Он перелез через ограду из колючей проволоки, а я дожидался снаружи. Внезапно я четко увидел в тени человека, одетого в форму; у него была винтовка “М-1”. Я подумал, что

пришло наше время — или по крайней мере Бенитеса; я не мог предупредить его, поскольку он находился ближе к этому человеку, чем ко мне. Он почти уже добрался до солдата, но вдруг повернул обратно и с невинным видом сказал мне, что увидел “человека с ружьем”, и решил, что лучше всего будет не спрашивать его ни о чем. Бенитес и все мы словно заново родились в этот момент”.

Че не мог знать, насколько он был прав. Дом принадлежал Маноло Капитану, сотрудничавшему с армейскими командирами. Днем раньше он выдал девятерых участников плавания на “Гранме”, и восемь из них были сразу же хладнокровно убиты.

Вскарабкавшись на отвесную скалу, группа сумела добраться до пещеры, где смогла пересидеть дотемна. Оттуда “открывался широкий вид. Все казалось мирным: люди сходили на землю, другие грузились на военный корабль. Внешне это напоминало спасательную операцию. Мы смогли насчитать около тридцати человек”,

Это был отряд под командованием лейтенанта Хулио Лаурента, офицера военно-морской разведки. Пять дней тому назад он убил Ньико Лопеса, друга Че, и еще нескольких захваченных повстанцев, а седьмого декабря недрогнувшей рукой расстрелял из пулемета в спину другую группу пленных мятежников.

“В тот день мы ничего не ели, строго нормируя воду, которую раздавали в окуляре оптического прицела, так что всем доставалось поровну, а ночью мы двинулись дальше, чтобы увеличить расстояние между нами и местом, где мы провели один из самых мучительных дней войны, после которого мы, голодные и жаждущие, испытывали чувство поражения, подавленности и осязаемой, неизбежной опасности и забивались, словно крысы, в норы”.

Но в тот же день им повезло: направившись на северо-запад, они наткнулись на ручей.

“Мы попадали на землю и принялись пить страстно, как лошади, до тех пор, пока вода вмещалась в наши пустые животы. Мы заполнили наши фляги и пошли дальше.

Той ночью мы продолжали наше паломничество, пока не подошли к дому, откуда доносились звуки оркестра. Снова разгорелся спор. Рамиро, Альмейда и я чувствовали, что на эти танцы, или что там еще было, ни при каких обстоятельствах нельзя идти, поскольку кампесинос немедленно выдали бы наше присутствие в этом месте, пусть даже случайно, по неосторожности. Камило сказал, что мы в любом случае должны пойти и поесть. В конце концов Рамиро и мне поручили войти в

дом, узнать новости и раздобыть еды. Когда мы подошли поближе, музыка умолкла и можно было расслышать голос, который произнес что-то вроде: “Выпьем за наших товарищей по оружию, которые настолько блестяще...” Этого было достаточно, и мы как можно быстрее ускользнули назад, и сообщили нашим товарищам, кто веселился на этой вечеринке”.

В два часа утра 13 декабря голодные и сильно упавшие духом люди увидели крестьянский дом. Снова начались споры о том, стоит ли приближаться к нему. К счастью, оказалось, что он принадлежал Альфредо Гонсалесу, адвентисту седьмого дня, который вместе со своим пастырем принадлежал к одной из ячеек Движения 26 июля и был направлен Селией Санчес, руководившей работой в Сантьяго и Мансанилье, для оказания поддержки десанту с “Гранмы”.

“Повсюду были неудачи. Новости приходили плохие”. Они услышали, что по крайней мере шестнадцать членов их экспедиции были мертвы — убиты после взятия в плен, а не в бою.

“Нам оказали дружеский прием, и в хижине кампесино сразу же начался безостановочный банкет. Мы сидели часами и ели, ели до тех пор, пока не рассвело и оказалось поздно выходить. Утром пришли кампесинос. Они узнали, кто мы такие, и пожелали дать нам чего-нибудь съестного или что-то подарить.

Вскоре маленькая хижина превратилась в настоящий ад. Альмейда испытывал дьявольские муки из-за поноса, остальные восемь комплектов кишок выказали явную неблагодарность и отравили замкнутое пространство. Некоторых из нас даже рвало”.

Ходили слухи, что Фидель жив и нашел защиту в одной из организаций Селии Санчес, во главе которой стоял Кресенсио Перес, вождь восстания в горах.

“Под впечатлением страшных рассказов кампесинос мы решили оставить наши ружья, хорошо их припрятав. Вооруженные только пистолетами, мы попытались пересечь шоссе, находившееся под тщательным наблюдением”. Они разбились на две группы и начали подниматься на Сьерру. Альмейда и Че приняли меры предосторожности, взяв с собой два пулемета “стар”, но винтовки остались в доме кампесино. Там же остался и Уртадо, который был серьезно болен.

Когда они на следующий день добрались до жилища пастуха по имени Росабаль, то узнали, что Уртадо по неосторожности слишком много говорил и это привело к предательству. Солдаты захватили и его, и оружие.

“Этот товарищ Росабаль, как только услышал ужасные новости, сразу же связался с другим кампесино, который очень

хорошо знал местность и говорил, что сочувствует мятежникам. Той же ночью они вывели нас оттуда в более безопасное убежище. Кампесино, попавшийся нам в тот день, был одним из ключевых кадров в организации Селии".

15 декабря маленькая группа Че провела в пещере, а следующие несколько дней пробирались от одного крестьянского дома к другому. Фермеры прятали, кормили и провожали их. Наконец на рассвете 20 декабря они добрались до фермы Монго Переса, брата Кресенсио. Там их ожидали Фидель, Рауль, Амейхейрас, Юниверсо Санчес и еще полдюжины соратников, оставшихся в живых. Один из сыновей Кресенсио, который за несколько дней. до этого был ненадолго арестован по подозрению в том, что помог мятежникам скрыться от армейского патруля, заметил, что аргентинец, входивший в группу, был оборван, бос и дрожал; он попросил какой-нибудь мешок, чтобы завернуться, так как погибал от холода.

Фидель, увидев их, не скрывал своей радости, но жестоко отругал за то, что они бросили оружие. "Упреки Фиделя были очень резкими".

"Вы не заплатили должной цены за сделанную ошибку, потому что заплатите своей жизнью за оружие, которое бросили по пути в этих обстоятельствах. При возможном столкновении с армией ваше оружие было единственной реальной надеждой на выживание. Бросить его было преступной глупостью".

Че, пристыженный заслуженной взбучкой, не включил в свой дневник ни одного упоминания о полученном выговоре, ограничившись только словами о своей астме и о том, что спал он очень плохо.

Одиннадцать дней спустя в Аргентину срочной почтой прибыл небольшой конверт с почтовым штемпелем Мансанильи. Родственники Че, уже знавшие из опубликованных в прессе рассказов самозваных очевидцев о том, что он упал с раной в груди, считали его погибшим. "Дорогие мои, со мной все прекрасно, я потратил только две и у меня осталось еще пять согласно известной пословице о семи жизнях кошки. Я продолжаю заниматься тем же самым делом. Новости разнообразные и такими останутся, но попомните мое слово, Бог — аргентинец". Письмо было подписано "Тете" — так Че называли в детстве.{8}

11. Воскресение из мертвых на реке Ла-Плата.

Я еще ни разу в жизни не видел аргентинца, даже в кино, — подумал я, — а тут... Да, Че. Нет, Че. Три полных мешка, Че», — много лет спустя рассказывал Серхио, сын Кресенсио Переса, объясняя, как получилось, что Эр-несто Гевара стал известен сельским жителям Сьерра-Маэстры как Че.

И этот Че ходил в самом жалком виде до тех пор, пока ему не подыскали в горном складе ботинки, одежду и даже ингалятор, хотя последний, кажется, уже не помогал при ужасных приступах астмы. Легендарная «группа двенадцати» оправлялась после горьких дней, последовавших за атакой в Алегриа-де-Пио. На самом деле их было не двенадцать. Если считать вместе с первым из присоединившихся кампесинос, «нас было человек семнадцать», все, кто остался из восьмидесяти двух членов экспедиции на «Гранме». «Перечень жертв был долгим и причинял боль: Хуан Мануэль Маркес, Ньико Лопес, Хуан Смит и командир авангарда Кандидо Гонсалес, адъютант Фиделя и беззаветный революционер». Большинство из них было захвачено в плен и убито выстрелом в затылок, замучено и брошено в горные расщелины или неподалеку от кладбищ.

Затем начало сказываться влияние оптимизма Фиделя Кастро. «Его старое волшебство, проявившееся еще в Мексике, мало-помалу охватывало небольшую группу оставшихся в живых людей, которым еще предстояло узнать друг друга как следует. Теперь они говорили о будущей победе, об атаках».

Фидель был уникальной личностью. 18 декабря при встрече с первой группой уцелевших он спросил своего брата Рауля:

«— Сколько у вас винтовок?

— Пять.

— Отлично, значит, с двумя моими получается семь, так что теперь мы можем выиграть эту войну».

Его оптимизм оказался заразительным.

«Уже тогда, в те долго тянувшиеся ночи (долго — потому что с наступлением темноты наша деятельность замирала), поддеревьями в каком-нибудь лесистом районе, мы начинали строить план за планом: планы на ближайший момент и более отдаленные — на время после победы. То были счастливые часы. Я смаковал первые сигары (которые учился курить, чтобы отгонять москитов). Аромат кубинских листьев впитывался в меня, как предсказания будущего, нагроможденные одно на

другое».

Началось обучение. Кампесинос, входившие в организацию Кресенсио, понемногу собирали растерянное мятежниками оружие. Винтовка Че оказалась неисправной, а Кресенсио испортил его пулемет «стар». 23 декабря Фидель решил провести учение по отражению внезапного нападения противника и попросил Фаус-тино Переса объявить тревогу. Фаустино отправился к Че, который стоял на посту над кофейной плантацией, и крикнул ему: «Полевая жандармерия идет!» Че начал спокойно задавать ему вопросы о том, насколько велик отряд нападающих, откуда он идет, и так далее. В конце концов Фаустино был вынужден признать правду.

Че писал в своем дневнике: «Учебная тревога. Я побежал передать сообщение; люди быстро оказались готовы и стремились в бой». Вскоре после этого Фаустино ушел, чтобы восстановить связь с городской сетью Д26; прибыли трое связных из Мансанильи с патронами и динамитными шашками. Из дневника Че известно, что он попросил одного из мальчиков-связных принести ему несколько книг, мы даже знаем, что это были за книги: одна — по истории Кубы, а другая — обзор ее географии. Спустя неделю он получил их. В дневнике Рауля Кастро читаем: «Там была даже книга по алгебре для Че Гевары, человека эпохи Возрождения».

Спустя два дня после Рождества1 они продолжили свой поход. На этот раз путь для них подготовил Кресенсио Перес, благодаря его знанию этих мест и политическому влиянию. Люди там ничего не слышали о Фиделе, зато хорошо знали Кресенсио и верили тому, что он говорил. 27 декабря в лагере, раскинутом под кроной сейбы, Че дебютировал в качестве повара — зажарил бычка по-аргентински, на вертеле. В дневнике он так сказал об этом: «Получилось хорошо, но потребовалось много времени». Крестьянам, входившим в отряд, его рецепт не понравился. Они сказали, что говядина полусырая.

«Время шло, и постепенно к отряду присоединялись все новые и новые бойцы. Начали приходить кампесинос, частью невооруженные, но некоторые и с тем оружием,-которое наши товарищи спрятали в домах друзей или в зарослях сахарного тростника, когда спасались от опасности». Гильермо Гарсия, ключевая фигура в движении сопротивления, который действовал в Сьерра-Маэстре начиная с ноября, присоединился в конце декабря; вместе с ним были еще трое уцелевших членов экспедиции на «Гранме», которые были спасены организацией Селии. К концу месяца колонна насчитывала двадцать четыре человека, включая дюжину кампесинос.

В течение последней недели года они стояли лагерем под открытым небом в местечке под названием Ла-Каталина, и 29 де кабря доели остатки жареного мяса, которое, согласно записи в дневнике Рауля, «воняло, несмотря на то, что мы обильно приправили его померанцем2 ». Новички продолжали упражняться в стрельбе. Новый, 1957 год они встретили под дождем. Это была группа призраков, мертвецов, возвращавшихся к жизни, так как Батиста объявил по радио и в печати, что угроза исчезла, что Фидель мертв, а высадившиеся члены экспедиции рассеяны или убиты. А они тем временем готовились к своему первому делу.

«14 января 1957 года, спустя немногим больше месяца после внезапного нападения в Алегриа-де-Пио, мы остановились у реки Магдалена. Она отделяется от Ла-Платы отрогом горного хребта Сьерра-Маэстра, который тянется до самого моря и заканчивается между двумя маленькими озерцами. Мы, по приказу Фиделя, проводили там занятия по стрельбе, чтобы хоть немного обучить людей. Некоторые стреляли впервые в жизни. Там мы также вымылись после того, как на долгие дни вынуждены были забыть о гигиене; те, кто мог, сменили одежду».

Через много лет, в интервью мексиканскому журналисту Виктору Рико Галану, Че вспоминал, что Фидель был толст и не особенно усердно тренировался в Мексике, так что ему было совсем нелегко карабкаться по горам. Он преодолевал их только благодаря своей железной силе воли.

«— Ну а как же вы с вашей астмой?

— У меня тоже есть немного силы воли».

14 января, около пяти часов дня, молодой кампесино из Кабесос-де-Ла-Плата встретил двоих вооруженных людей.

«Я принял их за патруль полевой жандармерии. Они задавали мне вопросы, я угостил их кофе. Мы говорили о дорогах, о местных кампесинос, они попросили, чтобы я продал им борова, цену за которого я, между прочим, им не назвал, так как испугался. Затем появилась группа, при виде которой я испугался еще сильнее. Их вел крупный, необыкновенно высокий парень, задававший тысячи вопросов. С ним был кто-то еще, представившийся доктором; он говорил медленно и негромко, тщательно подбирая слова. Он пощупал мой пульс, осмотрел меня и сказал: «Ты здоров, как бык».

Посетителями были Фидель и Че. Кампесино звали Дариэль Аларкон; его будущее окажется связанным с судьбой Че. Он присоединился к партизанам через несколько дней.

Для огненного крещения повстанцев Фидель выбрал казарму Ла-Плата. Впрочем, причина этого выбора остается непонятной,

так как у образовавшегося подразделения совершенно не было патронов. 15 января колонна увидела свою цель.

«Казарма Ла-Плата. Она была еще недостроена, с временными перегородками из оцинкованной жести и полуголыми обитателями, среди которых мы смогли разглядеть несколько вражеских мундиров. Нам удалось увидеть, как в шесть часов, когда солнце клонилось к закату, пришел катер, полный жандармов; кто-то сошел с него, а кто-то взошел на борт. ... Мы решили отложить нападение до следующего дня».

16 января они подобрались поближе, и в сумерках пересекли реку. К счастью для себя, они встретились с двумя кампесинос, которые снабдили их жизненно важной информацией: о количестве солдат в казарме — около пятнадцати — и о том, что,вскоре сюда должен был приехать Чико Осорио, надсмотрщик с одной из больших местных плантаций. Он прославился как мучитель кампесинос и доносчик. Вскоре он действительно появился — пьяный, верхом на муле и с бутылкой бренди в руке.

«Юниверсо Санчес, прикинувшись жандармом, потребовал, чтобы верховой остановился, а тот в ответ немедленно назвал пароль: «Москит».

Несмотря на то, что все мы выглядели кандидатами на виселицу, мы все же смогли одурачить Чико Осорио, возможно, потому что он был пьян. Фидель возмущенным тоном представился армейским полковником, который прибыл, чтобы выяснить, почему остатки мятежников до сих пор не стерты с лица земли. Он сказал, что идет в горы, и поэтому носит бороду. А все, что делала армия, это просто дерьмо. Чико покорно рассказал ему, что на самом деле жандармы проводили все время в казарме и ничего не делали, только ели; несколько проведенных ими вылазок оказались совершенно бессмысленными. С мятежниками нужно покончить, решительно сказал он».

Пьяный надсмотрщик, конечно, не понимая, что делает, рассказал, кому следует доверять, а кому нет. Естественно, для по встанцев этот перечень был зеркальной противоположностью по сравнению с тем, что имел в виду Чико.

«Прозвучало уже двадцать с лишним имен, а доносчик все продолжал болтать. Он рассказал нам, как убил двух местных жителей, «но генерал Батиста сразу же отпустил меня на свободу». Он сказал, что всего-навсего шлепнул пару «дурно воспитанных» кампесинос, и что, по его словам, жандармам не полагалось делать таких вещей; они, дескать, позволяют фермерам говорить, вместо того чтобы наказывать их. Фидель спросил его, что он сделает, если ему в руки попадется Фидель Кастро, и тот жестом показал, что отрезал бы ему яйца, впрочем,

такая же участь грозила и Кресенсио Пересу. Затем он показал на свои ботинки мексиканского производства и похвастался: «Снял с одного из тех сучьих детей, которых мы убили».

По спинам повстанцев пробежал холодок: ботинки принадлежали одному из их товарищей с «Гранмы». «Так Чико Оросио, сам того не зная, подписал себе смертный приговор. Он согласился на косвенное предложение Фиделя провести нас, чтобы застать солдат врасплох и показать, что подготовка у них никудышная и службу они несут из рук вон плохо».

Партизаны осторожно подкрались к казармам и расположились согласно боевому расписанию. И в это время перед ними проехали верхом трое жандармов,

«тащивших за собой на веревке, как мула, пешего арестанта. Он прошел неподалеку от меня, и я запомнил и слова несчастного кампесино: «Я же такой же, как вы», и ответ одного из конвоиров — как мы позже выяснили, это был капрал Басол: «Заткнись и иди, пока я не помог тебе кнутом».

Бойцы заняли позицию. Их было тридцать два человека — восемнадцать с «Гранмы», да еще четырнадцать кампесинос, решившихся связать свою судьбу с этим опрометчивым бунтом. У них было двадцать две винтовки и очень мало патронов. Нападение могло закончиться неудачей, а в том случае, если бы отряду мятежников не удалось захватить хоть каких-нибудь боеприпасов, то он оказался бы в очень опасном положении.

«Так мы подбирались все ближе и ближе к вражеским позициям, пока не оказались метрах в сорока от них. Стояла ясная ночь, светила полная луна. В 2.40 пополуночи Фидель начал стрельбу, выпустив две очереди из пулемета, со провождаемые огнем из всего оружия, которым мы располагали. Сразу же после этого мы предложили солдатам сдаться, но напрасно. На каждый призыв о сдаче они отвечали ураганным огнем из винтовок. Как только началась стрельба, Чико Оросио, доносчик и убийца, был расстрелян».

Партизаны отвечали на огонь оборонявшихся. У Юниверсо Санчеса бкло девять патронов; два из них он отдал Креспо. Еще группа имела пару бразильских гранат; Че и Креспо подползли поближе и бросили их, но они не взорвались. Рауль Кастро бросил динамитную шашку, но у нее не было нормального запала, и поэтому никакого эффекта не последовало.

Фидель приказал Юниверсо бросить гранаты.

«— Я уже бросил их.

— Нет, ты этого не делал».

Он действительно успел бросить их. Тогда Фидель сказал, что он должен поджечь дома, и дал ему несколько спичек. С обеих

сторон стреляли, так что это оказалось не таким уж легким заданием. Камило Сьенфуэгос тоже попытался подобраться к домам. Наконец Юниверсо сумел поджечь одну из хижин.

«При свете пожара мы увидели, что это были всего-навсего кладовие для хранения кокосовых орехов, собранных в близлежащей роще, но мы сумели напугать засевших там солдат, которые после этого отказались от сопротивления. Один ш них бросился бежать, чуть не наткнулся на ружье Луиса Креспо и был ранен в грудь. Луис забрал у него ружье, и мы продолжали стрелять по дому».

Слухи о сражениях расходятся в таком же количестве различных версий, сколько людей принимает в них участие. Эрнесто Гевара, несмотря на детальную точность своих описаний, всегда имел склонность преуменьшать свои собственные подвиги. По словам Креспо, именно Че внес перелом в происходившие события, именно Че бросился в гущу драки, схватил раненого солдата и отобрал 5 него оружие. «Не убивайте меня», — попросил солдат, и Че пощадил его, бросив на бегу что-то вроде: «Скоро придет доктор».

Тем временем бой вокруг продолжался. Хуан Альмейда со своим взводом сражался с несколькими морскими пехотинцами, засевшими в другом помещении. Фидель был вынужден дважды повторить приказ продвинуться вперед, и лишь со второго раза партизанам это удалось.

«Камило Сьенфуэгос, спрятавшись за деревом, стрелял в убегавшего сержанта и потратил все немногочисленные патроны, которые имел. Солдаты, оказавшиеся без прикрытия, были беспощадно изранены нашими пулями. Камило Сьенфуэгос первым из нас вошел в дом, откуда раздавались крики: «Сдаемся!»

Прежде чем прийти на помощь к своим раненым товарищам, даже удостовериться в том, что сами остались целыми и невредимыми, они бросились осуществлять свою навязчивую идею: захватить оружие и боеприпасы.

«Восемь винтовок «спрингфилд», станковый пулемет «томпсон» и около тысячи патронов — мы израсходовали примерно 500... Кроме того, мы также раздобыли поясапатронташи, топливо, ножи, одежду и немного провианта... С их стороны двое убитых, пятеро раненых и трое пленных. Несколько человек ушло. С нашей стороны никто не пострадал, не считая царапин».

Удар, полученный в Алегриа-де-Пио, был возвращен. Люди с «Гранмы» начинали революцию.

Че снова вернулся к медицинской практике. Убедившись, что

раненые солдаты получили первую помощь и оставлены на попечении своих уцелевших товарищей, Фидель приказал отряду открыть огонь по строениям, не пожелавшим сдаться. Затем, несмотря на позднее время, колонна двинулась в горы Сьерры, «направляясь в Пальма-Моча, куда мы прибыли на рассвете. Мы двигались быстро, разыскивая самые крутые места Сьерра-Маэстры».

По пути они горячо обсуждали происшедшее. Уверовать в победу, пусть даже такую незначительную, гораздо тяжелее, чем поверить в поражение. И не одни только мятежники комментировали события. В это время Батиста слегка ослабил цензуру, и новости о стычке на берегу Ла-Платы проникли в газеты и международные агентства новостей. Мертвые возродились к жизни. Когда поднятая адреналином в крови буря постепенно утихла, Че бегло прокомментировал случившееся в своих записках: «Мы совершенно не хотели воевать; мы делали это, потому что были вынуждены».

По дороге к вершинам Сьерры мятежники встретились с массовым бегством кампесинос. Полевая жандармерия распустила слух о том, что их хижины собираются бомбить. И Че, и Рауль отметили это печальное зрелище в своих дневниках. Армия намеревалась не только оперативно создать вокруг партизан пустое пространство, но и готовилась провести широкомасштабное выселение местных жителей.

«Поскольку никто не знал о нашем присутствии в районе, было совершенно ясно, что этот маневр затеяли надсмотрщики и полевая жандармерия для того, чтобы выселить кампесинос с их земель и лишить имущества. Но из-за нашего нападения на казармы ложь обратилась в правду, так что вокруг царил совершенно необузданный ужас, и остановить массовое бегство кампесинос было невозможно».

Так состоялся дебют Фиделя в качестве тактика партизанской войны. Он предусмотрел, что армия не сможет проигнорировать такое вызывающее нападение, какое было осуществлено на Ла-Плате, и должна будет выслать подразделение в погоню за партизанами. Поэтому он устроил первую засаду из того их множества, которое предстоит организовать армии мятежников. Для ее размещения была выбрана пара хижин на берегу «Арройо-дель-Инфиерно Адский поток (!), короткого узкого ручья, впадавшего в реку Пальма-Моча». Засада представляла из себя семь маленьких боевых постов, размещенных в форме подковы. А посредине находились хижины, брошенные крестьянами.

Эфихенио Амейхейрас запомнил, как 19 января Че покинул лагерь, отправившись на разведку, и возвратился по лесной

просеке перед постом, на котором стоял Камило. На голове у него был «один из трофеев стычки при Ла-Плате, шлем полного капрала армии Батисты, который он носил с гордостью». Решив, что наступает армия, Камило, не задавая никаких вопросов, принялся стрелять по нему из винтовки. Че пришлось махать белым носовым платком и кричать: «Не стреляй!» Камило рассмеялся и сказал: «Ты, ублюдок, однажды взял меня в плен, когда я был неосторожен, так вот, получай сдачу!»

«По этому случаю можно судить, в каком напряжении мы все тогда находились, и ожидали боя, чтобы разрядиться. В такое время даже у людей с самыми стальными нервами начинают дрожать коленки, и каждый в волнении ожидает той высшей точки войны, которой является бой».

Три дня спустя засадная группа услышала поблизости выстрелы. Намного позже они выяснили, что это был отряд лейтенанта Анхело Санчеса Москераса, о котором придется постоянно слышать в течение еще нескольких лет. Выстрелы, которые они слышали, оборвали жизнь кампесино-гаитянца; он был казнен за то, что отказался стать проводником солдат.

«Так как мы считали, что солдаты находятся поблизости, то не стали готовить пищу и у нас ничего не было ни на завтрак, ни на обед. Соотечественник Кресло нашел не сколько куриных гнезд и забирал оттуда яйца, всегда оставляя по одному в каждой кладке, чтобы куры продолжали нестись. Той ночью из-за выстрелов, которые мы слышали, Кресло решил, что нам следует съесть и последнее яйцо, что мы и сделали».

В полдень от крестьянских хижин внезапно прибежал один из партизан.

Согласно воспоминаниям свидетеля, произошел следующий диалог:

«— Ну вот, они здесь, — сказал партизан Фиделю.

— О, прекрасно, пускай войдут, — ответил Фидель, имея в виду кампесинос, хозяев хижин.

— Нет, я говорю о солдатах».

Фидель выстрелил из винтовки с оптическим прицелом и попал в одного из солдат.

«Я вдруг заметил, что в хижине около моей позиции пытается укрыться от нашего огня еще один вражеский солдат. Я мог видеть только его ноги, потому что крыша ограничивала поле зрения с моего наблюдательного пункта, находившегося на пригорке. Мой первый выстрел в том направлении прошел мимо; второй поразил человека прямо в грудь. Он выронил винтовку, которая воткнулась в землю штыком. Кресло прикрыл меня, и я пробрался в хижину, где увидел тело, и забрал оружие, патроны и

кое-что еще из амуниции».

Че не стал описывать, как подбирался к мертвецу в разгар боя, рискуя попасть под перекрестный огонь. Что он увидел? Это был первый человек, о котором он точно знал, что сам убил его; возможно, его выстрелы поразили кого-то еще из солдат Батисты при нападении на казармы Ла-Платы, но этого нельзя было выяснить в горячке сражения. Теперь это было возможно. Спустя годы Че уклонился от ответа на вопрос об этой своей жертве и ограничился медицинским описанием: «Он получил огнестрельное ранение в середину груди, которое должно было разорвать сердце и послужить причиной мгновенной смерти».

Че потребовал разрешения пойти и забрать другие винтовки, но Фидель отказал. Цель уже была достигнута. «Сражение было необыкновенно яростным, и вскоре все мы разбежались в разные стороны». Было похоже, что им удалось нанести ощутимый ущерб авангарду отряда, в котором могло насчитываться до трехсот человек. Следует отметить странное явление: обе боевые группы, стремясь избежать встречи, несколько дней будут двигаться па раллельно; порой их будет разделять всего несколько сотен ярдов, но они так и не узнают о столь близком соседстве.

Пятеро солдат были убиты, но партизаны не измеряли свои успехи одними лишь вражескими потерями. Они потратили девятьсот патронов, а захватили только семьдесят и одну винтовку. «Это не была полная победа, но и пирровой победой она не была. Мы испытали нашу силу против врага в новой ситуации и выдержали испытание».

В следующие несколько дней партизаны приблизились к району Каракас, где были заранее установлены некоторые связи с кампесинос. Их глазам предстало печальное зрелище: здесь побывала армия и заставила всех жителей уйти.

Несмотря на победы, «ситуация тогда не была безоблачной. Отряду еще следовало взрастить укрепляющийся после сражения дух и обрести ясные идеологические установки. То один товарищ покидал нас, то, на следующий день, другой. Бойцы просили о заданиях в городах, которые зачастую были более опасными, но эти люди не желали жить в трудных условиях дикой местности».

Положение становилось еще тяжелее из-за того, что в отряде оказался предатель. Эутимио Герра, кампесино, который все время пользовался полным доверием, был захвачен карателями под командованием майора Касильяса и согласился предать партизан. Ему пообещали десять тысяч песо и армейское звание, если он убьет Фиделя. Он поставлял сведения о кампесинос, сотрудничавших с партизанами, и солдаты дотла сжигали их дома. Герра вместе со всеми пришел в лагерь Каракас, а на

следующий день попросил разрешения навестить больную мать. Фидель не только отпустил его, но и даже дал немного денег. Эутимио быстро направился к военным и сообщил о местоположении лагеря.

«Утром тридцатого, после холодной ночи, мы, как только встали, услышали гул самолетов, которых не могли разглядеть, так как находились в чаще. Кухонный костер был разведен в паре сотен ярдов ниже, у маленького родничка, где разместилась передовая застава.

Внезапно мы услышали грохот истребителей, пулеметные очереди, а вскоре после этого начали падать бомбы.

Наш опыт был еще очень невелик, и выстрелы слышались нам отовсюду; пули 50-го калибра разрывались при ударе о землю, а когда появились нападающие, то они показались нам порождением лесной чащи. Одновременно мы слышали пулеметную стрельбу с неба».

Сам Эутимио находился в это время на борту легкого самолета «Бивер» и указывал местонахождение партизан. К счастью, бомбежка была сконцентрирована на первоначальном месте раз бивки лагеря, с которого по счастливой случайности ушли предыдущей ночью.

Че остался в арьергарде вместе с Чао, ветераном гражданской войны в Испании, чтобы собирать отставших после того, как колонна рассеялась. Затем к ним присоединился Гильермо Гарсия и еще два человека. Все вместе они целый день искали указанное Фиделем место сбора — пещеру Умо, «которую мы знали по названию, но не имели представления, как найти. Так что мы провели беспокойную ночь, надеясь увидеться с нашими товарищами, но опасаясь встретить врагов». Попадавшиеся им кампесинос были очень испуганы. У Сиро Фриаса, погонщика мулов, за сотрудничество с партизанами убили брата, арестовали жену, отобрали товары и сожгли палатку. Тревога все возрастала, и один из новобранцев, кампесино по имени Серхио Акунья, удрал. Он «тихонько бросил свою винтовку, пояс-патронташ и удрал с порученного ему поста. Мы записали в нашем журнале военных действий, что он забрал с собой: соломенную шляпу в деревенском стиле, котелок со сгущенным молоком и три связки колбас. Что действительно было потерей, так это сгущенное молоко и колбасы».

В тот день, 1 февраля, неуверенности пришел конец. На склоне горы показался Кресенсио Перес, возглавлявший «длинную колонну, в которой были почти все наши люди и новобранцы из Мансанильи под руководством Роберто Песанта».

Люди из Мансани-льи принесли с собой кое-какое имущество, оказавшееся в тех условиях совершенно бесценным, например хирургическое оборудование и нижнее белье. «Мне досталось несколько трусов и нижних рубашек с инициалами, вышитыми девушками из Мансанильи».

Группа продвигалась через Сьерру по знакомой территории. Выживание партизан теперь зависело от их подвижности. Кампесинос, находившиеся на их стороне, были сильно обеспокоены. Время от времени приходилось голодать.

«Я до сих пор помню, словно это один из величайших дней моей жизни, когда земляк Кресло появился с котелком, в котором лежали четыре свиных колбаски — он сохранил их до сих пор, — и сказал, что они для друзей. Креспо, Фидель, кто-то еще и я уплетали эти скудные порции так, словно это был роскошный банкет».

Че переживал плохое время: к его постоянным приступам астмы прибавилась болотная лихорадка; но, мало этого, он мучился сильным поносом и страдал от обезвоживания. Не только

он один страдал от тяжелых условий Сьерры: Рамиро Вальдеса мучила старая рана в ноге, Игнасио Перес также был ранен, а несколько новичков не могли выдержать темпа переходов, и их пришлось отпустить.

«В конце концов те, кто остался и выдержал первые испытания и несчастья, привыкли к грязи, недостатку продовольствия, воды и безопасности, к отсутствию крыши над головой и к необходимости постоянно жить с винтовкой под рукой. Нашим единственным щитом было единство и стойкость основного ядра партизан».

Возвратился Эутимио. Он рассказывал, что его матери снова стало лучше. Свой обман он доводил уже до абсурда, предсказывая воздушные налеты.

«Эутимио мог заявить с видом предсказателя: «Вот увидите, что сегодня они обстреляют Ослиный холм». А когда самолеты действительно обстреляли Ослиный холм, он подскакивал от радости оттого, что оказался прав.

В одну из последних ночей перед тем, как его предательство было обнаружено, Эутимио сказал, что у него нет одеяла, не мог бы Фидель дать ему одно. Тогда, в феврале, высоко в горах было холодно. Фидель ответил, что этак они оба замерзнут, и лучше будет им обоим улечься спать под . одним одеялом, укрывшись сверху своими пальто».

Даже спустя много лет Фидель продолжал с изумлением вспоминать об этом случае: «У него были две гранаты и пистолет

и он спал бок о бок со мной!» Но гранат было недостаточно, ему нужна была поддержка, чтобы довести дело до конца. Задав несколько хитрых вопросов Юниверсо Санчесу и Че, Эутимио решил, что после убийства Фиделя будет очень трудно убежать, и временно отказался от этой мысли.

На несколько следующих дней правительственные войска, казалось, прочно перехватили инициативу; партизаны были лишены свободы действий. Эти дни были относительно спокойными. 28 января Че написал Ильде в Перу, попросил ее прислать фотографии маленькой Ильды Беатрис, которую он в последний раз видел в доме Альфонсо Бауера в Мехико, и вкратце описал ход первых боевых действий. Рауль Кастро 8 февраля записал в своем дневнике: «Сегодня я начал изучать французский язык с Че, который имеет прекрасное произношение и очень умен», — и чуть далее: «Фидель, Че и я построили хижину, где внутри дождь сильнее, чем снаружи. Я выбрал для этой работы пару самых настоящих тупиц».

Игра в прятки с армией закончилась 9 февраля, когда крестьянин сообщил, что поблизости находится отряд численностью 140 человек.

«С нашей позиции на лысой вершине горы мы действительно увидели их на расстоянии. Кроме того, кампесино сказал, что он говорил с Эутимио, и тот сказал ему, что на следующий день этот район будут бомбить. Фидель заподозрил, что здесь что-то не так; мы обратили внимание на странности в поведения Эутимио и начали размышлять о них».

Стрельба началась в час тридцать пополудни. Часть отряда Касильяса, который вел Эутимио, разбила лагерь на вершине холма, и случайно встретилась с армейским отрядом. «Тут же раздался выстрел, за которым последовала беглая стрельба. Затем раздались частые залпы и взрывы — это враги вместе напали на наш лагерь. Лагерь опустел очень быстро».

Погибли два солдата и один из повстанцев, кампесино по имени Хулио Сенон Акоста. Че очень любил его и учил его читать. «Он был моим первым учеником в Сьерре… Всюду, где мы останавливались, я показывал ему буквы. Мы находились на стадии различия между A и O, между E и I».

Че признался, что его единственным вкладом в бой было бегство: «Единственное, что мне удалось совершить в этом сражении, это «стратегическое отступление» на полной скорости». Он потерял рюкзак, полный книг, лекарств и продуктов.

«У партизан был неписаный закон: если кто-то терял свое личное имущество,… он должен был сам выходить из положения. Среди утраченных мною вещей было и кое-что очень ценное для

партизана: две или три банки продуктов, которые тогда полагались каждому из нас. С приходом ночи каждый, естественно, собрался съесть свою крошечную порцию. Камило, видя, что у меня ничего нет, поскольку одеяла не годятся в пищу, разделил со мной свою единственную плошку молока, и я думаю, что тогда началась, или по крайней мере окрепла, наша дружба.

Потягивая молоко — каждый из нас внимательно следил, чтобы его разделили поровну — мы говорили о множестве разных вещей. Но в целом беседа шла на тему продовольствия, поскольку людям свойственно сосредоточиваться на проблемах, особенно волнующих их, а в те дни мы особенно беспокоились из-за еды».

12 февраля маленький отряд добрался до Эль-Ломона, где встретился с Фиделем. Численность отряда вновь сократилась вследствие дезертирства и потерь при беспорядочном отступлении, теперь он состоял всего из восемнадцати человек. Тем временем было раскрыто предательство Эутимио.

Четыре дня спустя на ферме Эпифанио Диаса Фидель встретился с руководителями городского движения: Франком Пайсом, Аиде Сантамарией, Армандо Хартом, Вильмой Эсприн, Фаустино Пересом, вернувшимся из города после выполнения своего задания, и Селией Санчес. Это собрание сыграло важнейшую роль в начинающейся революции.

Франк Паис произвел на Че сильное впечатление:

«Тогда я доподлинно знал о нем только то, что он — человек, всей душой преданный делу, и кроме того, что это человек высшего сорта. Он тихим голосом говорил с нами о порядке и дисциплине, а мы слушали его и чистили грязные винтовки и считали патроны, устраивая их так, чтобы не растерять».

В то время Аиде и Франк считали, что Фиделю следует покинуть горы Сьерра-Маэстра и отправиться в какую-нибудь латиноамериканскую страну, откуда он мог бы заняться реорганизацией движения. Но обсуждение этой мысли не заняло и десяти секунд — больше того, Аиде с Франком даже не решились высказать ее. А Фидель говорил, что ему нужны только боеприпасы и толковые помощники.

Результатом встречи была новая система координации действий Сьерры и городов. Было решено, что вербовка новобранцев и концентрация оружия должны осуществляться в Сьерра-Маэстре. Первые же минуты встречи показали, говорил Фидель, что его «уничтоженный» отряд причинял армейцам множество неприятностей; глядя на него, города готовились к войне с правительством (эта война уже назрела), готовились казнить мучителей, кампесинос — поджигать плантации сахарного тростника, служащие — саботировать действия

гражданских властей, устраивать диверсии на путях сообщения. Высшей ступенью этой борьбы должна была стать экономическая кампания и всеобщая забастовка.

Че не участвовал в тех первых встречах национальных лидеров Движения 26 июля. Он был всего-навсего одним из бойцов, да и это положение было довольно спорным, поскольку он был также и медиком. Он оказался в стороне и от еще одного из важ нейших событий, происшедших в то время. Городское движение готовило газетную сенсацию — интервью с Фиделем в горах Сьерра-Маэстры. Опыт с журналом «Боэмия» и газетой «Пренса либре» убедительно показал, что цензура могла зажать рот любому из средств информации на Кубе, а снабжать бумагой подпольную газету «Революсьон» с каждым днем становилось труднее. И поэтому было решено предложить интервью зарубежным органам печати. Фаустино Перес вошел в контакт с Руби Филлипс, гаванским корреспондентом «Нью-Йорк тайме», и предложил ей эксклюзивное интервью. Она сообщила о предложении в Нью-Йорк и быстро получила ответ. Нью-Йорк направил на встречу Герберта Мэтьюза, руководителя отдела редакции. Ему было пятьдесят семь лет, он был известен как журналист-международник и особенно прославился двадцать лет назад великолепными материалами об испанской гражданской войне.

Началась сложная операция по доставке Мэтьюза; ее координировали из столицы Кубы. Журналист был через Гавану и Сантьяго доставлен в горы Сьерры. Фидель попытался заставить партизан на время встречи выглядеть настоящими военными, и попросил одного из своих бойцов, Фахардо, принять соответствующий облик. Много лет спустя Фахардо со смехом вспоминал: «Я посмотрел на себя, посмотрел на других, на их разбитые ботинки, заскорузлые от грязи, завязанные кусками проволоки...»

Это была не единственная нелепость в интервью. Фидель, уклоняясь от ответа на вопрос о численности своего войска, указал на окружающих и сказал: «Это мой штаб». Но он умолчал о том, что у этого штаба не было никакой армии. Возможно, встреча не произвела сильного впечатления на Мэтьюза, которому доводилось в свое время видеть совсем другие революционные армии, но сам факт, что Фидель жив и здоров, оказался сенсацией мирового значения.

Статья Мэтьюза появилась в «Нью-Йорк тайме» 24—26 марта. В ней описывался тот дух сопротивления, который особенно преобладал в двух главных городах острова, и разъяснялся статус Фиделя как лидера движения. Появившись буквально сразу же

после сообщений о том, что Фидель мертв и его силы разгромлены, публикация «Тайме» нанесла режиму сильный удар; спустя несколько месяцев диктатура Батисты пережила еще одно подобное потрясение. Когда 26 декабря на Кубе была временно отменена цензура, интервью сразу же перепечатали в нескольких газетах и передали по радио. Кубинское Министерство обороны сердито ответило, что интервью можно «рассматривать как главу из научно-фантастического романа» и что самозваный военный руководитель области Орьенте просто смешон, утверждая, будто никто не в состоянии преодолеть блокаду, установленную его отрядами. Шум пробудил мировой интерес, и двумя днями позже Мэтьюз триумфально завершил свою публикацию, напечатав факсимиле автографа Фиделя и несколько фотографий, сделанных во время встречи; на двух из них автор статей был запечатлен вместе с Фиделем Кастро в горах Сьерра-Маэстра.

Судя по записям Че, общение с американцем обеспокоило его: «визит Мэтьюза, естественно, был очень кратким».{9}

12. Казнь

После встречи руководителей и интервью журналистам партизаны должны были снова выйти в поход. Во время подготовки прошел слух о том, что неподалеку видели Эутимио Герру. Повстанцы решили его отыскать. Нашел предателя и доставил в лагерь Сиро Фриас. При обыске партизаны нашли личное оружие, какого у них никогда не было, гранаты и охранное свидетельство, подписанное Касильясом. «Ради бога, прошу, — кричал Герра, — расстреляйте меня, только не читайте этого!»

«Он упал на колени перед Фиделем и бесхитростно просил, чтобы его убили. Он сказал, что заслужил смерть. Он, казалось, сильно постарел за короткое время, на его висках было много седины, которой мы не замечали прежде. Сцена была чрезвычайно напряженной. Фидель резко упрекал его за предательство; Эутимио признавал свои грехи и хотел лишь, чтобы его убили. Для каждого из нас, кто видел это, незабываемым остался тот момент, когда с ним говорил Сиро Фриас, друг его семьи. Сиро напомнил Эутимио обо всем, что сделал для него — о той житейской поддержке, которую вместе с братом оказывал его семейству, и о том, как Эутимио предал их, выдав сначала брата Фриаса, которого спустя несколько дней убили жандармы, а затем пытался покончить со всеми нами. Эту длинную и патетическую тираду Эутимио выслушал молча, низко опустив голову. Его спросили, хочет ли он чего-нибудь, и он сказал, да, он хочет, чтобы революция — другими словами, мы — позаботилась о его детях».

Юниверсо — именно ему Фидель Кастро приказал расстрелять Герру — рассказывал: «Я должен был выстрелить в него десять раз. Подошел Че, мы встали у него по бокам и повели его в сторону, чтобы убить не на глазах у всех. Я дал Герре бутылку рома, которую он на ходу осушил одним большим глотком. Он продолжал повторять: «Убейте меня». «В этот самый миг разразилась сильная буря, и все вокруг почернело. Небо перекрещивали молнии, шел необыкновенно сильный ливень, непрерывно гремел гром». «Я нес винтовку, — продолжал Юниверсо Санчес, — а Че выхватил пистолет 22-го калибра и тут же, на месте, застрелил его. «Черт возьми, Че, ты убил его!» Лицо у Че перекосилось, его вырвало. В сочетании с громом это было адское, ужасное зрелище».

Че, который старался избегать косвенных высказываний и полуправды, никогда публично не признавался в том, что казнил

предателя. В сделанной позднее записи он сообщил только, что «полыхнула молния, затем раздался долгий раскат грома, так что в тот момент, когда Эутимио Герра встретил свою смерть, никто из находившихся поблизости товарищей не мог расслышать выстрела.

Мы похоронили его здесь же на следующий день... Мануэль Фахардо хотел поставить крест на могиле, но я воспротивился, так как такое свидетельство казни, да еще и на открытом месте, могло оказаться очень опасным для крестьян. Тогда он вырезал маленький крестик на стоявшем поблизости дереве».

Солдаты продолжали громить крестьянские общины в Сьерре по доносам Эутимио даже после его смерти. 25 апреля они открыли огонь по дому Дариеля Аларкона и убили его жену. Партизаны еще раз перешли на новое место. «В то время мы перемещались медленно, не придерживаясь никакого определенного направления, прячась среди холмов».

Словно в отместку за казнь Эутимио, 22 февраля Че настиг очередной приступ астмы. Никаких лекарств у него не было. Приступ был настолько сильным, что в мемуарах он будет говорить о нем как о самом трудном периоде войны. Целую неделю он с большим трудом заставлял себя вползать на склоны. 28 февраля партизаны заметили, что к крестьянскому дому, где они отдыхали, идет армейское подразделение. Это был «хорошо оснащенный отряд, прибывший явно для того, чтобы занять высоту. Мы должны были быстро бежать, чтобы достигнуть гребня холма и перевалить за него, прежде чем отряд отрежет нас. Это оказалось не слишком трудно, так как мы вовремя заметили их».

Но солдаты тоже заметили партизан и открыли по хижине огонь из автоматов и минометов.

«Мы легко забрались на вершину, по крайней мере большинство из нас, и пошли дальше; для меня же это было трудным делом. Я справился, но у меня был такой приступ астмы, что каждый шаг давался с трудом. Я помню, как в это трудное время Кресло помогал мне идти. Когда я больше не мог выдерживать высокий темп, то попросил, чтобы меня оставили. Кампесино заговорил со мной примерно так же, как солдаты разговаривали с его товарищами: «Ты, кусок аргентинского дерьма, или ты пойдешь, или я буду бить тебя всю дорогу».

Мануэль Фахардо через много лет с восхищением вспоминал, что «Креспо просто взвалил Че себе на плечо, вместе с рюкзаком и всем остальным!». Правда, версия Эфихенио Амейхейраса была менее лестной:

«Звуки стрельбы из миномета и пулеметные очереди подействовали на выбивавшегося из сил Че как живительный

эликсир. Можно сказать, что из всех нас, бежавших, его земляк и товарищ Фанхио должен был бы особенно гордиться им. Потом Че признался нам, что появление вражеских солдат было лучшим средством от болезни».

Партизаны уходили через местность под названием Пургаторио, где им попалась на пути хижина. Фидель решил оставить там Че в обществе не совсем понятного новобранца Луиса Барреры iio прозвищу Эль Маэстро. По словам Эфихенио Амейхейраса, «с рассветом мы должны были оставить его на произвол судьбы, доедаться лекарства в области, наполненной жандармами. ...Мы сказали ему: «До свидания», некоторые с объятием, другие с рукопожатием, оставляя человека на милость предателей». «Фидель минуту великодушия дал нам магазинную винтовку «джонсон», из сокровищ нашей партизанской группы, чтобы мы могли защищаться».

«Кампесино помчался с поручением и принес мне сколько нужно адреналина. А затем мы тронулись в путь; это были самые тяжелые дни боев в Сьерре. Я шел от дерева к дереву, опираясь на винтовку, в компании перепуганного бойца, на которого нападала дрожь всякий раз, когда он слышал стрельбу, и начинался нервный припадок, когда астма вынуждала меня кашлять в каком-нибудь опасном месте. Нам потребовалось десять дней, чтобы добраться до дома Эпифанио, хотя на самом деле он находился на расстоянии дневного перехода».

Че прибыл в место встречи 11 марта. Везде кишели армей-патрули, но Фидель и остальные партизаны все же должны были прийти. Однако сначала, через пару дней, прибыли новости о существенном подкреплении из городов и заодно дурные вести. Сантьяго был арестован Франк Пайс, а в Гаване — Армандо Харт.

«13 марта, когда мы ожидали новых партизан, по радио передали новости о неудавшемся покушении на Батисту и назвали некоторых погибших. Во-первых, среди них был студенческий лидер Хосе Антонио Эчеверрия, а также и другие, например Менелао Мора».

Нападения на Национальный дворец и радиостанцию также оказались неудачными. Обе акции были проведены по указанию руководства Д26 в качестве первого опыта стратегии городской партизанской войны. Эта проба сил повлекла значительные потери среди студентов, но не остановила Д26 в его борьбе против диктатуры.

Тем временем у Че произошло столкновение с командиром вновь прибывшего пополнения.

«— Кто ты? — спросил Че.

— Хорхе Сотус[15]. А в чем дело?

— У меня приказ Фиделя: сразу после вашего прибытия принять у тебя командование и доставить вас в место встречи.

— Не выйдет. Я не доверяю никому. И этим отрядом командовать буду только я один.

— Что ты хочешь этим сказать?

— У меня приказ от руководства Равнины: доставить это подкрепление Фиделю.

— Утро вечера мудренее», — ответил Че, проглотив свою гордость.

Той ночью вокруг походного костра пели студенты из Сантьяго.

«Подкрепление состояло из пятидесяти человек, только тридцать из которых были вооружены. У них было два пулемета — «мэдсен» и «джонсон». За месяцы, проведенные в Сьерре, мы стали ветеранами и видели теперь у новобранцев все те ошибки, которые поначалу совершали люди с «Гранмы»... Разница между этими двумя группами была огромной: наша была дисциплинированной, собранной и закаленной в боях, а новички все еще мучились от болезней, которыми страдает большинство вновь прибывших в Сьерру; они не привыкли принимать пищу только один раз в день и отказывались есть то, чего не могли точно распознать. Их рюкзаки были полны бесполезными вещами и, чтобы облегчить ношу, они предпочитали избавиться от банки сгущенного молока, нежели от полотенца (страшное преступление для партизана). Мы, воспользовавшись возможностью, подобрали все продовольствие, оставленное ими на дороге».

Отряды вышли в сторону Сьерры, но двигались очень медленно, так как были плохо обучены. Сотус оказался одним из худших, но Че не осмеливался выступить против него, несмотря на то, что имел прямой приказ Фиделя принять команду.

«В то время у меня все еще был комплекс иностранца, и я не хотел доводить дело до крайности, хотя отряд выглядел очень несуразно. После коротких переходов, которые отнимали много времени лишь из-за недостатка подготовки, мы прибыли в нужное место в Ла-Дерече, где должны были ждать Фиделя Кастро».

Фидель прибыл 24 марта, и партизанские силы объединились.

«Фидель сразу же стал ругать меня за то, что я не настоял на своих полномочиях и оставил власть в руках новичка Сотуса... Были также сформированы новые взводы, в которых объединили новичков с ветеранами, а из них создали три группы, которыми командовали Рауль Кастро, Хуан Альмейда и Хорхе Сотус. Авангард был поручен Камило Сьенфуэгосу, а Эфихенио

Амейхейрасу — тыловое охранение. Я был назван медиком штабного подразделения, которым командовал Юниверсо Санчес... Мы обсуждали, что можем сделать в нынешнем положении и составе. Мне казалось, что мы должны напасть на первый же попавшийся пост, чтобы поскорее дать новым товарищам обстреляться. Но Фидель и остальная часть совета сочли, что лучше будет некоторое время потренировать их на марше, чтобы они могли привыкнуть к суровости жизни в джунглях и горах и к подъему по крутым склонам гор. Было решено после первых занятий по партизанской военной подготовке отправиться на восток и идти как можно дальше, пока не появится возможность удивить какую-нибудь группу жандармов».

Отряд из восьмидесяти человек провел конец марта и весь апрель в походах и обучении. Че присоединился к Креспо и Фахардо, решившим объединить свои съестные припасы. Он, правда, совершенно не одобрял их привычку носить запас провианта в рюкзаках, в то время как сам предпочитал съедать все сразу, а дальше идти голодным, нежели нести что-нибудь. «Мне вовсе не улыбается присоединяться к вам, потому что я ем много, пусть даже и не каждый день». Он всегда доказывал, что «лучше умереть с полным животом, чем с пустым». Но Кресло запомнил, что несмотря на эти высказывания, он делился всем; если бы у него был хотя бы «кусок леденца, он разбил бы его камнем на три части».

Опыт быстро оказывал свое действие на участников перехода. «Ветераны показывали новобранцам, как готовить пищу и наилучшим образом использовать провиант, как укладывать рюкзак и как пешком передвигаться по Сьерре».

Именно в это время повстанцы начали отращивать бороды и волосы; «возможно, первоначально это должно было помочь отличать ветеранов от новичков». Кресло, крестьянский парень, первым перестал подстригать волосы. Фидель стриг волосы, но отпускал бороду; Че последовал его примеру, хотя борода у него росла плохо. Повстанцы с густыми бородами начали превращаться в легенду Сьерры; в то время как правительство генерала Батисты отрицало самое их существование, они устанавливали все более тесные отношения с кампесинос. И «в это же самое время правительство даже возило нескольких журналистов на военном самолете, чтобы показать им с высоты нескольких тысяч футов, что в Сьерра-Маэстре никого нет. Это была бессмысленная акция, которая никого не убедила».

Чтобы прорвать завесу дезинформации, Движение 26 июля организовало еще одно интервью для американского журналиста.

23 апреля Аиде Сантамария и Селия Санчес поднялись в горы Сьерры вместе с представителем Си-би-эс Робертом Тэйбром и оператором. Главное интервью происходило на пике Туркино («восхождение на него было почти мистическим действом»), самом высоком и недоступном месте горной системы. Именно тогда была сделана фотография партизан, размахивающих винтовками и кричащих «вива Куба!», которая в течение многих лет служила символом кубинской революции.

Че был тогда в прекрасном настроении: он наконец-то добыл себе парусиновый гамак.

«Гамак — предмет вожделения каждого партизана; лишь я один еще не получил его из-за партизанского закона, гласившего, что парусина дается только тем, кто уже сделал гамаки из мешков. Это должно было служить для борьбы с ленью. Гамак из мешковины мог сделать каждый, и как только ты делал его, то обретал право получить парусиновый гамак, едва их доставляли в отряд. Из-за моей аллергии я не мог пользоваться мешковинным гамаком — дело было в пыли и ворсе — и должен был спать на земле. Поскольку у меня не было гамака из мешковины, то я не должен был получить и парусинового. Эти повседневные мелочи составляли часть дискомфорта партизанской жизни, к которому каждый должен был притерпеться. Но Фидель обратил внимание на мое положение и сделал для меня исключение, так что я смог получить гамак».

После спуска с пика Туркино астма Че снова обострилась. Ему было очень плохо. Он плелся в хвосте колонны, и у него забрали его автомат «томпсон». «Чтобы получить его обратно, понадобилось почти три дня, и они относятся к числу самых трудных дней, из тех, которые я провел в Сьерре: я был безоружен, а мы в любой момент могли столкнуться с жандармами».

Они продолжали укреплять отношения с кампесинос.

«В те дни я должен был выполнять свои обязанности медика повсюду, куда мы ни приходили. Это было довольно скучно, так как у нас было очень мало медикаментов, а набор заболеваний в Сьерре оказался очень однообразным. Признаки нищеты говорили сами за себя: преждевременно состарившиеся беззубые женщины, дети со вздутыми животами, зараженные паразитами, страдающие от рахита и общего дефицита витаминов.

Я помню маленькую девочку, наблюдавшую за консультациями, которые я давал местным женщинам, пришедшим в почти религиозном настроении, чтобы выяснить причину своих страданий. Когда подошла очередь ее матери, эта маленькая девочка, прислушивавшаяся ко всему,

происходившему в хижине, где я вел прием, шепнула в ухо матери: «Мама, этот доктор рассказывает всем одну и ту же историю».

Партизаны и кампесинос сплавлялись в единое целое; никто не знал, на каком этапе долгого перехода это случилось, или же когда то, что провозглашалось, стало истиной: мы с кампесинос стали заодно. Что же касается меня, я знаю только одно: те медицинские консультации для сельских жителей Сьерры сделали решение, к которому мы только подходили, куда более прочным и продуманным. Многострадальные и терпеливые жители Сьерра-Маэстры и не подозревали, что выступили в роли кузнецов, выковавших нашу революционную идеологию».

Странствуя по дорогам и проселкам Сьерра-Маэстры, доктор Гевара заблудился. Он три дня скитался в чащобе, пока кампесинос не показали ему, где находится лагерь повстанцев. «Я был очень тронут теплым приемом, который мне оказали, когда я снова попал в отряд».

Теперь, в начале мая, партизаны курсировали по долинам и взгорьям восточной части Сьерра-Маэстры: они искали партию оружия, которая должна была прийти в Сантьяго. Сообщения об отправлении этого груза были противоречивыми, а он был очень важен, так как численность отряда сильно возросла благодаря молодым кампесинос. Один из бойцов авангарда, отправившийся на поиски контакта, был захвачен соддатами гарнизона Пио-дель-Агва и казнен.

Оружие имелось, зато источники информации повстанцев были очень ненадежными. Вместо новостей приходилось удовлетворяться слухами. Не попало ли оружие в руки армии? Пока партизаны пребывали в ожидании, к ним поднялся еще один американский журналист, Эндрю Сент-Джордж. С ним пришлось иметь дело Че, поскольку никто в отряде не говорил по-английски, а они могли кое-как общаться на французском языке. Как раз во время пребывания Сент-Джорджа американское телевидение передало интервью Тэйбра. «Это обрадовало и ободрило всех, кроме корреспондента. Бедное маленькое журналистское сердце Эндрю Сент-Джорджа оказалось разбито. На следующий день после трансляции он на своей яхте отплыл с побережья Бабуна в Сантьяго-де-Куба».

Передача интервью Тэйбра было не единственным из важных сообщений, дошедших до слуха повстанцев. Во время суда над пленными членами экспедиции «Гранмы» один из судей высказал несогласие с правительством, проголосовав против предложенного приговора. Решившись на это, судья Мануэль Уррутиа рисковал жизнью.

В ожидании новостей об оружии мятежники проводили время, сражаясь с москитами, обучаясь выживанию в ужасных антисанитарных условиях Сьерры, медленно распространяя свое влияние и увеличивая количество сторонников. В это время

«качество нашего обоняния находилось в соответствии с нашим образом жизни. Мы могли различать гамаки партизан по запаху. Злейшими нашими врагами были «макагуэра», разновидность слепня... которые жалили нас в открытые места. Расчесанный укус сразу же воспалялся, настолько мы были грязны».

Слухи об оружии реализовались 18 мая. Когда груз поднялся в горы,

«это было совершенно удивительное зрелище. Перед сияющими глазами бойцов были выставлены орудия смерти. Три станковых пулемета, три автомата «мэдсен», девять винтовок «М-1», десять полуавтоматических карабинов «джонсон» и шесть тысяч патронов. Хотя на каждую винтовку «М-1» было всего лишь по 45 патронов, их и прочее оружие раздали согласно достоинствам каждого бойца и стажу его пребывания в Сьерре. Че вручили один из «мэдсенов». Я до сих пор помню, как взял этот автомат, весь в каплях смазки».

Партизан теперь стало более ста пятидесяти человек, и среди них появилось несколько довольно колоритных фигур. Один из них — симпатичный молодой кампесино по кличке Ковбой Кид, очень походивший на этого легендарного юношу. Парню предстояло пройти по жизненному пути плечом к плечу с Че. Был в отряде и пятнадцатилетний мальчик с фермы, которого звали Хоэль Иглесиас. Первое впечатление Хоэля при виде отряда было не очень-то воодушевляющим: «Мы увидели толпу тощих людей, бледных и бородатых, одетых в очень бедную форму, которая воняла на всю округу». Фидель не принял его в отряд, сказав, что мальчик еще слишком мал. Но Хоэль, как и многие другие кампесинос, пришел не для того, чтобы уйти обратно. Когда другие неудачники отправились по домам, он продолжал крутиться в отряде до тех пор, пока Че не обратил на него внимание.

«— Ты сможешь нести этот мешок?»

Мешок был набит тяжелыми боеприпасами для пулемета. Хоэль поднял его и таким образом вступил в роль адъютанта.

23 мая Фидель распустил тех, кто казался не слишком надежным, и количество людей в отряде «сократилось до ста двадцати семи человек, в основном вооруженных, из них около восьмидесяти были вооружены хорошо». Оружие остальных было почти бесполезным.

25 мая до группы дошло известие о том, что революционеры под предводительством Калихто Санчеса высадились с яхты «Коринтия» на побережье Маяри. Опираясь на эти туманные сведения и не зная, как события развернулись на самом деле (почти вся группа была сразу же захвачена отрядами Батисты), Фидель решил приступить к действиям, которые откладывались уже два месяца. Уцелевшие мореплаватели с «Гранмы» не могли не думать о том, что только что вступившие на берег люди, преследуемые по пятам армейскими подразделениями, борются сейчас за свою жизнь. Они полагали, что активность с их стороны «может оттянуть часть сил врага, и у вновь прибывших революционеров окажется шанс добраться до места, где они смогут собраться с силами и вступить в борьбу».

За этим решением последовал спор. Че предлагал немедленно устроить засаду на армейский грузовик, направляющийся в Сьерру, а Фидель считал, что им следует начать с серьезного нападения на казармы. Это, по мнению Фиделя, должно было стать неопровержимым доказательством присутствия партизан.

«Это явилось бы мощным психологическим ударом и стало бы известно по всей стране. Нападение на грузовик не дало бы такого эффекта. В этом случае армия могла сообщить, что несколько солдат погибло и получило ранения в дорожном происшествии, и, хотя люди и будут подозревать правду, они так и не узнают о нашем эффективном присутствии как боевой силы в Сьерра-Маэстре. Фидель принял решение, но я не был убежден».

Спустя годы Че признает, что Фидель был прав, и скажет в свое оправдание, что «в то время все мы испытывали такое непреодолимое стремление к борьбе, что были готовы на любые, самые решительные действия, но совершенно не обладали терпением или, что тоже вероятно, не были способны заглянуть хоть немного вперед».{10}

13. Картинки в пыли.

Крестьянка, которую Че называл тетя Чана, рассказывала о том, что видела: «Фидель и Че рисовали какие-то планы, царапая пыль палками. Казалось, что они спорили о строительстве больничных корпусов, школьных зданий, прокладке шоссе, так как на земле была целая уйма линий». Эта послереволюционная версия событий очень мила, но скорее всего не совсем соответствует действительности. Линии, процарапанные в пыли, были схематическим изображением расположения казарм Эль-Уверо, где размещались войска Батисты.

Фидель приказал восьмидесяти хорошо вооруженным бойцам отряда выйти 27 мая. На десятимильный ночной переход между лагерем и казармами отводилось восемь часов, так как группа должна была соблюдать строжайшие меры предосторожности.

Линии, которые Че и Фидель рисовали прутиками, изображали сторожевые посты и жилые кварталы подле лесопильного завода. Рабочий поселок не должен был подвергнуться обстрелу, «так как там находились женщины и дети, среди которых была и жена менеджера. Она знала о предстоящем нападении, но не захотела уехать, поскольку это могло бы породить подозрения. Когда мы расходились по постам согласно боевому расписанию, гражданское население вызывало у нас самое сильное беспокойство».

Фидель расположился на вершине холма, с которого открывался вид на казармы; напротив разместился взвод Рауля Кастро. Че с автоматом должен был прикрывать разрыв на фланге взвода Камило. Вместе с ним было двое новобранцев, которые были назначены санитарами. Один из них, Оньяте, с гордостью носил прозвище Кантинфлас. Второй, Хоэль Иглесиас, позднее признался, что «ни Кантинфлас, ни я не имели ни малейшего представления о том, что такое бой; никто из нас даже не видел военных кинофильмов».

Занимая позиции, подразделения встретились с определенными трудностями, которые могли бы стать критическими, так как стратегический план Фиделя учитывал мельчайшие детали размещения партизан вокруг казарм. Но начинало вечереть, и в четверть шестого вечера Фидель выстрелом из своей винтовки с оптическим прицелом дал сигнал к атаке. «Когда Фидель открыл огонь, нам сразу стало ясно, в каких зданиях находятся солдаты, так как оттуда чуть ли не в ту же секунду началась ответная пальба». Атакующие группы начали продвигаться вперед.

«Альмейда из своего сектора шел к посту, прикрывавшему вход в казарму. Слева от себя я мог видеть фуражку Камило; она была похожа на кепи солдата Иностранного легио на, так как сзади шею ее хозяина прикрывал кусок материи, но с кокардой Движения. Мы двигались вперед под непрерывным огнем».

Даже Селия Санчес, вооруженная винтовкой «М-l», принимала участие в атаке. К группе Че присоединился товарищ по имени Мануэль Акунья. «Защитники упорно отбивались, а мы достигли открытого пространства, где должны были продвигаться с бесконечной осторожностью, так как вражеский огонь был непрерывным и прицельным».

Но Че не останавливался. Акунья вспоминал: «Мы продолжили продвигаться к казарме, безостановочно стреляя... Но они делали то же самое. Все время слышалось «пинг-пинг-пинг», когда пули свистели над головами; когда они ударялись куда-нибудь — в дерево или скалу, — звук был «так, так».., а мы вместе с Че были там в гуще стрельбы».

Альмейда видел, как Че огнем прокладывал себе путь, «охваченный экстазом доблести, презирая ружейный огонь. А за ним шли оруженосцы — Хоэль и Оньяте — и Мануэль Акунья со своей винтовкой, который, казалось, еще и поощрял Че на дальнейшее движение: «Давай, Че, ты же можешь!»

«Со своей позиции всего в пятидесяти-шестидесяти метрах от вражеских застав я увидел двоих солдат, выскочивших из траншеи впереди. Я выстрелил в них обоих, но они укрылись в жилых кварталах, которые мы не могли трогать. Мы продолжали продвигаться вперед, хотя дороги почти не было, а из прикрытия осталась только трава, и пули свистели в опасной близости к нам. Именно тогда я услышал стон поблизости, какие-то крики, похожие на драку, подумал, что это мог быть какой-нибудь вражеский раненый солдат, и пополз туда. Я потребовал от него сдаться. Оказалось, что это наш товарищ, Марио Леаль, племянник Мануэля Аку-ньи. У него было ранение в голову. Я наскоро осмотрел рану; там было входное отверстие и выходное в теменной кости. У Леаля оказалась парализована одна сторона, не могу вспомнить какая; он потерял сознание. Единственная повязка, которую я смог наложить, была из обрывков бумаги. Я поместил их поверх ран.

Товарищи рассказали позже, что Элигио Мендоса, разведчик, схватил оружие Леаля и бросился в бой. У этого суеверного человека был святой, который якобы защищал его, и когда ему советовали быть поосторожнее, он пренебрежительно отвечал, что святой защитит его от всего. Он упал всего через несколько минут; пуля развоpотила ему грудь. Хорошо укрепившиеся

вражеские отряды заставили нас отойти, при этом было несколько неприятных происшествий; было очень трудно двигаться через центральный сектор. В секторе дороги на Пеладеро Хорхе Сотус и его связной по кличке Полицейский попытались обойти позиции врага, но боец сразу же был убит. Чтобы спастись от неизбежной гибели, Сотусу пришлось нырнуть в море, и с этого момента он практически не принимал участия в событиях. И другие бойцы из его взвода пробовали пройти вперед, но \ их тоже отбили. Один кампесино, товарищ по имени, как мне кажется, Вера, был убит. Манальс получил ранение в легкое. Кике Эскалопа при попытке выдвинуться получил три раны — в плечо, ягодицу и кисть руки. Пост был укреплен с тыла крепкой бревенчатой стеной, и наших людей пулеметным и автоматным огнем крошили на котлеты».

Тогда Фидель приказал Хуану Альмейде и его группе провести атаку всеми силами. Как рассказал Серхио Перес, он знал, что «если мы не возьмем казармы, то получим не только сильный удар по нашему боевому духу, но и останемся вовсе без боеприпасов». Альмейда с криком вскочил и бросился вперед. Вскоре четверо его бойцов команды были ранены, и сам Альмейда поражен двумя пулями. В предыдущие дни ему много раз говорили, что он сам будет виновен в своей смерти, если будет продолжать сражаться так опрометчиво; повстанцы сочли его погибшим. Но вскоре он пришел в себя. Пуля поразила его в плечо рикошетом, угодив перед этим в карман, в котором Альмейда нес банку сгущенного молока и ложку. Гильермо Гарсия свидетельствует: «Альмейда взял банку и принялся пить молоко, смешанное с кровью».

Услышав крики о том, что Альмейда ранен, Че поднялся и бросился вперед, непрерывно строча из автомата и крича: «Победа близка!» Маленький Хоэль следовал за ним с боеприпасами. Акунья был ранен.

«Этот удар сбил пост и открыл путь к баракам. На другом фланге Гильермо Гарсия прицельным огнем из автомата покончил с тремя из защитников. Четвертый выбежал наружу и был сразу же убит. Рауль, разделив свой взвод на две группы, сделал быстрый бросок к казармам. Исход дела был определен действиями командиров, Гильермо Гарсии и Аль-мейды. Каждый из них ликвидировал предусмотренный сторожевой пост и подготовил путь для решающего нападения».

Че, как обычно, преуменьшил свою собственную роль в бою.

В штаб сообщили, что Че был ранен. Акунья, пожилой человек, сказал, что пойдет за ним, несмотря на то, что сам получил две пули, но известие оказалось ложным.

«Слева от меня какие-то товарищи из авангарда... брали в плен нескольких солдат, державших последнюю линию обороны. Перед нами из-за частокола вышел солдат, показывавший, что он сдает оружие. Крики «сдаемся!» послышались со всех сторон. Мы быстро шли к казарме, когда услышали последнюю пулеметную очередь, которая, как я позже узнал, оборвала жизнь лейтенанта Нано Диаса».

В казармах было четырнадцать убитых солдат, также было убито

«несколько попугаев, которых держали жандармы. Только представьте себе размеры этих крошечных существ, и вы поймете, сколько пуль прошило деревянное здание.

Чтобы рассказать всю эту историю, мне потребовалось всего несколько минут, но сражение продолжалось примерно два часа сорок пять минут — от первого выстрела и до того момента, когда казармы были взяты».

Войдя в казармы, повстанцы приступили к оказанию помощи раненым. Санитар отряда Батисты, немолодой седовласый человек, был настолько взволнован, что не знал, что делать.

«Мое знание медицины никогда не было слишком глубоким; количество раненых было огромным, и я тогда совершенно не желал браться за лечение. Но когда я попытался сбыть раненых с рук, передав их офицеру-врачу, тот спросил меня, сколько мне лет и когда я закончил обучение. Я сказал: «Несколько лет тому назад», а он откровенно признался: «Знаешь, парень, тебе придется заняться ими самому, потому что я только что закончил учебу и у меня нет никакого опыта». Это значило еще, что наряду с недостатком опыта и испугом, естественным в этой ситуации, у него отшибло последние медицинские знания. Поэтому мне пришлось сменить оружие на форму санитара — действие, которое на самом деле заключалось лишь в мытье рук».

Спустя несколько лет Фидель заметил: «В то время как мы ухаживали за их ранеными и отпустили шестнадцать пленных, они хладнокровно убивали приплывших на «Коринтии»».

У повстанцев было ранено пятнадцать человек.

«В отряде Батисты было девятнадцать раненых, четырнадцать убитых, еще четырнадцать взято в плен и шесть убежали. Учтите, что было восемьдесят бойцов с нашей стороны и пятьдесят три с их, то есть всего 133; из них тридцать восемь, или больше четверти, были выведены из строя всего-навсего за немногим более чем два с половиной часа сражения. В этом бою одни люди шли с голой грудью против других, которые защищались в месте, практически ' не пригодном для обороны. Следует сказать, что примеры героизма были показаны с обеих сторон».

Че улучил минуту поздравить своего юного помощника: «Ты хорошо вел себя, ты заработал себе оливковую форму». Хоэль Иглесиас обиделся и был близок к тому, чтобы уйти из отряда — как же так, ему собирались дать всего-навсего форму, когда он хотел получить оружие! Естественно, Че выбрал момент, чтобы попрощаться с партизаном по имени Гильерос — тот получил серьезное ранение, и отряд не мог взять его с собой.

«Я мог только дать ему кое-какие транквилизаторы и наложить на грудь повязку так, чтобы дышать ему было полегче. Мы попытались спасти его единственным возможным тогда способом: взяв с собой четырнадцать пленных и оставив там, в руках врагов, наших двоих раненых, Леаля и Гилье-роса под честное слово армейского медика. Когда я сообщил об этом Гильеросу, используя общепринятые успокаивающие выражения, он ответил мне кривой улыбкой, которая сказала куда больше, чем могли бы выразить простые слова; она очень хорошо показывала его уверенность в том, что с ним все кончено. Мы тоже знали это, и мне хотелось поцеловать его в лоб; но если бы кто-нибудь, а особенно я, поступил бы так, это было бы признанием того, что положение нашего товарища безнадежно. Долг подсказывал мне, что я не имел права еще больше отравлять его последние моменты, подтверждая мысли, в которых он сам был почти уверен».

В тот день колонна снова поднялась в Сьерру, чтобы похоронить своих погибших. Во время краткой церемонии Фидель предупредил, что надвигаются трудные дни. Несомненно, армия бросит значительные силы для преследования партизан. В то время как главный корпус под командой Фиделя попытается уйти как можно дальше от этого района, Че останется здесь, во главе маленького отряда, состоящего в основном из раненых. «Утром мы проводили победоносные отряды; они с печалью расста вались с нами. Со мной остались мои ординарцы, Хоэль Иглесиас и Оньяте, а также разведчик по имени Синесио Торрес и Хуан Виталио Вило Акунья, который остался с раненым дядей Мануэлем». Кроме них, было еще семеро раненых, четверо из них достаточно серьезно.

Как ни странно, городская организация Движения 26 июля подняла восстание в Камагуэе в тот же самый день, когда партизаны напали на лесопильный завод: 28 мая. Было намечено ударить по военно-морской базе, захватить оружие, а затем направиться в горный массив Эскамбрей, занимающий центральную часть острова. Восстание должно было состояться и в Гаване. Первое выступление провалилось (Д26 предали, и тридцать пять человек были схвачены властями и замучены), но в

Гаване акция прошла более успешно. В два часа утра, после мощного взрыва бомбы, в столице начались массовые волнения.

Тем временем над той частью Сьерры, где совсем недавно разделились две партизанские колонны, летал самолет. С помощью двух рабочих с лесопилки Че и его группа сумела добраться до заброшенной хижины в четырех километрах от места расставания. После дня, посвященного отдыху, обильной еде и ловле множества цыплят, они были вынуждены поспешно уйти, так как прошел слух, что армейские подразделения находятся совсем рядом. Альмейда, у которого были две серьезные раны, горько жалел, что из-за спешки не успел оценить вкусовые качества приготовленного Че супа.

«Имея в своем распоряжении нескольких человек, мы начали короткий, но очень трудный марш, спускаясь к так называемому Индейскому ручью и карабкаясь вверх по узенькой тропке туда, где жил кампесино по имени Исраэль с женой и шурином. Мы пережили немало волнений, когда тащили товарищей по крутым склонам троих из них несли в гамаках, но все же преодолели этот путь».

Чтобы дотащить раненых, им пришлось оставить свое неисправное оружие и вещи. Че, к тому времени наученный опытом, прошел эту дорогу еще раз, уничтожив за собой следы группы и подобрав оружие, хотя оно и не действовало. Он не имел никакого желания вновь получать выговор от Фиделя.

«Благоразумнее всего было бы как можно скорее обрести подвижность». Маленькая группа покинула хижину и направилась в заросли кустарников — как раз вовремя, поскольку армия схватила семейство, которое давало им приют, и начала прочесывать окрестности. Прибытие трех новых добровольцев по крайней мере должно было облегчить будущие передвижения. Скитаю щийся отряд видел признаки серьезной активности армии; часто летали самолеты. Ходили слухи о том, что на Кубу высаживаются новые группы повстанцев и что армейские колонны направляются в Сьерру.

«Переходы были очень короткими и невероятно утомительными». Раненых нужно было переносить по очереди. «Толстые ветки, к которым были привязаны гамаки, буквально врезались в плечи носильщиков, и те вынуждены были меняться каждые десять-пятнадцать минут, так что в этих условиях для переноски одного раненого требовалось шесть, а то и восемь человек».

Одним очень дождливым утром несколько до крайности изможденных людей подошли к дому молодого крестьянина Рамо-на «Гиле» Пардо. Это было место явки; именно сюда Че

намеревался явиться. Несколько партизан должны были провести здесь не один месяц.

Находясь там, Че третьего июня завел очень ценное знакомство. Он повстречался с Давидом, надсмотрщиком с близлежащей плантации. Как часто бывает, встреча носила символичный характер. Увидев, как Че ест лимон вместе с кожурой и семечками, Давид предложил ему сыр, масло и крекеры. Че ответил, что возьмет все это, чтобы поделиться с ранеными. Отношения укреплялись, и через некоторое время Давид сменил свои обязанности: из квартирмейстера нового партизанского подразделения он стал связным и поддерживал контакты с Сантьяго. Там он позднее был арестован и подвергнут «варварским пыткам. После возвращения Давид был сильнее всего обеспокоен тем, как бы мы не подумали, что он проговорился».

Группа несла свою бдительную бессменную вахту в доме Пардо около месяца, пока раненые собирались с силами. Они были почти полностью лишены контактов с внешним миром. Порой до них доходили различные слухи — например, однажды они услышали, что Селия Санчес арестована или даже убита. Это должно было явиться трагедией для партизан, так как лишало их связи с городской сетью Д26. Тем временем армия проводила выселение населения и бомбежки, пытаясь опустошить местность, а Че налаживал деловые и дружеские отношения с кампесинос.

Несмотря на сохранившуюся с детства нелюбовь к гигиене, Че часто ходил на берег реки Пеладеро, протекавшей невдалеке от дома, и купался там в чистой заводи. С тех пор как кончились медикаменты, его астма возвратилась с новой силой. «Мне пришлось перейти на такой же неподвижный образ жизни, какой вели раненые; мне удалось ослабить приступы болезни с помощью курения листьев какой-то травы, которая является в Сьерре народным средством против астмы».

Тетя Чана описывала поведение Че во время заболеваний: «Когда начинался приступ астмы, он оставался спокойным, лишь часто и неглубоко дышал, чтобы еще больше не растревожить болезнь. Некоторые во время приступа впадают в истерику, некоторые кашляют, выпучивают глаза, раскрывают рты, а Че пытался сдержать его, укротить. Он садился куда-нибудь в угол, на табурет или камень, и отстранялся от всего окружающего. ...О боже, просто невыносимо было видеть такого сильного, красивого мужчину в таком состоянии. ...Но он не любил жалости. Если ему говорили «бедняжка», он бросал на тебя быстрый взгляд, который вроде бы ничего не говорил, но подразумевал очень многое».

Численность отряда продолжала возрастать — к нему

присоединялись молодые кампесинос, — хотя Че старался, за неимением оружия, сохранить количество людей минимальным. «Не менее сорока человек прошло через наш отряд, но дезертирство тоже было непрерывным; некоторые уходили с нашего благословения, другие против нашего желания. Отряд никогда не насчитывал больше двадцати пяти — тридцати человек». Когда раненые поправились, часть испорченного оружия была отремонтирована, через подпольную сеть доставили лекарства от астмы и было решено двигаться дальше, отряд состоял из двадцати шести бойцов.

Уже на марше,

«16 июня я дебютировал в качестве дантиста, хотя в Сьерре мне присвоили более скромное наименование «Зубодер». Моей первой жертвой стал Исраэль Пардо, который хорошо перенес процедуру. Зато зуб моего второго пациента, Хоэля Иглесиаса, не могло бы вырвать ничто, кроме динамита. Все мои усилия были напрасны, и зуб сохранился до конца войны. Недостаток опыта у меня усугублялся нехваткой таблеток, поэтому мы были вынуждены экономить лекарства и использовать в основном «психологическую анестезию».

Хоэль: «Во время лечения он осыпал меня ругательствами. Я знал, что ему впервые пришлось вырывать зубы, но с того времени и до сих пор боюсь дантистов».

Возможно, пациенты — среди них кампесино-гаитянец, оказавшийся одной из его первых жертв — и не оценили его усилий, но сам Че вошел во вкус удаления зубов. В течение нескольких последующих лет он уклонялся от исполнения обязанностей врача, но с таким удовольствием рвал зубы, что это породило ле генду: якобы Че, узнав, что у кого-то поблизости болит зуб, приходил в восторг.

Во время перехода в отряд влилось еще несколько новобранцев, но еще больше народу разбежалось.

«Радио сообщало о насилии, творившемся во всех концах острова. 1 июля мы получили известие о гибели Хосе Пайса, брата Франка, и других товарищей в мимолетной стычке по пути в Сантьяго. Хотя наши вылазки были короткими, бойцы чувствовали сильное переутомление; некоторые из новичков просили отправить их «выполнять более полезные поручения в городе».

Именно в то время, когда группа в поисках основного отряда бродила по области Ла-Меса, Че встретился с кампесино, которому в скором будущем предстояло сыграть важнейшую роль во взаимоотношениях партизан с местными жителями. Поло Торрес, которого Че прозвал Капитан Босяк, был человеком

среднего роста, носил на голове шляпу, из-под которой чуть виднелись его ярко-зеленые глаза; он всегда ходил без какой-либо обуви.

Поло приветствовал партизан тушеной свининой, которой было слишком много для голодных повстанцев. «Поло, это диверсия. Мы все будем или блевать, или дристать».

Пока отряд рыскал по району Эль-Туркино, скрываясь от правительственных войск, Че лишился важного союзника — своего проводника Синесио, который совсем пал духом.

«Было чрезвычайно трудно поддерживать настроение бойцов на достаточно высоком уровне, не имея ни оружия, ни прямых контактов с лидером революции, скитаясь практически в одиночку, без опыта, в окружении врагов, которых в мыслях и рассказах местных жителей становилось гораздо больше чем было на самом деле. Нехватка энтузиазма у новобранцев, прибывших с равнин и не привыкших к тысяче и одной трудности странствий по Сьерре, порождала непрерывный кризис настроения партизан».

16 июня состоялись встречи, сначала с передовым дозором Фиделя, а затем и с самим лидером революции. Че представил свой отряд следующим образом:

«Вот мои бойцы».

«Он привел с собой толпу оборванцев; у некоторых были дробовики, а у большинства мачете, какие-то ведра и банки», — отозвался о них Кресло.

Не меньше, чем встрече со старыми товарищами, Че был рад знакомству с новым членом отряда, доктором Хулио Мартине-сом Паэсом, которому немедленно сделал «небольшой подарок» — свой ящик с медицинскими инструментами. «На сегодня я покончил с медициной, чтобы стать бойцом-партизаном».

В отсутствие Че Фидель сблизился с двумя представителями либеральной оппозиции. Это были Фелипе Пасос и Рауль Чибас. Втроем они составили политическую программу, в которой декларировалось создание гражданского революционного фронта, отстранение армии от активного участия в общественной жизни и отклонение любого посредничества Соединенных Штатов. Помимо этого в документе, конечно, говорилось о немедленном освобождении политических заключенных, свободе информации, восстановлении конституционных прав, муниципальных выборах, борьбе против коррупции, праве на создание общественных объединений и кампании по ликвидации неграмотности. Было там и робкое предложение об аграрной реформе, в основу которой предполагалось положить неиспользуемые земли, а также предусматривались компенсации владельцам плантаций. Авторы документа настаивали на объявлении имени временного

президента. Фидель предложил этот пост Чибасу, но тот отказался. Документ, датированный 12 июля, был широко обнародован и активно обсуждался за рубежом.

Че очень критически отнесся к этому весьма ограниченному документу; из более поздних записей станет ясно, что он показался ему просто подозрительным. Че даже обвинял Пасоса и Чи-баса в том, что они используют выработанную программу как первый шаг к предательству вооруженной борьбы. И действительно, документ означал шаг назад от большинства радикальных предложений Движения 26 июля.

«Мы не были удовлетворены соглашением, но оно было необходимым; для того времени оно было прогрессивным; мы знали также, что диктовать свою волю из Сьерры было невозможно и что на некоторое время нам придется опираться на «друзей» всех сортов».

Но какие же политические цели, какие планы развития страны обсуждались в ту пору в Сьерре? Какие цели преследовал Фидель, а какие Че? Вполне вероятно, что у них были только неопределенные соображения о потребности в радикальной аграрной реформе, желание обширных социальных измене«ий — тогда в голове Че уже наполовину сформировалось его социалистическое мировоззрение. Возможно, скрывавшиеся в Сьерре люди четко понимали только то, что они должны покончить с диктатурой Батисты единственным возможным способом — с помощью вооруженного восстания.{11}

14. Майор.

5 июля Фидель Кастро написал Селии Санчес: «Наши отряды день ото дня становятся все более профессиональными и эффективными. Набирая новобранцев, приучая их к дисциплине и отбрасывая бесполезных, мы строим настоящую армию». Несомненно, именно потому и было принято решение сформировать новую колонну. Кому предстояло возглавить ее? Фидель, должно быть, принимал во внимание военное мастерство Хуана Альмейды и серьезность Рауля Кастро, но в конце концов остановил свой выбор на Че. Почему? В первые месяцы партизанской борьбы Че не получил среди своих соратников известности как военный. Он хотя и был смелым бойцом, не был кубинцем, еще совсем недавно выполнял обязанности врача и имел ранг рядового бойца. Какие качества Фидель разглядел в Че? Были ли это суровая безжалостность, целеустремленность, готовность свершить невозможное и эгалитаристская позиция — качества, благодаря которым он сделался примером? Или же он смог продемонстрировать способности лидера в трудной ситуации, когда остался один с ранеными? Независимо от того, что послужило причиной назначения, Фидель, которого обычно не подводила интуиция в военных вопросах, снова оказался прав.

Колонне, «в ребяческой попытке замаскировать истинное положение вещей», был дан номер 4. Под команду Че были отданы три капитана с их взводами: Рамиро Вальдес, Сиро Редондо и Лало Сардиньяс.

«Эта колонна, которой было присвоено название «колонна выселенных кампесинос», состояла из семидесяти пяти человек, кое-как обмундированных и вооруженных всяким старьем, но я все равно гордился ими. Я должен был чувствовать еще более сильную гордость, ощущать себя намного теснее связанным с революцией, если это возможно, и еще больше желал показать, что нашивки, которые мне вручили спустя несколько ночей, были мною заслужены».

В ту же самую ночь он вместе с Фиделем подписал письмо Франку Пайсу. «Только не забудь указать свое звание— майор», — напомнил Фидель.

«Именно так, почти что походя, я был назначен командующим колонной «номер 4» партизанской армии... Благодаря доле тщеславия, которой все мы не лишены, я оказался в этот день самым гордым человеком на земле. Знак отличия, маленькая звездочка, была вручена мне Селией; одновременно мне дали наручные часы из тех нескольких штук, что прислали

партизанам из Мансанильи».

Вооружение колонны, казалось, состояло из музейных экспонатов. Больше всего было дробовиков, но были также «кольты», винтовки «ремингтон», предназначавшиеся для обучения стрельбе, однозарядные «винчестеры», у которых после каждого выстрела нужно было передергивать затвор (такие некогда использовали ковбои на североамериканском Диком Западе), винтовки калибра 0,22 — «саваж» и «спрингфилд», «гаранды», захваченные у врагов, и даже несколько старинных «бландербасов» — кремневых короткоствольных ружей с раструбом, из которых, казалось, могли стрелять конкистадоры.

Че были поручены действия на восток от Эль-Туркино, невдалеке от района Эль-Омбрито. Его группа должна была обладать определенной независимостью, но поддерживать с колонной Фиделя связь через посыльного. Одним из его первых шагов явилось назначение Аристидеса Герры интендантом колонны. Конспиративная сеть Герры на Равнинах была разгромлена, и он хотел сражаться, но Че убедил его организовать систему снабжения, что было чрезвычайно важной и невероятно трудной задачей.

Когда колонна двигалась на восток, в самые неприступные горы Сьерра-Маэстры, один из бойцов дезертировал. В погоню за ним были посланы еще двое; один из них также попытался удрать и был застрелен напарником, который сначала безуспешно требовал, чтобы беглец остановился.

«Я собрал всех людей вместе на холме, сцене этих жутких событий, и рассказал, что им пришлось увидеть и что это означало, объяснил, почему за дезертирство полагается смертная казнь и почему к смертной казни приговариваются все предатели революции. Мы прошли мимо индейской цепочкой колонной по одному в строгой тишине, и многие товарищи были просто ошеломлены первой увиденной смертью и трупом человека, попытавшегося покинуть свой пост. Возможно, они были потрясены больше из-за личного отношения к дезертиру, собственной политической нетвердости, естественной в той стадии из-за недостаточной преданности революции».

30 июля в Сантьяго был убит Франк Пайс. Целую неделю вокруг него сжималась удавка полицейской охоты, вынудившая его сменить три конспиративные квартиры. Франка захватил во время облавы полковник Хосе Салас Каньисарес, полицейский начальник, прославившийся своей зверской жестокостью, а опознал полицейский, который учился в школе вместе с революционером. Арестованного отвели в переулок и убили. Че услышал эту новость лишь через несколько дней, когда в

Сантьяго была в разгаре стихийная забастовка. «В лице Франка Пайса мы потеряли одного из наших самых храбрых бойцов, но реакция на его убийство показала, что в борьбе принимают участие новые силы и что боевое настроение в народе повышается». Этот случай также показал, насколько усилилось влияние Движения 26 июля в городах, особенно в Сантьяго.

В это самое время колонна Че провела свой первый бой. Это был налет на казарму в Бейсито. В акции принимала участие городская ячейка Д26 из Эль-Дорадо; была запланирована стремительная атака. Но события пошли совсем не так, как намечалось. Автомобиль затормозил перед казармой и осветил здание, подав тем самым сигнал к нападению, но тут Рамиро потерял в темноте часть своего взвода, автомобиль не смог отъехать, а собаки подняли бешеный лай. Че направился к центру города.

«На главной улице я натолкнулся на человека и окликнул его: «Стой! Кто идет?» Приняв меня за своего, тот откликнулся: «Полевая жандармерия». Когда я сделал резкое движение к нему, он бросился в дом и хлопнул дверью; я услышал, как внутри переворачивались столы и стулья, разбилось стекло и кто-то тихонько выбрался из задней двери. Все это означало нечто вроде молчаливого соглашения между жандармом и мной, так что стрелять не стоило. Он тоже не пытался криком предупредить своих товарищей. Проблема состояла в том, чтобы захватить казарму.

Мы продолжали продвигаться вперед.... Часовой перед казармой был встревожен лаем собак и, вероятно, шумом моего столкновения с солдатом. Нас разделяло лишь несколько ярдов. Я держал на изготовку свой «томпсон», а он — «гаранд». Со мной был Исраэль Пардо. Я завопил: «Стоять!» И человек с поднятым «гарандом» пошевелился. Этого было достаточно для меня, и я нажал на спуск, ожидая резкого удара отдачи. Но последовала осечка, и я оказался беззащитным. Исраэль Пардо также пытался выстрелить, но его винтовка калибра 0,22 тоже не сработала. Я не знаю толком, как Исраэлю удалось убежать целым и невредимым; я помню лишь то, что происходило со мною самим, как я под ливнем пуль из «гаранда» бежал с такой скоростью, какую ни раньше, ни позже не показывал, юркнул за угол и нырнул в переулок, где и наладил автомат. Солдат, однако, невольно подал сигнал к нашей атаке. Услышав, что вокруг началась пальба, он спрятался за столб; там мы и нашли его, когда бой, продолжавшийся всего несколько минут, был закончен».

Сразу же после первых выстрелов Рамиро Вальдес со своим взводом напал на казарму с тыла и проник в здание. Из

двенадцати жандармов шесть были ранены, а у партизан один человек погиб. Колонна подожгла казарму и направилась прочь из города. Местные жители на ходу угощали повстанцев холодным вином и пивом.

«Отойдя за Калифорнию, мы раздали оружие. Даже несмотря на то, что мое участие в операции было минимальным и нисколько не героическим, так как я удрал от нескольких выстрелов, направленных мне в спину, я положил в мешок автомат «браунинг», трофей из казармы, и убрал старый «томпсон» и его опасные патроны, которые никогда не стреляли, когда требовалось».

Аргентинский журналист Родольфо Уолш много лет спустя заметил, говоря о Че: «Насколько я могу припомнить, ни один другой командующий армией или герой не признавался, что ему дважды приходилось удирать». (Первый случай был, когда повстанцев застигли врасплох в Альтос-де-ла-Эспиноса.)

Нападение на Бейсито произошло вскоре после партизанской акции, предпринятой Фиделем на дороге в Эстрада-Пальму, одновременно с забастовкой в Сантьяго — то есть в разгар широкомасштабных действий против диктатуры. В то время на Кубе происходили три революционных выступления: одно в Сантьяго, в котором приняло активное участие подавляющее большинство среднего класса и даже люди, относившиеся к экономической аристократии, очень радикальное молодежное выступление в Гаване, и первые шаги крестьянской войны против диктатуры в Сьерра-Маэстре. Эта последняя являлась своего рода детонатором, стимулом для городских восстаний. Гениальный ход, изобретенный Фиделем и Франком Паисом, должен был заставить все три выступления совпасть по времени, но сохранить при этом самостоятельность.

Че был одной из основных фигур крестьянской войны, но каким же был в то время его образ? По словам Рикардо Мартинеса, молодого радиокомментатора, поднявшегося тогда с группой коллег в Сьерра-Маэстру, «радиопередачи правительственной радиостанции и пресса правой ориентации обвиняли Че в том, что он является агентом международного коммунизма, профес сиональным наемным убийцей, безжалостно убивающим пленных из войск Батисты. Это повторялось снова и снова».

Судя по первому впечатлению, которое лидер повстанцев произвел на репортера, молодой журналист был довольно наивным человеком:

«Была ночь; он сидел, склонившись, в хижине, освещенный свечой или лампой, со взъерошенными слипшимися волосами, потный, с сальной кожей лица и очень необычным взглядом; игра

света и тени делала черты его лица резче. Я ни на мгновение не усомнился в том, что все рассказы пропаганды о нем — чистая правда. Он угостил нас лучшими кусками жареного мяса, но даже это не могло исправить сложившегося образа».

Группа Мартинеса была не единственным пополнением новорожденной колонны. 3 августа к Эль-Омбрито поднялись тридцать четыре человека. Среди них было двое подростков, чье будущее окажется связано с судьбой Че — братья Асеведо; тогда им было четырнадцать и шестнадцать лет. Поскольку у прибывших совсем не было оружия, из всего количества добровольцев было принято только двенадцать человек. Братьям Асеведо, естественно, отказали. Они подняли «такой шум», что Че подошел к ним и спросил, не студенты ли они. Рохелио он дал алгебраическую задачу, с которой тот не смог совладать. Четырнадцатилетний Энрике сказал, что с историей и географией у него хорошо, но с остальными предметами... Че рассмеялся, но все же не принял их в отряд. Когда колонна двинулась в путь, они упрямо шагали следом, и, похоже, готовы были скорее умереть, чем смириться с отказом. И благодаря заступничеству Сиро Редондо все-таки добились своего. Вокруг Че появлялось все больше и больше подростков. У Леонардо Тамайо, пятнадцатилетнего кампесино, чей отец присоединился к отряду раньше, произошел следующий диалог с командиром:

«— Зачем ты сюда пришел?

— Делать то же самое, что и вы».

Че счел это вполне убедительным доводом. Несколько дней спустя он испробовал Леонардо в качестве посыльного и обнаружил, что Тамайо-младший буквально летал по горам, успевая за один день выполнить поручение, на которое любому другому потребовалось бы два. С этого момента он вошел в окружение Че.

Были там и другие. Онирия Гутьеррес оказалась первой женщиной, принятой в отряд. Че заботился об этой семнадцатилетней крестьянке как о родной дочери, отдал ей свое одеяло. Шестнадцатилетний Гарри Вильегас пришел с группой людей, вооруженных дробовиками. «Вы думаете, что сможете воевать этим оружием?» — поинтересовался Че..

Еще там был Гиле, младший из братьев Пардо, присоединившихся к партизанам в начале 1957 года. В их доме Че скрывался во время странствия с отрядом раненых. И Рене Пачеко, молодой семинарист из православного подполья, перенесший жестокие .пытки в казармах Баямо. И Альберто Кастельянос, уличный мальчишка из трущоб Виктории-де-лас-Тунас, успевший побывать чистильщиком обуви, помощником

аптекаря и продавцом газет. Альберто отправили домой, так как у него не было оружия, но спустя несколько месяцев он возвратился и вступил в отряд.

Что увидел Че во всех этих подростках? Что он видел там, где другим открывалась только неграмотность, отсутствие военного опыта и незрелость? Вне всякого сомнения, он видел целеустремленность, отражение своего собственного упорства и несгибаемую волю. И потому он должен был обращаться с ними так же сурово, как обходился с самим собой. Уже в ближайшие месяцы дела этих юнцов, как и многих других, станут легендарными.

И что эта молодежь видела в Че? Кастельянос точно сказал об этом:

«Я представлял его себе огромным, высоким, коренастым человеком. Я привык к тому, что об аргентинцах говорят как о певцах танго, носящих шарфы, имеющих особую буэнос-айресскую манеру разговора, и считал, что именно таким он и должен быть. Я воображал, что он окажется похожим на актеров из аргентинских фильмов. Но при встрече он не произвел на меня особого впечатления; на самом деле я был даже разочарован. Это был обычный тощий парень, такой же, как и все мы, и я воскликнул: «Так значит, это Че?»

После первого боевого крещения Че направился в район, через который уже проходил прежде, в «долину, именовавшуюся Эль-Омбрито — Человечек, — обязанную своим названием двум огромным валунам». Там он обучал новобранцев военному делу и основам грамоты, поскольку из всей колонны только четыре или пять человек умели читать. Хоэлю, своему ординарцу, он сказал: «Я говорил о тебе с Фиделем, и он спросил, почему я не сделал тебя лейтенантом, но я ответил, что не могу назначить тебя, так как ты не умеешь ни читать, ни писать». Чтобы поощрить Хоэля, он назначил его командиром отряда необученных, приказал юноше найти записную книжку и карандаш и начал по ночам, при свете лампы, учить его грамоте.

А с Пачеко Че выступал уже в роли не учителя, а ученика, осваивая кубинскую историю. Постепенно в Сьерра-Маэстру попали книги Хосе Марти, поэзия Хосе Марии Эрредиа, Гертрудис Авельянеды, Габриэля де ла Консепсьон и Рубена Дарио. Они пришли на смену биографии Гёте, принадлежавшей перу Эмиля Людвига, которую, судя по фотографии, Че читал в то время. На фотографии он запечатлен лежащим под одеялом в своей хижине, с книгой в руках и огромной сигарой во рту.

Он также одел свою группу в форму. Некоторые разбегались во время бомбежек; когда Че удавалось поймать их, он, можно

сказать, спускал с них шкуру — то есть отбирал форму. «Городские хвастуны, которые первые только в том, чтобы обосраться и удрать, заслышав бомбы, должны будут теперь потрудиться как следует».

29 августа Че узнал о том, что к Эль-Омбрито поднимаются армейские части. Он развернул два взвода на вероятных направлениях атаки. Один должен был вступить в бой, а второй, имевший самое плохое оружие, — «открыть «акустические» военные действия».

«С рассветом мы стали различать, что люди проснулись, суетятся, ходят взад-вперед. Вскоре некоторые надели каски. ... Мы видели, что голова колонны с трудом продвигается вперед. Ожидание в те минуты казалось вечным, и мой палец зудел, ожидая нажатия на спусковой крючок моего нового оружия, автомата «браунинг», готового впервые обратиться против врага».

Но солдаты начали разворачиваться в цепь, и план повстанцев уже не казался таким реальным. Когда «пошел шестой из них, я услышал крик впереди, и один из солдат от неожиданности поднял голову. Я немедленно открыл огонь, и этот человек упал. Тут же началась стрельба, и шесть солдат как ветром сдуло под автоматным огнем».

Частью, направленной против них, командовал некий Мероб Соса. В ней насчитывалось двести пять человек, а в отряде Че — всего семьдесят два, причем плохо вооруженных. Но несмотря на это соотношение, армейская колонна рассеялась, как только началась стрельба. Отделение Кастро Меркадера предприняло атаку, но вражеская колонна перегруппировалась и начала обстреливать позиции партизан из базук. Упавшего солдата обыскали, но при нем оказался только револьвер. Пулемет «максим» повстанцев не пожелал работать, так что «акустическая секция» нагнала на врагов значительно больше страху, чем нанесла реального урона. В сложившихся обстоятельствах Че был вынужден дать приказ повзводно отступить и занять вторую линию обороны на высокой горе.

Он отступил последним; с тех пор так будет во всех боях, в которых ему придется принять участие. Прибытие от Фиделя взвода подкрепления улучшило положение партизан; во всяком случае, жандармы дальше не продвинулись, ограничившись сожжением тела одного из повстанцев, убитого в перестрелке, и к обмену выстрелами издалека.

«Это столкновение всего лишь показало, насколько плохой была боевая подготовка наших отрядов: они даже не были способны точно стрелять во вражеских солдат, перемещавшихся на совсем небольшом расстоянии... Тем не менее это было для

нас большой победой. Мы остановили колонну Мероба Сосы на марше, и с наступлением сумерек она отступила... Мы смогли достичь этого с помощью горстки кое-как действующего оружия против роты, насчитывавшей по меньшей мере сто сорок человек, полностью экипированных для современной войны, обстреливавших из большого количества базук — и, возможно, минометов — наши позиции. Но они стреляли очень бестолково, куда попало, точно так же как и наши люди, обстреливавшие их авангард».

У этой стычки были печальные последствия: солдаты Мероба Сосы убили нескольких кампесинос и представили их тела как «доказательство» жертв, понесенных мятежниками в бою.

31 августа Че доложил Фиделю об успехе операции в Бейсито и росте численности его отряда до ста человек. Он также принял участие в обсуждении кандидатуры преемника Франка Пайса в Сантьяго. Он предлагал кого-нибудь, в ком соединялись бы качества хорошего организатора с опытом действий в Сьерре, чтобы этот человек не оказался чуждым проблемам партизан. Че назвал Рауля Кастро, Альмейду, Рамиро Вальдеса или себя самого. «Я делаю это без ложной скромности, но без малейшего желания оказаться избранным». И добавил: «Я подчеркиваю это потому, что знаю моральный и интеллектуальный уровень мелких лидеров, которые попытаются заменить Франка».

Неприязнь Че к горожанам была довольно странным явлением. Действительно, опыт его общения с ними был порой не слишком удачным, но все же оценка в целом явилась результатом полного незнания городской составляющей Движения 26 июля.

В конце концов на смену Франку Пайсу был выбран Рене Рамос Латур, радикальный националист и рабочий организатор, успевший испытать на себе жизнь в партизанском отряде. Полемика между Че и Равниной должна была вот-вот начаться.

В это время отряды Фиделя и Че двигались параллельными путями. Они встречались, а затем вновь расходились. Их целью был Пино-дель-Агва: было известно, что тамошний гарнизон невелик, и Фидель хотел напасть на него. Че со своим отрядом должен был оставаться в засаде — как резерв на случай неожиданной вылазки обороняющихся. Он очень дружелюбно велел уйти братьям-подросткам Асеведо, так как они не выдерживали общего темпа и тем самым представляли опасность для колонны на марше. Братья, хотя и совершенно выбились из сил, отказались: «Только через наши трупы». Че пришел в ярость и совсем было решил выгнать их силой, но опять вмешался Сиро Редондо, и ребятам дали еще неделю испытательного срока.

5 сентября произошло восстание моряков в городе Сьенфуэ-

гос. Эти люди создали в вооруженных силах тайную организацию, которая позже стала известна под названием «честные военные», и были связаны с городской организацией Д26. Поначалу заговорщикам сопутствовал успех: они заняли город. Но вместо того чтобы, объединившись с горожанами, уйти в близлежащие горы Эскамбрей, они остались в городе, ожидая, что восстание получит широкую поддержку и распространится. Вместо этого они дождались лишь полновесного удара от сил режима. Гибель людей и утрата оружия были поистине трагическими явлениями. А причиной разгрома явились отсутствие координации действий противников диктатуры и незнание моряками партизанской тактики. Однако было очевидно, что жестокий разгром народного восстания войсками правящего режима еще больше усилил изоляцию властей.

Тем временем Че 8 сентября вступил в Сан-Пабло-де-Яо «среди всеобщего ликования в городе, который мы мирно взяли под свой контроль за несколько часов (там не было никаких вражеских войск). И мы начали устанавливать контакты». Возможно, наиболее ценным приобретением среди новых друзей оказалась Лидия Досе, сорокапятилетняя женщина крестьянского происхождения, которая после развода была прислугой в Гаване, а затем возвратилась в Сьерру. Ей предстояло стать ключевым звеном сетей, организованных Че.

10 сентября, как и было запланировано, колонна Фиделя вступила в Пино-дель-Агву и захватила лесопильный завод. Фидель предложил дальнейший маршрут и вышел со своим отрядом уже на следующий день, оставив отряд Че в засаде поджидать армейские подразделения. И тут начался тропический ливень.

«Вражеские солдаты гораздо сильнее испугались дождя, чем возможного нападения, что дало нам преимущество неожиданности. Человек, которому было поручено открыть огонь, был вооружен автоматом «томпсон»; он начал стрелять, но в таких условиях не смог ни в кого попасть. Началась беспорядочная стрельба. Солдаты с первого грузовика, скорее потрясенные и удивленные, чем задетые пулями, спрыгнули на дорогу и попрятались за валуны».

План партизан сработал, и первые три грузовика угодили в их западню. Ни один не прошел дальше; остальные солдаты обратились в бегство. Сопротивление команды из нескольких первых грузовиков было подавлено взводами Лало Сардиньяса и Эфихе-нио Амейхейраса.

«В первом грузовике мы обнаружили двоих мертвых и одного раненого, но все еще готового сражаться, несмотря на

испытываемые смертные муки; его прикончили, не дав шанса сдаться, но он, впрочем, вряд ли смог бы сделать это, так как был в почти бессознательном состоянии. Этот поступок был совершен бойцом, чью семью уничтожила армия Батисты. Я сделал ему строгий выговор, не зная, что меня слушает еще один раненый солдат. Он зарылся в какие-то одеяла и неподвижно лежал в глубине кузова. Когда вражеский солдат услышал мои слова и оправдания нашего товарища, то признался в своем присутствии и попросил, чтобы мы не убивали его. Он имел огнестрельную рану в ногу, перебившую кость. Когда стычки переместились в другие грузовики, его оставили лежать на обочине. Каждый раз, когда мимо проходил кто-нибудь из наших бойцов, он кричал: «Не убивайте меня! Че велел не расстреливать пленных!»

Потери врага были не так уж велики, зато партизаны захватили важное для них вооружение: «автоматическую винтовку «браунинг», пять «гарандов» и пулемет с боекомплектом. Еще одна винтовка «гаранд» была захвачена людьми Эфихенио Амейхейраса».

Победители устроили себе праздничный завтрак из горячего шоколада. Но тут в небе угрожающе прогудел легкий самолет, за которым следовало несколько бомбардировщиков «Б-26».

Че находился в Эль-Омбрито до конца сентября и посылал оттуда случайные сообщения, имитируя связь с Рене Рамосом Латуром, взявшим на себя руководство конспиративной сетью Сантьяго и Мансанильи и координацию действий со Сьеррой. Рамос Латур жаловался, что Че не сотрудничает с ним, пытается организовать конкурирующую сеть, вместо того чтобы довериться его структуре, и пишет всем, кроме той группы, с которой он, по предположениям, должен был работать. 3 октября Рамос Латур написал обстоятельное письмо, в котором просил Че не пользоваться вновь установленными связями, не убедившись в том, что им можно доверять, и соблюдать установленную дисциплину, так как его действия ослабляют организацию и сводят на нет усилия по централизации движения. Че имел дело не с самыми лучшими людьми, подчеркнул он: «Не будьте слишком доверчивы, не давайте им никаких полномочий». Было бы лучше иметь дело с Сантьяго, который, в конце концов, находится всего-навсего в двадцати минутах от Ла-Пальмы. Рамос Латур закончил письмо словами: «Мы надеемся получить краткий список всего, в чем вы нуждаетесь. Мы также работаем над организацией системы снабжения в двух зонах, о которых вы упоминаете». В письме он раскрыл и некоторые детали создаваемой структуры:

«Взносы, предназначенные для оплаты расходов на действия

в Сьерре, прибывают к нам в виде наличности из каждого города и области страны. К настоящему времени только Мансанилья и Баямо откладывают пожертвования для обеспечения потребностей отрядов близлежащих районов. Все остальные посылают большую часть собранного в Революционный Директорат, который взял на себя ответственность за удовлетворение потребностей партизан».

Рамос Латур имел серьезные основания желать развития и укрепления связи между Равнинами и Сьеррой, но и Че был прав, организуя свою собственную систему снабжения, замыкавшуюся непосредственно на партизан. По мере того как Че развивал усилия по обеспечению автономии партизан и формированию параллельной сети поддержки, напряженность в отношениях нарастала.

Примерно в это время Че познакомился с Рафаэлем Момпье, доверенным проводником отряда Фиделя. Они вместе гуляли по горам; во время одной из таких прогулок Че достал из рюкзака какие-то книги и, увидев реакцию крестьянина, предложил ему одну из них. Тот сознался, что не умеет читать. Момпье вспоминал: «Он прекратил читать, закрыл книгу, заложив страницу указательным пальцем, и некоторое время смотрел на меня. Он ничего не сказал и снова принялся читать. Но я прочел в этом взгляде, что мне следует учиться... Тот взгляд остался со мной и оказал влияние на всю мою жизнь».

Следующие дни были заняты обучением и переходами, которые были прерваны в связи с поимкой дезертира по имени Керво. Он грабил местных кампесинос и входил в банду мародеров. Когда его доставили в лагерь, он попытался пожать руку Че, но тот кратко ответил, что велел привести его для того, чтобы расстрелять, а не здороваться.

Расстояние между двумя колоннами вынудило Фиделя и Че перейти на письменное общение. В те месяцы они затрагивали в своей переписке самые различные темы, от высочайшего поли тико-стратегического анализа и планов кампании до самых мелких подробностей, обращая внимание на все происходившие несообразности. Например, вот что Че писал Фиделю:

«Камило говорит, что ты давал ему пистолет, но он не взял его, посчитав, что у меня уже есть один (но ты забрал его у меня). Он оказался без пистолета, но при этом попросил у Чичо один — пистолет Сото — и когда перешел в другую колонну, не вернул его. Чичо оказался в ощутимом проигрыше. Тебе нужно разобраться со всем этим».

Несколькими днями позже, по дороге к реке Пеладеро, где партизанам предстояло соединиться с отрядом Фиделя, они

реквизировали революционный налог в виде мула и, по имени прежнего владельца, немедленно дали ему кличку Баланса. В то время как партизаны решали, съесть ли его или взять с собой, мул доказал свои высокие достоинства, продемонстрировав

«высокую технику скоростного спуска с гор в таких местах, где можно было только соскользнуть, держась за лианы или изо всех сил цепляясь за выступы. Он показал выдающийся гимнастический талант, а потом последовало повторное представление, когда он переправлялся через реку Пеладеро. В месте, полном огромных валунов, он произвел между камнями несколько прыжков, при виде которых захватывало дух, и это спасло ему жизнь».

Баланса стал мулом Че.

Но представление мула-акробата было далеко не самым важным из событий, происходивших в отряде. Все предшествующие месяцы атмосфера оставалась очень напряженной. Согласно описанию, сделанному Энрике Асеведо, который был навсегда прикреплен к тыловому охранению (Че прозвал их на аргентинский манер «дескамисадос» — во время его юности такое прозвище носили перонисты из народа), обстановка была очень далека от идиллической. «Если сравнивать, то колонна была монастырем, а наш взвод — китайским публичным домом».

В отсутствие Че — он был на совещании у Фиделя — «Дало Сардиньяс, пытаясь ударить пистолетом по голове одного из чересчур недисциплинированных солдат, случайно нажал на спуск и убил его на месте». Энрике Асеведо вспоминал:

«Весь ад вырвался на свободу. Многие из тех, кто искал благовидного предлога, чтобы выйти из партизанской кампании, воспользовались выгодными обстоятельства ми; некоторые были друзьями убитого, другие — просто зрителями... Сумасшедший Роберт схватил винтовку и бросился к капитану — который уже находился под арестом, — чтобы прикончить его. Лейтенант Каньисарес закричал, что уйдет из отряда, если суд не состоится безотлагательно».

«Мы оказались на грани мятежа. Я немедленно поместил Дало под арест. Товарищи были настроены ко мне очень враждебно и требовали немедленного суда и казни».

Физические наказания среди партизан были строго запрещены, кроме того, многие думали, что убийство не было случайным. С другой стороны, Сардиньяс был весьма заслуженным и уважаемым бойцом. Однако спор едва не подорвал остатки дисциплины в отряде. Фидель лично

участвовал в подготовке публичного суда, чтобы услышать народные мнения. И он, и Че считали, что Сардиньяса нужно наказать, но, конечно, не признавая виновным в убийстве, что подразумевало бы смертный приговор и назначение расстрельной команды. После горячих дебатов

«пришла моя очередь говорить, просить людей обдумать вопрос. Я пытался объяснить, что смерть товарища следует рассматривать с точки зрения условий борьбы, военной ситуации и что главным виновником случившегося является диктатор Батиста. Но мои слова звучали перед враждебно настроенной аудиторией не слишком убедительно».

При свете факелов глубокой ночью Фидель подвел итог. «Той ночью его исключительные ораторские способности подверглись серьезному испытанию. В результате голоса разделились почти поровну: семьдесят человек требовали смертной казни, а семьдесят шесть высказались за иную форму наказания. Дало был спасен». Но это решение привело к тому, что довольно большая группа покинула партизанский отряд, а некий Конте Агеро со слов Сумасшедшего Роберта написал очерк, опубликованный затем в журнале «Боэ-мия», где изобразил партизан бандой злостных преступников. «Дало Сардиньяс был лишен звания; ему предстояло заново завоевывать свои звезды, сражаясь против врага в составе малочисленного отдельного патруля... Взамен капитана Сардиньяса Фидель дал мне одного из своих лучших бойцов, Камило Сьенфуэгоса, который был назначен командиром нашего авангарда».

Вместе с Камило, другом Че, в отряд прибыл и Дариэль Аларкон.

На следующий день поредевшая колонна Че отправилась на подавление вспышек бандитизма, происходивших в других частях Сьерра-Маэстры.

Во время этого похода Энрике Асеведо записал:

«В Че есть нечто, интригующее меня. Уже несколько дней он держит при себе зверушку — белую мышь, которая путешествует в его рюкзаке. Когда мы отдыхаем, он берет ее и сажает себе на плечо. Она... забирается наверх, на его берет, и играет там. Когда я смотрю на него, то удивляюсь до глубины души. Я считаю его таким жестким парнем, и вдруг он поражает меня столь человеческими проявлениями. Это заставляет меня думать, что несгибаемый командир — только его видимость. Я хотел бы когда-нибудь узнать его немного лучше».

Камило, быстро продвигаясь, захватил в плен «Китайца Чанга» и его банду, опустошавшую район Каракаса, убивавшую и мучившую людей. Было проведено краткое судебное

разбирательство. Чанг и кампесино, изнасиловавший девочку-подростка, были казнены. Часть бандитов была оправдана, а еще трое были подвергнуты имитации расстрела. «Когда эти трое обнаружили, что все еще живы, так как выстрелы были направлены поверх их голов, один из них очень странным образом продемонстрировал мне свое ликование и благодарность — громким поцелуем, как будто я был его отцом».

Все эти события были засвидетельствованы американским журналистом Эндрю Сент-Джорджем, который вновь приехал в Сьерру.

«Очерки в журнале «Лук» принесли ему премию за самый сенсационный материал года, опубликованный в США. Обман, к которому мы впервые прибегли в Сьерре, может теперь показаться варварским, но никакое другое наказание не подходило для этих людей — мы могли сохранить им жизни, однако за ними тянулась цепь серьезных преступлений. Эти трое присоединились к Повстанческой армии, и на протяжении всего восстания до меня доходили вести о прекрасном поведении двоих из них. Один долгое время состоял в моем отряде и во время обсуждений военных баек, частенько возникавших среди солдат, при сомнении в достоверности той или иной из них, всегда подчеркивал: «Теперь я не боюсь глядеть смерти в лицо, и Че тому свидетель».

Два или три дня спустя отряд Че задержал еще одну группу, состоявшую из бывших партизан. Они крали продовольствие, доставляемое с Равнин,

«и, заходя все дальше и дальше по этому пути, до того опустились, что совершили убийство. В те дни в Сьерре экономический статус человека измерялся в основном количеством женщин, которых он имел. Дионисио, следуя этой традиции и считая себя властелином, благодаря полномочиям, которые были предоставлены ему революцией, построил три дома, в каждом из которых имел жену и большой запас продуктов. На суде Фидель с негодованием обвинил его в предательстве дела революции и в безнравственном поступке — содержании трех жен на народные деньги, а он ответил с крестьянской наивностью, что их было не три, а две, так как одна была его собственной (и это правда). Два других шпиона, посланные ярым сторонником Батисты, гангстером и предводителем военизированной организации сенатором Роландо Мансферрером, сознались, были приговорены и расстреляны».

Еще один случай бандитизма поставил Че перед серьезной дилеммой. Здесь виновным оказался боец по имени Эчеваррия, который сформировал небольшую группу, совершавшую грабежи

в районе.

«Случай с Эчеваррией оказался неординарным, потому что он хотя и признался в преступлениях, не хотел опозорить свою семью тем, что будет расстрелян перед строем. Он умолял нас позволить ему погибнуть в ближайшем бою; он поклялся, что будет искать в нем смерти. Эчеваррия, которого мы называли «Косым», написал длинное трогательное письмо матери после того, как трибунал осудил его на смерть: он объяснил, что приговор, вынесенный ему, справедлив, и призвал ее быть лояльной к революции».

Также был расстрелян Баррера, «Эль Маэстро» — еще один странный тип, с которым Че имел дело в трудные первые дни партизанской войны. Он довольно скоро дезертировал, а позднее, выдавая себя за Че, доктора Гевару, изнасиловал нескольких крестьянских девушек,

Когда эти люди были схвачены и казнены, самого Че не было в отряде. Он находился в сердце Сьерры, в области Эль-Омбрито, организуя там постоянную базу партизан. Он поощрял попытки крестьян сеять зерно, отправлял дозорных и посыльных, чтобы ни на минуту не оставлять без присмотра любые действия армейских подразделений, организовывал новые пути снабжения; кроме того, он построил пекарню и учредил полевой госпиталь.

В этих предприятиях активно участвовали Лидия Досе и молодая крестьянка Дельса Пуэбла, которую чаще называли Тете. Там же находилась Мария Мерседес Санчес, член городской боевой организации, участвовавшая в покушении на высокопоставленного военного в Ольгине. В Сьерре она была известна под кличкой Карменсита. Она, как и Че, любила поэзию Неруды. Че поручил Марии организовать начальное обучение.

Несколько месяцев спустя аргентинский журналист Хорхе Рикардо Масетти передал в свою газету:

«Первые школы в Сьерре были основаны вскоре после прибытия армии мятежников. Местные жители никогда не бывали в церкви: в горах не было ни одной. Они были неграмотны, но очень умны. Им никогда не приходилось есть ни хлеба, ни говядины. Они иногда ели домашнее печенье, но даже не имели представления о существовании хлеба до тех пор, пока солдаты Гевары не построили здесь первых пекарен. Они видели коров и знали, что их мясо восхитительно на вкус, но впервые попробовали бифштекс лишь после того, как пришли мятежники и начали распределять и резать рогатый скот. И это при том, что 90 процентов из них были рождены в самой богатой части богатейшего острова Кубы».

В то время, как Че создавал базу в Эль-Омбрито, туда

прибыли двое студентов, Хеонель Родригес и Рикардо Медина, доставившие ветхий, изготовленный в 1903 году, мимеограф. Благодаря этому Че смог взяться за осуществление одного из своих самых дорогих его сердцу проектов: издание газеты Сьерры «Ку-бано либре» («Свободный кубинец»).

Че писал своим соратникам с Равнины:

«Газета полностью отредактирована и скопирована на тра-: фареты, но у нас не хватает чернил для размножения, а недостаток бумаги ограничивает нас 700 экземплярами. Она также страдает от серьезного упущения: нет ни одного материала, подписанного Фиделем. Луис Орландо согласился взяться за дело и сделать ее более похожей на газету. Стоит посылать весь возможный материал по всем вопросам, по которым вы можете, поскольку газета могла бы стать очень полезной».

Через несколько дней в свет вышла небольшая газетка. Один из разделов был написан Че и подписан «Снайпер». Он писал Фиделю:

«Я надеюсь, что ее низкое качество потрясет тебя и подвигнет пожертвовать что-нибудь за твоей подписью. Передовая статья второго выпуска будет о поджоге плантаций сахарного тростника. В текущем выпуске Нода написал об аграрной реформе, Киала — о борьбе с преступностью, доктор — о том, какой должна быть на самом деле жизнь кубинских кампесинос, Рамиро — о самых последних новостях; я объяснил смысл названия, написал передовую ста-, тью и был «выпускающим». Я же заказывал материалы авторам. Мы срочно нуждаемся в новостях обо всех действиях, преступлениях, перемещениях в правительстве и т. д., и регулярной связи, чтобы можно было организовать специальный журналистский корпус».

Но радость Че была омрачена известием о том, что в Майами подписано соглашение, благодаря которому и без того половинчатая объединенная программа борьбы против диктатуры оказалась еще сильнее разбавлена водой. Хуже всего было то, что по условиям соглашения ведущая роль переходила от Движения 26 июля к кубинским организациям более традиционного толка, хотя они наверняка были связаны с диктатурой Батисты и являли собой классические примеры коррупции и политиканства.

Соглашение Майами было одобрено заграничной делегацией Движения 26 июля, которую возглавлял Фелипе Пасос, и было подписано 1 июля. Оно вызвало ожесточенные нападки как участников левого крыла Д26 на Равнинах (Рамос Латур назвал подписавших соглашение «политическими проститутками, стоящими на наших трупах»), так и представителей Движения в изгнании (Карлос Франкини, находившийся в Коста-Рике, осудил

соглашение, сказав, что оно может спровоцировать интервенцию США). Но Че, не знавший ни о реакции на договор в широких кругах Движения, ни об отношении к документу самого Фиделя— а тот 10 ноября в Сьерре заявил о несогласии с соглашением, — считал, что его предали, и замкнулся в своих сомнениях.

Недоразумение прояснилось спустя всего несколько дней. Че написал Фиделю:

«Только что прибыл посыльный с твоей статьей от 13 ноября; сознаюсь, что она и статья Селии исполнили меня спо- _ койствием и радостью. Не по личным причинам, а по тому, что все это означает для революции. Ты хорошо знаешь, что я нисколько не доверяю национальным лидерам ни как руководителям, ни как революционерам».

Он постоянно предлагал полностью отказаться признавать национальное руководство, так как все его участники готовили и подписывали пресловутое соглашение.

Тем временем Движение 26 июля устроило в Гаване захватывающую демонстрацию силы — шумный фейерверк со взрывами, для которого была использована сотня бомб. Представление началось в девять вечера 8 ноября (в тропических районах Земли это уже темная ночь).

Режим, вынужденный перейти к обороне, попытался предпринять контратаку сразу на нескольких направлениях. Спустя несколько дней Че получил от Фиделя предупреждение о том, что армейская колонна, которой командовал Санчес Москерас, отправилась в рейд по Свободной территории Кубы. Избежав нескольких засад и заложенной партизанами на их пути мины, солдаты сильно углубились в район Сьерра-Маэстры, находившийся под контролем партизан. Они передвигались на грузовиках и пешком, используя для прикрытия местных жителей. Че попытался обойти противников и взять их в кольцо, но те смогли выйти из незавершенного окружения, сжигая крестьянские дома на своем пути.

В погоне за армейской колонной Че попал на ферму, где кампесинос устроили вечеринку с песнями и танцами под аккомпанемент гитариста и еще троих музыкантов. Это была первая вечеринка, которую Че видел на Кубе. Имевшаяся в доме собака напомнила ему о щенке, которого они были вынуждены убить во время перехода, чтобы он своим лаем не выдал их расположения. Спустя несколько лет он написал об этом случае прекрасный рассказ «Убитый щенок».

Несмотря на все усилия, погоня за солдатами завершилась безрезультатно и оказалась для партизан просто-напросто еще одним изматывающим переходом через Сьерру.

«Армейские солдаты миновали шесть наших засад, а мы не стреляли в них. Некоторые из наших бойцов говорили, что не стреляли, жалея детей, которых солдаты собрали вокруг себя. Я не стрелял, так как находился в 500 метрах, передо мной было много вражеских солдат, а я потерял связь с другими засадами; я прятался за банановым дере вом — это не самые крупные деревья в Сьерра-Маэстре, — а наверху непрерывно кружили два «П-47» устрашающего вида. Что ж, нам пришлось, как сказали бы умные люди, нахлебаться дерьма».

24 ноября, после бесплодного преследования отряда Санчеса Москераса, Че написал Фиделю:

«У нас уже полным ходом работает оружейная мастерская, хотя мы еще не можем делать легкие минометы, так как из Баямо нам мало помогают — не шлют материалы. Я наблюдал за изготовлением двух опытных образцов гранатомета, которые, я думаю, могут принести большую пользу. Мы уже сделали несколько очень мощных мин, но еще не взорвали ни одной, а одна из них попала в руки армии. Установлено несколько сапожных швейных машин, мы готовы изготавливать все виды обуви и кожаных изделий, но у нас нет никакого сырья. Мы начали обустройство двух ферм для выращивания свиней и домашней птицы на свободном выгуле. Мы построили пекарню, которая, вероятно, выдаст первый хлеб на следующий день после того, как я написал об этом, в годовщину высадки на сушу. Мы начали строить небольшую плотину, чтобы обеспечить область электрической энергией. Мы основали постоянную больницу и будем строить еще одну, с лучшими гигиеническими условиями. У нас уже есть материалы. Область прикрывается средствами противовоздушной обороны. Мы намереваемся прочно закрепиться здесь и не уступать этого места ни за что».

Далее следовал постскриптум:

«Новости продолжают мелькать, как в кино. Жандармы сейчас находятся в Мар-Верде. Мы на полной скорости бросимся туда. Продолжение этой очаровательной истории ты прочтешь позже. Я забыл сообщить тебе, что флаг Движения 26 июля развевается на пике Эль-Омбрито и что мы постараемся удержать его там. Мы подняли еще один в Корсабе, пытаясь заманить в засаду легкий самолет, но прилетел «П-47» и набил нам полные задницы шрапнели (в буквальном смысле, но , правда, только по нескольку кусочков)».

Флаг, поднятый на вершине горы, был шириной в двадцать футов. Его поставили для того, чтобы раздразнить и заманить повыше Санчеса Москераса, а также спровоцировать атаки легких самолетов, доступных для стрелкового оружия. Флаг явился но

вогодним подарком от Движения 26 июля, и отряд сфотографировался на его фоне. Че сидит в середине, без оружия, с длинной палкой, которую он использовал вместо трости, на голове у него фуражка, как у водителя автобуса. Композиция напоминает семейную фотографию с дедушкой-патриархом — Че — и кучкой подростков, окруживших своего духовного наставника.

Флаг подвергался яростным бомбежкам. (Спустя годы кинорежиссер Серхио Хираль соберет кампесинос, запомнивших эти налеты. В построенной им мизансцене они смотрят в небо, из которого давно ушли бомбардировщики, и говорят: «Воздушный налет».) В конце концов Че был вынужден сам снять флаг, так как солдаты Санчеса Москераса решили заставить сделать это группу крестьянских детей.

29 ноября состоялось сражение при Мар-Верде.

Посыльный принес Че рапорт о том, что примерно в пятистах ярдах солдаты воруют кур. Эти люди принадлежали к передовому дозору, высланному Москерасом, который с основными силами находился в нескольких милях. Отряд Камило находился на другом задании, и быстро связаться с ним было невозможно. Че пришлось выставить две заставы, чтобы перекрыть возможные пути продвижения противника. Отправив подразделения, Че с малочисленным отрядом устроил засаду на дороге, спускавшейся к морю. Он считал наиболее вероятным, что жандармы выберут эту дорогу.

«Ранним утром, когда засада расположилась на своей позиции, был подан сигнал тревоги. Мы слышали шаги солдат чуть ли не прямо над нами... Тогда я был вооружен только пистолетом «люгер» и беспокоился о том, как идут дела у двоих-троих товарищей, находившихся ближе меня к врагу, поэтому я поспешил с первым выстрелом и промазал. Как бывает в таких случаях, тут же началась яростная пальба, и дом, где находилась большая часть отряда Санчеса Москераса, был атакован».

Хоэль Иглесиас и еще двое повстанцев из команды Че отправились на поиск людей из вражеского авангарда и «двинулись через тот же прогал в кустарнике, что и солдаты. Я слышал, как они требуют сдаваться, обещая жизнь пленным. Затем я внезапно услышал беглую стрельбу, и товарищи сказали мне, что Хоэль серьезно ранен».

Сам Хоэль рассказывал об этом:

«Че побежал ко мне, бросая вызов пулям, взвалил меня на плечо и вытащил оттуда. Жандармы не смели стрелять в него, так как слышали, что кто-то обратился к нему:

«Че». Позже я допрашивал их, и солдаты сказали, что Че

произвел на них столь сильное впечатление, выбежав вперед с пистолетом, засунутым за пояс, и не замечая опасности, что они не осмелились стрелять».

«Хоэлю в общем-то необыкновенно повезло. В него почти в упор стреляли из трех «гарандов». В его собственный «гаранд» было два попадания — приклад был разбит; одна пуля задела кисть руки, следующая повредила щеку, две попали в руку, две — в ногу, было еще несколько царапин. Он был залит кровью, но на самом деле его раны были довольно легкими».

Почти сразу же эти трое солдат сдались. Разъяренный видом истекающего кровью Хоэля, Вило Акунья хотел пристрелить «этих собак», но Че остановил его: «Посуди сам: эти парни могли убить меня, но не захотели. Мы ничего не решим, убивая этих собак; мы должны убить высокопоставленных собак — тех, кто послал этих собак сюда. Они просто-напросто рабочий скот, не имеющий никакой идеологии».

Серхио дель Валье и Че наскоро перевязали Хоэлю раны, а бой тем временем продолжался. Затем Хоэля отправили с пленными в тыл, и доктор Мартинес Паэс оказал ему помощь, используя в качестве обезболивающего ром. Из допроса пленных выяснилось, что у Санчеса Москераса сотня солдат, вооруженных автоматами и хорошо обеспеченных боеприпасами.

«Мы понимали, что лучше не стремиться к лобовому столкновению, исход которого представлялся сомнительным: наши силы были примерно равными, но у нас было намного меньше оружия, а Санчес Москсрас находился в обороне и хорошо укрепился. Мы решили беспокоить его, чтобы не дать возможности двинуться с места до сумерек — лучшего для нас времени для нападения».

Но эта возможность была упущена, так как с побережья'по-дошел еще один отряд жандармов; чтобы сдержать их, потребовались новые заслоны. В тот же самый день, 29 ноября, когда повстанцы окружили отряд Санчеса Москераса, сквозь окружение пробилось армейское подкрепление, и осаду пришлось снять. Незадолго до этого, пытаясь прорвать вражескую оборону, погиб Сиро Редондо. «Мы были убиты горем, и смерть нашего дорогого товарища Сиро Редондо стала для нас символом невозможности воспользоваться выгодным положением и разбить Санчеса Москераса». Спустя несколько дней Че написал Фиделю: «Он был хорошим товарищем и прежде всего твоим несгибаемым сторонником, беззаветно преданным борьбе. Я думаю, что по справедливости ему нужно было присвоить звание майора, хотя бы ради исторической памяти, которая является главным, к чему большинство из нас может стремиться».

Во время отступления Че опять прикрывал тыл и, несмотря на требования товарищей пригнуться или найти укрытие, упорно стрелял стоя. Именно тогда

«пуля врезалась в ствол дерева в каких-то дюймах от моей головы, и Хеонель Родригес выругал меня за то, что я не пригибаюсь. Товарищ позже доказывал — возможно, потому что страсть к математическим доказательствам была вбита в него, когда он учился на инженера, — что у него больше шансов дожить до победы революции, чем у меня, потому что он никогда не рисковал жизнью без крайней необходимости».

Зная, что его отряд очень слаб и не способен вести длительные бои или осады, Че тем не менее решил любой ценой защищать базу Эль-Омбрито. Он принял меры для транспортировки раненых в более труднодоступный район Ла-Меса.

Менее чем через неделю они снова вступили в бой. Отряд Санчеса Москераса двинулся через район Санта-Аны в горы, к Эль-Омбрито. Самодельные мины партизан не взрывались, и заставы были смяты. Че принял решение все же сдать Эль-Омбрито прежде, чем его подразделения окажутся отрезанными наступающими солдатами. Он поставил еще одну заставу

«на высотке (под названием Альтос-де-Корнадо), выступающей из массива Сьерры. Там мы находились в терпеливом ожидании три дня, ведя круглосуточное наблюдение. На такой высоте в это время года ночи были очень холодными и сырыми. Мы не были реально подготовлены, а может быть, не имели привычки проводить ночь в боевой готовности, бросая вызов стихиям».

Невзирая на советы Фиделя, Че занял место в передовой линии: «боевой дух людей был изрядно подорван бесполезными волнениями, которым они подвергались, и я чувствовал, что на линии огня требовалось мое присутствие». 8 декабря армейский отряд наконец-то подошел вплотную, и тут выяснилось, что психологическая война, которую вели партизаны, все же дала свои плоды.

«Мы явственно слышали жаркие споры, происходившие среди солдат; мне было слышно особенно, так как я выглядывал за парапет. Какой-то начальник, очевидно офицер, кричал: «Идите вперед, черт вас возьми», а солдат или кто-то еще раздраженно отвечал: «Нет». Спор закончился, и отряд двинулся дальше».

Засада была устроена так, чтобы Камило мог стрелять в упор; остальные партизаны имели приказ ждать в укрытии, пока не раздадутся первые выстрелы.

«Выглянув наружу (в нарушение моих собственных приказов),

я смог ощутить предшествующий сражению, момент напряжения. Появился первый солдат и, осторожно оглядываясь по сторонам, медленно пошел вперед. Безусловно, у него имелись веские причины ожидать засады; место выглядело подозрительным По сравнению с прочей частью пейзажа Пеладеро: мы расположились в зеленом лесочке, среди которого пробивался небольшой родник. Упавшие стволы и мертвые деревья, все еще сохранявшие вертикальное положение, довершали мрачную сцену. Я пригнул голову, ожидая начала боя. Раздался выстрел, и тут же началась ожесточенная пальба. Позже я узнал, что выстрелил не Камило, а Ибраим — он от напряжения не совладал с собой и нажал на спусковой крючок раньше времени. Через несколько мгновений стреляли уже все.

Внезапно я почувствовал неприятное ощущение, немного напоминающее ожог или окоченение, — пуля попала мне в левую ногу, не прикрытую стволом дерева. Я лишь успел выстрелить из винтовки, а сразу же после ранения услышал, что в мою сторону с шумом движутся люди. Они рубили по дороге кусты, и это очень напоминало атаку... Извернувшись как мог, причем слишком поспешно, я вытащил пистолет, и тут появился один из наших бойцов, молодой Оньяте по прозвищу Кантинфлас. Превозмогая боль от раны и волнение, я выслушал несчастного Кантинфласа. Он сказал, что отступает, потому что его винтовка испортилась. Я вырвал ружье у него из рук и осмотрел, а он присел рядом со мной. Обойма оказалась слегка перекошена, и поэтому затвор заклинило.

Я сказал ему об этом, добавив острый как нож диагноз: «Ты просто-напросто жопа». Кантинфлас схватил оружие, встал и вышел из укрытия за стволом дерева, чтобы выбить обойму и доказать свою храбрость. Ему это не совсем удалось: пуля попала в левую руку и вышла через лопатку. Теперь нас было уже двое раненых; уйти из-под огня было трудно, так что нам пришлось переползать по лежащим стволам деревьев, а затем брести под ними, несмотря на раны, так как мы не видели и не слышали остальных наших людей. Мало-помалу мы пробирались своей дорогой, но Кан-тинфлас продолжал слабеть. Я, несмотря на боль, мог ходить лучше и поспешил к главной группе, чтобы попросить о помощи».

Солдаты отступили, понеся, конечно, некоторые потери, но ситуация оставалась неясной. Че приказал, чтобы его люди разобрались по взводам, и велел Оньяте остаться. Самому командиру добыли лошадь, поскольку боль в ноге усилилась и он больще не мог идти пешком. Опасаясь, что правительственные солдаты заняли высоту Конрадо, Че устроил новые засады,

приказал Рами-ро Вальдесу принять команду над большей частью отряда и отправляться разыскивать Фиделя, «так как в наших рядах зримо ощущалось чувство поражения и страха, и я хотел иметь лишь минимальное число бойцов, необходимых для того, чтобы организовать подвижную оборону».

Известие о том, что Че ранен в ногу, сильно обеспокоило местных кампесинос. Поначалу они даже не могли поверить этому. Слух о ранении Че никуда не разошелся. Одна женщина, уже войдя в хижину, где он лежал, спросила: «Че, ты ранен? Нет, этого не может быть». Че пришлось показать ей рану в ноге и сказать, что ничего серьезного нет. Спустя многие годы, когда эта сцена появится в документальном фильме, посвященном партизанской кампании, жители Эль-Омбрито и Ла-Месы будут со слезами вспоминать о ней.

Через день после сражения разведчики доложили, что армия отступила. Но по дороге солдаты сожгли дома кампесинос и разрушили создававшееся хозяйство в Эль-Омбрито. «Печь нашего пекаря была нарочно разбита, и среди дымящихся руин мы нашли только нескольких кошек и свинью, которой удалось спастись от мародерства захватчиков». Разрушение базы, видимо, поразило Че до глубины души. Это ощущение можно заметить в письме, которое он послал Рамосу Натуру 14 декабря: «Эль-Омбрито снесен, сорок зданий сожжено, и все наши мечты разбиты».

В один из нескольких следующих дней доктор Мачадо Вентура при помощи бритвенного лезвия сделал Че операцию и извлек из его ноги пулю от винтовки «М-1», а 12 декабря Рамиро сообщил Фиделю: «Наверно, он прямо сейчас делает свои первые шаги».

Прошло четыре с половиной месяца с тех пор, как Че был впервые назван майором, а он все еще продолжал считать себя неудачником. Он провел несколько успешных перестрелок, но так и не смог перехватить инициативу и даже несколько раз отступил. Пришлось сдать дорогую его сердцу базу в Эль-Омбрито.

Он имел непрерывные столкновения с руководством Движения 26 июля с Равнин, игнорировал советы Фиделя, слишком много рисковал и в результате оказался ранен. Явным свидетельством его обескураженности можно считать и отправку основной части отряда во главе с Рамиро Вальдесом к Фиделю, тогда как сам он остался лишь с маленькой заставой.

Возможно, прошло еще слишком мало времени для того, чтобы оценить два крупных успеха, которых он добился за эти месяцы: во-первых, он создал широчайшую сеть сторонников среди кампесинос, которые искренне восхищались им и уважали

его; и, во-вторых, он сумел создать вокруг себя колдовской ореол. Че был справедлив; он относился к числу тех людей, которые никогда не станут требовать от других того, что не смогут сделать сами.

Эти два успеха стоили куда больше, чем в то время казалось. Фидель, вместо того чтобы освободить Че от командования колонной номер 4, понял их важность.{12}

15. Разногласия.

«В конце года вражеские отряды отступили от Сьерры еще раз, и мы оказались владельцами территории от пика Каракас на западе до Пино-дель-Агва на востоке, от моря, лежавшего на юге, до деревень в предгорьях Сьерры, занятых армией, на севере. Вооруженное перемирие было на самом деле отсрочкой. Партизаны были не способны действовать против сильно укрепленных армейских позиций, а армия не испытывала желания карабкаться в горы Сьерры».

Тем временем у партизан появилась настоятельная потребность в новой, более развитой инфраструктуре. У них были трудности со снабжением продовольствием, лекарствами, оружием и боеприпасами, а также с продолжением пропагандистской кампании.

«В качестве первого шага мы поручили нескольким кампесинос выращивать определенные зерновые культуры и пообещали, что купим их бобы, зерно, рис и т. д. Одновременно мы организовали маршруты транспортировки через владельцев магазинов в отдаленных деревнях, чтобы доставлять провиант и кое-какое военное снаряжение в Сьерру. Мы собирали караваны из принадлежащих партизанам мулов, которые перевозили не только продовольствие, но и лекарства. Получать оружие с Равнин было достаточно трудно; помимо естественных трудностей, вызванных нашей географической изоляцией, существовали потребности революционных сил в самих городах и их нежелание передать оружие партизанам. Фиделю пришлось приложить массу усилий, чтобы обеспечить нас каким-то военным снаряжением».

Главная цель боев теперь заключалась в обеспечении партизан оружием путем разоружения вражеских солдат. Еще более сложные проблемы были с боеприпасами.

Хотя эти потребности были самыми насущными, Че все же не отказался от идеи создания базового лагеря с развитым хозяйством и вскоре после потери Эль-Омбрито обратил внимание на Ла-Месу. По-испански Ла-Меса означает «стол»: это было очень подходящее название. Долину, окруженную четырьмя горами, Че назвал «Стол вверх ногами», а одну из"гор «Ножка стола». Там он вновь принялся воплощать в жизнь свои идеи о постоянной базе. 3 декабря начались работы по маскировке лагеря, который должен был расположиться в этой долине. Партизаны построили больницу и различные мастерские: кожевенные, обувные (обувь была жизненно необходима при

ведении партизанской войны) и Даже мастерскую для изготовления головных уборов — именно там сшили фуражку в шоферском стиле, которую Че время от времени носил. Была также и оружейная мастерская, оборудованная маленьким токарным станком. Позднее возник и табачный цех, где делали сигары. По мнению Че, результаты были неплохими, а вот Хомер Бигарт из «Нью-Йорк геральд трибюн» и уругвайский журналист Карлос Мария Гутьеррес считали, что партизанские сигары были не хуже «партагас», которыми торговали в Гаване.

В Ла-Месе была создана и постоянно работала школа, где детей кампесинос и даже пленных солдат учили читать. Кармен-сита вела занятия со взрослыми; чтение преподавали и некоторые другие повстанцы. Испанский журналист Менесес вспоминал о том, как один из преподавателей послал Че письмо, в котором многословно сетовал на нехватку самых элементарных материалов для обучения крестьянских детей, на что Че сердито и язвительно ответил:

«Я с удовольствием подтверждаю получение Вашего доклада, в котором Вы сожалеете об отсутствии подходящих орудий, с помощью которых Вы могли бы приложить педагогические усилия в той синекуре, которую для Вас предназначила революция. Малолетние субъекты Вашего академического внимания должны будут суметь обойтись Вашим гением, поскольку у меня в пределах досягаемости нет того культурного оружия, которое Вам требуется. При этом я должен сообщить Вам, что если Вы еще раз заставите кого-нибудь совершить десятичасовую прогулку, чтобы передать мне такую груду кретинских замечаний, мне придется отправить человека, чтобы он отрезал Вам яйца. Устраивает? Ваш разъяренный майор Че».

По мере развития организаторской деятельности возобновлялись столкновения Че с городским руководством Движения 26 июля. Уже 9 декабря он написал Фиделю Кастро:

«Если нам удастся встретиться или если у меня появится возможность написать тебе письмо подлиннее, я должен буду пожаловаться тебе на руководство, поскольку у меня возникает подозрение, что они форменным образом саботируют эту колонну или, что вероятнее, меня лично. Я чувствую, что при таком положении есть только два выхода: предпринять решительные действия, чтобы предотвратить в дальнейшем такие поступки, или уйти в отставку по причине физической неспособности или какой-нибудь другой, более подходящий, с твоей точки зрения. Это чувство не порождено недоброжелательством, возникшим в результате вынужденного отказа от Эль-Омбрито. ...Факты в общем-то слишком незначительные, чтобы можно было

представить тебе бесспорное доказательство, но ты можешь прочитать письма, ...в которых они отвечают на мои важные и срочные запросы, учинив на трех страницах разбор одного моего абзаца, в котором я всего-навсего сообщил, какие мною получены инструкции по поводу одиночных посетителей».

Когда сегодня читаешь переписку между Сьеррой и Равниной, то кажется, что Че был чрезмерно резок в своем осуждении товарищей. Городские организации являлись объектом жестокого преследования со стороны полицейских сил Батисты, их участников часто арестовывали и жестоко мучили, они несли потери из-за проникновения предателей и испытывали постоянные трудности, являвшиеся следствием работы в подполье; кроме того, в связях со Сьеррой постоянно возникали перебои.

12 декабря Рене Рамос Латур сообщил Фиделю, что послал Че через Баямо семнадцать тысяч патронов, главным образом 22-го калибра, а также 44-го и 30,06-го, и через Яо еще две тысячи песо. Еще через два дня он написал Че:

«Че, я полагаю, что большая часть отправленных боеприпасов уже должна быть в твоих руках. ... Можешь поверить, что я был в отчаянии, получая от тебя один запрос за другим, оказываясь совершенно беспомощным, когда дело доходило до практического решения вопроса.... Все, что я послал тебе, было приобретено здесь партиями по 50, 100 и 200 штук, и мы заплатили за это бешеные деньги. ...Ты знаешь, что я стойкий приверженец организации в строгом смысле слова. Тем не менее, когда я попытался быстро переправить тебе боеприпасы, которые ты требовал, то столкнулся с безответственностью людей, задержками, нерешительностью и т. д. и понял, почему ты так прицепился к Ферреру и прочим, сообщившим тебе, что руководители из Баямо не знают, как добраться до тебя. Мое отчаяние дошло до того, что я уже собирался сам отправиться в Баямо и добывать для тебя военное снаряжение, отложив все другие важные и неотложные задачи. ... В течение нескольких дней вы получите 200 курток, 75 пар шерстяного нижнего белья, 150 пар носков, новый мимеограф и еще всякую всячину, которую мы вам посылаем».

Система снабжения, похоже, налаживалась: Че получил небольшой электрогенератор и даже первый том «Капитала» Маркса, который он начал читать еще в Мексике, но так и не смог закончить. Благодаря новому мимеографу удалось возобновить выпуск «Кубано либре»: к концу января газета стала поступать в окрестности Сьерры и близлежащие города.

Один кампесино сказал, что «Кубано либре» нужно было

читать при солнечном свете или под очень сильным уличным фонарем, так как трафаретная печать была ужасной. Тем не менее газета поднимала дух. Она относилась к числу навязчивых идей Че. На создание ее «редакции» и сети распространения он затратил очень много времени и имел немало конфликтов; например, когда он узнал, что кто-то использовал экземпляр в качестве туалетной бумаги, то чуть не посадил весь свой штаб на хлеб и воду.

Порой Че охватывали внезапные приступы гнева, но невзирая на это бойцы и кампесинос из округи обожали его. Карменсита охарактеризовала его так:

«Никто в Сьерре не мог сказать о Че дурного слова. Люди любили его, ни у кого не было оснований считать себя несправедливо обиженным, никто не обвинял его, если происходило что-то нехорошее, никто не смел солгать ему, и ему доверяли, доверяли его разуму. Он был прекрасным бойцом-партизаном, им восхищались, его уважали и разговаривали с ним по всей форме».

«Сеньор Че...» И именно у этого Че, столь уважаемого кампесинос, противоречия с людьми Равнины касались не только сетей связи и снабжения, а заходили куда глубже. 23 ноября Армандо Харт написал Че, что им крайне необходимо иметь руководящие структуры на Равнине, так как там имеется много оппортунистов, пытающихся вступить в контакт со Сьеррой, и что их уход к партизанам будет означать ослабление городской организации Движения 26 июля, создание которой потребовало множества усилий и треволнений и которая невзирая на непрерывные репрессии продолжала вести тяжелую работу в подполье. Харт писал: «Несмотря на политические разногласия, я уверяю тебя, что если бы ты хотя бы поговорил с нами, то понял бы», что люди с Равнины не консерваторы и не стремятся к сговору с либеральной частью олигархии. Письмо было чрезвычайно дружественным, даже нежным по отношению к Че.

14 декабря Че обратился с письмом к Рамосу Латуру, преемнику Франка Пайса (позже он сам признал, что это было «воистину идиотское письмо»), защищая свои права и обязанности как бойца-партизана от «постоянных возражений, которые встречает его деятельность по централизации». Не предлагая никакого решения, он кинулся в схватку с Равниной, начав с изложения политических разногласий:

«Что касается идеологических убеждений, то я принадлежу к тем, кто верит в то, что решение мировых проблем лежит за так называемым железным занавесом и рассматривает это движение 26 июля как одно из многих, порожденных стремлением

буржуазии избавить себя от экономических оков империализма. Я всегда полагал, что Фидель является подлинным лидером левой буржуазии, хотя потрясающие личные качества выводят его далеко за пределы своего класса. Именно с таким настроением я вступил в эту борьбу: с честной надеждой на работу по освобождению страны, готовый уйти, когда условия предстоящей борьбы станут диктовать правые (такие, как ваши люди). После подписания договора в Майами я считал, что мне нужно стыдиться таких мыслей. К счастью, письмо Фиделя дошло до меня».

И все же несмотря на резкость письма он закончил его словами: «Я надеюсь, что всему этому имеется объяснение».

Рамос Латур ответил 18 декабря: «Я только что получил письмо, которое ты сам считаешь резким; его содержание очень удивляет меня... Мнение обо мне таких людей, как ты, в общем-то не задевает меня, поскольку ты недостаточно хорошо знаешь меня, чтобы судить. Я должен пояснить тебе, что отвечаю из уважения и восхищения, которые всегда испытывал к тебе и которые нисколько не поколебались несмотря на твои слова». После этого изящного вступления Рамос Латур сообщил, что пишет от имени всех членов национального руководства на Равнинах. Он объяснил, что городская организация пошла на жертву, уступив боеприпасы Сьерре, что они могли решить обороняться самостоятельно, и привел в пример ячейку из Маяри, которая передала в Сьерру собранное оружие, продолжив борьбу голыми руками.

Далее он перешел к определению политических горизонтов, изложению своего отношения к коммунизму и подвел итог: «Решение наших бед не заключается в освобождении нас от вредоносного владычества янки путем принятия другого, не менее вредного, советского владычества». Он также дал ясно понять, что в городские организации входят и левые: «Ты, как и мы, чувствуешь потребность избавить нашу страну от коррумпированной администрации, безработицы, милитаризма, бедности, неграмотности, болезней, отсутствия гражданских прав». Себя он назвал рабочим («Не из тех, кто обеспокоен тем, что происходит в Египте, но не станет ничего делать на Кубе» — это был намек на коммунистов из Народно-социалистической партии Кубы) — рабочим, который отказался от изучения социологии и права, чтобы пойти на войну. Он завершил письмо словами о том, что противоречия не имеют большого значения, «пока мы продолжаем работать ради триумфа революции».

Но положение вещей менялось.

В январе 1958 года в Сьерру прибыл Армандо Харт. Он

доставил письмо, адресованное Че, в котором содержался ответ руководства Равнины на недоверие к ним, высказанное ранее партизанским командиром. Фидель, обеспокоенный тем тоном, который подчас принимали дебаты, рекомендовал Харту не отдавать письмо; тот так и поступил. Однако на обратном пути Харт был захвачен правительственными войсками, и письмо также попало в их руки. Жизнь Харта висела на волоске'. Правительственная пропагандистская машина обнародовала все, что ей стало известно о дебатах среди революционеров, сделав таким образом серьезные разногласия в Движении 26 июля известными широкой общественности. Раулю Кастро пришлось объяснять Фиделю, что он никогда не упоминал Сталина в письмах к Че и что этот слух был основан на письме, найденном у Харта, в котором речь шла об отношении к Марксу. Расхождение во мнениях, казалось, было улажено.

«Сьерра к тому времени была уверена, что могла развивать . дальше партизанскую войну, распространять ее на другие территории и перейти таким образом от осады деревень к городам , которые находились в руках диктатуры, и заставить машину режима развалиться, постепенно удушая и изматывая ее. Равнина предложила, по-видимому, более революционный подход, такой, как организация вооруженной борьбы в каждом городе, которая достигла бы высшей точки во всеобщей забастовке, чтобы свергнуть Батисту и позволить оппозиции в кратчайший срок захватить власть. ... Согласно этому плану, всеобщая забастовка объявлялась внезапно, без предшествующей политической подготовки и без массовых действий».

Че, хотя и не был не прав, все же частенько недооценивал ту роль, которую борьба в городах играла и продолжала играть в революционном политическом процессе, призванном свергнуть диктатуру. Отрицая эту роль (возможно потому, что его представлениям недоставало исторической перспективы движения, на чавшейся с набега на казармы Монкада в 1953 году), он видел в партизанской войне скорее автономный процесс, чем авангард широко распространенного гражданского неповиновения, из которого она возникла и которым непрерывно подпитывалась. Невзирая на глубокий ум и мировоззрение Че, возникшее из латиноамериканизма а-ля Симон Боливар1, в то время его можно было считать просто-напросто провинциальным интеллектуалом, который ни разу толком не бывал в городе.

Но не только эти споры заботили Че. Помимо военных вопросов, в его голове зрели планы организации радиостанции в Сьерре. Эта тема уже обсуждалась ранее по предложению Франка Пайса, но на той стадии она в основном предусматривала

установление бесперебойной связи между штабом Фиделя и руководством в Сантьяго.

23 декабря 1957 года один из командиров подразделений сказал Че, что у него в Баямо есть знакомый радиотехник, который считает, что может сделать передатчик для Сьерры. Че дал ему «добро» на работу и десять песо в придачу. Радиотехник Эдуарде Фернандес владел маленькой ремонтной мастерской в Баямо и был участником Движения 26 июля. Через несколько дней он встретился с Че в лагере Эль-Омбрито: «Я обнаружил, что он глубоко заинтересован в этом деле и полон энтузиазма».

8 января 1958 года Че написал:

«Сообщите Даниэлю псевдоним Рене Рамоса Латура, Деборе или кому-нибудь еще из руководства, что у меня есть техник, который обещает за две недели установить радиовещательное устройство; это будет стоить приблизительно 500 песо. Оборудование можно доставить через Гавану. Техник живет в Баямо, Сенеа, № 54, его имя — Эдуарде Фернандес».

Через две недели от Рамоса Латура пришло согласие на этот план: «Я жду техника, чтобы он сообщил нам, в каком оборудовании нуждается; мы смогли бы добыть все это для него».

В Сантьяго состоялась тайная встреча Даниэля — Рамоса Латура с Фернандесом. Немного времени спустя в Гавану начало поступать необходимое оборудование. Был собран маленький передатчик, а затем снова разобран и по частям перевезен в Баямо. Это было только начало. Оказалось чрезвычайно трудно доставить передатчик в сердце Сьерра-Маэстры и заново собрать его. Сначала его следовало доставить в промежуточный интендантский склад в предгорьях Сьерры, избежав по дороге армейских кордонов. Затем оборудование в джипе, укрытое широкими юбками женщин-пассажирок, прибыло в Сьерру. Следующая остановка была в доме бабушки Сиро Редондо, откуда носильщики на спинах перенесли разобранный передатчик еще дальше, останавливаясь по дороге в нескольких ранчо, пока наконец один из патрулей Че не забрал доставленное. На второй неделе февраля среди повстанцев прошел слух о том, что их собственная радиостанция начала работу.

А Че тем временем трудился над воплощением еще одного предмета сврих мечтаний — оружейной мастерской. При поддержке Ориса Дельфина Сальдивара, вместе с которым он работал еще в лагере Эль-Омбрито, Че разрабатывал «наше новейшее оружие», которому мы придавали исключительную важность: «М-26», известное так же как «спутник» — маленькую бомбу из консервной банки. Первоначально ее запускали, используя сложную систему, своего рода катапульту, сделанную

из резинок, снятых с подводного гарпуна. Позднее бомбу усовершенствовали так, чтобы ее можно было выпускать с помощью винтовки, используя холостой патрон, что придало устройству гораздо большую эффективность. Эти бомбочки издавали много шума и могли сильно напугать, но так как их корпус состоял лишь из жестянки, то их смертоносность была крайне мала и, даже взорвавшись совсем рядом с вражеским солдатом, они наносили ему только легкие раны».

16 февраля Фидель собрал свои силы, чтобы еще раз ударить по Пино-дель-Агва. Это должно было быть скорее беспокоящее действие, бросок из засады, чем попытка занять казармы, которые теперь охранялись сильной командой.

Фидель лично командовал нападением, авангард вел Камило. Взвод Гильермо Гарсии засел в засаде на случай прибытия к осажденным подкрепления. В пять утра Камило двинулся вперед, но обнаружил, что охрана укрылась в казармах.

«Охранники установили простейшую сигнальную систему, состоявшую из проволоки, подвешенной над землей, к которой были привязаны канистры, гремевшие, если кто-либо задевал их. Однако солдаты оставили пастись нескольких лошадей, и поэтому, когда наш авангард начал спотыкаться и поднял шум, часовые подумали, что это дело бродивших вокруг лошадей. Камило таким образом удалось продвинуться практически прямо туда, где находились солдаты».

Повстанцы для начала провели бесполезную бомбардировку, а затем авангард захватил первую оборонительную линию солдат. «Через несколько минут бойцы Камило подавили их сопротивление, захватили одиннадцать единиц оружия, среди которых было два автомата, убили семь или восемь человек и захватили троих пленных. Но защитники немедленно перегруппировали свои силы, и наша атака была остановлена».

Пытаясь развить нападение, повстанцы понесли потери. Рану в ногу получил и сам Камило.

«Несмотря на свое ранение, Камило при первых лучах рассвета среди адской стрельбы бросился назад, чтобы попытаться вернуть оружие. Он был еще раз ранен, но оказался счастливчиком, так как пуля навылет прошла ему через живот, не задев никаких жизненно важных органов. Но хотя Камило спасся, автомат был потерян. Несколько товарищей, оказавшихся отрезанными на позициях рядом с казармами, засыпали здание «спутниками», они же «М-26», вызвав замешательство среди солдат».

Когда развиднелось, стало спокойнее, лишь время от времени тарахтели отдельные пулеметные очереди. Немного позже

выяснилось, что план Фиделя, предусматривавший устройство засады, оказался провидческим. Со стороны Оро-де-Гиса явилась вражеская команда, угодившая в засаду, которую возглавлял Пако Кабрера. Именно на случай таких непредвиденных обстоятельств Фидель и подготовил засаду. Передовая группа армейского подразделения Батисты была разгромлена, потеряв одиннадцать человек погибшими. ,Еще пятеро попали в плен, среди них и лейтенант по имени Лафарте. Повстанцам удалось захватить много оружия.

Вторая засада не удалась, так как солдаты сумели обнаружить позиции повстанцев, и Рауль Кастро был вынужден отступить. Но осада Пинар-дель-Рио продолжалась.

«На протяжении всей ночи я упорно доказывал, что возможно было предпринять атаку вроде той, что провел Камило, и сокрушить жандармов, размещенных в Пино-дель-Агва. Фидель не был в восторге от идеи, но согласился опробовать ее; он послал под командованием Эскалопа отряд, состоявший из взводов Игнасио Переса и Рауля Кастро Меркадера. Товарищи подошли и делали все, что было в их силах, чтобы подобраться к казармам, но были отбиты шквальным огнем солдат; они быстро отошли, не пытаясь возобновить атаку. Я попросил предоставить мне командование ударными силами, на что Фидель неохотно согласился. Моя идея состояла в том, чтобы подобраться как можно ближе и при помощи «коктейля Молотова»1, изготовленного из бензина, имеющегося на лесопилке, поджечь деревянные строения. Это должно было вынудить солдат или к сдаче или к беспорядочному бегству, во время которого они подставятся под пули».

Однако Фидель не был убеждён и послал Че записку:

«Если все зависит от атаки с этого фланга, без поддержки от Камило и Гильермо, то я не думаю, что следует предпринимать какие-нибудь самоубийственные действия, так как все это закончится с большим количеством потерь, а цель достигнута не будет. Я искренне советую тебе быть поосторожнее. Мой окончательный приказ — ты не должен участвовать в сражении как боец. Удостоверься в том, что верно руководишь нашими людьми, вот что необходимо прямо сейчас».

Че обдумал положение и неохотно решил не входить в бой, передав посыльному: «Скажи Фиделю — пусть идет. Я останусь еще на некоторое время. Я обнаружил, что кордит2 — единственное лекарство от астмы». Колонна отошла, сопровождаемая воздушными атаками налетевших «Б-26», от которых, правда, было больше шума, чем вреда.

Когда Че, сопровождая носилки, на которых лежал Камило,

вернулся в лагерь Ла-Меса, то обнаружил там газеты, в которых сообщалось, что он был ранен. Там же он повстречался с уругвайским журналистом Карлосом Марией Гутьерресом, который так описал его внешность: «Карманы его оливково-серой куртки-безрукавки были безобразно раздуты от газет, записных книжек и карандашей... Боковые карманы его брюк были набиты, словно седельные мешки, и оттопыривались под тяжестью патронов, носков и нескольких книг». Че приветствовал его грубоватым окликом: «Эй, ты, уругваец! Есть мате».

С легкой руки Че пить мате стало в Сьерре обычным делом. Где он его брал? Присылала тетя Беатрис. Но какая же поразительная сеть была в состоянии связать его тетю Беатрис, жившую в Аргентине, с краем света в Сьерра-Маэстре?

Карлос Мария Гутьеррес смог взять только одно интервью у неуловимого Че, который с гораздо большей охотой болтал о фотографии, чем отвечал на вопросы. Он предпочитал сдержанность. «Его защитное оружие — саркастическое остроумие и кривая улыбка. Он смотрел на меня, как бы взвешивая степень моей дерзости или наивности. Че знал, как возводить защитные редуты и поднимать разводные мосты. Но в нем было и внутреннее, глубинное дружелюбие, и поэтому его прямолинейность не оставляла шрамов». Однажды, вспоминал Гутьеррес, Че предложил ему перевесить гамак Прямо в хижину, где размещался он сам вместе со своим штабом. «Я принялся благодарить его за заботу, но Гевара резко оборвал меня: «Это не ради тебя, просто я не люблю пить мате в одиночестве».

Че по-дружески нежно издевался над Камило, лежавшим в госпитале, постоянно посмеивался над ним и устраивал разные глупости, например прятал фуражку друга.

Вот что писал Че об участии Фиделя во втором бою в Пино-дель-Агва:

«Я уговорил группу офицеров послать документ... в котором его от имени революции просили не рисковать жизнью без крайних оснований. Я не думаю, что этот несколько ребяческий документ, который мы составили, руководствуясь самыми лучшими намерениями, заслуживал хотя бы того, чтобы он Фидель прочел его, и, само собой разумеется, он не обратил на наш меморандум никакого внимания».

Было довольно странно, что командиры разного ранга, которые по закону мау-мау1 лично вели бойцов в сражение, увлекая их своим примером, решили просить Фиделя совершить прямо Противоположное. Эфихенио Амейхейрас рассказывал:

«При виде того, как один из этих молокососов — а некоторые из них были почти что подростками — вставал в полный рост

среди жаркого боя, когда все мы лежали, уткнув носы в землю, и пули свистели у самых ушей, и кричал: «Эй, вы, там, смотрите на меня! Закон мау-мау!» — можно было подумать, что это просто бахвальство. Боец должен был стоять выпрямившись, невзирая на летящие пули и огонь противника. Те, на кого он кричал, : не могли не подражать ему. Все это в целом и представляло собой закон мау-мау — сражаться стоя и идти под пули и огонь, не прячась в укрытия. Мужская игра, которая больше походила на дурацкую игру».

А ряды дураков все продолжали расти. Из главного отряда 1 марта выделились две новые колонны: № 3 во главе с Альмейдой, которой предстояло действовать в районе Сантьяго, и № 6 под командованием Рауля Кастро, предназначенная для создания второго фронта подле того же Сантьяго. Их отправление совпало с рождением «Радио ребельде1».

Именно в это время Фернандес, перебравшийся в Ла-Месу, закончил работу над коротковолновым передатчиком и взялся за первые испытания. Убедившись в том, что техника работает, Фернандес передал по радио «Гимн Вторжения». В результате выяснилось, что радиопередача действительно происходит, но место для передатчика было выбрано неподходящее, в низине между горами. Че решил переместить передатчик в Альтос-де-Корнадо. В те же дни к повстанцам присоединились два человека, имевшие представление о радиовещании: Орестес Валера и Рикардо Мартинес. Ольга Гевара, учительница из отряда Че, также была привлечена к работе новой радиостанции.

24 февраля кубинцы впервые услышали слова: «Говорит «Радио ребельде», голос Сьерра-Маэстры. Мы ведем передачи для Кубы в двадцатиметровом диапазоне ежедневно в пять часов дня и девять часов вечера». Но Че был настроен саркастически: «Нашими единственными слушателями оказались Пелечо, кампесино, чья хижина стояла на холме напротив передатчика, и Фидель, который в это время был в лагере... и слышал радиопередачу».

Фернандес объяснил, что «двадцатиметровый диапазон не годится для радиовещания в пределах Кубы, что он предназначен для дальней связи. Поэтому передачу можно было услышать в Пинар-дель-Рио, но не в Сантьяго... Хотя ее можно было прекрасно принимать за границей».

В один прекрасный день в Венесуэле Абель Тамайо, член комитета в изгнании Движения 26 июля, прибежал на собрание с радостным криком: «Есть контакт! Я поймал их!» Речь шла о «Радио ребельде». Как ни странно, но передачи венесуэльских релейных систем, созданных «Радио румбос» и «Радио

континенте», и позднее колумбийского «Радио карако» можно было услышать на Кубе. Венесуэла могла стать ретранслятором для «Радио ребельде», и поэтому началось обсуждение возможности создания такой радиосети.

«Радио ребельде» существовало, оружейная мастерская работала.

В это же самое время Народно-социалистическая партия — кубинские коммунисты — в ответ на просьбу прислать учителей направила к Че двух своих представителей: Пабло Ривальту и Армандо Акосту. Им было также дано поручение вовлекать в борьбу кампесинос — членов НСП и самим принимать участие в боевых действиях. Че твердо сказал им, что дело прежде всего в том, чтобы отбросить сектантство и не вести себя как члены партии: «Вы, парни, можете создавать такие кадры, которые выдерживают мучения во тьме тюремных застенков, но не такие, которые можно поставить на пост с пулеметом». Акоста и Ривальта не должны были претендовать на какую-либо активную роль в руководстве партизанского отряда.

Были и другие новобранцы — например, лейтенант Лафарте из армии Батисты, решивший присоединиться к партизанам под давлением тяжких угрызений совести, и Марк Эрман, американец, обучившийся военному делу в Корее. Благодаря пополнению Че смог основать новый лагерь в Минас-дель-Фрио, другом районе Сьерра-Маэстры. В нем шло партизанское обучение молодых кампесинос; помимо военной подготовки там давали и политическое образование. Школа росла под почти непрерывными воздушными налетами, ученики строили укрепления и рыли траншеи. Хоэль вспоминал: «Главным испытанием в той школе был голод, который был неотъемлемой частью жизни, ... из-за него и бомбежек 50 процентов прибывших бросали обучение».

Именно в это время Че нарушил свое собственное правило — держаться на расстоянии от кампесинос и городских подпольщиков, которым часто приходилось искать убежища в Сьерре. Он влюбился в Сойлу Родригес, восемнадцатилетнюю метиску, дочь неженатого кузнеца из Сьерры, сторонника Движения 26 июля. С этой девушкой он познакомился в Лас-Вегас-де-Хибакоа.

Спустя много лет Сойла написала об их встрече, нарушив молчание, которым до тех пор был окутан этот период жизни Че:

«Было часа четыре дня. Он появился, когда я загоняла корову в хлев. Он ехал на муле, с ним был еще один товарищ, тоже верхом. На нем была одежда какого-то странного зеленого цвета и черный берет. Поздоровав шись, он спросил, здесь ли живет Эль

Кабо (прозвище моего отца) — Че хотел подковать своего мула. Я сказала ему, что нет ничего сложного, я сама могу это сделать, потому что отец научил меня.

Подковывая мула, я искоса поглядывала на него и заметила, что он смотрит на меня, причем так, как молодые люди смотрят на девушек, и по-настоящему разволновалась. Когда я пошла за рашпилем к ящику с подковами, он спросил, что я делаю, а я объяснила, что уже подрезала копыта, и теперь их нужно подточить, чтобы надеть подковы. Гевара спросил, было ли необходимо делать их копыта такими красивыми... Он продолжал все так же рассматривать меня... В его взгляде было что-то плутовское, казалось, что он хотел отругать меня за что-то, чего я не делала. Закончив работу, я предложила ему кофе. Он сказал мне, что любит кофе без сахара; так я ему и приготовила. Он заинтересовался мною — что я делаю, где научилась подковывать мулов, замужем ли я. Я сказала ему, что я не замужем, но у меня есть дочь. Прощаясь, он сказал:

— Скажи Эль Кабо, что приезжал Гевара».

Сойла сочла его «приятным и очень красивым молодым человеком. Он произвел на меня большое впечатление; действительно, я не могу отрицать, что он очень понравился мне как женщине, особенно его взгляд. Его глаза были очень красивы, и он обладал спокойной улыбкой; этого было достаточно, чтобы растопить любое сердце».

В ту ночь Эль Кабо сказал дочери, что Че «необыкновенный человек». Когда же она спросила, почему, старик объяснил: «Он здесь, чтобы избавить нас от несчастий, голода, грязи и бедности».

Через несколько дней Че и Сойла вступили в любовную связь, которой суждено было продлиться несколько месяцев.

Строительство в Минас-дель-Фрио тем временем успешно продолжалось. Че подумывал о постройке настоящей больницы с несколькими палатами-отделениями. Работа шла с частыми перерывами на воздушные налеты, так как авиация противника обнаружила местоположение лагеря спустя всего две недели после того, как было закончено первое здание. «С тех пор на протяжении трех месяцев мы день и ночь страдали от воздушных налетов».

«Для защиты от бомб нужно как можно крепче зажать зубами какую-нибудь палку. Еще есть пещеры. Но самая лучшая защита — это избавление от страха перед бомбежкой», — часто говорили местные кампесинос, буквально следуя инструкциям Че. Сам он вел себя во время налетов по-разному и время от времени не уходил в укрытие, а только смотрел на самолеты, как будто хотел

кому-то что-то доказать.

В Минас-дель-Фрио в окружении Че появился новый участник — шестнадцатилетний Хесус Парра. Че обнаружил его в штабе Фиделя, где подросток лежал, охваченный приступом малярии. Парра, сын чистильщика обуви и кухарки, прошел трехмесячные курсы печатания на машинке. Он печатал двадцать пять слов в минуту, и этого было больше чем достаточно как для осуществления намерений Че, так и для того, чтобы партизаны сочли его интеллектуалом. Именно Парре Че объяснил, почему он собрал вокруг себя столько подростков: «Он сказал, что подростки более сумасшедшие, больше склонны к риску и не слишком много думают». Может быть, Че хотел описать себя?

Эта молодежь проходила военное обучение с палками вместо ружей и изучала кубинскую историю. Вечно голодные, ребята даже устроили голодовку, которую Че прекратил с помощью семи слов, десятка оскорблений и угрозы, что перестреляет их всех. В качестве наказания он оставил их на пять дней без еды, «проводить голодовку». Кастельянос, бывший в числе наказанных, так сказал об этой истории: «Че понимал, что ситуация была серьезной и что наказание было строгим, но ничего иного сделать было нельзя, так как продовольствия не имелось вовсе».

И тот же самый Че, по словам Лафарте, каждый вечер клал около своего гамака небольшую флягу с водой на тот случай, если ему ночью потребуется принять пилюли. Утром он смачивал кончики пальцев и протирал слипшиеся глаза, приговаривая при этом: «Я совсем промок, че, я совсем промок».

Сойла Родригес пришла, чтобы остаться в лагере, и Че перенес свой гамак в небольшую травяную хижину, где они поселились вдвоем. Сойла помогала на кухне и в больнице, а также носила корреспонденцию в Мансанилью. «Я сильно и нежно влюбилась. Я была предана ему не только как боец, но и как женщина». Ей предстояло научить Че мудрости гор.

«Он все время спрашивал меня о самых разных вещах, касающихся Сьерра-Маэстры — как называются те или иные растения, для чего они используются, особенно лекарственные. Его очень заинтересовали два из них; одно, которое мы называем пито разновидность агавы, с очень зелеными, острыми как бритва листьями, использующееся для остановки сильных кровотечений, и ямагуа, тоже применяемое при кровотечениях. Он хотел узнать все о животных и птицах гор».{13}

16. Сьерра и равнина.

В Сьерра-Маэстре 10—11 марта 1957 года состоялась общенациональная встреча руководства Движения 26 июля, на которой определялись ближайшие стратегические цели. Было решено, что в условиях политической изоляции режима и нарастающей силы сопротивления в городах пришло время воспользоваться преимуществом, которое давала политическая напряженность,

и начать готовить забастовку. Спустя несколько лет Че утверждал, что «решение о забастовке было принято Равниной, а Сьерра согласилась с ним, так как партизаны оказались не способны ее предотвратить». Но это представление является неверным. Во-первых, Фидель Кастро не выступал против забастовки; во-вторых, хотя у руководителей Сьерры и были определенные сомнения относительно предложенного плана, но не они определяли их позицию.

Че, не принимавший участия во встрече и не бывавший до того времени ни в одном городе Кубы, не имел четкого представления о том, что делается в городах, и вряд ли мог дать адекватную оценку политической ситуации.

Фидель подготовил призыв ко всеобщей забастовке, которая должна была начаться силами Д26 и немедленно распространиться по всей стране. Был основан рабочий фронт; считалось, что он является единым, но на деле в нем существовали различные секты. Ожидалась доставка трех значительных партий оружия. Партизаны должны были попытаться поддержать забастовку, мобилизовав несколько отрядов, которым предстояло спуститься на Равнину и следить за тем, как развернутся события. Не считая ни на чем не основанной надежды на то, что все пойдет как намечено, привлечение всей Повстанческой армии в поддержку попытки свергнуть режим при помощи забастовки было, вероятно, наименее продуманной частью плана.

Отношения между Че и Камило Сьенфуэгосом, которому предстояло возглавить патруль в области Эль-Канто, неподалеку от Сьерры, представляли собой дружбу, замаскированную непрерывной пикировкой. Как-то раз «Радио бемба», никогда не гнушавшееся передавать самые невероятные сплетни, сообщило, что Че способен съесть все, что угодно. Камило, «кровожадный обманщик», изловил в лагере Ла-Отилия двух кошек и приготовил из них жаркое, побившись об заклад, что когда Че узнает, чье это мясо, то не станет его есть. Он передал Че

официальное приглашение на обед, но получил ответ: «Мне кажется, капитан, что кот выскочил из мешка». Че имел свои собственные источники информации в лагере.

«Майор...» — начал было Камило и... проиграл пари, так как Че принялся уплетать угощение.

Переписка этих двух командиров также носила заметный оттенок черного юмора. 21 апреля Гевара написал:

«Ты, бедняга. Я получил новости от тебя, когда уже собрался в твой район, чтобы дать неразборчиво кое-что из моих мыслей. У меня есть на это полномочия от гиганта,...ты можешь делать в своем районе все, что пожелаешь, но не рискуй чрезмерно, если хочешь увидеть конец вечеринки, который, кажется, скоро наступит. А под конец — напоминание о трапезе в Ла-Отилии Че написал нечто, наподобие лимерика — английского шуточного стихотворения из пяти строк:

Жил-был старик в Тимбукту,
Он читал в зоопарке какие-то древние книги
И считал себя очень башковитым,
Но его сожрала зебра,
И мне следовало бы сделать с тобой то же самое!»

Камило в письме от 24 апреля так отозвался о почерке Че: «Я не знал, что ты, парень, настолько силен в китайском языке». Но дальше его тон изменился:

«Че, брат моей души. Я получил твою записку и понял, что Фидель поручил тебе руководить военным обучением; я рад, что мы сможем получить первоклассных солдат. Когда мне сказали, что ты должен будешь доставить нам удовольствие своим посещением, я был недоволен. Ты играешь ключевую роль в борьбе и, хотя мы нуждаемся в тебе на стадии борьбы, Куба будет нуждаться в тебе еще больше после окончания войны, так что гигант прав, когда заботится о тебе. Я хотел бы все время быть рядом с тобой; ты был моим командиром в течение долгого времени и навсегда им останешься. Благодаря тебе я теперь получиллтнс принести больше пользы. Я должен делать все возможное, чтобы не подвести тебя. Всегда твой друг».

Че руководил военной школой и при этом участвовал в многочисленных перестрелках с отрядом Санчеса Москераса, который занимал Минас-де-Вейсито.

Че случайно принял участие в, возможно, самой важной из стычек этого противостояния. При этом он, как ни странно, ни словом не упомянул о ней в своих воспоминаниях. Это произошло в местечке под названием Бернабе, на плантации, владелец которой отказался продавать коров повстанцам, объяснив, что не хочет неприятностей. Но, не ограничившись отказом, он сооб щил

о присутствии партизан их противникам. Санчес Москерас решил реквизировать рогатый скот для своего отряда и послал нескольких солдат, которые столкнулись с группой вооруженных партизан, преисполненных решимости не позволить врагам сделать это. Че, находившийся поблизости, решил выяснить, что за стрельба, и, не успев понять, что происходит, оказался в гуще боя. Он принялся стрелять по солдатам, окружавшим ранчо. Один из повстанцев, видевший его действия, вспоминал: «Он стрелял два, три или четыре раза, пригибался, отбегал назад или вперед и падал на землю. Солдаты кричали ему: «Не бегай, трус!» Сотня против одного — и они называли его трусом, зато сами не рискнули погнаться за ним».

Ему повезло: партизанский патруль, отправившийся на розыски командира, прикрыл огнем партизан, участвовавших в перестрелке, дав возможность Че и его людям отойти вместе со скотом в сторону Ла-Месы.

Это было последнее боевое столкновение перед всеобщей забастовкой. Через несколько лет Эфихенио Амейхейрас перечислил вехи, которыми были отмечены основные этапы на пути к победе революции:

«Набег на Монкаду, 30 ноября; «Гранма»; Алегриа-де-Пио; Ла-Плата; Герберт Мэтьюз берет интервью, 13 марта; «Коринтия»; казармы Эль-Уверо; смерть Франка Пайса и забастовка, которой он придал почти общенациональный масштаб; два сражения в Пино-дель-Агуа; Сан-Лоренцо, Мота и Эль-Омбрито; Второй фронт и фронт «Франк Муньос»; № III; партизаны Революционного Директората в горах Эскамбрея; ночь 100 бомб; похищение Фанхио; Камило на Равнине. Все это наряду с восстаниями на востоке, в Камагуэе и Лас-Вильясе дало возможность понять, насколько широкий размах приобрело революционное движение».

Акция началась с захвата радиостанции в Гаване и трансляции по радио призыва Фиделя к забастовке. В Сантьяго, где так и не успели оправиться после разгрома восстания, состоявшегося в минувшем ноябре, не смогли придать действиям должного размаха и допустили множество ошибок. Обещанное оружие пришло, и забастовка началась, но не повсеместно, а лишь в отдельных пунктах и точках, что облегчило правительству ответные Действия по ее подавлению.

Проблема состояла не в недостатке социальной напряженности, а в слабости планирования. На противостояние диктатуре людей вывели безо всякого оружия. Таким образом, очень важную роль приобретали немногочисленные и слабо вооруженные ополченцы, а также координация действий

забастовщиков с партизанами Сьерры, район действий которых был очень ограничен. Помимо этого, призыв к забастовке не получил достаточно массового распространения. Движение 26 июля надеялось привлечь к акциям наряду со своими активистами и сторонниками группы рабочих, но те были недостаточно организованы даже в пределах собственных ячеек.

Когда забастовка началась, в Сьерре воцарилась радость. Аргентинский журналист Хорхе Рикардо Масетти, который находился в это время в штабе повстанцев, описал, как Фидель, получив новости, кричал, плясал от радости и говорил, что теперь они все отправятся в Гавану. Даже Че на третий день все еще не считал забастовку потерпевшей поражение: она захлебнулась в Гаване, но активно продолжалась в других городах. Тем не менее движение истекло кровью в героических, но преждевременных столкновениях. Провал забастовки позволил армии Батисты перейти в наступление.

В один из первых дней после апрельской забастовки Че с проводником направлялся в штаб Фиделя. По пути они наткнулись на хижину, около которой солдаты Батисты только что расстреляли одну из групп снабжения повстанцев. Увидев разоренное место, тела людей и животных, проводник настолько испугался, что

«отказался идти со мной, утверждая, что не знает этих мест. Он сразу же прыгнул в седло, и мы по-дружески расстались. У меня была «беретта». Я вступил на первую из кофейных плантаций. ...Когда я подошел к брошенному дому, раздался напугавший меня шум; я подскочил и чуть не выстрелил, но оказалось, что всего-навсего свинья, тоже перепуганная. Медленно и с большими предосторожностями я преодолел несколько сот метров до нашего поста и обнаружил, что там никого нет. ...Вся эта сцена не имела для меня никакого значения, если не считать удовлетворения от победы над собственным страхом, который я испытывал, пока не прибыл наконец к себе домой, на командный пункт. Той ночью я ощущал себя храбрецом».

Спустя несколько дней произошло столкновение с силами Санчеса Москераса, в результате которого Че оказался отрезан от своего отряда:

«Враги сделали несколько выстрелов из миномета, правда, без малейшего толка. На непродолжительное время справа от меня вспыхнула сильная стрельба, и я отправился навес тить эту позицию, но, когда был на полпути, стрельба началась уже слева. Я послал своего адъютанта неведомо куда, а сам оказался отрезанным от своих бойцов, стрелявших с обеих сторон. Слева от

меня солдаты Санчеса Москераса с ужасным шумом лезли вверх по пригорку, сделав предварительно несколько выстрелов из миномета. Наши люди, у которых не хватало опыта, не сумели предпринять ничего, кроме нескольких беспорядочных выстрелов, и бросились бежать вниз по склону.

Что касается меня, то я заметил на прогалине несколько солдатских касок. Один из этой группы мчался вниз в погоне за нашими людьми, удиравшими к кофейным плантациям. Я выстрелил в него из «беретты», промахнулся и сразу же вызвал на себя огонь нескольких винтовок. Я побежал зигзагами, таща на плечах тысячу патронов в огромном кожаном патронташе, а вражеские солдаты подбадривали меня, выкрикивая уничижительные комментарии. Почти добежав до спасительных деревьев, я выронил свой пистолет. Единственным из действий, совершенных в то печальное утро, которым я могу гордиться, было то, что я заставил себя остановиться, вернулся назад, подобрал пистолет и убежал, сопровождаемый на сей раз облачками пыли от винтовочных пуль, ударявшихся в землю прямо у меня за спиной.

Когда я ощутил себя в безопасности, не имея представления о том, где находятся мои товарищи и чем закончилась вражеская атака, то немного отдохнул, укрывшись за большой скалой посреди склона. Моя астма не проявляла себя достаточно долго, чтобы позволить мне пробежать несколько метров, но теперь она отомстила, и сердце дико колотилось в груди. Я услышал треск веток под чьими-то приближавшимися шагами, но я больше уже не мог бежать (хотя именно это мне на самом деле хотелось сделать). Но оказалось, что это шумел один из наших заблудившихся товарищей, новичок в наших рядах. Он успокаивающе сказал: «Не волнуйтесь, майор, я умру вместе с вами». Я хотел не умирать, а скорее сказать что-нибудь неласковое о его матери, и не уверен, что не сделал этого. В тот день я чувствовал себя трусом».

Несколько позже Че, передав командование над колонной № 4 Рамиро Вальдесу, отправился возглавить школу военного обучения новобранцев. В ожидании неизбежного наступления армии после неудачной забастовки Фидель приказал создать в Сьерре продовольственные запасы, реквизировать скот и уси лить дозоры. «Радио ребельде» было перемещено в Ла-Плату, самый безопасный район Сьерра-Маэстры, и оттуда 1 мая возобновило свои передачи.

В это время в Сьерру вернулся Масетти, аргентинский журналист. Его первые материалы были признаны неудачными, и

он должен был повторно сделать записи интервью с Че и Фиделем. Из этих двух встреч родилась страстная книга «Те, кто борется, и те, кто кричит» и близкая дружба с Че, который, как известно, не так легко обзаводился друзьями.

Интервью с Че было записано в разгар воздушного налета, и Масетти потом говорил, что звук бомбовых разрывов должен был создать хороший фон. Чтобы получить шум на ленте, Че вывел его из укрытия. Во втором интервью, в присутствии Фиделя, «Гевара решил составить контраст Фиделю: каждый раз, когда Фидель начинал сердиться, Че отпускал шуточки».

3 мая в Альтос-де-Момпье состоялась вторая общенациональная встреча руководства Д26. Рамос Латур и Фаустино Перес, с которыми у Че шли давние дебаты, пригласили Че посетить ее.

«Встреча была напряженной»; результаты забастовки оказались, очевидно, неблагоприятными, и Фидель воспользовался возможностью возложить ответственность на Равнину. Вероятно (здесь, впрочем, существует широкий простор для домыслов, так как если даже на встрече и вели протокол, то он все равно ни разу не был опубликован), Фидель предъявил городским лидерам три обвинения: что они переоценили роль городов в общей борьбе; что сектантство в рабочем движении привело к его отказу от сотрудничества с другими группами, особенно Народно-социалистической партией (НСП); что ополченцы на Равнине были организованы «как отряды, параллельные партизанским, но не имели никакой подготовки и совершенно не были испытаны в боях».

Главная ошибка городских руководителей заключалась в исходной посылке, согласно которой революция, возглавляемая Движением 26 июля, могла осуществиться в городах, а сельские партизаны будут являться не основной военной силой, а скорее вспомогательными силами сопротивления, выполняющими преимущественно пропагандистскую функцию.

Другая точка зрения, которую разделял Че, состояла в том, что партизаны Сьерры являются основной силой, а остальные революционные организации должны оказывать им поддержку. После жарких споров удалось наконец прийти к соглашению о том, что сельское партизанское движение будет рассматриваться в качестве ключевого звена в революционном движении. Равнине же следовало поддерживать на высоком уровне активность в городах, что должно было привести к политической изоляции ре жима и создать питательную среду для роста ополчения. При нынешнем ходе событий и набранном наступательном порыве кубинский революционный процесс мог бы естественным образом

достичь этого результата в течение ближайших месяцев — конечно, при условии, что партизаны Сьерры смогут отбить наступление, которое как раз тогда готовило правительство, желая закрепить свои недавние успехи.

«После изматывающих и часто чересчур жарких споров присутствующие решили» исключить из состава руководства Фаустино Переса и Давида Сальвадора, а Рене Рамоса Латура направить в Сьерру. Фидель оставался верховным главнокомандующим партизанских отрядов и становился координатором ополченцев на Равнине. А тем, в свою очередь, предстояло действовать в интересах партизанских колонн. Структура организации в изгнании тоже должна была измениться. Карлоса Франки вызвали в Сьерру, чтобы поручить ему руководство «Радио ребельде», а Мануэля Уррутиа утвердили кандидатом на должность временного президента.

Фаустино Перес, который несмотря на яростные споры продолжал пользоваться большим уважением Че за смелость и честность, должен был совершить краткую поездку в Гавану, чтобы подготовить собственную замену. Рамос Латур, которого Че в то время недооценивал и которого ему предстояло высоко оценить в будущем, был назначен командующим колонной в Сьерра-Ма-эстре.

(Несмотря на все эти соглашения, Франкини, прибыв из Майами 29 мая, обнаружил, что отношения между Сьеррой и Равниной оказались практически разорванными. «Они приняли меня не только потому, что я прилетел на самолете, но и потому, что я прибыл из Майами, а не из Гаваны или Сантьяго».)

В конце встречи Че было поручено осмотреть оборонительные линии в Сьерре, где, по мнению Фиделя, армия должна была предпринять первые попытки ожидаемого наступления. «Этот небольшой клочок территории должен был суметь защитить себя с помощью двухсот с небольшим исправных винтовок, когда армия Батисты спустя несколько дней начнет свою операцию «найти и УНИЧТОЖИТЬ».

17. Наступление.

Эта часть военной карьеры Эрнесто Че Гевары периода кубинской революции, вероятно, менее всего отражена в документах. Че не посвятил данному периоду ни одного фрагмента своих «Воспоминаний о революционной войне», его дневники не были опубликованы, а в своей книге «Революция родилась»' он посвятил наступлению всего лишь два абзаца. Возможно, дело в том, что команданте Геваре очень не нравилась та роль, которая была отведена ему в этих действиях.У Фиделя Кастро были собственные планы на будущее Гевары. Он держал аргентинца вне игры и временно отстранил от командования. Че, постоянно стремившийся на передовую, вынужден был принимать участие в одной из самых кровавых битв кубинской революции прежде всего в качестве консультанта и офицера связи.

8 мая Фидель, сетуя, что его авторучки не пишут, и у него остался только один замусоленный старый огрызок карандаша, послал капитану Рамону Пасу записку, в которой сообщал, что получил известия о выступлении армейских частей. Это был первый из множества сигналов тревоги, указывавших на то, что ожидаемое правительственное наступление началось. В течение нескольких дней территория, занимаемая повстанцами, превратилась в арену лихорадочной деятельности: из неразорвавшихся во время прежних налетов бомб делали мины, разрабатывали планы блокировки путей доступа в Сьерру, проводили интенсивный поиск оружия. Одновременно шла работа по восстановлению сети зарубежных организаций Движения 26 июля. Была даже предпринята попытка проложить в Сьерре примитивную телефонную линию.

Че пребывал в непрерывном движении, курсируя между восточной частью зоны под командованием Фиделя (там же находился передатчик «Радио ребельде») и Минасдель-Фрио, где он изо всех сил старался ускорить ход подготовки новобранцев, которые должны были стать ядром новой колонны.

Доктор Хулио Мартинес Паэс вспоминал один из редких моментов затишья перед началом наступления. Люди, копавшие траншеи в Сьерре, были утомлены — вернее, изможденны. Че только что возвратился в Ла-Месу после встречи с Фиделем и подвешивал в лесу между двумя деревьями свой гамак, собираясь лечь спать. Но ему пришлось вновь возвратиться к медицинской практике — лечить гнойную рану ноги. Итак, смотрите, как грозный майор Гевара старательно возится со щепкой и ниточкой, накладывая лубок птице.

В течение второй недели мая Фидель и Че общались постоянно. Фидель послал Че несколько записок по поводу минирования дорог и тропок, ведущих в самые дикие части Сьерры. Фидель писал изумительно точным языком и на удивление непринужденно переходил от вопросов высокой стратегии к мельчайшим сиюминутным деталям: «Че, ты должен найти две стофунтовых бомбы. Я пришлю еще пару, чтобы заменить большие. Поскольку у каждой стофунтовой бомбы имеются два взрывателя, мы можем вместо двух взрывов устроить четыре, просто используя круглые мины...» (Фидель, 12 мая). Или: «Че, мы только что нашли решение проблемы, которая была у нас с фабричными взрывателями. Используйте ток пяти батареек; соедините их последовательно, без катушек. Мы только что взорвали три гранаты, находившиеся в 15 метрах одна от другой...» (Фидель, 19 мая). Среди чисто военных деталей («Вчера я подвесил обычную металлическую гранату на ветке в двух метрах над землей и взорвал. Смертоносные осколки разлетелись повсюду») попадались и более личные строчки: «Кроме того, мы не разговаривали уже несколько дней, а это просто необходимо. Я здесь тоскую без старых товарищей» (Фидель, 19 мая).

1-9 мая произошло вооруженное столкновение, резко оборвавшее этот тихий, можно сказать, ностальгический перерыв. Войска диктатуры захватили Лас-Мерседес, маленький городок среди кофейных плантаций. Как выяснилось, это была прелюдия к нападению всеми силами правительственных отрядов, которое было предпринято 25 мая. Армия имела четырнадцать батальонов, подготовленных к наступлению, один из них с полевой артиллерией, а другой — с танками; шесть из них должны были вступить в действие одновременно. Повстанцы в это время занимали территорию шириной в восемьдесят миль, а армейские колонны, которые должны были сойтись на Ла-Плате, отстояли одна от другой не более чем на три мили.

Готовясь к наступлению противника, Фидель перегруппировал партизанские силы и приказал Че сформировать из новобранцев, обучавшихся в лагере, новую колонну № 8.

«Фидель ясно сформулировал принцип, в соответствии с которым значение имеет вовсе не численность вражеских солдат, а скорее то количество людей, с помощью которых мы сможем сделать наши позиции неуязвимыми. И мы были обязаны придерживаться этой тактики. Так что, согласно приказу образовать компактный фронт, все наши силы были собраны вместе вокруг штаба. 25 мая, во время встре чи Фиделя с несколькими кампесинос — они обсуждали сбор урожая кофе, — началось давно ожидаемое наступление. У повстанцев было

немногим более 200 исправных винтовок».

Боевые действия начались со столкновения армейского авангарда с засадой в местечке Ла-Эррадура, около Лас-Мерседеса. Повстанцы сопротивлялись минометному обстрелу и воздушным налетам в течение тридцати часов. В конце концов, армия вступила в Лас-Мерседес, но партизаны не потеряли ни одного человека. В этом первом раунде, по словам Эфихенио Амейхей-раса, не было «ни победителей, ни побежденных; каждая из сторон подкрадывалась к другой как можно ближе».

Фидель взял на себя все руководство оборонительными действиями. Узнать, какими проблемами он был сильнее всего обеспокоен, а также на каких участках фронта в то время находился Че, можно по их обильной переписке. Из нее ясно, что повстанческие силы испытывали значительные трудности из-за нехватки многих необходимых вещей. В нескольких записках Фидель беспокоится по поводу винтовок, которые Че ремонтировал или собирал из частей, в других он говорит о телефонной линии, которую начали было проводить по Свободной территории, да так и не закончили. 28 мая он прислал записку, в которой жаловался, что-не может прочесть полученные шифрованные сообщения, так как Че унес с собой кодовые таблицы. Еще днем позже Че, находясь в учебном лагере Минас-дель-Фрио, получил приказ от Фиделя: направить учебную команду на строительство укреплений и траншей. Последняя записка кончалась тревожной нотой: «Мы получим оружие, если сможем продержаться десять дней». Но им не пришлось ждать десять дней. Уже в полдень из Майами на легком самолете прилетел Карлос Франкини, доставивший Двадцать тысяч патронов, электрические взрыватели для мин и тридцать итальянских карабинов.

30 мая Че провел беседу с бойцами в учебном лагере и начал набирать колонну. В подавляющем большинстве отобранные им люди были безоружны. А борьба тем временем все усиливалась. Армия сумела продвинуться на четыре мили, но была остановлена колоннами Хуана Альмейды и Рамиро Вальдеса. Сражение продолжалось шесть дней. Амейхейрас ярко описал первые боевые столкновения:

«Нужно было двигаться по тропам, настолько узким, что люди могли идти только гуськом или же по утоптанным Дорожкам, проложенным для лошадей и караванов мулов. В такой местности враг не мог использовать ни тан ки, ни тяжелую артиллерию, а поддержка с воздуха в этих горах могла быть только очень условной. Было вовсе не так просто прицельно стрелять из полевых орудий и пулеметов, пускать реактивные

снаряды и ракеты, а кассетные бомбы давали очень ограниченный эффект».

В начале июня армия продвинулась к северу и после трех дней тяжелых боев укрепилась на захваченных позициях в Лае-Мерседесе. Территория повстанцев сжималась. Фидель написал Че, что в том случае, если армия сможет прорваться через оборонительную линию Абаниты (именно ее Че тогда прикрывал), ему следует взять на себя обязанности координатора действий. Чтобы не потерять всю территорию, с другой стороны должен будет действовать Кресенсио Перес.

Однако 4 июня Рамиро Вальдес сообщил, что Че доставил его отряду партию оружия, а еще через два дня от него же пришел рапорт о том, что армия все еще продолжает продвигаться вперед. «Их намерения мне совершенно ясны: продвигаясь на одном фланге, они угрожают отрезать нам все маршруты доступа в Сьерру. Ситуация требует срочного решения».

10 июня, когда авиация вела непрерывные налеты на побережье и казалось, что на берег вот-вот начнут высаживаться отряды с кораблей, Че все так же перемещался по всему фронту военных действий. Несомненно, он мучительно переживал, что не может сам ввести свою колонну в действие. Он отвечал за связь и снабжение и вновь призвал к работе Лидию Досе — «она ходила по всей Сьерре, разносила жизненно важные документы и обеспечивала нам контакт с внешним миром». Спустя годы Фидель объяснил, что «не было никакого смысла ставить Че или Камило во главе эскадрона; мы должны были сохранить их для того, чтобы они повели свои колонны позже».

Складывалась очень опасная ситуация. Правительственные отряды, шедшие через Санто-Доминго, находились в четырех милях от штаба повстанцев, а войска, двигавшиеся с юга, занимали позиции, позволявшие продвигаться вдоль рек Пальма-Моча и Ла-Плата. В дальнейшем они должны были встретиться. При участии двух других колонн, направлявшихся с запада к Минас-дель-Фрио, войска правительства были в состоянии окружить повстанцев. По словам Амейхейраса, «это был критический момент для партизанских войск». Тогда Фидель отправил гонца к Камило Сьенфуэгосу, находившемуся в то время на Равнине, и предложил ему прорваться через блокаду и присоединиться к силам, образовывавшим внутреннюю оборону Сьерры.

«Камило был вызван, чтобы получше прикрыть наш клочок территории, на котором находились бесценные сокровища — передат чик, больницы, оружейные склады и, помимо всего прочего, взлетно-посадочную полосу, расположенную среди

холмов Ла-Платы, где мог приземлиться легкий самолет».

Примерно 16 июня Фидель приказал оставить зону Л а-Месы, собрав вместе колонны Альмейды, Рамиро и Гильермо Гарсии для стратегического отступления. Целью повстанцев, сказал он, теперь должна стать оборона и сохранение своей основной территории в течение трех месяцев, до перехода к контратаке.

Фидель написал Че 17 июня, что войска продвигаются на Санто-Доминго, чего нельзя ни в коем случае допустить. Он потребовал двоих людей с винтовками «гаранд» и пятерых с «М-1»: «Этот приказ должен быть выполнен немедленно».

Че отвечал:

«Ты должен вот-вот получить новости из Лас-Вегаса. Я не думаю, что должен отправить к тебе людей, потому что тогда дорога на Эль-Пургаторио останется незащищенной, а подкрепление в любом случае должно так или иначе прибыть к тебе. Я сам не вмешивался, но следовал твоим приказам и оставил на тебе ответственность за Лас-Вегас. Пойми тем не менее, что я должен иметь более надежный контакт. Ты должен сразу же сказать мне, как следует расположить людей после падения Лас-Вегаса, которого я ожидаю завтра. И сообщи мне, могу ли я проявить инициативу в арьергардных действиях с чьими-нибудь еще людьми. В Абаните имелось несколько человек из отряда Кресенсио. Я должен получить ответ до рассвета».

19 июня два повстанческих подразделения нанесли тяжелый удар по армейскому батальону, который только что прибыл и направился в горы. Фидель написал Че об этом и спросил его насчет «тех семи человек с автоматическим оружием», которых Эр-Несто оставил себе. Немного погодя он прислал вторую записку, Из которой следовало, что, несмотря на первый успешный выпад, Давление не уменьшилось и его бойцы обнаружили присутствие «где-то на берегу вражеских отрядов, местоположение которых не было определено. Все, что у меня здесь есть, это моя винтовка». Фидель также подчеркнул необходимость прислать ту команду, которую он требовал утром:

«Мы рискуем потерять не только территорию, но также и госпиталь, радиостанцию, боеприпасы, мины, продовольствие и т. д... У нас недостаточно людей, чтобы защищать такой обширный район... Мы должны будем предпринять попытку наладить оборону путем перегруппировки, прежде чем будем вынуждены перейти к иррегулярным действиям».

20 июня повстанцы потерпели поражение на другом фланге своего фронта, в Лас-Вегасе. Че, въехавший в город верхом на муле, чуть не был посреди дороги захвачен в плен. Энрике Асеведо, переставлявший мины (непрерывный перевод засад с места на

место вынуждал партизан выкапывать мины и устанавливать их снова) и поднимавшийся под дождем в направлении Лома-дель-Манго, видел, как Лас-Вегас пал под объединенным натиском жандармерии и напалма, сбрасываемого с самолетов. У хижины Асеведо остановили: его хотел видеть команданте.

«Я увидел перед собой Аргентинца, рассматривавшего меня с головы до ног. Я не знал, что делать. Мне хотелось обнять его, но я был весь густо покрыт грязью. Я посмотрел на него и улыбнулся.

— Можно узнать, по какой причине ты не прикрываешь детонатор от дождя?

Проклятие, подумал я, он не узнал меня. Разве не мог он сказать что-нибудь получше, учитывая, что мы не виделись пять месяцев? Немного разозлившись, я пробормотал что-то вроде того, что все случилось очень быстро, а закончил словами: «Кроме того, все мы промокли».

Он поднял глаза. Я знал, что это плохой день. Он разделался со мной одной фразой:

— Как жаль, что ты так и не изменился. Проваливай!

Мы бросились к назначенному месту встречи. Через несколько минут нас догнал один из его ординарцев и .вручил пару кусков нейлона которые можно было накинуть вместо пончо. Я выдавил несколько слов благодарности».

20 июня Фидель снова приказал повстанческим отрядам перегруппироваться. В том случае, если они окажутся не в состоянии остановить жандармов, следовало расформировать колонны и организовать нерегулярные партизанские группы, которым предстояло проникнуть на потерянную территорию. Фидель приказал Че: «Возьми под контроль оборонительный рубеж в Маэстре от Эль-Пургаторио до Альтос-де-Момпье. Вернись по линии и перемести подразделения в эту зону, которая будет укреплена двадцатью людьми из Лас-Вегаса. Мобилизуй всех, даже людей Кресенсио».

23 июня подразделение партизан во главе с Рамоном Пасом, напав из засады, нанесло серьезный урон армейской части, двигавшейся на реку Ла-Плата. Наступавшие потеряли двадцать одного человека. Это позволило получить первую столь необходимую отсрочку. А еще через четыре дня, во время непрерывных

столкновений, в Сьерра-Маэстру прибыла колонна Камило. Фидель был необыкновенно счастлив. «Вы пришли в самый подходящий момент», — сказал он.

Но положение повстанцев все еще оставалось крайне непрочным. Они подвергались постоянным бомбежкам.

Армейские части заняли Лас-Мерседес и Лас-Вегас, находились поблизости от Санто-Доминго и теоретически были в состоянии за два часа добраться до штаба мятежников в Ла-Плате. Фидель разработал план, согласно которому в случае прорыва фронта передающую станцию «Радио ребельде» следовало взорвать, а партизанские колонны превратить в подвижные группы и пытаться продолжать свои действия в тылу врага. Однако теперь на помощь осажденным пришел ландшафт: армия проходила через самую крутую часть Сьерры, которая идеально подходила для засад. Кроме того, благодаря перегруппировке, совершенной по приказу Фиделя, Че получил возможность в считанные часы рассылать на значительные расстояния небольшие боевые группы, которые затыкали бреши в обороне или устраивали дополнительные засады.

Че продолжил исполнять обязанности координатора и организатора, но не мог сопротивляться искушению посещать передовую линию.

Из рассказа Висенте де ла О, врача:

«Мы были в Момпье, ... и Че вместе с группой партизан из пяти или шести человек наблюдал за движением войск, захвативших Минас-дель-Фрио. Я вызывал его по телефону, и однажды он сказал мне:

— Послушай, не звони так часто, а сейчас дай отбой, а то нас услышат жандармы.

Он лежал, укрывшись в кустарнике не более чем в тридцати метрах от солдат».

Первое столкновение с силами Санчеса Москераса произошло 28 июня около Санто-Доминго. Лало Сардинас убил сразу Двадцать вражеских солдат, еще двадцать человек с оружием взял в плен. Фидель, выдвинув отряды Камило, Альмейды и Дуке, отрезал армейским частям путь отступления.

Двумя днями позже в этом районе все еще продолжались бои с армейским батальоном, который уже находился на грани уничтожения. Тем временем в зоне Лас-Мерседес Че продолжал сдерживать войска, продвигавшиеся к Лас-Минасу. Гарри Вильегас вспоминал: «Нам скомандовали остановиться перед домом. Прежде чем мы поняли, что случилось, там оказались солдаты и открыли огонь. Мы бросились бежать, они стреляли в нас, а мы бе жали все быстрее, пока не сумели уйти. Я думаю, что Че никогда в жизни так не бегал — как на легкоатлетических соревнованиях».

Сражение при Эль-Хигуэ началось 2 июля, когда армейский батальон попал в засаду, был остановлен и окружен в ходе операции, которой руководил лично Фидель. Че поддерживал

давление на Лас-Минас и вел затяжные бои в Санто-Доминго. В тот день мина из миномета попала в дом, где как раз сидели и ели журналисты «Кубано либре»; были убиты Карлитос Мам и Хео-нель Родригес, любимые помощники Че.

В то время как Фидель успешно вел осаду Эль-Хигуэ, армия нанесла решительный удар в районе Минас-дель-Фрио и, оттеснив группу плохо вооруженных защитников, захватила школьное здание. Че, возвращавшийся из Ла-Платы, столкнулся с отступавшими новобранцами. Его первой реакцией было: «Вы просто засранцы, они отобрали у вас Минас-дель-Фрио. Ладно, теперь вам придется отобрать его назад». Позже, остынув, он увидит, что это было бы невозможным делом.

Непрерывное поступление раненых заставило Че снова обратиться во врача. Ему пришлось прямо в лесу делать неотложные операции.

Чуть позже он организовал успешную засаду на реке, где солдаты пытались набирать воду. Повстанцы были не в состоянии отбить школу, но им удалось с помощью мелких засад остановить продвижение армейских сил и не дать им возможности прийти на помощь солдатам, окруженным в Эль-Хигуэ. Минас-дель-Фрио оказался последним пунктом, который смогла занять армия. Фидель написал Че: «Я поздравляю тебя с тем, что ты смог преодолеть этот кризис; наше настроение сильно повышалось благодаря тому, что мы знали — с этого направления нам не угрожает никакая опасность».

А осада продолжалась. Фидель использовал громкоговорители для словесной бомбардировки окруженных солдат, и радио — для передачи ложных сообщений, которые заставили авиацию бомбить позиции своих же собственных войск. 18 июля повстанцы разгромили подкрепление, двигавшееся с морского побережья. В течение нескольких следующих дней правительственные войска предприняли ряд неудачных попыток пробиться к окруженным, а затем Фидель сделал гениальный ход, предложив отпустить окруженных с условием, если те сдадутся при посредничестве Красного Креста. Переговоры начались 20 июля, и Фидель приказал Че выступить в направлении Лас-Вегаса, где ему 23 июля было поручено руководство доставкой двухсот пятидесяти трех совершенно деморализованных пленных.

Когда комиссия, состоявшая из Карлоса Франкини, Фауста но Переса и Орасио Родригеса решала, как же отправить пленных, их глазам предстало «эффектное появление команданте Ге-вары верхом на осле». Несколько часов тому назад Че взял Лас-Вегас в осаду и теперь сделал предложение капитану, командовавшему правительственными войсками: он и его люди могут уйти, если

сдадут оружие. Че предупредил, что они не смогут пробиться силой.

Итак, еще одна группа солдат оказалась в окружении, а 25 июля в Санто-Доминго состоялся новый бой: Рамон Пас и Рене Рамос Латур выследили отряд фуражиров, пытавшихся доставить в город провиант и какое-то снаряжение, и разбили их. Однако спустя несколько дней люди Санчеса Москераса сумели прорваться из окружения, хотя и понесли при этом большие потери. Сам Санчес Москерас, которого Че считал своим личным • врагом, получил в отступлении ранение в голову. А повстанцы потеряли в этих боях одного из своих самых храбрых командиров — Рамона Паса.

Фидель начал собирать людей, чтобы усилить осаду Лас-Вегаса. (Камило говорил, что Фидель «молит какого-то неизвестного бота поставить у нас на дороге какие-нибудь войска».) Он мертвой хваткой вцеплялся в батальоны, которые пытались прийти на помощь осажденным. А Че возобновил переговоры с их командиром, капитаном Дураном. По словам Рафаэля Мом-пье, «это была короткая беседа, длившаяся, возможно, минут пятнадцать... Че посмотрел на часы и сказал: «Сейчас десять; в половине одиннадцатого мы снова вступим в бой». Они обменялись рукопожатием и разошлись».

Через непродолжительное время послышались выстрелы, жандармы начали покидать позиции. На вид они казались безоружными. Однако они не только сожгли часть своих запасов, но и пытались тайно пронести оружие. Солдаты попробовали прорваться с помощью легкого танка и под прикрытием с воздуха, которое, как предполагалось, должно было обеспечить их отступление. Повстанцы обрушились на них главным образом ради оружия и боеприпасов. Легкий танк застрял, был брошен и срочно разбомблен с воздуха, чтобы помешать партизанам захватить его. Марк Эрман выстрелом из базуки уничтожил бронемашину. Че был здесь же и во главе своей банды подростков вел атаку.

Некоторые из партизан не стали преследовать убегавших Жандармов, но Че с небольшой группой захватил дюжину солдат и бросился в погоню за беглецами. Одна группа, в которой был и сам капитан Дуран, сдалась Рамону Сильве. В плен попало не Меньше сотни солдат, но Рене Рамос Латур, к тому времени уже Раненный, получил смертельное ранение, когда выводил свой отряд из боя. Когда Че смог добраться до него, преемник Франка Пайса был мертв. Его потеря явилась страшным ударом для партизан, особенно для Че, который так долго и непримиримо спорил с ним, а теперь относился к былому оппоненту с

чрезвычайным уважением. Счет к диктатуре все возрастал, и по нему предстояло потребовать расплаты.

Почти сразу же началась новая осада. Теперь ее объектом оказался Лас-Мерседес. Фидель написал Че 31 июля: «Я думаю, что люди способны на гораздо меньшие усилия, чем прежде; все истощены, и так много командиров убито». Погибли Верде-сия и Пас, Рамос Латур и Кевас. Не предвиделось никакой отсрочки. В тот же день Камило сообщил Че, что к правительственным войскам по дороге Сан-Гранде приближается подкрепление, во главе которого идут танки.

Положение на фронте было крайне напряженным. Фидель заинтересовался захваченным танком и попытался выяснить, нельзя ли его починить. Че перестал ездить на своем муле, тот был ранен во время воздушного налета и сбросил наездника с седла. 5 августа произошло сражение с колонной подкрепления, и повстанцам удалось остановить ее. Через два дня армейская колонна отошла. Че, раздраженный тем, что не удалось захватить пленных, узнал, что во время отступления два танка застряли в грязи, и сказал: «Давайте отберем у них эти машины».

Из воспоминаний Андреса Менеса:

«Когда он сказал это, у меня поджилки затряслись, потому что мы отлично знали, на что способны танки. Когда Че повторил: «Следуйте за мной, мы идем захватывать танки», мы сосчитали до десяти. Мы последовали за ним только потому, что он сам пошел, и ни по какой другой причине. Когда мы добрались до ручья и увидели, что танки смогли выбраться самостоятельно и ушли... моя душа вновь присоединилась к телу. Не то чтобы я боялся армии, но именно тогда я испытывал большое уважение к этим железным громадинам».

10 августа, во время заключительной стадии наступления правительственных войск, в Лае-Мерседесе шло обсуждение условий приема капитуляции противника. Фидель тогда понял, что отпущенный пленник, который своим появлением глубоко подрывает боевой дух врага, гораздо полезнее, чем пленник, который находится в лагере и требует охраны.

Че отправил вперед Дельсу Пуэбло с предложением о том, что переговоры пойдут при посредничестве Красного Креста. Ей также следовало пообщаться с солдатами и хорошенько рассмот реть траншеи и укрепления: «Ну, Тете, постирай и отгладь свою форму; ты должна выглядеть там шикарно; надень свой браслет 26 июля и не позволяй никому забрать его у тебя».

Позднее в лагерь для переговоров с полковником Нейгартом прибыл Фидель в обществе Селии и Че. Полковник обратился к повстанцам с неожиданным вопросом: как они отнеслись бы к

военному перевороту, в результате которого Батиста был бы свергнут?

С освобождением пленных контрнаступление завершилось.

Повстанцы вновь оказались хозяевами Сьерра-Маэстры.

«После двух с половиной месяцев тяжелой борьбы более 2000 вражеских солдат были мертвы или ранены, попали в плен или сбежали. В армейских частях в конце наступления было арестовано почти 600 человек за неповиновение или дезертирство. Они оставили в наших руках 600 единиц оружия, в том числе танк, двенадцать минометов, двенадцать пулеметов, двадцать с лишним автоматических винтовок и бесчисленное количество другого автоматического оружия, а также огромное количество амуниции и всех видов оснащения, не говоря уже о 450 пленных, которые были переданы Красному Кресту после завершения кампании».

Повстанческая армия потеряла пятьдесят человек — пятую часть всего своего личного состава, который сражался против правительственных войск в этой зоне, но под конец кампании к партизанам присоединилось шестьсот добровольцев.

«Мы сломали хребет армии Батисты в результате ее заключительного наступления на Сьерра-Маэстре, но все же ее еще нужно было разбить».{14}

18. Вторжение.

Революция едва успела перевести дыхание после победы над наступавшими войсками Батисты, когда Фидель Кастро принял одно из своих самых блестящих военных решений: воспользоваться преимуществом, порожденным общей слабостью правительства и создавшимся беспорядком, и немедленно перейти в контратаку.План был очень смелым. «Тогда была окончательно разработана стратегия. Должна была состояться атака по трем направлениям: в Сантьяго — маневренная осада, в Лас-Вильясе, куда я должен был выйти с колонной, и в Пинар-дель-Рио, на противоположном конце острова, куда должен был отправиться Камило Сьенфуэгос».

Че поначалу считал, что большое подразделение из ста двадцати — ста пятидесяти человек можно доставить в центральную часть острова, где находится другая горная система, Сьерра-дель-Эскамбрей, при помощи транспортных средств. «Я приказал изучить четверть или половину маршрута и полагал, что он весь мог быть сделан на моторе». Эрнесто пытался добыть грузовики, в которых он «был чрезвычайно заинтересован».

17 августа Фидель договорился с Че о встрече через два дня в Альтос-де-Момпье. Им предстояло окончательно обсудить детали плана. Гевара явился в обществе Сойлы Родригео. Они с Фиделем долго беседовали наедине в Ла-Плате и в конце концов пришли к такому решению: на следующий день Фидель должен был выступить по «Радио ребельде», объявить об окончании наступления правительственных войск и туманно сообщить о выходе «колонн Вторжения» из Сьерра-Маэстры в другие части острова. В очередной раз военное благоразумие отступило перед расчетом на психологическое воздействие. Так же, как и в 1956 году, когда об экспедиции на «Гранме» было объявлено заранее, Фидель решил при помощи широкого оповещения о контрнаступлении вызвать в обществе сильный политический резонанс, который должен был обеспечить повстанцам психологическое преимущество. Это должно было еще выше поднять авторитет повстанцев в глазах населения, которое уже стало привыкать к тому, что «мау-мау» держат свое слово. 21 августа Фидель выпустил письменные приказы.

«Майору Геваре поручено возглавить колонну № 8 имени Сиро Редондо, направляющуюся в провинцию Лас-Вильяс... Колонна № 8 должна выйти из Лас-Мерседеса между 24 августа и 30 августа. Стратегической целью операции колонны будет нанесение непрерывных ударов в центральном районе Кубы до

тех пор, пока вражеские силы не окажутся полностью скованными».

Двумя днями ранее подобный приказ получил Камило Сьенфуэгос, который должен был возглавить колонну № 2 имени Антонио Масео, также направлявшуюся на запад острова.

Примерно в то же время Фидель познакомил Че с кампесино, носившим очень привлекательное имя Эдильберто Энаморадо — Эдильберто Влюбленный, — которому предстояло быть проводником Гевары на начальной стадии операции. Может быть, иметь поблизости людей с такими именами — хорошая примета? Пепин Магадан и Энаморадо возглавляли маленькую группу, занимавшуюся доставкой всякой всячины в Сьерра-Маэстру, и Фидель поручил им обеспечить безопасность Че на первой стадии Вторжения.

«— Что ж, похоже, я пошел вон.

— Вон?

— Да. Я отправляюсь на Равнину...»

Но этому диалогу суждено было повторяться вновь и вновь, прежде чем событие свершилось. Тогда, в Сьерра-Маэстре, они говорили, что раз жандармы не смогли подняться сюда, то придется спуститься вслед за ними. Но набор добровольцев был совсем не легкой задачей. В ходе контрнаступления — трех месяцев непрерывных сражений и переходов — из строя выбыло много опытных партизан. В довершение трудностей многие кампесинос-горцы не желали воевать в непривычной местности; выход на равнину смущал и пугал их. Одно дело было преграждать дорогу солдатам на своей родной земле, а спускаться в неведомые места — совсем другое. Большинство этих бойцов ни разу в жизни не бывало ни в одном из провинциальных центров страны.

Энрике Асеведо, ветеран, которому только что исполнилось шестнадцать и который получил «гаранд» взамен винтовки «М-1», вспоминал:

«Во взводе произошел раскол, и немногие были готовы покинуть горы. Вперед выступило шесть добровольцев, в том числе лейтенант Альфонсо Сайас, который в течение нескольких месяцев был моим командиром. Я попробовал убедить остальных и услышал от какого-то шутника: «Ты, наверно, прирожденный мазохист; Че недавно раздолбал тебя, а ты хочешь получить еще».

Че тем временем составлял списки бойцов, получивших оружие и боеприпасы, и пытался хоть немного облегчить жизнь своих потрепанных отрядов. Сохранилось несколько записок, в которых он набросал возможное построение колонны, подписанных «Майор Эрнесто Гевара», а ниже приписка: «Че»

Гевара».

С согласия Фиделя он назначил Рамиро Вальдеса заместителем командира колонны. Фидель тем временем занимался интендантскици вопросами:

«Этим утром я послал к тебе людей из подразделения Кресло, вооруженных винтовками «гаранд». Делай с обоими все, что найдешь нужным. Тех, кто тебе не нужен, отправь назад с другим оружием и сообщи мне, сколько «гарандов» ты уже собрал и сколько еще, по твоему мнению, потребуется».

По горам гуляли слухи о том, что Че отправляется на Равнину устраивать перестрелки. Рассказывает юный Асеведо:

«Несмотря на молчание, окружавшее движение колонн, телеграф джунглей работал вовсю. Хорошо осведомленные источники сообщали, что мы выйдем в сентябре. Некоторые, испытывая свои силы в качестве стратегов, утверждали, что целью похода являются горы Сьерра-дель-Кристаль. А меньшинство говорило о Камагуэе». Понемногу заполнялся список личного состава, состоявший преимущественно из молодых кампесинос, хорошо зарекомендовавших себя во время последнего наступления. Были добровольцы, такие, как Хоэль Иглесиас, доктор Висенте де ла О и доктор Оскар Фернандес Мель, творивший чудеса на всем протяжении горного массива Сьерра-Маэстра с тех самых пор, как присоединился к партизанам после неудавшейся апрельской забастовки. Примерно треть бойцов, которым предстояло отправиться с Че, взялась за оружие в 1957 году, большинство участвовало в сражениях за Лас-Мерседес, а вот из экипажа «Гранмы» было только трое: сам Че, Рамиро Вальдес и Рене Родригес. Средний возраст людей равнялся двадцати четырем годам, и «90 процентов бойцов нашей колонны были неграмотны».

Колонна Камило вышла в путь 22 августа. Выход Че откладывался до прибытия из Флориды легкого самолета, на котором Должны были доставить жизненно необходимые боеприпасы. «Более сотни винтовок были теперь бесполезны, так как у бойцов совсем не было патронов».

Авиация Батисты непрерывно бомбила Лас-Мерседес. От бомбежек сильно страдали мирные жители, а рассредоточившиеся боевые подразделения оставались практически невредимыми. 23 августа было сделано двенадцать налетов, в которых использовались 250-фунтовые бомбы и ракеты. Гарри Вильегас вспоминал, что, когда он воевал во взводе Гевары, Че однажды сказал ему: «Давай-ка отойдем в сторону — следующая бомба упадет сюда». Так и случилось. Че, казалось, имел шестое чувство, которое помогало ему предвидеть, куда

будут падать бомбы.

Снова рассказывает Энрике Асеведо:

Авиация атакует Л ас-Мерседес

«Закончив сбрасывать бомбы и пускать ракеты, они сделали несколько заходов, стреляя из пулеметов, и наконец ушли. Я медленно встал; меня всего завалило грязью и камнями. Дом превратился в руины; подойдя поближе, я увидел, что там никого нет. Ракета взорвалась примерно в семи-восьми ярдах и превратила здание в кучу брусьев, торчавших в небо. ... Я продолжал обнюхивать окружающее, пока наконец не наткнулся на то, что целый год стремился исследовать — рюкзак Аргентинца. И точно, это был он, а в нем — то, что Че читал в постели. Никто не знал, что он читает — члены его команды держали такие вещи в строгом секрете... Я тут же залез в рюкзак, ничего не нашел и решил, что книги лежат на дне, и, конечно, они связаны с политикой: Сталин, Мао и, возможно, Ленин... Мне удалось все же найти книгу в середине свертка ношеной одежды, и я был ужасно разочарован, увидев, что это всего-навсего «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» роман М. Твена. Я старательно уложил все в рюкзаке как было и кинул сверху несколько кусков щебенки».

24 августа Че провел митинг своей колонны, и все триста бойцов услышали, какое их ждет задание. Он нарисовал мрачную перспективу: «У нас будут солдаты на завтрак, самолеты на обед и танки на ужин». Особо подчеркнул, что соотношение сил будет крайне неблагоприятным — по десять-пятнадцать правительственных солдат на каждого партизана. По соображениям безопасности он не упомянул о цели похода, но Хоэль вспоминал:

«Он вскользь заметил, что мы пойдем в неизвестную местность, с непривычным ландшафтом, что с населением там не проводилось никакой подготовительной работы и нам предстоит испытать большие трудности. Что вследствие действий противника, голода, жажды, холода, нехватки всего на свете выжить удастся только половине — а то и меньше — нашей колонны».

Че знал, что делает. Его цель заключалась в том, чтобы провести отбор в этой группе очень молодых кампесинос, вовлеченных в революцию, но еще не до конца осознавших в ней свое место. После этой драматической и выдержанной в очень аргентинском духе речи он вызвал добровольцев — но не предложил им поднять руки. Нет, он велел повстанцам обдумать его слова и спустя три дня дать ему ответ через командиров взводов. Тем из партизан, у кого неподалеку, в горах, жили семьи,

он предоставил трехдневный отпуск.

Добровольцы, которым предстояло образовать новую колонну, собрались в конце августа в Эль-Хибора, деревенском доме в предгорьях Сьерра-Маэстры, Вызвалась примерно половина из тех трехсот бойцов, перед которыми Че недавно выступал.

Пока партизаны дожидались самолета, ураган с ласковым именем «Дейзи» обрушился на Южную Флориду и, по прогнозам, должен был направиться к побережью Кубы.

Сойла Родригес настойчиво требовала, чтобы ее взяли в поход. Она хотела, чтобы ее считали просто рядовым бойцом — ведь в прошлом ей уже приходилось принимать участие в опасных боевых действиях. Гевара жестко сказал ей «нет», дав взамен поручение ухаживать за его мулом, который начал оправляться от раны. Потом Сойла вспоминала, что из любви к Че она «заботилась об этом животном, словно о человеке». Нам мало известно о разрыве Че и Сойлы (дневник Че за те несколько месяцев все же следует обнародовать); тем не менее можно предположить, что оба они знали о том, что связям военного времени всегда суждено возникать и обрываться и что они расстаются навсегда. Че не впервые расставался с женщинами таким образом.

Самолет из Флориды должен был прилететь двадцать восьмого и сесть в пяти с половиной милях (около 9 км) от того места, где расположилась колонна. Че с небольшой группой вышел принять груз, но самолет был замечен. Вражеский истребитель во время посадки обстрелял его из пулемета и продолжал барражировать над приземлившимся самолетом. Армейские позиции находились совсем неподалеку, и повстанцы торопливо разгрузили самолет под пулеметными очередями. «Фаустино, невзирая на стрельбу, сделал то, что было необходимо, чтобы самолет не попал во вражеские руки: облил его бензином и поджег». Че не упомянул только, что сам он находился там же, под обстрелом с вражеского истребителя.

Грузовик с форменной одеждой был потерян, но повстанцам Удалось спасти оружие и рацию. К сожалению, «самолет не доставил ничего настолько удивительного, что трудно было бы вообразить». В частности, в его грузе совсем не было боеприпасов. В сложившейся ситуации это было настоящей трагедией: имелись в наличии сто сорок четыре отборных бойца, вооруженных «гарандами», «спрингфилдами», «сан-кристобалями» и «М-1», но в среднем на каждого приходилось всего-навсего по сто двадцать патронов, адвадцать девять партизан вообще были безоружными.

Ключевой проблемой оставалась транспортировка отряда.

«Мы собирались выйти в поход в грузовиках, считая, что в таком случае он займет четыре дня». Фидель писал Че: «Пепито рассказал мне, как обстоят дела с грузовиками. Скажи ему, чтобы делал все в соответствии с твоими планами. Скажи, пусть добудет машины, которые тебе нужны, где угодно и у кого угодно, но при малейшей возможности они должны идти с продовольствием».

Блас Оресте также пытался разрешить транспортные проблемы Че: «Сообщи мне о грузовиках, в которых я особенно заинтересован». Однако Бласу удалось добыть только один грузовик, зеленый «Форд-52» с рисоводческой фермы; второй грузовик оказался сломанным. В конечном счете Че не удалось воспользоваться и этим «Фордом»: «вражеский отряд прорвался к аэродрому и захватил его вместе с бензином, так что нам пришлось двинуться в путь пешком».

30 августа Че послал Фиделю записку: «На сей раз я, кажется, прощаюсь окончательно. Армия собрала поблизости пять батальонов с двумя танками, так что бойцы сильно беспокоятся, дожидаясь отправления».

Колонна была приведена в боевую готовность. Выход назначили на семь часов вечера. Че встретился с командирами взводов и отдал им приказ: идти молча, не оставляя никаких следов, выполняя все распоряжения. И никакого курения. Единственным связным между Че и взводами был назначен Леонардо Тамайо; он же поддерживал связь с капитаном Марком Эрманом, командиром авангарда, передовое охранение, в котором возглавлял лейтенант Мануэль Эрнандес.

Шестнадцатилетний Хоэль Иглесиас вел передовой взвод, вместе с которым должна была двигаться штабная группа — Че, Рамиро Вальдес, Мигель Альварес — и медицинское звено. Капитаны Анхель Фриас и Хосе Рамон Сильва командовали соответственно третьим и замыкающим взводами.

Хавьер Фонсека, кампесино с гор, так описал внешность нашего героя в то время: «Че тогда выглядел побывавшим в переделках, закаленным человеком, и я не знаю, было ли дело только в том, что его борода сильно отросла, а волосы свисали почти до плеч, но в его лице было куда меньше от мальчишки и куда больше от командира».

Колонна вышла на марш в начале девятого вечера 30 августа. Шел сильный ливень, порождение тайфуна «Дейзи». Хоэль, оправлявшийся от ран, Че, Рамиро и доктор де ла О ехали верхом все остальные шли пешком. Многие из них были босыми, в истрепанной форме. Пройдя четыре мили, они остановились, так как идти было невозможно: ноги скользили по жидкой грязи. В первом рапорте, направленном Фиделю, Че по ошибке указал

дату отправления: сумерки 31-го. Это был не первый случай такой путаницы: предводителям повстанцев почти не приходилось спать, а дни, казалось, сливались один в другой. «Все было спокойно, так как мы шли по территории, опустошенной и покинутой жандармами, но нам удалось проделать лишь неполных шесть миль, а затем мы остановились поспать на придорожном пригорке».

В одиннадцать ночи партизаны двинулись дальше и шли до тех пор, пока в пять часов дня им не встретилось заброшенное поместье. Пройдя семнадцать миль с тяжело нагруженными рюкзаками, люди с трудом держались на ногах. Фернандес Мель рассказывал, что в том походе он помимо тяжелого рюкзака нес ранец с сорока фунтами лекарств.

Следующим вечером партизаны в полной тишине пересекли близлежащее шоссе, которое охраняли несколько сторонников Движения 26 июля. Незадолго до этого над колонной, находившейся под прикрытием, пролетел самолет, а армейский патруль ушел с шоссе за два часа до того, как отряд Че вступил на него.

«Мы пересекли дорогу, захватили три грузовика, которые ломались с ужасающей регулярностью, и прибыли в имение под названием Кайо Редондо, где провели день, дожидаясь приближающегося урагана. Поблизости показались жандармы, примерно человек сорок, но ушли, не пытаясь поднять стрельбу. Мы двинулись дальше на грузовиках, помогая им четырьмя тракторами, но это было просто невозможно, и на следующий день мы вынуждены были бросить их».

В грузовики поместилась лишь часть партизан, и очень многим пришлось идти пешком следом за машинами. Продвижение замедлялось обильно заболоченной местностью и ветром, достигавшим ураганной силы. Тяготы перехода с самого начала принялись взимать дань с одежды и обуви путников. Для переправы через речки приходилось укладывать доски. Колеса грузовиков увязали в размытых колеях проселочных дорог. «Мы действительно нашли грузовики, но в тот же день, 1 сентября, встретились с серьезным ураганом, который привел в негодность все дороги за исключением центрального шоссе, единственной дороги с твердым покрытием в той части Кубы».

На этот раз ураган назывался «Элла». Хоэль был уверен, что они должны быть благодарны погоде хотя бы за то, что ветер и Дождь держали авиацию на земле.

Догадки о конечной цели похода продолжались, но Че по-прежнему хранил ее в тайне. Армейские части приблизились к колонне, однако было очевидно, что они не слишком стремятся

воевать в такую адскую погоду.

Несмотря на отчаянные попытки Че использовать в походе грузовики (и тракторы, которые должны были вытягивать автомобили из грязи), это оказалось невозможно. Опять рассказывает Энрике Асеведо:

«В полночь настала наша очередь. Мы уже третий раз должны были выталкивать плечами эту штуку из грязи. Все было насквозь мокрым: дождь шел не переставая. Че, именно в этот момент проходивший мимо, приказал нам выйти из грузовика и вытянуть его из грязи. Из машины не послышалось ни звука в ответ. Один-два человека, правда, вылезли, но остальные не сдвинулись с места. Аргентинец потерял терпение, выругался и поднял винтовку. Во избежание неприятностей все мы ссыпались на землю и принялись толкать или, по крайней мере, притворяться, что толкаем».

Доктор Фернандес Мель вспоминал: «В отряде часто говорили, что любить Че совершенно не за что».

В конце концов, несмотря на настойчивость Че, стало ясно, что грузовики придется бросить; в противном случае партизанам пришлось бы целый .день тащить их по грязи. На следующий день, 2 сентября, Че приказал раскатить грузовики по сторонам и спрятать их. «Мы продолжили путь пешком с несколькими лошадьми и вышли на берег реки Кауто крупнейшая река на острове. — Прим. перев., которую не смогли перейти ночью, так как она вода была очень высокой».

«Кауто, вздувавшаяся у берегов, представляла собой то еще зрелище, — рассказывал Фернандес Мель. — В потоке несло стволы деревьев и трупы утонувших животных». Один из партизан, Альфонсо Сайас, добавил: «Какое было зрелище! Поток был похож на море. Беда была в том, что нам обязательно следовало переправиться на ту сторону, а большинство из нас не умело плавать».

Че писал Фиделю:

«Мы затратили сегодня восемь часов на переправу и сегодня вечером покидаем крестьянский дом, чтобы следовать своим маршрутом, как запланировано. У нас нет ни одной лошади, но мы можем добыть их по пути; я планирую добраться до предназначенной зоны действий, посадив каждо го бойца верхом. Точный расчет времени прибытия нельзя сделать из-за множества препятствий, с которыми мы сталкиваемся на этих богом проклятых дорогах. Я постараюсь разработать подходящие маршруты для посыльного, чтобы держать тебя в курсе дела и сообщить, что мы сможем узнать о тамошних людях».

В первую же ночь повстанцы смогли получить лошадей,

мулов и ослов — всего восемьдесят девять верховых и вьючных животных. Че в поместье Эль-Хардин написал свой первый рапорт Фиделю, хотя и изменил в нем дату, чтобы ввести в заблуждение армию, если послание окажется перехваченным. Письмо кончалось словами: «До новых встреч; приветствую отсюда далекий мир, который только-только начал появляться на горизонте».

4 сентября колонна переправилась через реку Саладо, была тепло встречена группой местных камггесинос и получила сорок восемь пар ботинок, присланных неким сторонником Движения 26 июля.

В тот же день Че включил в состав колонны штрафной взвод, присвоив ему наименование: взвод дескаминадос — «оборванцев». Найденная метафора была очень типична для него: он объяснил, что оборванцы не скованы имуществом и внешними нормами. Во главе нового подразделения Че поставил Армандо Акосту, приказав ему быть очень требовательным к людям. Дескаминадос лишались оружия и должны были заработать его в бою. Первым в списке нового подразделения оказался боец, поспоривший с командиром взвода. (Днем раньше Че на два дня лишил еды одного из бойцов за выстрел без приказа.)

На рассвете 5 сентября колонна переправилась через ручей Тамаринде. Че, спешившийся для переправы, увяз в грязи и, вытягивая ногу, потерял ботинок. Ему так и пришлось до вечера хромать с одной обутой и одной босой ногой. На следующий День, в субботу, партизаны, измотанные шестимильным маршем по непроходимым джунглями, устроили дневку на сахарной плантации Ла-Консепсьон.

Тем временем Камило Сьенфуэгос двигался параллельно, и Че частенько встречался с ним. Он появился на плантации и произвел торжественный въезд, подскакав верхом прямо к гамаку Че и вывалив его хозяина на землю. Это вызвало ужас у тех партизан, которые еще не знали о дружбе двух командиров («Неужели Аргентинец стерпит такое?»), но Камило и Че привыкли устраивать друг другу различные шутки, в том числе весьма грубые, которые лишь немногие смогли бы выдержать. Тогда-то они сфотографировались вдвоем; Че на этой фотографии босой.

Че устроил дневку, во время которой отряд лечил сбитые

ноги, а он сам беседовал с местными кампесинос, пришедшими к партизанам. Здешние жители очень тепло отнеслись к мятежникам из Сьерра-Маэстры и были готовы оказывать им всевозможную поддержку. Че вынужден был отказать многим волонтерам: сложившаяся ситуация была далеко

не идеальной для набора добровольцев. Он отправил к «оборванцам» еще двоих: одного за то, что тот разобрал винтовку без разрешения, а второго — за потерянные патроны. Сам он был настолько переутомлен, что упал в обморок во время разговора с докторами де ла О и Фернандесом Мелем. В первый момент медики решили, что с ним случилось что-то серьезное, но быстро разобрались, что командир упал просто потому, что заснул стоя, на полуслове. Это была не только реакция на напряжение и марафонские переходы под ураганным ветром и проливным дождем (по словам Хоэля, «шестикилометровый переход превращался в двенадцатикилометровый из-за того, что приходилось выписывать зигзаги по этой несчастной местности») — командир отряда все время, отведенное для отдыха, потратил на встречи и разговоры с местными жителями.

* * *

7 сентября был праздник, и бойцы ели говядину. Че написал Камило:

«Сегодня после полудня я вышел в направлении рисоводческой фермы, которая к настоящему времени должна быть уже занята... Здесь, в Хобабо, имеются 400 «регуляров» солдат регулярной армии. Вероятно, это чушь, но столкновения нужно избежать. Сообщи мне о своем местонахождении и держи людей начеку, чтобы не устроить драки при встрече; говорят, мы должны встретиться».

На самом деле гарнизон Хобабо состоял из двадцати трех солдат, но они, хотя и знали о приближении партизанских колонн, предпочли прибегнуть к тактике опоссума — этот зверек при встрече с опасным противником старательно притворяется мертвым.

«Все указывает на то, что «регуляры» не хотят драться; мы, впрочем, тоже. Говоря по правде, я был напуган перспективой отступления с полутора сотнями неопытных солдат по незнакомой территории, такой, как эта. Но при партизанской войне бой с участием тридцати человек может сотворить настоящие чудеса в районе, революционизировать его».

Колонна вышла в дальнейший путь в четыре часа дня, направляясь к рисоводческой ферме Бартес, и пересекла реку Хакобо, по которой проходит граница провинций Орьенте и Камагуэй. «Че был очень хорошим пловцом, — рассказывал Хоэль. — Когда нам нужно было переправляться через реку и не имелось ничего из подручных средств для переправы, он снова и снова пересекал ее, перенося рюкзаки и оружие; греб одной рукой, а другой держал вещи над водой, чтобы не замочить их».

Ночью колонна достигла фермы, авангард провел разведку

местности. Как обычно, к нему сразу же присоединились несколько кампесинос. Че приказал вывести из строя самолет, с которого опыляли посевы. Затем командиры отправились на склад фермы, где Рамиро Вальдес скрупулезно составил перечень взятого и за все расплатился.

Че с помощью Пабло Ривальты встретился со многими местными кампесинос и дал им советы насчет организации профсоюза. Он также встретился с владельцами поместья и попытался уговорить их повысить нищенскую заработную плату, которую получали работники, и уплатить революционный налог в пользу Повстанческой армии.

«Мимоходом я заложил основу союза рабочих-рисоводов в Леонеро; я также говорил о налогах, но меня сбили с толку. Не то чтобы я отступил перед владельцами, но подумал, что ставка налога чрезмерна. Я сказал, что это можно обсудить, и оставил решение вопроса до следующего посещения».

(Хотя Че так и не удалось об этом узнать, но его политика сработала. Спустя две недели владельцы поместья повысили заработную плату и выплатили налоги Движению 26 июля.)

В тот же самый день Че начал писать второе письмо Фиделю:

«После нескольких дней изматывающего похода я в конце концов могу написать тебе из Камагуэя. Нет никаких мыслимых способов увеличить темп передвижения выше среднего значения в три-четыре лиги1 в день, так как отряд лишь наполовину обеспечен лошадьми и ни у кого нет седел. Камило где-то поблизости, я ждал его на рисоводческой ферме Бартес, но он не появился. Равнина напугана: здесь не так уж много москитов, мы не видели ни единой каски, а самолет напоминает безобидного голубя. У нас есть проблемы с приемом передач «Радио ребельде»... Кто-нибудь, обладающий социальным сознанием, мог бы творить чудеса в этом районе; кроме того, здесь много холмов, в которых можно укрываться.

Что касается моих будущих планов, я не могу сообщить тебе ничего конкретного насчет нашего похода, потому что сам ничего доподлинно не знаю: это сильно зависит от мелких деталей и случайных обстоятельств. Прямо сейчас, например, мы дожидаемся каких-то грузовиков, чтобы определить, сможем ли мы избавиться от лошадей, которые были великолепны в безавиационные времена Масео', но очень хорошо заметны с воздуха. Если бы не лошади, мы спокойно могли бы идти днем. Сейчас дождливый сезон, грязь, и действия в стиле Фиделя крики, проклятия, ругательства и оскорбления, которые я должен предпринимать, чтобы протащить артиллерию, да к тому же в исправном состоянии, дают просто поразительный эффект.

Потребовалось приложить колоссальные усилия, чтобы переправиться через несколько ручьев, но бойцы держались хорошо, хотя штрафной батальон работает полным ходом и, похоже, собирается стать самым большим в колонне. Следующее сообщение уедет, если возможно, механизированным маршрутом из города Камагуэя. Братские поздравления тем в Сьерре, которых мы можем больше не увидеть».

У Че состоялась весьма напряженная встреча с владельцем рисоводческой фермы. Прибыв в сопровождении эскорта на ферму, он обнаружил, что в столовой приготовлен небольшой банкет. Это было серьезное искушение для людей, питание которых на протяжении длительного времени было просто ужасным, но Че, опираясь на свою непреодолимую гордость и спартанский характер, отказался принять хоть что-нибудь от американца — владельца фермы. После продолжительных уговоров он позволил своим сопровождающим выпить немного бренди. От этой беседы не сохранилось ни записей, ни воспоминаний, лишь краткий комментарий Че, сделанный после отъезда: «Я умер бы с улыбкой, среди скал или на склоне холма, если бы это произошло в сражении с такими людьми, как этот». Была ли фраза приукрашена за прошедшее с тех пор время, или Че забыл о своей обычной сдержанности, но это высказывание явилось еще одним примером того антиамериканского чувства, которое развилось в нем за предыдущие годы.

И опять колонна вышла в ночь. В ней снова появилась моторизованная группа, состоявшая на сей раз из джипа, легкого грузовика и грузовой амфибии. Че и его ординарец Леонардо Тамайо задремали в седлах и едва не сбились с пути.

Авангард, пять человек в легком грузовике, за рулем которого сидел Рамиро, достиг сахарного завода, принадлежавшего поместью Ла-Федераль. Он состоял из пяти зданий, стоявших посреди плантации площадью приблизительно 40 000 акров — 1200 кавальерий1 — и его владельцы платили рабочим мизерную заработную плату, но зато наняли семерых солдат во главе с жандармским капралом, которые должны были нести постоянную охрану. Охранники, постоянно слышавшие о том, что поблизости находятся мятежники, попытались устроить засаду. Навстречу приближавшемуся грузовику замигал фонарик. Рамиро Вальдес в ответ трижды мигнул фарами, решив, вероятно, что они натолкнулись на людей из колонны Камило. Повстанцы подъехали вплотную, в ответ на требование назваться крикнули: «Движение 26 июля!», но в ответ услышали: «А здесь жандармы!» — и началась стрельба.

Один из партизан, Маркое Борреро, попытался укрыться за

пустыми бензиновыми бочками, но все равно был убит. Марк Эрман получил ранение в лодыжку, а партизанам удалось убить одного из солдат. К счастью для колонны Че, кто-то из сторонников Движения 26 июля перерезал телефонную линию, так что солдатам не удалось вызвать помощь с расположенного неподалеку сахарного завода Элиа. Рамиро отошел назад и нашел Че в 500 ярдах от входа на сахарный завод. Гевара немедленно приказал организовать две штурмовые группы и лично принял команду над ними, оставив всю колонну в резерве. Солдаты тем временем забаррикадировались внутри дома и принялись стрелять со второго этажа. Их капрал был ранен. Один из солдат бросил из окна свою винтовку, пояс с патронами и выбежал из дома. (Позже, когда победители допрашивали его, солдат рассказал, как он вместе с двумя кампесинос из имения тщетно пытался вступить в контакт с повстанцами, чтобы предупредить их о засаде).

Анхель Фриас, в обязанности которого входило руководство боем в случае появления вражеской кавалерии, услышав стрельбу, ускорил шаг. Че попытался разобраться в ситуации и понять, кто же ему противостоит. Повстанцы, подъехавшие на грузовике, заняли позиции и принялись обстреливать дом. Роберто Родригес (Ковбой Кид) и Энрике, младший из братьев Асеведо, вызвались провести лобовую атаку на дом. Че сказал, что это очень рискованно, и они скорее всего погибнут, но все же согласился.

Кид и Энрике предприняли попытку в семь утра, в то время как их товарищи стреляли в окна. Первый этаж оказался пустым, и они, прикрываемые Анхелем Фриасом, осторожно поднялись по лестнице. Двое добровольцев вступили в одну из комнат и принялись стрелять в то, что, как им показалось, было желтоватой униформой жандармерии. В прихожей тут же воцарился хаос. Асеведо был сразу же в упор ранен в обе руки. Ковбой Кид обнаружил, что перед ним находятся пятеро солдат. Фриас, пытаясь уклониться от огня, свалился с лестницы и сломал лодыжку, но и лежа на полу грозил забросать солдат гранатами. Ковбой Кид продолжал стрелять. И солдаты сдались.

Засада на сахарном заводе обошлась отряду в одного погибшего и трех раненых. Партизаны, быстро заполнившие дом, стали сердито кричать, что жандармов нужно убить, но Че восстановил порядок и заявил, что пленные неприкосновенны.

Маркоса Борреро похоронили, а медицинский корпус отряда оказывал помощь раненым в доме сторонников Д26, находившемся милях в трех от места боя. Там сделали соперацию Энрике, наложили шину на ногу Фриасу и сделали перевязку

Эрману.

Армия теперь находилась в готовности к появлению мятежников и запросила воздушную поддержку. Первое запоздавшее подкрепление к жандармам прибыло с сахарных заводов Франсиско и Элиа. Че расположил колонну на близлежащем холме, выставил секреты на подходах к позиции и подготовил пути для отступления. В результате «регуляры» попали в засаду, возглавлявшуюся Рамоном Сильвой; причем большинство людей его группы буквально засыпало от изнеможения. Произошла перестрелка, и один из бойцов был ранен в ходе перекрестного огня, возможно, кем-то из своих соратников. Вскоре он скончался. Сильва удержал позицию, и солдаты отступили, имея двоих раненых. Подполковник Суарес Сукет, руководивший бесплодной охотой за неуловимой колонной мятежников, прилетел из Нуэвитаса на самолете, чтобы возглавить операцию, но по'встанцы обстреляли кружившийся над их головами «Пайпер», ранили пилота, пробили бензобак и заставили самолет приземлиться. Тем временем колонна в полном порядке отошла назад, на холм.

Когда партизаны оторвались от армейских частей, последние заняли сахарный завод и в отместку за неудачу заставили рабочих встать на колени перед дулом пулемета. Потом некоторые из них были обвинены в пособничестве мятежникам и заключены в тюрьму. Труп Борреро вырыли из могилы и подвергли издевательствам. Успехи, которых армия не смогла достичь в бою, были изобретены за письменным столом: в рапорте говорилось о пятнадцати убитых мятежниках.

8 сентября колонны Че и Камило шли совсем рядом. В колонне № 8 имелось трое раненых и несколько пленных жандармов. Некоторые из партизан заснули от усталости после переправы через реку, другие отставали, и их постоянно приходилось подгонять; все это сильно замедляло движение. Че приказал увеличить темп. Это был удачный ход: подполковник Суарес Сукет добрался до поместья Ла-Федераль, привел подкрепление и вызвал два бомбардировщика «Б-26». Те немедленно принялись бомбить холм, на котором укрывались повстанцы.

Колонна разбила лагерь в Лагуна-Байя и связалась с местными сторонниками Д26. Че попросил их забрать с собой Энрике Асеведо, потерявшего много крови, и дал напутствие самому молодому из своих бойцов: «Не вздумай там болтать языком и говорить, что капитан — на самом деле ты всего-навсего лейтенант» — таким образом команданте намекнул Энрике на то, что тот повышен в звании. Энрике уехал в такси с

представителем подпольного движения из города Сьенфуэгос; ему успели сделать новую прическу и одели в рубашку с длинными рукавами, чтобы скрыть забинтованные руки.

Немного отдохнуть и добыть пищи удалось на ферме, хозяин которой участвовал в Движении 26 июля и не взял с Че и Камило денег за продовольствие. Измученные бойцы заснули там же, где остановились. Доктора осматривали ноги солдат — для медиков не было отдыха. Все страдали от непроглядных туч москитов, злобной мошки и других насекомых и поэтому были вынуждены завернуться в одеяла и листья.

Хуже всего было часовым. Из-за злобных маленьких бестий привал пришлось сократить с двух часов до получаса. Затем, вначале вечера, две колонны расстались. Камило предстояло двигаться дальше на моторном транспорте, и он передал Че своих лошадей.

Че вышел в полдесятого вечера 10 сентября: главными лозунгами партизанской войны были скорость и маневренность. К четырем утра они добрались до сахарного завода в Фальдигерас-дель-Дьябло, где люди, связанные с Д26, снабдили партизан провизией и обувью. Там у Че случился серьезный приступ астмы, и он попросил дать ему лекарство, чтобы держаться на ногах. Ему все же удалось найти в себе силы и встретиться с местными рабочими, входившими в Д26 или Народно-социалистическую партию; те вели постоянную борьбу против землевладельцев «Кинг ранч компани», стремившихся изгнать кампесинос с этой территории.

Отряд снова вышел в путь в шесть часов вечера 11 сентября. Появились новые проблемы: пропали проводники, походный порядок колонны был нарушен, то одна, то другая группа отставали. Все это приводило Че в яростное и агрессивное настроение. Партизанская колонна из 150 человек шла повзводно, ночью, чтобы не представлять собой легкую цель для авиации, но это гарантировало, что отряды будут время от времени сбиваться с дороги и терять друг друга. Люди были предельно измотаны. Они засыпали, сидя верхом, падали на землю и продолжали спать. Как выразился Альфонсо Сайас, «тогда сгодилась бы... и кровать из гвоздей». Однако на следующий день у колонны появились новые проводники. Марш мог продолжаться днем, по открытой местности, где, однако, имелось достаточно укрытий от вражеской авиации для сотни лошадей. В сумерках они вышли к сахарному заводу Сан-Мигель-дель-Хунсо. Че сообщили о том, что армия подготовила засаду где-то поблизости, и это известие заставило его отказаться от мысли о продолжении похода той же ночью. Сторонники Д26

рассказали также, что видели колонну грузовиков и вооруженных солдат — приблизительно пятьсот человек, сказали они. Че улыбнулся и поинтересовался, может быть, там было триста человек? Так или иначе, но это было опасное место: партизанам предстояло пересечь шоссе, связывающее Камагуэй и Санта-Крус-дель-Сур.

Партизаны вступали во все более тесный контакт с сетью Д26. Создавалось впечатление, что она была очень широка, но не имела должной координации. Все новые и новые добровольцы стремились присоединиться к партизанам. Че с испытательным сроком принял троих юношей из Виктории-де-лас-Тунас, которых рекомендовал Альберто Кастельянос, но в течение предыдущей недели отказал примерно пятидесяти безоружным людям, стремившимся присоединиться к партизанам.

В субботу, 13 сентября, около 11 часов ночи, колонна двинулась дальше. Теперь в ее составе появился целый автовзвод, предоставленный жителями Виктории-де-лас-Тунас: четыре грузовика, два джипа и автофургон «Пинилья Рома». Из соображений безопасности грузовики двигались на расстоянии пятидеся ти ярдов от колонны, по труднопроходимой грязной дороге, тянувшейся рядом с железнодорожными путями. Партизаны останавливались в маленьких ранчо, и на одном из привалов к отряду без ведома Че присоединились три добровольца. Грузовики застревали; Че снова и снова приходилось поднимать крик и, размахивая оружием, заставлять бойцов вытаскивать их из грязи.

В это время выяснилось, что накануне у Камило произошло столкновение с армейскими частями. Тамайо пояснил: «Камило шел перед нами на известном расстоянии, и это делало дорогу столь же опасной, как если бы она была заминирована, так как армия обязательно должна была вклиниться в промежуток между нами». И поэтому измученная, со слабой разведкой, колонна около Кватро-Компаньерос с неизбежностью угодила в одну из многочисленных засад, устроенных армией. Авангард наткнулся на трактор, странным образом перегородивший дорогу, а когда партизаны поняли, что это значит, было уже слишком поздно: солдаты открыли огонь. Это произошло в четыре сорок пять утра; люди брели сонные, и их пробуждение обернулось кошмаром наяву.

Че приказал своим солдатам не ввязываться в массированную перестрелку; сдерживать врага должен был заслон. Он назначил сбор на холме, в миле к югу от места столкновения. Сайас вспоминал: «Мы не могли сообразить, где юг, север или запад. Можно было только гадать, что произошло». Че носился взад и

вперед под яростным обстрелом, пытаясь восстановить боевые порядки колонны. Пабло Ривальта бросил свой рюкзак в одном из грузовиков и начал собирать бойцов, укрывшихся не с той стороны дороги. Потеря этого рюкзака привела в дальнейшем к серьезным последствиям. Тем временем

«творился хаос. Поскольку мы вообще не знали этой местности, то направились к холму, который можно было разглядеть при свете утренней зари, но чтобы попасть туда, нам предстояло пересечь железнодорожную линию, охранявшуюся с обеих сторон жандармами. Мы должны были сражаться, чтобы очистить путь для далеко отставших товарищей».

В самый разгар столкновения появился поезд, и это сильно смутило, даже напугало бойцов. Че приказал приготовить базуки, чтобы обстрелять и захватить поезд, но отменил приказ, увидев, что в нем не было солдат. Тыловое охранение сдерживало наседавшего противника. Во время боя был ранен Хосе Рамон Сильва: «У него было перебито правое плечо, но он продемонстрировал недюжинную силу духа», оставшись в строю.

Че приказал Сильве выйти из боя. Фернандес Мель на близлежащем холме оказал ему первую помощь, а партизаны прикрывали их огнем, тратя без счета боеприпасы — в партизанской войне это редкое явление. Сильва потерял много крови, и ему попытались перелить плазму, но аппарат для переливания крови не работал — как выяснилось, к счастью, так как плазма была здесь ни к чему.

Повстанцы не позволили армии захватить железнодорожные пути и расколоть колонну на две части. «Мы должны были продолжать бой на железной дороге, удаляясь от нее не более чем на две сотни метров, и сдерживать натиск врага, поскольку у нас было мало людей».

В полвосьмого утра появилась армейская авиация — два «Б-26», два «С-47» и легкомоторный самолет-корректировщик. Рассказывает Хоэль:

«Авиация принялась бомбить нас и обстреливать из пулеметов, а солдаты диктатуры снова попробовали продвинуться вперед. Большая часть колонны перешла через пути. Бой разгорелся с новой силой, ожесточеннее всего он был там, где находился Че. Солдаты двигались и по саванне, укрываясь за редкими деревьями, и кричали, чтобы мы сдавались... но нападение отбили, и солдаты диктатуры были вынуждены отползти подальше».

Теперь тыловым охранением командовал Армандо Акоста. «Перестрелка продолжалась два с половиной часа, до 9.30 утра,

когда я дал приказ отойти, потеряв товарища Хуана, раненного в ногу осколком бомбы». Главные силы колонны под неприцельным обстрелом собрались к холму, но кое-кто отстал. Хоэль вспоминал:

«Примерно в 9.30 утра Че приказал нескольким товарищам остаться и удерживать оборону на железнодорожном пути, а остальные тем временем направились дальше в холмы. Чего только не случилось, пока мы маленькими группами добирались туда. Даже Че устроил с окружавшей его группой десятиминутный привал и был очень расстроен, когда, пробудившись, узнал, что проспал лишнее».

Группа кампесинос предложила поискать отставших. Пока люди собирались, было устроено несколько засад. Трое командиров взводов оказались ранены, а трое лейтенантов пропали без вести.

В лагере, разбитом между фермами Сан-Антонио и Кайо-Кедро, Че воспользовался возможностью обратиться к колонне с критическим анализом операции. Он начал с разбора ошибок, из-за которых колонна угодила в засаду около трактора: слабая разведка, а также чрезмерная усталость и апатичность, взявшие верх над партизанами. Он жестоко разбранил тех, кто потерял рюкзаки, и лишившихся оружия или боеприпасов. Но основной гнев Че с самого начала направил на самого себя: за то, что потерял контроль над ситуацией, когда грузовик застрял в грязи на самых подступах к Кватро-Компаньерос.

Колонна вышла в путь в тот же день, в шесть часов вечера. С востока к этому району подтягивались армейские части. Это был первый успех отрядов Вторжения: армия была вынуждена вслед за ними уйти из Сьерра-Маэстры.

17 сентября поесть удалось только однажды: в три часа пополудни. Последними порции получили Эрман и Че. Говядина, рис, по полбанки сгущенного молока — и снова в путь. В пять утра, на рассвете, они достигли фермы «Ла-Республика». «На следующий день люди начали собираться по своим подразделениям; десятеро отставших обнаружились в колонне Камило».

Они вышли в 11.30 ночи. Че, сидевший верхом на муле, испытывал приступ астмы. Мул увяз в грязи; Че пытался вытащить его. Альфонсо Сайас, ехавший рядом, попробовал помочь и услышал только невнятный хрип командира.

«Я чувствовал одновременно раздражение и восхищение при виде больших усилий, которые он прикладывал. Че постоянно носил с собой устройство, которое помогало ему дышать, но именно в этот момент от прибора было совсем немного пользы.

Если бы я задержался, чтобы помочь ему, то остальные товарищи не смогли бы пройти».

Че, задыхаясь, сказал Сайасу: «Проходи, проходи, я догоню вас».

Он действительно вскоре догнал колонну. Но он не единственный находился на пределе своих сил: весь отряд был страшно переутомлен. Хоэль вспоминал, что «шаги были медленными и тяжелыми. Колонна была вымотана длинными переходами, которые, с учетом нашего физического состояния, становились все короче. Мы были измучены жаждой и голодом, а москиты, непролазная грязь и дождь непрерывно требовали с нас дани».

18 сентября, во время ночевки под открытым небом, кто-то заметил грызунов, которых здесь называли хутия. Голодные бойцы кинулись ловить их и поймали несколько штук. Че, который, проходили через их места. Босс, в свою очередь, любезно передавал это военным властям».

«Развитие общественного сознания камагуэйских кампесинос в скотоводческих районах минимально, и нам пришлось столкнуться с массовым доносительством». Че повторил эту запись в другом месте и опять оказался не прав. Его впечатление было основано на постоянных засадах и непрерывных угрозах со стороны армии и не позволяло сделать правильный вывод о качествах местных крестьян. Из обзора армейской документации, сделанного спустя много лет, видно, что доносы были случайным и достаточно редким явлением

20 сентября:

«По радио мы слышали сообщение генерала Франсиско Табернильи о том, что колонна Че Гевары разбита. Оказалось, что вместе с одним из захваченных на месте засады рюкзаков армии досталась записная книжка, в которой содержался список имен, адресов, оружия, боеприпасов и амуниции всей колонны. Кроме того, один из бойцов колонны, член НСП, тоже потерял рюкзак, в котором содержались партийные документы».

Не имеется никаких сведений о том, как Че отреагировал на случившееся, но вряд ли он отнесся к нему равнодушно. Захват рюкзаков Акосты и Ривальты, в которых были не только материалы НСП, но и подробные данные о бойцах колонны, позволил Табернилье развернуть широкую пропагандистскую кампанию, началом которой послужила пресс-конференция, на которой он говорил о «фиделизм-коммунизме». На этой же самой пресс-конференции бывший сержант армии Батисты с жаром отрицал факт вторжения мятежников в Камагуэй и клятвенно заверял, что «группы, учинившие набег с востока, были разбиты

армией». Он заявил, что у партизан погибло шестнадцать человек и что «преступники были обращены в бегство».

«Фальшивые новости о нашей смерти сделали бойцов очень счастливыми. Тем не менее постепенно накапливались основания для пессимизма. Голод, жажда, усталость, ощущение беспомощности перед вражескими силами, которые подходили все ближе и ближе, и, прежде всего, повальная ножная гниль по-видимому, стрептодермия — кожная болезнь ног, которую кампесинос называют «месиво», превращали каждый шаг наших солдат в адскую муку, а нас — в армию теней».

Чтобы поддерживать армию в состоянии готовности, требуется определенное количество неприятностей. Сайас вспоминал:

«Однажды, когда мы спали в роще около ручья и немного проспали, я услышал шум, словно листья падали с деревьев: это Че шел по лагерю и обрезал веревки гамаков проспавших товарищей. По правде говоря, все они смертельно устали. Он не перерезал мою веревку только потому, что я поспешно вскочил. Правда, при этом я упал и ушибся сильнее, чем если бы свалился вместе с гамаком».

Среди мучительных будней происходили и забавные случаи.

Так, Че с его обычной строгостью считал партизана Хосе Переса Мехию дезертиром. Ничего подобного: боец вскоре присоединился к колонне, объяснив, что он заснул, приотстав для того, чтобы справить нужду.

23—25 сентября: «У нас не было разведчиков, и мы шли по дороге, разбитой отрядом товарища Камило». Какой-то кампесино просил прощения за то, что не мог предложить ничего поесть или выпить: Камило прошел здесь всего несколько дней тому назад... «Начиная с двадцатого мы почти непрерывно шли по болотам. Не раз нам приходилось бросать то одну, то другую из наших немного численных лошадей. Все страдали от ножной гнили». Че мучился от непрерывного, выматывавшего все силы на протяжении уже трех дней приступа астмы.

Леонардо Тамайо: «Мы направлялись в центральную область провинции, но он сказал, что мы должны идти на юг. Юг представлял собой наиболее неприветливые места, и туда-то мы и пошли». Че предполагал, что армия будет искать самые легкие пути из Сьерры-дель-Эскамбрея и попытается их заблокировать. «Армия не могла предвидеть трех вещей одновременно».

Че отправил команду во главе с Рамоном Пардо и доктором де ла О на склад рисоводческой фермы Агуила, где удалось добыть немного провизии, а также несколько тракторов с навесными граблями и тележками.

Тем не менее 29 сентября западня захлопнулась.

«Мы оставили позади ферму Агуила с ее складом и вошли на территорию казарм Барагуа, когда обнаружилось, что армия полностью блокировала железнодорожную линию, которую нам предстояло пересечь. Жандармы обнаружили наше продвижение, и наше тыловое охранение отогнало их парой выстрелов. Предполагая, что стрелял кто-то из правительственных солдат, ожидавших, по обыкновению, в засаде, я приказал ждать сумерек, так как думал, что тогда мы сможем пройти. Когда я выяснил, что произошла перестрелка и враг точно знал, где мы находимся, было уже слишком поздно пытаться пройти: стояла темная и дождливая ночь, а мы не имели никакого представления о хорошо укрепленных позициях врага».

Че сказал Акосте, что именно он несет ответственность за столкновение с армией: «За эти выстрелы мы заплатим очень высокую цену».

«Мы должны были отступать, ориентируясь по компасу, прижимаясь к болотам и лысым холмам, чтобы сбить со следа самолеты и направить их атаки на лесистый холм поблизости».

30 сентября армия почти что окружила их. Хотя солдаты и не знали точного расположения позиций, но им было известно, что партизаны находятся в окружении. Было развернуто пять рот; ночь стояла темная и дождливая. Че выслал разведку на поиски бреши в кордоне, приказав: «Не стреляйте, даже если вас застрелят». Гиле Пардо и Акоста незамеченными подобрались вплотную к противнику. Солдаты стреляли наугад, но партизаны лежали, уткнувшись носом в грязь, и не отвечали. В пятидесяти метрах располагалась вторая цепь; маленький поезд подвозил подразделениям, окружившим партизан, продовольствие и боеприпасы.

Че не был единственным человеком, которого раздражала необходимость воевать с завязанными глазами. Подполковник Суарес Сукет, возглавлявший преследование партизан, заметил одному из своих офицеров: «Вы понимаете, что это еще не конец и что конца не будет».

В пять часов утра 1 октября Че приказал партизанам пробираться через глубокое болото, разбившись на маленькие группы и маскируясь самостоятельно. В четыре часа вечера он встретился с командирами подразделений и отправил повторную разведку. Хоэль Иглесиас вспоминает:

«Товарищи были до такой степени изможденны, что порой даже не двигались с места, когда наверху пролетал армейский самолет и обстреливал нас. Мы находились по колено, по пояс в воде, и чтобы хоть немного выбраться из нее, нам оставалось

только вылезать на крохотные островки, имевшиеся вокруг некоторых больших деревьев. Мы сидели в болоте почти три дня, окруженные. Мы уже привыкли устраиваться на ночлег на таких островках, устилая землю листьями. Земля была мягкой, болотной, и мы постепенно погружались в нее, пока не оказывались наполовину под водой, но мы были так измучены, что могли спать даже почти целиком в воде, лишь головы да плечи снаружи. Порой мы видели, как Че вставал и подходил то к одному, то к другому из товарищей, особенно к тем, кому было хуже всего, чтобы поддержать их дух, поговорить с ними и убедить, что мы должны быть сильными, должны разделаться с этим окружением, должны пройти».

«Я действительно должен был все время устраивать нагоняи бойцам Вторжения, сидевшим в зарослях кустарника. Они были босые, голодные и недисциплинированные. У них на лицах было обреченное выражение, как у висельников. Они не обращали ни на что внимания. Время от времени, чтобы подогнать их, требовалось даже физическое наказание. Я сказал им, что они вписали важную главу в историю Кубы, хотя сами не знали об этом».

В таких условиях Че собрал командиров подразделений колонны и впервые сообщил им о подробностях задания. Он сказал, что их цель заключается в том, чтобы развернуть партизанскую войну в новых районах, разрезать остров пополам и отвлечь часть угрозы от Сьерра-Маэстры. Он говорил о политической работе, которую предстоит провести для объединения групп, борющихся в Эскамбрее, об идее строительства баз наподобие тех, что были устроены в Сьерре. На этой же самой встрече он подвергся нажиму со стороны молодых командиров, желавших первыми нанести удар и попытаться прорваться из окружения. Че упорно утверждал, что в бою они окажутся в крайне невыгодном положении и следует избегать сражения до тех пор, «пока мы не найдем выхода отсюда». Фернандес Мель вспоминал: «Он упорно отвечал, что время еще не подошло, что пока есть малейшая возможность, мы должны сражаться, чтобы пробиться к Эскамбрею».

Еще один патруль, во главе которого шел Рохелио Асеведо, повторно проверил расположение кордонов врага. В мертвой тишине ночи партизаны спровоцировали солдат открыть огонь, чтобы таким образом установить, нет ли в окружении разрывов. В конце концов им удалось обнаружить и разведать брешь в порядках противника; она находилась в конце причала Барагуа. Узнав об этом, Че сразу же заметил, что в конце туннеля забрезжил свет, и немедленно приказал всем выходить. Снова

шли под покровом ночи, не зажигая огней, не издавая ни звука. Авангард пересек железнодорожную линию и выставил заслоны по обе стороны путей, в то время как остальная часть колонны пробиралась по грудь в воде, держа винтовки над головами.

«Мы пересекли эту грязную лагуну, стараясь изо всех сил приглушить шум, который издавали 140 человек, шлепавших по болоту, и шли почти два километра, пока не пересекли пути почти в сотне метров позади последнего армейского поста. Мы даже слышали разговоры. Невозможно идя по воде, избегать бульканья, к тому же луна заливала ночь ярким светом, и мы были почти уверены, что враг поймет, что мы там у него под носом, но недостаток боевой подготовки, который мы всегда замечали у солдат диктатуры, сделал их глухими как столбы».

Это произошло в одиннадцать ночи на 2 октября. Следующие трое суток колонна продвигалась по ночам «в соленых болотах. Четверть отряда шла в разбитой обуви или вовсе босиком. По ядовитым болотам, без капли питьевой воды, под постоянным обстрелом авиации, не имея ни одной лошади, которая помогла бы самым слабым продираться через неумолимые болота, в обуви, разъедаемой грязной морской водой, с голыми ногами, израненными о растения, мы переносили по-настоящему ужасные трудности, прорываясь через заслон Барагуа на знаменитое пространство между Хукаро и Мороном».

Армия продолжала наседать, то и дело налетали самолеты.

«Психологически наше положение напоминало первые дни Сьерра-Маэстры: мы видели потенциального доносчика в каждом кампесино. Мы не могли установить контакт с Движением 26 июля, потому что пара предполагаемых членов движения отказалась передать мою просьбу о помощи; только от НСП я получаю деньги, нейлоновые пончо, немного обуви, лекарств, продовольствия и проводников. Они сказали, что требовали помощи для нас от организаций Д26, но получили следующий ответ, который следует отметить в рапорте, так как я не имею свидетельств о его достоверности: «Если Че пришлет нам несколько слов в письменной форме, мы поможем ему; а если нет, то пусть он зае..тся».

Тем временем силы Революционного Директората в Эскамбрее следили за движением колонны по передачам «Радио ребельде». Они намеревались отправить своего проводника, чтобы тот вступил в контакт с отрядом Че, а следом за ним выслать вооруженный патруль. Участники группы, носившей название Второй эскамбрейский фронт, и Д26 собирались сделать то же самое.

7 октября колонна впервые встретилась с партизанами

Эскамбрая. Че получил первое впечатление о напряженности отношений между Д26 и выделившимся из Директората Вторым фронтом, который возглавлял Элой Гутьеррес.

«У них была целая куча жалоб на действия Гутьерреса; они сказали мне, что Бордона арестовали, и положение вещей достигло такого уровня, что группы находились на грани генерального сражения между собой. Я понял, что здесь необходимо устроить публичную стирку огромного количества грязного белья, и послал одного из людей Д26, чтобы вызвать сюда Бордона».

8 тот же день Че отправил Фиделю рапорт, в котором указывал, что

«в попытке очистить колонну от отбросов я приказал отпустить всех, кто попросит об этом. Семеро воспользовались возможностью, и я сообщу их имена для черных списков Революции... Днем раньше исчез Пардильо и был заподозрен в том, что дезертировал из взвода Хоэля».

Че снова оказался чрезмерно резким и несправедливым в оценке своих людей. Выяснилось, что из семерых, пожелавших уйти, один был разведчиком; он отправился домой и снова взялся за оружие, присоединившись к другой группе повстанцев. Еще один был схвачен правительственными войсками в Камагуэе и казнен. Третий тоже угодил в руки армии и просидел в тюрьме до победы революции, а четвертый возвратился в Эскамбрей и снова присоединился к отряду Че. Что же касается Пардильо, то он вовсе не дезертировал, а в конечном счете связал партизан с группой повстанцев, которых ему удалось собрать в округе.

Ночные переходы продолжались. Че в те дни представлял собой забавную фигуру с армейским ботинком на одной ноге и туфлей на другой. Некоторое облегчение пришло, как ни странно, от известий о начавшемся в США первенстве по бейсболу, в котором «Нью-Йорк янки» играли против «Бруклин доджерс». Большинство партизан болело за «Янки», а Че, ради противоречия, решил поддерживать «Доджерс», хотя и признавался, что не знал о них практически ничего.

Главной проблемой для партизан теперь являлась авиация; тем временем армия пыталась установить новый кордон, чтобы не дать им возможности добраться до Лас-Вильяса и отрезать их от реки Хатибонико.

«Авиация настигла нас 10 октября и обстреляла холм, на котором мы находились. Они использовали легкий самолет, и никто из нас не пострадал, но у нас из-за этого не оказалось времени, чтобы прийти в себя. Очередной ливень, вражеское нападение или новости о присутствии противника вынуждали нас

снова выходить в путь. Бойцы все сильнее и сильнее уставали и приходили в уныние. Тем не менее, когда положение становилось наиболее напряженным, когда только с помощью оскорблений, уговоров и всевозможных диковинных мер я мог заставить изнемогающих людей идти дальше, их лица светлели, люди обретали новые силы при виде одного-единственного отдаленного зрелища. Это было синее пятно на западе, синее пятно, представлявшее собой громадный горный массив Лас-Вильяс, который наши люди видели впервые».

11 октября авангард колонны занял главную усадьбу рисоводческой фермы. «Из перехваченного телефонного сообщения нам было известно, что армия знает о том, где мы находимся:

«Местонахождение крыс точно установлено». Тогда Че решил укрыться в доме и остаться там на целый день. Повстанцы нашли в кладовой огромное количество сыра и немедленно съели его. Из-за этой трапезы после нескольких дней голодовки весь отряд мучился запорами.

«Согласно перехваченным телефонным разговорам между , армейскими командирами, те не считали, что мы окажемся в состоянии пройти две лиги, отделявшие нас от Хатибонико. Конечно, мы преодолели их в ту же ночь, переплыли через реку, хотя и промочили при этом почти все вооружение, и были вынуждены пройти еще лигу, пока не достигли безопасного убежища на холме. Переправа через Хатибонико явилась для нас символическим действием, равносильным выходу из тьмы на свет. Рамиро сказал, что это было похоже на поворот рубильника, включившего свет, и именно так все и было. Но горы засинелись перед нами еще накануне, и даже самый ленивый обитатель холма был .готов пойти на смерть, чтобы попасть туда».

12 октября полковник Перес Кохиль написал официальное письмо подполковнику Суаресу Сукету:

«Наша ясная и определенная задача состоит в том, чтобы захватить Че Гевару, мертвого или живого, и всех преступников вместе с ним. Он ни в коем случае не должен пройти через какую-либо часть кордона. Под Вашей командой имеется достаточно сил для выполнения этой задачи; кроме того, Вам помогут воздушные силы. Если нужно направить целую войсковую часть, то можете рассчитывать на то, что она появи1гся. Строго подчиняйтесь приказам и проверяйте исполнение ваших собственных приказов. Каждый солдат должен проявить себя и как солдат, и как мужчина. Наступило время, когда мы должны проявить беспрекословное повиновение генералу Батисте и показать медведям и крысам их надлежащее место».

Однако высокопарная риторика полковника имела мало общего с действительностью.

* * *

Следующие двое суток колонна повстанцев совершала напряженные ночные переходы. Армейские подразделения, следовавшие по пятам за партизанами, не желали вступать с ними в столкновение — теперь борьба с мятежниками была задачей войск, базировавшихся вокруг Лас-Вильяса. Когда партизаны достигли рисоводческой плантации Витико, противник находился совсем рядом. Че отправил взвод Сильвы, дав ему задание следить за противником и при необходимости сдержать его. Но правительственные войска получили в бутылке, сброшенной с самолета, приказ отойти.

13 октября отряды Директората в Эскамбрее начали операцию в маленьких городках Пласетас и Фоменто. Ее целью было отвлечь правительственные силы, стремившиеся отрезать колонну вторжения. Бой продолжался в течение четырех часов; гарнизоны в обоих городах были обеспокоены слухами о прибытии колонны Че.

15 октября «после изматывающего перехода мы переправились через реку Саса». Вода в ней была очень высокой, и Тамайо потерял один из пары ботинок Че, которые нес с собой, но избежал неприятностей, потому что другой боец поймал его ниже по течению. Говорят, что, выйдя на другой берег, Че вздохнул и сказал: «Конец пути уже виден».

Шедший в голове колонны Акоста, который раньше был политическим организатором именно в этих местах, успел вступить в контакт с организацией НСП, чтобы получить продовольствие, одежду и обувь. Че был удивлен, когда в хижине кампесино на берегу реки Саса ему предложили кофе совсем без сахара — именно такой, который он любил, а не с небольшим количеством сахара, как предпочитают кубинцы. Вскоре нашлось и объяснение: там уже побывал Ахоста.

Ночью 15 октября, в 3.30 утра, авангард натолкнулся на четверых людей. Состоявшийся диалог, вероятно, навсегда остался в памяти тех, кто слышал его:

«— Стой! Кто идет?

— Добрые люди, кампесинос.

— Кампесинос? Непохоже, вы вооружены. Вы жандармы.

— Нет, нет, мы не жандармы. Мы из Эскамбрея, от Директората 13 мая.

— Идите сюда. Мы люди Че».

Именно тогда и родилась легенда. По всей Кубе знали, что майор Гевара пришел в провинцию Лас-Вильяс, прорвавшись

сквозь армейский кордон. Это известие передало «Радио ребельде». Лучше всего охарактеризовал поход Фернандес Мель: «Мы прошли 554 километра, если мерить по прямой, но в действительности гораздо больше... На протяжении этого времени, сорока семи дней, мы ели от силы пятнадцать или двадцать раз и к тому же перенесли два урагана».

Легенда о Вторжении, летописцы которого не слишком при держивались точных фактов, основана не на тривиальных военных перипетиях, таких, как два боевых столкновения, которые отряд Че имел в Ла-Федераль и Куатро-Компаньерос. Суть сложившейся легенды — это внушающий благоговение сорокасемидневный переход, совершенный в тяжелейших обстоятельствах, упорство Че, а также его осторожность (казалось бы, трудно совместимая с бойцовским духом Эрнесто), проявившаяся в предвидении ловушек и засад и блестящей способности уклоняться от нежелательного боя. Оценить подлинное значение этого похода можно было лишь со временем. Ну а пока что революция оказалась способна разделить остров на две части.{15}

19. Новые горы, новые проблемы.

Патруль Директората предупредил колонну Че, что армия устроила на предполагаемом пути партизан несколько засад. Глубокой ночью с 15 на 16 октября 1958 года повстанцы миновали последний кордон жандармерии на шоссе между Тринидадом и Санкти-Спиритусом. Солдаты делали вызывающие жесты, но не предпринимали никаких враждебных действий. Чуть раньше Че уже сказал дружинникам Директората: «Вот увидите, теперь мы пройдем без стрельбы, разве что будет один-другой выстрел в нашу сторону». Так оно и получилось.

16 октября солдаты сил вторжения, с израненными, стертыми в кровь, изъеденными «ножной гнилью» ногами, сохранившие в целости только свой боевой дух, вошли в Эскамбрей. Повстанцы из колонны Че, оказавшись в горной стране, снова почувствовали себя в безопасности. Хоэль Иглесиас позднее рассказывал: «Несмотря на усталость, все в отряде были счастливы, и некоторые даже пели государственный гимн».

Первый лагерь был разбит в десять утра на развалинах гидроэлектростанции кофейной плантации поместья Канту. Представители Директората пошли дальше, в Дос-Арройос, чтобы доложить о прибытии колонны.

В течение двух дней Че впервые вступил в контакт практически со всеми силами, действовавшими в регионе, в частности с Мануэлем Кинонесом из провинциального руководства НСП, который принес деньги и доставил Че конфиденциальное сообщение, и с группой Движения 26 июля, в которое входили чиновник финансового управления Лас-Вильяса Леонор Арестуч и лидер рабочей организации Хоакин Торрес.

Представители Д26 сообщили Че о расположении армейских частей и движении подкреплений. Че, в свою очередь, попросил снабдить его отряд лекарствами для лечения кожных заболеваний, медицинским оборудованием, одеждой и обувью. Они условились о встрече на следующий день в Ломас-дель-Обиспо. У Че состоялся отдельный разговор с Торресом. Последний поразил партизанского командира тем, что не был внешне похож на рабочего, несмотря на то, что возглавлял рабочее движение.

Че не только установил связь с городской секцией Движения 26 июля, но также повстречался с руководителями небольшой партизанской группы — Помпилио Висьедо и Синдо Наранхо, которых расспрашивал о состоянии Второго фронта в Эскамб-рее.

Сразу же проявились первые признаки напряженности в

отношениях со Вторым фронтом — группой, отколовшейся от Директората. Там, в предгорьях Эскамбрея, Че получил

«странное письмо, подписанное майором Каррерой, который предупреждал колонну революционной армии под моей командой, что она не должна углубляться в Эскамбрей, не дав предварительно четкого объяснения о целях своего движения, а я должен остановиться и дать разъяснения, прежде чем предприму какие-либо действия».

Письмо представляло собой циркуляр, датированный 10 октября, и в нем говорилось: «Любая организация, имеющая вооруженную группу и предполагающая проводить боевые действия в этой области без предварительного соглашения или разрешения от высшего командования Второго фронта, будет сначала предупреждена, а затем удалена или истреблена армией Второго фронта».

Для Че это значило больше чем предложение помериться силами или даже провокация: это было прямой атакой. «Было очень похоже на то, что назревала буря; тем не менее мы сохраняли спокойствие и вели беседы с каким-то капитаном — позднее выяснилось, что он собственноручно убил четверых городских бойцов, которые хотели выйти из Второго фронта и присоединиться к революционным отрядам Д26». Капитана звали Сори Эрнандес.

В лагере Канту Че предоставил своей колонне двухдневный отдых, чтобы люди могли вымыться и привести себя в порядок. Согласно рассказам кампесинос, «он снял свою рваную одежду, устроил ей «обыск с встряской», как мы это здесь называем, и снова облачился в нее».

Че не так уж радовался отдыху. Он до смерти хотел выйти с несколькими своими бойцами и грозной базукой, чтобы сровнять с землей какую-нибудь казарму. В горах не должно было остаться ни одного, даже самого крошечного, гарнизона. Снова вступить в бой с врагом, после того как отряд целых сорок пять дней старательно избегал столкновений, было важнейшим из предстоящих дел, но политическая ситуация в области, напряженные отношения между различными революционными силами и отсутствие базового лагеря — все это вынуждало его посвятить время и терпение — особенно его столь скудное терпение — другой работе.

«Первоочередная задача по прибытии в Эскамбрей была четко определена: беспокоить военную структуру диктатуры, прежде всего ее коммуникации. Непосредственная цель состояла в том, чтобы предотвратить выборы, которые собирался устроить Батиста, пытаясь вернуть хоть какую-нибудь видимость

законности своему правлению, но работа затруднялась недостатком времени и сильными разногласиями между революционными фракциями».

Повстанцы двинулись дальше в горы. То, что бойцы выбились из сил, было видно невооруженным глазом: они отставали и засыпали прямо на дороге.

«Мы встали лагерем под открытым небом невдалеке от вершины горы, именуемой Дель-Обиспо, которую можно разглядеть из города Санкти-Спиритус; на ее вершине стоит крест. Там мы немедленно взялись за организацию базового лагеря и принялись расспрашивать, как найти дом, где нас ожидало то, что партизаны в данный момент ценили больше всего: обувь. Никакой обуви не оказалось, ее захватил Второй фронт Эскамбрея, несмотря на то, что она принадлежала Д26».

Состоялась вторая беседа с людьми из Второго фронта. Среди них был майор Каррера, подписавший известное письмо. Это «была не дружественная, но и не враждебная встреча. Каррера уже выпил полбутылки спиртного, что составляло примерно половину его ежедневной нормы. При личном общении он оказался не настолько агрессивным или непримиримым, как в своем недавнем официальном письме, но был настроен явно недружелюбно». Каррера имел репутацию жестокого человека; люди Директората осуждали его за кровожадность и за то, что он, не задумываясь, собственноручно расстреливал из пистолета любого, кого считал доносчиком.

Пытаясь наладить отношения со Вторым фронтом, Че определил для себя две главные задачи: дать людям прийти в себя после тягот перехода и принять под свою команду наиболее боеспособную часть Д26, действовавшую в этом районе. В отряде, о котором шла речь, возглавляемом Виктором Бордоном, было больше вооруженных людей, чем у Че — 202 бойца. Че послал записку в их лагерь, располагавшийся на Сан-Биасе, предлагая Бордону встретиться. На третьей неделе октября Че встретился с отрядом Бордона в местечке Лас-Пинас. Встреча поначалу проходила напряженно, так как Че, похоже, располагал противоречивой информацией о группе Бордона и его конфликтах со Вторым фронтом. Отряд также не произвел на него впечатления испытанного в боях. В довершение всего ему, похоже, не понравилась яркая ковбойская шляпа, которую носил Бордон, бывший рабочий с сахарного завода.

Колонна Че также вряд ли могла произвести сильное впечатление на Бордона. Спустя несколько лет Виктор вспоминал: «Когда мы добрались туда, то увидели не бойцов, а настоящих доходяг, истощенных, босых, оборванных... Че страдал от

тяжелого приступа астмы».

Че начал с провокационного вопроса: «Сколько у тебя здесь партизан?» — «Они не мои, они — Д26», — ответил Бордон. Тогда Че произнес взволнованную речь, обращенную к новому отряду: единоличное командование, железная дисциплина, беззаветная борьба; любой, кому это не нравится, может сдать оружие и уходить. Бордон позднее кратко прокомментировал это выступление: «Митинг прошел в стиле Че, очень кратко». Из 202 человек, пришедших с Бордоном, осталось всего-навсего 110 или 115. Бордона, который до тех пор носил звание майора, Че назначил капитаном под своим командованием. С тех пор отношения между ними были прекрасными.

21 октября, после того как удалось укрепить «внутренний фронт», в Дос-Арройос и Эль-Альгаррабо состоялись долгожданные встречи с представителями Директората. Их атмосфера была очень эмоциональной, и бойцам удалось достичь хорошего взаимопонимания. Директорат создал в зоне определенную инфраструктуру, которая, должно быть, понравилась Че и напомнила ему о кропотливых усилиях, которые он сам предпринимал в Эль-Омбрито, основывая школу для кампесинос, оружейную мастерскую, казармы, радио- и электростанцию.

На встрече присутствовали майор Роландо Кубела, Тони Сантьяго, Фауре Чомон и Монго Гонсалес. Че написал приветствие: «Прибыв в Сьерра-дель-Эскамбрей... мы, бойцы Движения 26 июля, выражаем главному штабу Директората свою искреннюю благодарность за этот братский прием».

Вскоре они перешли к объединению движения. Директорат заявил, что давно готов к совместным действиям — но не со Вторым фронтом, деятели которого, как они утверждали, «говорили и вели себя точь-в-точь как бандиты», — и что они понимают, насколько Че, впервые прибывшего в Эскамбрей, должны беспокоить напряженные отношения между местными силами.

Совсем недавний раскол между Директоратом и Вторым фронтом — он датировался августом текущего года — крайне усиливал напряженность. Фауре, с которым Че мимоходом познакомился в Мексике, во время встречи Эчеверрии с Фиделем Кастро, утверждал, что Элой Гутьеррес, лидер Второго фронта, продался закосневшим политиканам, за спиной которых, судя по всему, стоят США. Че держался до последнего и настаивал на необходимости любой ценой объединить все силы, желающие с оружием в руках сражаться против диктатуры. Фауре вспоминал такой разговор:

«— Мы не объединимся ни с кем, кто готов опуститься до бандитизма, — говорил я.

Че окинул меня проницательным взглядом. Я знал, о чем он думает, и объяснил:

— Я говорю не как сектант. Ты прибыл сюда, чтобы объединить нас, но я должен предупредить. Тогда Че предложил:

— Давай выработаем с тобой совместный план, и я начну сепаратные переговоры с Гутьерресом».

Сохранилась фотография: встреча Че и Рамиро Вальдеса с руководителями Директората (Кубелой, Фауре, Кастельо и Рене Родригесом). Че и Рамиро одеты в рубашки, расстегнутые до пупа. На голове Че, вместо обычного берета, кепи с маленьким козырьком, которое с трудом держится на его длинных волосах; он курит огромную сигару. На лицах, в соответствии с важностью встречи, написано выражение наивысшей серьезности.

На этой встрече Че познакомился с человеком, с которым ему предстояло часто иметь дело в будущем. Это был капитан Директората Виктор Дреке, чернокожий человек с проницательным взглядом, двадцати семи лет от роду. Перед самым появлением колонны Че Директорат предпринял диверсию, в ходе которой Дреке был тяжело ранен и чудом остался жив. Дреке вспоминал:

«Когда Че в 1958 году прибыл в Эскамбрей, он был поистине живой легендой. Я был ранен, и меня доставили к месту встречи. Фауре представил всех нас и сказал майору Геваре, что я был ранен в ходе нападения на Пласетас. Че осмотрел меня как врач. Кастельо, наш доктор, объяснил ему характер ранений. Мы поговорили о выстреле, который чуть не убил меня. У нас был маленький кабинет с пишущей машинкой, и Че очень застенчиво попросил нас предоставить ее ему. Он был командующим Революции в Лас-Вильясе, но на все просил разрешения...»

Хотя Че, по-видимому, отчетливо представлял себе путь к объединению, ему, похоже, было очень легко в этой группе бойцов. Она сформировалась из революционного студенчества, и в ней, казалось, не было места двуличности. Гевара предпочел устроить лагерь на территории Директората, а не на востоке, который' контролировал Второй фронт. И колонна переместилась в Местечко под названием Гавильянос.

Бойцы все еще носили сувениры от прорыва в глубь острова — прежде всего незалеченные раны и язвы на ногах.

Какой-то кампесино встретил Че на дороге. Командир повстанцев ехал верхом, крест-накрест опоясанный патронными лентами, а впереди бежала вислоухая собака. Когда этот пес успел привязаться к нему? Его звали Мигелито, и он тоже вошел в

историю: на одной из фотографий пес лежит в гамаке перед крестьянским домом.

На той же неделе Че имел нелицеприятную беседу с Энрике Ольтуски, координатором Д26 в Лас-Вильясе. Атмосфера встречи была очень далека от дружеской. Че сказал прямо: «Мне не кажется, что вы хорошо поработали в Эскамбрее». Ольтуски ответил, что Второй фронт в поисках союза с наиболее влиятельными силами ушел далеко в сторону от Директората. Когда Второй фронт только формировался, было, в частности, достигнуто соглашение, в котором говорилось, что его члены согласны признать Фиделя общенациональным лидером, а Д26 в Лас-Вильясе займет подчиненное положение по отношению ко Второму фронту. Но в итоге люди Второго фронта перестали вообще считаться с Бор-доном. Они форменным образом воровали поставки Движения 26 июля, предназначенные Директорату и местным организациям Д26, оставляя снабженцев просто-напросто с пустыми карманами.

Че сообщил Ольтуски, что Гутьеррес Менойо отказался от встречи. (Че послал к нему Тамайо с предложением побеседовать и предупредил при этом своего посланца: «Тамайо, нам, похоже, придется сражаться не только с армией, но и со Вторым фронтом. Говори все, что придет на ум, не позволяй им сбить себя с толку». Гутьеррес отказался от встречи и сказал, что даже если Че прибудет к нему собственной персоной, он не получит иного приема.

Беседа с Ольтуски коснулась аграрной реформы и желательности избежать на первых порах прямого столкновения с интересами США. «И хотя я считал себя совершенно бескомпромиссным в подходе к обеим проблемам, его подход был куда жестче моего, и заходил он дальше», — вспоминал Ольтуски. Этот последний был одним из авторов аграрной программы Д26, которая казалась Че умеренной. В ней предусматривалось тяжелое налогообложение крупных землевладений, продажа участков и предоставление ссуд мелким фермерам. Че пришел в ярость; его аргумент в споре выражался словами Сапаты': «Земля для тех, кто на ней работает».

«— Но, Че, нам следует проявлять большую осторожность в этих вопросах, мы не можем поначалу высовываться, потому что янки сразу раздавят нас.

— Ты и впрямь деревенщина! Неужели ты считаешь, что мы сможем совершить революцию у американцев за спиной так, чтобы они этого не заметили? Революции должны быть явными с самого начала, чтобы каждый знал, что они из себя представляют; только так мы можем привлечь на свою сторону людей.

Настоящую революцию нельзя замаскировать».

Беседа продолжалась всю ночь. Ольтуски, не доверявший коммунистам, видел в лагере Че Армандо Акосту и знал, что тот является членом НСП. Че, широко известный как независимый марксист, считал, что кубинские коммунисты были весьма умеренными в своих взглядах, что на самом деле они оппортунисты, уклоняющиеся от разрешения основной проблемы: борьбы с диктатурой Батисты, которой можно было противостоять только с оружием в руках. Беседа затянулась. Ночь была холодной; бойцы в лагере улеглись спать. У Ольтуски сложилось впечатление, что Че уделял больше внимания политическим, а не военным проблемам. Однако несмотря на разногласия, каждый из них нашел в споре достойного противника.

23 октября 1958 года в Гавильяносе Че написал Фиделю очередной рапорт. Еще через пару дней он решил открыть боевые действия против гарнизонов, размещенных в горных районах. Тогда же состоялась бурная встреча с одним из командиров Второго фронта по имени Пенья,

«который получил известность в округе своим пристрастием к охоте за крестьянскими коровами. Он категорически запретил нам атаковать Гуинья-де-Миранду, так как этот город находился в его зоне действий; когда мы принялись доказывать, что зона действий общая, что у нас больше оружия и оно лучше, он ответил лишь, что против нашей базуки у него есть 200 винтовок и что 200 винтовок могут пробить такую же дыру, как и базука. Было сказано, что Второй фронт наметил Гуинья-де-Миранду как объект нападения и мы не можем ее атаковать. Естественно, мы не обратили на это никакого внимания, но поняли, что у нас здесь есть несколько опасных «союзников».

Некоторые свидетели изображали встречу еще более враждебной, чем говорилось в отчете Че. В одном из моментов разговора Пенья сказал Че: «Я со своими четырьмя сотнями винтовок могу сделать больше, чем ты со своей базукой, всеми своими интервентами и их мудями, вместе взятыми». Он, похоже, хотел вывести Че из себя. Они говорили, сидя на покрытом птичьим по метом полу лачуги. Наконец Че поднялся и положил свою «М-1» на пол: «Пойми, Пенья, тот день, когда я буду вынужден обратить оружие против своих товарищей, станет последним днем моей борьбы, — и закончил: — Если вы за пять дней не возьмете Гуинья-де-Миранду, то мы возьмем ее сами».

Че не стал выжидать пять дней.

25 октября, когда армейская авиация усиленно бомбардировала горы, Че попросил у Фауре двоих проводников и

на следующий день разделил свою колонну на две части. Акоста с группой неопытных бойцов отправился в самую недоступную часть Сьер-ра-дель-Эскамбрей — к холму Кабальете-де-Каса высотой в тысячу двести футов, с которого можно было разглядеть города Пласетас и Санкти-Спиритус. Че выбрал это место для создания базового и учебного лагеря.

Сам он с большей частью колонны перешел в имение Лас-Пинас, где у него состоялась встреча с членами маленькой ячейки Д26, очень активно сотрудничавшими с отрядами Бордона. Эти кампесинос проводили его к казарме Гуинья — кирпичному зданию с жестяной крышей, в котором размещался гарнизон из двадцати шести человек.

Четыре взвода колонны № 8 заняли позиции вокруг казармы, а отряды Бордона засели в засадах на подходах к городу. Сигналом для нападения должен был послужить выстрел из базуки, но первые два выстрела были даны с перелетом, и обороняющиеся открыли шквальный огонь из винтовок. Че совершенно озверел, обругал минометчика и приказал срочно найти хоть немного бензина, чтобы сделать «коктейль Молотова». Его удалось разыскать не сразу: близлежащий бакалейный магазин, принадлежавший какому-то китайцу, оказался закрыт; а когда необходимое удалось найти и бомбы были готовы, то двое бойцов, пытавшихся бросить их в казарму — Аменгаль и Кабралес, — были убиты пулеметным огнем.

Еще один партизан, Элисео Рейес по прозвищу Сан-Луис, чуть не погиб, когда граната бразильского производства, которую он бросил, отскочила обратно прямо ему под ноги; к счастью, она не взорвалась.

Базука дала осечку, потом еще одну: барахлили батареи. Хоэль рассказывал:

«Мы почти ничего не видели из-за грязи, которую поднимали ударявшиеся в землю пули, но нас прикрывал пригорок. В этой ситуации, среди яростного огня... Че увидел, что минометчик дал еще один промах; он разозлился, вскочил, подбежал к минометчику, забрал у него базуку и стоял там под градом пуль. Я не знаю, как он уцелел: настолько ожесточенной была стрельба. Он схватил базуку и приготовился стрелять из нее... Я стал перед ним и попробовал оттеснить назад, за пригорок... Тогда он со всей силы оттолкнул меня, и мы чуть не подрались».

Но Гевара, конечно, одолел. Базука в тот день требовалась ему не столько для достижения военного эффекта, сколько для того, чтобы уязвить Пенью. Где-то с пятой попытки ему удалось прямое попадание в дом; при этом один из жандармов был убит, а двое ранены. Из боковой двери выбежали шестеро солдат, за

ними последовали остальные.

Бордон позднее с полным основанием заметил, что «пренебрежение безопасностью было «ахиллесовой пятой» Че».

Бой закончился примерно в пять утра. По словам капрала, командовавшего жандармами, партизан приветствовал весь город. Капрал Максимилиане Хувьер, достигший уже пенсионного возраста, имел под своим началом всего-навсего четырнадцать человек, хотя они и были хорошо вооружены. Че разоружил его, отругал как следует, велел передать жене старика, что с тем все в порядке, и отпустил капрала домой. Это оказалась не последняя встреча Че с капралом Хувьером.

«Победа не принесла выгоды с практической точки зрения — было истрачено несколько тысяч патронов, а захвачено лишь 600 или 700 да четыре спрингфилдовских винтовки — но это был удачный политический ход, показавший нашу готовность и способность управлять ходом событий».

На обратном пути в Гавильянос двое бойцов, Ковбой Кид и Фигаредо, подошли к Че и завели с ним разговор насчет формирования штурмовой группы, вооруженной автоматическим оружием, которая будет подготовлена специально для нападений на казармы. Че согласился с ними и попросил составить список Добровольцев для участия в «команде самоубийц», как он назвал новое подразделение.

27 октября Че закончил разработку плана партизанских лагерей. Эль-Педреро в Гавильяносе занимал большое поместье, окруженное горами, а Кабальете-де-Каса располагался в чрезвычайно труднодоступных местах среди высоких гор; там, в относительной безопасности, должно было проходить обучение новобранцев. Работы велись в очень высоком темпе; деревянные хи-Жины вырастали в считанные дни. Укрытые в густом лесу, они были невидимы с воздуха. В Эль-Педреро Че поселился в доме Лины Гонсалес. Эта женщина позднее очень тепло вспоминала о своем постояльце: «У него была хорошая, немного шаловливая Улыбка».

Для Че была запланирована еще одна работа, связанная с комедией «выборов» — Батиста рассчитывал с их помощью придать своему правительству видимость законности. Лозунги в горах были «уклонение» и «саботаж».

«Отрезок до 3 ноября — дня выборов — был временем чрезвычайной активности: наши колонны повсюду были мобилизованы и почти полностью отрезали избирателей тех мест от избирательных участков... Почти все движение, начиная с перевозки солдат Батисты и кончая доставкой товаров, было приостановлено».

Однако главное из военных действий — нападение на казарму Банао к востоку от гор, в противоположном направлении от Гуиньи — не принесло успеха. Слишком мало времени было потрачено на подготовку, проводники неправильно вывели солдат, базука снова давала осечки, и партизаны потеряли несколько человек. Бой продолжался всю ночь, а на рассвете Че дал приказ отступить, чтобы не попасть на открытом месте под атаку с воздуха. Бордон рассказывал:

«Отступление превратилось в сущий ад. Че мучился от приступа астмы и не имел никаких лекарств, чтобы облегчить свои страдания. Все люди были утомлены, а он прилагал сверхчеловеческие усилия, чтобы держаться на >- ногах.

По пути мы прихватили нескольких лошадей, и Че сел на одну из них. Молодой боец по имени Сото увидел это и принялся жаловаться. Че услышал его слова, спешился и шел дальше вместе наряду с колонной. Когда мы дошли до группы зданий кофейной плантации, солнце уже поднялось.

Мы принялись разбивать лагерь, чтобы отдохнуть, а затем Че послал за мной. Приступ астмы все еще не прекратился. «Скажи Сото, пусть придет сюда». Че предло-• жил товарищу присесть рядом на мокрую от росы траву. Он долго говорил с Сото, объяснил, почему ехал верхом на лошади и почему Сото не следует видеть в этом привилегию командира. «Понятно, малый?» — спросил он, по-отечески погладив молодого повстанца по правому плечу. Тот расплакался».

Выборы, как оказалось, прошли неудачно для правительства. Корреспондент «Нью-Йорк тайме» прикинул, что проголосовало не больше 30 процентов от общего числа имевших право голоса(а в некоторых местах даже меньше 10 процентов), несмотря на все давление и мошенничество. Как и ожидалось, было объявлено, что на выборах победил Риверо Агуэро, кандидат Батисты. Срыв выборов в Лас-Вильясе «произошел спонтанно, поскольку у оппозиции было слишком мало времени для того, чтобы одновременно организовать пассивное сопротивление масс и вести активную партизанскую деятельность».

Че был не прав, давая такую оценку событиям. Действия, направленные на срыв выборов, и народная мобилизация, наверно, и впрямь не были скоординированы, но Че видел спонтанность там, где на деле существовала хорошо подготовленная организация, деятельность и пропаганда. Когда Че прибыл в Камагуэй, там уже существовала сеть ячеек Д26, имевших широкое влияние в обществе. Они были сосредоточены в Санта-Кларе, Камагуэе, Санкти-Спиритусе и распространялись дальше, по Сьерра-дель-Эскамбрею — через города к деревням и

фермам, спрятавшимся в горном массиве. Действия, предпринимавшиеся этой сетью, которая была реорганизована под руководством Ольтуски после неудавшейся забастовки в апреле, осуществлялись в различных местах и в разное время. Так, например, в Гуинье существовала группа, возглавляемая городским доктором, которая добывала оружие и организовывала диверсии. Она была связана с Санта-Кларой через водителя такси. Женщины в университете Лас-Ви-льяса посвятили себя закупке боеприпасов для бойцов и пропагандистской работе. В провинции ни одного дня не проходило без какой-нибудь акции — это были и вербовка студентов, кам-песинос и мелких служащих, и сбор революционных налогов для Д26, и похищение оружия или продовольствия со складов, и сбор денег на покупку одежды или обуви для партизан. Помимо этого, почти непрерывно совершались вооруженные акции. Рабочие табачной фабрики «Флер-де-Лис» в Лас-Ломасе были премированы продуктами и пожертвовали 95 процентов в пользу партизан. Возможно, в слабости связей сети Д26 был виноват боевой руководитель из Лас-Вильяса, «Диего» (Виктор Панеке), который считал, что основное революционное движение должно проходить в городах. Эта позиция была откровенно оппозиционной по отношению к главной мысли Че, укрепившейся после провала апрельской забастовки — революционная сеть должна формироваться вокруг партизан, действующих в горах. Че не замедлил принять меры: «По прибытии мы полностью изменили боевую сеть в городах. Мы моментально перевели лучших дружинников из городов в учебный лагерь, чтобы обучить их диверсионной деятельности, которая, как оказалось, была очень эффективной при работе в сельской местности».

На фотографии, сделанной почти сразу же после провала выборов, устроенных Батистом, Че выезжает из лагеря Кабальете-де-Каса верхом на лошади, а не на привычном ослике. Че держится очень прямо и гордо; в его раздутых карманах тысяча и одна мелочь, а на поясе висят гранаты.

У него были серьезные основания считать себя счастливым. Кабальете-де-Каса был с невероятной скоростью — наконец-то! — преобразован в ту самую тыловую базу, о которой он так давно мечтал. База была укреплена, в ней можно было собрать людей и дать им военную подготовку, пока для них добывалось оружие.

На базе также размещались штаб, радиостанция, небольшие табачные, кожевенные, слесарные и оружейные мастерские. В Кабальете проводили серьезную работу с местными кампеси-нос; там был сформирован стрелковый взвод Ларросы, молодые бойцы Второго фронта оказались покорены, а активисты студенческого

движения, загипнотизированные мистическим образом Че и совершенным им переходом, приезжали из Сайта-Клары и даже Гаваны. Судя по сведениям из различных источников, за первые полтора месяца через лагерь прошло от шестисот до тысячи новобранцев.

Че назначает Пабло Ривальту комендантом базы, а Висенте де ла О поручает начать осуществление аграрной реформы в освобожденной зоне. К ноябрю перераспределение земли уже шло полным ходом. Поместье Ла-Диана, неподалеку от Банао, принадлежавшее губернатору области Лас-Вильяс, было разделено среди кампесинос. А 8 ноября был выпущен Военный приказ № 1, в котором среди множества различных пунктов имелся и разработанный Че проект аграрной реформы. Этот проект предусматривал немедленную конфискацию земель, принадлежавших чиновникам и сторонникам диктатуры, и расследование в отношении любого земельного надела площадью свыше тридцать кавальерий. Каждый сельскохозяйственный рабочий или арендатор, вносивший плату в течение двух лет или более, имел право стать владельцем земли, на которой работал.

Вновь возникла политическая проблема, связанная с аграрной реформой и программой распределения земли. Че наконец потерял терпение:

«После множества споров,... в которых наше терпение подвергалось бесконечному испытанию и в ходе которых мы были вынуждены, по справедливому замечанию товарища Фиделя, выносить гораздо больше, чем должны, мы достиг ли компромисса: нам позволяли осуществить аграрную реформу по всей зоне действий Второго фронта, в то время как Второй фронт будет собирать платежи».

А главная задача Вторжения выполнялась уже в течение целого месяца. Взвод Рамона Сильвы перекрыл шоссе Тринидад — Санкти-Спиритус, а движение по главному шоссе Кубы, проходящему по всей длине острова, было приостановлено после взрыва моста через реку Туинику. Ряд нападений надолго парализовал центральную железную дорогу. «Наиболее неспокойная часть страны — восточная — теперь получала помощь от правительства только морским путем или по воздуху, и с каждым разом возможность оказания помощи становилась все более и более сомнительной. Во вражеской обороне появлялись все более явные признаки слабости».

Одно лишь маленькое облако омрачало горизонт. Среди действий, предложенных Че для срыва выборов, было ограбление банка, совместная акция городских дружинников и партизан. Деньги, полученные в результате операции, предстояло

использовать на финансирование неотложных потребностей революционного движения. Энрике Ольтуски категорически возражал и вместе с Виктором Панеке решительно выступил против самой идеи ограбления банка. Ольтуски считал, что подобные действия не улучшат образ движения в глазах населения, и указал на то, что можно без особого труда получить деньги от консервативных групп, которые, предвкушая неизбежный крах режима, желали наладить отношения с победителями. Вместо налета на банк Ольтуски предложил полученные законным образом через казначейство пятьдесят тысяч песо.

В начале октября Че в ответ на это предложение отправил письмо, в котором содержалась гневная отповедь. Ставя в упрек Ольтуски то, что операция по захвату банка была давно согласована и что люди с Равнины не держат свое слово, Гевара добавил, что если народные предводители уйдут в отставку — а Ольтуски сделал такой угрожающий намек, — то ему, Че, будет на это совершенно наплевать.

«Я должен, к сожалению, напомнить вам, что я был назначен командующим. ... Уйду я в отставку или нет, но я буду пользоваться предоставленной мне властью для того, чтобы обезопасить деревни, окружающие горы, от всяческих проявлений малодушия. ...Почему ни один из кампесинос не нашел недостатков в нашей идее о том, что земля должна принадлежать тем, кто на ней работает, а крупные арендаторы находят недостатки? И не потому ли подавляющее большинство бойцов поддерживает идею налета на банк, что не у каждого из них за душой имеется хотя бы сентаво?»

Но на этом разногласия не кончились. Ольтуски, с самыми искренними намерениями, попросил у Че расписку в получении пятидесяти тысяч песо, на что Че ответил, что между товарищами такое недоверие оскорбительно. «Я не стал бы просить у тебя расписки на какую бы то ни было сумму денег, хотя у Гутьерреса Ме-нойо потребовал бы документ даже на сотню песо».

Из-за волнений, связанных с этими деньгами, в лагерь Че была направлена делегация центрального аппарата Д26, и этому визиту, как ни странно, предстояло оказать очень сильное влияние на будущее майора Гевары. Уполномоченный Д26 по финансовым вопросам, доктор Серафин Руис де Саратес, во главе комиссии Д26 прибыл в Сьерра-дель-Эскамбрей, чтобы вручить Че эти пятьдесят тысяч песо. В комиссию входили Марта Лухьойо, Грасиэла Пинейра, доктор Адольфо Родригес де ла Вега и Алейда Марч, активистка из Санта-Клары, игравшая важную роль в организации связи и перевозок рабочих во время апрельской

забастовки и восстания в Сьенфуэгосе. Комиссия находилась в Эль-Педреро трое суток, а когда они собрались уезжать, посыльный принес сообщение о том, что Марч и Родригеса де ла Вегу разыскивает полиция. Так что им пришлось остаться в горах Эскамб-рея; Родригесу — в отряде, а Алейде — в Пласетасе.

Отношения Эрнесто Гевары с женщинами обычно рассматриваются его летописцами и биографами как нечто близкое к викторианскому пуританству. Но судя по отношениям Че с женщиной, ставшей его последней возлюбленной, это было какое-то сверхъестественное пуританство. Виновны в таком представлении, видимо, не только робкие иконописцы, желающие скрыть от публики частную жизнь исторической личности, но и невероятная скромность Алейды, наотрез отказавшейся давать какие бы то ни было интервью. (Среди тысяч опубликованных в печати материалов, посвященных Че и его товарищам, автор после отчаянных поисков обнаружил только одну заметочку о беседе с ней, объемом в десять строк.) Также принято преуменьшать ту роль, которую Алейда Марч сыграла в революционном процессе. То, что временами эта роль была очень значительной, будет видно из описания сражения за Санта-Клару. И поэтому об Алейде очень мало что известно, разве что ее вторая фамилия (Торрес) и некоторые данные о ее деятельности в сопротивлении Лас-Вильяса. В сотнях книг, посвященных деятелям кубинской революции, нет ни одного ее биографического очерка, хотя бы самого краткого.

Таким образом, те три дня в Пласетасе, когда началась любовь Эрнесто и Алейды, остались в тени. Альберто Кастельянос, один из адъютантов Че, рассказывал:

«Меня тогда не было там, а когда я вернулся, то увидел красивую девушку и немедленно поинтересовался, кто она такая. Мне сказали, что это великий боец революции, очень храбрая женщина, действовавшая в подполье в районе Лас-Вильяс. Стало известно, что полиция совершила налет на ее дом и ищет повсюду, поэтому руководство Д26 велело ей оставаться в Эскамбрее. Алейда и Че влюбились друг в друга; скажу больше, когда я увидел ее и сделал игривое замечание, Че смерил меня таким взглядом, что я сказал себе: «Брось это дело, Альберто, не то наживешь неприятности».

Как ни странно, один из взводных командиров, Гарри Вильегас, отрицал, что это могла быть любовь с первого взгляда: «Эта любовная интрига возникла не так легко, как считают некоторые: они увидели друг друга и сразу влюбились. Это чувство не зародилось платонически или как любовь с первого взгляда; оно развивалось вместе с развитием борьбы».

Когда имеешь дело с мужчиной столь сдержанным, как Че, в проявлении привязанностей или внешнем выражении эмоций, и женщиной, столь же скромной в отношении своих жизненных перипетий, как Алейда, очень трудно отличить факты от вымысла. Посылал ли Че Алейде дикие цветы с партизанскими посыльными? Он записал в дневнике: «Сегодня вечером я собираюсь добиваться Алейды». Исполнил ли он свое намерение? Случалось им проводить ночь, озаренную ярким светом луны, в амбаре, где сушатся кофейные зерна? Или нет? Но так или иначе, к началу декабря Эрнесто Гевара и Алейда Марч стали любовниками.

* * *

В течение первой недели ноября приток добровольцев усилился. Среди вновь прибывших были два человека, которым предстояло сыграть существенную роль в жизни Че: Альберто Фернандес Монтес де Ока по прозвищу Пачо (Лентяй), двадцатипятилетний парень с востока, и двадцатидвухлетний Хесус Су-арес Гайоль из Пинар-дель-Рио, носивший кличку Эль Рубио (Блондин).

Пачо можно было назвать невезучим человеком. Он успел побывать в эмиграции в Мексике; там заблудился в джунглях при неумелой попытке попасть на Кубу, во время которой его брат Орландо был убит. Вернувшись на остров, он ушел в подполье в Санта-Кларе, но конспиративная квартира провалилась, и он получил приказ уйти в Эскамбрей.

Суарес Гайоль, активист Д26 из числа студентов, тоже вынужден был покинуть Пинар-дель-Рио после провала явки. Перед прибытием в Эскамбрей он принял участие в поджоге радиостанции и получил тяжелые ожоги ног. Вентура, один из наиболее печально известных палачей батистовской полиции, приняв за Суареса другого юношу, сразу приказал его казнить. Че, увидев ожоги Суареса, не пожелал принять его в отряд: «Не забудь — я доктор, и знаю, что ты не сможешь ходить в таком состоянии». Но студент все же добился, чтобы его отправили в Каба-льете-де-Каса вместе с Монтесом де Окой, которого прикрепили ко взводу новобранцев.

7 ноября Че наконец написал в Директорат:

«Трудности, возникшие между нами и организацией, именуемой Второй фронт Эскамбрея, все усиливались... до тех пор, пока эти люди не дошли до прямой агрессии, совершенной против одного из моих капитанов, располагавшегося с подразделением в зоне Сан-Биас. Эта тонкая ситуация делает невозможным достижение соглашения с вышеупомянутой организацией».

Че также сообщил руководству Директората, что он добился взаимопонимания с Первым фронтом: НСП передала партизан из Ягухая и организаций Равнины под его командование. Письмо заканчивалось просьбой о встрече с руководством Директората. Ответ пришел тринадцатого: «Вы находитесь в нашей повстанческой зоне всего месяц и уже стали объектом самой злостной клеветы и оскорблений. Все это делает те сомнения относительно Второго фронта, которые мы высказывали на наших первых переговорах, весьма убедительными».

Во встрече, состоявшейся спустя несколько дней в городе Ла-Глория, участвовало высшее руководство Директората и командиры колонны № 8. В ходе дискуссии ее участники несколько раз возвращались к одному и тому же вопросу: что делать со Вторым фронтом. На сей раз Че был настроен самым радикальным образом и без конца проклинал Элоя Гутьерреса. Кто-то из Второго фронта разослал в дома кампесинос прокламации, в которых говорилось, что бойцы, отказывающиеся подчиняться этой организации, будут изгнаны из района или расстреляны. «Я понятия не имел о том, что происходит в Эскамбрее, и прошу простить мое предубеждение против ваших людей. Вот дерьмовая история, мы действительно информированы из рук вон плохо».

Фауре Чомон вспоминал: «Он думал о том, возможно ли было бы предпринять до начала наступления совместную силовую акцию, чтобы наказать их за предательство и присвоение чу жого вооружения, обмундирования и продуктов». Но наступле-'ние повстанцев нельзя было откладывать слишком надолго, и поэтому было решено проблему Второго фронта оставить на потом, заключить соглашение между Директоратом и партизанами, немедленно создать объединенное командование и начать совместные действия. Похоже, что Че постарался выяснить у руководителей Директората, есть ли у них какие-нибудь возражения против участия в действиях Народно-социалистической партии, но возражений не выявилось.

Непосредственным результатом переговоров в Ла-Глории были две сравнительно незначительные акции, осуществленные в середине и в конце ноября. Отряды Директората, возглавляемые майором Роландо Кубелой, напали на город Каракусей, а подразделения колонны Че предприняли неожиданный удар по городу Кабайгуан, где пробыли несколько часов, демонтировали и вывезли оборудование радиостанции Кубакан, телефонной станции и топливо с нефтеперерабатывающего завода РЕКА. (Благодаря этим трофеям Че получил возможность создать в недалеком будущем радиостанцию колонны №8.)

При этом отношения Че со Вторым фронтом были далеко не столь напряженными, как у Директората; возможно, Че прилагал значительные усилия для того, чтобы хоть как-то избежать междоусобицы революционных сил в провинции Лас-Вильяс. В том самом джипе, из которого Че руководил операциями, вместе с заместителем Гевары Рамиро Вальдесом и доктором Оскаром Фернандесом Мелем разъезжал руководитель Второго фронта Элой Гутьеррес.

Примерно в это же время Ольтуски и Марсело Фернандес, один из национальных лидеров Д26, еще раз посетили Че в горах. Целью встречи, несомненно, было сглаживание напряжения между городским подпольем и лидерами партизанского движения. Вспоминает Ольтуски:

«Че приехал к полуночи. Мы дремали в школе на полу. Последовали приветствия, а затем Че сказал:

— Теперь, после того, как состоялись первые столкновения, самое время попробовать какую-нибудь крупную операцию в этой зоне.

Во время разговора он хватал грязными пальцами куски мяса и поедал их с огромным аппетитом — они, вероятно, были восхитительными на вкус. Когда он закончил есть, мы с Че и Марсело вышли наружу и присели на обочине дороги. Че дал нам по сигаре. Они были по-настоящему крепкими; скорее всего их скрутили какие-нибудь кампесинос на партизанской территории. Я вдыхал горький дым и чувствовал, что внутри у меня теплеет, а голова слегка кружится. Сидевший рядом со мной Че курил и кашлял, кашель был влажным, словно все легкие у него были полны мокроты. От него плохо пахло — протухшим потом. Это был прилипчивый запах, и я отгораживался от него табачным дымом.

Наша беседа была не слишком теплой, но той ночью мы не вступали в ожесточенные схватки. Возможно, Че был сильно утомлен; возможно, плохой табак слегка задурманил нам головы. Между Че и Марсело состоялась словесная дуэль. Помимо всего прочего, они обсуждали программу Д26. Че обещал написать туда».

Они говорили не только о программе, но также и об отказе городского подполья войти в широкий единый фронт с коммунистами НСП. Несмотря на многочисленные разногласия, снова обнаружившиеся во время разговора, на обратном пути из гор Эскамбрея Ольтуски сказал Марсело Фернандесу: «Когда я вернусь в горы, то буду сражаться вместе с Че».

Однако такой возможности могло и не представиться: события развивались слишком быстро. В конце ноября среди

бойцов и кампесинос возникли слухи о том, что армия собирается начать наступление в холмах, что сюда приехали Санчес Москерас и какой-то полковник Ла Рубиа... Слухи сообщали о местопребывании армии: «Они находятся в Фоменто»... «Они в Кабайгуа-не»... «У них есть танки, джипы и все такое...» — «Чушь, малый, все это чушь. Жандармы сюда не доберутся».

Но они все же приближались к району действий партизан. И силы у них, хотя в разговорах их преувеличивали, были весьма значительными. Шли два специально подготовленных для борьбы с партизанами батальона — 2-й и 22-й, общей численностью около тысячи человек, и, что самое опасное, при них было шесть бронемашин «стюарт».

Че расположил свой командный пункт в Манасе, неподалеку от Эль-Педреро. В его распоряжении было сто пятьдесят партизан, отряд Бордона, резерв отряда Директората и новобранцы из Кабальете-де-Каса, которые с каждым днем представляли собой все большую силу.

29 ноября армейские части вышли с очередного привала и к рассвету достигли предгорий территории, занятой партизанами.

«Они вышли из Кабайгуана, заняли город Сайта-Лусию, а выйдя из Фоменто, захватили Пунта-Горду. Наши силы держали подвижную оборону, постепенно сдавая территорию, что стоило врагам больших жертв, несмотря на постоянную поддержку танков».

Некий кампесино, восхищавшийся способностями Че, сказал спустя несколько лет: «К счастью для нас, Че был чертовски хорошим стратегом и разместил людей на всех холмах, так что повсюду, куда ни совались жандармы, мы устраивали им настоящий ад, и они по дороге попадали в окружение, практически не продвигаясь вперед».

«30 ноября левый фланг врага, при поддержке танка и авиации, продвинулся к местечку под названием Конуко. Бойцы капитана Хоэля Иглесиаса остановили их там и вынудили отойти к Саита-Лусии. Центр фронта при поддержке танка переместился к городу Мота, а правый фланг достиг города Ситиадос, и это была та граница, на которой танки были в состоянии избежать наших оборонительных действий и вылазок».

Отряд Бордона провел разведку на улице со странным названием Куло-дель-Перро («Собачья задница»), которая вела к городскому кладбищу Эль-Педреро. «1 декабря враги предприняли отчаянные усилия, пытаясь продвинуться по всему фронту, что стоило им больших потерь. Майор Камило Сьенфуэгос лично участвовал в обороне левого фланга во главе отборной группы ветеранов своей колонны».

(Люди Камило временно находились в лагере Че: 14 октября Фидель прислал Камило приказ отложить операцию по захвату Пинар-дель-Рио и развернуть свою колонну в северной части Лас-Вильяса.)

Камило тем временем преградил путь танку, свалив на дорогу несколько толстых пальм, а когорта его бойцов остановила продвижение вражеской пехоты. Согласно крестьянской версии истории, это был последний раз, когда Че и Камило сражались бок о бок.

Вдвойне удивительным кажется случай, убедительно подтверждающий то значение, которое Че придавал вопросу объединения революционных сил. 1 декабря, в разгар атак противника, он нашел время для официальной встречи с представителями Директората Кубелой и Кастельо. Прямо под бомбежкой ими было подписано соглашение, получившее известность под названием «Пакт Эль-Педреро». Это была простая декларация о единстве целей, в которой были оговорены группы, участвовавшие в соглашении, указаны точки соприкосновения, подчеркнуты необходимость четкой координации и намерение начать новые Действия. Соглашение заканчивалось призывом к объединению Для свержения диктатуры. НСП присоединилась к соглашению спустя восемь дней.

Наступление Батисты вскоре выдохлось, разбившись о партизанские засады. Че великолепно усвоил уроки боев в Сьерра-Маэстре.

«Правый фланг врага был полностью разгромлен и обращен в бегство 2 декабря, вследствие чего мы получили от врага обильные запасы, а также гусеничный танк и 37-миллиметровое орудие, и преследовали армию почти до самого Фо-менто, где ее части закрепились. Одновременно они были вынуждены сдать город Мота».

2 декабря Че, невзирая на бомбежку, устроил в Эль-Педреро ужин в ознаменование второй годовщины завершения плавания «Гранмы». В стенах кухни Лины Гонсалес все еще виднелись пробоины после пулеметного обстрела. Лина рассказывала: «Че иногда ночевал в этом доме. Ему никогда не удавалось отдохнуть больше двух часов подряд, бедняжке. Нужно было много храбрости, чтобы находиться здесь, потому что нас бомбили каждый день».

«Перед тем как покинуть город Ситиалес, враги огнем из танковых орудий подожгли двадцать один крестьянский дом. 4 декабря правительственные войска попытались вернуть себе Моту, и их авангард угодил в одну из наших засад организованную Ковбоем Кидом и Альфонсо Сайасом со

следующим результатом: восемь погибших и тринадцать тяжело раненных с вражеской стороны».

Это столкновение было последним из наступательных военных действий, предпринятых войсками Батисты против освобожденной территории в Эскамбрее. Как будто в честь этого праздника, в эфир вышла радиостанция колонны № 8; оператором был Ириам Пратс. Первой передачей была связь с «Радио ре-бельде».

Радиостанция колонны Камило вышла в эфир на несколько дней позже. Между двумя повстанческими лидерами состоялась следующая радиобеседа:

«— Сообщи нам, какие там замечены вражеские передвижения, и скажи, нет ли чего-нибудь новенького. Сообщи нам, между прочим, какого типа танк вы захватили, потому что посыльный, который был там, сказал мне, что видел его, но не смог сказать, какого он был типа.

— Камило, я вижу, что это тебя гложет, а? Это гусеничный танк, маркировка немного оплавлена, но он очень хороший, американской работы, и я думаю, что он приго дится нам... Там возятся механики, устраняют несколько мелких неисправностей... В данный момент у нас нет никаких проблем, но, думаю, они могут возникнуть в любое мгновение. Я слышал, ты сообщил Фиделю, что вы собираетесь занять Санта-Клару — ну, нет, руки прочь. Она моя. Так что тебе придется оставаться на месте.

— Что касается дела с Санта-Кларой, ладно, мы попозже составим план, как взять ее вместе. Я хочу разделить славу с тобой. Я не жадный в этом отношении. Я сделаю там для тебя небольшой разрыв в оцеплении: брошу семь тысяч пехотинцев в атаку; эти парни до смерти хотят хоть как-то поучаствовать в действиях и за несколько последних дней разоружили всех солдат в казармах, ...просто удивительно, чего только не сотворят эти мальчишки, чтобы добыть винтовки».

12 декабря у Че взяли интервью, на сей раз радиостанция его колонны. Беседа передавалась из Эскамбрея и транслировалась в Сьерра-Маэстру через «Радио ребельде». Это было очень формальное и несколько сухое интервью: Че еще не успел избавиться от страха перед журналистами, даже своими собственными.

«— Какой прием вам и вашим людям оказывали в маленьких городах Лас-Вильяса?

— Прием был, можно сказать, фантастическим. Мы не могли и просить о лучшем. У нас были некоторые проблемы с революционными фракциями, работавшими в зоне, но наши последующие действия позволили в конце концов прояснить

расхождения.

— Майор, что вы думаете о положении диктатуры?

— Я думаю, что она из последних сил удерживается на ногах. Если вмешаются внешние силы, она может продержаться немного дольше. В любом случае народные силы настолько мощны, что крах диктатуры является неизбежным. Я думаю, что интервенционистский фактор не должен возникнуть, так как революционный дух широко распространился среди кубинского народа.

— Майор, что вы можете сказать о боях в этом районе по сравнению с предыдущими боями в Сьерра-Маэстре?

— В Сьерра-Маэстре мы были вынуждены начать нашу борьбу как группа почти невооруженных людей, без боеприпасов и почти без поддержки со стороны кампесинос. Паша деятельность становилась все эффективнее и эффективнее, но Сьерра-Маэстра — неприступное место с очень небольшим количеством путей сообщения. В Лас-Вильясе, с другой стороны, мы находимся вблизи больших городов и центрального шоссе и получаем большую поддержку от наших линий снабжения на Равнине. Условия здесь лучше.

— Значит, вам здесь нравится больше?

— Не то чтобы мне здесь больше нравилось. То, что здесь удобнее, не значит, что я больше люблю это место; я чувствую большую привязанность к Сьерра-Маэстре, где мы начали борьбу и где мы образовались как революционная сила.

— Что вы можете сказать по поводу недавнего генерального наступления правительственных войск, которое вы и ваши люди героически отбили?

— Ну, оно было не просто отражено людьми под моим командованием, оно было позорно проиграно армией диктатуры, которая не смогла сражаться и отступила, оставив оружие и прочее имущество в наших руках.

— А что вы думаете относительно наступления в этом районе?

— Я думаю, что оно необходимо, что жизненно важно нарушить коммуникации между востоком и западом, и еще я думаю, что Сайта-Клара уже фактически находится в наших руках и окажется в них реально, когда начнется настоящее наступление всех объединенных революционных сил.

— И еще один, последний вопрос, доктор Гевара. Вы полагаете, что мы сможем устроить совместный ужин в Сочельник?

— Конечно, мы сможем все вместе устроить узкий; вопрос только — где? В любом случае, я надеюсь, что все мы поужинаем

в мирной обстановке, ... те из нас, кто еще будет здесь».{16}

20. Молниеносная волна.

К осуществлению своего собственного, очень специфического блицкрига, без каких-либо предупреждений или специальной подготовки, Че приступил 15 декабря. Ранним вечером боевая группа, образованная из объединенных сил колонны № 8 и отряда Директората, начала блокаду подходов к Фо-менто, городу, в котором обитало около десяти тысяч жителей и имелся армейский гарнизон численностью в сто сорок человек. Подразделение капитана Рамона Сильвы разрушило железнодорожный путь в местечке Эль-Назарено и устроило там засаду. Че отправил Кубеле записку: «Роландо, мы уже разрушили мост через Соколиную реку и взяли в осаду Фоменто. Нам нужна ваша поддержка в действиях на баэсской дороге».

Подразделение из колонны Директората во главе с капитаном Хуаном Абрантесом, мексиканцем, выдвинулось в направлении Баэса, замыкавшего левый фланг фронта Фоменто, и заняло его без боя. В девять часов вечера подразделение капитана Альфонсо Сайаса вступило в Санта-Исабель. Че воспользовался партизанским опытом, накопленным во время боев в Сьерра-Маэстре, и небольшими хитростями, выработанными при налетах на казармы в декабре: блокада района, организация засад; использование преимущества подвижности над забаррикадировавшимся врагом; деморализация армейских подразделений средствами пропаганды. Найденные к настоящему времени материалы говорят еще и о том, что за этим нападением стояла неотложная необходимость раздобыть оружие и боеприпасы. В результате последнего наступления войск Батисты у большинства бойцов было не более двадцати патронов на каждую винтовку; к тому же в Кабальете-де-Каса уже набралось несколько сот невооруженных добровольцев.

В 6.30 утра 16 декабря три подразделения из колонны Че, возглавляемые Сайасом, Хоэлем Иглесиасом и Мануэлем Эрнанде-сом, двинулись в город.

Спустя полчаса Аида Фернандес, телефонистка из Фоменто, получила странный вызов с базы Санта-Исабель. Мужской голос со странным южноамериканским акцентом попросил соединить его с командиром армейского гарнизона. Лейтенант Перес Валенсия, профессиональный военный тридцати двух лет от роду, лысый, с внушительными усами, был сыном бедных кампесинос. Через несколько лет он рассказывал:

«Когда я поднял трубку телефона, то уже догадался, что это звонит Че. Он сказал мне, что гарнизон окружен, и подчеркнул,

что любое сопротивление бесполезно. Он уговаривал меня избежать кровопролития, сдавшись его силам. Он сказал, что мои люди будут освобождены при условии, есди они покинут территорию, находящуюся под контролем повстанцев, как только будут согласованы условия капитуляции. Я ответил, что не приму его предложения».

Под командой Переса Валенсии было сто пятьдесят человек; они были лучше вооружены, чем партизаны, и прекрасно обеспечены боеприпасами. Он организовал оборону, ключевыми точками которой были телефонная станция, кинотеатр «Бароха» и отель «Флорида». Он намеревался превратить эти пункты в ловушки для мятежников, рассчитывал сковать их там и перейти в контрнаступление после подхода подкрепления из Сайта-Клары. Че начал операцию силами только трех взводов, держа остальные в резерве на подходах к Фоменто.

Партизаны продвигались к казармам гарнизона, чтобы занять позиции на расстоянии двадцати пяти метров от здания; в это же время повстанцы во главе с Мануэлем Эрнандесом атаковали армейскую команду около железнодорожной станции и заставили ее сдаться, потеряв при этом только двух человек.

Осада началась. Местные жители вышли на улицы, чтобы присоединиться к повстанцам. Они наполняли бутылки зажигательной смесью, возводили баррикады, уносили раненых. В сумерках неизвестные горожане подожгли жалюзи в кинотеатре, здание вспыхнуло, и солдаты, защищавшие его, вынуждены были сдаться. Пали все опорные пункты гарнизона, кроме самого главного, где укрепился Перес Валенсия и сто двадцать один солдат. Че оказался перед критическим выбором: продолжать осаду или отходить в горы? Все партизанские заставы находились на отведенных им позициях, а противник не только не выслал подкрепления из Санта-Клары, но даже не мобилизовал солдат близлежащих баз в Кабайгуане или Пласетасе. Но нехватка боеприпасов у повстанцев представляла собой серьезную проблему. Колонна вышла в атаку на Фоменто, имея в среднем по сорок патронов на каждую винтовку. Поэтому было необходимо не только добиться капитуляции противника, но и захватить его боеприпасы.

Если Че был в трудном положении, то и Перес Валенсия на своей осажденной базе оказался в не менее странной ситуации. Он вполне мог знать, что его войско из ста двадцати одного солдата окружила неполная сотня мятежников, вооруженная гораздо хуже его людей. Однако мятежники стреляли не только из «га-рандов» и «сан-кристобалей»; на солдат действовали и окружавшие партизан легенды. Лейтенант решил придерживаться

главного из военных правил, приказав своим людям «держать оборону и ждать подкреплений». Че, послушавшись своего инстинкта, продолжал осаду.

На рассвете в действие вступила авиация Батисты: была обстреляна группа, державшая заставу на шоссе Фоменто—Пласетас. Самолеты также бомбили близлежащие сельские дома, здание Испанского сообщества и штаб-квартиру Красного Креста; среди гражданского населения погибло восемнадцать человек. Однако, «несмотря на то, что воздушные силы обстреливали Повстанческую армию, деморализованные отряды диктатуры не вышли в наш район, чтобы поддержать своих товарищей».

Теперь на базу противника наступали уже четыре взвода. Подразделение, которым командовал Ковбой Кид, дебютировало как «команда самоубийц» в прямом смысле этого слова. Поскольку партизаны очень туго стянули оцепление вокруг казарм — в некоторых местах оно отстояло от здания всего на двадцать пять — тридцать метров, — то любые попытки еще усилить давление на осажденных были смертельно опасны.

Амадо Моралес входил в «команду самоубийц». Он рассказывал:

«Тамайо вскарабкался на крышу клиники... и начал стрелять по солдатам находившимся напротив него. Я перескочил через тростниковый заборчик, чтобы занять позицию в близлежащем доме, и выбрал маленькую террасу, где не было никакого прикрытия, лишь стенка, слишком низкая для того, чтобы за ней можно было спрятаться. Товарищ Серхио Лемус тоже занял позицию там. Я успел сделать только несколько выстрелов и был ранен вражеской пулей. Несколько минут спустя еще одна пуля попала Лемусу в голову, и он сразу же умер рядом со мной. Товарищ Уго дель Рио вытащил меня из-под огня».

Дель Рио добавил: «Ковбой Кид и я спасли свои шкуры, отскочив назад, быстро, как молнии».

Не только «команда самоубийц» понесла потери в этом бою. Хоэль Иглесиас, молодой капитан, получил огнестрельную рану, неосмотрительно высунувшись прямо под вражеский огонь. Пуля пробила ему шею и сломала нижнюю челюсть. Бойцы его взвода вытащили своего командира из-под огня. Уверенный и том, что умирает, он попросил сообщить об этом Че, а затем его, уже без сознания, доставили в клинику прямо в Фоменто. Узнав о ранении юноши, Че примчался бегом. Хоэль был один из тех крестьянских мальчишек, вместе с которыми были пережиты самые тяжелые события в Сьерра-Маэстре и на пути в Эскамб-рей. Как будто надеясь, что его приказы могут остановить поток крови, он строго сказал докторам, что мальчишка не должен

умереть.

Капитан Мануэль Эрнандес также получил серьезное ранение.

Среди партизан начала ощущаться тревога. Пошел второй день осады, и хотя потерь было не так уж много, но почти все убитые и раненые были весьма заметными фигурами в партизанском войске, например, два командира взводов. Атаки с воздуха были просто ужасны.

Снова рассказывает Леонардо Тамайо:

«Ковбой Кид поставил себе цель поджечь казармы Фоменто, но они были окружены кирпичной стеной с высокими бойницами. Подступы были очень сложными. Солдаты расположились у бойниц по всему периметру стен. И тогда Кида осенила прекрасная идея (такой она показалась мне тогда; теперь же я считаю ее самой дурацкой из всех возможных): мы принялись искать канистры с бензином и шланги. Мы хотели нарастить как можно больше шлангов, чтобы они дотянулись до насоса, и пустить бензин в казармы. Мы решили отсоединить насос от танка и поджечь бензин в трубе. Это было легкомысленно. В первую очередь должны были сгореть мы сами. Но план не удалось осуществить, поскольку мы не смогли найти нужное оборудование».

Электро- и водоснабжение казарм было отключено, многие солдаты Батисты получили ранения, но продолжали сопротивляться. Наступила ночь 17 декабря, когда Че, несмотря на постоянно возрастающий риск, принял одно из наиболее смелых решений за всю его карьеру партизанского командира: продолжать осаду.

Утром 18 декабря революционеры подбирались все ближе и ближе к стенам казарм. Еще один из повстанцев, Мариано Перес, был ранен. Че снял заставы и собрал большую часть своего отряда вокруг казармы. Он поставил на карту все. Обстрел продолжался.

Стратегия Че оказалась верной. Солдаты в казарме уже не могли дольше обороняться, а подкреплений наземных войск все Не было и не было. Возможно, потому что те, от кого это зависело, считали, что нападение на казармы было приманкой для того, чтобы завлечь в мешок крупные силы. Лейтенант Перес Валенсия продолжает рассказ:

«Я пришел к выводу, что защищать больше нечего. Группы в гостинице и кинотеатре сдались под огнем мятежников, а оставшаяся часть моих людей была измучена и пала духом. У нас было несколько потерь и ни малейшей возможности оказать помощь раненым или похоронить мертвых. Сообщив офицерам о своем решении, я приказал вывесить белый флаг».

Это было чуть позже четырех часов дня.

Че вошел в казарму и сел лицом к лицу с побежденным офицером. Сохранилась фотография этого момента: Че рядом с Пересом Валенсией. Он говорит и курит сигару с таким видом, будто оказался здесь случайно и все это его совершенно не касается.

Че прежде всего приказал своим медикам оказать помощь раненым солдатам, а потом велел побежденным сдать оружие. Бойцы из колонны № 8 тем временем, в знак своей победы, подняли над казармой знамя Д26. Че составил подробный список захваченного оружия и военного снаряжения: два джипа, три грузовика, один миномет, пулемет калибра 0,30, сто тридцать восемь винтовок и автоматов, девять тысяч патронов. В длинный список также вошли восемнадцать пар ботинок, четыре пишущие машинки и будильники. Восьмая колонна хорошо знала, во что обошелся каждый пункт трофейного списка. Партизаны захватили в плен сто сорок одного человека.

Когда сражение уже практически закончилось, авиация предприняла еще один налет на район боевых действий. Че сообщил по этому поводу Красному Кресту:

«...Дикие пулеметные обстрелы, жертвами которых оказались жители города Фоменто, а также окружающих областей, не имеющих вообще никакого военного значения, послужили причиной гибели двоих детей в Фоменто, а также ранения двоих гражданских жителей в городе Лас-Аренас».

В конце сражения Че объявил о присвоении новых воинских званий: капитана — Роберто Родригесу (Ковбою Киду) и Орландо «Оло» Пантохе, и капитана медицинской службы — Оскару Фернандесу Мелю. Тогда же началось распределение оружия. Часть трофеев была направлена в лагерь Кабальете-де-Касп, чтобы начать вооружение резерва.

Горожане высыпали на улицы. Сияющий новоиспеченный капитан Роберто Родригес сфотографировался в трофейном джипе, окруженный восхищенными девушками и повстанцами с бородами в различных стадиях роста. Двадцатитрехлетний Ковбой Кид с густой бородой (но без усов) и пышными волосами, над которыми в непонятном отдалении от головы плавала в воздухе фуражка, являл собой колоритную фигуру. Он был небольшого роста и напоминал непослушного маленького мальчика, перепоясавшегося крест-накрест патронными лентами, обвешавшегося гранатами и взгромоздившего на плечо не по росту большую винтовку. Этот человек, по словам Че, любил играть в кости со смертью.

К Че подошла Собейда Родригес. Она не должна была

находиться здесь: у нее не было винтовки. Женщине следовало оставаться в Пунта-Горде, так как участвовать в штурме казарм с «винчестером» было невозможно. Но она отправилась туда в качестве «сверхштатного состава» и участвовала в осаде вместе с еще семерыми товарищами из резерва. Че узнал об этом и жестоко разругал ее. Собейда покаялась в содеянном и слово в слово повторила давний девиз своего командира:

— Оружие должно быть захвачено в бою.

— Ладно, ничья, — откликнулся Че и вручил ей «гаранд».

Одна фотография особенно четко характеризует победу в Фоменто: огромный кубинский флаг закреплен на задней стенке джипа, еще один флаг висит спереди; Че стоит на сиденье, обращаясь к толпе. Безоружные жители Фоменто сгрудились вокруг Голоса революции, обращающегося к ним со странно звучащим аргентинским акцентом. Они ловят каждое его слово. Это явилось новым опытом общения для Че, ведь до тех пор он знал только горы и болотистые равнины Кубы, по которым ему пришлось пройти в ходе Вторжения. Он много разговаривал с кампе-синос и убеждал их, но теперь ему впервые пришлось говорить с горожанами: рабочими, ремесленниками, мелкими торговцами, студентами, домохозяйками, конторскими служащими — городской опорой революции.

С помощью Директората, Д26 и недавно реорганизованных профсоюзов в Фоменто была учреждена новая гражданская власть.

Нынешние действия партизан сильно отличались от предыдущих налетов на казармы: колонна, казалось, не торопилась поспешно отходить в безопасные укрытия Сьерра-дель-Эскамбрея. Может быть, предстояло сражение за Сайта-Клару?

Какие же уроки Че вынес из боевых действий в Фоменто?

Для начала он, не тратя даром времени, послал команды под руководством капитана Оло Пантохи и лейтенанта Сан-Луиса Рейеса на восток от их прежних позиций, в сторону Санта-Лу-сии, где они должны были преградить путь 38-му армейскому эскадрону, который только теперь, с запозданием, вышел на помощь гарнизону Фоменто. Партизанам также следовало парализовать железнодорожную связь с провинцией Орьенте, и они 19 декабря взорвали железнодорожный мост, отрезав таким образом Кабайгуан от Санкти-Спиритуса. Пущенный под откос поезд вез продовольствие в Санта-Клару; груз был распределен среди местных кампесинос в зоне, а также передан пленным солдатам в лагере Манакас. Оттуда партизаны направились в Ла-Тринчеру, чтобы подрезать автогеном второй мост.

Пока Че готовил свои отряды к предстоящим крупномасштабным действиям, авиация продолжала бомбить шоссе и предместья близлежащих городов, рассчитывая таким образом помешать силам повстанцев подойти к другим городам. Но солдаты полковника Риоса Чавиано сидели в казармах как прикованные и ожидали, когда же наступит время их разгрома. Они были деморализованы массовой народной ненавистью и ставшей легендарной непобедимостью армии мятежников, этих «мау-мау». Их радиоприемники постоянно ловили передачи «Радио ребель-де», радиостанций колонны № 8 и ее напарницы с севера Лас-Вильяса.

19 ноября колонна Камило Сьенфуэгоса окружила казармы Ягуахая, на северо-востоке провинции. В тот же день по радио был передан Воинский приказ № 67.

«Учитывая результаты боев за освобождение провинции Лас-Вильяс, территория, охватывающая Нативидад, Ама-зонас, Санта-Исабель и сахарные заводы Агабама, объявляется Освобожденной территорией Кубы. Всем руководителям союзов, организованных Батистой, тем самым приказано немедленно сдать дела, а общие собрания рабочих призываются выбрать новых лидеров.Майор Че Гевара».

Теперь Че должен был сделать выбор между укреплением освобожденной территории и продолжением наступления, пользуясь преимуществом, сложившимся в результате избранной противником тактики глухой обороны. Второй вариант подразумевал принципиальный отказ от образа действий начального периода войны и привлечение партизанских войск к осаде сил правительственной армии, правда, без отказа от их традиционной подвижной тактики. Подробный военный план разрабатывался в Орьенте под руководством Фиделя Кастро, чья колонна завершала окружение Сантьяго-де-Куба, громя казармы и устраивая свои базы по всей провинции. Таким образом, основное задание Че выполнил: остров оказался разрезанным на две части. Следовало ли ему пойти дальше? 21 ноября, в восемь часов утра, спустя шестьдесят один час после капитуляции гарнизона Фоменто, колонна № 8 одновременно напала на армейские казармы, находившиеся в Кабайгуа-не, в сорока трех милях к востоку от Сайта-Клары по Центральному шоссе, и в восьми милях от Санкти-Спиритуса, а также на казармы в Гуайосе, еще в четырех милях к востоку от Кабайгуана по тому же шоссе.

Че выбрал тактику блицкрига («не давать противнику ни малейшей передышки») и приступил к разработке плана сражения, которое должно было произойти в предместьях Санта-Клары через несколько дней, если его отряды справятся со своим

заданием, а армия будет действовать по прежнему шаблону.

В пять часов утра четыре колонны под командованием Че — одна из них была «командой самоубийц» во главе с Ковбоем Кидом — и подразделения Директората выгрузились из машин в предместьях Кабайгуана, города с населением в шестнадцать тысяч человек, и двинулись дальше пешком.

Силы Батисты здесь состояли из девяноста солдат и полицейских под командой капитана Пелайо Гомеса; они размещались в казарме, в верхних этажах табачной фабрики «Эскогида-де-Брена», и в здании радиостанции, находившейся в полумиле от города. Кроме того, несколько снайперов заранее расположились на самых высоких зданиях Кабайгуана.

Первым делом повстанцы захватили табачную фабрику. Двое из них сумели забраться на крышу, затем выбили окно и открыли огонь по помещению. Шестеро солдат сдались почти сразу. Затем Че приказал заняться радиостанцией, где закрепилось десять человек, и одновременно осадить казармы.

Че расположил одну заставу на Центральном шоссе в направлении Пласетаса, чтобы воспрепятствовать неожиданному появлению подкреплений, а вторую — поблизости от Гуайоса со стороны Санкти-Спиритуса, у моста через реку Туинику. Эти заслоны обеспечивали осаждающим казарму возможность действовать в течение некоторого времени, не опасаясь перекрестного огня. Если бы армия прореагировала со своей обычной медлительностью, то у повстанцев было бы не менее сорока часов до тех пор, пока не появится угроза с тыла. Главное беспокойство причиняла авиация. Она действовала по своему обычному канону: пять «Б-26» в течение пяти часов бомбили подходы к осажденным городам.

Команда Ковбоя Кида встретила сопротивление во время разведки вражеских позиций. Однако спустя немного времени в головы бойцов пришла еще одна безумная идея: предпринять на радиостанцию атаку в духе командос. К счастью, жандармы, засевшие там, вскоре сдались, прислушавшись к уговорам одного из солдат, позднее присоединившегося к повстанцам.

Потом настала очередь казармы, в которой располагалось подразделение капитана Гонсалеса. Бойцы пробирались туда по крышам, перепрыгивая с одного дома на другой, пробегая по дворам и проламывая заборы. Прыгая с крыши, Че споткнулся о телевизионную антенну, упал на горку из жестяных горшков с цветами, стоявшую во дворе, и заработал порез дюймовой длины над правым глазом, растяжение запястья и болезненную травму руки. Рентгеновское обследование, проведенное после того как Гевару доставили в госпиталь Фернандеса Меля, показало, что у

него перелом локтевой кости. Че отказался от противостолбнячной сыворотки, так как побоялся, что инъекция спровоцирует приступ астмы и он окажется парализованным в разгар боя. Вместо этого он в то время «ел аспирин от боли, словно печенье». В восемь часов вечера осада казарм все еще продолжалась. В Гуайосе бои закончились куда быстрее. Стрельба в городе началась в семь утра, когда произошло столкновение на мосту через реку Туинику, где повстанцы под командой Оло Пантохи и Сан-Луиса задержали подкрепление, прибывшее из Санкти-Спиритуса. Обратив охрану моста в бегство, партизаны взорвали мост и отошли после армейской контратаки, хотя продолжали удерживать заслон на Центральном шоссе.

Отряд Виктора Бордона сражался на два фронта: против солдат, защищавших казармы, и против полицейских, которыми командовал Хосе Рохас, сын известного полковника полиции из Санта-Клары. Полицейские снайперы засели на крыше кинотеатра «Алькасар».

Отряды Пантохи и Сан-Луиса вступили в город. Один из участников этой операции, Марсело Мартинес, вспоминал:

«Когда мы добрались до железнодорожного вокзала Гу-айоса, положение казалось довольно удручающим, а мы, помимо всего прочего, даже не знали этих мест. Снайперы, засевшие в городской гостинице, принялись стрелять по нам почти в упор, как только мы подъехали, и нам пришлось выскочить из джипа в правом конце перрона. Мы укрылись в подъезде старого лицея и принялись отстреливаться. Это был затяжной бой не на жизнь, а на смерть».

Сан-Луис, не отличавшийся излишней терпеливостью, бросился вперед, стреляя как сумасшедший. Остальные предупреждали его об опасности, но он, охваченный азартом и полуоглушенный ружейной пальбой, никого не стал слушать и побежал дальше. Оло выскочил вслед за ним, и тут же оба упали, сраженные пулеметной очередью со стороны гостиницы. Оло одна пуля попала в грудь, а другая в руку. Сан-Луис был поражен в левую сторону спины. Один из бойцов подбежал, чтобы вытащить их, но раненые в один голос сказали, что их раны «ерунда» и продолжали стрелять, несмотря на то, что у обоих обильно лилась кровь. Их почти насильно уволокли с поля боя.

В десять часов утра 22 декабря казарма сдалась отряду Бордона. Было захвачено много огнестрельного оружия и снаряжения. Оставались только снайперы на кинотеатре, но и они выкинули белый флаг в два часа дня, примерно в то же самое время, когда Оло Пантоха и Сан-Луис возвратились в город из лагеря Мана-кас, где им оказали первую помощь.

Бой в Кабайгуане возобновился на рассвете. К повстанцам подошло подкрепление: отряды Бордона и Пантохи. Хосе Рамон Сильва получил третье с начала Вторжения ранение, в результате которого, в конечном счете, лишился руки.

В два часа ночи 23 декабря Че, успевший получить медицинскую помощь, разоружился и в обществе местного викария отправился в казарму для переговоров. Дежурный офицер приветствовал их по-военному. Майор Гевара сказал ему: «Я — Че, и на правах победителя буду диктовать условия». Вскоре солдаты сдались. Бой продолжался в общей сложности сорок пять часов. «Капитуляция казарм состоялась в соответствии с тем самым политическим принципом, на основе которого повстанцы принимали сдачу других гарнизонов: солдаты должны были покинуть освобожденную территорию. Мы таким образом предоставляли им возможность сдать оружие и сохранить свою жизнь».

Повстанцы взяли в плен девяносто человек, их трофеи составили восемьдесят пять винтовок и автоматов, а также обильные войсковые запасы. Это была эффектная, но опять чрезмерно дорогостоящая победа. Три офицера партизанской армии были ранены, один из них тяжело. Чтобы заполнить образовавшиеся вакансии, Че произвел Рамона Пардо (Гиле) и Рохелио Асеведо в капитаны, а Леонардо Тамайо сделал лейтенантом.

Правительственные солдаты были разоружены. Им велели отправляться в Пласетас, где они были задержаны своими же собственными товарищами по оружию и, согласно приказу сверху, оставлены без пищи. Гарнизоны Гуайоса и Кабайгуана рассматривались как опасные носители чрезвычайно заразной бациллы поражения.

Тем временем поступили свежие новости о чуде, которое совершил отряд Армандо Акосты: он занял город Санкти-Спиритус; быстрая победа была одержана благодаря народному восстанию, которое организовал сам Акоста. Успеху решительных действий партизанского капитана способствовал и распущенный в народе слух о том, что на штурм города движутся в полном составе армии Че и Камило, а с ними еще и какая-то женщина, принявшая имя Жанны д'Арк и стремившаяся отомстить диктатуре за убийство своей семьи.

Партизаны Че теперь действовали на фронте протяженностью в тридцать миль по Центральному шоссе между Санкти-Спиритусом и Пласетасом. Наступление двигалось размеренно, как часовой механизм. В Кабайгуане все еще отдавалось эхо последних выстрелов, когда подразделения нового воинского

образования, получившего официальное название Повстанческой армии, получили вместо отдыха приказ выходить. Не прошло и двух часов с того времени, как гарнизон Кабайгуана сдался, а повстанцы уже двинулись в направлении Пласетаса.

23 декабря отряд Рохелио Асеведо занял город Алькон между Пласетасом и Санта-Кларой и расположил там заставу, которой предстояло задержать мифическое подкрепление; одновременно в действие вступила колонна Директората. Рассказывает Фауре Чомон:

«Мы продолжаем наседать на Пласетас. Вчера подошел с подразделением Сесар Пас и вступил в перестрелку. Он говорил через громкоговоритель, и его обращение было с радостью встречено жителями. После этого он отошел, и воздушные силы провели бомбежку и обстрел подходов к городу. Но мы остались невредимыми. Мы продолжаем осаду... Сегодня к нам пришли несколько солдат, среди них лейтенант со своим оружием».

К половине пятого утра 23 декабря на юге провинции Лас-Вильяс сложилось следующее положение: Повстанческая армия овладела всеми казармами к северу и востоку от Эскамбрея, за исключением Маникарагуа — именно в это время город атаковала колонна Директората. Горные базы повстанцев преобразовывались в учебные лагеря для новобранцев; благодаря постоянному притоку трофейного оружия стала возможной стабильная подготовка резервов. Санкти-Спиритус был взят капитанами Акостой и Кастильо, и после победы в Кабайгуане Че отправил на восток подразделения уже начавших поправляться Оло Пан-тохи и Сан-Луиса. Им предстояло усилить натиск на Хатибони-ко. Разоружение гарнизонов все дальше и дальше к востоку было лучшим способом лишить диктатуру возможности отправить против Освобожденной территории относительно свежие силы из Сьего-де-Авилы.

Партизаны двинулись к Пласетасу на рассвете; выстрелы боев в Кабайгуане все еще звенели у них в ушах. Полностью деморализованный гарнизон просил предоставить ему возможность эвакуироваться из города. В Пласетасе находилось более сотни солдат, но они уже были «глубоко подавлены и заранее запуганы предстоящей борьбой с силами мятежников, чье превосходство в численности, несомненно, составляет пятьдесят к одному» — говорилось в одном из армейских донесений. Эти цифры были чрезвычайно преувеличены: в распоряжении Че не было и двухсот человек для нападения на Пласетас. В ответ на донесение был отдан приказ об эвакуации в Санта-Клару, но он пришел слишком поздно: Пласетас уже был окружен.

Обстрел начался уже в полпятого утра. Отряды Виктора Бор-

дона вступили в один конец города, а колонна Директората во главе с Роландо Кубелой — в другой. «Команда самоубийц» атаковала врагов, засевших в кинотеатре, Абрантес осадил ратушу, а Альфонсо Сайас — полицейское управление. Уго дель Рио рассказывал: «Нужно было видеть, как население тех отдаленных мест, где нам приходилось сражаться, помогало нам. Порой на улицы выбегало так много народу, что это было просто опасно: они могли погибнуть от вражеского огня».

Че прибыл в Пласетас к 6.30 утра в джипе, которым управлял его ординарец Альберто Кастельянос. К тому времени капитан Хулио Мартинес Паэс успел захватить кинотеатр, а Ковбой Кид, без единого выстрела овладевший радиостанцией, вел бой на железнодорожном вокзале.

Из магазина в Пласетасе Че переговорил по телефону с Фауре Чомоном. Отряд Чомона расположился заставой в Баэсе, к юго-востоку от города, чтобы не дать армии возможности воспользоваться проселочной дорогой. «— Каково положение?

— Установил здесь, в Альконе, заставу с пулеметом 0,30-го калибра на тот случай, если подойдет какое-нибудь подкрепление.

— Есть какие-нибудь признаки того, что они послали подкрепление из Санта-Клары?

— Нет никаких; они не должны добраться до Алькона. Че рассмеялся:

— Они уже спеклись».

Тем временем отряд Сайаса в Пласетасе продолжал атаковать полицейское управление, используя пулеметы 0,30-го калибра, минометы и гранаты. В пять часов дня полицейские попросили перемирия для переговоров, а еще через полчаса сдались.

Теперь весь огонь повстанцев сосредоточился на казарме, где были размещены сто четыре солдата. Команда Ковбоя Клда атаковала с тыла, а Бордона — с фронта. Че находился на передовой линии. Каликсто Моралес вспоминал позднее: «Я видел его в Пласетасе сразу же после его прибытия туда; непрерывно стреляли снайперы, а Че вел себя так, словно это ничего не значило».

В Пласетасе революционеры получили удивительного новобранца. Лейтенант Перес Валенсия, командовавший обороной Фоменто и пробывший несколько дней в лагере Манакас, решил примкнуть к Движению 26 июля. «Я попросил Че, — рассказывал он, — дать мне браслет Д26. Он согласился, но прошептал мне,-«Я ничего тебе не обещаю». Я ответил, что прошу только, чтобы мне позволили участвовать в бою».

Тогда Перес Валенсия через громкоговоритель обратился к

защитникам казарм, призывая их сдаться: «Прекратите кровопролитие; это говорит Валенсия, я здесь, с оружием, под командованием Че. Повстанческая армия — это совсем не то, что вы думаете». Вслед за ним в переговоры с командирами осажденных вступил Че. Он говорил очень вежливо и спокойно, ссылаясь на свидетелей предыдущих операций. Однако лейтенант Эриандес Риверо, командир защитников, высокомерно заявил, что он закончил офицерскую академию и будет защищать Батисту до самой смерти. Че не мог сдержать смеха. После этого солдаты отказались подчиняться своим командирам и начали сдаваться.

Узнав о победе повстанцев, горожане высыпали на улицы. Люди кричали, а в церкви звонили в колокола. Партизанам сдалось более ста пятидесяти человек, было захвачено сто пятьдесят девять винтовок, семь автоматов, один пулемет 0, 30-го калибра, миномет, гранаты и много боеприпасов.

22 декабря, за несколько дней до падения Пласетаса, Фидель послал Че письмо, в котором говорилось, что сразу же отпускать взятых в плен врагов — это ошибка; что повстанцы, если даже не могут пустить пленных в бой на своей стороне, могли бы, по крайней мере, поручить им какие-нибудь гарнизонные обязанности. Че тогда задержал пленных солдат из Фоменто, хотя позднее освободил их. Он также отпустил на свободу пленных из Ка-байгуана и Гуайоса — именно такую тактику снова и снова использовал в Сьерра-Маэстре сам Фидель: освобождая пленных, деморализовать врага. Не сохранилось никаких сведений о том, какой ответ Че послал Фиделю, но, несомненно, он нашел достойные аргументы для оправдания избранной им линии поведения. Но в Пласетасе он вместо того, чтобы сразу же отпустить пленных на свободу, передал их Красному Кресту, который должен был на несколько дней задержать возвращение этих людей из армии.

Спустя несколько часов после падения Пласетаса Че уже прибыл в Ягуахай, где Камило со своей колонной вел осаду армейских казарм. На сахарном заводе в местечке Нарсика они встретились с толпой кампесинос, собравшихся для того, чтобы увидеть сразу двух партизанских командующих. Камило сказал Че: «Я знаю, что буду делать после нашей победы: я посажу тебя в клетку, отправлюсь в поездку по стране, и люди будут платить по никелю за вход, чтобы посмотреть на тебя. Я стану богачом!»

На этой встрече командиры обсуждали свои будущие действия. Должен ли Камило завершить осаду в Ягуахае и присоединиться к Че в наступлении на Сайта-Клару? И вообще, пришло ли время нанести удар по центру провинции? Че детально обрисовал свои планы, и было решено, что Камило

усилит давление на Ягуахай, одновременно отправив часть своих сил для поддержки предстоящих действий Че.

В то самое время, когда двое командующих революционными силами в Лас-Вильясе составляли планы ближайших сражений, из цехов гаванского завода Сьенада вышел бронепоезд, самое мощное оружие диктатуры, и направился в сторону Санта-Клары. Его подготовка наделе явилась сплошным саботажем, и он вышел в путь неукомплектованным. По пути с него все время непрерывно дезертировали члены команды, даже командир в конце концов удрал в Соединенные Штаты, прихватив миллион песо солдатского жалованья. Но все же бронепоезд со своими пулеметами на Рождество прибыл в Санта-Клару и.встал в ожидании подхода отрядов Че.

Силы Директората напали на казармы в Маникарагуа; в тот же день объединенные отряды Армандо Акосты и Орландо Пантохи вступили в Хатибонико. Колонне Виктора Бордона Че приказал действовать на юге, на шоссе, соединявшем Сьенфуэгос со Сьеррой. Бордон должен был продвинуться вперед и перерезать коммуникации между Санта-Кларой и Гаваной. Силы, возглавляемые Че, непрерывно атаковали армейские части и несмотря на это были в состоянии остановить любое потенциальное подкрепление. Че подготовил и еще один сюрприз для диктатуры. Он отметил Рождество продвижением на Ремедиос и Кайбарьен, города, находящиеся в пяти милях один от другого на северном побережье провинции Лас-Вильяс, к северо-востоку от Санта-Клары.

Операция началась в полдень 25 декабря. Гарнизоны двух армейских казарм вместе с полицией и моряками насчитывали около двухсот пятидесяти человек и по численности вдвое превосходили силы, оборонявшиеся в Фоменто, откуда началось наступление в Лас-Вильясе, но Че на сей раз собирался развернуть только часть своей колонны, даже не прибегая к поддержке бойцов Директората. С другой стороны, боевой дух в этих четырех взводах («команда самоубийц» Ковбоя Кида и подразделения Сайаса, Альвареса и Асеведо), насчитывавших в общей сложности сто двадцать человек, был чрезвычайно высок. Они прошли школу уличных боев, а их враги были деморализованы и готовы лишь к оборонительным действиям.

Повстанцы вступили в Ремедиос средь бела дня и открыли огонь по ратуше и казармам. Первым оказалось захвачено здание муниципального совета, где находилась группа офицеров, не оказавших сильного сопротивления «команде самоубийц». Зато вокруг полицейского участка и казарм, где укрепилось в общей сложности двести человек, разгорелось ожесточенное сражение. В

самый разгар боя к партизанам подошло подкрепление: сорок пять новобранцев из лагеря Кабальете-де-Каса с трофейным оружием, которых возглавлял лейтенант Альберто Фернандес Мон-тес де Ока (Пачо).

Не успела закончиться операция в Ремедиосе, как силы колонны № 8 обрушились на Кайбарьен. Горожане высыпали на улицы, смешались с повстанцами и сообщили им, что люди Батисты укрепились в помещении жандармерии и военно-морском штабе. Флотский капитан Луис Арагон сдал свой штаб без боя. Бывший армейский лейтенант Перес Валенсия выступал в качестве посредника со стороны повстанцев. Че удалось также выиграть эпизод в психологической войне, передав командиру нахо-. лившегося неподалеку в море фрегата предложение сдаться. Тот отклонил предложение, но согласился соблюдать нейтралитет во время боя. Так что победа оказалась частичной, и Че был разочарован: он сказал своим людям, что можно было демонтировать вооружение фрегата, чтобы использовать его позже в Санта-Кларе.

Тем временем вокруг полицейского участка Ремедиоса разгорелось жестокое сражение. Когда повстанцы подошли к зданию, Ковбой Кид приказал всем оставаться на местах, пока он не подаст команду, а сам бросился бежать вокруг здания в поисках водопроводного вентиля.

Двое бойцов, не услышавших приказа, последовали за ним. Кид, посчитав, что они не повиновались его команде, остановился прямо под градом пуль и принялся ругать ослушников.

Немного позже, когда подача воды в осажденное здание была прекращена, повстанцы забросали дом бутылками с горючей смесью, и вскоре здание охватил огонь. Сразу послышались крики о том, что защитники сдаются. Нападение было запечатлено на незабываемой фотографии: Ковбой Кид, окруженный измученными в непрерывных напряженных боях бойцами, остекленевшим взглядом уставился на старый дом сельского вида, из окон которого на заднем плане вырывается пламя.

Операция закончилась той же ночью взятием армейских казарм. «Команда самоубийц» завершила дело, успешно начатое их товарищами по оружию. Лейтенант Уго дель Рио вспоминал:

«Мы уже сменили с боем столько позиций, что находились совсем рядом с конюшнями при казармах. Мигель чья колонна должна была, по приказу Че, сменить атакующих к концу операции прибыл, и мы уже подумали, что сможем наконец отдохнуть, так как не спали в течение нескольких дней, но не тут-то было. Мексиканец Ковбой Кид собрал нас вместе и сказал, что мы должны отправляться в Кайбарьен. Мигель спросил его: «А где

же казармы, которые мы должны взять?» Мексиканец, хлопнув рукой по стене, сказал: «Вот они, эти казармы».

«Команда самоубийц» прибыла в Кайбарьен на рассвете 26 декабря. В осаде уже принимали участие толпы горожан, оказывавших всевозможную поддержку взводу Гиле в его борьбе против превосходящих сил противника. Два партизанских подразделения все утро наращивали давление на осажденных. Стрельба не прерывалась ни на миг, и у солдат почти не было возможности поднять головы; водоснабжение казарм уже было отключено, но, к большой досаде осаждающих, сопротивление продолжалось. Они попытались поджечь казармы горящими автомобильными покрышками, но не добились успеха. Тогда Ковбой Кид распорядился найти пожарную машину, заполнить ее бак бензином, подогнать к казарме и облить здание, невзирая на опасность взрыва. Он предупредил оборонявшихся солдат о своем намерении при помощи громкоговорителя, и вскоре в одном из окон появился белый флаг. Лейтенант, возглавлявший гарнизон, не желал сдаваться; очевидно, за ним числились какие-то преступления против населения и он боялся мести. Ковбой Кид был возмущен и предложил офицеру стреляться лицом к лицу, но не подвергать опасности солдат, которые больше не хотели сражаться. Некоторые из повстанцев тем временем уже разоружали солдат всего в нескольких ярдах от того места, где проходила беседа командиров. Лейтенант принялся оскорблять Ковбоя Кида, но тот ответил, что очень устал и собирается хоть немного вздремнуть, пока солдаты будут обдумывать положение. Не обращая больше ни на что внимания, он рухнул на раскладушку и сразу же крепко заснул. Эта демонстрация оказалось последней соломин кой: упорство солдат было сломлено окончательно, и они сразу же сдались.

Это произошло утром 26 декабря. Казармы в Ремедиосе сдались революционерам на несколько часов раньше. В обоих городах было захвачено больше 200 единиц оружия и 250 пленных. Зато в официальном армейском донесении сто двадцать мятежников превратились в тысячу двести.

В то время как отряды Че вели бои в Ремедиосе и Кайбарьене, в правительстве Батисты происходили важные перестановки: кампанию в Лас-Вильясе возглавил полковник Хоакин Касильяс Лумпи, сменивший нерешительного Риоса Чавиано. За Касильясом числилось не только множество преступлений, совершенных во время войны в провинции Орьенте, но и, скажем, убийство Хесуса Менендеса, лидера рабочих-коммунистов сахарозавода, совершенное в Мансанилье в 1948 году, еще на заре карьеры Касильяса. Батиста предпринял эту замену, так как подозревал

полковника Риоса Чавиано и генерала Табернилью в том, что те затеяли двойную игру, чтобы в ходе восстания вовремя покинуть сторону диктатора.

27 декабря кубинская военная разведка подала вполне объективный рапорт о моральном состоянии, в котором пребывали войска Батисты и которое намеревался исправить полковник Касильяс: «Войска в провинции кажутся вообще очень пессимистически настроенными и жалуются на то, что вовсе не получают ни подкреплений в борьбе против превосходящих сил противника, ни снабжения, когда о нем запрашивают». В этом рапорте был только один неточный пункт: отрядам Батисты всегда противостояли меньшие или равные, но никогда не превосходящие силы партизан. Кроме того, повстанцы были куда хуже вооружены. Но они шли в наступление и восполняли свое численное меньшинство и плохое вооружение высочайшим боевым духом и прекрасным взаимодействием.

В течение десяти дней отряды Че отобрали у диктатуры три тысячи квадратных миль территории с населением почти в четверть миллиона человек. Ими было захвачено двенадцать армейских, жандармских, полицейских и флотских казарм в восьми городах; они вынудили гарнизоны покинуть еще полдюжины городов. В плен было захвачено почти восемьсот человек, а трофеи насчитывали почти шестьсот единиц огнестрельного оружия и множество боеприпасов. Партизаны использовали очень гибкую тактику и резко усиливали темп наступления, как только выясняли слабости врага. При этом они несли очень небольшие потери — за всю кампанию погибло только одиннадцать человек. Но, возможно, наиболее блестящей особенностью партизанской военной кампании под командованием Че была стремительная реакция на появление малейшей возможности атакующих действий и потрясающие темпы. Шестьдесят один час разделял начало боев в Фоменто и Гуайосе, но зато между падением этих городов и штурмом Пласетаса прошло всего-навсего два часа, и лишь двенадцать часов — между взятием Пласетаса и началом атаки на Ремедиос и Кайбарьен. Че всецело использовал любые слабости врага, что добавляло мощи силам Вторжения, состоявшим из молодых и неутомимых с виду кампесинос, храбрых до безумия, веселых, улыбчивых, настроенных на борьбу, обладавших высоко развитым чувством солидарности, окруженных аурой народного восхищения и возглавляемых капитанами и лейтенантами, которые ценили своих бойцов по их заслугам, а в наступлении первыми рисковали жизнью. Ни один из капитанов не прошел Вторжение без ранений, да и многие из лейтенантов-повстанцев

заслужили следующее звание кровью.

Подходило время Санта-Клары. 27 декабря в Пласетасе командиры объединенных сил Директората и Д26 охарактеризовали ситуацию следующим образом: на востоке отряды Орландо Пантохи и Сан-Луиса вынуждены были отойти от Хатибонико из-за прибытия армейского подкрепления, включавшего танки и бронеавтомобили, и обстрелов авиации с воздуха. Но даже в таком положении взвод, превратившийся к тому времени в небольшую колонну из почти сотни бойцов, держался до последней возможности.

В трудном положении оказался и отряд Виктора Бордона, контролировавший местность к северо-западу и юго-западу от Санта-Клары и закрывавший подступы к центру провинции. Подразделение из семидесяти пяти человек с непрерывными боями перемещалось по кругу с юга на север, захватывая по пути множество маленьких фортов и стремясь надежно блокировать Центральное шоссе Гавана — Сайта-Клара. Его атаковала с тыла колонна бронеавтомобилей, появившихся со стороны Санта-Клары, которую возглавлял сам Касильяс Лумпи. Полковник знал, что если шоссе на Гавану будет перерезано, то его части окажутся полностью окруженными мятежниками. Бордон вел Упорные арьергардные бои, а на следующий день заблокировал Шоссе сваренными между собой железнодорожными вагонами. На северо-востоке колонна № 2 под командованием Камило контролировала обширную территорию и вела активную осаду Укрепленного пункта в Ягуахае. На юге часть сил Директората окружила город Тринидад.

Мозговой центр революционного движения Лас-Вильяса ненадолго разместился в Пласетасе, в низкопробной гостинице, построенной в 1912 году и носившей громкое название «Гранд-отель Тульериас». Его владелец распорядился провести уборку, так что комната, в которой собрались вожди повстанцев, находилась в приличном состоянии. Гевара встретился со своим заместителем Рамиро Вальдесом и командующим силами Директората Кубелой при свете керосиновой лампы — электроснабжение было отключено. Командующий колонной № 8 оказался перед самой опасной проблемой за всю свою военную карьеру: организацией и проведением нападения на Санта-Клару. Че необходимо было сделать выбор: или дать Камило и Фауре время для овладения Ягуахаем и Тринидадом, или же присоединить их отряды к своему, чтобы не предпринимать рискованного похода на Санта-Клару силами измотанной 8-й колонны и Директората.

Подполье (и даже агентство ЮПИ: телеграф принес

сообщение о том, что Батиста планирует послать двухтысячное подкрепление в Санта-Клару) предоставило обширную информацию о группировке, противостоявшей отрядам Че: триста восемьдесят солдат с минометами, орудиями и базуками в бронепоезде, гарнизон из тысячи трехсот человек в казармах Леонсио Видаль (главной военной базы провинции), гарнизон в аэропорту; в казармах 31-го эскадрона жандармерии еще двести пятьдесят — триста человек, имевших на вооружении танки и бронетранспортеры; четыреста полицейских, тайных агентов и солдат с двумя танками «Комета» и двумя бронетранспортерами в полицейском управлении и еще человек двести солдат на различных других объектах.

Таким образом, наземные силы Батисты насчитывали почти три тысячи двести человек; кроме того, им должна была оказываться постоянная авиационная поддержка. Особым предметом беспокойства Че «было отсутствие боеприпасов для базуки при том, что предстояло иметь дело с дюжиной танков, в то время как мы знали, что для эффективной борьбы с танками нужно проникнуть в жилые кварталы города, где танки теряют большую часть своей силы».

Для нападения на город у Че имелось семь взводов общей численностью в двести четырнадцать человек: его собственные отряды, сотня бойцов Директората, приблизительно пятьдесят новичков из лагеря Кабальете-де-Каса во главе с Пабло Ривальтой, только что получивших вооружение (некоторые из них прежде воевали на стороне Второго фронта, но решили перейти на другую сторону). Любое руководство по военному делу, вероятно, подтвердило бы, что задуманное майором Че Геварой было просто-напросто безумием. Че собирался атаковать гарнизон, который численно превосходил его силы в соотношении девять к одному и имел подавляющее преимущество в огневой мощи; он исключал из операции существенную часть партизанских сил — отряды Камило и Фауре; он брался за операцию с бойцами, которым в течение десяти дней почти не удавалось поспать или хотя бы просто отдохнуть (некоторые бойцы из «команды самоубийц» и взвода Альфонсо Сайаса вообще не спали в течение трех дней); его войскам не хватало боеприпасов. Однако народная война проводится не по учебникам. Че знал, что быстрая атака не даст диктатуре возможности как следует укрепить Санта-Клару, что ему противостоят деморализованные войска и что на его стороне народная поддержка. Но главным его преимуществом были удивительная сила духа воинов, их опыт и боевая мощь, укрепившиеся в сражениях последних одиннадцати дней,

убежденность в справедливости своего дела и уверенность в том, что победа уже близка. Они считали, что армейские силы, запертые в городе, будут вынуждены обороняться, а у партизан окажется возможность захватывать одну армейскую позицию за другой. Че предполагал, что сражение будет длительным.

Че ошибся только в последнем пункте.

Единственным вопросом, который оставалось решить в гостиничном номере в Пласетасе, была организация единого командования наступлением. Че необходимо было удостовериться в том, что его колонна не окажется лицом к лицу с вражескими танками и не подвергнется воздушному нападению на открытой местности до вступления в город.

Эту проблему должен был решить Антонио Нуньес Хименес, картограф, который только что присоединился к партизанам и сразу же получил должность с громким наименованием: «руководитель топографической службы колонны № 8».

«Че попросил меня найти для его отрядов такой путь в Санта-Клару, чтобы их не обнаружили враги. Мы не могли выйти из Пласетаса и двигаться по Центральному шоссе, также мы не могли воспользоваться шоссе Санта-Клара — Камагуэй и другими магистральными дорогами в этих местах... Но был еще один путь. От Ла-Вальиты до предместий Сайта-Клары шла редко используемая проселочная дорога, проходившая через университетский городок».

Сбор взводов колонны № 8 начался на главной улице Пласетаса между одиннадцатью утра и полуднем. Одновременно силы Директората начали концентрироваться в Маникарагуа, в двадцати милях к югу от Сайта-Клары, ожидая приказа выступать. {17}

21. "Мау-Мау" в Санта-Кларе.

Когда повстанцы направлялись в Санта-Клару, впереди них летела завоеванная ими слава. Принятое ими название «мау-мау» подразумевало, что они люди чести, которые великодушно освобождают своих пленников после того, как объяснят им идеи и смысл Революции. Они одинаково оказывали помощь и своим, и вражеским раненым, никогда не покидали товарищей в ходе боя, предупреждали о своих нападениях, избегали бесполезного кровопролития, мстили за преступления против народа и никогда не терпели поражений.

Вслед за славой шел капитан Рохелио Асеведо, несший на своих семнадцатилетних плечах огромный груз ответственности. Он со своим подразделением двигался впереди в качестве разведки. За ним следовала «команда самоубийц», а далее — остальная часть колонны во главе с майором Эрнесто Геварой, которого все называли Че, тем самым, о котором рассказывали, что в сражении он одновременно оказывался во всех местах боя. Рядом с ним в красном джипе «Тойота» ехала женщина по имени Алейда Марч; она знала город как свои пять пальцев и должна была обеспечить Че народную поддержку. Ей также предстояло показывать дорогу по гребням крыш и садовым аллеям.

В городе было спокойно; полицейских сирен здесь не слышали на протяжении вот уже двадцати четырех часов. Солдаты, проинструктированные своими командирами, скрывались в казармах или на укрепленных оборонительных рубежах. Авангард Асеведо подъехал к Санта-Кларе на двух джипах в два часа ночи. Подобравшись к университету, бойцы прежде всего столкнулись с парой местных проституток, попытались узнать у них хоть что-нибудь, но так и не получили никаких полезных сведений насчет армии. Войска Батисты не проявляли своего присутствия; по дороге в город повстанцы встретили только несколько грузовиков с молоком.

Вторая группа повстанцев добралась до университета к рассвету. Че Гевара прибыл еще через два часа, около шести утра. В это время Асеведо, продолжавший движение, уже занимал радиостанцию СМК, находившуюся в двух километрах далее по шоссе.

Жившая на дороге в Санта-Клару Лолита Руссель, сочувствовавшая Движению 26 июля, увидела появление изможденных, грязных бойцов Асеведо. Ее мать приветствовала их от двери Криками: «Viva Cuba libre!» («Да здравствует свободная Куба!») «И вот эти люди Че собираются захватить

казармы Леонсио Видаль?» — спросил ее отец. Лолита принялась убеждать его — дескать, боевой дух и так далее... В ответ отец сказал жене: «Лола, начинай укладывать вещи: когда эти парни пойдут назад, нам придется бежать с ними в горы».

Один очень молодой повстанец спросил Лолиту:

«— Сколько у Батисты солдат в городе?

— Тысяч пять, — ответила она и спросила, глядя ему в лицо: — Это много?

— Не знаю, много ли это, но для нашего командира, пожалуй, не слишком. Вот и все, что я могу сказать.

Асеведо выслал вперед взвод Пачо (Фернандеса Монтеса де Оку); тот смог пробраться глубже через предместья города и расположить в переулке засаду. Пачо увидел грузовик, развозивший молоко, и пропустил его, подумав: кто знает, через сколько дней горожане смогут получить молоко в следующий раз? Зато когда спустя несколько минут появился грузовик с солдатами, раздался беглый ружейный огонь, косивший противника. Почти сразу же появилась первая вражеская колонна. После краткой перестрелки группа Пачо отошла и присоединилась к отряду.

Основные силы колонны № 8 начали выдвигаться от университета ближе к восьми часам утра. Они шли, разобравшись в две «индейские цепочки», гуськом, вдоль кюветов. Че в сопровождении маленькой свиты шел посреди. Гарри Вильегас: «Когда мы вступили в Санта-Клару, народ говорил, что Че прибыл с тремя женщинами: одной блондинкой — это была Алейда, одной брюнеткой — имелся в виду я, и еще одной тощей — это был Парри-та. Всех смущал внешний вид мой и Парриты, так как у нас были густые копны волос и не росли бороды».

Когда авангард добрался до радиостанции СМК, его уже встречали двое студентов. Они крепко держали солдата, которого хотели передать повстанцам. Пока его допрашивали, на шоссе появился джип, по нему открыли огонь, и он, визжа шинами, умчался прочь. Асеведо приказал двигаться дальше, так как люди, находившиеся в джипе, обязательно сообщили бы о встрече на дороге. О том, что было дальше, рассказывал Гиле Пардо:

«Мы успели пройти не более 300 метров, когда внезапно из-за поворота шоссе показался легкий танк, открыв на ходу огонь. Мы немедленно остановились и принялись отстреливаться. Я помню, как перескочил с рюкзаком и винтовкой через забор из колючей проволоки, даже не уронив при этом шляпу».

Партизаны укрылись в дверных проемах и открыли ответный огонь. Легкий танк отступил, успев, однако, поразить насмерть пятерых и ранить еще нескольких повстанцев. Шоссе покрылось

пятнами крови. Затем раздалась стрельба на левом фланге колонны. Это вступили в бой солдаты с бронепоезда, расположившиеся на холме Карито.

На педагогическом факультете университета был устроен импровизированный центр переливания крови. Рассказывает доктор Адольфо Родригес де ла Вега:

«Фернандес Мель и я расположились на ночлег в углу одной из университетских аудиторий. Нас не разбудил даже ожесточенный обстрел во время авиационного налета. Время от времени на нас сверху сыпались разбитые стекла, но мы их не замечали. Раненые начали поступать примерно в час... Мы организовали дело так, чтобы заниматься на месте только наиболее серьезными случаями. Всех остальных можно было отправлять в Камагуани населенный пункт, расположенный неподалеку».

Повстанцы добрались до железнодорожных путей и заняли там первую линию обороны, чтобы отрезать располагавшихся на холме солдат и преградить путь любому подкреплению, которое могло появиться на шоссе. Тем временем, начиная с 8 часов 35 минут, в сражение включилась авиация. Над городом появились десять «Б-26» и «Ф-47» и принялись бомбить и обстреливать окрестности. Бомба, упавшая неподалеку от родильного дома, разрушила сразу восемь домов. Партизаны, продвигавшиеся к холму Капиро, и колонна Директората, наступавшая на казармы Лос-Кабальитос, подвергались наиболее интенсивному обстрелу. В отличие от жителей Эскамбрея, населению Санта-Клары еще не приходилось испытывать бомбардировок, и все обитатели города были перепуганы. Город сотрясался от разрывов бомб.

Отряд Директората, насчитывавший около ста человек, вступил в Санта-Клару по шоссе со стороны Маникарагуа. Люди ехали в колонне грузовиков, во главе которой следовали два легковых автомобиля. Они двигались довольно медленно из-за препятствий, которые успели воздвигнуть на дороге сами повстанцы, но зато довольно долго не имели столкновений с армией. Их Целью были казармы Лос-Кабальитос, где размещалось подразделение охраны шоссе, а также штаб и казармы 31-го эскадрона жандармерии. Наступавших там поджидали четыре сотни солдат при поддержке четырех танков. После первых стычек с армейскими заставами колонна разделилась на две части и, невзирая на бомбежку, продолжила движение.

К одиннадцати утра отряды Директората находились на расстоянии шестисот ярдов от казарм. Группы Ньевеса и Дреке заняли позиции в здании компании «Кока-кола» и родильном

доме

Кабреры. Абрантес начал атаку на Лос-Кабальитос и был отражен, но группа лейтенанта Лопеса сумела зайти в тыл к противнику. Дреке докладывал:

«Приблизительно в одиннадцать утра или в полдень ситуация стала совершенно критической; так, несколько солдат выехали из штаба эскадрона в легких танках и принялись обстреливать нас и товарищей, занявших позиции вокруг зданий. Жандармы стреляли, а затем отступали к казармам, в то время как другие продвигались в легких танках».

Полковник Касильяс, находившийся в казармах Леонсио Видаль, пребывал в отчаянии. Он не имел никакого представления о происходящем; ему было известно только то, что «мау-мау» на улицах города, атакуют военные посты и что он находится is положении обороняющегося. Он обратился по телефону к высшему командованию базы «Колумбия», в Гаване, с просьбой о переброске по воздуху подкрепления из Сьенфуэгоса и об усилении действия авиации. «Колумбия» отозвалась усилением бомбежек. Над окрестностями Санта-Клары снова повисли «Б-26» и «Морские фурии». Налеты продолжались с 10.42 утра до 4.54 пополудни.

Радиостанция СМК транслировала резкий голос с аргентинским акцентом, с несколько нечетким от усталости выговором: Че обращался к населению с предложением сотрудничать с повстанцами. «Военное положение режима ухудшается день ото дня, поскольку его солдаты не желают сражаться». В два часа утра передача была повторена радиостанцией Санкти-Спиритуса, а затем ее запись передали «Радио тьемпо», «Унион радио» и «Радио насьональ». Принимавшие активное участие в военных действиях подпольщики передавали обращение Че: командир повстанцев просил баррикадировать улицы, чтобы затруднить проезд бронеавтомобилям, и отключить электро- и водоснабжение города, чтобы тем самым осложнить положение осажденного гарнизона. Еще одна (и даже более мощная) организация Санта-Клары приступила к выполнению распоряжений Че, блокируя улицы автомобилями со спущенными шинами, матрацами и мебелью, выброшенными из окон.

Когда Че покидал здание радиостанции СМК, какая-то девушка попросила его попозировать для фотоснимка, и он согласился.

Че был озадачен: ситуация была далеко не ясной. Действительно, его войска продвигались по городу, но противник значительно превосходил его численностью, а легкие танки

делали еще большей разницу в силах. Контратака оборонявшихся могла бы оказаться смертельно опасной для партизан. Че сказал Фернандесу Мелю, что для овладения Санта-Кларой потребуется по крайней мере месяц боев и потому атаки необходимо усилить.

Че приказал начать реальное продвижение в центр города. В то время как взвод Рамона Пардо при поддержке «команды самоубийц» сдерживал солдат из бронепоезда, стрелявших с холма Капиро, главные силы повстанцев направились в центр Санта-Клары и с удивлением обнаружили, что жители открывают двери, приветствуют и предлагают им воду и кофе.

На южном фронте отряды Директората, переждав бомбежку, воспользовались наступлением сумерек и провели контратаку. В результате гарнизон Лос-Кабальитос отступил обратно в казармы. На направлении Санто-Доминго, к западу от Санта-Клары, отряды Виктора Бордона встретили и сумели остановить автоколонну с подкреплением, направлявшимся к противнику. На подходе к Хатибонико взводы Оло Пантохи и Сан-Луиса Рейеса также организовали скрытые заслоны и вели непрерывное наблюдение за местностью, чтобы не дать возможности никаким подкреплениям прорваться к центру провинции.

С наступлением сумерек повстанцы, несмотря на значительное число потерь, хотя и очень медленно, но двинулись вперед. Они сумели блокировать подкрепления, подходившие к Санта-Кларе и с востока, и с запада, и фактически заняли Тринидад. Преодолевая большие трудности, они начинали оказывать давление на центральные районы города. Армия, несмотря на свое материальное и численное превосходство, не была способна контратаковать или хотя бы мобилизовать те огромные силы, которые находились в казармах Леонсио Видаль. Гражданские жители перегораживали баррикадами улицы, чтобы не дать возможности оборонявшимся ввести в действие танки.

Тем утром капитан Асеведо организовал пулеметную точку в доме близ университета. Хозяин, профессор Луис Гарсия, спросил, можно ли будет ему уйти с повстанцами, если те потерпят поражение. Асеведо ответил: «Доктор, мы вовсе не собираемся отступать». Похоже было, что он собирался доказать свою правоту.

В ночь на 28 декабря Че перегруппировал свои силы и проанализировал некоторые важные и печальные уроки минувшего Дня. Он послал письмо Кубеле: «Мы лишь с трудом смогли немного продвинуться, потеряв четырех человек убитыми и еще несколько ранеными. Попытаем счастья этой ночью. Сообщи мне о своем точном положении, чтобы я мог действовать более уверенно. Че».

Той ночью Че опять не спал. Он носился со своим эскортом взад и вперед по железнодорожным путям, разыскивая уязвимые точки бронепоезда и наилучшее место для подрыва рельсов. Незадолго до рассвета при помощи желтого трактора «Катерпиллар Д-6», принадлежавшего сельскохозяйственному департаменту Сайта-Клары, повстанцы разобрали рельсы в двух с половиной милях от поезда. Армия лишилась возможности оттянуть поезд назад, к казармам Леонсио Видаль. Капитан Асеведо вспоминал, что Че «мог время от времени делать или приказывать сделать вещи, непосредственный смысл которых не доходил до нас, но в которых, как оказывалось потом, проявлялась его поразительная боевая интуиция».

Как только бронепоезд и холм Капиро оказались отрезанными, Че приказал усилить наступление на Санта-Клару. «Команда самоубийц» была направлена для атаки полицейского управления, подразделение Асеведо — к зданию суда и тюрьмы, а Аль-берто Фернандесу (Пачо) с малочисленным взводом был поручен «Гранд-отель». Отряду капитана Сайаса было приказано заняться солдатами, засевшими на холме Капиро, а капитану Альваресу — отправиться на усиление колонны Директората, которая вела бой с 31 -м жандармским эскадроном у казарм Лос-Кабальи-тос. Резервной группе, возглавляемой лейтенантом Пабло Ри-вальтой, было приказано направиться в район Дель-Кондадо, атаковать здания фирм «Рауль Санчее» и «Марти» и предпринять действия по сдерживанию войск, находившихся в казармах Леонсио Видаль. Отрезать главные силы и атаковать слабейшие звенья — таков был стратегический принцип Че во все предшествующие месяцы.

Войска Че вошли в Санта-Клару. Ривальта родился и вырос неподалеку от города, и поэтому его люди ясно представляли себе, куда направляться. Но не так обстояло дело с подразделением Асеведо, шедшим вначале по противоположной стороне той же улицы, или с «командой самоубийц», которые совершенно не ориентировались в Санта-Кларе. Да и сам Че, который на Кубе знал лишь горы Сьерра-Маэстры, Сьерра-Эскамбрея да тот маршрут, по которому прошел между ними во время вторжения, чтобы передвигаться по ночному городу, был вынужден пользоваться услугами проводников из подполья, и особенно Алейды Марч.

За ночь Сайта-Клара оказалась разрезанной на две части, а к рассвету повстанцы рассеялись по всему городу. Спустя несколько лет Че сказал, возможно, вспоминая и о событиях той ночи, что «партизанский боец — это ночной боец; другими словами, это значит, что он обладает всеми качествами ночного животного».

Дню 29 декабря предстояло стать поворотным этапом боев в Санта-Кларе. Войска Батисты сумели оправиться после неожи данного нападения, мобилизовать и развернуть свои силы и контратаковать партизан, которых значительно превосходили и числом, и вооружением. Но фронт Че был невидим — несуществующая передовая линия продолжала при поддержке населения продвигаться вперед, отсекая вражеские цитадели одну от другой и сдерживая солдат противника. Позднее Че в книге «Партизанская война», исполненной того специфического юмора, которому суждено будет сводить с ума военных теоретиков, скажет: «Не существует никаких определенных передовых линий. Передовая линия _ это понятие более или менее теоретическое». Вот и тогда, 29 декабря, никакой картограф не смог бы изобразить разделительную линию между солдатами и повстанцами: ее просто не существовало. Повстанцы внедрились в городской пейзаж, буквально пропитали его, просочились сквозь защитные кордоны полковника Касильяса и стреляли в упор.

Отряды Директората, атаковавшие казармы Лос-Кабальитос, возобновили наступление на рассвете. Роландо Кубела попал под пулеметную очередь и был ранен. Руководство наступлением перешло к Густаво Мачину Оеду, присланному к Че Директоратом.

Тем временем на беспомощный город снова обрушились удары авиации: Санта-Клару принялись обстреливать два «Б-26». Журналист Хосе Лоренсо Фуэнтес сообщал:

«Жители большинства районов, охваченных боевыми действиями, в испуге поспешно покидали свои дома. Старики, женщины и дети метались по улицам с крохотными узелками одежды в руках в поисках наиболее безопасного места, где можно было бы укрыться и спасти свои жизни. Голод, страдание и ужас отпечатались на их лицах. Авиация обстреливала крыши, и целые группы мирных жителей были ранены или убиты. Много тел пришлось захоронить на задворках даже без гробов. Двенадцатилетний мальчик был поражен в грудь пулеметной очередью, а родители даже не могли подойти к нему».

Взвод Асеведо нанес удар по зданию суда. Ривальта вступил в район Дель-Кондадо. Там его хорошо знали, и жители оказали ему восторженный прием. Люди выходили на улицы, угощали повстанцев едой и кофе. Сразу же началось изготовление «коктейля Молотова» и организация дружин из населения. Был усилен натиск на близлежащие казармы Леонсио Видаль. Военные предприняли пару попыток прорваться сквозь партизанские порядки с использованием танков, но оба раза были отогнаны сильным огнем стрелкового оружия и решили не

рисковать. Че пере нес свой командный пункт из университета поближе к району военных действий, в контору Управления общественных работ и зданий, расположенную на Центральном шоссе, менее чем к миле от того места, где были разобраны железнодорожные пути.

Несмотря на первые успехи, бой шел нелегко. «Наши люди сражались против солдат, поддерживаемых бронетехникой; мы обращали их в бегство, но дорого платили за это своими жизнями, и импровизированные больницы и кладбища начали заполняться ранеными и мертвыми».

Команда Ковбоя Кида захватила железнодорожный вокзал. Лейтенант Уго дель Рио имел там примечательную беседу по телефону:

«Телефон зазвонил, и я поднял трубку. Человек назвался командующим армией и спросил, какое положение в моем районе. Я ответил, что армия мятежников занимает городские улицы. Тогда он велел мне не волноваться, поскольку полиция скоро восстановит порядок, на что я ответил, что это будет трудно, так как мятежники владеют инициативой. Он спросил, кто с ним говорит. Я ответил: «Первый лейтенант Уго дель Рио». Он спросил, в каких я войсках состою: жандармерии или полиции. Я ответил, что ни в тех и ни в других, а в Повстанческой армии... Голос, ставший довольно злобным, сказал, что для того, чтобы навестить его в казармах Эсперанса, мне потребуется много храбрости. Я доложил о разговоре Че, и он велел мне убираться».

Че управлял военными действиями на бегу, появляясь внезапно в той или иной точке города, где шли ожесточенные бои. Он обладал хаотическим — но зато всеобъемлющим — представлением о происходящем благодаря контакту со всеми участками боевых действий и постоянному контролю за ходом операции. Около часу ночи в доме, принадлежавшем доктору Пабло Диасу, Че переговорил с двоими из своих капитанов, Гиле Пардо и Ковбоем Кидом; немного позже взводы Гиле и Альфонсо Сайаса начали атаки на полицейское управление и холм Капиро.

Повстанцы, разделившись на три группы, поднялись на холм и закидали солдат гранатами. В ответ их обстреляли из минометов. Но партизанам удалось использовать холм как укрытие от оружия бронепоезда, и они сумели лобовой атакой, перешедшей в рукопашную схватку, сбить солдат с позиций. Те спустились по противоположному склону холма и укрылись в бронированных вагонах. К трем часам дня поезд отступил, чтобы избежать огня повстанцев, которые, заняв позиции на холме, получили воз можность стрелять сверху вниз. Два локомотива стремительно повлекли поезд назад, но, пройдя приблизительно

четыре километра, машинисты внезапно увидели, что прямо перед носом отсутствует около двадцати метров рельсового пути. Никакое торможение помочь уже не могло, и поезд сошел с рельсов. Локомотив врезался в гараж, раздавив там несколько автомобилей. Шум стоял невероятный — не столько от столкновения, сколько от скрежета металла катившихся под откос вагонов. Романист Эд-мундо Десноэс так описал эту аварию:

«Поезд, весь перекошенный, лежал неподвижно. Зеленые бутылки кока-колы, темные бутылки пива «Хэть-юэй» и бесцветные бутылки «Кави», банки томатного сока «Либби», груш «Бартлет», супов из спаржи и гороха «Кэмпбелл» были разбросаны по всем вагонам, опрокинувшимся и искореженным с начала до конца, в дыму и пыли, окутывавшей состав».

Лейтенант Роберто Эспиноса с частью команды Гиле Пардо (сам Гиле находился в это время вместе с Че в центре города) атаковал бронепоезд неподалеку от перекрестка улицы Индепен-денсиа и шоссе на Камагуани и захватил сорок одного солдата, не дав им ни малейшего шанса для сопротивления. Эспиноса вспоминал: «Охранники не смели отойти от поезда и потому не знали, сколько нас было на самом деле. Мы безостановочно палили по ним, и чуть только кто-нибудь из них высовывал голову, то с ним было покончено. Кроме того, они были перепуганы крушением поезда».

И вот восемнадцать партизан полностью контролировали триста пятьдесят солдат, находившихся в бронепоезде. На крыше, в тридцати пяти — сорока ярдах от поверженного состава, был установлен пулемет 0,30-го калибра, очереди которого пробивали насквозь небронированные крыши вагонов. На поезд посыпались первые порции «коктейля Молотова». Эспиноса, захвативший три из двадцати двух вагонов, не давал пошевелиться обитателям остальных девятнадцати.

Че и капитан Пардо находились в центре города, пытаясь захватить танк, когда им сообщили об этих событиях. Че, не в силах сопротивляться искушению броситься в гущу боя, со всей возможной скоростью кинулся к железной дороге. Он вскарабкался на крышу одного из лежавших под откосом вагонов, в котором находилось 20-миллиметровое орудие.

«Тогда разыгрался очень интересный бой, в ходе которого людей выдавливали из бронепоезда при помощи «коктейля Молотова». Они были невероятно хорошо вооружены, но желали сражаться только на расстоянии, с удобных позиций и против фактически беззащитного врага, наподобие войны колонизаторов с индейцами на американском Западе. Их изводили люди, кидавшие в них бутылки горящего бензина с соседних вагонов и

других удобных точек. Благодаря стальной броне поезд обратился в настоящую духовку для солдат».

Пока шел этот бой, примчался посыльный с донесением о том, что по шоссе со стороны Камагуани к людям Батисты подходит подкрепление. Че оставил Пардо командовать захватом бронепоезда и бросился организовывать оборону.

Стрельба и забрасывание бутылками с горючей смесью продолжались. Часом позже Пардо предложил противнику капитулировать. После беседы с сержантом, который угрожал ему автоматом «томпсон» и отказывался сдаваться, а затем с главным врачом поезда он сумел вступить в контакт с командиром бронепоезда Гомесом Кальдероном, который согласился вести переговоры с Че, но только на борту поезда. Пардо послал гонца найти своего командующего. Че возвратился довольно скоро: новости о подходе армейских подкреплений от Камагуани оказались ложными, и он не успел отъехать далеко. Вместе с ним был представитель Красного Креста Леовальдо Карранса; он взобрался на фонарный столб и принялся размахивать белым флагом с красным крестом посередине, подавая тем самым знак, чтобы Че пропустили к поезду. Вдруг за спиной Че раздался голос: «Ты боишься?» Он оглянулся и увидел улыбающуюся Алейду.

Положив винтовку, Че пошел к бронепоезду и встретился на полпути с его командиром Гомесом, который держал в руке пистолет. Когда Че сказал, что у него нет оружия, Гомес отдал пистолет Каррансе.

«— Я хотел бы, чтобы наш разговор не могли слышать солдаты, — заявил Гомес, и Че согласился. Они вместе подошли к одному из вагонов.

— Майор, я даю вам слово чести, что если вы позволите нам вернуться в Гавану, мы не сделаем ни одного выстрела, — сказал командир бронепоезда.

Че улыбнулся.

— Я верю вашему слову чести, но не могу рисковать тем, что ваши пули убьют еще кого-то из кубинцев, хоть здесь, хоть там».

Че дал команде бронепоезда четверть часа на капитуляцию и предупредил его командира, что тот понесет личную ответственность за любое последующее кровопролитие. Но эти пятнадцать минут Гомесу не понадобились. Уже спустя несколько секунд из вагонов посыпались безоружные солдаты.

Повстанцы в изумлении уставились на захваченную добычу. Они чувствовали себя так же, как Али-баба, проникший в пещеру сорока разбойников, как Писарро1, обнаруживший сокровища инков: шесть базук, пять 60-миллиметровых минометов, четыре

пулемета 0,30-го калибра, 20-миллиметровое орудие, тридцать восемь автоматов «браунинг», гранаты, 600 автоматических винтовок, пулемет 0,50-го калибра и почти миллион единиц боеприпасов; «их зенитное оружие и пулеметы; их невероятное количество боеприпасов...» В бронепоезде было больше вооружения, чем имелось у всех повстанческих сил в Сайта-Кларе.

Оружие было сразу же распределено по различным частям города. Че приказал изыскать возможность немедленно доставить одну базуку Камило Сьенфуэгосу в Ягуахай. Как было решено во время кратких переговоров о капитуляции, Че приказал троим из своих людей — доктору Адольфо Родригесу де ла Вега, Антонио Нуньесу Хименесу и Серафину Руису — сопровождать разоруженных пленных (почти четыреста человек) в Кайбарьен, чтобы передать их командиру стоявшего там фрегата, который доставил бы их в Гавану. Геваре было необходимо сбыть пленников с рук: он не мог выделить людей для их охраны, когда судьба сражения оставалась далеко не ясной. Кроме того, он подумал и о деморализующем эффекте от появления в Гаване побежденных солдат из такого крупного подразделения, как команда бронепоезда. Но вообще-то картина получилась довольно абсурдная: трое революционеров конвоируют четыреста солдат противника.

Спустя непродолжительное время авиация принялась бомбить потерпевший крушение поезд. Че попросил одного из активистов Д26 передать с радиостанции приказ об отправке из Кабальете-де-Каса подкрепления: теперь было чем вооружить людей.

Тем временем наступление повстанцев в Сайта-Кларе продолжалось. Взвод Альберто Фернандеса Монтеса де Ока, временами вступая в ожесточенные стычки, приближался к казармам Леонсио Видаль. Подразделение Ковбоя Кида наступало на полицейский участок. Колонна Директората продолжала осаду казарм 31-го эскадрона жандармерии. Взвод Уго дель Рио после драматической перестрелки с легким танком и бронеавтомобилем присоединился к отряду Кида.

Хотя в городе было отключено электроснабжение, очень многие жители продолжали и ночью следить за ходом битвы. Из сообщения СМК им стало известно о судьбе бронепоезда. По поручению Че передачи вела группа подпольщиков Движения 26 июля. Радиостанция была оснащена вспомогательным электрогенератором, а ее передачи можно было слушать по батарейным радиоприемникам. Радиоволны разносили следующее сообщение:

«Внимание, говорит колонна № 8 имени Сиро Редондо

Повстанческой армии Движения 26 июля. В ближайшее время мы передадим по радио сообщение для населения Кубы и особенно провинции Лас-Вильяс о наступлении повстанческих сил, штурмующих Санта-Клару. Только что в плен сдалось более трех сотен офицеров и рядовых из числа армейского инженерного корпуса».

На следующее утро, 30 декабря, «Радио ребельде» опровергло телеграфное сообщение Международного агентства печати, в котором говорилось о гибели Че:

«Чтобы успокоить родственников в Южной Америке и жителей Кубы, мы желаем удостоверить вас в том, что Эрнесто Че Гевара жив и пребывает на передовой линии. Он захватил бронепоезд, о чем мы сообщали недавно, и скоро займет город Санта-Клара, который был атакован несколько дней тому назад».

Запасы вооружения, захваченные в бронепоезде, были использованы для мобилизации оставшихся людских резервов из лагерей Кабальете-де-Каса, Эль-Педреро, Гавильянос и Мана-кас, которым предстояло усилить отряды, участвовавшие в боях. Благодаря приливу свежих сил, преимуществу, достигнутому накануне, и всесторонней поддержке со стороны населения отряды повстанцев смогли записать на свой счет все новые и новые победы.

Авиация в тот день произвела тридцать налетов на город. Вскоре после бомбежки в руках повстанцев оказались казармы Лос-Кабальитос. Часть солдат отчаянно пыталась пробиться к штабу 31-го эскадрона, но оказалась под перекрестным огнем партизан и жандармов. Несколько человек было убито или ранено, а остальные сдались бойцам Директората.

Самая жестокая борьба в тот день шла за полицейское управление, которое защищали почти четыреста полицейских во главе с полковником Корнелио Рохасом, у которых на вооружении было несколько легких танков. У Рохаса были серьезные основания стремиться избежать плена: он был известен недавними пытками и убийствами мирных жителей. Команда Ковбоя Кида окружила здание, но партизанам было чрезвычайно трудно приблизиться к нему. Даже при поддержке пяти других подразделений и части взвода Че осаждавших насчитывалось не более семидесяти человек. В узких улочках, окружавших управление, они не могли свободно маневрировать, и несколько человек уже получили ранения. Хуже того, полицейское управление, располагавшееся перед парком Дель-Кармен, находилось на расстоянии всего-навсего пятисот ярдов от казарм Леонсио Видаль, и оттуда в любой момент могла последовать контратака. Эмеридо Мерино, отбивая дом за домом, убирая

одного постового за другим, подтянул свое отделение поближе к зданию; его шляпа уже напоминала решето.

Ковбой Кид приказал применить новую тактику поиска наилучшего положения для начала атаки: продвигаться не вдоль домов, а сквозь них. Партизаны при помощи жителей принялись пробивать стены, приближаясь таким образом к церкви, расположенной напротив управления полиции. Район прорезали невидимые тропы.

Вторым путем подхода были крыши. Ковбой Кид, как обычно, не обращал внимания на опасность и слишком много рисковал. Товарищи упрекнули его за это и услышали обычный ответ: «Пулю, которая попадет в тебя, не услышишь». Он занял позицию на крыше дома на улице Гарофало, приблизительно в пятидесяти метрах от полицейского управления. Вместе с ним были Орландо Бельтран и Леонардо Тамайо, который успел к тому времени оправиться от ран в кабайгуанском госпитале. Орландо позднее докладывал: «Едва мы успели найти укрытие, как увидели группу из шести жандармов, бежавших через парк. Мы атаковали их, но два танка, находившиеся поблизости, начали стрелять в нас из своего оружия тридцатого калибра».

Об остальном рассказывал Тамайо:

«Я крикнул: «Кид, ложись, или тебя убьют!», но он не послушался. Тогда я крикнул снова: «Эй, что с тобой, почему ты не стреляешь?» Он не ответил. Я посмотрел и увидел, что он залит кровью. Мы сразу подняли его, понесли к врачу. Но рана оказалась смертельной: пулевое попадание из «М-1» в голову».

Че, пробираясь через дома к передовым позициям, с которых предстояло атаковать полицейское управление, увидел людей, несших тело Ковбоя Кида. Он был глубоко удручен гибелью самого боевого, пылкого и бесстрашного из своих капитанов. «Это все равно, как если бы они убили сотню моих людей».

вал и возможность поражения. Поэтому он предусмотрел образ действий, позволявший сохранить значительную часть своих сил и восстановить фронт в случае необходимости.

31 декабря молодой журналист встретился с майором Геварой в здании Департамента общественных работ, где размещался командный пункт Повстанческой армии. Авиация Батисты продолжала налеты на город, и взрывы бомб, сбрасываемых с «Б-26», были слышны издалека.

«Кто-то из стоявших рядом показал мне Че. Это действительно был он, тощий, со спутавшимися волосами, в изодранной форме и с рукой на перевязи. Его нельзя было бы отличить от самого обычного солдата, если бы не

проницательные и необыкновенно яркие глаза на этом утомленном лице».

Че находился на грани изнеможения, но ему еще предстояло разделаться с полицейским участком, стоившим революционной армии одного из ее лучших капитанов, и с казармами Леонсио Видаль, в которых засела тысяча триста человек, по-прежнему имевших огневую мощь, превышавшую возможности всех революционных сил в городе. Он также должен был уничтожить снайперов, расположившихся в «Гранд-отеле» и здании суда, и захватить казармы жандармерии, продолжавшие приковывать к себе колонну Директората.

Че готовил решающий удар, исходя из точной оценки настроения, преобладавшего среди солдат Батисты: никто из них не стремился перейти в контрнаступление. Он брал на себя огромную ответственность, четвертый день подряд бросая в сражение бойцов, которым давно уже не удавалось хоть немного поспать, которые были предельно измотаны несколькими неделями непрерывных боев и потеряли многих из своих командиров... А ведь этим бойцам постоянно приходилось иметь дело с превосходящими силами врага, располагавшего поддержкой танков.

«Я помню эпизод, продемонстрировавший, насколько велика была сила духа наших войск в те последние дни. Я отругал солдата, который спал во время боя, а тот сказал мне, что у него отобрали оружие за то, что он плохо стрелял. Со своей обычной краткостью я ответил ему: «Иди без оружия на передовую и захвати себе другую винтовку... если сможешь». Позже, в Санта-Кларе, когда я навестил раненых в центре переливания крови, умирающий человек коснулся моей руки и сказал: «Помните, командир? Вы в Ремедиосе велели мне добыть себе винтовку... так вот, я добыл ее здесь». Это был тот самый боец, который плохо стрелял. Он умер спустя несколько минут и, казалось, был счастлив оттого, что успел доказать мне свою храбрость».

Погибшего подростка звали Мигель Аргин.

В то утро бои в Санта-Кларе шли повсеместно. «Команда самоубийц», стремившаяся отомстить за своего командира и получившая подкрепление, готовила решающую атаку на полицейский участок. А там, внутри, начался разлад. Полковник Рохас застрелил одного из своих офицеров, капитана Оливеру, за то, что тот хотел сдаться. В задней стене кармелитской церкви, из которой группа повстанцев накануне выбила солдат, проделали бойницу, сквозь которую вели беспокоящий огонь по штабу. Водитель танка, попытавшийся прорваться оттуда, был поражен пулей в голову, и его тело так и осталось на месте гибели. Потери

начали серьезно сказываться на настроении оборонявшихся; кроме того, они не имели возможности оказать помощь раненым. Полицейские были голодны, деморализованы и находились под постоянным обстрелом. К четырем часам дня полковник Рохас попросил о перемирии, чтобы вынести раненых. Тамайо предоставил на это два часа и намекнул, что Рохас мог бы подумать и о капитуляции. Они вели переговоры посреди улицы, но так и не достигли соглашения. Когда стрельба уже должна была возобновиться, полковник еще раз обратился к Тамайо, после чего тот в сопровождении нескольких повстанцев отправился в осажденное здание; сопровождавшие остались снаружи. Оказавшись внутри, Тамайо обратился непосредственно к полицейским, объявив им, что если они не желают больше сражаться, то им нужно всего-навсего бросить оружие на пол и по одному выходить наружу. Полицейские сразу же начали покидать управление, словно получили приказ от самого полковника Рохаса. Их оказалось триста девяносто шесть человек против ста тридцати повстанцев. Рохас в панике скрылся. Горожане, вошедшие в освобожденное полицейское управление, обнаружили в подвале орудия для пыток.

Полицейский участок оказался не единственной захваченной цитаделью. Здание администрации провинции с его сотней солдат было атаковано с фронта отрядом Альфонсо Сайаса, а с тыла — взводом Альберто Фернандеса (Пачо), которому удалось проникнуть в здание, проломив несколько стен. Появление Пачо с гранатой в руке оказалось настолько неожиданным для солдат, что те поторопились сдаться.

Капитан Асеведо со своим подразделением захватил здание суда несмотря на то, что в его обороне участвовали танки. В это время произошел очередной авиационный налет на город. Пять самолетов сбрасывали пятисотфунтовые бомбы, которые разрушали здания, словно те были сделаны из бумаги. Бомбардировщики особенно старались поразить только что захваченный суд, но в действие были пущены снятые с бронепоезда зенитные установки, и самолеты исчезли с неба над Санта-Кларой.

Затем настала очередь тюрьмы. Политические заключенные были освобождены, а уголовники в суматохе улизнули сквозь пролом в стене. Подразделения повстанцев, завершившие действия в центре города, подходили к казармам Леонсио Видаль, усиливая нажим на них. Шла помощь и к отряду Ривальты, который умудрился укрепиться в сотне ярдов от базы в районе Дель-Кон-дадо.

В самом разгаре был бой в «Гранд-отеле», где на десятом

этаже засела дюжина снайперов, а также полицейские и ненавидимые всеми палачи — сотрудники военной секретной разведывательной службы. Их обстреливали из парка и зданий напротив. Группе под руководством Альберто Фернандеса Монтеса де Оки удалось поджечь «коктейлем Молотова» второй этаж гостиницы. Солдаты оказались заперты в здании: водоснабжение было отключено, запасов продовольствия у них также не было. Но они ранили нескольких мирных жителей, пытавшихся пересечь парк, добровольцев из числа горожан и все еще имели вдоволь боеприпасов. Команда во главе с юным Асеведо вступила в «соревнование по битью стекол» со снайперами Батисты. Пули партизан ложились все точнее и точнее.

В начале второй половины дня Че услышал по радио, что гарнизон Ягуахая сдался отряду Камило, который теперь получил возможность принять участие в заключительной атаке на казармы Леонсио Видаль.

Полковник Касильяс Лумпи говорил с Батистой в десять часов утра. Он сообщил диктатору о том, что город вот-вот окажется в руках мятежников и что он срочно нуждается в подкреплениях. Ему не удалось добиться от Батисты ничего, кроме фальшивых обещаний. После обращения к своим офицерам и солдатам, в котором полковник требовал от них продолжения героического сопротивления, Касильяс Лумпи облачился в штатское платье, надел соломенную шляпу и, объяснив, что отправляется в инспекционную поездку по провинции, сбежал из казарм вместе со своим начальником штаба Фернандесом Суэро.

Теперь у войск Батисты осталось только три вооруженных анклава: «Гранд-отель», штаб 31-го эскадрона и казармы Леонсио Видаль. Че знал, что вот-вот должно начаться заключительное наступление на Сантьяго-де-Куба и что поэтому он обязан немедленно уничтожить эти три очага сопротивления. Заканчивался 1958 год.

22. Первый день революции.

В самые первые часы 1 января 1959 года — в 3.15 ночи, если указать точнее — с аэродрома военной базы «Колумбия» в предместьях Гаваны вылетели четыре пассажирских самолета «Аэровиас-Q». Перед тем как взобраться по трапу в первый из них, Фульхенсио Батиста сказал генералу Эулогио Кантильо, что возлагает на него ответственность за страну, за положение в ней, и наговорил еще много тому подобной ерунды. После этого диктатор взмыл в небеса. Батиста предполагал укрыться в Майами, но его спутники изменили маршрут, и в результате авиакараван приземлился в Санто-Доминго; Батиста прибыл в гости к другому кровожадному диктатору, Леонидасу Трухильо. Газеты Гаваны поместили телеграфное сообщение «Ассошиэйтед Пресс» о том, что «правительственные отряды при поддержке танков и авиации разбили отряды мятежников в предместьях Санта-Кла-ры и отбросили их вспять, в восточную часть провинции Лас-Вильяс».

В Сайта-Кларе день только-только разгорался, когда жандармы в штабе 31-го эскадрона прекратили стрельбу. Виктор Дреке осторожно подошел поближе. Из окна размахивали белым флагом. Роландо Кубела, вернувшийся к своим бойцам после кратковременного визита в госпиталь, только что получил краткую записку от Че: «Роландо. Требуй безоговорочной сдачи. Я поддержу тебя любыми необходимыми фарсами. Поздравляю. Че». 31 -и эскадрон наконец-то сдался. Слух о том, что Батиста сбежал, молниеносно распространился среди солдат, понявших, что их предали. Повстанцы в изумлении смотрели друг на друга. Было ли это настроение повсеместным? Капитан Мильян, командир сдавшегося подразделения, с разрешения Директората связался по радио с казармами Леонсио Видаль; офицер оттуда в ответ осыпал его оскорблениями. Гражданское население ринулось на улицы и в полном восторге взирало на побежденных солдат, стоявших перед казармами, стены которых были густо испещрены сотнями пулевых отверстий. Пленников отвели к Че, в штаб повстанческих войск.

«Гранд-отель» тоже должен был вот-вот сдаться. Снайперы, отрезанные на десятом этаже, вынуждены были пить кофе из пепельниц и грабить бар. Капитан Альфонсо Сайас подогнал на площадь перед гостиницей танк и разнес вдребезги пару окон. Вверх по лестнице бросились бойцы Альберто Фернандеса Монтеса де Оки, и снайперы сдались. Дюжина полицейских, тайных агентов и мастеров пыточных дел вышла с поднятыми руками,

осыпаемая ругательствами.

Теперь оставались только казармы Леонсио Видаль. После бегства Касильяса Лумпи и Фернандеса Суэро гарнизон возглавил полковник Кандидо Эрнандес. Лейтенант Уго дель Рио, использовав рацию из патрульного автомобиля, захваченного у полицейского штаба, вошел в контакт с полком. Офицер, ответивший по радио, потребовал перемирия. Дель Рио ответил, что на этот вопрос может ответить только Че, но согласился разыскать его, чтобы сообщить о просьбе осажденных. Он нашел Че в штабе колонны, где тот беседовал с картографом Антонио Нуньесом Хименесом и доктором Адольфо Родригесом де ла Вегой. Че вместе с доктором пошел к патрульному автомобилю; снова связались по радио с осажденным полком. Че согласился отправить Нуньеса Хименеса и Родригеса де ла Вегудля переговоров с полковником Эрнандесом. Тот почти сразу же потребовал перемирия на неопределенный срок, на что эмиссары ответили, что единственный приемлемый для них вариант — это безоговорочная капитуляция. Полковник Эрнандес сказал в разговоре, что в бою погибли его брат и сын, что он уже полностью выполнил свои обязанности перед страной и теперь поручает принять решение своему заместителю Фернандесу и старшим офицерам. Фернандес потребовал переговоров с Че.

Перед самым началом второго раунда переговоров радиоприемник казарм Леонсио Видаль принял обращение главного штаба вооруженных сил из Гаваны. Говорил генерал Кантильо.

«Новости поступали совершенно исключительной важности, но при этом были противоречивыми. Батиста рано утром сбежал из страны, и все командование вооруженными силами полностью нарушилось. Наши два делегата установили по радио контакт с Кантильо, передав ему предложение сдаться, но тот ответил, что не может его принять, поскольку оно звучит как ультиматум, и что он занял пост командующего вооруженными силами согласно строгому приказу самого Фиделя Кастро».

Эрнандес попросил Нуньеса и Родригеса переговорить с Кантильо, который предложил им перемирие. Они повторили, что речь может идти только о безоговорочной капитуляции. Кантильо попытался обмануть их, сказав, что по распоряжению Фиделя Кастро сформировал временное правительство и потому не может при таких условиях сдать казармы. Беседа закончилась оскорблениями.

За несколько часов до того, в полвосьмого утра, в здании управления сахарным заводом «Америка» Фидель Кастро подошел к двери, чтобы выпить чашку кофе на свежем воздухе. Он ругал

про себя безответственных повстанцев, которые бездумно тратили и без того скудные боеприпасы, стреляя в воздух в честь наступления Нового года. Удивительные новости по поводу бегства Батисты, переданные по «Радио ребельде», привели Фиделя в бешенство — диктатор скрылся, и все происходящее мерзко пахло государственным переворотом. Он велел собрать своих капитанов, чтобы немедленно выйти в поход на Сантьяго.

Новости подтвердились. Новым президентом был объявлен судья Верховного суда Карлос Пьедра. Кантильо, получавший в американском посольстве советы по поводу того, как проще справиться с революцией, стал главнокомандующим вооруженными силами.

Фидель приколол лист бумаги к платяному шкафу и написал: «Революция — да, военный переворот — нет». Затем он написал призыв к всеобщей забастовке, сел в джип и поехал на «Радио ребельде», чтобы сделать запись обращения. Оно вышло в эфир в десять часов утра, а позднее было передано множеством радиостанций не только Кубы, но и других стран Латинской Америки.

Че услышал обращение Фиделя почти в то же самое время, когда получил самую последнюю информацию из осажденных казарм.

«Мы немедленно вошли в контакт с Фиделем, передав ему новости, но сообщили при этом и наше мнение относительно замыслов Кантильо, которое полностью совпадало с его мыслями. Позволить создать военную хунту значило потерять все достижения и перспективы революции, заставив ее вести переговоры с остатками диктатуры».

Полковник Эрнандес настаивал на разговоре с Че. Нуньес и Родригес отправились вместе с ним. Че очень резко говорил с новым командиром полка. Как вспоминали присутствовавшие, он сказал следующее:

«Послушайте, полковник, мои люди уже обсудили этот вопрос с высшим командованием. Вы можете выбирать между безоговорочной сдачей или обстрелом, но настоящим обстрелом, без всякой пощады. Весь город уже в наших руках. В 12.30 я отдам приказ возобновить атаку с использованием всех наших сил. Мы захватим казармы любой ценой. Ответственность за кровопролитие ляжет на вас. Кроме того, вы должны знать, что существует возможность военного вмешательства американского правительства в события на Кубе; если это произойдет, то ваше преступление станет еще более тяжким, так как это будет означать вашу поддержку иностранного захватчика. В таком случае единственной возможностью которая останется у меня

будет дать вам пистолет, чтобы совершить самоубийство, так как вы будете виновны в измене Кубе».

Эрнандес возвратился, чтобы обсудить условия со своими офицерами. А солдаты тем временем уже начинали покидать свои посты и брататься с мятежниками. Военные колебались. За несколько минут до назначенного времени, когда повстанцы уже зарядили винтовки и изготовились стрелять, осажденные согласились капитулировать на следующих условиях: они получают возможность без оружия покинуть казармы и отправиться в Гавану через Кайбарьен. Те, кто был виновен в насилии против населения, будут исключены из соглашения.

Пока за стенами казармы шли переговоры, солдаты за десять минут до окончания перемирия начали по собственной инициативе бросать оружие и выходить к передовой линии повстанцев. Это случилось в 12 часов 20 минут дня 1 января 1959 года. Казармы капитулировали без единого выстрела.

На фотографиях запечатлены жители Санта-Клары, в изумлении рассматривающие разбитые вагоны и массу искореженного железа, в которую превратился бронепоезд; победители-повстанцы перед неподвижными танками; бородатые молодые партизаны, «барбудос», на фоне рябых от следов пуль стен притихших казарм; кучка разоруженных солдат Батисты, окружившая молодого повстанца, который что-то вещает им; Че, дающий указания, стоя около танка; он поддерживает загипсованную левую руку правой. Из-под берета с кокардой в виде пересекающихся мечей смотрят остекленевшие от усталости глаза, с губ, искривленных улыбкой, свободно свешивается сигара.

Фидель объявил о переходе в решительное наступление в нескольких коммюнике, переданных одно вслед за другим по «Радио ребельде». В них он потребовал капитуляции гарнизона Сантьяго и приказал Че и Камило Сьенфуэгосу выйти в наступление на Гавану. Че должен был взять крепость Ла-Кабанья, а Камило — цитадель Батисты, военную базу Колумбия. Колонне Виктора Моры было поручено захватить города Гуантанамо, Ольгин и Виктория-де-лас-Тунас. Всеобщая забастовка в Сантьяго была назначена на три часа дня.

Энрике Ольтуски, региональный координатор Движения 26 июля, который, преодолевая множество неприятностей, непрерывно метался по стране, привез Че письмо от Фиделя в самый разгар уличных торжеств. Он нашел Че на его командном пункте в департаменте общественных работ.

«Че стоял передо мною за большим бюро. Одна рука у него была перевязана и висела на повязке из черной тряпки. Мы

кратко поздравили друг друга. Че сделал мне знак подождать, пока он даст указания одному из повстанцев, который, слишком еще молодой для бороды, отпустил длинные волосы.

Комната была маленькой, а все окна закрыты. Мне понемногу стало жарко. Затем я почувствовал резкий, неприятный запах тела Че. Время тянулось очень медленно. Я вытащил письмо Фиделя из-под подкладки своих штанов; это был приказ выступить на Гавану. Наконец повстанец ушел, и я вручил бумагу Че.

Закончив читать, он повернулся к окну и посмотрел наружу:

— Да, я уже знаю. Мы отправимся через несколько часов.

— Но каким образом?

— Мы сумели связаться с Фиделем по радио.

Я почувствовал себя чрезвычайно обиженным...

Он уже назначил гражданского губернатора области, пояснив, что желал бы поручить эту обязанность человеку из своей колонны (это был капитан Каликсто Мора-лес), хотя основной причиной было политическое недоверие, которое Че постоянно испытывал к нам, представителям Равнины».

Тем временем, как только в Гаване разошлись новости о том, что Батиста бежал из страны, студенты начали собираться в университет, и на университетском холме развернулись знамена Д26. Население переполняло улицы. Под шумок начался грабеж гостиниц и казино в Билтморе и на Севилья-пласа. Дружинники Д26 заняли редакции газет, сочувствовавших Батисте. Полицейские обстреливали из пулеметов различные районы города. Политические заключенные, содержавшиеся в тюрьме Принсипе, были освобождены. Группа «Ресистенсиа Сивика» («Гражданское сопротивление») заняла радиостанцию СМК. Посреди всеобщей неразберихи представители городских организаций Д26 и Второго фронта взялись за заполнение чреватого неприятностями вакуума власти — ведь в казармах все еще находились тысячи солдат Батисты, руками которых можно было достаточно оперативно установить режим военной диктатуры. Несколько полицейских участков оказались покинуты личным составом, лишь в нескольких предместьях время от времени вспыхивала стрельба по все увеличивавшимся толпам, заполнявшим улицы.

В два часа дня посол США Эрл Т. Смит в сопровождении всего дипломатического корпуса встретился с генералом Канти-льо (а не с президентом Пьедрой: дипломаты не питали никаких иллюзий по поводу носителя реальной власти). Соединенные Штаты искали пути, благодаря которым после бегства диктатора удалось бы, во-первых, избежать оказания поддержки Фиделю и Д26, во-вторых, удалить с политической сцены силы, лояльные к

Батисте, и, в-третьих, поддержать видимость своего нейтралитета. Осуществить переворот должны были «честные военные» — группа, возглавлявшаяся полковником Рамоном Баркином и Борбонетом, которые уже некоторое время тому назад организовали заговор с целью свержения Батисты. Они находились в тюрьме, но Кантильо уступил давлению американцев и в семь часов вечера того же дня освободил из заключения на острове Пинос ряд офицеров, а также одного из лидеров Д26 Армандо Харта.

Народ находился на улицах. Вся Санта-Клара была охвачена шумными уличными гуляньями, и в центре внимания толп находились повстанцы. Главными занятиями освобожденного города в этот день были пение и танцы, но за победителями сохранялась и обязанность формировать расстрельные команды для казни захваченных палачей.

Ольтуски вспоминал:

«Новость о том, что армия диктатуры сдалась, распространилась по всему городу, и тысячи людей столпились вокруг здания, в котором мы находились. Они знали, что там был Че, и никто не хотел пропустить возможность увидеть его. Мы были вынуждены поставить охрану у входа, чтобы удержать охваченные бурными чувствами массы народа.

На верхнем этаже была устроена импровизированная тюрьма для военных преступников, принадлежавших к репрессивным органам; их одного за другим раскрывали и ловили жители».

В различных источниках приводятся противоречивые сведения об именах и количестве, но не подлежит сомнению, что в первые же часы после освобождения Санта-Клары Че подписал смертные приговоры нескольким полицейским Батисты, которые, по словам жителей, являлись мучителями и насильниками. В их числе были пленные снайперы из «Гранд-отеля» и Касильяс Лумпи, схваченный людьми Виктора Бордона при попытке выбраться из города. «Я сделал не больше и не меньше, чем требовала ситуация — то есть подписал смертные приговоры этим двенадцати убийцам за то, что они совершали преступления против народа, а не против нас». Приговоренный к смерти Касильяс не был казнен; он погиб в борьбе с одним из конвойных солдат, сопровождавших его к месту казни. Фотография Касильяса в рубашке с короткими рукавами, пытающегося вырвать винтовку из рук конвойного солдата, вскоре обойдет весь мир. Полицейский начальник Корнелио Рохас, арестованный в Кайбарьене при попытке скрыться, был расстрелян спустя один-два дня.

В то время как Че и бойцы Директората полностью

контролировали ситуацию в Сайта-Кларе и не выпускали из своих рук захваченного оружия, жители Гаваны стремились как можно скорее осуществить недоступное в течение многих лет правосудие и отомстить угнетателям и их пособникам. Своего рода обоснованный и выборочный вандализм продемонстрировали толпы, напавшие на бензоколонки, принадлежащие компании «Шелл», которая, как считалось, сотрудничала с Батистой, предоставляя ему танки. Разрушали казино, принадлежавшие американской мафии и преступному миру, поддерживавшему Батисту, ломали на стоянках автомобилей счетчики оплачиваемого времени, при помощи которых власти выкачивали деньги из всех и каждого, громили дома ведущих соратников диктатора. (Так, в доме Муха-ля выбросили из окна даже кондиционер.) Репрессивный аппарат диктатуры ни в коей мере не контролировал события; наоборот, он развалился вторым по счету в ходе массового бегства кадров Батисты. Ни Кантильо, ни Баркин не были в состоянии заполнить образовавшееся безвластие, так как революционные силы отказались вступить с ними в переговоры. Телевизионные студии были захвачены, в эфире шло спонтанное расследование преступлений приказавшего наконец-то долго жить режима Батисты, и бесчисленные свидетели давали показания об ужасах недавнего прошлого.

Капитуляция Сантьяго произошла в девять часов вечера. Фидель вступил в столицу провинции Орьенте. Судья Мануэль Ур-рутия принес присягу в качестве президента страны. Фидель объявил о начале своего похода на Гавану и повторил призыв к революционной забастовке. «Радио ребельде» объявило о введении «сухого закона» в занятых революционерами городах.

Че в Сайта-Кларе приступил к переформированию отдельных взводов своей колонны. Были вызваны отряды Виктора Бор-Дона и Рамиро Вальдеса. Автомобили с громкоговорителями разъезжали по улицам, объявляя, что партизаны должны срочно вернуться в свои подразделения. Че узнал, что некоторые из бойцов присвоили себе автомобили, брошенные на улицах беглыми сторонниками Батисты, и гневно приказал немедленно сдать ключи. «Они не имели права в несколько секунд разрушить основной закон Повстанческой армии — уважение к другим. Они направлялись в Гавану — на грузовиках, автобусах, пешком, но все должны были совершить этот поход в одинаковых условиях». Он по-настоящему яростно изругал Рохелио Асеведо, который реквизировал «Крайслер» 58-го года выпуска, хотя этот боевой капитан, если вспомнить, был всего-навсего подростком.

В это время Че получил от Элоя Гутьерреса Менойо

коммюнике, согласно которому в его, Че, распоряжение передавались силы Второго фронта. «Не было никакой проблемы. Мы дали им инструкции — подождать до тех пор, пока мы не организуем гражданскую жизнь в первом же крупном городе, который будет захвачен».

Боец по имени Мустельер попросил у Че отпуск, чтобы навестить семью в провинции Орьенте. Командир кратко и твердо отказал ему.

«— Но, Че, мы ведь уже выиграли революцию.

— Нет, мы выиграли войну. А революция начинается сейчас».

Той ночью в штаб колонны № 8 прибыл Камило. Два друга встретились в здании департамента общественных работ. Бойцы из колонны Камило за это время подготовили 600 бутербродов и двадцать четыре корзины солодового пива «Хэтьюэй». Им предстояло первыми отправиться в Гавану. По приказу Фиделя Кастро, Че должен был отправиться без отряда Директората, который содействовал ему во время всех предыдущих дней борьбы за Санта-Клару. Почему? Было ли это решение принято вследствие приступа сектантства или из-за того, что в эти моменты неуверенности он не испытывал достаточного политического доверия к силам, представлявшим в значительной степени радикальное крыло студенчества? Или у него возникло желание предоставить Движению 26 июля монополию на победу? Причина этого неудачного решения скорее всего никогда не будет понята. Немного ранее Че встретился с Фауре Чомоном из Директората, который только что прибыл из Тринидада. Он был вынужден объяснять Фауре, что получил приказ отправляться в столицу только со своей колонной. После месяца тесного сотрудничества между двумя революционными силами оказалось непростой задачей объяснить, почему Фидель отстранил отряды Чомона от заключительного наступления (или, по крайней мере, временно вывел их из игры).

Из воспоминаний Ольтуски:

«Нас осталось немного в департаменте общественных работ. Усталость, накопленная в течение многих дней, потребовала своей дани, и некоторые пошли по домам; другие улеглись прямо на земле или на заграждениях из мешков с песком.

В зале спали все, кроме Камило, который только что прибыл, Че и меня. Камило непрерывно шутил по поводу забавных сторон его самых последних приключений. Мы растянулись на полу, где были разложены какие-то мешки, в слабом свете фонарей, пробивавшемся сквозь стекла окон.

Кто-то пришел и принес полную корзину яблок. Тогда мы поняли, что наступил Новый год — и, несмотря на разногласия,

которые возникли между нами, мне стало хорошо среди этих людей. Снаружи раздался все усиливавшийся шум, а потом вошел кто-то из повстанцев и сказал, что они готовы. Мы поднялись и вышли. Ночь была прохладной. Громко ревели двигатели, ярко светили фары. Зрителей в это время оказалось немного».

Колонна Камило вышла в направлении Гаваны в 5 часов 50 минут утра 2 января.{18}

23. Долгий январь 1959 года.

Утром 2 января по улицам Санта-Клары разъезжали автомобили с громкоговорителями, передававшие объявление, которое к тому же многократно повторялось в передаче "Радио ребельде": "Членам колонны № 8 сообщают, что по приказу майора Эрнесто Че Гевары они должны немедленно собраться в лагере, пройти переформирование и выходить на марш".

К. трем часам дня около четырехсот человек выстроились перед казармами Леонсио Видаль, а затем покинули провинцию Лас-Вильяс в джипах, грузовиках и бронетранспортерах. Че путешествовал в дряхлом "Шевроле" оливкового цвета. С ним ехала Алейда Марч и его обычная свита: Гарри Вильегас, Эрмес Пенья, Мендоса Аргудин, а за рулем Альберто Кастельянос. Вшестером в автомобиле было не очень-то удобно. Че, не слишком уверенный в водительских способностях крестьянских парней, взявшихся управлять автомашинами, с улыбкой предупредил: "Я расстреляю любого, кто наедет на пешехода, устроит аварию или столкновение".

Вторая часть колонны № 8 под руководством Рамиро Вальдеса, которому предстояло еще собрать некоторых солдат, должна была выйти следом.

Тем временем в Гаване, где остатки аппарата диктатуры Батисты продолжали разбегаться или уничтожались, вспыхивали спорадические перестрелки между городскими дружинниками и полицией или военизированными организациями типа "Тигров" сенатора Мансферрера. На тюрьму "Принсипе" был совершен налет, и заключенных освободили. Автомобили ездили по улицам с закрытыми тентами. Около полудня в Центральном парке начался митинг рабочих в поддержку революции. На близлежащих зданиях развевались знамена Движения 26 июля; появились и плакаты в поддержку Фиделя.

Колонна городского ополчения Анхеля Амейхейраса из ста пятидесяти человек - до сих пор она вела действия в предместьях города - первой вошла в город и разместилась в Спортив-" ном дворце. Ее возглавлял Виктор Панеке, старый друг Че. Элой Гутьеррес Менойо прибыл во главе колонны Второго фронта Эскамбрея и занял институт Ведадо. "Он "героически" вступил в Гавану. Мы считали, что это мог быть маневр для того, чтобы попытаться собрать силы, прийти к власти или затеять еще что-нибудь. Мы уже имели о них представление, но с каждым днем узнавали все лучше и лучше".

Авангард колонны Камило Сьенфуэгоса вступил на базу

"Колумбия" в четверть шестого дня, без какого-либо сопротивления со стороны "честных военных", успевших сменить людей Ьатисты в руководстве самой главной военной базы страны. Оттуда Камило переговорил по телефону с Че, находившимся на полпути к Гаване. Численность его колонны сильно увеличилась за счет ополченцев.

Че впервые взглянул на Гавану среди ночи. Он уже слышал тысячи рассказов о столице страны, но никогда еще не видел ее Он направился по дороге Бойерос прямо к лагерю Л а-Кабанья с небольшим отрядом на трех автомобилях. Че без колебания вошел внутрь, точно так же, как Камило на базе "Колумбия" на несколько часов раньше. Его встретил Варела, офицер из числа "честных военных", и немедленно передал Че командование. Варела провел все минувшие сутки, отказываясь есть и пить из опасения, что верные Батисте солдаты из гарнизона могут отравить его.

Было ли это похоже на настоящую победу? Неосвещенный среди глубокой ночи вход в казарму, командир которой сдался прежде, чем ему успели сказать хоть слово...

Че приказал своим людям занять посты, гарнизону велел построиться и тщательно подсчитать оружие, а затем разместил шестьсот человек, составлявших его колонну. На рассвете он поехал на СМК, самую крупную радио- и телевизионную станцию в Гаване, где в дверях его остановили двое дружинников из городской организации Движения 26 июля, конечно же, не знавшие в лицо командующего колонной № 8. Но все же после не слишком долгих объяснений ему позволили войти и связаться по радио с Фиделем, который находился в Баямо, и с Камило, улетевшим на восток, чтобы сообщить о бескровной капитуляции гарнизонов в Гаване.

Че был измотан донельзя, но, как сказал один из офицеров Камило, Антонио Санчес Диас по прозвищу Пинарес: "в Гаване нельзя было опочить ни на своих лаврах, ни на кровати - все гудело".

Построенная в восемнадцатом веке крепость Ла-Кабанья глядит на глубокий залив, занимая господствующее положение над Гаваной. Она состоит из комплекса фортов, казематов, казарм, рвов и служебных зданий. Валы увиты плющом, а в старинных патио до сих пор сохранились орудия колониальной эпохи. Ранним утром 3 января Че выступил перед тремя тысячами солдат армии Батисты, находившимися в крепости. Повстанцы все еще не знали, чего можно ожидать от этих людей, а Че произнес умиротворяющую речь. "Партизаны, - сказал он, - должны будут учиться у вас дисциплине, а вам предстоит

научиться от партизан, как выигрывать войну". Он все еще не спал.

В одном из служебных кабинетов казармы Че увидел сержанта, сидевшего за столом, на котором стояла пишущая машинка.

- Ты принимал участие в боях? - спросил он, глядя на серясанта.

- Нет, я конторский служащий.

- Ты пытал людей?

Тот помотал головой. Че спросил, умеет ли он печатать. Тот кивнул.

- Тогда иди, снимай свою форму и возвращайся сюда.

Таким образом было положено начало дружбе с Хуаном Мануэлем Манресой, которой предстояло продлиться пять лет.

На улицах шло веселье; в то же время началась всеобщая забастовка. За первые три дня революции со всей Америки слетелось домой более восьмисот изгнанников. Фидель, неторопливо продвигаясь в Гавану, уверенно закреплял свои политические завоевания, придавая этому больше значения, чем одержанной общими силами военной победе. Он позже скажет: "У меня были некоторые трудности, когда нужно было связаться с колонной на марше и передать ей приказ направиться со всей техникой туда, сюда или куда-нибудь еще, и я должен сказать, что нам очень повезло, что не нужно было сражаться. Положение сложилось такое, что за приказом открыть огонь из миномета последовали бы стреляющие в нас описания журналистов".

Новости о составе временного правительства первыми сообщило "Радио ребельде", а потом повторили газеты: президент - Мануэль Уррутия, премьер-министр - доктор Хосе Миро Кардона; кабинет в основном состоял из представителей умеренной буржуазной оппозиции с вкраплениями членов Движения 26 июля, но в него не вошли две другие силы, союзники Д26 в восстании - коммунистическая Народно-социалистическая партия Кубы и Директорат. Повстанцы почти полностью контролировали вооруженные силы (им принадлежали посты главнокомандующего и региональных командующих, хотя в Сантьяго в качестве командующего еще на несколько дней был оставлен Рего Рубидо, сторонник Батисты, бывший в его правительстве военным министром) и полицию (новым шефом полиции стал Эфихенио Амей-хейрас). В их ведении также находились: вновь созданное Министерство расхищенного имущества, задачей которого было Расследование коррупции в администрации Батисты (министр - Фаустино Перес), Министерство просвещения (Армандо Харт), Министерство

здравоохранения (Хулио Мартинес Перес, врач из Сьерры), Министерство внутренних дел (Луис Орландо Родри-Гес), Министерство труда (Марсело Фернандес), Министерство связи (Энрике Ольтуски). Небольшой группой была представлена либеральная оппозиция. В целом это правительство было довольно странным.

Некоторые из отстраненных от ведущих ролей не выказали готовности согласиться с таким положением. Чтобы показать что и Директорат принимает участие в революционном процессе' его колонна в четыре часа дня вступила в Гавану и заняла Национальный дворец.

После прибытия в Гавану Карлоса Франки газета Движения 26 июля "Революсьон" начала выходить массовым тиражом. Движение просто заняло типографию и редакционные помещения пробатистовской газеты. Прокламация, напечатанная на внутренней полосе газеты, изображала в незамысловатом стиле пятидесятых годов бородатого повстанца с гранатами на поясе и живописца, заканчивающего лозунг "Вся наша надежда", расположенный между двумя этими фигурами. Было также помещено объявление, восхвалявшее межамериканскую химическую компанию "Дюпон", но этой любовной интриге не суждено было оказаться долгой.

Ночью 4 января Директорат объявил, что собирается провести встречу с президентом Уррутией в Национальном дворце, где Директорат выставит три условия. 5 января, пока Фидель все еще шел к Гаване, Че на базе "Колумбия" встретился с Камило. На этой встрече присутствовал и Карлос Франки. Он рассказывал:

"Затем появился Че в своем богемном костюме. Он спокойно курил трубку и был похож на революционного пророка. Были кое-какие неприятности с Президентским дворцом. Его занял Революционный Директорат. Че не смог увидеться с Фауре Чомоном, и Роландо Кубела тоже не захотел встретиться с ним... Директорат так и не принял Уррутию в качестве президента.... Что с одной, что с другой стороны хватало вдоволь недоверия, интриг и тому подобного... Камило полушутя сказал, что нам стоило бы выпустить пару орудийных залпов, чтобы намекнуть Кубеле, что ему лучше было бы уступить дворец нам. Поскольку я не питал никакой симпатии ко дворцу, то согласился, что мне это кажется хорошей идеей, но Че с его ответственным подходом к делу сказал, что сейчас не время для подобных канонад; он возвратился во дворец, встретился с Фауре Чомоном и все уладил".

Конфронтации удалось избежать, но разногласия сохранились. Директорат согласился освободить дворец, однако

его отряды взамен заняли Гаванский университет. Фауре Чомон опубликовал в печати заявление, в котором говорилось: "Мы понимаем: то, что происходит в Сантьяго-де-Куба, неверно; мы полагаем, что для того, чтобы наши жертвы не оказались напрасными, все революционное движение должно быть организовано в единую революционную партию". Провозглашение Сантьяго временной столицей было тактической мерой Фиделя, призванной предотвратить возникновение в Гаване примиренческого правительства. Такому размещению властей не суждено было просуществовать даже недели, но эти меры успели привести в большое раздражение несправедливо отстраненных от принятия решений членов Директората.

Той же ночью Че прибыл на легкомоторном самолете на аэродром Камагуэя, в центре острова, чтобы сообщить Фиделю о положении в Гаване. Фидель в триумфальным кортеже неторопливо продвигался к Гаване. Двое командующих не виделись друг с другом почти шесть месяцев, с тех самых пор, как Че покинул Сьерра-Маэстру во главе колонны № 8. Несколько позже к ним присоединился лрезидент Уррутия, прилетевший из Сантьяго. На фотографии "Уорлд уайд пресс", запечатлевшей их втроем, видно, как Фидель и Че обмениваются понимающими улыбками. А вот послу США Эрлу Смиту было не до улыбок. Он только что покинул базу Колумбия, где беседовал с Камило, уговаривая его воздержаться от казни генерала Кантильо. Смит, искренне враждебный победителям, позже говорил, что бородатые революционеры напомнили ему персонажей виденного незадолго до того кинофильма о Джоне Диллинджере.

5 января, после нескольких задержек и отмены вылета, самолет президента Уррутии приземлился в аэропорту Бойерос в предместьях Гаваны. Камило объявил военное положение и привел в боевую готовность людей своей колонны. В семь часов вечера Директорат передал дворец Уррутии; разлад среди революционеров не выходил из-под контроля. На первой же сессии кабинета было отменено военное положение. Под конец заседания появился Эрл Смит. Он заслуженно считался главной опорой Батисты и потому, естественно, не пользовался добрым расположением кубинцев; его присутствие на заседании правительства и попытки диктовать условия возмутили вооруженных революционеров. Журнал "Боэмия" сообщал: "Бойцы сдержали свой гнев лишь из уважения к нашему северному соседу".

Че дал первые интервью в своем кабинете в Ла-Кабанье. Это была небольшая комната с четырьмя узкими окнами, выходившими на бухту; в одном конце кабинета стоял

письменный стол. Вдали виднелся купол Капитолия. Сначала Эрнесто побеседовал с корреспондентом аргентинской газеты "Ла Тарде", затем с ку-

бинскими "Революсьон" и "Эль Мундо", а в течение нескольких следующих дней - с "Пренса либре", "Боэмия" и целой толпой иностранных корреспондентов.

Интервьюируемый отвечал на телефонные звонки; каждый раз, снимая трубку, он испытывал резкую боль в раненом запястье. Он был не таким уж удобным объектом для прессы, его не радовало нашествие журналистов: "То, что мы делаем для свободы людей, не предназначено для публикации, а подробности наших личных жизней - и того меньше". В одном из интервью первой недели революции кто-то рассказал ему о том, что в радиопередачах армии Батисты его часто называли "мятежником на осле". "Что ж, это похвала", - ответил Че.

Он чувствовал себя немного не в своей тарелке, возможно, потому что не совсем понимал, какими должны быть его роль и место на этом этапе революционного процесса. Даже его высказывания относительно аграрной реформы были весьма осторожными: "Одной из основных мер будет предоставление кампесинос того положения, которого они заслуживают", - сказал он, как будто радикальная аграрная реформа не являлась настоятельной необходимостью, с его точки зрения, как будто ему не было ясно, какие права получили сельские жители за один только свой вклад в победу. Он высказывал банальности типа "единство - необходимый фактор" или "мнение о том, что на Кубе не может быть восстания против армии, ложно". Складывалось впечатление, что он еще не до конца определился идеологически, не добился для себя самого достаточной ясности и был склонен подвергать автоцензуре свои высказывания для прессы.

Среди офицеров Ловстанческой армии из окружения Че журналисты наткнулись на Алейду Марч. Они не были в Лас-Вильясе и не знали, кто такая Алейда. Она также дала журналистам интервью - это была, видимо, первая из тех немногочисленных бесед с журналистами, которые она имела за свою жизнь.

"Я не могу назвать себя секретарем Че, потому что я - боец. Я сражалась рядом с ним в ходе кампании в Лас-Вильясе и принимала там участие во всех боевых действиях. Поэтому я являюсь чем-то вроде его ординарца... Когда мне стало фактически невозможно оставаться в Сайта-Кларе из-за моих революционных действий, я решила присоединиться к числу иных борцов с диктатурой, взяв в руки оружие... Я признаю, что поначалу жизнь там показалась мне очень трудной, но затем я привыкла к ней, особенно после того, как приняла участие в

первых столкновениях с врагом".

Больше ничего от нее узнать не смогли.

8 января Че из крепости Л а-Кабанья услышал, как народ приветствует прибывшую в столицу колонну Фиделя. В бинокль он смог рассмотреть джип в голове колонны, в котором стояли рядом Фидель и Камило. Толпа собралась такая, что автомобилям пришлось остановиться.

Для того чтобы приобрести в Гаване бесспорный статус народного лидера, Фиделю понадобился всего один день. Его речи на базе "Колумбия" (когда он говорил там, ему на плечи садились голуби, а рядом стоял Камило, к которому Фидель время от времени обращался: "Разве не так, Камило?"), его призывы к порядку как к единственному пути осуществления перемен, его искреннее стремление демонтировать аппарат диктатуры Батисты, полностью совпадающее с желанием народа, озарявший его волшебный ореол - все это позволило ему преодолеть возникший раскол с Директоратом и использовать общественное мнение для оказания давления на него. В течение примерно пары дней Директорат пребывал в состоянии обороны, но, когда его вынудили объясниться, для чего его людям понадобилось занимать оружейные склады, он предпочел совершить политическое отступление.

На следующий день Фидель избавился от "честных военных" и уменьшил число сторонников Батисты. Баркин был отправлен в Военную академию, Борбонет назначен командиром танкового батальона, а Рего Рубидо получил должность посла в Бразилии. Амейхейрас объявил, что полиция будет подчиняться командованию Повстанческой армии, а не Министерству внутренних дел, а Че и Камило получили приказ разоружить стихийное ополчение.

Немного позже по личному указанию Фиделя состоялась встреча, в которой участвовали Рауль Кастро, Че, Рамиро Валь-дес и представитель НСП Освальдо Санчес, имевший большой опыт конспиративной работы в кубинском коммунистическом подполье. На этой встрече был основан Государственный совет безопасности.

В те же январские дни Че имел несколько неприятных встреч с Гутьерресом Менойо и другими лидерами Второго фронта. Американский журналист Ричард Харрис описал встречу, на которой присутствовали Камило, Че, Рауль и четверо майоров ВТОРОГО фронта: Гутьеррес Менойо, Флейтас, Каррера и Уильям Морган. Обстановка была чрезвычайно напряженной, настолько, что в один из моментов разговора командиры схватились ыло за оружие. Но в качестве миротворца на сей раз выступил амило.

Лидеры Второго фронта требовали, чтобы им позволили сохранить свои звания после присоединения к Повстанческой армии, а Че резко отказывал им в этом.

"- Зачем делать различия между офицерами Второго фронта и вашими? - спросил Каррера.

- Кто дал вам ваши звезды?

- Они были завоеваны в бою! - воскликнул Каррера.

- В каком бою?"

На этом совещании так и не удалось прийти к единому мнению. Рауль Кастро вынес решение, согласно которому в каждом случае нужно разбираться индивидуально.

Месяц спустя Че запишет в своем дневнике:

"Через несколько дней из гостиницы "Капри" пришел первый счет, подписанный "Флейтас", на 15 000 песо за еду и спиртное для нескольких борцов за свободу. Когда настало время присвоения званий, почти сотня капитанов и изрядное число майоров изъявили желание пользоваться всеми благами жизни; среди них была большая группа избранных, представителями которой являлись неразлучные Менойо и Флейтас. Они стремились занять всевозможные официальные государственные посты. Это не были хорошо оплачиваемые рабочие места, но они имели одну общую особенность: именно через эти посты происходили до революции все хищения. Инспекторы Министерства финансов, сборщики налогов, другие места, куда должны были поступать деньги, в которые можно было бы запустить свои жадные пальцы - они всем сердцем стремились к этим постам... С самого начала возникли серьезные разногласия, которые привели к обмену резкостями, но наш очевидный не была ли это оговорка фрейдистского толка? революционный здравый смысл возобладал, и мы пошли на это ради сохранения единства. Мы , однако, не выпускали из рук оружия. Мы не должны были допустить никаких хищений и при этом не должны были предоставить посты тем, кого мы знали как потенциальных предателей, но мы не избавлялись от них. Мы медлили исключительно ради единства, и это не было до конца понято. Это был один из грехов революции".

Если не говорить о "грехах" компромисса - которые, несомненно, не могут быть поставлены в укор Че, - Фидель преуспел в создании небольшой, но надежной Повстанческой армии. Ей предстояло служить гарантией того, что революция не окажется прерванной в течение ближайших дней. Но какая революция? Каковы ее цели?

Че оказался отодвинут на второй план, но он и не хотел находиться на первом. У него не было ни профессии для участия

во власти, ни стремления к ней. И при этом он не имел никакого представления о том, насколько далеко революции предстоит пойти и какова должна быть его роль в этом процессе. Ничего не известно и о его разговорах с Фиделем в те дни; сохранилось лишь несколько фотографий, иллюстрирующих газетные заметки, на которых видно сосредоточенное выражение лица Че, когда он слушает Фиделя ночью на базе "Колумбия", или два дня спустя, когда они оба сидят на раскладушке. На фотографиях хорошо видно, что Фидель говорил, а Че слушал.

Так или иначе, но передышка совпала с прибытием в Гавану семьи Че. 9 января он поехал в аэропорт встречать своих родителей. Обняв сына, Селия Гевара сказала журналистам: "Мы не видели друг друга шесть лет, начиная с того дня, когда я провожала сына на вокзале Ретиро в Буэнос-Айресе, откуда он уехал в Венесуэлу, чтобы работать в лепрозории".

Отец Че настороженно рассматривал множество бородатых и вооруженных людей, оборванных солдат мятежной армии, украшенных ожерельями из собачьих зубов или зерен, медалями с изображением Пресвятой Девы, распятиями и амулетами.

Фотографии, сделанные во время этого визита, показывают, насколько нуждался Че в отдыхе, мире и тишине (эта потребность возникла у него в течение последних месяцев) и какую привязанность он чувствовал к матери. Селия и он сидят на диване. Его мать держит в руках чашку кофе и, кажется, что-то говорит ему. Че откинулся на спинку и держит на коленях кепи, а не свой обычный берет. Его глаза закрыты, а рот полуоткрыт. Рядом с ним смотрит в камеру его брат Хуан Мартин. На другой фотографии Че склонил голову на плечо матери. И здесь его глаза закрыты; он физически вымотан.

Отец Че спросил, намеревается ли сын как-то продолжать свою медицинскую карьеру.

"Знаешь что, старик, возьми мой медицинский диплом; тебя ведь тоже зовут Эрнесто Гевара, как и меня, так что ты можешь повесить табличку со своим именем и приставкой "Д. М". на конторе своей строительной фирмы и без всяких проблем начать убивать людей".

Когда же отец повторил вопрос, Че серьезно ответил: "Некоторое время тому назад я оставил медицину хотя через несколько Дней после этого разговора он получит почетный диплом Кубинской национальной медицинской школы и не станет отказываться от него. Теперь я - боец, работающий для того, чтобы поддержать правительство. Что произойдет со мной? Я даже не знаю, где упокоятся мои кости".

Общение было нелегким. Годы разлуки хотя и не превратили

их в незнакомцев, но сильно отдалили Че от родных. Сын стал теперь жестким и очень уверенным в себе человеком. Когда отец попросил у него джип, чтобы совершить поездку в Сьерра-Маэстру, он ответил: "Я предоставлю в твое распоряжение джип и солдата, который уже ездил по этому маршруту. Но должен предупредить, что тебе придется раскошелиться на бензин и питание".

Вместе с семьей Гевара прибыли два журналиста, с которыми Че связывала давняя дружба. Карлос Мария Гутьеррес и Хорхе Рикардо Масетти намеревались описать триумф революции. Состоялось первое собрание "Свободного клуба прессы" - такое шутливое название когда-то получили посиделки в хижине на высотах Сьерра-Маэстры. Вскоре Че предстояло вовлечь его участников в крупномасштабную журналистскую операцию.

Но в то же самое время Че предпринял и акцию полицейского характера; возможно, потому что политические партнеры из НСП предупредили его о том, насколько важным должно явиться подобное мероприятие. Он конфисковал досье Бюро подавления коммунистической активности (БПКА), одной из бесчисленных организаций тайной полиции, созданных при Батисте. Скорее всего это было сделано для того, чтобы выявить тайных агентов и доносчиков из старого аппарата, в бесчисленном количестве наполнивших новую полицию. Главными результатами этой акции явились арест заместителя начальника БПКА Каста-ньо и пресс-конференция, в ходе которой журналистам были представлены доказательства покушений на жизнь Фиделя, готовившихся этой организацией.

13 января Че, возвращаясь к своей роли педагога, исполнению которой помешала война, открыл на базе Ла-Кабанья Военную академию культуры. Он стремился продолжить обучение кампесинос из своей колонны грамоте, а также указать этим крестьянам, вынужденным взяться за оружие, на наличие в жизни иных возможностей. В числе преподавателей этой академии вскоре предстояло оказаться поэту Николасу Гильену и пианистке Энрикете Аламанса. Студенты Гаваны должны были преподавать грамоту и начальные курсы общеобразовательных дисциплин.

В Гаване Че продолжал поддерживать строгую дисциплину и вел такой же спартанский образ жизни, что и в Сьерре. Он жил на базе, в домике из четырех комнат, где размещались Алейда, Оскар Фернандес Мель и ординарцы. Он управлял лагерем из крохотного кабинетика до тех пор, пока доктор Адольфо Родригес де ла Вега не сказал ему напрямик: "Пойми, это просто дерьмо какое-то. Ты не можешь, сидя здесь, командовать полком - стоит только взглянуть со стороны". Подростков, состоявших при его

штабном подразделении - Вильегаса, Аргудина, Касте-льяноса и Эрмеса Пенью - он держал под строгим отеческим надзором, запрещал им пользоваться гарнизонными автомобилями и наказывал мальчишек, когда те удирали в Гавану, поражавшую их юное крестьянское воображение. Со дня на день из Мексики должен был приехать его друг Хулио Касерес – Эль Патохо.

Че организовал несколько маленьких мастерских для того, чтобы самостоятельно готовить необходимые запасы, и назначил руководить ими Орландо Боррего, своего лейтенанта, а до того - практичного студента, обучавшегося бухгалтерскому делу, который присоединился к колонне в горах Эскамбрея. Они эвфимистически назывались Свободными мастерскими Ла-Кабанья.

Тем временем непродолжительные судебные процессы и последующие казни батистовских палачей породили первые признаки напряженности между неоперившейся Революцией и американским правительством. С одной стороны, не были удовлетворены запросы об экстрадиции сенатора Мансферрера, который на своей яхте прибыл в Майами, прихватив 17 миллионов долларов, присвоенных из государственной казны, и Вентуры, одного из самых жестоких убийц, носивших форму полиции Батисты. С другой стороны, сенатор Уэйн Морс обвинял Революцию в том, что онабез разбора расстреливает своих противников. Это обвинение было повторено журналом "Ньюсуик" и явилось началом крупномасштабной антикастровской кампании, которую американская печать ведет до сих пор.

По сообщению британского историка Хью Томаса, 20 января были расстреляны двести солдат и полицейских, ревностно служивших режиму Батисты. Расследования и казни проходили в обстановке, накаляемой ежедневными сообщениями средств информации о находках тайных захоронений прежнего режима, проводившихся при нем пытках, насилиях и убийствах безоружных молодых людей. Тайные захоронения были открыты для всеобщего обозрения, были найдены досье, касавшиеся резни среди беззащитных кампесинос во время наступления в Сьерра-Маэ-стре. Репортер "Чикаго трибюн" Жюль Дюбуа рассказал американским читателям об одном из процессов: осужденный полицейский признался в том, что во время городских волнений подверг пыткам и убил по меньшей мере семнадцать молодых людей. Фидель начал контратаку против американской кампании с Речи, произнесенной 21 января в Национальном дворце. В ней он сравнивал преступления, совершенные в период диктатуры с теми, которые были осуждены в Нюрнберге, и заявлял о праве народа на осуществление правосудия и исполнение приговоров

Он попросил поднять руки тех, кто считает, что мучители должны ответить перед судом. Согласно воспоминаниям Карлоса Франки, который был тогда редактором газеты "Революсьон", "в ответ на вопрос Фиделя раздалось оглушительное "Да!"". Частный общенациональный опрос показал, что 93 процента населения одобряют суды и казни. Че присутствовал на этом собрании но не принял участия в выступлениях. А в это же самое время журналисты - и не только его друзья, но и многие другие профессиональные деятели латиноамериканской печати - приступили к осуществлению "Операции "Правда"", которую они стремились противопоставить утверждениям, исходившим из США.

Давление со стороны Соединенных Штатов было чрезвычайно жгучим вопросом. Среди сторонников революции по этому поводу кипели страсти; Фидель понимал, что уступить нажиму сейчас, на ранней стадии революции, будет равнозначно отказу от суверенитета Кубы в дальнейшем. "Революсьон" писала, что расстрелы являлись возмездием "варварам, которые вырывали у людей глаза, кастрировали, жгли огнем, отрывали яички и сдирали ногти, запихивали железки в женские влагалища, жгли ноги, отрезали пальцы - тем, чьи действия, мягко выражаясь, представляют собой ужасающую картину". А далее газета подводила резюме: "Только вчера мы слышали, как Че отвечал группе ополченцев, желавших преподать урок кое-кому из осведомителей, до сих пор находящихся на свободе: "Ни вы, ни кто-либо еще не может брать это дело в собственные руки. Имеются революционные трибуналы. Если кто угодно попытается действовать по собственной инициативе, я прикажу арестовать его и судить судом революционного трибунала так же как и преступников против народа".

Без сомнения, Че был сторонником революционного судопроизводства, но рассказы кубинских беглецов о том, что он был "мясником из Ла-Кабаньи", руководившим большей частью расстрелов в Гаване, являются чистейшим вымыслом. В Ла-Кабанье размещались 1-й и 2-й Революционные трибуналы; первый рассматривал дела полицейских и солдат, а второй (у которого не было права вынесения смертных приговоров) - дела гражданских лиц. Революционный трибунал № 1, председателем которого был Мигель Анхель Дуке де Эстрада, выносил смертные приговоры лишь в редких случаях; в январе их было не больше двух дюжин. Че не присутствовал на заседаниях трибунала, но рассматривал апелляции по своей должности коменданта. Вряд ли он испытывал какие-нибудь сомнения при утверждении приговоров: он верил в то правосудие, которое осуществлял, а за

последние несколько лет приобрел очень трезвый подход к вопросам жизни и смерти.

* * *

21 января в Гавану прибыла Ильда Гадеа с дочерью Ильдой Геварой. Девочке было уже почти три года. В аэропорту их по просьбе Че встречал Оскар Фернандес Мель. Но вскоре они все же встретились - впервые после мексиканских времен. По словам Ильды, "Эрнесто, со своей обычной откровенностью, рассказал мне о другой женщине, которую он встретил во время сражения за Санта-Клару... Сначала он возражал против развода, но, по моему мнению, никакого другого решения не было".

Их беседа, возможно, ограничивалась обсуждением ранее принятых решений о разводе и о судьбе ребенка. Маленькой Ильде вместе с матерью предстояло провести некоторое время на Кубе. Сохранилась фотография Че с дочерью: комната в каком-то доме, Че в клеенчатой куртке разговаривает с маленькой Ильдой; рядом кукла такой же величины, как и дочь, белая и неподвижная. Девочка, опершись на руку подбородком, внимательно слушает, не глядя на отца. Кукла была куплена группой товарищей Че в подарок для его дочери, так как у него самого вовсе не было денег.

Че в конце концов высказался по поводу того, что представлялось ему ошибочным в действиях правительства. Все, что он осмыслил, вылилось наружу в одной из лучших речей, которые он когда-либо произносил. Это случилось 27 января, во время беседы в "Сосьедад нуэстро тьемпо" - "Обществе нашего времени", которое, судя по всему, было культурным центром НСП. Тема беседы была определена как "Будущее общества под властью Повстанческой армии".

(Скорее всего он выступал на этой встрече по приглашению НСП как представитель левого крыла Движения 26 июля. Но в тот же самый день Блас Рока, постоянный лидер Народно-социалистической партии, выступал где-то еще. Не было ли между ним и Че чего-то наподобие соревнования?)

Вначале Че говорил о том времени, когда повстанцы находились в Мексике, и о некоторых членах Д26, ветеранах штурма Монкады, которые позднее отошли от революции, так как считали, что вся проблема заключалась только в том, чтобы просто избавиться от Батисты и захватить власть.

Он подробно рассказал о партизанах как о группе с широким диапазоном взглядов, физически разбитой, но продолжавшей борьбу. С тех самых пор, как они "расположились в горах Сьер-ра-Маэстры, но не приросли к ним", важнейшим фактором стало присоединение к партизанам кампесинос. Именно они

("приходившие к нам соломенные шляпы") были запуганы и озлоблены действиями армии Батисты, а притягивало их звучание двух волшебных слов: аграрная реформа.

И здесь он нашел свой якорь, понял смысл своего присутствия, свое место в структуре происходящего: напоминать о социальном содержании революции и в особенности об аграрном элементе.

За те недели января, пока Че определял свои первые реакции на происходящее, ему уже пришлось коснуться этого вопроса. В опубликованной статье "Крестьянская война и население" он говорил о принудительном изгнании кампесинос силами армии. Это выглядело так, словно он желал вспомнить об аграрной составляющей революционного движения, в котором теперь стали доминировать города.

Как только точка опоры была найдена, он рассмотрел апрельскую забастовку 1958 года лишь с одной точки зрения: "В результате Движение 26 июля усилилось, а опыт открыл его лидерам важную истину... что революция не принадлежит той или иной группе, а должна быть делом всего кубинского народа".

Затем он еще раз упомянул о тех настроениях крестьянского населения, которые взрастили в нем партизаны: "Ни в Сьерра-Маэстре, ни где-либо еще ни один мужчина и ни одна женщина в Повстанческой армии никогда не забывали о своей основной миссии, которая заключалась в том, чтобы улучшить участь кампесинос, включить их в борьбу за землю".

Основной темой его выступления была история Повстанческой армии, но он снова и снова возвращался к своему главному тезису. Рассказывая об истории контрнаступления, а потом и наступления партизанских колонн, Че сказал:

"Кампесинос были теми невидимыми соратниками, которые делали все, что сами повстанцы были сделать не в состоянии. Они снабжали нас информацией, наблюдали за врагом, выясняли его слабые места, моментально доставляли срочные донесения и вели разведку непосредственно в рядах армии Батисты".

Далее Че вспомнил о впечатлении от тех десяти тысяч коров, которых арендаторы по весьма настойчивому требованию повстанцев вернули кампесинос: "Крестьянские дети впервые выпили молока и попробовали говядины". И сравнил: "А диктатура в свое время постоянно давала им лишь горящие дома, выселение и смерть... Напалмовая бомба, сброшенная на кофейную плантацию, означала уничтожение всего живого на площади 2100 квадратных метров; то, что было разрушено за минуту, придется восстанавливать пять или шесть лет". Рассказывая о кампании в Лас-Вильясе, он подчеркнул: "Мы

двигались вперед, используя лозунг аграрной реформы как головной отряд Повстанческой армии".

В конце концов он дошел до января 1959 года: "Аграрная революция не закончилась с принятием Закона № 3"' . Он подчеркнул необходимость борьбы против крупных землевладений и не слишком ясно, но все же возразил против мысли о том, что конфискованная собственность должна быть, согласно Конституции, предварительно оплачена наличными. Когда дело дошло до -формирования программы, пафос был ясен: империализм - это враг, а "крупные землевладения - корень всего экономического зла". Че заявил, что "реформаторам следует ожидать противодействия со стороны тех, кто контролирует 75 процентов кубинского рынка". Таким образом, он предсказал агрессию со стороны США, происшедшую как раз тогда, когда недовольство в империи социальными реформами, проводившимися на Кубе, достигло крайней степени (проблема, которую он сформулировал в газете "Революсьон" от 20 января). Это говорила в нем память о Гватемале.

"Мы располагаем инструментом для проведения изменений в той же степени, в какой образовавшаяся демократия вооружена. У нас есть Повстанческая армия, которая должна быть на передней линии любой борьбы, но наша армия еще не обучена выполнению недавно обретенных обязанностей". Ее следовало обучить и военному делу, и чтению, и письму. Важно отметить, что в мыслях Че на переднем плане в то время была Повстанческая армия, партии революционного фронта, люди из Сьерры. Движение 26 июля, которое он воспринимал как мешанину тенденций с преобладанием городского среднего класса, не занимало высшего положения в его сознании.

Он закончил словами: "Наша революция означала, ... что все выдуманные в креслах теории - это всего-навсего теории... Аграрные революции нужно совершать; нужно сражаться в горах, а затем нести революцию в города". Он говорил не только о Кубе, но и обо всей остальной Латинской Америке.

30 января Че в Гаване посетил советский журналист Василий Чичков. Че мучился от приступа астмы, ему делали уколы, он пластом лежал в постели, в нижней рубашке и теплых носках.

Облик комнаты поразил русского гостя своей спартанской обстановкой: винтовка "М-1" и пистолет в кобуре, висящие на гвозде две кровати, комод и старое зеркало1. Вот как Чичков описал эту встречу:

"Комната Гевары маленькая, может, метров двенадцать. Вдоль стены две железные кровати. Между ними комод и старинное зеркало. На комоде разбросаны длинные толстые сигары, лежат

какие-то служебные бумаги...

Гевара сидит на кровати в зеленых солдатских брюках, в белой майке без рукавов, босиком. На большом гвозде, вбитом в стену, висит автомат, пистолет и другое снаряжение командира...

После взаимных приветствий я попросил прежде всего разрешения сфотографировать Гевару. Без особой охоты он натянул на себя гимнастерку, надел фуражку (но не ботинки), и фото было сделано.

- Скажите, пожалуйста, как вы определяете классовый состав участников вашей революции? - начал я, вынимая блокнот и ручку.

- Революцию делали главным образом крестьяне, - негромко начал Гевара. - Я думаю, что среди повстанцев было шестьдесят процентов крестьян, десять процентов рабочих и десять процентов представителей буржуазии. Правда, рабочие очень помогли нам забастовочной борьбой. Но все-таки основа революции - крестьяне.

У Гевары черные, очень большие и очень грустные глаза. Длинные волосы до плеч придают лицу поэтический вид. Гевара очень спокоен, говорит не спеша, даже с интервалами, будто подбирая слово к слову".

Внезапно в комнату вошел Фидель, за ним, чуть погодя, ль Кастро и Вильма Эсприн. Оставив русского потерянно оять в стороне, Фидель и Че сели рядом на кровати и принялись с заговорщицким видом о чем-то негромко беседовать.

Было ли предметом их разговора будущее только что начавшейся революции?

24. Битва за аграную реформу.

5 февраля 1959 года у майора Гевары, кажется, нашлось немного свободного времени, и он смог взяться за корреспонденцию и ответить на письма, которые наверняка приходили в Ла-Кабанью начиная с самых первых дней революции. Сохранилось семь из его ответов, три из которых адресованы людям, вызвавшимся добровольцами направиться на борьбу за освобождение Санто-Доминго. Че говорит этим людям, что их присутствие необходимо Кубе именно сейчас, когда "там имеются огромные трудности, которые надо преодолеть". В другом он пишет Уильяму Моррису из Флориды по поводу расизма: "Вы можете быть абсолютно уверены, что через несколько лет различие между черными и белыми станет только вопросом цвета кожи, как это и должно быть". Он благодарит поэта Педро Ревоэльту за стихи и песни, заканчивая письмо приветствием "от революционера, которому так и не удалось стать поэтом". В последнем письме своему соотечественнику в Буэнос-Айрес он говорит о самой жгучей из проблем Кубы того времени: "Расстрелы не просто необходимы для народа Кубы, но и приказы о них также отдаются народом".

7 февраля "Эль офисьяль" опубликовала невразумительный декрет, из которого следовало, что майорам Повстанческой армии, рожденным за границей и носившим это звание в ходе революции по меньшей мере в течение года, присвоена кубинская национальность, равносильная "приобретенной по праву рождения". Было совершенно ясно, что при создании декрета имелся в виду один-единственный человек, майор Эрнесто Гевара, получивший таким образом полное и окончательное признание.

Че дебютировал в качестве кубинца по национальности уже на следующий день, выступив с очень радикальной речью в пользу аграрной реформы. В ней он снова отождествлял себя с крестьянами. "Теперь я настоящий сельский житель; городской воздух не для меня". В Эль-Педреро, где во время кампании в Лас-Ви-льясе был построен один из лагерей его колонны, он провозгласил призыв к радикальным действиям в аграрной политике:

"Сегодня мы боремся против крупных землевладений вплоть До нападений на них и разрушения... Повстанческая армия готова проводить аграрную реформу вплоть до достижения ее окончательных результатов... Аграрная реформа должна быть проведена организованным образом, чтобы не произошло

никаких злоупотреблений. Но на земле, которую люди получили в качестве части результатов революции, ни один командир наших сил, ни один солдат не станет стрелять в кампесинос, которые всегда были нашими друзьями... Если хоть кто-нибудь попытается выселить их, они в полном праве взяться за оружие и держать его при себе на всякий случай".

Че также упомянул о создании Крестьянской ассоциации где решения будут приниматься от лица самых широких масс.

Он был сильно растрепан и напряжен. На голове у него вместо обычного черного берета с пятиконечной звездой было кепи, из-под которого во все стороны торчали пышные длинные волосы. К тому же он страдал от сильного обострения астмы. Какая-то женщина спросила его, будут ли записаны в книгу истории жилища кампесинос, сожженные диктатурой.

"Нет, мы не станем записывать их в историю... Мы сразу же отстроим их заново".

И действительно, Повстанческая армия вскоре приступила к строительству жилья в Эль-Педреро.

Непредубежденное чтение истории превращает 1959 год, первый год власти кубинской революции, в период доходивших до прямой конфронтации дебатов между прокоммунистами и антикоммунистами по поводу грядущего направления революционного процесса. В центре этих яростных дискуссий стоял вопрос об аграрной реформе, потребности в ней и ее глубине. Именно он был причиной трений и напряжения в отношениях среди длинного списка групп, которые могли утверждать, что являются победителями в революции. Когда мы слушаем пульс тех событий, бьющийся в ежедневных газетах, текстах радиовыступлений, речах лидеров, в формировании групп социального действия, когда мы обращаемся к дошедшим до нас воспоминаниям очевидцев, то, отстранившись от фактора личных предубеждений, можем убедиться, что аграрная реформа была самым больным вопросом первого года революции. Реформе предстояло пройти в стране крупного землевладения, где землевладельцам, составлявшим полтора процента от численности населения, принадлежало 46 процентов территории, где две трети работников на фермах были безземельными поденщиками - рабочие сахарных заводов, сельскохозяйственные рабочие в крупных имениях - или испольщиками (арендаторы, отдающие землевладельцу половину дохода).

Именно в рамках этой схемы находится сформулированное Че определение революции, а также и его определение левого крыла. Кампесинос в провинции Лас-Вильяс начали занимать земли незадолго до и сразу после выступления Че в Эль-Педреро.

В ответ на эти действия президент Мануэль Уррутия вызвал к себе Камило Сьенфуэгоса, командующего вооруженными силами в Гаване, и Рамиро Вальдеса (вероятно, в качестве второго лица в командовании колонны № 8, главной военной силы в Лас-Вильясе) и попросил их взять под контроль спонтанную аграрную революцию, обуздать захватчиков и заставить кампесинос дождаться выхода соответствующего закона. Камило и Рамиро ответили, что их люди не станут стрелять в крестьян.

2 февраля, выступая в телевизионной программе "Экономический комментарий", Че настаивал на своем представлении аграрной реформы. Это должно было быть действие в духе Сапаты: конфискация земель без выплаты компенсации крупным землевладельцам и распределение земли среди крестьянства'.

Первое столкновение между ведущими силами двух крыльев революции произошло 13 февраля. Премьер-министр Миро Кардона, представитель наиболее консервативных кругов в правительстве, 17 января уже подавал в отставку, заявив, что в стране существует параллельная правительству власть в лице Фиделя Кастро и Повстанческой армии и поэтому Фиделю следует занять тот пост, который занимает Кардона, чтобы тем самым устранить положение, парализовавшее процесс государственного строительства. И вот он снова подал в отставку. Фидель стал премьер-министром. Он позже говорил об этом событии: "Я должен был сдерживать себя".

Тем временем Че на базе Ла-Кабанья в лихорадочном темпе занимался обучением Повстанческой армии и организацией условий для активного отдыха, сопряженного с образованием. В числе проводимых мероприятий было создание детского клуба, где ребята проводили время среди солдат. Он участвовал в нескольких встречах с детьми, которых называл барбудитос - "маленькие бородачи", делал для них пиньятас2, рассказывал им о войне в Сьерре и учил разбирать и собирать винтовки.

Примерно в это же время он страшно разгневался на своего соотечественника-аргентинца, владельца театра "Шанхай", где представлялись разнузданные сексуальные шоу, доходившие до садомазохизма и скотоложства. Че хотел посадить владельца театра в тюрьму и даже сказал, что неплохо было бы его расстрелять.

Че доводил себя до изнеможения. Доктор Фернандес Мель Ругал его за то, что он совершенно не заботился о себе: Че продолжал не спать по нескольку дней, курил как паровоз и ел буквально по крошке, когда случайно вспоминал о еде. У него было обнаружено сильное воспаление легких. Немного позже

доктор Конрадино Поланко обследовал его с помощью рентгена и обнаружил двойную эмфизему правого легкого.

Доктора заявили, что ему необходимо отдохнуть, и Фидель несмотря на возражения Че, приказал, чтобы тот взял отпуск и поселился на вилле, принадлежавшей прежде известному сторонникy Батисты, расположенной на пляже Тарара, неподалеку от Гаваны. Че хотя и протестовал, утверждая, что это место слишком роскошно для него, все же вынужден был переселиться туда вместе с Алейдой и своими ординарцами.

Сразу трое партизанских врачей убеждали его полностью бросить курить; после нескольких споров он согласился выкуривать только одну сигару в день. Нуньес Хименес, который в то время был секретарем Че, вспоминал:

"На следующее утро я пришел к Че получить приказы насчет распорядка дня и застал его курившим сигару длиной около полуметра, которую для него сделал кто-то из поклонников из числа рабочих с табачных фабрик Гаваны. С хитрой улыбкой он сказал мне: "Не переживай насчет докторов. Я выполняю их приказание - только одну сигару в день, не больше и не меньше".

Он, как предполагалось, полностью отошел от всяких дел, лишь два раза в неделю его навещала дочь. Но в конце февраля и в начале марта в его доме на пляже проходили заседания секретного комитета по поводу законопроекта об аграрной реформе. Для Че это была основная проблема революции, что он старательно подчеркнул в опубликованной в "Революсьон" статье под названием "Что такое партизанский боец?". В статье он воздал хвалу неформальной дисциплине и подчеркнул важность разведывания местности и стремительности перемещений. Но центральное место занимала аграрная проблема: "Партизан, в основном и прежде всего, это аграрный революционер". Именно поэтому Повстанческая армия была передовым отрядом аграрной реформы. Че был уверен, что именно проведение аграрной реформы является историческим предназначением Движения 26 июля. Че упомянул, что 80 % личного состава Повстанческой армии и половину ее офицерского корпуса составляли кампесинос, и сделал заключение: "Движение не изобрело аграрную реформу, но осуществит ее".

В то время как Че отдыхал в Тараре, правительство начало ряд буквально захватывавших дух социальных реформ: 3 марта оно взяло в свои руки телефонную компанию, а тремя днями позже - столичные автобусы; 10 марта была снижена на 50 % арендная плата, а еще несколько дней спустя был принят закон, снизивший цены на лекарства. Наряду с этими мерами был принят Закон 112, согласно которому собственность, присвоенная

должностными лицами в правительстве Батисты, была конфискована.

Где-то в середине марта Че написал своему другу Альберто Гранадо: "Я обнимаю тебя так крепко, как только способен один крошка-мачо1, сохраняя благоразумие, обнять другого". Он сообщал, что намеревался отправиться в Венесуэлу вместе с Фиделем, но "болезнь держит меня в кровати". Однако уже неделю спустя он поднялся и присутствовал на встрече правительства, которую Фидель провел 9 апреля. В ней приняли участие министры правительства, высшие партизанские командиры и лидеры Движения 26 июля. Несмотря на важность встречи, которая, по-видимому, проходила в накаленной обстановке, о ней почти не сохранилось документальных свидетельств. Именно тогда возникла напряженность в отношениях между тремя группами: левым крылом, во главе которого стояли Че и Рауль (последний был искренним социалистом и сочувствовал НСП); правым крылом, которое поддерживали "умеренные" члены правительства, связанные в ряде случаев с аграрной олигархией, и вторым левым крылом Движения 26 июля, представленным главным образом кадрами с Равнины, такими, как Карлос Франки, Фаустино Перес, Марсело Фернандес и Энрике Ольтуски. Эта последняя группа, относительно независимая от Фиделя, соединяла свой антиимпериализм с сильной критикой коммунистов, которых она считала косными сектантами. Фидель, подчеркнуто не вступавший в конфронтацию, держался "над схваткой". Он был бесспорным лидером революции, за которым шли и Повстанческая армия, и большинство населения. Его отношение "к людям, благосостояние которых - первая из его забот, и строгая приверженность принципам являются ключами к пониманию того фанатического приема, который он встречал повсюду, куда бы ни шел".

Среди обсуждавшихся тем был и вопрос о приостановке судебных процессов против военных преступников. Медленный ход некоторых процессов подвергался критике; эта проблема служила одной из основных причин как внутренней напряженности, сохранявшейся на Кубе, так и нарастания трудностей в международных отношениях. Другим сложным моментом был недостаток юридических гарантий. По словам Франки, при обсуждении этой проблемы произошло столкновение между братьями Кастро - одно из немногих, о которых мы знаем: Фидель предложил прекратить казни, а Рауль резко возразил против такого решения.

О том, обсуждалась ли вообще центральная проблема -

содержание и глубина будущей аграрной реформы, а если обсуждалась, то каким образом, - информации практически не сохранилось. Но, вероятно, следует согласиться с тем, что напряженность в отношениях между революционерами, возникшая на первом году революции, была на самом деле намного сильнее чем утверждает позднейшая кубинская история. Мнение Че о Камило Сьенфуэгосе, похоже, косвенно подтверждает это предположение:

"За каждым из нас - по крайней мере, за большинством - с давних времен водится множество грешков, в которых можно было бы признаться: тут и взаимные подозрения, и недоверие, и даже случайные злые шутки; мы считали свои цели совершенно справедливыми, но наши методы часто бывали неверными. Однако ни в коем случае нельзя сказать, что Камило использовал какой-либо из них неверных методов намеренно".

Несколько отстранившись от напряженных отношений в среде революционеров, Че посвятил себя двум проектам средств информации, которые много значили для него: независимому агентству новостей "Пренса Латина" ("Латинская пресса") и журналу "Верде оливо" (зеленая, или неспелая маслина - так называется один из оттенков защитного цвета, в который была окрашена форма бойцов Повстанческой армии). "Пренса Латина" явилось детищем латиноамериканских корреспондентов, побывавших в Сьерра-Маэстре, а материально его поддерживал мексиканский промышленник Кастро Ульоа. Среди лидеров агентства столь же важную роль, как Че и Ольтуски, который был в то время министром связи, играл Масетти. Че был главным двигателем не только в идеологическом смысле, но и в решении организационных проблем и обеспечения стратегической информацией. Он активно участвовал в работе и часто без предупреждения наносил ночные визиты в агентство. Аргентинский писатель Родольфо Уолш, также один из участников проекта, вспоминал несколько лет спустя:

"Мы в "Пренса Латина" никогда не знали, когда собирается появиться Че. Он просто-напросто обнаруживался... Единственным признаком его присутствия в здании были двое кампесинос, одетых в великолепную форму Сьерры. Один занимал место около лестницы, а другой, с автоматом в руке, перед кабинетом Масетти".

Агентство печати начало обретать форму в апреле, но не приступало к работе еще три месяца.

Днем рождения "Верде оливо", официального журнала Повстанческой армии, считается 10 апреля, когда было напечатано несколько публикаций Че и Камило. Журнал, который

Че представлял себе в качестве рупора левого крыла Д26, увидел свет при очень сложных обстоятельствах. Источником его финансирования были средства, собранные бойцами. Он печатался в различных типографиях во время простоев, причем бумагу и краску для журнала жертвовала та или иная газета. Выход "Верде оливо" почти сразу же повлек за собой ухудшение и без того натянутых отношений с частью наиболее консервативных армейских кадров вроде Убера Матоса, военного губернатора Камагуэя, который называл журнал "Рохо (красная) оливо" и саботировал его распространение.

В конце апреля и начале мая Че принял участие в демонстрации рабочих-табачников, находившихся под сильным влиянием НСП, и получил поддержку в своей работе над аграрной реформой. Он также выступил по телевидению, где говорил, что Куба должна поддерживать дипломатические связи со всем миром (держась в стороне от "холодной войны"), посетил Сантьяго-де-Куба, где выступал в университете, принял участие в первомайском параде в Матансасе в честь революционера тридцатых годов Антонио Гитераса и встречал Фиделя, когда тот возвратился из поездки по Латинской Америке.

О встречах Че с Фиделем, происходивших в то время, не сохранилось никаких записей, но, несомненно, их главной темой была аграрная реформа. Существовало очень много предположений по поводу содержания намеченной реформы. Фидель рассматривал ее в качестве не только изначального ответа на потребности кампесинос, но и средства, позволяющего разрешить сомнения различных сил, из которых в то время складывался революционный фронт. Франки говорил, что Фидель откладывал сообщение о своем решении по этому вопросу для того, чтобы его обнародование оказало как можно более сильное воздействие на обстановку в стране. Нуньес Хименес, с другой стороны, считал, что Фидель затягивает время, чтобы предварительно подготовить общественное мнение.

В законопроекте говорилось, что землевладельцам предлагается передать кампесинос десять тысяч телок. "Диарио де ла ма-Рина" (ежедневная газета военно-морского флота, выразительница интересов и мнений наиболее консервативных кругов страны), которая "еще совсем недавно была пробатистовской, тепло поддержала это предложение, сказав, что это очень "ответственный" подход к аграрной реформе".

В статье, написанной в то время (она вышла в свет месяцем позже), Че провозгласил аграрную реформу первым большим сражением правительства и описал ее цели как "прямые, всеобъемлющие, но гибкие. В своем настоящем виде реформа

принесет выгоду крупному землевладению на Кубе, но не кубинским средствам производства. Эта битва в течение будущих лет поглотит много сил народа и правительства. Земля будет свободно отдаваться кампесинос. И любой, кто сможет доказать, что он действительно является владельцем земли, получит оплату в форме долгосрочных компенсационных облигаций".

17 мая Фидель вызвал членов правительства и нескольких партизанских командиров в старый штаб в Ла-Плате, в сердце Сьерра-Маэстры, где законопроекту предстояло превратиться в закон. Он предусматривал конфискацию более 1000 акров плантаций (10 процентов всей площади ферм в стране). Конфискации предстояло быть оплаченной облигациями, срок выплаты по которым наступал через двадцать девять лет, с ежегодной выплатой 4,5 процента от стоимости земли, объявленной в налоговых декларациях. Национализированным земельным участкам предстояло или оказаться раздробленными, или превратиться в фермерские кооперативы, управляемые государством. Фермерам-арендаторам, издольщикам на скотоводческих ранчо и поденным рабочим предоставлялось преимущество при распределении земли. Земля, оставшаяся неиспользованной, возвращалась в собственность государства. Участки нельзя было делить; продать их можно было лишь государству. В будущем право покупать землю должно было принадлежать только кубинцам. Многие специалисты были обеспокоены тем, что закон был очень умеренным, затрагивал только владельцев крупных сахарных плантаций и не предусматривал обеспечения землей всех поденщиков и издольщиков ферм.

Министр сельского хозяйства Умберто Сори Марин, стремившийся придать законопроекту как можно более умеренный характер, выступил против предложенного варианта и в знак протеста отказался сопровождать Фиделя на церемонию подписания. А Че, должно быть, счел акт слишком мягким: хотя он был одним из его главных инициаторов, но тоже не присутствовал при подписании, предпочтя выступление в Гаванском университете Позднее он описал этот акт как "наш первый робкий закон, который не сумел выполнить такую основополагающую задачу, как подавление владельцев плантаций".

Попытки Фиделя добиться примирения не смогли успокоить правое крыло правительства и еще меньше согласовывались с интересами США в кубинских сахарных плантациях. Для левых же решение было слишком половинчатым. Напряженность отношений теперь распространилась на группы, примыкавшие к

различным фракциям. Блас Рока, выступая перед НСП, обвинил Фиделя в том, что тот развязывает антикоммунистическую кампанию. Тем временем коммунисты и Движение 26 июля вступили в состязание за контроль над профсоюзами, избавившимися от старых пробатистовских кадров. В ходе этого состязания НСП не раз получала упреки в непоследовательности и робости, проявленной в борьбе против диктатуры.

Данный раскол в революционном фронте был мимоходом подмечен Че, который высказал свое презрение к идеологическим тюремным камерам. Эти слова прозвучали в ответе на письмо женщины, которая задала ему вопрос об официальной доктрине Движения 26 июля: "Я не думаю, что возможно писать согласно строгой доктринальной линии - и, кроме того, не существует никакого официального Движения 26 июля".

25 мая легкий самолет министра авиации Педро Луиса Диаса Ланса совершил вынужденную посадку на болоте Сьенага Сапата. В поисках приняли участие все партизанские командиры, и Че среди них. Старый дух братства Сьерры возродился; сам Фидель руководил действиями с картой в руках. Самолет был найден, все летевшие на нем оказались невредимы. Но тем временем другой легкий самолет, на борту которого на этот раз находился Рауль Кастро, попал в шторм, израсходовал топливо и также совершил посадку на болоте. Старые товарищи включились в следующий, еще более опасный поиск, который также закончился успешно. Самолеты были сильно изношенными, а командиры Повстанческой армии носились с одного конца страны на другой в этих машинах, находившихся в ужасающем техническом состоянии. Они летали так же, как и сражались, проверяя себя и преодолевая пределы возможного.

Ходили слухи о том, что в лагере "Колумбия" Камило выполнил сумасшедший трюк, болтаясь на шасси летящего вертолета, и что он как-то предложил вывезти Че из его лагеря в Ла-Кабанье на вертолете, не зная, как им управлять. Че не только не стал отговаривать его, но охотно согласился, в то время как зрители уве-РЯЛИ, что им это ни в коем случае не удастся. В то время Че сам Учился управлять самолетом и часто перелетал с одного конца острова на другой со своим персональным пилотом Элисео де ла Кампа, с которым познакомился, когда того доставили раненным в Ла-Кабанью из Эскамбрея.

На фотографии этой свадьбы Че запечатлен рядом с очень красивой и серьезной Алейдой Марч. На снимке он, немного похожий на Кантинфласа, приподняв брови, рассматривает стол, на котором стоят цветы и пирог. Он одет в чистую, но не слишком аккуратного вида форму с туго набитыми чем-то карманами. На

этой фотографии также запечатлены Рауль Кастро, напоминающий вечного подростка, рядом с очень хорошенькой Виль-мой Эсприн, пилот Элисео де ла Кампа, Альберто Фернандес Монтес де Ока (Пачо) и Альберто Кастельянос, хозяин дома, в котором проходила свадьба. Камило, старый друг, на фотографию не попал, зато успел устроить крупный розыгрыш, сообщив всем гостям, что еду они должны приносить с собой. Зная спартанские привычки и скромность Че, многие поверили этому и пришли с кушаньями и десертами. На другой фотографии улыбающийся Че с огромной сигарой во рту сидит за рулем дряхлого автомобиля, рядом с ним Алейда, а на заднем сиденье - Фернандес Мель, живший с ними в одном доме.

Напряженность в стране снова возрастала - владельцы крупных сахарных заводов и скотоводческих ранчо в Камагуэе не желали молча мириться с законом об аграрной реформе. Они добровольно передали пять тысяч телок, рассчитывая тем самым избежать более решительных мер против себя со стороны государства. Узнав об этом, остроумный Камило сказал: "Несмотря на то, что они сдали телок, мы свернем им шеи". Не обращая внимания на это демонстративное превентивное отступление, правительство приступило к конфискации вотчин землевладельцев, среди которых оказалось и несколько очень крупных американских ранчо, чьи отсутствовавшие заморские владельцы были, по выражению историка Хью Томаса, "душой контрреволюции".

Действия Фиделя, направленные против владельцев ранчо, вызвали возражения правого крыла правительства, которое сетовало, что конфискация явилась результатом коммунистического влияния. Первой официальной реакцией США на аграрную реформу было вежливое дипломатическое напоминание о желательности быстрой и реальной компенсации владельцам.

Бегство Диаса Ланса в Соединенные Штаты подлило масла в огонь разворачивавшейся там антикоммунистической кампании, направленной прежде всего против Фиделя. Ответом Фиделя послужили массовые перестановки в составе правительства, произведенные 11 июня. Из него были удалены министры, связанные со старой, еще добатистовской, политикой, а также члены правого крыла Движения 26 июля Медерос, Роберто Аграмонте, Умберто Сори Марин и Анхель Фернандес. Их места заняли представители левых сил Д26 несоциалистической ориентации (люди из Сьерры и один из членов Революционного Директората): Рауль Роа, Серафин Руис Сарате, Педро Мирет и Пепин На-ранхо.

В течение нескольких месяцев Че работал над статьей, озаглавленной "Революция начинается"; в июне она была опубликована бразильским журналом "О крузейро". В ней излагалась краткая история революции, сопровождаемая оценкой возможного воздействия кубинских событий на остальную Латинскую Америку.

"Мы теперь оказались в положении, в котором являемся намного более крупным явлением, чем фактор, касающийся только одной нации; мы теперь надежда всей Латинской Америки. Все глаза - как могучих угнетателей, так и исполненных надежды угнетенных - обращены в нашу сторону.

Развитие народных движений в Латинской Америке будет зависеть в значительной степени от отношения к будущему, которое мы показываем, от нашей способности разрешить разнообразные проблемы, а за каждым нашим шагом будут наблюдать вездесущие глаза великого кредитора и наших исполненных оптимизма латиноамериканских братьев".{19}

25. Не время мечтать в тени пирамид.

12 июня 1959 года Че становится одним из послов по особым поручениям взрослеющей революции. Была ли поездка, в которую его направили, действительно необходимой? Складывается впечатление, что Че считал, будто ему предоставили каникулы, о которых он не просил, что Фидель питал к нему несомненную привязанность, но предпочитал держать на расстоянии. Однако дисциплинированный майор Гевара упаковал свои пожитки и спустя всего несколько дней после свадьбы попрощался с Фиделем в аэропорту Гаваны. Че, не желавший превращать свою миссию в скрытую разновидность отпуска, не взял с собой Алейду. Он чувствовал, что наказывает себя, и в письме к родным признался, что во время поездки ужасно тосковал без нее.

Делегация представляла собой весьма разношерстную компанию. Фидель включил в нее капитана Омара Фернандеса и известного радиокомментатора Хосе Пардо Льяду, мотивировав это желанием, чтобы последний в будущем взял на себя "обязанности в правительстве". Он также извлек из политического забвения активиста предыдущего поколения, доктора экономики Сальвадора Виласеку, которому уже перевалило за пятьдесят, так как экономисты из состава правого крыла Движения 26 июля не пожелали сопровождать радикала Гевару. Пардо дал язвительную, даже злобную характеристику остальным членам делегации: "Лейтенант Аргудин (просто мальчишка шестнадцати лет) и Панчо Гарсия, бессловесный тип, не имевший никакого отношения к революции, но по каким-то причинам оказавшийся в роли секретаря Че и его правой руки... В группу был также включен гватемальский карлик по прозвищу Эль Патохо, на котором оливково-серая форма смотрелась как маскарадный костюм".

Че, которому недавно исполнился тридцать один год, отнесся к своей роли посла по особым поручениям с чрезвычайной серьезностью, как и ко всем своим обязанностям. С такими же упорством и тщательностью, с которыми он учился другим видам деятельности (правда, не уделяя особого внимания формальным сторонам этой специфической работы), Че углубился в спою не слишком понятную посольскую миссию. Да и в чем она заключалась: в том, чтобы открывать двери в мир, налаживать торговые связи или добиваться признания и поддержки революции"

16 июня, сразу же по прибытии в Объединенную Арабскую Республику, он направился в летний дворец низложенного ко роля Фарука, где теперь находилась президентская резиденция Его первая встреча с президентом Гамалем Абдель Насером оказалась весьма прохладной. Оба держались настороженно, пытаясь прощупать мысли и настроения собеседника. Че решился подвергнуть сомнению глубину проведенной в Египте аграрной реформы, вызвав таким образом спор. Он настойчиво утверждал: то что владельцы плантаций не покинули страну, доказывает, что реформа не явилась по-настоящему серьезной.

Отношения со странами Ближнего Востока остались настороженными и останутся такими в течение еще нескольких лет, но тем не менее можно сказать и о некоторых успехах, которых удалось достичь Че. Он встретился с президентом Насером, посетил Дамаск, видел Суэцкий канат и Александрию. Эрнесто совершил обязательный для антиимпериалиста ритуал, почтив память погибших во время англо-французской интервенции 1956 года, и даже принял участие в военно-морских маневрах в Средиземном море.

Сальвадор Виласека, включенный в делегацию позднее других, прибыл в Каир на день позже. Че, с восхищением узнавший о том, что Виласека был участником революционного движения на Кубе еще в тридцатые годы, засыпал его вопросами. Можно ли было считать их борьбу против диктатуры Мачадо терроризмом? Что послужило причиной их раскола с Народно-социалистической партией? "Он даже заставил меня рисовать схемы бомб, которые мы тогда делапи, и обсуждал со мной их устройство".

1 июля делегация, к которой тем временем присоединился и Пардо, прибыла в Индию. Че встретился с премьер-министром Джавахарлалом Неру и возложил венок на могилу Ганди, героя его юности. Позднее он посетил также храм Яма Масжид, где создатель политической философии ненасильственного сопротивления был кремирован. Но Че задумчиво сказал, обращаясь к остальным членам делегации: "Ненасильственное сопротивление в Латинской Америке бесполезно; наше сопротивление должно быть активным".

Свою первую дипломатическую оплошность Че совершил во время обеда с Неру и Индирой Ганди. Накладывая с раблезианским увлечением в блюдо креветки, он неоднократно спрашивал Неру о его отношении к Мао Цзэдуну и красному Китаю. Единственным ответом ему оказалось осторожное молчание. Это был диалог глухих.

Кубинская делегация вихрем пронеслась по Индии, посетив

Калькутту, Лакхнау, атомный исследовательский центр, научно-оследовательский институт сахара, текстильные фабрики и ;од швейных машин, встречаясь с министрами - короче ГОВОРЯ, делая все, что, по мнению Че, могло оказаться полезным для КУБИНСКОЙ революции. Но несмотря на его неисчерпаемую, при взгляде со стороны, энергию, это было для него плохое время. Он высказал то, что было у него в мыслях, в очень откровенном письме матери, своей постоянной наперснице, датированном "около 2 июля". В нем, в частности, говорилось:

"Мои мечты о посещении всех этих стран сбылись, но это вовсе не сделало меня счастливым. Вместо спокойного изучения стран я обсуждаю экономические и политические проблемы, закатываю приемы, па которых мне не приходится разве что надевать смокинг. Но я лишен таких невинных удовольствий, как возможность помечтать в тени пирамиды или у могилы Тутанхамона..."

Об Индии: "Новые и сложные протоколы, от которых меня как ребенка, охватывает паника... Один из моих лейтенантов придумал стандартный ответ по любому поводу, что-то вроде: "Вот это да!", он действует безотказно". А под конец идут прочувствованные размышления:

"Во мне пустил корни подход, опирающийся на точку зрения масс, в противоположность личной точке зрения; я все тот же самый старый одиночка, пытающийся найти свой путь без чьей-либо помощи, но теперь во мне появилось ощущение личного долга перед историей. У меня нет ни дома, ни жены, ни детей, ни родителей, ни братьев. Мои друзья остаются друзьями, пока они сохраняют ту же политическую ориентацию, какой придерживаюсь я - и тем не менее я счастлив. Я чувствую не только мощную внутреннюю силу, которую всегда ощущал, но еще и то, что, похоже, что-то совершаю в жизни; я ощущаю в себе способность дать что-то другим, а также исключительно фаталистически воспринимаю свою миссию, что делает меня совершенно бесстрашным.

Я не знаю, почему пишу все это; возможно, только из-за отсутствия Ллойды. Прими его письмо таким, какое оно есть: письмо, написанное бурной ночью, в небесах Индии, вдали от моей родины и моих любимых".

Необыкновенная серьезность его размышлений отразилась также и в том, что вместо обычных своих шуток он подписал письмо кратко, одним лишь именем: Эрнесто.

Но внешне Че оставался все тем же Че. В гостях у чилийских дипломатов он демонстрировал свои способности йога, стоя на голове посреди комнаты. Агра очаровала его, и он непрерывно

фотографировал. В Дели во время спуска с высокой крепостной башни с ним случился приступ астмы, и он вынужден был лечь прямо на землю, дожидаясь, пока к нему вернется дыхание.

Че отбыл из Индии, увозя с собой два подарка - серебряную медаль с изображением Тадж-Махала и сари, которое Неру подарил ему для Алейды, но кроме подарков, в нем возникло ощущение, что дипломатия - не его призвание.

12 июля он выехал в Бирму, затем в Таиланд, а 15 июля прибыл в Токио. Снова принятый дипломатический протокол потребовал от него многочисленных и не всегда полезных визитов. Он был ошеломлен как японской индустриализацией, так и видимой потерей этой страной своей национальной гордости, "ее очевидным раболепством перед американской мощью". Когда астма несколько отпустила его, Че обратился к хозяевам с тремя личными просьбами; предоставить ему возможность полюбоваться горой Фудзи, побывать на соревнованиях по борьбе сумо и посетить Хиросиму, чтобы хотя бы с опозданием почтить память жертв взрыва атомной бомбы, о которых он скорбел подростком.

А пока Че находился в Японии, на Кубе одно за другим происходили события чрезвычайной важности. Наконец вспыхнуло постоянно назревавшее столкновение между правым и левым крылом революции. Фидель начал борьбу против президента Мануэля Уррутии: выступая по телевидению, он обвинил последнего в поддержке наиболее консервагивных сил страны. Фидель также указал на нескромность президента, назначившего себе непомерно большое жалованье, и на его необоснованный антикоммунизм, который лил воду на мельницу предателя Диаса Лан-са, усиленно разворачивавшего из США контрреволюционную кампанию. В надежде на некоторое ослабление давления со стороны Соединенных Штатов Фидель подал в отставку с поста премьер-министра. В народе этот демарш вызвал резкое неприятие, выразившееся во всеобщей забастовке и походе крестьян на Гавану. В результате в отставку ушел Уррутия. Освальдо Дортикос, занявший пост президента, не принял отставку Фиделя.

26 июля Че пытался позвонить Фиделю из Токио по телефону, но не смог связаться с ним. Кубинская революция совершала поворот налево, а он находился здесь, в Японии. Как же это могло случиться?

Че прибыл в Джакарту, столицу Индонезии, 30 июля. В аэропорту делегацию встречал кто-то из низших дипломатических виновников посольства: это говорит о качестве организации по-Ш1. Индонезийцы просто-напросто забыли об их

прибытии. В гостинице, где были забронированы номера для кубинцев, во-первых не было водоснабжения. "Те, кто любит мыться, пусть не обращают на это внимания. Я в Сьерра-Маэстре привык вонять".

Президент Сукарно принял Че на следующий день. В то время индонезийский президент претендовал на роль лидера антиимпериалистического движения за независимость в Азии. Но Че отозвался о нем как о "сексуально озабоченном старике". Он встретился с представителями левых в правительстве и с другими министрами, посетил уже надоевшие сахарные заводы и табачные фабрики. Несколько воспрянуть духом он смог лишь при посещении Бали - земного рая в духе Гогена.

После Индонезии настала очередь Сингапура, где Че задержался на два дня из-за неисправности самолета. Затем Гонконг где он в аэропорту осмотрел все фотоаппараты, имевшиеся в магазине, прежде чем остановил выбор на "Лейке" и маленьком "Миноксе".

В свободное время он что-то писал. Коллеги считают, что это были заметки к руководству по ведению партизанской войны и прекрасный рассказ "Убитый щенок". Из-за погоды усилилась его астма; он почти не спал. По словам Пардо, "он то и дело брел, как лунатик, в ванную, где запирался, чтобы заставить себя сделать долгий и тяжелый вдох. Затем он возвращался в кровать и некоторое время сидел неподвижно, пока не чувствовал, что может снова лечь и уснуть". Журналистская составляющая Че заставила его отметить кое-что из ночных мыслей: "Я люблю мой ингалятор больше, чем пистолет... Я склонен к глубоким размышлениям во время тяжелых приступов астмы".

Во время молниеносного посещения Цейлона он встретился с президентом и подписал соглашение о продаже в эту страну двадцати тысяч тонн сахара. Там Че был совершенно очарован руинами древних строений. К 8 августа Че оказался в Пакистане, где имел беседу с главой государства Мохаммедом Айюб Ханом. Оттуда после кратких остановок в Каире и Афинах (он был очень расстроен тем, что из-за недостатка времени не смог посетить Акрополь, увидеть который мечтал еще с мексиканских времен) Че 12 августа прибыл с шестидневным визитом в Югославию. Югославия оказалась первой социалистической страной на его маршруте, но, похоже, не произвела на него особого впечатления. Возможно, его мысли были заняты событиями на Кубе. Он ограничился замечанием о том, что "мы были поражены популярностью Тито в народе, сопоставимой с популярностью Насера в Египте и нашего Фиделя".

Ну, а что в это время делал Фидель? Он разоблачил заговор,

организованный наиболее консервативными кубинскими владельцами ранчо и доминиканским диктатором Леонидасом Тру-хильо. Силами активистов Второго фронта он смог захватит, самолет, доставлявший контрреволюционерам оружие из Санто-Доминто. В подготовке и осуществлении этой акции скорее всего принимало участие ЦРУ. Тем временем правительство на 25 процентов снизило цены на учебники и на 30 процентов - плату за электроэнергию.

А что же делал Че? Он совершил поспешную поездку в Судан, где посетил президента. Близился конец турне. 27 августа, по пути в Мадрид, Эрнесто остановился в Риме, где времени хватило только на посещение Сикстинской капеллы. Он столько мечтал о Европе, но смог провести в ней лишь несколько часов. После краткой транзитной остановки в Мадриде он отправился в Марокко. Там было много протокольных сложностей, а про-франкистская монархия косо смотрела на кубинскую революцию. В этом визите был только один приятный эпизод: премьер-министр предложил Че есть баранину на арабский манер - руками л сидя на корточках. Че ненадолго показалось, что он уже дома и вернулся к партизанскому образу жизни.

После остановки в Мадриде, где нужно было решить кое-какие технические проблемы, возникшие с самолетом, и вместе с Виласекой пробежаться по букинистическим магазинам, они 9 сентябри завершили свою поездку. Че не был на Кубе почти три месяца.

26. Возвращение.

Эрнесто Гевара возвратился на Кубу 19 сентября 1959 года. В аэропорту он сообщил о той симпатии, которую в разных концах света питают к кубинской революции. Позже он скачал, что в представлении обитателей Азии "сейчас происходит исчезновение старой Латинской Америки - той, где безымянные люди за нищенские заработки грудятся на оловянных рудниках, сбивая цены и снижая заработки тяжко страдающих рабочих на индонезийских оловянных шахтах, Латинской Америки резиновых баронов Амазонии, где вымирающие от малярии люди производят каучук, который понижает заработную плату и без того нищих добытчиков каучука в Индонезии, на Цейлоне или в Малайзии, Латинской .Америке невероятно богатых месторождений нефти, из-за которых не прибавляют жалованье нефтяникам в Саудовской Аравии, Ираке и Иране, Латинской Америке, производящей дешевый сахар, благодаря которому рабочий в Индии не может получать больше за ту же самую кошмарную работу под тем же самым безжалостным тропическим солнцем".

11 сентября Че доложил о результатах поездки министру иностранных дел Раулю Роа. Газета "Нью-Йорк тайме" поместила удивительно доброжелательную заметку, в которой говорилось, что Не поразил журналистов в Гаване своими способностями дипломата и торговца.

Журнал "Уманизмо" опубликовал статью под названием "Латинская Америка с точки зрения жителей афро-азиатского региона", в которой Че описал свою поездку. Он также написал несколько статей для "Верде оливо"; это были в основном репортажи, но в каждом из них присутствовал специфический акцент: например, индустриализация в Японии после ядерной бомбардировки, контрасты в Индии, необходимость учиться государственному планированию у Югославии, достоинства торговых связей с островом Цейлон и Пакистаном. через неделю он принял участие в большой телевизионной программе и пресс-конференции, посвященных этим и многим другим проблемам.

30 сентября Че произнес перед слушателями Полицейской одну из самых лучших своих речей. Он особо подчеркнул что перед молодыми полицейскими как представителями части революционной армии, которая имеет ежедневный с широкими массами населения, стоит обязательная застать выразителями общественного мнения. Эта деятельность, а также необходимость поддерживать общественный порядок, сказал он, "кажутся

противоречащими одна другой, и в результате многие из представителей вооруженных сил - не только полиции, но и других родов войск - проявляют высокомерие в обращении с населением. Таких случаев очень мало, но они все же встречаются и могут оказать пагубное влияние как на гражданское население, так и на армию".

Он упорно утверждал, что государственные служащие обязаны своим положением воле народа, и таким образом определил основную задачу новых полицейских: превратиться в радикальную революционную версию полиции. Кроме необходимости избегать искушения представлять собой авторитарную власть, он или она должны "постоянно сообщать нам - не о заговорах против государства, поскольку у нас бдительные граждане, которые помогут нам в этом деле. Но полиция должна... наблюдать за народной реакцией на меры, принимаемые министром или правительством вообще, и знать, что о них думают... Это не означает возможность заводить досье на людей или наказывать их за выражение своего мнения. Совсем наоборот, это значит анализировать мнения, видеть, насколько верны наши действия, насколько они согласуются с этим мнением, и что люди на самом деле думают об этих действиях. Народ никогда не ошибается, это мы делаем ошибки и нуждаемся в его поправках".

7 октября Фидель Кастро дал Че новую работу в дополнение к его прочим обязанностям. Эрнесто уже был начальником Учебного управления вооруженных сил (ответственным за организацию обучения Повстанческой армии), возглавлял военный отдел, отдел кино и изобразительного искусства в редакции "Верде оливо", а также командовал базой "Ла-Кабанья". Новая работа была крайне сложной. Фидель хотел, чтобы Че стал руководителем программы индустриализации в недавно созданном Национальном институте аграрной реформы (НИАР).

Че была поручена невозможная на первый взгляд задача: осуществить координацию действий тех отраслей промышленности и предприятий, которые после национализации стали подразделениями НИАР. "Часть из них была в недавнем прошлом конфискована, другая восстановлена, еще часть предприятий была передана в собственность государства по условиям Закона о труде № 647 некоторые были просто переданы государству их владельцами, еще часть правительство купило; было и несколько вновь построенных". Крупных предприятий среди них почти не имелось.

Че помогала группа экономистов, направленных на Кубу Чилийской коммунистической партией. Ее возглавляли Хаиме

Барриос, Рауль Мальдонадо и Карлос Ромео. Вообще-то чилийцы были приглашены НИАР, но в Че они видели представителя левого крыла революции и предложили свои услуги в качестве свободных независимых экспертов. В эту группу также входили Хосе Мануэль Манреса, которого Че нашел в Ла-Кабанье, Хулио Касерес (Эль Патохо), живший в доме Че, и Орландо Боррего, офицер Повстанческой армии, организовавший мастерские в Сьерра-Маэстре.

Рауль Мальдонадо дал описание сюрреалистического облика этого микроминистерства:

"Конторское помещение на восьмом этаже было почти пустым. В глубине находился стол, на котором возлежали ноги Че, за спиной Че группа вооруженных молодых людей, перед ними семь или восемь пустых столов и очень мало света, как нам показалось, когда мы вышли из лифта. Все это сделало еще более абсурдной представившуюся нам картину: Алейда подпиливала Че ногти".

Главнейшая из всех целей заключалась в том, чтобы начать работу и продолжать ее, невзирая ни какие обстоятельства, лишь бы обеспечить занятость рабочих. Первая и самая очевидная идея была - организовать и скоординировать деятельность мастерских и фабрик по видам продукции, создав нечто вроде компаний. Приходилось импровизировать. Были назначены управляющие, в честность которых верили, но никто в команде не имел вообще никакого опыта в индустриальном управлении, не говоря уже об уровне фабрики или компании. Было распространено обращение к бойцам-партизанам и рабочим-ополченцам, в том числе и к сторонникам Народно-социалистической партии, удалось найти кое-какие деньги и основать небольшую школу управления, а также учредить централизованный фонд, из которого выплачивалась заработная плата.

Через полтора года Че описал то поистине ужасающее состояние в котором пребывала кубинская промышленность к началу революции

"Армия безработных рабочих насчитывала 600 000... На подавляющем большинстве производственных предприятий, выпускавших те или иные товары, использовали сырье, поставляемое из-за границы, иностранные машины и иностранные запасные части; неразвитое сельское хозяйство, задушенное конкуренцией на капиталистическом рынке, с крупными плантациями, земля которых использовалась под посадки сахарного тростника для крупномасштабного сахарного производства и владельцы которых поэтому предпочитали импортировать продовольствие из Соединенных Штатов".

В это время Че обратился к экономисту Виласеке, своему компаньону по дипломатическому туру, чтобы тот преподал ему углубленные уроки математики. Их дружба началась у классной доски, где они, начав с элементарной математики, перешли к высшей алгебре, математическому анализу, геометрическому анализу. Виласека вспоминал, что занятия проводились "два раза в неделю, по вторникам и субботам в восемь утра; в редких случаях Че прерывал уроки, говоря, что ему нужно поспать, поскольку больше не может ничего уловить. По субботам мы занимались один, два, три, даже пять часов".

Несмотря на свои новые служебные обязанности, Че нашел время выступить в Кабайгуане на праздновании годовщины прибытия туда колонны № 8. Событие, сопровождавшееся стрельбой в воздух многих из его прежних товарищей по оружию, было зафиксировано на кино- и фотопленку. Это, наверно, чуть ли не единственные фотографии, где вместо своей обычной язвительной полуулыбки Че открыто и громко смеется.

На следующий день Че начал серию выступлений-дебатов в трех главных университетах страны, начиная с университета провинции Орьенте. Он предполагал обсудить причины расширявшегося разрыва между революцией и учреждениями высшего образования. Студенты, горячо встретившие революцию, оказались теперь выключенными из игры и, поддержав либерально-оппозиционные воззрения своих профессоров, сопротивлялись давлению, имевшему целью привлечь их к участию в революционном процессе. Они, с одной стороны, защищали свою автономию, а с другой - свои политические позиции. Че отправился на дебаты, не собираясь отсиживаться в обороне, и начал свое выступление с вопроса: "Действительно ли университеты неизбежно должны стать консервативными или даже выступить в качестве запала для реакции?"

Речь Че в Сантьяго была очень критичной. Он попытался убедить студентов в том, что университеты сами нуждаются в том, чтобы поддержать планы правительства, даже рискуя при этом потерять свою автономию. Он также просил прекратить споры и конфронтацию, так как студентам предстояло принять участие в создании общественных стандартов и потому следовало признать приоритет дисциплин, необходимых для развития революции. Однако он не прибегал к угрозам или политическому давлению, а "призывал к нормальной дискуссии, настолько ожесточенной или же настолько горячей, как вам захочется, но всегда здравой".

Несколькими месяцами позже университет Лас-Вильяса присвоил Че звание своего почетного преподавателя. Этого

звания награжденный, по его собственному ощущению, не заслуживал ("вес уроки, которые мне доводилось проводить, проходили в партизанских лагерях и состояли из ругани и демонстрации личного примера"). Принимая звание как проявление уважения к Поискшческой армии, Че, одетый в военную форму цвета хаки, а не в академическое одеяние, обратился к университету с призывом, "не представлять себя в дурном свете, украсить себя представителями народа, рабочими, кампесинос", открыть свои двери бывшим изгоям общества, ставшим таковыми из-за расизма или экономических факторов. Он также посетовал на то, что правительство "не имеет права голоса в кубинских университетах".

Через три месяца после речи в Сантьяго наступила очередь университета Гаваны. Че гневно заявил, что под видом автономии его студенты проявляют легкомыслие: учебное заведение не отличается высоким уровнем знаний и во множестве присуждает ученые степени в области гуманитарных наук, бесполезных на трудовом рынке; в нем вовсе нет факультета экономики, что является "огромным упущением". Он сожалел, что три главных университета страны не осуществляют никакой координации академических программ, что студенты не имеют подходящих условий для того, чтобы работать над дипломными проектами, сохраняя при этом возможность продолжать занятия и выполнять свои обязанности перед обществом. "Почему университет не в состоянии идти вместе с другими университетами по той же дороге, что и революционное правительство, сверяя с ним шаг?"

Затем Че попросил извинения зато, что вынес противоречия на обозрение телевизионных камер, и приступил к защите слова "координация" против непреклонных сторонников автономии. Для завершения речи он припас весьма спорное положение, демистифицировав понятие "призвания", не без юмора сославшись при этом на свой собственный жизненный опыт: "Я начал обучение в университете как будущий инженер, закончил его как врач, после этого успел побыть военным командиром, а теперь вы (идите меня в качестве лектора". Кажется довольно странным, что Эрнесто Гсвара вдруг выступил против идеи призвания, свободы выбора и ноли, когда его собственная биография являлась непрерывной демонстрацией того, что волю нельзя заключить в тюрьму, созданную здравым смыслом.

10 октября Эрнесто Гевара в Сантьяго-де-Куба принял участие в церемонии, посвященной памяти Орландо, убитого во время диктатуры брата Альберто Фернандеса Монтеса де Ока (Пачо). Впервые за много лет Че вошел в церковь, так как мать погибшего бойца пожелала провести его церковное поминовение.

В тот же самый день министром вооруженных сил был назначен Рауль Кастро. Это вызвало большое недовольство Убера Матоса, командующего войсками в Камагуэе. Перепалка достигла апогея после воздушного налета, приведшего к многочисленным жертвам среди гражданского населения. Его организовал из Майами Диас Ланс. (В первых сообщениях говорилось, что все жертвы явились следствием бомбежки, но Че, не признававший никаких компромиссов с правдой, сказал через несколько лет, что "два человека погибли, а пятьдесят были ранены как сброшенными бомбами, так и огнем собственного зенитного оружия"). Убер Матос в тот же день вместе с четырнадцатью другими офицерами подал в отставку и обвинил Фиделя в том, что тот стал коммунистом. В ответ Фидель приказал Камило Сьенфуэгосу отправиться в Камагуэй, разоружить и задержать Матоса и его людей.

Пять дней спустя на массовом митинге, собравшемся около Национального дворца в знак протеста против воздушных налетов, Че обратился к толпе с вопросом: "Согласно ли революционное правительство и все эти люди уступить иностранному давлению? Согласны отступить?" В ответ раздались единодушные крики: "Нет! Нет!" "Мы не станем второй Гватемалой!" - напомнил Че о недавней участи центральноамериканской страны.

В правительстве произошел новый раскол. Фелипе Пасос, президент Национального банка, в ответ на обещание Фиделя отдать Убера Матоса под суд военного трибунала за измену, пригрозил, что выйдет в отставку; левое крыло правительства также не было согласно с Фиделем.

Раскол углубился в ходе последовавших дебатов, в которых приняли участие несколько министров и Че. Фаустино Перес, Энрике Ольтуски и Рай заявили, что хотя Матос и мог отколоться от революции, тем не менее в его отставке не было никакой измены. Франки вспомнил слова Рауля Кастро о том, что перед лицом иностранной агрессии позиция Матоса была контрреволюционной и что его следует расстрелять. Че в шутку сказал Ольтуски и Раю в ответ на их доводы в пользу Матоса: "Нам придется много стрелять".

Фидель прекратил обсуждение. Он твердо решил, что Матоса следует судить, а несогласных попросил подать в отставку. Че затупился за Ольтуски, Фаустино и Рая, заявив, что раз у них хватило смелости с риском для собственной жизни отстаивать свою позицию, то они должны оставаться министрами. Но Фидель сказал, что они потеряли доверие революции. Началась перестановка. Ольтуски временно остался на своем месте, двое

других покинули правительство в ноябре; их заменили Мартинес Санчес и Османи Сьенфуэгос (брат Камило), чьи политические взгляды были ближе к позициям Рауля и Че.

Суд над Убером Матосом состоялся 11 декабря. Обвинение в измене не было доказано, хотя у него и были очевидные разногласия с революционной линией, проявившиеся, в частности, в отношении к аграрной реформе и в заигрывании с идеей больших плантаций.

29 октября аргентинская газета опубликовала интервью с Че, в котором он дал радикальный обзор отношений с Соединенными Штатами: "Без сомнения, Латинская Америка нуждается в нескольких барбудос".

В тот же день пропал Камило Сьенфуэгос, летевший на самолете "Сессна-310" с инспекторской поездкой из Камагуэя в Санта-Клару. На рассвете 30 октября начались широкомасштабные спасательно-поисковые работы. Че вылетел на поиски в таком же самолете; был мобилизован флот; кампесинос прочесывали местность. Вся страна была взволнована: Камило был, несомненно, одним из самых популярных и любимых деятелей революции. Самолет исчез без следа. Расследование показало, что он, вероятно, изменил курс, чтобы уклониться от шторма, и направился в сторону моря. Поиски продолжались в течение недели. Время от времени возникали ложные надежды, но все закончилось безрезультатно. Че потерял одного из своих столь немногочисленных друзей, и в его словах, сказанных по этому поводу, слышался гнев:

"Кто убил Камило? Его убил враг, убил, потому что хотел его смерти. Его убило отсутствие у нас исправных самолетов, из-за чего наши пилоты не могут набираться необходимого опыта, его убила перегруженность работой, из-за которой он хотел через несколько часов непременно оказаться в Гаване... Наконец, его убил собственный характер. Камило никогда не отступал перед опасностью, он смело смотрел ей в глаза, заигрывал с нею, дразнил ее, как тореадор, и вступал с нею в единоборство. В его сознании партизана не укладывалось, что какое-нибудь препятствие может остановить его или что показавшееся в небе облако заставит свернуть с намеченного пути".

Революция потеряла одного из своих замечательнейших предводителей, как до того она потеряла Хуана Мануэля Маркеса, Хосе Антонио Эчеверрию, Франка Пайса и Рене Рамоса Натура

Месяцем позже Че на массовом митинге рабочих в Мансанилье призвал провести день добровольной бесплатной работы - это был первый столь масштабный рабочий почин на Кубе. В Ка-ней-де-лас-Мерседес был построен образовательный комплекс

получивший имя Камило Сьенфуэгоса.

Было воскресенье. Обычно строительные работы проводились солдатами Повстанческой армии, многие из которых с самых первых дней входили в состав колонны № 8, как, например, восемнадцатилетний офицер Рохелио Асеведо. Но в этот день к ним присоединились сапожники из Мансанильи, прибывшие из города в автобусах. Они ярко проявили себя в борьбе против диктатуры, и Че с нежностью называл их "камнеметчиками". К ним присоединились кампесинос из Сьерры, которые принесли с собой кофе и провизию. В восемь утра на аэродроме сахарного завода Эстрада-Пальма приземлился легкий самолет, доставивший Че и Алейду. Его появление приветствовали бурными аплодисментами и криками: "Че! Че! Че!" После очень краткой речи он отправился в карьер Эстрада-Пальма добывать там камень. И так несколько воскресений подряд он прилетал из Гаваны, чтобы провести восемь часов на строительстве школьного комплекса.

27. "Когда Гевара берется за бизнес, дело всякий раз заканчивается крахом"

26 ноября 1959 года Эрнесто Че Гевара получил свидетельство о том, что он является кубинцем по национальности. В тот же день последовало правительственное извещение о назначении его председателем Кубинского национального банка. Еще спустя много лет продолжала ходить шутка (даже сам Фидель Кастро повторял ее): "На собрании лидеров кубинской революции премьер-министр спросил, найдется ли среди них экономист, который согласится взять на себя управление банком. Задремавшему Че вместо слова "экономист" послышалось "коммунист", и он поднял руку".

Говорят, что отец Че, услышав новость, сказал: "Мой сын Эрнесто распоряжается деньгами Республики Куба? Фидель сошел с ума. Когда Гевара берется за бизнес, дело всякий раз заканчивается крахом". С различных сторон последовали самые разные реакции на это назначение. Американский посол от имени президента высказал протест против этого назначения и предложил три альтернативные кандидатуры, не получив никакого ответа. Пардо Лардо, один из спутников Че по его дипломатическому путешествию, выступая в радиопрограмме "Говорящая газета", приветствовал назначение Че. Он выразил широко распространенное в народе мнение, сказав: "Только дурак может не сознавать огромную опасность попытки остановить революционный импульс на экономическом фронте. Чтобы в такое время защищать нашу экономику, мы нуждаемся в способных, храбрых и честных руках".

Сам Че спустя годы так объяснил свое решение:

"Когда революционное правительство пришло к власти, посты президента и вице-президента банка возвратились к людям, занимавшим их до переворота - доктору Фелипе Пасосу и доктору Хусто Каррильо. Когда началась революция, было обнаружено узкое место: экономические программы и движение к быстрому развитию революции задыхались, и причина была точно найдена в учреждениях кредита. Тем не менее уважение, которое многие из нас питали к интеллектуальным способностям доктора Пасоса, привело к изрядной задержке, прежде чем он был заменен кем-то, кого, уж конечно, не превозносили за могучий интеллект вечный сарказм Че, кто не знал ничего о банковском деле, но работал в

согласии с основными принципами революционного правительства".

Приняв на себя руководство банком, Че был вынужден отказаться от управления Отделом индустриализации НИАРа. "Отдел индустриализации был создан мною собственноручно, и я лишь наполовину отошел от него, как преждевременно состарившийся отец, чтобы перекинуться на родственную науку, благословенные финансы"- Руководителем стал Орландо Боррего, который отчитывался о работе отдела перед Че. В то время под управлением Отдела индустриализации находилось сорок одно маленькое и среднее предприятие, в которых трудилось 2253 рабочих. Че позднее скажет американским экономистам Лео Хуберману и Полу Свизи, что предпочитает индустриальное управление банковскому:

"Однако когда я стал руководителем банка, ... мы поняли, что существовало нечто большее, чем просто желание или нежелание избавиться от стоявших перед нашими программами преград, которые возникали в банках и кредитных учреждениях; проблема была в самой системе. Даже при том, что в нынешних условиях процедуры, используемые иностранными банками, нисколько не отличались от тех, которые использовали наши собственные государственные служащие, иностранные банки оставались достаточно включенными в наши дела, чтобы быть в состоянии управлять всем процессом. У них была к тому же и доля в нескольких наших кредитных ассоциациях, и потому им были доступны все наши принципиальные направления, самые основы нашей новой политики - порой затрагивавшие чрезвычайно деликатные материи. Кроме того, кредиты предоставлялись необдуманно, а банки, оказавшиеся в состоянии делать деньги, делали их самым выгодным для себя способом, какой только могли найти, полностью игнорируя национальные интересы".

Приступив к работе с 27 ноября, Че сразу же осуществил ряд мер, касавшихся лицензий на импорт, финансовых сделок в иностранной валюте, импорта и экспорта валюты и продажи долларов туристам и другим приезжим из-за границы. Эти меры были предназначены для совершенствования контроля за движением запасов иностранной валюты.

Появление Че и нового стиля управления банком нервировало Функционеров старой школы, один из которых жаловался, что "приемная председателя полна длинноволосых людей с оружием". Эти длинноволосые люди были теми самыми подростками, которые шли за Че со времен Сьерры, теперь формально зачисленные в его охрану со званием лейтенантов: Эрмес Пенья, Хосе Р гуди и, Альберто Кастельянос, Гарри

Вильегас и Леонардо Тамайо.

этой замечательной группе примкнул Сальвадор Виласека, которому предложили пост управляющего. Спустя несколько лет Виласека вспоминал о состоявшейся тогда беседе:

"- Поймите, майор, я ничего не знаю о банках.

- Я тоже, а ведь я председатель. Но когда революция просит тебя что-то сделать...

- Ладно, когда я должен приступить?"

Назначение Гевары руководителем банка состоялось под конец кризиса, случившегося в Движении 26 июля после отставки Убера Матоса. Когда Че вступил в должность, многие из финансовых чиновников, работавших с Пасосом, ушли вслед за ним, оставив участки незаполненными. Положение удалось в какой-то мере поправить благодаря тому, что члены "чилийской" группы советников из Отдела индустриализации Рауль Мальдонадо и Хаиме Барриос взяли на себя часть работы.

Активность Че в то время была совершенно невероятной. Он выступал на народных митингах, продолжал работать над рукописью руководства по ведению партизанской войны и описывал эпизоды войны в Сьерре. Помимо этого он изучал математику, управлял банком и Отделом индустриализации, курировал военную подготовку и регулярно участвовал в воскресниках по строительству школы.

Родителям он писал:

"Момент, который переживает Куба, является критическим для всей Латинской Америки. Некогда я хотел быть в числе солдат Писарро - однако всего этого достаточно, чтобы удовлетворить мою жажду приключений и мое желание познать пики исторического процесса. Что ж, я не прошел мимо этого. Сегодня все это имеется здесь: идеал, за который нужно бороться, наряду с ответственностью за то, чтобы подавать пример, который не будет расходиться с этим идеалом. Мы - не люди, а рабочие машины, ведущие борьбу против времени в трудных, но и блестящих обстоятельствах".

Он и так имел совсем немного свободного времени, а тут его стало еще меньше. По словам охранников, Че по воскресеньям часто посылал за своей дочерью Ильдой и проводил весь день дома в ее обществе. По ночам он никогда не спал больше шести часов, но по большей части его сон оказывался короче. Да и С деньгами у него постоянно было туго. Че отказался получать заработную плату за те несколько должностей, которые занимал, ему шло только жалованье майора, составлявшее четыреста сорок песо в месяц. Из них он отдавал сто песо Ильде Гадеа для ИМ дочери, пятьдесят уходило на оплату аренды дома, еще пятьдесят

- на расходы по использованию купленного им автомобиля, а оставшегося едва хватало на домашние расходы. Тамайо сказал, о "он имел хорошую библиотеку только потому, что люди дарили ему книги".

Че начал постепенно осваивать банковское дело прямо на практике, попытавшись установить контроль за вывозом и сокрытием капитала, ликвидировать банки эпохи Батисты и распутать теневые дела, проводившиеся в прошлом. Находились компании, которые получали банковские ссуды по шестнадцать миллионов песо, располагая зарегистрированным капиталом, не превышавшим четыреста тысяч песо. Но даже такая сумма не покидала карманов "владельца"; она изымалась за вычетом десятипроцентной скидки, полученной от поставщиков при покупке оборудования.

Одновременно Че продолжал всеми силами поддерживать аграрную реформу. 9 декабря, когда первые кампесинос получили документы на землю, он сказал: "Сегодня было подписано свидетельство о смерти системы крупного землевладения. Я никогда не думал, что с такой гордостью и радостью напишу свое имя на свидетельстве о смерти пациента, в лечении которого участвовал".

В начале 1960 года Че вступил в спор с рабочим лидером из Лас-Вильяса Конрадо Родригесом, которого грозился привлечь к суду за клевету. Родригес обвинил Че в том, что тот защищает сторонников Батисты (а конкретно - секретаря Национального банка Хосе Сантиэстебана), предоставляя им рабочие места. Че вынужден был объяснять, что он особенно требователен к своим сотрудникам. Родригес, сказал он, "имеет ужасную репутацию, так что у него нет никакого права выдвигать обвинения; удивительно, что кто-то вроде него имеет нахальство (насколько я знаю, он не отличается храбростью и пришел в Сьерру только для того, чтобы заниматься организационной работой, а сам не выстрелил ни разу)" клеветать на Сантиэстебана. Хотя последний не был революционером и работал с правительством Батисты, тем не менее он сочувствовал революции и был честным человеком.

Обвинение было не таким уж и беспристрастным. При Батисте Родригес являлся профсоюзным руководителем и получил премию за счет государственной лотереи. После победы революции он просил Сантиэстебана устроить его на работу в НИАР, но получил отказ.

В ответ на обвинения Сантиэстебан был готов выйти в отавку, но Че не принял ее; вместо этого он перешел в наступление.

Майор Гевара решил предотвратить охоту на ведьм. Должность председателя Центрального банка в обществе, ко-˚рое

все еще продолжало управляться по капиталистическим рыночным принципам и имело лишь небольшой национализированный сектор в экономике, не мешала Че делать высокопарные заявления: "Может показаться очень странным, что председатель Национального банка решил скрестить мечи с частной собственностью.... Но я все еще в большей степени партизан, чем председатель банка".

Об этом партизане, случайно оказавшемся на посту председателя банка, было много разговоров. Гавана была полна листовок с такими, например, высказываниями, приписывавшимися Че: "Вы можете сесть в лужу, но вам никто не протянет руку помощи", или "Можете бодаться сколько хотите, но не пытайтесь ничего сделать". Че был чрезвычайно возмущен этими прокламациями и уверял, что его слова звучали по-иному: "Вы можете сесть в лужу или же найти руку помощи".

4 февраля Че принял участие в теледебатах с наиболее консервативными кругами страны, представленными газетой "Диа-рио де ла марина". Газета возражала против государственной политики индустриализации, которую Че активно проводил в банковской системе. А он атаковал кубинский стиль свободного предпринимательства, в соответствии с которым такие компании, как "Кубанитро", имеющая четыреста тысяч песо торгового капитала, в состоянии заморозить беспрецедентный государственный кредит в двадцать миллионов, при том, что в стране насчитывается семьсот тысяч безработных. Благодаря такому свободному предпринимательству образовывался торговый дефицит, составлявший в 1959 году сто двадцать семь миллионов долларов. Че заявил зрителям, что давление со стороны США продолжает расти и что американские банки приостановили кредиты на импорт.

Несколькими днями ранее Че сказал журналу "Боэмия", что его политическая деятельность строится на базе революционного течения, которое "можно было бы охарактеризовать как левый национализм". Но он, несомненно, стремился выйти за его пределы. Хотя экономическое давление со стороны Соединенных Штатов неуклонно возрастало, казалось, что развитие национального плана социального обеспечения не оставляет никакой альтернативы более радикальным мерам. Газета "Уолл-стрит джорнэл", ссылаясь на Хью Томаса, со знанием дела заявляла, что и Европа, и Соединенные Штаты закрыли источники кредитов для Кубы, которой таким образом не осталось иного выхода, кроме как обратиться за помощью к России.

В конце 1959 года состоялся целый ряд встреч в узком кругу с участием Фиделя, Че, Рауля Кастро, Эмилио Арагонеса и ведущих

кубинских коммунистов. Вне всякого сомнения, одной из тем, которых чаще всего касались на этих встречах', была возможность советской помощи в случае усиления американского экономического давления. Но Фидель не желал, чтобы кубинские коммунисты оказались единственным связующим звеном между ним и Советским Союзом. Поэтому руководителем миссии, которой предстояло изучить возможности торговых отношений с социалистическими странами, он назначил Антонио Нуньеса Хименеса, хотя Нуньес вообще-то не был способен достичь каких-либо серьезных конкретных договоренностей. Контакт должен был готовиться представителем Коммунистической партии Советского Союза, неким Алексеевым, выступавшим под видом журналиста, так как Куба не желала афишировать своих связей с КПСС. Алексеев был странным и нетипичным русским: он носил тропическую одежду, говорил по-испански, наносил Че визиты в банк, курил сигары и даже острил.

Руководители кубинской революции воспользовались визитом высокопоставленного советского представителя, члена Политбюро Анастаса Микояна в Мексику и отправили к нему Эктора Родригеса с приглашением посетить Кубу. Именно так представители советского правительства впервые попали на остров. Микоян прибыл на Кубу в феврале 1960 года.

Че присутствовал при встрече Фиделя и кабинета министров с Микояном и слышал его заявление: "Мы готовы помочь Кубе". Он принимал участие в беседах в самом узком кругу и публичных мероприятиях на всем протяжении визита. Че, несомненно, был одним из самых сильных и активных сторонников установления тесных связей с Советским Союзом, имевшихся в кубинском правительстве. Но что Че знал об СССР?

Только то, что прочитал в четырех романах об Октябрьской революции и войне против фашизма. Советский Союз был наследником социалистической мифологии. Родиной Ленина.

А Микоян играл отведенную ему роль. Он возложил цветы к памятнику Хосе Марта, был освистан студентами-католиками, подписал незначительное соглашение о поставках сахара. Его посещение в первую очередь явилось предупреждением для Соединенных Штатов, которые все сильнее углубляли политическую и экономическую изоляцию Кубы, о том, что Советы оценили те выгоды для большой геополитической игры "холодной войны", которые давала России связь с Кубой.

Выступая месяцем позже в телевизионной программе, Че выразил мнение по крайней мере части руководства кубинской революции. Комментируя вопрос о советской помощи (мол, не предлагается ли она только для того, чтобы досадить

Соединенным Штатам), Гевара сказал: "Мы можем согласиться с тем, что это правда, - и добавил провокационно, - и что из того?"

Во время визита охрана Че была вынуждена работать сверхурочно. Альберто Кастельянос вспоминал:

"Мы провели целую неделю с Микояном, почти не имея времени поесть; наконец его группа отправилась домой к Селии Санчес. Было около десяти вечера, и мы умирали с голоду. Один из товарищей сказал нам, что поблизости живет секретарша Освальдо Дортикоса и что у нее наверняка найдется что-нибудь поесть. Мы пошли туда, зажарили яичницу и съели до последнего кусочка. Потом явился кто-то, разыскивавший нас, и спросил: "Это вы приехали с Че? Он стоит на углу". Я выбежал и увидел, что он очень сердит. "Где ты был?" - спросил он. Я сказал ему, что проголодался, а он ответил: "Я тоже. Вы всегда едите одновременно со мной, и поэтому все мы в равном положении". Он три дня держал меня под домашним арестом".

В 1960 году Че оказался объектом четырех произведений фотожурналистики. На одном из них был запечатлен бывший уличный фотограф из Мехико, ставший ныне видной фигурой на Кубе, навещающий своего старого товарища по оружию, доктора Висенте дела О. Жена Висенте только что родила сына (которого, естественно, назвали Анхелем Эрнесто). Че с необыкновенно нежным выражением на лице держит новорожденного, а тот внимательно рассматривает его бороду. Образ на фотографии получился очень трогательным. Может быть, майор Гевара был готов снова стать отцом?

Спустя недели две Че, произносившего речь, сфотографировал Фернандо Лопес, которого Гевара неуважительно именовал поместить в газете фотографию, сделанную Кордой.

20 марта Че выступал по телевидению. Он говорил резким и уверенным тоном, и его позиция заметно отличалась от взглядов 1959 года. Гевара предложил новый путь развития революции "Мы обладаем привилегией являться страной и правительством, подвергающимися наиболее яростным атакам не только в настоящее время, но и, вероятно, за всю историю Латинской Америки, намного более сильным, чем Гватемала и, возможно, даже чем Мексика... в то время, когда Карденас1 приказал начать экспроприацию". Он также пояснил, что в более справедливом обществе богатство должно перераспределяться: "Чтобы завоевать что-то, мы должны это у кого-то отобрать, и лучше говорить об этом прямо, нежели прятаться за концепциями, которые могут быть извращены".

Разрываясь между тремя рабочими местами, Че в апреле

нашел возможность регулярно писать для "Верде оливо" на темы международной политики. Статьи подписывались "Снайпер" - таким был его старый псевдоним в дни Сьерры, и печатались под рубрикой тех же времен "Внешняя цель". Первая статья была посвящена Гарри С. Трумэну, которого Че назвал "мрачным клоуном" за отданные тем в прошлом приказы о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки и нынешнюю активную поддержку идеи интервенции на Кубу. Этой статьей он установил тон для последовавшей серии: в названиях всегда содержалась шутка, а стиль изложения был самым боевым и информативным. В течение следующих пяти месяцев Че опубликовал восемнадцать статей, затрагивавших такие темы, как выборы в Аргентине, военные базы США в Латинской Америке, Корея, политика блокады, Организация Американских Государств, вице-президент США Ричард Никсон, гватемальский диктатор Мигель Идигорас и никарагуанский диктатор Анастасио Сомоса.

Охваченный рабочим пылом, Че спустя месяц начал другую серию статей, для которой ему пришлось писать еженедельно. Эта серия, посвященная военным вопросам, называлась "Совет бойцам". Она публиковалась на протяжении семи месяцев и рассмотрела обширный круг тем - например, "Использование пулеметов в оборонительном бою", "Организованное ведение огня в бою", "Оборона против танков" и "Карманная артиллерия".

Было похоже, что Че пожелал наверстать всю упущенную им за прошедшие годы журналистику. "Самая священная вещь в мире - звание автора", - сказал Че в письме аргентинскому писателю Эрнесто Сабато.

Книга "Партизанская война", над которой Че работал начиная с середины 1959 года, была издана весной 1960-го. Естественно, она была посвящена памяти Камило:

"Я надеялся, что эта книга получит поддержку Камило Сьснфуэгоса, который должен был прочитать и проверить ее, но судьба не дала ему возможности сделать это. Эти слова и те, что последуют далее, могут рассматриваться как знак уважения... беззаветному революционеру и ближайшему другу".

Книга была руководством, в котором анализировалось все то, чему Че научился как боец-партизан кубинской революции. Три основные идеи книги изложены на первой же странице первой главы:

"Народные вооруженные силы могут выиграть войну против армии... Нет никакой необходимости ждать революции; восстание, как детонатор, само может вызвать ее... В Латинской Америке поле битвы для вооруженной борьбы должно находиться преимущественно в сельской местности".

Книга была предназначена для того, чтобы излечить левых традиционалистов от пассивности, и основное "воздействие" производили как раз эти три пункта. Че поместил их в контекст, отмечая, что, с одной стороны, вспышка партизанского движения не могла бы произойти в стране, где правительство пришло к власти с согласия народа, и, с другой стороны, что борьбу трудящихся нельзя недооценивать. Начиная с объяснения роли партизана как социального реформатора, книга шаг за шагом проходила сквозь пласты житейских анекдотов, показывая их истинное значение и возвышая до уровня принципов. В ней воссоздавался портрет бойца-партизана, который порой, казалось, чрезмерно походил на самого Че или по крайней мере на тот образ, в котором он сам себя воспринимал ("курение сигар, сигарет или трубки является очень важным обычаем в жизни партизана, поскольку воз-ложность подымить во время отдыха является серьезным подспорьем для одинокого солдата"), не избегая и собственных недостатков ("потение во время непрерывных переходов, пот, засыхающий 1а теле, усиливает потоотделение, если нет возможностей для регуфного мытья, хотя это зависит от личных установок, как и все остальное"). Книга содержала великое множество советов о том, к Разводить походные костры, как лучше всего формировать *Ряд, об обязанностях по отношению к кампесинос, о том, как из винтовки сделать гранатомет для бутылок с зажигательной смесью, об области рассеяния выстрела, о способах выхода из боя, о методах достижения хорошо контролируемого состояния жестокости во время поединка и о войне как о единственном средстве научиться воевать.

Эта книга была на удивление лишена обычных для марксистских изданий многочисленных клише и неестественности языка в ней не было ни малейшего намека на академичную прозу -обычный стиль руководств. Анекдот оказался наилучшим инструментом Че как писателя и как теоретика. Американский политолог Джеймс Хиггинс позже вспоминал, как друг сказал ему, что книга Гевары, выпущенная "Мансли ревью", напоминает руководство для бойскаутов и что простота и компактность текста показались ему просто очаровательными. Он был совершенно прав.

Че смущался, когда у него просили автограф. Он не дарил экземпляров книги своим друзьям и товарищам по работе - они должны были заплатить свои 50 центов, - а вот членам правления Национального банка подарил. Безусловно, это была провокация; таким образом майор Гевара подчеркивал, что он военный, партизан, случайно оказавшийся банкиром. Один экземпляр он

предложил американцу по имени Финли, который был представителем "Чейз Манхэттен банка" на Кубе. Когда Финли сказал, что уже прочел ее, Че устроил ему настоящий экзамен и был удивлен, услышав, как банкир пересказывает главу за главой. После этого Че предложил ему взять с собой в США целую связку книг.

Это был чуть ли не первый писательский опыт Че и не лучшая из его книг, но, насколько это было в его силах, она не должна была оказаться последней. Он как-то сказал Эрнесто Сабато, что еще напишет другую книгу о революции и это будет "воистину вдохновенная работа".

Ситуация на Кубе тем временем продолжала накаляться. Правительство вступило в открытое противостояние с фанатичной католической иерархией и духовенством, которые развернули агрессивную и ядовитую антикоммунистическую кампанию. Одновременно продолжал усиливаться конфликт с пробатистов-скими и либеральными газетами "Диарио де ла марина" и "Пренса либре". Оба эти издания совсем недавно субсидировались правительством Батисты.

На Кубу начала просачиваться информация о деятельности ЦРУ в Майами, где американская разведывательная служба организовала две группы кубинских беженцев. В первую из них, не поддерживавшую Батисту, входили, в частности, Мануэль Артиме, Барона и Аурелио Санчес Аранхо. Вторая состояла из военных пробатистовской ориентации, которые при полной поддержке диктатора Идигораса начали проходить подготовку в Гватемале.

16 мая Че вместе с матерью, находившейся на Кубе, отправился к Хемингуэю на соревнования по рыбной ловле. Судя по фотографиям, Че являл собою там довольно странную фигуру: голый по пояс, но с беретом на голове. Как всегда, он или держал книгу в руках, или прятал под сиденье, когда пытался выловить рыбу.

"На самом деле у меня есть только одна программа... - индустриализовать страну", - сказал Че в том мае, выступая с речью. Это была его навязчивая идея, порожденная осознанием того, что экономическая система Кубы не в состоянии хоть сколько-нибудь прогрессировать, пока страна, производящая дешевое сырье, остается полностью зависимой от импорта готовых товаров. Че играл все более активную роль в работе Отдела индустриализации, к троим руководителям которого присоединился двадцативосьмилетний адвокат Хаиме Вальдес Гравалоса, друг Фаус-тино Переса. Главной темой их заседаний был вопрос о том, как заставить НИАР безотлагательно взять под

контроль предприятия, находившиеся в ведении Министерства расхищенного имущества или же национализированные, и создать из них объединения по виду производимой продукции. Отдел индустриализации должен был разобраться в их бухгалтерии и, пойдя на некоторые потери в прибыли у других предприятий, попытаться заставить фирмы работать хотя бы без убытка, не увольняя при этом рабочих.

Американский экономист Эдвард Бернстейн, занимавший должность консультанта в банке и имевший кабинет по соседству с кабинетом Че, докладывал, что помимо повседневных забот майор был очень заинтересован планированием промышленности. И все это сочеталось с безумием другого рода - приемом гостей, визитами, ночными занятиями математикой и экономикой с Хаиме Барриосом за восьмиугольным столом в соседнем кабине-По вечерам обычно приходили партизанские командиры с их (еисчерпаемым запасом военных историй. Алейда Марч и Хосе Мануэль Манреса оказались втянутыми в работу Че и пытались збавить его от хотя бы части бесчисленных дел: ознакомления с потоком корреспонденции, подготовки ответов на письма, статей и речей, посещений отделений банка... Во время одного из таких посещений он заметил около рабочего места кассира табличку с надписью "Я обслуживаю посетителей". Уходя из банка, Че попросил Виласеку посоветовать служащему повернуть табличку таким образом, чтобы она служила напоминанием ему.

Помимо всего этого, Че делал очень много дел, не входивших в круг его прямых обязанностей. Он дал интервью Жан-Полю Сартру и Симоне де Бовуар, которая написала потом: "Можно сказать, что сон оставил этих людей и тоже эмигрировал в Майами". Произведениям Сартра Че посвятил многие часы и почерпнул из них немало идей. В другой раз ему нанес визит американский журналист И.Ф.Стоун, автор книги "Тайная история корейской войны". Че познакомился с ней в Мексике, и у него на многое раскрылись глаза.

"Гевара приветствовал меня с теплотой, которая поначалу озадачила меня, пока я не узнал, что несколькими годами раньше американское посольство в Мексике... скупило чуть ли не весь тираж опубликованного испанского перевода "Тайной истории корейской войны". Оставшиеся экземпляры благодаря этому читались еще шире... Че приветствовал меня как такого же товарища-бунтаря против "империализма янки".

Стоун вспоминал, что Че

"был первым мужчиной из всех, кого я когда-либо встречал, о котором я подумал, что он не просто привлекателен, а красив. Со

своей вьющейся рыжеватой бородой он казался чем-то средним между изображением фавна и образом Иисуса Христа, отпечатанным для воскресной школы... Что поразило меня больше всего - то, что он не казался хоть сколько-нибудь развращенным или опьяненным властью, которая внезапно оказалась у него в руках".

И действительно, Че был человеком, не испытывавшим ни малейшего почтения к деньгам; друзья тайком покупали ему кофе, так как в кармане у Эрнесто никогда не было ни монетки. Явившись в качестве почетного гостя на свадьбу Фернандеса Меля, он был одет в рваный военный френч.

"- Как вы можете ходить в такой одежде? - удивился кто-то. - Это моя летняя форма".

14 июня он начал переговоры с рабочими, чтобы предотвратить волну требований повышения заработной платы в наиболее организованных секторах рабочего движения: "Индустриализация призывает к жертвам; форсирование ее темпов - это вовсе не пикник, и мы рассмотрим данный вопрос повышения заработной платы в будущем". Че также объяснил: "Мы выступаем против повышения зарплаты, потому что она всего лишь порождает инфляцию, что позволяет создавать рабочие места". Количество безработных он оценил в триста тысяч; это количество, хотя и составляло половину от уровня безработицы к моменту победы революции, но все еще было чрезвычайно большим.

Спустя две недели, выступая в Индустриальной технической школе, Че повторил это объяснение. Если не увеличится количество производимых товаров, то повышение заработной платы может быть осуществлено только за счет печатания большего количества денег, "но денег, которые будут стоить меньше, так как производство страны еще не увеличилось до той степени, чтобы соответствовать тем деньгам, которые будут выпущены".

Либорио Новаль, фотограф газеты "Революсьон", натолкнулся на Че в гаванском районе Марти, где активно осуществлялась программа жилищного строительства.

"- Что, парни, пришли поработать?

- Да, майор, мы собираемся отразить события.

- Нет, нет, я имею в виду настоящую работу, с киркой, лопа той и катанием тачки.

- Что ж, раз мы должны, то будем работать.

- Отлично. Повесьте свои камеры вот тут и пойдемте со мной".

Таким образом Новаль провел утро, катая тачку, которую Че

наполнял песком, цементом и камнями. С тех пор фотограф принялся следовать за Че в его добровольных выходах на воскресники, в которых Че участвовал не только для поддержания спортивной формы. Наконец Че попросил его остановиться: из-за многочисленных фотографий Новаля коллеги Гевары не давали ему житья на собраниях министров по понедельникам. Кубинцев трудно остановить, когда дело доходит до шуток.

В начале июля Соединенные Штаты отказались от своей квоты в импорте сахара, которая предусматривала закупку существенной части национальной продукции Кубы по цене, установленной выше рыночного уровня. Кубинское правительство предупредило, что эта мера подтолкнет национализацию сахарной промышленности. На стенах домов Гаваны появились надписи: "Нет квоты - нет и землевладельцев".

17 июля Че в своей еженедельной колонке в "Верде оливо" высмеял американскую паранойю. Соединенные Штаты обвинили Кубу в создании на острове баз для советских подводных лодок

Не было никаких подводных лодок, но бельгийское и итальянское оружие, закупленное в первые два года революции, быстро сменялось советским, поставлявшимся по более выгодным ценам.

Американская пресса усилила кампанию против кубинской революции, в которой Че многократно упоминался как "Теневая сила за спиной Кастро" (заголовок статьи Теда Зульца в "Нью-Йорк тайме"), "зловещий человек за спиной Фиделя Кастро" (Ф. Сондерн в "Ридерс дайджест"), "мозг Кастро" ("Тайм мэгэ-зин") и "красный диктатор за спиной Кастро" ("ЮС ньюс энд Уорлд рипорт").

20 июля СССР купил 700 000 тонн сахара, оставшегося от урожая. Как выразился польский исследователь К.С. Кароль, "мероприятия, способствовавшие национализации, начали накапливаться подобно тучам, предвещавшим тропический шторм".

Конфронтация между Соединенными Штатами и Кубой, возникшая в первые же месяцы революции, продолжала развиваться и повлекла за собой все более враждебные меры и контрмеры с обеих сторон. После проведения конфискации сахарных плантаций Соединенные Штаты предъявили невозможное требование: возмещение должно быть выплачено наличными деньгами на основе фактической стоимости земли, а не заявленной владельцами налоговой ценности, которая была значительно ниже.

После того как угрозы понизить сахарную квоту получили поддержку президента Эйзенхауэра и Конгресса, противостояние

продолжало развиваться уже в области нефти.

Советский Союз предложил Кубе 300 000 тонн сырой нефти на льготных условиях, а также кредиты на промышленное оборудование. Американские компании "Стандарт ойл" и "Тексако" отказались перерабатывать советскую нефть, а затем и вовсе поставлять Кубе какое бы то ни было сырье. 26 мая кубинцы направили танкеры с советской нефтью на предприятия компании "Шелл". Нефтяные компании отказались от своих очистительных заводов, и 10 июня эти заводы были национализированы. После национализации нефтяных компаний сети электроснабжения отказались от предложенного им снижения расценок на 3(процентов, а также заявили, что не станут использовать в качестве топлива советскую нефть. "Блокада стягивалась все сильнее; они ликвидировали сахарную квоту, мы национализировали электростанции, мы национализировали электрические сети". 9 июля, после того как сахарная квота была урезана, американским компаниям было приказано провести инвентаризацию и нотариально заверить ее результаты. "Проводился очень эффектный и торопливый обмен ударами". Еще через месяц, 6 августа, Фидель национализировал тридцать шесть сахарных заводов вместе с их плантациями, а попутно нефтеперерабатывающие заводы, телефонную компанию и систему электроснабжения.

Пока эти события молниеносно сменяли друг друга, Че в банке пытался предотвратить вывоз капитала. За эти четыре месяца он принял меры по укреплению Отдела индустриализации, в котором видел будущий оплот национализированной индустриальной экономики, отправил Хосе Мануэля Ирисарри лично вывезти кубинское золото, депонированное в банках США, подготовил к ликвидации государственные банки времен Батисты, пытаясь при этом избежать увольнения служащих, и вел открытую для всеобщего обозрения работу по развитию национализации.

10 июля Энрике Ольтуски и Марсело Фернандес, входившие в антисоветскую часть левого крыла Движения 26 июля, вышли из состава правительства, так как предвидели дальнейшее укрепление связей с Советским Союзом. Принятие их отставки явилось серьезной ошибкой: таким образом правительство могло лишиться в будущем должного баланса во взаимоотношениях революционных сил. Че хотя и являлся непреклонным сторонником самых тесных связей с СССР, не имел ни малейшего сомнения в революционности позиции Ольтуски и уговорил последнего пойти работать в Отдел индустриализации, чтобы использовать его незаурядные организаторские способности.

Где-то в это же время Че собрал вместе Альберто Мору, Рауля Мальдонадо и Хасинто Торреса из НСП и сказал им громко и ясно: "Мы должны монополизировать внешнюю торговлю". Он велел им взять в свои руки БАНСЕК и преобразовать его в Банк внешней торговли. В отсутствие заслуживающего доверия штата они были вынуждены импровизировать, используя "экономистов" из числа журналистов и даже двадцатитрехлетних молодых людей, работавших в экспортной компании.

Три месяца спустя, во время приема в гостинице "Гавана либре", Че получил составленный Морой и Мальдонадо доклад Банка внешней торговли. Молодой руководитель и его экономический советник ввалились на прием грязные, в потрепанной одежде и гордо вручили Че двухтомный доклад. "Мы чувствовали себя героями". Че взял доклад, даже не поблагодарив. Мальдона-до позднее говорил: "Он рассчитывал на то, что каждый будет работать так же, как и он сам. Это был обольститель, который мог бы заставить вас вкалывать как проклятых и быть при этом до смерти довольными, что вы можете это делать".

Банковский чиновник старой школы, пораженный той калейдоскопической быстротой, с которой возникали новые и новые противоречия с мировыми империями, спросил Че: "- И чем же это все может закончиться? - Совершенно ясно, что все закончится пушечной пальбой". Напряжение нарастало, а Че тем временем принял участие в праздновании годовщины 26 июля в Сьерра - Маэстре, а еще двумя днями позже - в первом Латиноамериканском юношеском конгрессе. Попав туда, он прежде всего отреагировал на собравшихся делегатов, с точки зрения врача. Эрнесто увидел "детей, которым, судя по телосложению, можно было дать восемь или девять лет, хотя почти всем им на самом деле двенадцать или тринадцать. Они и впрямь дети голода и бедности, воплощение недоедания". На конгрессе он впервые встретил человека, который в прошлом произвел на него большое впечатление, - бывшего президента Гватемалы Хакобо Арбенса. Че пообещал ему, что происшедшее в Гватемале не повторится на Кубе, где люди будут драться, защищая революцию.

В августе Че встретился с французским экономистом Ренс Дюмоном, специалистом в области аграрных проблем, выступавшим в качестве советника революции. Тот хотел, чтобы Че стал посредником и "заставил Фиделя понять" некоторые экономические постулаты. "Нельзя заставить произойти все то, что ты хочешь увидеть сделанным". Дюмон указал на необходимость увеличить промышленное производство без

подъема заработной платы. Впрочем, судя по заявлениям, которые Че делал, выступая перед городскими рабочими, тот и сам хорошо знал об этом. "Я также объяснил Че, что слишком сильное снижение цен в сельских магазинах грозит слишком сильным увеличением потребления в среде кампесинос, и предложил ввести в качестве возмещения налоги на розничную продажу". "Мы получим советские часы по цене девять песо за штуку и будем продавать их по сорок" - сказал Че, мотивируя отказ. "Он не сознавал опасности сверх потребления в сельской местности порождающего дефицит и инфляцию, которые неизбежно должны было возникнуть, потому что товарные запасы были ограничены, а объем импорта резко сокращался".

Дюмон посоветовал Че предложить членам кооперативов бесплатно работать на строительстве домов, особенно после завершения сафры - сбора урожая сахарного тростника; в таком случае они ценили бы свои дома гораздо больше. Он также порекомендовал проводить эту работу во время относительного безделья дождливого сезона. Участники работ могли получать оплату в виде товарных сертификатов или кооперативной доли. У кооператоров не было денег, зато у них было время, а в стране все еще существовала достаточно сильная безработица. "Я полностью высказал ему все свои впечатления о том, что они, кажется, считают себя не участниками предприятия, которое на самом деле принадлежит им", а скорее чем-то вроде государственных служащих. Многие не ощущали никаких моральных преград перед воровством из кооператива, и так будет продолжаться до тех пор, пока бездельники не перестанут зарабатывать столько же, сколько и лучшие рабочие. Дюмон постучал себя пальцем по лбу: национализация и государственные перевороты, сложившись воедино, вовсе не обязательно образуют социализм.

По словам Дюмона, реакция Че была яростной: "Вы сделали слишком сильное ударение на необходимости привить членам кооперативов чувство собственности. В 1959 году обозначилась тенденция создавать рабочие советы и развивать дело, как в Югославии. Вопрос не в осознании ими чувства собственности, а в привитии чувства ответственности". Че утверждал, что организация кооперативов была ошибкой - они годились для Советского Союза или Венгрии, но не для Кубы, где крестьяне были настоящими пролетариями1.

Дюмон так отзывался о разговорах того времени:

."Че тогда развивал очень интересную, в принципе, позицию: своего рода идеалистическое представление о человеке социализма. Он ничего не ведал бы о коммерции, он работал бы для общества, а не для выгоды. Че очень критически относился к

индустриальному успеху Советов, где, по его словам, каждый трудился лишь для того, чтобы заработать побольше денег. Он не считал, что там удалось создать нового, советского, человека, и не видел большого различия между жителем СССР и американцем. Он сознательно отказывался принять участие в создании "еще одного американского общества, даже если оно принадлежат государству".

9 августа Че опубликовал ответ на письмо некоего кубинца по поводу новой бумажной валюты Кубы. Банкноты были отпечатаны в США, и на них стояла подпись председателя банка: "Че". Враги Гевары принялись тогда ставить кресты (по-испански - "СШ2") перед подписью, делая из нее "СгигсЬе", прозрачный намек на фамилию "Хрущев".

"Критика развернулась вокруг банкнот, которые я подписал своим партизанским именем. Хотя я и не мог предвидеть того, как контрреволюционеры воспользуются этим ... мне доставляет удовольствие сообщить Вам, что мой способ подписи действительно не является общепринятым для председателей банков, обычно людей, чья идеология очень сильно отличается от моей, и достигших своих постов способами, совершенно не похожими на тот путь, которым я пришел к своему посту в этом Национальном банке. Это ни в коем случае не подразумевает, что я считаю документы недостаточно важными, а только то, что революционный процесс еще не закончен и что в дальнейшем мерило ценностей должно измениться".

Че не особенно беспокоился из-за проделок его хулителей. Он был Че, который обращал в неформальное все, к чему прикасался, и, естественно, пробуждал тем самым бурное противодействие.

19 августа Че выступал в Министерстве здравоохранения. Под непрерывные аплодисменты он рассказывал историю своей жизни как врача и путешественника по Латинской Америке. Еще шесть месяцев тому назад Эрнесто подтвердил, что не хотел бы полностью расставаться с медициной и что он чувствует себя связанным с медицинской профессией через Министерство здравоохранения, так как само "министерство связано с социальной борьбой". Он сформулировал ключевые положения, касавшиеся нового направления в медицине: "организовать здравоохранение так, чтобы обеспечить лечение максимально возможного количества людей" и работать так, чтобы предвидеть все возможное. Он рассказал о том, как несколько месяцев назад группа только что получивших дипломы студентов отказалась поехать на работу в сельскую местность, потребовав за это специальную компенсацию, что являлось "вполне логичным с точки зрения прошлого". Но теперь возникла новая

государственная служба. Он говорил о необходимости перейти от деятельного милосердия, которое представляло собой наилучший вариант, к деятельной солидарности. И закончил выступление своим любимым высказыванием из: "Лучший способ сказать - это сделать". Совершалась одна из величайших революций, составлявших вместе с другими кубинскую революцию.

Днем позже к Че домой пришел дипломат Николай Кудин, которому предстояло стать экономическим атташе советского посольства. Кудин был удивлен спартанской обстановкой, в которой жил Че:

"Мы прошли через коротенький коридор, который вел в небольшую комнату, где стояли платяной шкаф, стол и три стула; вся мебель была сделана из простой сосны. На столе не было ни скатерти, ни клеенки; на окнах не было никаких занавесок. В комнате не имелось никаких украшений, а потрескавшийся мраморный пол покрывала всего лишь соломенная циновка. С потолка свисала лампа без абажура, освещавшая комнату очень слабым светом".

10 октября Че опубликовал в "Верде оливо" "Заметки для изучения идеологии кубинской революции". Это было его первое публичное выступление в качестве марксиста - не коммуниста, а неортодоксального марксиста. Цель публикации, по собственным словам Че, состояла в том, чтобы дать "объяснение этого любопытного явления, которое заинтриговало весь мир: кубинской революции". Эссе явилось первой, хотя и безуспешной попыткой примирить ортодоксальный марксизм шестидесятых годов с уникальным характером кубинской революции; это была попытка поместить реальность в жесткую рамку теории, упорядочить факты и дать их истолкование. В книге "Революционный гуманизм Че" Роберто Массари говорит: "С энтузиазмом неофита он снова взялся за изучение марксизма... под прямым влиянием руководств... с комплексом неполноценности, возникавшим при встречах с кадрами теоретиков старой сталинистской Народно-социалистической партии и, прежде всего, при виде миража СССР как обители социализма".

В статье Че любопытно и другое: он не стал разъяснять, что, по его мнению, следует делать, а ограничился анализом различных периодов кубинской революции и того процесса, посредством которого она превратилась из борьбы против диктатуры в аграрную революцию, а после столкновения с империализмом США стала постепенно приобретать все более и более радикальные черты. Возможно, лучшей частью эссе стала его робкая латиноамериканская неортодоксальность,

проявившаяся в критике исследования Марксом деятельности Боливара и агрессии СЩд против Мексики 1846-1847 годов.

Не с лучшей стороны Че проявил себя в интервью Лауре Бергквист, корреспонденту журнала "Лук". Перед этим он отказывался от интервью журналистам из США, предпочитая им представителей ирландской и индийской прессы, поэтому в ходе беседы явственно ощущалась подспудная напряженность - это была "встреча антагонистов". Ответы Че кажутся преднамеренно краткими, словно он стремился как можно скорее закончить встречу. У Бергквист сложилось впечатление о Че как о строгом революционном монахе, который разжигал энтузиазм среди молодых латиноамериканцев сильнее, чем сам Кастро. Она совершенно измучилась, дожидаясь встречи, назначенной на одиннадцать вечера, до половины третьего ночи, и в конце концов увидела, как из кабинета Че выходит Фидель.

Она спросила Че, не сменила ли Куба диктат США на советский.

"Наивно думать, что люди, одержавшие победу в революционной борьбе за свободу, такой, как наша, станут кланяться хоть какому-нибудь хозяину. Если бы Советский Союз потребовал в качестве условия для оказания помощи, чтобы мы стали его политическими вассалами, то мы не приняли бы помощь".

Интервью шло в режиме словесного спарринга. Че рассмеялся, когда его назвали "теневым мозгом революции", и заметил с улыбкой, что попытка настроить их с Фиделем друг против друга не принесет успеха; он рассердился, вспомнив о появившейся в американской печати статье, оскорблявшей его бывшую и нынешнюю жен. Он, однако, приветствовал использование в одной из статей "определения "прагматический революционер"... Я не слишком расположен к рассуждениям и не пользуюсь известностью как теоретик".

Завершил беседу он достаточно осторожным высказыванием. Когда Бергквист спросила его, какие шаги будут предприняты далее, он ответил: "Это зависит от Соединенных Штатов. За исключением аграрной реформы, все наши меры явились прямым ответом на агрессию".

В это время шла работа над отчетом (Че хотя и был председателем Национального банка, этого отчета так и не увидел), в котором сообщалось, что кубинские расходы иностранной валюты в три раза превышали валютный доход; таким образом, валютные резервы должны были оказаться исчерпанными в течение четырех месяцев.

13 октября правительство США объявило эмбарго на ввоз

любых товаров на Кубу и начало полномасштабную экономическую блокаду. Сразу же последовал решительный ответ. 13 и 14 октября было национализировано 400 банков, фабрик и сахарных заводов. Вслед за этой акцией был принят закон о городской реформе, согласно которому жилье передавалось тем, кто постоянно в нем проживает, а арендная плата замораживалась. В результате Отдел индустриализации получил вдобавок к тремстам девяноста предприятиям, которые в данный момент находились под его управлением, еще двести двадцать семь, в том числе сто шестьдесят сахарных заводов и все шахты на острове.

Речь майора Эрнесто Гевары, которую передали по телевидению 10 октября, была посвящена экономическим проблемам. Он подчеркнул, что бойкот и эмбарго приведут к значительным ограничениям в снабжении населения. Со своей обычной страстной приверженностью к правде и не желая скрывать что-либо от народа, он предсказал: "Эти временные нехватки пока что не удастся преодолеть". На первых порах, когда уже готовилось это выступление, возник дефицит бритвенных лезвий, стало не хватать яиц. "Потребление заметно увеличилось, потребность в продукции сильно возросла, а мы, естественно, не в состоянии импортировать. Это касается и многих других товаров". Он предсказал также, что "некоторые отрасли промышленности окажутся парализованными". Однако его оценка состояния национализированной промышленности была оптимистической и опиралась на тот факт, что выпуск продукции на первых фабриках, перешедших в государственную собственность, увеличивался. Лишь восемь или десять из всех национализированных предприятий несли убыток, причем только три из них - значительный. "Управляющие порой творили чудеса".

В ответ на беспокойство о том, что эмбарго является прелюдией к американскому вторжению, и на известия об устроенной контрреволюционерами базе в Гватемале он сказал: "Что ж, я, как и все, считаю, что они придут. И я также верю, что... они не смогут уйти обратно. И каким же окажется конечный результат? Тем, что наша революция станет еще сильнее".

Он признался перед камерами, что больше не является председателем Национального банка. "Я простился с этой работой несколько дней тому назад". Какой после этого стала его роль в революционном правительстве? Каковы были его новые обязанности? Почему он оставил банк? На следующий день Че предстояло отправиться в путешествие, и эта поездка имела поистине решающее значение для неоперившейся революции.

28. Фабрики и дезодоранты

22 октября 1960 года майор Эрнесто Гевара через Мадрид и Прагу совершил поездку в Восточную Европу. Он возглавлял делегацию, в которую входили также Эктор родригес Льомпарт, Альберто Мора и Рауль Мальдонадо. Им была поручена миссия чрезвычайной важности: получить кредит, помощь и выход для блокированных кубинских товаров, чтобы национальная экономика острова могла выжить.

После встречи с чехословацким премьер-министром Антонимом Новотным в Праге делегация получила первый кредит в двадцать миллионов долларов на развитие транспортной промышленности, но самые важные переговоры должны были состояться в сердце сверхцентрализованного бюрократического аппарата советской империи - в Москве. Делегация прибыла туда 29 октября; а переговоры начались спустя два дня, после ритуального посещения музея Ленина.

Советский премьер-министр Никита Хрущев открыл переговоры словами: "Все, что Куба захочет, будет предоставлено". Анастас Микоян выступал в качестве гаранта переговоров. Для Советов это была геополитическая акция, а для очарованного происходящим Че - вопрос жизни или смерти его страны, столкнувшейся с ежедневно ужесточавшейся блокадой. Майор Гевара начал свое первое выступление с извинений и попросил советскую сторону проявить терпение. Он признался в том, что запросы, с которыми он прибыл, недостаточно четко сформулированы, а он сам плохо представляет себе, чего следует просить у различных социалистических стран. Мальдонадо рассказывал:

"Рабочие сессии представляли собой пандемониум. Прежде всего мы должны были организовать собственно кубинскую делегацию. Мы заняли почти целый этаж в гостинице "Советская" и отвели по особой комнате для работы с делегацией каждой из стран. Нам предстояло выяснить, чего они хотят и чего хотим мы, что тот и другой могут предложить. Советы упростили план. Все должно было оцениваться по рыночным ценам".

Че получил приглашение принять участие в праздничном па-Раде, посвященном годовщине Октябрьской революции, и там его приветствовали бурными аплодисментами. "Нечто такое, чего я никогда не забуду". Его проводили на трибуну, что было знаком высокого отличия, так как это место предназначалось лишь для глав государств и высших советских бюрократов. "И когда я поднялся туда, люди приветствовали меня громовыми криками в

поддержку Кубы". Он встретился с мифом Октябрьской революции. Его беззлобность и политическая наивность позволили увидеть и фантасмагорию эгалитарной революции, и не существовавший социализм. Пройдут годы, прежде чем он сможет разглядеть печальную реальность, скрытую за авторитарным, бюрократическим и антиэгалитарным социализмом СССР.

Возможно, он и чувствовал в себе родственные связи с призраками социализма, но не желал менять своего стиля ради унылых официальных одеяний бюрократов, их серых костюмов и галстуков. Однажды, когда они направлялись на протокольную церемонию, Альберто Мора выбранил Че за то, что тот был очень небрежно одет. Че попросил прощения (!) и выпустил наружу свои брюки, заправленные в высокие ботинки. "Альберто, ты прав".

В Ленинграде они посетили легендарный крейсер "Аврора", символ революции. Сохранилась фотография этого посещения: Че одет в неизвестно кем выданную шинель, на шее у него висит фотоаппарат. А 14 ноября в Сталинграде Че смотрел документальный фильм о великом сражении Второй мировой войны, который впечатлял его, как ребенка.

Первый круг переговоров прошел между 31 октября и 14 ноября. Кубинцы срочно искали сбыт для своего сахара в обмен на нефть и запасные части, без которых не могла существовать промышленность. Им были необходимы небольшие промышленные предприятия, с помощью которых они смогли бы создать замену импортным товарам. Существовала определенная проблема совместимости оборудования и техники: скажем, частота электрического тока составляла 50 герц по одну сторону Атлантики и 60 герц по другую; имелись трудности и в сопоставлении спецификаций: СССР использовал метрическую систему мер, в то время как Куба, колониально ассимилированная в рынок США, в отличие от остальной части Латинской Америки, проводила измерения в фунтах и дюймах.

Но наряду с успехами было сделано и несколько очень дорогостоящих ошибок:

"Мы посмотрели сводку Министерства внешней торговли и сказали себе: мы импортируем так много лопат оттуда-то и оттуда-то, значит... давайте построим фабрику по производству лопат. Мы импортируем так много мачете - давайте строить фабрику мачете. Мы импортируем так много щеток... - давайте строить щеточную фабрику... Велосипеды, медная проволока... Мы не приняли во внимание одного важнейшего факта: что страна, особенно маленькая, нуждается в развитии собственной

сырьевой базы... Мы создали политику замены импорта..., и в конечном счете эта политика оказалась далекой от идеального выбора... Мы бодро провели калькуляции по фабрикам, которые построим в течение определенного времени".

Больше того, как кубинцам предстояло выяснить через несколько лет, они невольно покупали устаревшие, дорогостоящие и малопроизводительные технологии.

17 ноября Че был уже в Китае и пять дней спустя посетил прием в Китайско-американской ассоциации дружбы в Пекине, где его приветствовали овацией, не затихавшей на протяжении нескольких минут. Возможно, китайский народ видел в Геваре и становившейся все более радикальной кубинской революции своих будущих союзников?

На фотографии Че жадно и с большим удовольствием ест рис, сидя рядом с китайскими функционерами. Тем не менее он был весьма своеобразным дипломатом и постоянно производил впечатление человека, находящегося не в своей тарелке; он интересовался тем, что другим казалось всего лишь фоном к событиям, и неловко чувствовал себя на приемах. В документальный фильм вошли кадры, на которых китайская девочка преподносит Че цветы и целует его, а тот выглядит при этом крайне озадаченным.

В Пекине Че встретился с Мао Цзедуном. Аргентинский юрист Рикардо Рохо вспоминал потом, что во время этого приема у Че случился такой сильный приступ астмы, что у него стало плохо с сердцем.

Месяца два спустя, вернувшись на Кубу, Че выступил по телевидению. Из его слов можно заключить, что в Китае он встретил очень хороший прием. "Китай - это действительно одна из тех стран, где вы понимаете, что кубинская революция не является уникальным случаем".

Соглашения, которые Че заключил в Китае, были очень выгодны для кубинцев. Им предоставляли беспроцентный кредит в шестьдесят миллионов долларов сроком на пятнадцать лет да к тому же обеспечивали рынок сбыта для кубинского сахара. Однако Че больше всего заинтересовало отношение китайцев к Кубе, особенно разговор с Чжоу Эньлаем, во время которого заместитель председателя Китайской коммунистической партии пожелал изменить текст последнего пункта соглашения и убрать из Негоц фразу о "незаинтересованной помощи". Чжоу сказал, что китайцы не являются незаинтересованными, но что их заинтересованность скорее политическая, нежели экономическая: Куба находится в самом центре антиимпериалистической борьбы, окончательном варианте было оставлено одно лишь слово

"помощь". Во время той же самой беседы представитель китайской делегации добавил, что слово "кредит" применительно к шестидесяти миллионам было простой формальностью, что если Куба не сможет вернуть эти деньги, то это не будет "иметь никакого значения". Несколько позже Че узнал, что Китай только что закончил выплачивать СССР долг за поставку оружия, использовавшегося в корейской войне. Майор Гевара просто побледнел: как это так, одно социалистическое государство требовало с другого долг за оружие, использовавшееся для защиты третьего?

24 ноября во время дипломатической поездки Че у Алейды родился их первый ребенок - дочь, названная Алейдой в честь матери. Таким образом, Че положил начало дурной традиции находиться за пределами Кубы во время появления на свет своих детей.

После поездки по Китаю делегация разделилась. Одна ее часть поехала во Вьетнам, в то время как Че отправился в Северную Корею, о которой столько читал и слышал на протяжении многих лет. Там он 3 декабря встретился с Ким Ир Сеном. Через три дня он подписал соглашение с корейцами, после чего возвратился в Москву. "Пожалуй, из всех стран наибольшее впечатление на меня произвела Северная Корея". Че заметил, насколько страна была опустошена войной - просто разрушена: "от городов ничего не осталось", промышленность была уничтожена, домашний скот истреблен, не осталось ни одного целого дома. "Северная Корея превратилась в страну мертвецов", но восставала из пепла.

Вернувшись в Москву, Че произнес речь, которая, согласно сохранившимся кратким отчетам, представляла собой дань восхищения Октябрьской революцией, которой Че не видел и не мог видеть. "Он сказал, что как только вступил на землю Советского Союза, почувствовал, что попал в обитель социализма на земле. Он добавил, что революционный дух, родившийся в 1917 году, живет в советских людях". Че поблагодарил русских за те проявления симпатии, которые он неизменно встречал на протяжении всей поездки.

Затем делегация переехала в Германскую Демократическую Республику, где было подписано еще одно соглашение. Восточные немцы предоставляли Кубе кредит, похоже, из одной только солидарности, так как экономика страны находилась в упадке; к тому же республика производила свой собственный сахар.

Члены делегации до сих пор с ужасом вспоминают бумагу, на которой был отпечатан договор: когда Че стал его подписывать, то маленькая капелька чернил превратилась в большую кляксу.

Работники немецкого телевидения продолжали снимать, и Че пришел в ярость: "Что, черт возьми, происходит! Что за животные здесь собрались?" Делегации пришлось вернуться в гостиницу и заново подготовить последнюю страницу. Это уже становилось привычным, как головная боль: несколькими днями раньше была потеряна последняя страница соглашения с Румынией.

18 декабря в Москве были подписаны основные документы. Главным успехом явилось соглашение по сахару. Че нашел сбыт для 4 миллионов тонн сахара по 4 цента за фунт, что было выше цен на мировом рынке. Больше всего должны были купить СССР и Китай (2,7 миллиона и 1 миллион тонн соответственно). Китай представлялся, пожалуй, важнейшим из перспективных рынков, "так как сахара на душу населения в этой стране приходилось крайне мало, и потому она была в состоянии поглотить весь наш урожай в 7 миллионов тонн".

Первый микояновский кредит в сто миллионов песо был предназначен на строительство сталелитейного завода. Было также подписано соглашение, согласно которому советские геологи должны были исследовать недра Кубы и составить план инвестиций в разработку меди, никеля и марганца. "С залежами марганца была связана еще одна, даже более сложная проблема. Всем известно, что добывающий комплекс "Никеро" использовался лишь частично, а "Моа" полностью выработан".

В этом отношении соглашение оказалось неудачным, поскольку советские техники не умели работать с новейшим оборудованием, которое установили американские компании, совсем недавно владевшие шахтами.

Кубинцы также купили фабрику по производству запасных частей и цех по изготовлению напильников. Никто до сих пор не знает почему, но Че тогда считал их стратегическими предприятиями.

22 декабря делегация возвратилась домой, посетив по дороге Прагу. Там чехословацкое правительство увеличило ранее предоставленный Кубе кредит с двадцати до сорока миллионов долларов. В основном эти деньги предполагалось использовать для возобновления парка транспортных средств: автомобилей, тракторов, мотоциклов и двигателей для них. Че признавался, что на него произвел сильное впечатление план развития промышленности, который, как сказали ему чехословацкие руководители, был расписан вплоть до 1980 года.

Че дал понять, что ему совершенно ясно: соглашение имело политическую подоплеку - солидарность перед лицом изоляции, которой Соединенные Штаты намеревались подвергнуть его остров, - а не явилось результатом дипломатических

способностей делегатов или их умения торговаться. Положение было таким, что даже не нуждавшиеся в сахаре Корея, Вьетнам и Монголия согласились закупать 20 000, 5000 и 1000 тонн соответственно в том случае, если Соединенные Штаты в будущем нарушат свое торговое соглашение, что казалось вполне вероятным.

Несколько позже Че сделал по кубинскому телевидению доклад о своей поездке. Революционная печать приветствовала поездку как большой успех, "потому что мы оказались пойманы в сеть, куда не удастся попасть ни одному режиму, если он не будет революционным". Реальным результатом явилось то, что был найден сбыт для значительной части будущего кубинского сахара, а взамен были получены поставки нефти, техническая помощь для горной промышленности и производства никеля, закуплено на чрезвычайно льготных условиях двадцать одно промышленное предприятие и заключены контракты на поставку еще более сотни производств.

В телевизионной речи Че нельзя было не услышать нотки предупреждения:

"Конечно, для кубинца, живущего в двадцатом столетии, со всем городским комфортом, к которому нас приучил империализм, может показаться, что в социалистических странах недостает цивилизации. Это страны, где каждый сентаво должен использоваться для развития производства.

Мы должны были вынести на обсуждение несколько проблем, которых нам пришлось устыдиться".

К таким проблемам относились производство дезодорантов и бритвенных лезвий. Никарагуанский поэт Эрнест Карденаль вспоминал: "Когда он сказал в России, что на Кубе не хватает кое-какого сырья и тому подобного, используемого для производства дезодорантов, русские ответили: "Дезодоранты? Это слишком большая роскошь". Качество товаров, использовавшихся в социалистических странах, было значительно ниже того, к которому привыкли кубинские средние классы.

Че продолжал: "В конце концов, нельзя есть ни мыло, ни материю; мы должны прежде обеспечить народ запасами продовольствия, потому что мы пребываем в состоянии войны. Мы пребываем в состоянии экономической войны - да и, пожалуй, не только экономической - против огромной силы".

Вернувшись на Кубу, Че увидел свою новорожденную дочь Алейду. И еще он увидел, что напряженность в отношениях между Кубой и Соединенными Штатами значительно усилилась. 3 января 1961 года Соединенные Штаты прервали дипломатические отношения с Кубой, и этому примеру очень быстро последовали

почти все латиноамериканские страны. Именно в то время, исполненное угроз и волнений, Че познакомился с одним из людей, которые в прошлом оказали на него наиболее сильное влияние: с чилийским поэтом Пабло Нерудой, чьи стихи он так часто читал по памяти во время своих странствий по Латинской Америке. Кубинский поэт Роберто Фернандес Ретамар сопровождал Неруду во время его ночной встречи с Че в кабинете Национального банка. Основной темой беседы была уверенность Че в том, что вторжение неизбежно, что они находятся на грани вооруженной агрессии, которую будут поддерживать или даже прямо организуют Соединенные Штаты.

Мало-помалу беседа перешла к поэзии Неруды, которую Эрнесто так хорошо знал. Перед встречей майор собирался вместе с обоими поэтами пойти в кино на фильм "Рассказы о революции". Но в конце концов Че на фильм не пошел: его слишком волновало то, что в картине было очень много упоминаний о его собственных действиях во время сражения за Санта-Клару. Как ни странно, Че оказал большую помощь режиссеру Томасу Гутьерресу Алеа в создании фильма. Че также давал ему советы при работе над вторым фильмом - "Повстанцы", и не только сам принял участие в съемке, но и уговорил многих из своих товарищей по колонне № 8 сделать то же самое. Скромность Че была в общем-то необоснованной. Кинофильм, созданный под сильным влиянием итальянского неореализма, получился очень сухим - пожалуй, во вкусе Гевары.

Начиная с 15 января Че вновь ударился в добровольную работу, как будто желал доказать, что политическое давление не может преградить путь прогрессу. На сей раз он работал на строительстве жилья в близлежащем трущобном районе Ягвас, для жителей которого правительство строило новые дома в районе Марти. Еще через неделю Че отправился в Пинар-дель-Рио, чтобы принять командование военным округом, приведенным в состояние боевой готовности сразу же после инаугурации нового президента США, демократа Джона Ф. Кеннеди. Речь, которую Че по прибытии произнес перед ополченцами, была посвящена перспективе вторжения. "Известно, что Советский Союз и все социалистические страны готовы вступить в войну для защиты нашего суверенитета" (может быть, ему во время недавнего визита дали какие-то гарантии?). В тот же день он отправил Кеннеди обращение: "Мы все надеемся, что преемник нашего злейшего врага Эйзенхауэра окажется несколько более разумным и не позволит себе попасть под такое влияние монополий".

12 февраля Че опубликовал статью под названием "Грех

революции", в которой вспомнил о прежних раздорах в революционном фронте, происходивших в 1958 году, и причинах их возникновения. Статья начиналась так: "Революции - это быстрые и радикальные социальные преобразования, которые порождаются обстоятельствами. Их детали никогда или почта никогда не назревают в соответствии с научным предвидением. Они являются порождением страстей или импровизации народа в его борьбе за социальную справедливость и никогда не бывают совершенными. Наша тоже не была такой. Она совершала ошибки, и некоторые из них оплачены дорогой ценой".

Далее Че рассказал об отношениях, сложившихся в горах Эскамбрея со Вторым фронтом, о том, как сторонники Фиделя были тогда вынуждены пойти с ними на компромисс, и о том, что большинство членов этой организации теперь перешло на сторону контрреволюции. Далее он писал о либералах, связанных со Вторым фронтом, останавливаясь по очереди на конкретных примерах: "Тот же самый грех... привел к тому, что всякие баркины, фелипе пасосы, тете касусосы и другие нахлебники в стране и за ее пределами, которым революция предоставила должности, чтобы избежать конфликта, получали предосудительно жирное жалованье".

Че закончил иронической благодарностью тем, кто удрал в Майами, словно радуясь тому, что они присоединились к числу сторонников Батисты. Взволнованный тон статьи был необычен для Че. Если первое послание он адресовал непосредственно президенту Кеннеди, то второе было явно обращено к беглецам. {20}

29. Плайя-хирон.

23 февраля 1961 года кубинское правительство создало Министерство промышленности. В его ведении находились национализированные отрасли промышленности, до тех пор пребывавшие под управлением Отдела индустриализации и недавно расширившиеся за счет сотен новых предприятий. Министром был назначен Эрнесто Гевара. По словам секретаря Че Хосе Мануэля Манресы, "когда мы пришли в кабинет Отдела индустриализации, который Ольтуски подготовил для нас, Че оперся на канцелярский шкаф и сказал мне:

- Мы задержимся здесь на пять лет, а затем уберемся отсюда. Мы все еще сможем воевать в партизанах, когда станем на пять лет старше.

Он сказал мне, что уже договорился обо всем с Фиделем. Еще некоторое время он будет участвовать в кубинской революции, а потом будет свободен и сможет продолжить революцию в других местах".

Че не тратил времени впустую. На следующий же день после своего назначения он составил и утвердил состав коллегии министерства: Орландо Боррего, Энрике Ольтуски (администратор), Густаво Мачин Оед, Альберто Мора и секретарь Хайли Вальдес Гравалоса. В коллегию также вошли его "чилийцы", Хулио Касерес (по кличке Эль Патохо) и личный секретарь Ман-реса.

Организационная структура была примерно такой же, как и в Отделе индустриализации. Еженедельно собиравшаяся коллегия, четыре заместителя министра: по основной промышленности (так именовалась тяжелая промышленность), легкой промышленности, экономике (планированию) и строительству. В рамках каждого направления из промышленных единиц предстояло сформировать "консолидированные предприятия" согласно классификации производства. В каждую организационную структуру входил отдел по связям с частной промышленностью; на сей раз они были сделаны очень малочисленными. Сельскохозяйственное производство находилось вне ведения нового министерства - оно осталось под управлением Национального института аграрной реформы (НИАР) и "Министерства общественных работ, которое также отвечало за отрасли промышленности, связанные со строительством".

На новое министерство, созданное в целях усиления промежуточного управления экономикой, была возложена

обязанность централизованного финансового управления, без автономии для предприятий, "как это практикуется в некоторых социалистических странах". Че породил "социалистическую ересь". Гпустя несколько лет он подтвердит, что "все эти мероприятия были предприняты из-за невежества в области поставленных задач и в государственном аппарате постоянно возникали конфликты".

Одну из сложнейших унаследованных проблем представляло большое количество микроскопических мастерских, которые на Кубе называли чинчолес. Предполагалось, что Министерство промышленности будет управлять и ими - хотя бы в той степени, чтобы избежать роста безработицы. "Нам преподнесли непрошеный подарок в виде навеса с семью рабочими, где не было ни туалета, ни самой крошечной детали от машины, ни малейшего смысла в организации, а имелось всего лишь семь человек, нуждавшихся в работе".

Министерству также досталось и надомное производство, которое невозможно было хоть как-то усовершенствовать. Например, сапожный промысел, которым было занято пятнадцать тысяч человек, нельзя было механизировать, поскольку это неминуемо повлекло бы увольнение тысяч ремесленников. То же самое относилось и к табачной промышленности. Имелся некоторый излишек рабочей силы на фабриках, и при этом не хватало рубщиков сахарного тростника и сборщиков кофейных зерен, В принципе министерство должно было осуществлять управление нерентабельными и пострадавшими в результате блокады отраслями промышленности, чтобы снабжать страну, которой требовалось все больше и больше товаров.

Че перебрался в кабинет на девятом этаже здания на площади Революции. Его рабочее помещение, по словам журналиста Луиса Павона, "напоминало военный лагерь". Пытаясь разыскать заслуживающих доверия управленцев и мужественно встречая проблему недостатка специалистов-техников, он вдруг оказался в самой гуще портового кризиса. Эдвард Бернстейн поясняет в своей работе "Экономическое преобразование Кубы":

"Вся портовая система в Гаване была предназначена для приема парома из Палм-Бич и железнодорожного парома из Нового Орлеана, которые обычно доставляли сюда запасные части через пять дней после заказа по телефону. Много товаров доставлялось в автомобильных фургонах американских компаний и развозилось прямо из порта на кубинские фабрики".

порт еще никогда не прибывали суда водоизмещением до пяти тысяч тонн, но теперь все должно было измениться.

РЗДи множества других проблем выделялись нехватка

складских площадей для хранения грузов и отсутствие специальных моющих средств для очистки нефтяных танкеров. Их должны были разработать в Советском Союзе, чтобы в Гаване можно было чистить емкости нефтяных танкеров и после доставки нефти отправлять те же суда в СССР с грузом сахара.

Еще хуже обстояло дело на техническом фронте. Так, например, в распоряжении Че имелись двое кубинских геологов. Через год их стало двести, это были латиноамериканские, русские и польские добровольцы, но на самом деле ему было нужно две тысячи. "Когда дело доходило до технических проблем, мы были совсем как малыши в лесу".

В первые же дни своей работы министром Че сформулировал основной закон: "коллективное обсуждение, индивидуальная ответственность". Еженедельно проводились собрания коллегии, которые могли длиться по четыре и пять часов. Шутки разрешались, зато время начала соблюдалось со строгой пунктуальностью. Гравалоса вспоминал, что опоздавшие на пять минут в кабинет не допускались. Боррего считал, что крайний срок составлял десять минут. Кроме того, Че ясно дать понять, что он считает чрезвычайно важным в характеристике человека его отношение к добровольной работе. Для этого он сразу же организовал в министерстве группу добровольцев.

Тогда же Че спросил Гравалосу, нет ли у него какого-нибудь знакомого учителя начальной школы, который мог бы преподать его телохранителям серьезный общеобразовательный курс. Тот рекомендовал своего старого школьного учителя, социалиста по имени Рауль Артече. Телохранители - Карлос Коэльо, Эрмес Пенья, Леонардо Тамайо, Альберто Кастельянос и Гарри Вильегас (которого потом направили в школу индустриального управления) - занимались в школьном помещении неподалеку от министерства. Тамайо рассказал, что Че платил за эти уроки из собственного кармана и что учеба порождала проблемы, так как Че вполне мог один укатить на джипе в то время, как его охранники изучали грамоту. Тамайо был вынужден сказать своему командиру: "Че, если тебе не нужны телохранители, то так прямо и скажи, и я буду обсуждать этот вопрос с Рамиро Вальдесом". По-видимому, Че боялся гнева своего старого друга и бывшего подчиненного, который теперь отвечал за государственную безопасность, потому что попросил у охранников извинения.

Вильегас и Кастельянос безбожно прогуливали уроки и в результате не смогли сдать экзамены. Че применил к ним решительные меры. В виде наказания он заставил их вспахать и засеять изрядный кусок близлежащей пустоши. "Вы только пахари

и хотите пахарями оставаться, не желаете работать над собой!" Ребята добыли трактор, но Че запретил его использовать. Тогда они нашли пару волов, но и их пришлось отогнать на место и тащить плуг самим. Дело закончилось тем, что на новом огороде вырос небывалый урожай перца чили, помидоров и капусты.

26 февраля, через три дня после своего назначения министром, Че опубликовал в "Верде оливо" передовую статью, озаглавленную "Радость сострадания". Несомненно, она была в основном подготовлена во время его недавней дипломатической поездки. Еще две недели спустя свет увидело "Сражение за Ла-Плату" и почти сразу же после этого - его мемуары, посвященные революции, под названием "Воспоминания о революционной войне". Последняя из этих работ сразу же исчезла из газетных киосков: кубинские читатели продолжали серьезно размышлять на эту тему. В течение последующих трех лет публикации Че появлялись нерегулярно - у него было слишком мало времени для того, чтобы писать. Его статьи представляли собой детальное изложение взглядов автора на кубинскую революцию, подкрепленных выдержками из дневников, и всегда учитывали точку зрения других революционеров. Работа над ними проводилась по одной и той же схеме: пользуясь набросками, Че наговаривал на магнитофон первый вариант статьи, затем Манреса перепечатывал звукозапись, после чего Че несколько раз редактировал текст, стремясь придать ему более динамичный стиль и большую точность. После этого он встречался со своими старыми боевыми товарищами - эти встречи, всегда краткие, происходили в его министерском кабинете в предрассветные часы - и бегло просматривал вместе с ними рукопись. Склонившись над столом, он делал множество заметок, набрасывал схемы описываемых событий, перемежая работу шутками и воспоминаниями ветеранов - Фернандеса Меля, Сайаса, Вильегаса, Кастельяноса, Иглесиаса и Асеведо.

Одним из таких постоянных рецензентов был Ольтуски; между ним и Че неоднократно возникали споры. По словам Поляка (так иногда называли Ольтуски друзья), Че преуменьшал роль городского революционного движения. Он видел его значение только в вербовке новобранцев для партизан, пропаганде и сборе средств. Споры возобновлялись всякий раз, когда Че упрекал друга за то, что тот не соглашался принять его версию происходившего.

Прежде всего был способен воспроизвести атмосферу событий и нарисовать правдоподобные образы участников. Да и аналитические способности Че становились наиболее очевидными, когда он использовал их в качестве инструмента при

написании своих произведений. Он начинал публикацию фрагментов, которые должны были в дальнейшем войти в его вторую книгу. Тогда же "Партизанская война" была издана в СССР в переводе на русский язык.

Че все-таки нашел возможность совместить свои отнимавшие буквально все время обязанности в министерстве с добровольной работой. 29 февраля он с группой женщин - конторских служащих министерства - выехал на уборку сахарного тростника в Орландо-Нодарсе.

В атмосфере явственно ощущалась угроза вторжения; страна чувствовала себя осажденной и ожидала неизбежного.

Декретом от 13 марта было установлено строгое нормирование мяса, молока, обуви и зубной пасты. Ольтуски вспоминал, как

"однажды кто-то пожаловался на нехватку продуктов, и Че сказал, что это не так, что у него дома питаются хорошо. "Может быть, ты получаешь дополнительную норму", - полушутя сказал я. Че нахмурился, подошел к телефону, который стоял на маленьком столике примерно в десяти футах от его письменного стола, и позвонил домой. На следующий день он вызвал нас и сказал: "Ты оказался прав, мы вчера получили дополнительную норму". И добавил, обращаясь к своему секретарю Манресе: "С этого момента все в моем доме питаются по карточкам на нормированные товары".

На этом Че не остановился. По карточкам питались не только его домочадцы, но и все сотрудники министерства. По воспоминаниям Манресы, "он заставил меня поговорить с Мануэлем Лусардо, министром внутренней торговли, выяснить, как питается большинство народа, и сказал, что именно такой рацион должен быть установлен в министерстве; это оказалось для меня адской проблемой. Этот человек работал по двадцать часов в день, страдал астмой и не мог есть ни яиц, ни рыбы из-за своей аллергии. Время от времени я пускался на хитрости, чтобы хоть как-то улучшить его диету. Он очень любил фрукты, куриный бульон и говядину, как и подобает истинному аргентинцу. Я готовил для него барбекю и, чтобы скрыть свои цели, сочинял истории о том, например, что должен встретиться с какими-нибудь латиноамериканскими товарищами, которые хотели бы что-то сделать, и поэтому должен разжечь гриль на крыше министерства".

Че выступил перед рабочими сахарного производства в Санта-Кларе; он выбрал их, так как в это "столь опасное для республики время" они являлись олицетворением кубинских рабочих, которых постоянно третировали и угнетали, но которые

тем не менее активно продолжали борьбу. Урожай сахара, закупленного социалистическими странами, был почти полностью собран. Цель теперь состояла в том, чтобы достичь более высокой эффективности в переработке сахарного тростника и высвободить тем самым землю для других культур. Планировалась организация соревнования и конкурсов. "Небольшие материальные поощрения и крупные моральные": знамена для передовых областей и шестьдесят туристических поездок, по путевке для одного из рабочих с каждого сахарного завода.

Че стоял выше мелких неудобств. "Это неприкрашенная действительность, которой не нужно ни бояться, ни стыдиться. Правда никогда не бывает плохой". Говоря о начавшемся дефиците товаров и продуктов, он заявил: "Нужно признать со всей откровенностью, что есть нехватки и, чтобы преодолеть их, потребуется еще не один месяц". Че объяснил, что 75 процентов внешней торговли Кубы отрезано блокадой. Хотя правительство пыталось найти возможность перерабатывать нефть на бензин во Франции, Бельгии и Канаде взамен прежних, ныне недоступных, услуг предприятий Соединенных Штатов, все усилия потерпели неудачу. Американские фирмы оказывали давление как на свои филиалы, так и на прочие компании, которые вели торговлю с США.

Че определил суть прежней кубинской промышленности словом "филиал", способный к изготовлению лишь небольшого ассортимента изделий. Управляющие предприятий заказывали все, в чем нуждались, по каталогу из Нью-Джерси и гарантированно получали заказанное - это было следствием постоянного в Соединенных Штатах промышленного перепроизводства. Теперь кубинцы, во-первых, оказались на огромном расстоянии от поставщиков - суда с грузом шли из СССР или Китая чуть ли не месяц; а во-вторых, огромное значение приобрела не существовавшая прежде проблема складирования.

Однако с дефицитом можно было бороться только одним способом, и Че сорвал бурные аплодисменты, повторив свое заявление о равенстве: "Все, что здесь есть, должно быть разделено еду всеми нами... На новых этапах революционной борьбы нет никаких привилегированных чиновников или плантаторов. Привилегиями будут пользоваться на Кубе только дети". Здесь же он предупредил о суровом наказании, которое будет ждать спекулянтов, пытающихся взвинчивать цены или использовать состояние товарного дефицита в своих интересах.

Пять дней спустя в Сайта-Кларе он произнес еще одну речь, из которой вся Куба заимствовала фразу в мексиканском стиле:

"Вы должны понять свою правоту перед лицом империализма". В этом выступлении он объявил свою индивидуальную войну бюрократизации - за новый стиль управления. Статья, которую он опубликовал в журнале "Куба социалиста", имела название "Против бюрократизма". В ней он обратился к народу с настоятельной просьбой "обуздать свои порывы затормозить те меры, которые предпринимает правительство, в медлительных бюрократических жерновах".

Че идеалистически считал, что столкнулся со временным искажением социальной программы, порожденным централизмом, который сконцентрировал управление большей частью сельского хозяйства, промышленности и услуг в руках государства. "Бюрократизм не является порождением социализма, равно как и его обязательным компонентом". Он приписывал его появление трем причинам: недостатку понимания, недостатку организации и недостатку технических знаний.

Че не сдерживал язык, когда критиковал то, как революция осуществляет управление экономикой, а делал он это очень часто. Особенно непримиримыми бывали его выступления на заседаниях Центрального бюро планирования (Хусеплан), где он много раз говорил о том, что хотя революционное правительство и централизовало промышленность, но оказалось не способно управлять ею. Он полагал, что наилучшим противоядием от бюрократизма, порожденного централизацией экономики и стратификацией общества, является общественное мнение и всеобщая осведомленность:

"Когда страна приободрилась для отражения вражеского нападения, производство перестало снижаться, прогулы прекратились, проблемы решались с замечательной быстротой... Движущей силой этих феноменов была идеология; мощный стимул придала иностранная агрессия".

Он предложил ввести строгие санкции против чиновников-бюрократов и организовать механизмы контроля. Глядя вперед, Че критиковал фабричных руководителей, поставленных на должности правительством, которые вели себя так, что рабочие воспринимали их точь-в-точь как прежних боссов. Че считал необходимым создать советы рабочих, которые оказывали бы надлежащее давление на руководителей предприятий.

До известной степени Че был прав, когда считал, что революция создала условия, которые позволяли народным массам оказывать воздействие на руководящие органы, дала тысячам рабочих сильный стимул снести баррикады бюрократизма и продвигать программу революции по причинам скорее принципиальным, нежели в поисках материальной выгоды.

Группа инструкторов из Чехословакии была просто поражена, обнаружив, что рабочие кубинских фабрик форсировали свою работу, после того как было объявлено о скором введении промышленных стандартов: в других странах такие известия вели к снижению темпов работы.

Однако главной проблемой, терзавшей Че как министра, была не разрастающаяся бюрократия; он бесился из-за нехватки запасных частей, вследствие которой машинный парк страны в значительной степени бездействовал. Страна проедала те резервы и сырье, которые имелись у нее в начале революции, даже огромные поставки из социалистических стран не помогали исправить положение. После того как правительство значительно сократило безработицу, предоставило детям рабочих и кампесинос возможность учиться и урезало импорт предметов роскоши, на потребительский рынок хлынули большие денежные суммы, что в результате привело к возникновению дефицита.

* * *

Через несколько дней после статьи "Против бюрократизма" Че опубликовал в "Верде оливо" еще одну работу. Она называлась "Куба: историческое исключение или авангард антиколониальной борьбы?" и явилась первым призывом к латиноамериканской революции. Приведенные в ней доводы опровергали мысль о том, что условия, сложившиеся на Кубе во второй половине пятидесятых годов, являлись исключительными и что революции в Других странах Латинской Америки невозможны.

* * *

В шесть часов утра 15 апреля 1961 года американские самолеты "Б-26", пилотируемые кубинскими пилотами, подготовленными Центральным разведывательным управлением США, сбросили бомбы на авиабазы в Сантьяго, "Сан-Антонио-де-лос-Баньос" и "Сьюдад-Либертад". Этот налет явился прологом к давно ожидавшемуся вторжению.

В соответствии с планом чрезвычайной ситуации Че отправился на запад острова, в Пинар-дель-Рио, где он должен был в случае нападения принять командование над вооруженными силами региона. Раулю Кастро была поручена восточная армия, а Альмейде - центральная часть Кубы. Всего через несколько часов майор Гевара выступал на митинге ополченцев, вернувшихся после боев с бандами контрреволюционеров. Эти боевые действия получили в народе название "очистка Эскамбрея". На фотографиях видно, как слушатели подняли над головами тысячи винтовок в ответ на слова Че:"Приятно было узнать, что по крайней мере один вражеский самолет определенно был вчера сбит и разбился,

охваченный пламенем... Тем же утром мы увидели Юниверсо Санчеса, который, раненный шрапнелью, все же продолжал выполнять свои обязанности, так как нападение могло повториться... Он назвал контрреволюционеров современными нацистами, трусами, преступниками и лжецами.

Мы не знаем, окажется ли эта недавняя атака прелюдией к объявленному вторжению пяти тысяч гусанос ... Но они смогут пройти лишь по трупам наших павших товарищей, по развалинам наших фабрик - такова наша крепнущая решимость. Родина или смерть!"

На следующий день Че был в Гаване, где состоялись похороны жертв воздушного налета. Похоронная процессия шла по Двадцать третьей улице, оцепленной тысячами вооруженных ополченцев; на крышах домов стояли зенитные установки. Выступая на похоронах, Фидель категорически отверг возможность того, что самолет был кубинским, как утверждала пропаганда ЦРУ; он ясно понимал, что цель операции состояла в том, чтобы уничтожить кубинские воздушные силы на земле, открыв таким образом путь к вторжению с моря. И в полном соответствии с логикой последнего боя, с лозунгами "все или ничего", "родина или смерть" находилось признание социалистического характера кубинской революции, о чем Фидель во всеуслышание объявил в декрете.

Почему этот декрет вызывал у Че такую досаду? В конце концов, это была его собственная идея. Он полагал, что нет никакого иного пути развития, кроме социализма, и события, казалось, подтверждали это. Но имелась ли возможность составлять планы на будущее, когда Куба вновь оказалась перед угрозой войны? На протяжении минувшего года он часто думал о том, что социальный радикализм кубинской революции может раствориться в компромиссах и политиканстве. Ведь для человека, которому всегда нравилось оставлять за собой выжженную землю, которому так подходили метафоры сожженных за собой кораблей и мостов, время, когда страна открывала перед собой двери к раю или аду, не оставляя себе иного выбора, могло стать звездным часом.

Через несколько часов Че снова оказался в Пинар-дель-Рио. Фидель считал, что вторжение состоится на западе - там, где берег Кубы обращен к континенту, - так что Че находился в зоне, где, по сведениям кубинской разведки, следовало ожидать первых сражений. На исходе того же дня произошел странный несчастный случай, породивший множество слухов. Че сделал резкое движение и уронил пояс, на котором висел взведенный пистолет. Пистолет выстрелил, и пуля задела щеку Гевары.

Различные источники не сходятся насчет того, куда пришлось ранение, в щеку или шею, но все соглашаются, что пуля чуть не пробила ему череп. Раненого немедленно доставили в больницу и оказали ему помощь. Че не стали давать никаких обезболивающих: врачи считали, что они могли бы вызвать аллергическую реакцию и спровоцировать приступ астмы, который в свою очередь повлек бы за собой паралич. Из Гаваны прилетела Алейда, чтобы ухаживать за мужем.

Тогда же, в 11 часов 45 минут ночи, группа ополченцев вступила в столкновение с авангардом десанта - группой легких водолазов, обнаруженных у южного побережья острова, в районе Плая-Хирон неподалеку от болота Сапата. Революционное командование узнало о событии менее чем через полтора часа. Той же ночью в Пинар-дель-Рио была проведена организованная ЦРУ отвлекающая высадка десанта. На резиновых шлюпках было установлено электронное оборудование, которое имитировало приближение судна к берегу. Майор Гевара удрал из госпиталя.

На протяжении ночи Фидель лично руководил мобилизацией ополченцев и формированием батальонов. Он пустил в ход все резервы, которыми располагал, в том числе и Школу командиров ополчения в Матансасе, лишь бы не дать десанту возможности захватить плацдарм. Лидеры революции снова превратились в партизан. В район боев отправились министр труда Аугусто аРтинес, Эмилио Арагонес, шеф полиции Эфихенио Амейхейрас и Оскар Фернандес Мель. Че переговорил с Фиделем в восемь часов утра. Захватчикам удалось занять три небольших населенных пункта в районе болота Сапата; произошли первые огневые контакты.

И Фидель, и Че все еще считали, что высадка была лишь тактическим маневром, а настоящее вторжение будет произведено где-то в другом месте. Че потребовал транспорт и солдат, умеющих стрелять из 120-миллиметровых минометов. Фидель смог найти и людей, и технику.

План операции был не так уж и плох, если не считать того, что ЦРУ недооценило политическую обстановку в стране. Интервенты должны были захватить плацдарм, оснащенный взлетно-посадочной полосой, назвать его "освобожденной территорией", доставить туда "правительство в изгнании", после чего немедленно получили бы признание со стороны Соединенных Штатов и ряда правительств Латинской Америки. В подготовке и проведении вторжения участвовало не только правительство США, но и правительства Луиса Сомосы в Никарагуа и Мигеля Идигораса в Гватемале, которые предоставили возможность устроить на своей территории лагеря

для подготовки десантников. Политический союз между либеральным правительством Кеннеди и двумя наиболее зловещими диктатурами на континенте может быть понят лишь в системе координат сумасшедшей логики холодной войны.

Быстрая реакция малочисленной авиации кубинской революции (техникам приходилось творить буквально чудеса, чтобы заставить полдюжины машин держаться в воздухе) позволила нанести первый удар по силам вторжения. Сопротивление плохо вооруженных кубинских ополченцев не позволило десанту захватить плацдарм. И, помимо всего прочего, Фидель ловко, как фокусник, по телефону держал под контролем все детали сражения и готовил ловушку для захватчиков.

Известны несколько тысяч свидетельств очевидцев, в которых рассказывается о том, как три или четыре тысячи человек мчались к Плая-Хирон. Казалось, что стремление стрелять в захватчиков охватило население, как острозаразная эпидемия. Отставшие, опоздавшие и даже танки, которые не могли пробиться сквозь пеших, оставались позади, а батальоны, мобилизованные Фиделем, стремились вперед, чтобы схватиться с застрявшими на берегу гусанос. Первый день контратаки был отмечен соревнованием между Фернандесом "Испанцем" Дуке, Арагонесом, Дреке, Амейхейрасом и Рене Родригесом, кто из них скорее достигнет передовой линии, а затем и выйдет на берег. Это ни в коем случае не было чем-то необычным: ополченцы сражались яростно, останавливая танки и продвигаясь вперед под артиллерийским огнем. К 17 апреля захватчики оказались не только остановлены, но и полностью окружены и вынуждены были перейти к обороне.

Пропаганда в Соединенных Штатах рассказывала об этих событиях по-другому: "Я пытался застрелиться; я потерпел неудачу как коммунист; все было кончено. Фидель, я думаю, был ранен во время воздушного налета или же получил убежище. Рауль тем временем пропал. И-В довершение всего войска продвигались вперед и заняли порт Баямо".

Ночью 17- 18 апреля Фидель возвратился в Гавану из района боевых действий, чтобы получить донесение из Пинар-дель-Рио: высадка там казалась неизбежной. С побережья Кабаньяс и Мариэль можно было разглядеть множество военных кораблей, и Че принял меры по подготовке к обороне. Как только стадо ясно, что второй высадки не намечается, Фидель немедленно мобилизовал зенитное оружие и танки на Плая-Хирон. Для такого нетерпеливого человека, как Че, ожидание было, по-видимому, невыносимым.

Захватчики, у которых не было никакого боевого духа,

встретившись с повсеместным народным сопротивлением, отошли из Плая-Ларга и сконцентрировались в Плая-Хирон, где им 18 апреля нанесли самые сокрушительные удары. Повстанческая армия заняла Плая-Хирон в 18 часов 30 минут 19 апреля, и вторжение провалилось. Незадолго до того американские суда приняли на борт незначительную часть сил вторжения, оставив на берегу более полутора тысяч бойцов и чуть ли не двести человек погибших. Фидель на бронеавтомобиле приехал на побережье.

Позже Че, вспоминая эти события, сказал: "Нельзя ожидать, что человек, которому от отца досталась тысяча акров земли, как только появится здесь, чтобы получить назад свою тысячу акров, не будет убит соотечественником, у которого никогда не было ничего, зато теперь есть страшное стремление убить этого парня за то, что тот хочет забрать его землю".

Фидель показал статистическую сводку собственности пленных интервентов. Числа подтверждали ту версию событий, которую высказал Че, - люди, попавшие в плен в Плая-Хирон, "стремились заполучить обратно 371 930 гектаров земли, 9666 объектов недвижимости, семьдесят фабрик, десять сахарных заводов, три банка, пять шахт и двенадцать кабаре".

30. Уставать некогда.

Победа в Плая-Хирон дала революции возможность перевести дух. Эта передышка была крайне необходима для того, чтобы, пользуясь широкой народной поддержкой, внимание планам экономического развития. Через несколько дней после вторжения "товарищи из Федерации рабочих сахарной промышленности выдвинули лозунг: "К 1 мая - шесть миллионов тонн сахара". Я был поражен, услышав эту новость, так как знал кое-что о том, как движется заготовка сахарного тростника. Я вызвал генерального директора сахарных заводов ... товарища Менендеса, и он сказал мне, что рабочие сделали это по собственной инициативе, даже не посоветовавшись с ним... Ну что ж, в настоящее время этого уровня достичь невозможно".

Че был в бешенстве. Он не любил риторики, демагогии и заведомо невыполнимых обещаний.

24 апреля 1961 года Че вернулся из Пинар-дель-Рио, чтобы провести заседание коллегии Министерства промышленности. В недавнем прошлом коллегия, по предложению Че, приняла решение о том, что все руководители министерства должны дважды в месяц посещать фабрики и мастерские, чтобы получить доскональное представление о положении дел, и что каждый, кто почему-либо не сможет этого сделать, будет лишен дневного заработка. Члены коллегии жаловались, что в тот период, пока Че находился в Пинар-дель-Рио, они были сильно перегружены работой. Естественно, никто из них не ожидал от министра запланированного им заранее посещения карандашной фабрики в Батанабо.

Тем не менее Че, явившись на заседание, вытащил из кармана кителя небрежно сложенные клочки бумаги да еще и попросил извинения за то, что не представил машинописного текста.

В тот день многие из членов коллегии лишились дневного заработка.

Когда Че не только сделал сообщение о посещении фабрики. Он Достал из кармана рубашки - в карманах у него всегда было полно всякого хлама - зеленую записную книжку и принялся читать свои заметки, наблюдения и критические замечания, 'акие моменты сотрудники (да и он сам) называли вспышками.

На свет извлекалась записная книжка, всех бросало в дрожь. Тогда Че изобрел другую маленькую тайну: завел много-цветную авторучку и делал записи разными цветами. Никто долго не смел поинтересоваться, зачем он это делает, но в один прекрасный день Вальдес Гравалоса все же не выдержал. "Это мой

собственный код. Когда я пишу красным, это значит, что вопрос относится к Фиделю, зеленым - к кабинету министров, и так далее".

Проблема, с которой коллегия столкнулась в тот день, как впрочем, и в другие дни своих заседаний, заключалась в нехватке сырья и запасных частей. Однако в тот день Че заявил, что, несмотря на недавние перебои, объемы производства возросли. Бернстейн писал: "Выпуск промышленной продукции в I960 году увеличился. В будущем проблемы могли возникнуть скорее из-за экономического эмбарго, чем из-за организации управления".

30 апреля Че принял участие в телевизионной программе, в ходе которой со своей обычной откровенностью поднял тему экономических проблем нации: "Мы учимся в работе и, естественно, учимся на собственных ошибках". Он говорил о том, что планирование базировалось на иллюзиях вроде того, что все необходимые школы могут быть построены за пять лет, что за те же пять лет можно создать торговый флот, что в течение пяти лет не возникнет необходимости покупать самолеты - и что он довольно быстро понял, что все это нереально. Тем не менее он ожидал (и тем самым тоже поддался пороку иллюзорного планирования), что к 1965 году Куба начнет выпускать свои автомобили. Он говорил о том, что первые действия Министерства промышленности представляли собой лабораторные эксперименты: чиновники не разговаривали с фабричными рабочими и не знали о существовании и вероятности возникновения тысяч проблем. Все началось с предположения о том, что в стране хватает сырья и запасных частей. "Теперь мы ясно видим, что народ не имел никакого отношения к составлению плана, а план, разработанный без участия рабочего, имеет много шансов на провал". Хотя план в целом имел 75-процентную вероятность неудачи, все же в некоторых отраслях он позволил добиться удивительных результатов: например, в черной металлургии выпуск продукции увеличился на 75 процентов.

Со своей обычной непринужденностью майор Гевара объявил далее, что под эгидой Министерства промышленности на Кубе работают сто сорок технических специалистов из социалистических стран, и пошутил насчет десяти специалистов, присланных правительством КНР для сборки пробной партии китайских машин: "Мы постараемся женить их здесь, так что им придется остаться".

В те же дни Че вступил в спор с журналом "Вокс обрера", официальным органом кубинской троцкистской группы "Вокс пролетариа", который "критиковал Советы технических

консультантов ... утверждая, что они были организованы трусливыми представителями мелкой буржуазии в правительстве в качестве подачки, чтобы тем самым избежать реальной передачи каких-либо прав массам, требовавшим предоставить им управление фабриками".

С точки зрения теории, парировал Че, это абсурд. А с точки зрения практики - это является или позором, или серьезной ошибкой. Главный грех Советов технических консультантов действительно заключался в том, что они не были порождением масс: эти органы явились бюрократическим изобретением и были спущены сверху, чтобы дать массам средство, о котором они не просили. А вот то, что они о нем не просили, было грехом самих масс.

Другие лидеры революции не вели себя с троцкистской группой столь открыто и великодушно. В то время как Че призывал к дискуссии, многочисленные голоса требовали репрессий. Спустя несколько месяцев полиция уничтожила набор, с которого печаталась классическая работа Троцкого "Непрерывная революция". Че критиковал это событие в интервью, данном Сетлину: "Это ошибка, совершенная второразрядными бюрократами. Они рассыпали набор. Этого нельзя было делать". Но это было сделано.

Че был обеспокоен тем, что дискуссия между различными течениями среди революционеров в напряженной обстановке, установившейся после вторжения в Плая-Хирон, сменялась насилием.

Примерно в это же время он издал циркуляр Министерства промышленности, в котором прямо запрещалось выяснять политические взгляды рабочих при устройстве на работу.

После того как Фидель Кастро впервые назвал кубинскую революцию социалистической, социализм превратился в лозунг. В том же самом телевизионном выступлении 30 апреля Че определил цель революции как попытку создать абсолютно демократическое социалистическое общество. Днем позже Фидель в своей первомайской речи уже говорил о "нашей социалистической революции".

8 мая Че успел произнести речь в память Антонио Гитераса, знаменитого кубинского революционера тридцатых годов, с которым имел такое большое сходство, и добровольно поработать в порту Мачина на упаковке сырья.

Хотя в экономике имелись серьезные проблемы, "тем не менее складывалось впечатление, что все работает, хотя очень немного людей могли объяснить, почему так происходит" - так обрисовал положение К.С. Кароль. Это явление, несомненно,

можно было объяснить революционным импульсом, использованием запасов, накопленных в последние годы правления Батисты, всеобщим ощущением происходящих перемен, волевым порывом в обществе и массовым чувством жертвенности. Все это вместе взятое и работало, но экономика при этом подвергалась невиданной перегрузке. Специалист в области аграрной экономики Рене Дюмон вспоминал, что в 1960-1961 годах потребление говядины возросло в четыре раза, с двухсот пятидесяти тысяч до миллиона голов; потребление мяса среди кампесинос опережало поставку, порождая таким образом инфляцию. Потребление молока возросло в такой же пропорции, а производство мяса домашней птицы хотя и увеличилось, но все же не могло заменить те полтора миллиона цыплят, которых до начала блокады ежегодно ввозили из Соединенных Штатов. Увеличилось также и производство бананов, но они практически полностью потреблялись в районах заготовки и почти не поступали в Гавану.

Че осознавал то угнетающее действие, которое оказывали на неразвитую экономику запросы тысяч неимущих кубинцев, впервые в жизни ставших потребителями:

"Мы сделали большую часть крупного рогатого скота доступной для общественного потребления; коровы были вырезаны без разбора, стало хорошим тоном есть говядину - замечательная привычка (которую я одобряю, возможно, сильнее, чем кто-либо другой), но мы не могли обеспечить ее развития в столь широких размерах, каких заслуживал кубинский народ".

Это была не единственная проблема, порожденная организацией управления сельским хозяйством. Дюмон резко критиковал нерациональные подходы и серьезные ошибки Антонио Нуньеса Хименеса в руководстве работой Национального института аграрной реформы. Тем временем вследствие вполне оправданного беспокойства кубинской революции о полной занятости населения чрезмерно раздувались штаты фабричных рабочих; Че позднее признается, что и у него в Национальном банке числилась сотня совершенно лишних сотрудников. Если решением могли послужить головокружительные темпы индустриализации, то Че пытался набрать нужную скорость, продвигаясь по дороге, полной препятствий. Техника, прибывавшая из Восточной Европы, хранилась под открытым небом, повреждалась и ржавела от соленых морских брызг, так как цеха, в которых она должна была работать, еще не были построены.

Кароль утверждал, что русские эксперты не пытались удержать кубинцев от непроизводительных затрат, сдержать их

непрактичную поспешность, не препятствовали им заказывать оборудование предприятий, для которых на острове не было никакого сырья. Но советские советники не были независимыми. Они были неправомочны принимать решения и привыкли работать в условиях жесткой советской иерархии. В отношениях кубинцев с русскими консультантами с обеих сторон проявлялось сдержанное неудовольствие: кубинцы сетовали на низкое качество техники, продававшейся им по мировым ценам, а русские изумлялись неблагодарности тех, кому техника предоставлялась на условиях чрезвычайно льготных кредитов.

Трудности возникали и вследствие нехватки технически подготовленных управляющих, способных осуществить пуск завода. Эдвард Бернстейн рассказывал, что Гевара поручил управление одной из фабрик двадцатитрехлетнему барбудо, предприятием, ранее принадлежавшим фирме "Проктер энд Гэмбл", руководил врач, немного знакомый с химией, а медным рудником в Ма-тамбре командовал геолог из США, который хотя и разбирался в ведении горных выработок, не имел ни малейшего понятия о шахтной вентиляции.

Спустя полтора года, в 1963-м, Че признается уругвайскому журналисту Эдуарде Галеано: "Броситься сломя голову в индустриализацию было грубой ошибкой. Мы хотели одним махом избавиться от всего нашего импорта, выпуская готовые изделия... Мы не видели тех огромных сложностей, которые были связаны с ввозом полуфабрикатов".

В 1965 году эксперты ЦРУ сообщили, что проект индустриализации являлся чрезмерно амбициозным и преждевременным, что в нем значительная часть кубинских инвестиционных ресурсов была привязана к программам, которые были лишены необходимой цельности и/или предусматривали производство товаров, имевших весьма незначительную ценность как на внутреннем, так и на международном рынке. Причины, породившие эти недостатки, были очевидными: нехватка людских и материальных ресурсов, отсутствие опыта крупного строительства (во времена Батисты его в основном вели специалисты из Соединенных Штатов Америки с использованием американской же техники), а также организационная и плановая слабость. К этому следует добавить массовое бегство инженеров за границу в ходе революции и то, что стандартные индустриальные проекты, разработанные в коммунистическом блоке, были малопригодны для тропического климата, имели низкое качество и непродолжительный эксплуатационный срок.

В мае того же самого 1961 года К.С. Кароль взял у Че интервью. Гевара высказал весьма критическое отношение к

советской модели. Они говорили по-французски: "Че владел языком с непринужденностью, лишь время от времени беспокойно спрашивал, не слишком ли испанизирован его словарь". Первой темой был социализм:

"Здесь люди учатся во время работы и все еще являются новичками... Сам я не раз говорил с товарищами и слышал, что им не нравятся эти социалистические дела, а я тогда спрашивал их: разве вы не согласны с аграрной реформой, или городской реформой, или экспроприацией американских владений, или национализацией, или социальной справедливостью и всеобщим правом пользоваться плодами своего собственного труда? Они принимались клясться, что это не так, что все это им нравится, что все они готовы жизнь отдать за это. Так что я сказал им: если вам нравится все это, значит, вы точно являетесь сторонниками социализма, и они ушли, слегка успокоившись".

Кароль поинтересовался, не опасно ли пользоваться пустыми, догматичными и начетническими коммунистическими руководствами Москвы в таком политическом вакууме. Че ответил, что ничего не знает об этих руководствах и что ему нужно будет попросить кого-нибудь еще рассказать о них. Кароль понял, что сам не сможет глубже объяснить этот вопрос. Их жизненный опыт и идейный багаж представляли собой просто-напросто различные миры: один из собеседников был левым марксистом, чьи представления сформировались под влиянием противоречий между риторикой сталинизма и его авторитарной практикой, а другой - латиноамериканским радикалом, личный революционный опыт которого в сочетании с идеологическим блеском марксизма и очень ограниченным представлением о реальной истории социализма давал ему совершенно иную перспективу. Че сказал Каролю, что формулы из руководств по марксизму кажутся ему "второстепенным вопросом, что политическое образование на Кубе нисколько не зависело от них". Он попытался объяснить, что на Кубе не может быть расцвета сталинизма, что коллективное сельское хозяйство возникло в соответствии с пожеланиями кампесинос, а не вопреки им, что индустриализация будет совершена не путем жертв и что капиталистическая блокада наподобие той, которой был окружен СССР, больше невозможна. Он сказал, что совершенно необходимо использовать опыт социалистического строительства в Восточной Европе, особенно при подготовке молодых специалистов-техников.

"Я был бы лжецом - добавил Кароль, -, если бы сегодня сказал, что в 1961 году аргументы Че убедили меня. Его мощная индивидуальность и интеллектуальное обаяние действовали

безошибочно, но у меня сложилось впечатление, что он закрывал глаза на действительное положение вещей в социалистическом блоке, потому что так ему было удобнее. Человек его интеллекта и проницательности не мог не поразиться числу тех недостатков и несоответствий, которые он обязательно должен был заметить в только что открытых им для себя социалистических странах. В отличие от правоверных коммунистов, он не повторял упрощенных лозунгов советской пропаганды".

Тем временем блокада Кубы усиливалась, и влияние Советского Союза, который дал кубинцам отсрочку, а также предложил им экономическую модель, возрастало. СССР увеличил свой кредит Кубе еще на сто миллионов долларов - не столь уж большое, но многозначительное число.

Че вел труднейшую работу по управлению промышленностью, в которой пытался внести улучшения в советскую модель, продолжая одновременно подавать пример добровольной работы (он много трудился на строительстве школы в Гаване) и учиться. Он поддержал семинар по "Капиталу" Карла Маркса, организованный политическим экономистом, советским испанцем по имени Анастасио Мансилья. Занятия проходили каждую среду по вечерам. Мансилья начинал говорить, и где-то через полчаса Че начинал высказывать сомнения в каждом произнесенном лектором слове. Споры затягивались до полуночи, а то и дольше.

Кароль не ошибался, когда утверждал, что недостаток политического содержания в революции возмещался социалистическими декларациями, что давало возможность выдвинуться второстепенной бюрократии, опиравшейся на ортодоксальные марксистские учебники, и что в этом процессе наиболее косные Догматики из Народно-социалистической партии Кубы должны будут взять верх. Дебаты об искусстве и литературе, проведенные в Национальной библиотеке в июне, как раз и показали напряженность, возникшую среди ведущих бюрократов в области культуры, принадлежавших к НСП.

Это была наиболее эклектичная из всех революционных программ, которую облюбовали для себя как заскорузлые ортодоксы, так и новообращенные перебежчики из других партий. По словам Кароля, чересчур строгий стиль работы и неуправляемость Че беспокоили некоторых представителей старой бюрократии из руководства НСП, таких как Анибаль Эскаланте и Блас Рока. Кароль также вспоминал, что тогда же развернулась тайная кампания против Че, в ходе которой его обвиняли в "чрезмерной левизне". Как ни странно, именно Че и Рауль Кастро со ставили первый учебник марксизма для широких

кругов революционеров. Годом позже Че должен был признать: "Мы слепо доверяли авторитету НСП в области организации и не критиковали НСП... Наступали суровые времена". В эти дни Че прежде всего был занят тем, чтобы сохранить еще столь неустойчивое поступательное движение в развитии промышленности страны. Был достигнут один важный успех: заработал завод по производству никеля в Моа. Кубинский инженер Деметрио Пресилья сделал расчеты по пуску завода, использовав при этом новейшую технологию, не понятную советским специалистам. К моменту национализации в числе руководителей на заводе Моа "не было ни одного кубинца - знатока в области горного дела, все специалисты были североамериканцами".

Пресилья пообещал, что найдет способ запустить завод, если Че изыщет коммерческий выход для никеля. Че, подписавший необходимые контракты во время своей поездки в СССР, еженедельно посещал Моа, чтобы наблюдать за ходом осуществления проекта и оперативно разбираться с жалобами рабочих по поводу недостатка воды, электричества и жилья.

В июне 1961 года завод в Моа начал выпуск сульфата никеля, и Че поехал туда, чтобы поздравить рабочих. В местном союзе он обнаружил свою фотографию, о которой сказал: "Этот парень похож на Кантинфласа".

В начале августа Че отправился в Уругвай, чтобы принять там участие в конференции Межамериканского экономического и социального совета (МЭСС) - отделения Организации американских государств, занимавшегося экономическими отношениями между государствами - членами ОАГ. Когда самолет из-за тумана был вынужден приземлиться в Рио-де-Жанейро и делегация поехала в кубинское посольство, люди на улице узнавали Че и приветствовали его. "Кажется, что они увидели призрак", - сказал он послу. 5 августа он прилетел в Монтевидео, где встретил незабываемый всенародный прием. В аэропорту его встретила большая толпа. Люди кричали: "Гевара здесь, маскарад окончен". Вдоль дороги от аэропорта Карраско до центра города стояло не менее десяти тысяч человек со знаменами и скандировало: "Куба - да, янки - нет!"

В Пунта-дель-Эсте, роскошном курорте, на котором обычно проживали представители уругвайской, аргентинской и чилийской олигархии, кубинская делегация сняла этаж в гостинице

Плая". Там, согласно воспоминаниям Рикардо Рохо, "они воссоздали атмосферу, царившую в то время в служебных помещениях Че в Гаване, - некую смесь бивака и конторы. Там

были и машинистки, и охранники, вооруженные автоматами. Одни готовили пищу, другие разговаривали по телефонам, и все они перемещались с удивительной скоростью".

7 августа Че был приглашен на ленч в резиденцию президента Уругвая Эдуарде Аэдоса, где они с хозяином спорили насчет качества кубинских сигар. Днем позже Че выступил на пленарной сессии МЭСС. "Нас привела сюда длинная цепь событий", -начал он свое выступление, а далее перечислил: пиратские самолеты, вылетающие из аэропортов США, разбомбленные плантации сахарного тростника, взрыв судна "Ла Кубр", отказ нефтяных компаний перерабатывать сырую нефть, поставленную из СССР в 1960 году, полный отказ США от своей квоты в закупке сахара, последовавший в том же 1960 году, вторжение в Плая-Хирон, покушение на жизнь Рауля Кастро, подготовленное на военно-морской базе США в Гуантанамо... "Вследствие всех только что перечисленных причин я не вижу возможности для кубинской революции на этом собрании прославленных специалистов обсуждать технические вопросы". Че определил кубинскую революцию как аграрную, антифеодальную и антиимпериалистическую, которая стала социалистической из-за того пути, по которому развивалась. Он рассказал о ее успехах: аграрной реформе, равенстве женщин с мужчинами, полном отсутствии дискриминации чернокожих, ликвидации неграмотности. Затем он обратил оружие против "Союза ради прогресса" - великого плана президента Кеннеди, связанного с развитием Латинской Америки. Гевара расценил его как направленный против Кубы и революционного движения: "У вас нет ощущения, что ваши ноги немного связаны? Доллары даются на строительство шоссе, доллары даются на строительство дорог, строительство коллекторов.... Почему доллары не даются на то, чтобы наши слаборазвитые страны смогли всего-навсего превратиться в индустриально-аграрные страны? Это и впрямь очень грустно". А затем он шутливо сформулировал суть "Союза ради прогресса": "Куба - гусыня, которая несет золотые яйца; пока Куба Делает это, они нам дают помощь". 8 лучшей, по-видимому, части своей речи Че сказал:

"Эксперты советуют заменить большие и малые землевладения на хорошо оборудованные фермы. Мы говорим: вы хотите аграрную реформу? Берите землю у тех, у кого ее много, и давайте тем, у кого ее совсем нет... Мы не возражаем против того, что нас не учитывают при раздаче кредитов, но мы возражаем, когда нас пытаются отстранить от культурной и духовной жизни наших латиноамериканских народов... Чего мы никогда не позволим - это ущемления нашей свободы торговать и

поддерживать отношения со всеми народами мира".

Выступление вызвало большой шум. Едва ли оно затронуло специалистов, представлявших диктатуры, квазидемократические государства и креольскую олигархию, но ведь Че обращался не к присутствующим в зале. Он хотел, чтобы его услышали те, кого там не было: новые латиноамериканские левые, воспринимавшие кубинскую революцию как начало эры широкомасштабных изменений во всех сферах жизни этого континента, на котором царило вопиющее неравенство.

9 августа в Монтевидео Гевара давал пресс-конференцию. Он предложил журналистам "все, что угодно" и провел два часа, с переменным успехом отражая массу острых вопросов, шутками и улыбками отвечая на вспышки аплодисментов.

Относительно пленных, взятых в Плая-Хирон: "Мы предлагаем обменять их на лагерь в Альбису или же на тракторы".

Об инцидентах с самолетами Соединенных Штатов, летавшими над Кубой: "Самолет, который отогнали от Кубы, находится в США".

Его добровольная работа по рубке сахарного тростника и упаковке бананов в порту: "Не смотрите на меня с таким недоверием: я говорю правду".

О выборах: "Всякий раз, когда на народном собрании решат, что они нужны".

О нормировании продуктов питания - перуанский журналист сказал, что в последнее время сообщалось, будто введение еженедельных рационов, составлявших 700 граммов (25 унций) продовольствия, явилось одним из самых грязных трюков, которые когда-либо сыграли с кубинцами. Че ответил:

"Я ничего не знаю о таком рационе. Нам пришлось предпринять некоторые меры по нормированию мяса - нормы которого бесконечно выше, чем в Перу, - чтобы справедливо разделить то, что мы имеем. В таких странах, как Перу, нормы очень разные: люди с деньгами покупают, а бедные индейцы голодают. Разве вы так не считаете?"

Перуанский журналист попытался ответить: "Я полагаю, что это так, но ведь..."

Че: "Не слушайте его!"

О национализации католических школ: "Теперь это просто школы".

О троцкистах: "Мы пришли к выводу, что со стороны троцкистов было бы неблагоразумно продолжать делать подрывные заявления".

О церкви: "На Кубе нецерковное управление, которое

допускает свободу религии".

О книге "Послушай, янки" С. Райта Миллса: "С нашей точки зрения, в ней есть некоторые ошибки, но в целом это честная книга".

О возможности других социалистических революций в Латинской Америке: "Они произойдут просто потому, что они - порождение противоречий между социальным режимом, время которого подошло к концу, и людьми, у которых закончилось терпение".

О том, что он ест и пьет, курит ли он и любит ли он женщин:

"Я не был бы мужчиной, если бы не любил женщин, и не был бы революционером, если бы не сумел выполнять обязанности, налагаемые на меня браком, раз я люблю женщин... Я работаю по шестнадцать, может быть, по восемнадцать часов в день и сплю шесть часов, если удается... Я не пью, но курю. Не хожу ни на какие представления. Я убежден, что у меня в этом мире есть миссия, и ради этой миссии я должен жертвовать своим домом... и всеми удовольствиями повседневной жизни".

О его аргентинском происхождении: "Я происхожу от аргентинских культурных корней, но ощущаю себя рядовым кубинцем".

Че вышел из себя лишь однажды, когда аргентинский журналист Луис Педро Бонависта заговорил о его "бывшей родине". Он раздраженно ответил: "Синьор, я имею большую - намного большую - и намного более достойную родину, чем вы, потому что это - вся Латинская Америка, синьор, та родина, которой вы не знаете".

16 августа Че еще раз выступил на пленарном заседании МЭСС; в этот раз ему нужно было объяснить отказ кубинской Делегации от участия в голосовании. Он мотивировал его тем, что если руководствоваться предложениями "Союза ради прогресса", то слаборазвитым странам потребуется пятьсот лет, чтобы Достигнуть такого же дохода на душу населения, как в развитых странах. Кроме того, он не получил ответа на вопрос о том, могла и Куба просить "Союз ради прогресса" о материальной под-сржке или же не имела на это права: "Вряд ли мы сможем поддерживать альянс, в котором один из участников не имеет никаких прав". Его речи, предсказывавшие бесславное завершение существования "Союза ради прогресса", получили позднее мировую известность под названием "Пророчество Че".

Че имел частную встречу с представителем президента Кеннеди Ричардом Гудвином. Ее организовали руководители бразильской делегации как случайную беседу двух гостей третьего лица. Ни тот ни другой не были уполномочены на

осуществление такой встречи публично. Че не говорил по-английски, Гудвин - по-испански, и бразильцу пришлось выступить в качестве переводчика. Хотя Гудвин впоследствии очень высоко отзывался об этой встрече, Че, похоже, не считал ее слишком важной.

Двумя днями позже Че выступил в университете Монтевидео с лекцией об экономическом развитии Кубы, опирающемся на радикальную аграрную реформу. Перед этим он провел несколько часов с матерью и другими родственниками, специально приехавшими из Аргентины, чтобы повидаться с ним. Незадолго до выступления группа ультраправых взорвала в университете несколько бомб со слезоточивым газом из тех, что были на вооружении полиции для разгона демонстрантов, и в зале, битком набитом студентами, сильно пахло хлором. Начав с главной истины для Латинской Америки - каждый имеет право есть, - Че объяснил необходимость введения нормирования всех видов пищевых жиров, мяса и обуви в условиях блокады. Он доказывал, что путь к экономической независимости должен пролегать через индустриализацию, для чего нужно было запустить в работу 205 запланированных фабрик.

"И эта борьба не только даст стране возможность быстро и естественно развиваться, двигаться в быстром темпе, но также приведет к ряду результатов, которые будет трудно преодолеть. Это нехорошо, не доставляет удовольствия, но мы должны были сделать это и ни о чем не жалеем".

После окончания лекции полиция открыла стрельбу по аудитории; был убит профессор университета. На следующий день Че обвинили в том, что он принимал участие в "политическом собрании".

18 августа Гевара по приглашению президента Аргентины Артуро Фрондиси предпринял негласную поездку в Буэнос-Айрес. Самолет, специально зафрахтованный аргентинским правительством, доставил его в столичный аэропорт Дон Торкват, где Че уже дожидались президентские телохранители, чтобы доставить в официальную президентскую резиденцию Лос-Оливос.

Во время встречи обсуждались три проблемы. Начали с разговора о возможных путях развития. Че упорно доказывал, что инвестиции Соединенных Штатов Америки не стоит принимать внимание, так как за них приходится отдавать гораздо больше, чем было получено. Говорили и о беспокойстве Фрондиси насчет того, что Куба может войти в Варшавский договор. Че сказал на это: "Мы этого не планируем". Затем Фрондиси поинтересовался возможностью выборов на Кубе и получил ответ, что "дверь

временно закрыта". В конце встречи жена Фрондиси предложила Че бифштекс. "С седлом", уточнил он, вспомнив аргентинский обычай подавать жареный бифштекс с яичницей.

Новость о тайной встрече тем временем просочилась в правительственную администрацию и агентства новостей. Министр иностранных дел Адольфо Мухика, заявивший, что никакой встречи не было, оказался осмеян и на следующий день ушел в отставку. Че навестил свою тетю Луису и вечером того же дня вернулся в Монтевидео. "Дружеская встреча", - скажет он журналистам о своей беседе с Фрондиси, и больше они ничего не узнают.

На следующий день, 19 августа, Че посетил президента Бразилии Хосе Куадроса в столице страны.

Непродолжительная встреча завершилась публичным заявлением Куадроса о поддержке Кубы и о праве наций на самоопределение.

В считанные месяцы после конференции в Бразилии и Боливии - двух странах, занимавших в "Союзе ради прогресса" относительно самостоятельные позиции по отношению к Соединенным Штатам, - а также в Аргентине произошли военные перевороты. Оба президента, имевшие с Че частные встречи, Куадрос и Фрондиси, оказались свергнуты. В то время Че был самым опасным человеком в Латинской Америке; любой контакт с ним приводил к резкой поляризации мнений. Несмотря на задуманный образ "Союза ради прогресса" как демократической и прогрессивной организации, Латинская Америка, казалось, стояла перед выбором между относительно небольшой радикальной группой кубинских революционеров или сапогами военных, которых поддерживали Соединенные Штаты.

В ходе поездки положение Че как лидера новой латиноамериканской революции получило неоспоримое подтверждение, зато по возвращении на Кубу он обнаружил, что нормирование продуктов и предметов потребления заметно ужесточилось. Налицо был постоянный дефицит куриного и прочих видов мяса, сала (являющегося у кубинцев одним из популярнейших продуктов питания), овощей и корнеплодов. Это было первым признаком серьезных экономических трудностей. Еще весной наблюдались лишь спорадические нехватки зубной пасты и безалкогольных напитков. Фидель считал, что проблема порождена огромным повышением потребительского спроса у населения и ошибками в планировании, но теперь стало очевидно, что причины дефицита намного серьезнее.

Усложнившаяся обстановка потребовала от правительства безотлагательного проведения первой встречи Изготовителей

национальной продукции. Она состоялась в Гаване 27 августа, и на ней присутствовали три с половиной тысячи работников правительства, организаторов производства и новой политической партии под названием Объединенные революционные организации (ОРО), образовавшейся после слияния Движения 26 июля, Революционного Директората и НСП.

Че было поручено произнести одну из программных речей. Его выступление было, как всегда, предельно откровенным и исполненным нелицеприятной критики. "Мы должны сосредоточиться на наших ошибках, - сказал он, докладывая о работе свое- * го министерства. - И важно не оправдать эти ошибки, а избежать их повторения". Далее он пояснил, что, несмотря на сильную зависимость Кубы от экспорта ее продукции, в промышленности было не так уж много серьезных сбоев и они становились все менее обычным явлением. Из сорока объединенных предприятий только два не смогли выполнить производственные планы; в целом выпуск продукции увеличился. "Существуют два критических момента", - сказал он. Во-первых, предприятия работали без резервов, так что любая случайность могла парализовать фабрики. Во-вторых, имелась "постоянная проблема запасных частей". Че гордо подчеркнул тот большой успех, которого рабочие комитеты добились в производстве запасных частей и организации импровизированных ремонтов с применением вместо деталей клочков бумаги и булавок.

Че также предсказал нехватку мыла (были сделаны его запасы), сырьевых материалов и обуви. Производство обуви должно было значительно увеличиться, так как было необходимо обеспечить ее запасы для народного ополчения и снабдить в первую очередь людей, проводивших кампанию по борьбе с неграмотностью. Мог возникнуть серьезный кризис с автомобильными шинами, но его удалось предотвратить. Он сообщил, что имеется нехватка зубной пасты, так как ее запасы закончились, а сырье доставлено не было. Была разработана хорошая замена, но она затвердевала через месяц (у запасливых возникли бы неприятности, пошутил он). Также должен был возникнуть дефицит пива и безалкогольных напитков - из-за нехватки бутылок, неэффективного управления и того же недостатка сырья, причем, как ни абсурдно, кубинское сырье здесь не использовалось. "Один из самых больших провалов случился в производстве безалкогольных напитков. Та кока-кола, которую мы в основном пьем, имеет теперь вкус микстуры от кашля". Это утверждение всерьез задело рабочих, выпускавших кока-колу.

"Существуют предприятия, на которых качество

приравнивается к контрреволюции, где считают, что это пережиток капитализма и что в социалистические времена волноваться о нем совершенно не нужно... Качеством постоянно жертвуют, чтобы сократить расходы и гарантировать объем производства... Мы доказывали - хотя и недостаточно твердо, - но все же настояли на том, что... социалистическое развитие и социальное развитие в справедливо управляемой стране должны проводиться для людей, а не ради каких-то умозрительных построений... Не существует никакого конфликта между красотой и революцией. Действительно, ошибка - изготавливать уродливое изделие для повседневного использования, когда оно может быть приятным на вид (и здесь-то и заложен динамит), потому что товарищи иногда думают, что когда при плохой организации снабжения людям подсовывают дрянь и старье, а люди начинают протестовать, то, значит, они контрреволюционеры. Это беспардонное вранье. Людям не нравятся кое-какие штуки, которые, к сожалению, случаются - именно поэтому мы собрались здесь... Не будет ничего хорошего в том, что в Гаване окажется мыло, которого не будет в сельской местности; если в сельской местности не окажется хоть чего-нибудь, имеющегося в Гаване".

Все знали, что Че выступает совсем не из-за того, что ему нравится звучание собственного голоса; он говорил правду, так как не верил в то, что проблемы можно разрешить, закрывая на них глаза. Рассказывая о нехватке в стране различных товаров, он одновременно настаивал на справедливом равноправном распределении того, что имелось в наличии. Че сообщил и другие новости о проблемах, имевшихся в стране. Он критиковал Министерство внешней торговли, но признал при этом, что во многих случаях директора предприятий не дали тому достаточно четких спецификаций на свои заказы. Он критиковал директоров предприятий, использовавших причалы гаванского порта в качестве складов, и резко высказался в адрес Министерства внутренней торговли: "Там случаются такие вещи, для которых нет оправдания". Затронул он и армию: "Любой последний лейтенант или капитан считает, что имеет полное право присвоить все, на что сможет наложить лапу".

Объем промышленного производства увеличился в среднем на 120-130 процентов; общее падение наблюдалось в выпуске текстильной продукции, а в цементной промышленности - небольшое увеличение. Производство обуви в течение 1961 года за шесть с небольшим месяцев удвоилось. Че продолжал выступление, сочетая похвалу с критикой - порой весьма серьезной, как в случае со спичками: "Спички - едва ли не самый большой позор для Министерства промышленности; нет никого,

кто по нескольку раз в день не вспомнил бы об этом министерстве, пытаясь зажечь спичку".

По словам Бернстейна, "когда Че перечислял успехи в производстве лекарственных средств, где, несмотря на трудности и необходимость усовершенствовать производство и не дублировать усилия, в 1961 году не было никакого дефицита, его голос был исполнен эмоций".

В конце выступления Че сказал, что народ должен знать обо всем и что правительству следует обсудить эти проблемы (при этом он заметил, что было бы хорошо провести открытые публичные дебаты). Помимо этого он высказался в защиту женского равенства в трудовых отношениях и сказал, что женщины будут вскоре привлечены к производственной работе.

Несмотря на то что конференция прошла успешно и доказала эффективность свободного обсуждения с народом важнейших из сегодняшних экономических проблем, оптимистический настрой, с которым она закончилась, был не слишком оправдан. Показатели экономического роста были недовыполнены на 10- 15 процентов, да и дефицит должен был сохраниться, хотя жизненный уровень населения в 1961 году стал на 60 процентов выше, чем в 1959-м. Кроме того, как заметил майор Альберто Мора, немногие страны так сильно зависели от внешнего рынка, как Куба, весь внутренний продукт которой, особенно сахар, в большей или меньшей степени экспортировался.

Речи Че были почти сразу же опубликованы издательством "Обра революсьонариа" в виде отдельной брошюры. Сам автор считал, что она поощряла народ контролировать правительство, хотя позднее сказал:

"В конце 1961 года мы провели совещание ради критики и самокритики, и я думаю, что потребуется полтора года, чтобы выполнить его решения. Однако они так и не были проанализированы. Это было ошибкой бюрократии, ведь в действительности... существовал ряд проблем, на которые указывали существующие недостатки и трудности экономики, но о них не состоялось конструктивного разговора". Не удовлетворясь непосредственным эффектом от этих дебатов Че продолжил свою кампанию за открытость и 6 октября выступил с лекцией, в которой дал ядовитое самокритичное описание того, как партизанский стиль жизни возобладал в работе его министерства.

"Немедленные действия, безусловное выполнение обязанностей. Если тогда приходилось выполнять чудовищное количество работы... то сейчас имеется иной груз обязанностей, которые отнимают практически целый день и даже затрагивают

время сна. Не остается ничего другого, как только думать о работе. Все это постепенно ведет к абстрагированию от реального мира и человека как индивидуума; людей больше не воспринимаешь как людей с их человеческими проблемами, но как солдат, как незначащие мелочи в упорной непрерывной войне, которую необходимо выиграть. Состояние напряжения также является постоянным. Наши умы заняты великими проблемами, рядом с которыми повседневная действительность постепенно забывается. Это незаметно и неосознанно произошло со мною, точно так же, как случается со многими из нас... Я могу честно сказать, что не знаю ни единого кабаре, кинотеатра, пляжа или дома в Гаване, не знаю, как на Кубе живут люди... Нам нужно что-то делать, чтобы дать этому организму возможность стать немного больше живым, не оставаться настолько де-гуманизированным".

На этом самокритика прекратилась, и Че перешел в наступление: "На днях я впервые в жизни совершил поход по конторам, начав с восьмого этажа". Люди пришли в панику - они собрались послушать радио.

"Оказалось, что здесь существуют все разновидности безделья - прямое безделье людей, не испытывающих желания работать и не работающих, безделье людей, приходящих на работу поздно и уходящих вовремя, безделье людей, остающихся допоздна и использующих эти задержки как оправдание позднего прихода назавтра, но на деле не выполняющих свои обязанности, безделье тех, кто выходит утром поесть, а заодно повидаться с друзьями в городе... На одном этаже я обнаружил товарища, читающего газету. Не волнуйтесь, я не запомнил его в лицо".

Но и самому Че потребовалось время, чтобы включиться в соревнование с шахматным гроссмейстером Хосе Луисом Барре-расом. Че написал в газету "Революсьон" письмо, где жаловался на то, что шахматные задачи, которые Баррерас публиковал в этой газете, слишком уж легки. Гроссмейстер принял вызов и в следующем же номере поместил трудную композицию, где требовалось найти мат в три хода. Через три дня он получил анонимное письмо, в котором приводился целый ряд решений задачи, а вскоре после этого ему позвонил по телефону Че. Шахматы были единственным излишеством, которое он позволял себе в те дни. Несколькими месяцами раньше он принял участие в турнире, и сам Баррерас сказал о его игре: "Че действует активно и смело ради достижения быстрого преимущества, а не вследствие тщательного планирования на много ходов вперед". Как-то раз Че выиграл у Рохелио Ортеги, применив собственную разновидность ферзевого гамбита; друзьям он сказал, что дал

дебюту название "геваровский".

Но шахматист Гевара посвятил конец 1961 года работе в Министерстве промышленности, а также приложил много сил для усиления кампании по обучению грамоте - одной из важнейших задач революционного правительства. 16 декабря он поднял красно-белый флаг "Неграмотных нет" на военной базе Сан-Хуан в Гуане, а 23 декабря принял участие в заключительной церемонии кампании. Результаты были поразительными: семьсот семь тысяч человек научились читать и писать, и только 3,9 процента населения оставались неграмотными после всего лишь двух лет революции и одной массовой кампании.

1 января 1962 года на площади Революции в Гаване состоялось празднование второй годовщины революции. Днем позже Че, не сообщая никому, принял участие как второй пилот ведущего самолета в выполнении групповой фигуры высшего пилотажа "V" для Победы" (Victory). Когда групповое пилотирование закончилось, пилот передал ему управление. Личный пилот Гева-ры Элисео де ла Кампа давал ему уроки вождения самолета начиная с конца 1959 года, а теперь Че получил право носить пилотские крылышки. Он так высоко ценил эти знаки различия, что только их носил рядом со своей звездой майора.

3 января он вернулся к своим обязанностям министра. Упорными усилиями, собрав воедино разрозненное оборудование, ему удалось открыть кондитерскую фабрику. Он был особенно рад тому, что новое предприятие выпускает потребительские товары, так как без производства все большего количества товаров для народа не могло быть никакого социализма.

Известно, что Че практически не знал развлечений, не считая того, что в обществе Алейды и своих телохранителей крайне редко посещал кинофильмы. Каждый раз у него возникала небольшая проблема: кинотеатр не желал брать с него денег за билеты.

"Это же не твое, парнишка, это народное, так почему бы не взять с меня деньги?" - возражал он.

6 января Че выступил с речью перед портовыми рабочими. Он объяснил потребность страны в импорте, рассказал о возможностях по замене импортных товаров, о потребности в техническом образовании. Страна, зависимая от импорта, "не развивается, а только выживает". Он также призвал к увеличению производительности труда, обосновав это не национальными соображениями, а солидарностью с другими рабочими, безработными и кампесинос: "Создать задел для других".

Казалось, что он отказался от своей манеры отеческой беседы, которая так запомнилась в первое время революции, и теперь говорил напрямик с людьми, имевшими определенные обязательства. Портовым рабочим нужно было объяснить, что товары, которые они разгружали, ввозились с определенной целью, имели ясное предназначение и четкий смысл, что рабочим нужно было каждый день прикладывать хотя бы небольшое усилие для того, чтобы положение дел изменялось к лучшему. Че завершил выступление прямым обращением к духу коллективизма рабочих: "Задача очень трудна, настолько трудна, что никто в одиночку не сможет справиться с ней. Мы или выполним ее совместно, или она так и не будет выполнена". Тогда же Че написал статью "Индустриальные задачи революции на ближайшие годы". Ему прежде всего было необходимо привести в порядок собственные мысли, которые претерпели значительные изменения за последние месяцы. После описания проблем, которые были обнаружены в ходе планирования, он заговорил об этом виде деятельности как о новой игрушке, нуждавшейся в переделке: процесс планирования следовало рационализировать и скоординировать, чтобы его можно было применить к "возможности производства сырьевых материалов и нашей истинной потребности в импортной продукции".

В статье был провозглашен отказ от принципов, положенных в основу начальных действий министерства (быстрая индустриализация, основанная на использовании фабрик, поставленных из Восточной Европы для производства замены импорта), и предсказывалось, что индустриальное развитие замедлится вследствие необходимости признать приоритет других направлений социальной революции: транспорта, здравоохранения, образования, сельского хозяйства (потребление подскочило) и, естественно, хотя Че не упоминал об этом, производства оружия и оборудования для армии. В список первоочередных потребностей индустриального развития он поставил на первые места морской судовой транспорт, металлургию, электронику, а также химические вещества, необходимые для производства сахара.

Он также сформулировал важнейшую проблему, разрешение которой следовало отложить на будущее: плачевное несоответствие заработной платы. Вследствие старой практики, при которой в каждом секторе экономики существовали собственные масштабы заработной платы, величина оплаты работ, требовавших одинакового уровня квалификации, могла очень сильно различаться. Выравнивание уровня заработной платы путем ее снижения означало бы отрицание достижений в

развитии того или иного сектора, а выравнивание путем повышения неизбежно затопило бы рынок деньгами, которые также неминуемо оказались бы съедены инфляцией.

Вскоре Че вернулся к проблеме разницы в оплате труда на совещании в министерстве. Там он подчеркнул, что рабочие постоянно требуют выравнять заработную плату, так как хотя отрасли промышленности были провозглашены равноправными, существовала весьма значительная разница между теми рабочими, чьи союзы в прошлом оказались в состоянии выдвигать и успешно отстаивать требования о повышении заработной платы, и теми, кто трудился в низкооплачиваемых отраслях.

Однако Че отвергал возможность выравнивания заработной платы путем повышения. Он настаивал: безделье является следствием того, что не имеет никакого значения, есть у вас деньги или нет, так как наиих все равно нечего купить. Поэтому зарплату следовало понизить, но кто посмел бы сделать это? "Я не возьму на себя такую ответственность. Заработная плата находится не на реальном уровне и ведет к появлению черного рынка, спекулянтов, всей этой гнили... Мы не можем вводить большое количество денег в обращение, если не имеем товаров, на которые эти деньги можно было бы потратить".

В начале 1962 года в отношениях со вновь обретенными союзниками возникла напряженность. Фиделю не слишком нравился советский посол, симпатизировавший Франки. Советский технический персонал возражал против кубинских методов; хуже того, редакторы ведущих советских газет "Правда" и "Известия" подвергли цензуре текст интервью, взятого у Фиделя, так как вместо разговора о мирном сосуществовании - в то время этим термином обозначалось одно из основных положений внешней политики СССР - кубинский лидер заявил, что с янки невозможно никакое сосуществование.

И тогда, на фоне усложнившихся отношений с Советским Союзом, администрация Кеннеди решила покончить с кубинской революцией. В феврале генерал Эдвард Лэнсдэйл был назначен руководителем "Операции Мангуст", план которой предусматривал начать в августе или сентябре 1962 года на Кубе пар-'тизанские действия, которые в первой половине октября должны были перерасти в открытое восстание, а к концу месяца у власти обязано было оказаться новое правительство. Руководителям "Проекта Куба" задавали вопрос: допускают ли они возможность прямого военного вмешательства, а ответ гласил, что это ключевое решение все же должно быть принято. Реальностью же оказались те 716 диверсионных акций, совершенных ЦРУ в период с февраля по октябрь, которые стоили

Кубе множества человеческих жизней и миллионов песо.

На фоне всей этой напряженности Че продолжал вести свою собственную войну за новый стиль работы и культуру трудовой солидарности. Он сформулировал свои мысли по поводу стимулирования труда на заседании коллегии Министерства промышленности. На вопрос, должны ли материальные стимулы, такие, как вещевые премии или деньги, получить приоритет перед моральными стимулами, он сказал:

"Вообще-то так случается, что в странах, находящихся на ранних стадиях революции и революционного возбуждения, моральные стимулы оказываются сильнее, чем материальные. И те и другие тесно связаны между собой... Мы не собираемся отказываться от материальных стимулов или же устанавливать такое положение, при котором моральные стимулы должны максимально долгое время использоваться Для поощрения рабочих... делать моральные стимулы главными".

Он привел пример с рабочими, перевыполнившими плановые задания, которые в качестве награды получили не денежные премии или повышенную зарплату, а были отправлены для обучения в техническое училище. Вернувшись на работу после обучения, повысив свою квалификацию, они получили более ответственные рабочие места и, соответственно, более высокую заработную плату.

Здесь же он снова говорил о своем стиле работы. "Мой способ делать дело состоит в том, чтобы всегда говорить правду. Я лично считаю, что это лучшее из того, что может быть". Он вскользь посетовал, что работает по семнадцать часов в день и, полностью захваченный проблемами министерства, почти не имеет времени для участия в деятельности национального руководства ОРО, экономической комиссии ОРО или же Центрального планового комитета - Че входил во все эти организации. Может быть, именно поэтому при обсуждении политической ситуации он заявил, что единство кубинского революционного командования является одним из величайших достижений момента: "Нет даже малейших разногласий по поводу власти". Эта точка зрения была несколько наивной; возможно даже, что это мнение явилось порождением его собственного отвращения к использованию власти ради собственной выгоды. Полностью погруженный в работу министерства, он, несомненно, мог заметить далеко не все из того, что происходило вокруг. А как раз в это время бюрократия из НСП во главе с Анибалем Эскаланте захватывала руководящие места в ОРО, и частенько вместо споров и диалога преобладали сектантство и авторитаризм.

Кампесинос, в ходе революционной войны занявшие посты в

Движении 26 июля, заменялись бюрократами из числа марксистов, производились незаконные аресты, устраивались облавы на гомосексуалистов. Множились репрессии и злоупотребления властью. Итальянский журналист Ксаверио Тутино писал:

"Судя по тем авторитарным методам и сектантству, которое они продемонстрировали в течение последних месяцев - должностные лица занимали дома, использовали персональные автомобили, превращали церкви в склады, - бюрократы из НСП были по складу ума в большей степени чиновниками, чем революционерами... Кадры времен Сьерры были отстранены от своих должностей под тем предлогом, что не были достаточно политически подготовлены".

Несмотря на свои высказывания по поводу единства, Че, вероятно, понял, что в партии что-то не так. Он доложил, что изучил списки награжденных рабочих. "Сколько из них было бойцов ополчения? Почти все. Сколько было членов партии? Почти никого".

В то же время к Че в составе Центрального планового комитета присоединился Ольтуски. Позднее он так отзовется о непростой политической обстановке тех дней:

"Охваченный яростным приступом сектантства, какой-то экстремист в присутствии Че принялся нападать на Движение 26 июля члены которого якобы захватили все руководящие места. Недолго думая, я осмелился возразить: "Это правда, мы мало знали о марксизме и не входили в партию, но, возможно, это была благодарность за то, что мы свергли Батисту". Тому пришлось признать, что я прав. Но всякий раз, когда я сам вел себя как сектант наоборот и критиковал кого-нибудь из старых коммунистов, Че ставил меня на место".

В январе 1962 года аргентинский поэт Хуан Сельман принял участие в коллективном интервью Че и других аргентинцев - журналистов и членов профсоюза. Он записал:

"В четыре утра в Министерстве промышленности. У многих из присутствовавших наблюдался большой энтузиазм по отношению к революции. Че обрисовал положение дел в истинной перспективе: он не хотел, чтобы события оказались идеализированными. "Нас было не более 2000 человек, некоторые были очень хорошими революционерами, но, бросив борьбу на полпути, покинули партизан, так как затосковали по матерям или не любили воды"...

Кто-то говорил о героизме партизан, воевавших исключительно пешим порядком.

Я вполголоса сказал моему аргентинскому коллеге: "Когда по

тебе стреляют из пулемета с воздуха, безопаснее всего идти пешком". Че услышал меня и ответил: "Верно, но сначала нужно оказаться там".

В то время Че столкнулся с серьезной проблемой повсеместной нехватки кадров. Он сказал, что завидует китайцам: война, которую они вели, была намного дольше, и благодаря этому им удалось завербовать десятки тысяч человек.

Он настойчиво просил нас высказывать свои замечания. Мальчишка-делегат, рядовой сотрудник большой аргентинской компании, сказал, что обратил внимание на то, как мало текстильных станков обслуживает каждый рабочий. Дело не в том, чтобы заставлять кого-нибудь перерабатывать, продолжал юноша, но он считает, что если рабочие будут обслуживать большее количество станков, выпуск продукции увеличится. Че ответил, что когда в 1959 году революционеры вошли в Гавану, то они по неопытности беспрекословно соглашались со всеми основными требованиями профсоюзных руководителей, чтобы, достигнув соглашения с ними, добиться усиления движения. Он рассказал анекдот из современной жизни: несколько дней тому назад, проверяя ремонтные работы в здании своего министерства, он встретил десятника, и тот сказал: "Ну что, майор, люди теперь работают почти так же, как и при капитализме".

Несмотря на множество проблем, возникавших в ходе практической работы, и множество ошибок, нет ни малейшего сомнения в том, что революционный пыл помогал развитию производства. Выпуск промышленной продукции (за исключением сахара) в течение первых трех лет революции возрос на 23%, "что было очень внушительным показателем", тем более в такой трудной ситуации.

Вечером 23 января Че выступил по телевидению с очень резкими словами. Он предсказал неудачу в уборке урожая сахарного тростника. Добровольцы, сказал он, попытались компенсировать нехватку рабочей силы на сафре, и добавил, что рабочие участки бригад, отправляющихся на две недели убирать тростник, будут на это время прикрыты самыми квалифицированными из товарищей-рабочих, чтобы фабричное производство не уменьшилось. Он обратился к зрителям с призывом учиться организовывать работу, .вспомнив при этом хаос 1961 года в перевозке урожая и заметив как бы вскользь, что некоторые добровольцы рубят стебли тростника слишком высоко и поэтому на будущий год он плохо растет.

Че привел расчеты, из которых следовало, что из-за засухи и недостатка трудовых ресурсов (а также отвода части земель под другие культуры, о чем он не упомянул) даже при удачных

обстоятельствах выход сахара составит в целом 5,2 миллиона тонн. Его оценка оказалась недалека от истины, а в своем предсказании значительного падения Че оказался прав. Урожай 1962 года составил 4,8 миллиона тонн, на 2 миллиона ниже, чем в предыдущем году.

Рене Дюмон вслед за многими другими критиками добровольной работы сказал, что, хотя работа на уборке сахара и была бесплатной, затраты на перевозку оказались выше полученной выгоды. Кроме того, неопытные резчики уродовали стебли, отчего тростник не мог отрастать заново, а тем из добровольцев, кто оставался на более долгий срок и осваивал работу, выплачивали их средний промышленный заработок, который был гораздо выше заработка профессионального рубщика тростника. Студенты из провинции Орьенте, выехавшие на уборку кофе, смогли собрать лишь 7,8 % срезанного кофе; каждый из них в день набирал лишь по 1,2 коробки, в то время как любой из сельскохозяйственных рабочих набирал по 7 коробок. По мнению Дюмона, помимо множества пропавших учебных дней значительные потери при сельскохозяйственной работе студентов возникали из-за хищений и прогулов. Несомненно, такое восприятие добровольной работы получило очень широкое распространение. Обвинения становились еще серьезнее в устах критиков добровольной работы, особенно из НИАР и ОРО, поддерживавших советскую идею рационализации производства на основе материального стимулирования рабочих.

* * *

В речи 4 февраля Фидель обнародовал Вторую Гаванскую декларацию.

Многое в тексте этого заявления совпадало со взглядами Че относительно вопиющей потребности Латинской Америки в революции. Немногим позже, 25 февраля, была создана Экономическая комиссия национального руководства ОРО, которую возглавлял триумвират: президент Освальдо Дортикос, Карлос Рафаэль Родригес, руководивший НИАР, и Че. Одной из первых задач новой организации должно было стать участие в дебатах по поводу будущей политики регулирования доходов. Родригес, бывший тогда оппонентом Че, рассказывал:

"И эти три товарища при активном содействии министра труда Аугусто Мартинеса Санчеса взялись за проблему заработной платы. Че очень настаивал на том, что рабочий, перевыполнивший план, не должен получить столько же, сколько тот, кто находится на более высоком уровне тарифной сетки. Это нужно было для того, чтобы рабочий, если он желал заработать больше, имел мотивацию повышать квалификацию и переходить

на следующий уровень. Че отчаянно защищал свою позицию".

Тогда Родригес предложил, что раз необходимо поднять производительность труда, а рабочие могут зарабатывать больше благодаря экономическому стимулированию, то и следует дать им возможность зарабатывать больше. Иначе страна может потерять ту работу, "которую люди не захотели бы делать, раз мы не платим за нее дополнительно". Че защищал идею морального стимулирования и повышения квалификации. "Мы в конце концов приняли предложение Че".

Назревавший политический кризис достиг апогея 8 марта, когда был опубликован список лиц, которым предстояло составить национальное руководство Объединенных революционных организаций (ОРО). Это явилось кульминацией процесса, начавшегося в декабре 1961 года. Количество представителей НСП в списке оказалось весьма значительным, непропорциональным участию этой партии в революции. Не было ли это своеобразной платой за советскую помощь?

Че входил в число двадцати пяти руководителей наряду с Фиделем и Раулем Кастро. Кроме них, в списке были Рамиро Валь-дес, Османи Сьенфуэгос, Карлос Рафаэль Родригес, Аиде Санта-мария, Эмилио Арагонес, Армандо Харт и президент Освальдо Дортикос. От Директората был только один представитель, Фау-ре Чомон. На местном уровне доля представителей НСП была еще больше.

Фидель позднее скажет: "Единственные, кто смог организоваться здесь, были люди НСП, и то же самое произошло в провинциях. Кто был провозглашен провинциальным секретарем ОРО? Ну конечно, прежний секретарь НСП!" Но преобладанию НСП в новом списке не суждено было оказаться долгим.

10 марта на заседании коллегии Министерства промышленности Че сказал, что провел три предшествующих дня на встрече руководства ОРО и так и не смог понять смысла этого собрания. Далее он назвал своим соратникам главные проблемы партийной структуры: недостаток самокритики и намерение управлять всем по советской партийной модели. Он сказал, что Министерство промышленности - это "орган управления, который становится исполнительным органом. Отсутствует всякая критика".

На том же заседании Че сообщил, что Фидель отдал приказ руководству ОРО осуществить полномасштабное нормирование продовольствия. "Мы дома больше не едим мяса". У себя дома Че давно уже ввел строгое нормирование, хотя прежде не говорил об этом. "Теперь, когда мы чувствуем проблему собственными животами, действия станут более жесткими и мы сможем с

полным основанием высоко держать головы".

Че был действительно сыт по горло неурядицами в сельском хозяйстве:

"Вот мы, первая социалистическая страна в Латинской Америке, авангард Латинской Америки, маяк для Латинской Америки, и у нас нет ни корневищ маланги, ни юкки, нет ничего - и если здесь пайки более или менее терпимые, что ж, поезжайте в Сантьяго, где положено только четыре унции мяса в неделю и ничего нельзя купить, кроме бананов и половинной порции сала".

Затем последовала критика ОРО: "ОРО пребывает в растерянности, господа. У ОРО нет необходимости поставлять цемент; ОРО не нужно быть агентством по трудоустройству или обеспечивать снабжение мясом. ОРО - это движущая сила революции, а не ее управленческое оружие".

Че закончил свое выступление загадочной фразой: "Ладно, скоро все это переменится".

Товарищи Че, входившие в коллегию Министерства промышленности, конечно, не могли знать, что скрывалось за словами руководителя. Объяснение, возможно, приведено в статье журналиста Карлоса Марии Гутьерреса, одного из старых друзей Че со времен войны в Сьерре. Он написал, что Че входил в состав тайного комитета, который вел расследование попытки монополизации власти, осуществлявшейся Анибалем Эскаланте и группой из верхушки НСП, в первую очередь в Министерстве иностранных дел, Министерстве государственной безопасности, Министерстве просвещения, НИАР и Повстанческой армии.

И еще одно высказывание Че оказалось не таким уж понятным: "Революция должна продвигаться в бешеном темпе. И поэтому тот, кто устает, имеет право уставать, но не имеет права находиться в ее авангарде".

Через три дня после выступления Че в узком кругу руководителей Министерства промышленности Фидель произнес речь в университете. В своем гневном выступлении он впервые использовал слово "сектантство"; именно так он охарактеризовал ту тенденцию, которую подверг критике. Спустя еще три дня в выступлении перед грамотными рабочими он вновь обрушился на сектантство.

22 марта был обнародован новый список руководства ОРО. Теперь в нем был только один член НСП , Блас Рока. Все остальные, включая Че, были представителями Движения 26 июля. Фидель и Рауль Кастро заняли посты первого и второго секретарей. Это оказалось лишь первым шагом. В телевизионном выступлении 26 марта Фидель яростно обрушился на сектантство в ОРО и объявил о выводе из состава руководства Анибаля

Эскаланте. Фидель обвинил его в создании партии политических назначенхев, у которых нужно было бы на все спрашивать разрешение, месте с Эскаланте политическую сцену покинула целая группа коммунистов.

Немецкий поэт и эссеист Ганс Магнус Энценсбергер позже сказал, что это был единственный способ остановить деятельность бюрократии НСП по созданию автономной властной структуры. Но из-за процесса милитаризации потребности быть начеку в ожидании ежедневно возможной агрессии и иерархической структуры кубинского руководства складывалась политическая структура, в которой отсутствовал принцип взаимозависимости и взаимоограничения законодательной и исполнительной власти. Недостатки этой структуры не могли объясняться только авторитарным стилем сталинистов.

* * *

Той весной Че получил плохие новости: его старый друг Эль Патохо погиб в бою в Гватемале. Вскоре после этого Че получил из Мексики посылку: чемоданы с его старой одеждой и блокнотом, в котором он когда-то писал стихи. Позднее он напишет:

"Несколько дней тому назад телеграмма, сообщавшая о событиях в Гватемале, принесла известие о гибели нескольких патриотов, среди которых был Хулио Роберто Касерес Вальс.

В этой тяжелой работе революционера, в гуще классовой борьбы, сотрясающей континент, смерть является рядовым событием. Но о смерти товарища хороших и плохих времен всегда больно слышать, Хулио Роберто был моим большим другом..

Когда мы прибыли на Кубу, то жили в одном доме, как старые друзья. Но этой близости не суждено было оставаться долгой. Видя, что у Эль Патохо за полночь горит керосиновая лампа, я думал, что он всего лишь изучает кое-какие работы о своей стране. Но однажды Хулио сказал мне, что уезжает: время настало, и он должен выполнять свои обязанности.

Эль Патохо не имел никакого военного образования; он просто чувствовал, что долг зовет его, и отправился на борьбу в свою страну, чтобы попытаться там как-то повторить нашу партизанскую войну. У нас состоялась долгая беседа - редкость в те революционные времена на Кубе. Я ограничился тем, что искренне рекомендовал ему соблюдать три основных положения: постоянная подвижность, постоянное недоверие, постоянная осторожность... Они составляли сущность нашего партизанского опыта. Это было единственным, что я мог дать моему другу, кроме рукопожатия. Мог ли я посоветовать ему не ездить? Какое

право я имел на это, когда мы сами попытались сделать нечто, по нашему собственному мнению, невозможное, и что, как мы теперь знаем, оказалось возможным?

Снова у нас осталось горькое ощущение поражения".

Это горькое ощущение должно было остаться у Че. Он чувствовал, что положение во всей Латинской Америке вопиет, призывая к действию, но, не считая борьбы против Эскаланте, обязан был посвящать каждый свой день кубинской экономике, шатавшейся под тяжестью настоятельной необходимости обеспечить многократно выросший потребительский спрос населения.

Дефицит в промышленном секторе к марту 1962 года распространился на такие товары, как женское белье, мужские рубашки и обувь. Потребительский спрос на новые товары возрастал, сверхпотребление одних товаров сопровождалось нехваткой других. Дети имели право на стакан молока в день, но взрослые получали в неделю лишь одну пятую кварты1. С другой стороны, множество учащихся государственных школ получало дополнительный продовольственный паек. Бернстейн сообщал: "Действительно, большинство кубинского населения питалось намного лучше, чем в 1959 году, несмотря на нормирование продуктов, но городские рабочие и средний класс проигрывали материально, хотя и могли восполнить дефицит, проедая свои заработки.

Че с гневом говорил на производственном собрании:

"Мы создали множество богатых людей, которые до сих пор ничего не производят... из-за ужасно задуманных и безобразно проведенных инвестиций, из-за огромных расходов, которые мы понесли. У людей есть деньги, но все уже съедено; мы ели коров, а теперь у нас нет и маланги; имеется и множество других проблем... Мы несем ответственность и должны откровенно говорить об этом... Рабочий класс хочет осудить нас? Хорошо, пусть он осуждает нас, сменяет нас, расстреливает нас или делает что-нибудь еще. Но проблема - здесь".

Возможно, Че был слишком строг к себе. Ошибки министерства были естественным следствием неопытности; неправильные инвестиции были сделаны в попытке создать замену импорта, а оборудование фабрик, поставлявшееся из Восточной Европы, было предназначено для сырья, которого на Кубе по большей части не имелось. Однако существующая промышленность продолжала функционировать, хотя это и могло показаться невероятным в условиях блокады и всеобщего дефицита. И наконец, в качестве социальных приоритетов были приняты здравоохранение и образование. Зато в 1962 году

приоритеты были переориентированы, и хаотичность в оплате труда постепенно преодолевалась. Фидель со своими сторонниками лишил поднявшую голову сталинистскую партию возможности захватить верх в ОРО и диктовать свою волю обществу в целом. Все это было трудным и сложным делом, но мысль Че о "коммунизме без партии", как спустя несколько лет выразится лидер итальянских левых Россана Росанда, нашла сильный отклик в глубинных слоях кубинского общества.

13 апреля завершила работу пленарная сессия, посвященная уборке сахара. "Не опасаясь того, что могут сказать враги, мы должны признать, что урожай был скудным". Главной проблемой была ужасная засуха; кроме того, "мы работаем очень неэффективно". Больше того, существовала "вражда между сельским хозяйством и промышленностью... Мне кажется, что сельское хозяйство несет большую часть вины за ту ссору, которая у нас происходила". Что-то положительное Че сказал лишь при обсуждении положения в Матансасе, где нападения контрреволюционеров, поджигавших посевы, повлекли в ответ впечатляющую реакцию населения.

Через два дня на церемонии закрытия конгресса Совета кубинских рабочих Че задал аудитории вопрос: почему инициатива критики идет сверху, от министерства? "Откуда исходит эта апатия? Почему главные задачи, огромные задачи, стоящие перед рабочим классом, должны появляться в виде бюрократических инициатив?" Он объяснил, что это пережиток эры сектантства, того разрыва между предводителями и широкими массами, при котором функционеры говорили за народ. Аргентинский журналист Адольфо Хильи более подробно разобрал эту проблему два года спустя. Он охарактеризовал кубинские профсоюзы как бюрократическую вертикаль, не способную к выражению потребностей рабочих, объединенную с государством в качестве скорее его арьергарда, а не передового отряда трудящихся.

30 апреля Че принял участие во встрече с рабочими в Театре Гарсия Лорки, где было объявлено о передаче наиболее отличившимся рабочим из всех отраслей промышленности сорока пяти домов. Один из рабочих отказался от подарка, сказав, что дом У него есть, а этот нужно предоставить кому-нибудь другому. Че публично поздравил его. Есть какая-то ирония в том, что на мероприятии, посвященном материальному стимулированию, ему пришлось поздравить единственного человека, да и то отказавшегося от стимула. Но эта ирония судьбы характерна для человека, у которого никогда не было денег в кармане. {21}

31. Стремление сбивать самолеты.

4 мая 1962 года Че встречался с делегациями зарубежных профсоюзов, прибывших на празднование Первого мая Как обычно, обстановка была весьма непринужденной. Че сидел на столе, засунув свой зеленый берет под портупею, и рассказывал гостям о мрачных перспективах Кубы. Промышленность зависела от импорта, который, в свою очередь, зависел от экспорта. Прирост выпуска промышленной продукции съедался из-за колоссального увеличения потребительских возможностей кубинцев.

Несмотря на то что нормирование осуществлялось уже в течение года, потребление было выше, чем когда-либо. Очень серьезную проблему представляло снижение объемов заготовки сахарного тростника; кампесинос уходили в города, бросая поля на произвол судьбы, а те из крестьян, которые теперь стали землевладельцами, предпочитали сеять другие культуры, а не тростник. Деньги стоили все меньше, потому что несоответствие между объемом производства и денежной массой, находившейся в обращении, вело к инфляции. Пережиток прошлого - разнобой в оплате одинакового труда - все еще существовал.

Это была откровенная и свободная дружеская беседа, в ходе которой широко критиковалась кубинская экономика, но не было никакого пропагандистского подтекста.

Через неделю Че удалось осуществить свою мечту как шахматиста: во время турнира памяти Капабланки он сыграл в сеансе одновременной игры против чемпиона СССР международного гроссмейстера Бориса Спасского (будущего чемпиона мира). Он принимал участие и в других сеансах одновременной игры, проводившихся в Министерстве промышленности, в частности сыграл против еще более знаменитого аргентинского гроссмейстера Мигеля Найдорфа, с которым уже встречался за доской в юности. Че курил сигару; когда он выиграл несколько партий, кто-то из присутствовавших на соревновании сказал ему, что "чем сигара меньше, тем она лучше на вкус". Че не мог представить себе, что в это самое время ЦРУ пыталось придумать, как отравить его и Фиделя Кастро. Подобно многим другим, этому плану не суждено было осуществиться.

В речи, обращенной к служащим Министерства государственной безопасности, Че яростно обрушился на мысль о возможности осуществления революции в Латинской Америке мирным путем. Он назвал эти надежды "занятием для ослов",

учитывая слабость местной буржуазии, которая не собирается противостоять империализму. "Латинская Америка сегодня - это вулкан. Он извергается, но из него доносится мощный подземный гул, объявляющий о приближении революции". Он охарактеризовал "Союз прогресса" как попытку империалистов остановить революционный порыв народов, распределяя незначительную долю своей прибыли среди креольской олигархии, составляющей основу эксплуататорского класса на континенте.

Че сформулировал два вывода: во-первых, партизанская война предоставляет возможность одержать верх над регулярной армией и, во-вторых,

"природа этой борьбы общеконтинентальна. Может ли эта новая стадия в эмансипации Латинской Америки быть представлена как противоборство двух местных сил, борющихся за власть надданной территорией? Очевидно, нет... Янки вмешаются, поскольку борьба в Латинской Америке имеет решающее значение".

Этим двум идеям предстояло оказать заметное влияние на его будущие действия.

В этой же речи он затронул вопрос о другой серьезной проблеме, относящейся к государственной безопасности. Он резко критиковал эксцессы, допущенные партийным руководством в Матансасе, и заявил о деградации Комитетов защиты революции (КЗР), где грубо обходились с людьми. КЗР, по его словам, превратились в логово оппортунизма. Хотя они были созданы людьми, которые страстно защищали революцию, но существовали изолированно от этой самой революции. Он сказал служащим Министерства безопасности, что им не следует идти тем же путем - то есть изолироваться от народа - и забывать, что "запас корневищ маланги значит для нас гораздо больше, чем вы". Кроме того, они должны были помнить, что наряду с "контрреволюционером, ведущим борьбу против революции, контрреволюционером является и господин, который использует свое положение для того, чтобы добыть себе дом, затем добыть два автомобиля, затем перестать соблюдать нормирование и иметь все то, чего нет у народа".

Против кого он выступал? Анибаль Эскаланте и старая бюрократия Народно-социалистической партии были устранены с пути. Кем были новые бюрократы, выступавшие против равенства?

* * *

20 мая у Че родился сын, получивший имя Камило, но у отца оказалось очень мало времени для празднования этого события,

"а горизонте собирался жестокий шторм. Напряженность в отношениях между Кубой и Соединенными Штатами Америки грозила вот-вот перерасти в глобальную ядерную войну. За пару дней до рождения сына Че выступил с речью, в которой сказал-"Империалисты знают, а может быть, и не знают, что Советский Союз способен защитить нас... Если они ошибаются, то империализм будет разрушен до основания, но в таком случае и от нас мало что останется. Именно поэтому мы должны быть целенаправленными борцами за мир". А что же был способен сделать Советский Союз?

20 мая Фидель пригласил Че на встречу в очень узком кругу: кроме Че, на ней присутствовали сам Фидель, его брат Рауль Кастро и президент Освальдо Дортикос.

Фидель сообщил, что у него состоялся разговор с советским маршалом Бирюзовым. Маршал передал предложение советского премьер-министра Никиты Хрущева при необходимости усилить обороноспособность Кубы ядерными ракетами. Фидель сказал в ответ, что примет решение несколько позже.

Не существует никаких записей или протоколов этой встречи. Неизвестно, что обсуждали эти четверо, было ли между ними согласие или спор. Спустя тридцать лет, уже в 1992 году, Фидель сказал: "Нам не понравилась мысль о ракетах, они грозили повредить образу латиноамериканской революции. Таким образом мы превращались в советскую военную базу. Но при этом мы считали, что благодаря ракетам социалистическая Куба станет сильнее". Так или иначе, но решение, принятое на этом совещании, оказалось в пользу советского предложения. Кубе предстояло стать ядерной.

* * * о

Анекдоты о Че продолжали множиться. Однажды ночью он ехал на своем "Шевроле", сам сидел за рулем и случайно столкнулся со стариком, который ехал на велосипеде. Че остановил автомобиль и подошел к бедняге, который рассматривал свой лежавший в грязи велосипед.

"- С тобой все в порядке?

Старик поднял голову и узнал Че.

- Это ты наехал на меня?

-Да.

- Какая удача. Теперь я смогу рассказать старухе, как Че Гевара вывалял меня в грязи".

Еще одна из историй о Че начинается с того, как Фидель пришел на заседание Центрального планового комитета и протянул Че армейский нож со множеством лезвий и приспособлений швейцарского производства: "Смотри, Че, что

мне дали".

Пока шло обсуждение, Че играл с ножом, открывая и закрывая многочисленные лезвия. В конце концов он положил его на стол между собой и Фиделем, возможно, на какой-то дюйм ближе к себе.

Настала очередь Фиделя играть с ножом. Через некоторое время он тоже положил его на стол между собой и Че; тот взял его и снова принялся возиться с лезвиями. И так все время заседания, четыре или пять часов, они передавали нож друг другу. Когда Фидель наконец объявил о закрытии заседания и встал, перочинный нож остался лежать посреди стола. Кастро направился к двери, вспомнил о ноже и возвратился. Че все еще сидел сложа руки и провожал взглядом премьер-министра. Фидель посмотрел на него, взял нож, еще немного подумал и сказал без всякого энтузиазма: "Забери его, черт возьми, он твой".

Че взял подарок. Рассказчик истории, пересказывавший ее с чужих слов, не знает, улыбнулся ли он при этом.

К середине июля возникли серьезные осложнения в фармацевтической промышленности.

Экономическая комиссия ОРО обнаружила избыточные запасы некоторых сырьевых материалов при том, что промышленность требовала импорта того же самого сырья. Комиссия предприняла расследование, которое было проведено в крайне неудачном стиле; все, кто оказался втянут в этот процесс, включая самого Че, чувствовали себя оскорбленными.

Че объяснял на заседании коллегии, что не мог принять никаких мер против руководителей предприятий, так как не знал объемов имевшихся у них запасов; это была почти всеобщая проблема.

Однако он должен был наказать их за отказ признать прав-ДУ - даже в том случае, если эта правда исходила от атамана шайки головорезов. В конце концов были приняты меры к руководителю этой отрасли промышленности. "Мы имеем в государственной администрации все худшее, а не лучшее".

На этом же заседании Че предъявил чрезвычайно серьезные претензии к профсоюзам. "Большинство профсоюзных руководителей - это люди, не имеющие никакой массовой поддержки". Поэтому они действуют как перестраховщики, передавая нажим наверх и вниз: "Рабочие говорят... Министр говорит". Самокритично подходя к собственным промахам, Че сказал: "Сейчас тяжелые времена. Мы не можем сейчас позволить себе штрафовать за ошибки; возможно, через год уже сможем. Кто собирается уволить министра промышленности то есть его самого, который в минувшем ноябре подписал план, где

говорится, что будет сделано десять миллионов пар обуви и кто его знает что еще сверх того?"

Он также провел анализ инвестиций, сделанных министерством. Например, для фабрики по производству дрожжей, закупленной в Польше, требовалось чуть ли не двести человек рабочих, чтобы делать то же самое, что и на немецкой фабрике, которая стоит столько же, а рабочих требует меньше. "Товарищи говорили, что это можно было сделать лучше; мы не поверили им, так как считали, что это было проявлением антикоммунизма, но они оказались правы".

Че был удивлен тем, что ежедневно обнаруживал новые и новые примеры того, насколько социалистический блок отставал от Запада в области технологий. Американский "катерпиллар" был "лучше, чем любой советский трактор. Почему? Потому что при капиталистической конкуренции играет роль каждая миля в час, так же, как и чуть лучшее качество гидравлической системы или четыре дополнительных лошадиных силы".

Тогда Че обратился к своим товарищам из числа руководящих работников министерства с призывом выйти на улицы, чтобы слушать, наблюдать и учиться. "Мы не собираемся ставить диагноз происходящему отсюда, с девятого этажа".

Регино Боти, министр экономики, рассказывал К.С. Каро-лю, что в то время "не успевали мы заткнуть одну дыру, как нам тут же приходилось мчаться заделывать другую, еще большую".

В июле 1962 года руководство ОРО направило Че на работу в Хусеплан, чтобы активизировать работу этой организации и, самое главное, добиться от промышленности некоторого уважения к планированию. Энрике Ольтуски, который был заместителем министра промышленности, получил вторую должность - вице-президента Хусеплана.

Новые обязанности не помешали Че продолжать заниматься добровольной работой. Мукомольный завод имени Хосе Антонио Эчеверрии был готов побить рекорд производства, и рабочие пригласили Че помочь им. Он быстро научился заполнять и зашивать мешки. Мучная пыль вызвала у него приступ астмы, но он воспользовался ингалятором и продолжал работать. Ему было предоставлено почетное право зашить стотысячный мешок, а он поблагодарил рабочих за то, что ему позволили принять участие в установке рекорда и дали возможность физически поработать, что было необходимо министру.

Примерно тогда же Че впервые за время своего пребывания на Кубе сыграл в гольф. Этот товарищеский матч, в котором приняли участие Фидель и Антонио Нуньес Хименес, состоялся в предместье Гаваны. Че, припомнив время, когда его отец создал

гольф-клуб в Альта-Грасии, держал победу. "Я понимаю в гольфе", - заявил он. Счет был разгромным. При стандарте в семьдесят ударов Че закончил игру,

сделав 127 ударов, а Фиделю потребовалось 150.

* * *

13 августа советский посол Александр Алексеев вручил Фиделю соглашение о ракетных базах. Фидель подписал его и поручил Че доставить документ в СССР. Планы размещения оружия были составлены очень быстро. 27 августа майор Гевара в обществе президента Объединенных революционных организаций Эмилио Арагонеса прибыл в Москву. Предлогом визита была необходимость обсудить "вопросы экономики". 30 августа Хрущев принял кубинскую делегацию на своей даче в Крыму. Хотя Че и предлагал обнародовать соглашение, Хрущев отказался это сделать. Он даже не стал его подписывать, вероятно, чтобы избежать утечки информации со стороны кубинцев. Таким образом, соглашение было заключено без подписи одной из сторон.

31 августа было объявлено, что Че подписал соглашение о сотрудничестве в области технического, сельскохозяйственного, сталелитейного производства и военных вопросов; никакие подробности не оглашались. Промышленные компоненты договора были обнародованы три дня спустя.

2 сентября Че выехал из Москвы в Чехословакию, где посетил промышленную ярмарку в Брно, и 5 сентября вернулся на Кубу. Прошло всего три недели, но подготовительные работы на будущих базах начались, и это не прошло незамеченным мимо разведывательных служб Соединенных Штатов. Разведывательные полеты самолетов "У-2" на последней неделе августа, похоже, подтверждали, что на Кубе начался монтаж пусковых установок для ракет.

Министр обороны США Роберт Макнамара доложил о данных разведки президенту Кеннеди, который расценил строительство пусковых установок как оборонительную акцию. Эти беседы в американских правительственных кругах совпали с выводом 0 провале "Операции Мангуст", которая к этому времени согласно плану должна была перейти к заключительной стадии - свержению кубинского правительства. Контрреволюционные банды истреблялись одна за другой, и хотя непрерывные диверсионные акты наносили определенный ущерб, они вряд ли могли привести кубинскую экономику к краху.

Тогда правительство Соединенных Штатов развернуло кампанию по осуждению присутствия советского ядерного оружия на Кубе. 2 сентября Советский Союз ответил заявлением ТАСС, в

котором утверждалось, что эти действия носят исключительно оборонительный характер. Четырьмя днями ранее Пентагон дал указание подготовить объединенное воздушное и морское нападение на Кубу, которое должно было состояться в конце месяца. 15 сентября в порту Мариэль ошвартовалось советское грузовое судно "Полтава", доставившее первую из ракет, которую тайно перевезли на базу в Сан -Кристобале. На заседании Организации Объединенных Наций советский министр иностранных дел Андрей Громыко обвинил Соединенные Штаты в разжигании войны.

Несмотря на возрастающую напряженность, Че все так же продолжал уделять большое внимание проблемам работы своего министерства - таким, например, как качество изделий кубинской промышленности. "Мы должны быть требовательны ко всякой продукции, предназначенной для массового потребления... Кто-нибудь чиркает спичкой, чтобы закурить сигарету, а головка спички отламывается". Приводя примеры потерь, он сказал:

"Более года тому назад я проехал по Нуэвитасу и видел станки, стоявшие без дела под открытым небом в километре от моря. Директор ... не установил их, так как у него не оказалось подъемного крана... Их можно было перевезти на катках. Именно так египтяне строили пирамиды и перевозили огромные камни кто знает на сколько километров. Ну а сейчас Куба, которая строит социализм, не в состоянии перетащить камень, который весит меньше тонны".

6 октября Пентагон приступил к осуществлению оперативных планов №№ 312, 314 и 316, согласно которым должно было осуществляться вторжение на Кубу. Они предусматривали, в частности, массированные бомбардировки с воздуха. Че тем временем из соображений безопасности снова перевез свою семью на другое место жительства.

13 октября Честер Боулз встретился с советским послом в США Анатолием Добрыниным и сообщил тому, что у американцев имеются свидетельства наличия на Кубе ядерных ракет. Посол, не имевший информации о происходившем, отрицал это. Но многочисленные полеты "У-2" приносили все новые и новые подтверждения того, что в Сан-Кристобале идет строительство базы для размещения ракет класса "земля - земля" с радиусом действия 1500 миль. Правда, не было никаких оснований полагать что у них имелись ядерные боеголовки; к тому же аналитики ПРУ не считали, что ракеты могли быть готовы к запуску. Американский посол в Организации Объединенных Наций Эдлай Стивенсон адекватно оценил ситуацию и сказал президенту Кеннеди, что советские ракеты на Кубе вполне

сопоставимы с американскими ракетами в Турции. Так что моральных оснований оспаривать право Кубы на установку советских ракет у США, пожалуй, и не было.

В тот самый день Че принимал алжирского революционера Ахмеда Бен Беллу. Встреча была демонстрацией солидарности между молодыми революциями на Кубе и в Алжире. Но, не ограничившись этим жестом, Че и Бен Белла подписали соглашения, которые, как станет видно далее, будут направлены на поддержку иных революционных действий.

США тоже не дремали. Президент Кеннеди на той же неделе отклонил наиболее опасные из тех акций, которые предлагали его советники, такие, как массированный авиационный удар по Кубе, и решил ограничиться установлением военно-морской блокады острова. Кеннеди также попросил аппарат подыскать юридические основания для таких действий. Между двумя сверхдержавами непрерывно шли напряженные выяснения отношений. Советский министр иностранных дел Андрей Громыко при посещении Соединенных Штатов настойчиво доказывал, что ракеты, доставленные на Кубу, являются оборонительным оружием. Согласно советским источникам, на острове тогда имелись ядерные боеголовки, но они не были установлены на ракетах. Спустя еще два дня начались события, получившие название Кубинского кризиса.

В семь часов вечера 22 октября президент Кеннеди выступил в прямом эфире по общенациональному телевидению, заявив, что у него есть бесспорные доказательства наличия советских военных баз на Кубе, и сообщил о начале военно-морской блокады. В ответ советским судам сразу же был дан приказ игнорировать блокаду.

На следующий день на Кубе было объявлено военное положение. По словам аргентинского журналиста Адольфо Гильи, "впечатление было такое, словно долго сдерживавшееся напряжение получило внезапный выход, словно вся страна как один человек сказала: "Наконец-то". Че был назначен командующим вооруженными силами на западе и отправился в Пинар-дель-Ио. Как рассказывал его адъютант Леонардо Тамайо, он считал, что война может вспыхнуть в любой момент и что на сей раз вторжение произойдет в его секторе.

Че организовал свой штаб в пещере Лос-Порталес, расположенной в подножии холмов, окружающих долину в Сан-Андрес-де-Тайгуанабо, на берегу реки Сан-Диего. Это была естественная пещера. В предреволюционные времена ее слегка обиходил некий арендатор по имени Кортина, соорудив непрочную лестницу и немного выровняв "потолок". Пещера

представляла собой величественное зрелище. Посреди было построено несколько простых отсеков, в которых разместилось оборудование связи, несколько раскладушек, пара печей и стол - деревянный щит, положенный на два каменных столба. Днем среди сталактитов вились ласточки, а по ночам - летучие мыши.

Ожидая, что война вот-вот начнется, Че лихорадочно сооружал склады боеприпасов и амуниции в пещерах и. горах, проверял расквартирование войск и состояние траншей, разговаривал с людьми и поддерживал их боевой дух. Его мысль, в свете опыта боев в заливе Кочинос, состояла в том, чтобы выстроить первую оборонительную линию, а если захватчики смогут захватить плацдарм, отступить в горы Сьерра-де-лос-Органос и перейти к партизанским действиям. Весь период повышенной боевой готовности Че провел, путешествуя при свете дня по зоне предполагаемых боевых действий; по ночам он или читал, или играл в шахматы.

24 октября Хрущев отправил Кеннеди срочную ноту, в которой говорилось, что СССР воспринимает блокаду как акт агрессии и не даст советским судам указания поворачивать обратно. Однако рано утром вышедшие в море советские суда снижали ход, возвращались в порты или изменяли свои маршруты. Один только танкер "Бухарест" решительно направлялся в направлении сил блокады. Вероятно, именно "Бухарест" должен был проверить состоятельность американских угроз.

Еще через два дня Фидель отправил Хрущеву срочное послание, в котором сообщал, что агрессия неизбежна и начнется в период ближайших 24-72 часов. Наиболее вероятным является воздушная атака избранных целей, которые США желают уничтожить, а затем вторжение. Мы дадим отпор любому нападению. А в случае ядерного нападения следовало дать ядерный же ответ, предлагал Фидель. В тот же день Кеннеди приказал увеличить число разведывательных полетов над Кубой.

Через два дня Фидель отдал приказ сбивать самолеты, вторгающиеся в воздушное пространство Кубы, и уже к полудню один из "У-2" был сбит ракетой "земля-воздух", выпущенной по инициативе советского командующего одной из баз. Напряженность возрастала. Тогда, не посоветовавшись с кубинцами, даже не поставив их в известность, Хрущев предъявил Кеннеди ультиматум: базы могут быть демонтированы взамен на обязательство со стороны США отказаться от намерения вторгнуться на Кубу и приступить к переговорам о выводе американских ракет, размешенных в Турции и нацеленных на Советский Союз. Кеннеди дал согласие в общих чертах принять

это предложение. Кубинцы снова оказались втянутыми в политические игры холодной войны.

28 октября Карлос Франки, редактор газеты "Революсьон", из телеграммы агентства "Ассошиэйтед Пресс" узнал о том, что Советский Союз решил забрать свои ракеты с Кубы. Он немедленно связался с Фиделем. Тот и сам впервые услышал об этом и разразился оскорбительной тирадой в адрес советского премьера: "Жопа, сукин сын, ублюдок!" "Революсьон" вышла на следующий день с огромным заголовком: "Советы забирают ракеты", а толпы на улицах пели: "Nikita, mariquita, lo que seda, no se quita" ("Никита, трус, подарки не забирают").

На следующий день Фидель получил от Хрущева разъяснения со множеством умолчаний.

Советский премьер-министр сказал, что основным условием переговоров, которые он вел с Кеннеди, было обещание невмешательства США во внутренние дела Кубы. Фидель во всеуслышание заявил, что решительно возражает против любой внешней инспекции и что самолет был сбит совершенно законно. Он сказал Хрущеву: "Мы не были напутаны опасностью, потому что она уже в течение долгого времени нависала над нами и мы до некоторой степени привыкли к ней".

В течение ближайших дней напряженность заметно ослабла. Ильда Гадеа, возвращаясь с работы, зашла к Че и застала его дома. "Эрнесто был весь грязный, его ботинки заскорузли от грязи; он играл на полу со своей маленькой девочкой... и с собакой". Это было возвращением к жизни после того, как смерть прошла рядом.

В своей речи, обращенной к сотрудникам Министерства государственной безопасности, упомянутой в начале этой главы, Че гневно высказался по поводу "ракетного кризиса". Речь была издана лишь посмертно - вероятно, потому что в ней осуждалась роль, сыгранная Советским Союзом в этом эпизоде истории:

"Волосы встают дыбом от этого примера того, как людей предназначили сожжению в атомном огне ради того, чтобы их пепел можно было бы использовать в качестве основы Для нового общества. И когда, даже не удосужившись спросить у этих людей совета, составляют договор о том, чтобы забрать у них ракеты, они эти люди не вздыхают с облегчением и не выражают благодарности за достигнутое перемирие. Вместо этого они возвышают свой голос, чтобы заявить о готовности к борьбе и о своей решимости бороться, если придется, в одиночку".

Ксаверио Тутино, бывший тогда корреспондентом газеты итальянских коммунистов "Унита", попытался взять у Че интервью и получил отказ, мотивированный тремя пунктами:

"Нет, потому что он коммунист, итальянец и, что хуже всего, журналист". Тутино позже писал: "Он был окутан аурой тайны, которая являлась результатом его молчания и его левой позиции, его отказа от привилегий, его работы по ночам... Ходили слухи о том, что Че во время кризиса хотел сам стрелять по американским самолетам".

32. Даже Че не всегда мог соответсвовать образу Че.

Чтобы успокоить своих разгневанных кубинских союзников, Советский Союз решил пойти со своего единственного козыря: на Кубу направили члена Политбюро КПСС Анастаса Микояна. 5 ноября 1961 года он встретился с Фиделем и Раулем Кастро, президентом Освальдо Дортикосом, президентом Объединенных революционных организаций Эмилио Араго-несом и руководителем НИАР Карлосом Рафаэлем Родригесом. Во встрече принял участие и советский посол Алексеев - единственный из советских должностных лиц, кого кубинцы, казалось, уважали. Про посла рассказывали, что он плакал от отчаяния, когда узнал об односторонне принятом решении о вывозе ракет. Совершенно очевидно, почему не был приглашен Че. Так или иначе, но на церемонии преобладала прохладная атмосфера, а после нее не было выпущено никакого коммюнике.

На следующий день посланец Кремля еще раз встретился с кубинскими руководителями на приеме в честь годовщины Октябрьской революции в советском посольстве. Лед в отношениях мало-помалу начал таять.

Чтобы еще больше разрядить атмосферу, Микоян произнес несколько очень левых, антиамериканских по духу речей в университете Гаваны, но студенты приняли его довольно критически, а кубинское правительство не оказало ему никакой официальной поддержки.

Ноябрь кубинцы прожили с ощущением, что теперь, когда событиям был дан толчок, остров в своей смертельной конфронтации с Соединенными Штатами будет предоставлен собственной судьбе. Дни шли, и достоинство кубинцев требовало отказа от контроля как со стороны Советов, так и Америки. Президент Кеннеди снял военно-морскую блокаду, а Советский Союз демонтировал ракетные базы.

4 декабря Че дал интервью газете коммунистов Великобритании "Дейли уоркер". Создается впечатление, что перед публикацией интервью было подвергнуто изрядному редактированию, прежде всего для того, чтобы ослабить резкость тона, так как Че гневно возмущался либерализмом Хрущева. Настроение майора Гевары не стало лучше и неделей позже, когда он произвел следующий залп, на сей раз по газете "Революсьон". Газета напечатала дневник, который Че вел во время вторжения в Санта-Клару, причем записи были

отредактированы рукой какого-то "очень остроумного господина из Санта-Клары, желавшего приукрасить события, используя непомерное количество прилагательных.

Сомнительная ценность таких добавлений полностью сходит на нет, когда за украшениями забывают о подлинности". В ответ на эту и другие жалобы Че Франки сказал: "Мы надеемся, что когда-нибудь, когда пройдут годы и ты успешно справишься со всеми задачами, поставленными перед тобой революцией, тебя назначат редактором газеты".

Вернувшись к делам индустриализации, Че обнаружил, что за время кризиса производство увеличилось, несмотря на военное положение, прошедшую мобилизацию ополчения и приоритет военных перевозок на транспорте. Этому парадоксу можно было дать только одно объяснение: во время кризиса люди работали более добросовестно, несмотря на добавившиеся проблемы. Политическая напряженность повлекла за собой эффект, которого не могли дать никакие нормы, требования или премии. Это явилось и жизненным уроком для Че: он увидел, насколько сильными могут быть общественное сознание и воля.

Че работал в своем маленьком строгом кабинете на девятом этаже, который был украшен фотографией Камило, грамотой, выданной Че за добровольную работу, рисунком, на котором был изображен шахтер за работой, экономической картой Кубы, двумя кошмарными позолоченными креслами, маленьким телевизором и двумя пепельницами. Именно там, принимая одного из своих новых сотрудников, кубинского экономиста Мигеля Але-хандро Фигераса, которого Че сам выдвинул на должность руководителя группы долгосрочного планирования, он доверительно сказал ему, что будущее за электроникой, тяжелой промышленностью и вычислительной техникой. В то время Че больше ни с кем на Кубе не поделился этими мыслями.

Как обычно, каждый понедельник проводилось заседание коллегии, а сразу же после него, во второй половине дня - обсуждение какого-либо из важнейших вопросов из проблематики министерства. Полемика частенько становилась жаркой, но Че нравилось, когда другие спорили с ним. Он не любил субординации, не затыкал рта оппонентам и не позволял так поступать своим заместителям.

Примерно в то же время Че представил кабинету министров документ под названием "Основные задачи на 1963 год", в котором сделал несколько предложений. Во-первых, Министерство промышленности приступает к закреплению достигнутых успехов и на некоторое время отказывается от каких-либо новых инвестиций (что означало: Куба не должна покупать

никаких новых советских фабрик до тех пор, пока не закончит монтаж тех, которые уже закупила в Восточной Европе). Во-вторых, следовало покончить с несоответствием в масштабах заработной платы и объявить войну бюрократизму. В-третьих, министерство настаивает на техническом и профессиональном обучении и начинает сражение за качество продукции.

Кампания производственного обучения, проводимая под руководством министерства, шла своим чередом. Ею было охвачено 34,4 % из 189 514 индустриальных рабочих. Начались также научные исследования, связанные с организацией промышленности. Фигерас вспоминал, что в период 1963-1964 годов было основано десять исследовательских центров Министерства промышленности, несмотря на то что пригодные для научной работы кадры были в то время крайне малочисленными.

Че Гевара оставался все таким же увлекающимся и замкнутым человеком с тяжелым характером; коллегам частенько было нелегко с ним. Энрике Ольтуски вспоминал:

"После многочисленных встреч наши отношения стали ближе, но не переросли в дружбу, а в январе нам несколько раз пришлось скрестить с ним копья. Однажды я положил ему руку на плечо в знак дружеского расположения, а он спросил: "Что за фамильярность?" Так что мне пришлось сразу же убрать руку.

Через несколько дней он сказал мне: "Знаешь, а ты не такой сукин сын, как я думал!"

Мы рассмеялись и стали друзьями".

Возникали все новые и новые анекдоты о своеобразном стиле поведения Че. Например, 21 января, во время заседания коллегии, рядом с Че стоял закрытый термос с кофе. Хаиме Вальдес Гравалоса попросил Че открыть его и налить кофе, но термос так и стоял закрытым. Когда спустя немного времени Гравалоса возмущенно повторил свою просьбу, Че ответил, что "тут недостаточно кофе для всех, так что никто не будет его пить".

Через некоторое время Че сказал своему коллеге Мигелю Алехандро Фигерасу: "Ты знаешь, что я не слишком ценю материальные стимулы, но я буду использовать материальные взыскания. Поскольку в обязанности твоего штата входит посещение двух фабрик в месяц, а вы этого не сделали, то начиная с нынешнего дня никто не получит зарплаты, пока вы не наверстаете упущенное".

Че своей строгостью и сверхъестественной требовательностью в сочетании с резкими перепадами в настроении мог вызывать в людях как поразительную преданность, так и непримиримую ненависть. Но женщины, работавшие в министерстве,

восхищались им. Вероника Фернандес, служившая под его руководством, рассказывала позднее: "Свойства характера и внешность Че производили неизгладимое впечатление на девушек в министерстве, а некоторые были просто влюблены в него. Он был мужчиной, которого природа одарила красивыми чертами лица. Он был очень мужественным, с красивыми глазами. Эти глаза были говорящими".

Через шесть или семь лет после этих событий Кубу посетил никарагуанский поэт Эрнесто Карденаль, собиравший в поездке различные истории из жизни Че. Все стремились внести вклад в его поиски. В результате получилась компиляция анекдотов о министре, который обедал в кафетерии как простой рабочий, стоя в общей очереди с алюминиевым подносом, который стоял, прислонившись к креслу, чтобы не уснуть сидя, и читал служебные документы по воскресеньям, вернувшись домой после целого дня добровольной работы. Суть этих историй во многом отражает следующий диалог:

Карденаль: "Не каждый может быть таким, как Че".

Аиде Сантамария: "Даже Че не всегда мог соответствовать образу Че. Порой и он тоже уставал, добирался до дому измученный и хотел всего лишь побыть со своими детьми".

В феврале Че снова довел себя до предела. По Гаване прошел слух, что он сошел с ума, что теперь ему недостаточно еженедельной воскресной добровольной работы - он хочет в одиночку срезать весь урожай сахарного тростника. 3 февраля он вдруг приехал в Камагуэй, на сахарный завод, который, как и партизанская колонна Че в Сьерре, носил имя Сиро Редондо, чтобы провести испытания машины для уборки тростника.

Весь год Че изо всех сил подгонял разработку проекта механизации уборки тростника; для этого была создана специальная конструкторская группа. Такой техники не имелось ни на Кубе, ни в социалистических странах. Конструкторы перепробовали все, от попыток скопировать гавайский резак, который они видели в кино, до прилаживания южноафриканского механизма к старому "торнтону" американского производства, который они нашли на свалке. Когда наконец опытный образец был создан, Че приказал изготовить тысячу резаков, которые можно было бы установить на обычном тракторе в пятьдесят лошадиных сил и использовать в повседневных полевых работах. Опытный образец было необходимо испытать, и Че поехал в Камагуэй, где встретился с'местной комиссией.

"Мы так напугались, что и дохнуть не могли", - вспоминал один из кампесинос, отвечавших за установку оборудования.

Первые испытания состоялись в усадьбе Л а-Норма. Было

воскресенье 3 февраля 1963 года, четыре часа утра. За машиной шла толпа подборщиков, которые должны были подрезать слишком высоко срубленные стебли и пропущенные участки.

Там, конечно же, находился и Анхель Герра, главный конструктор машины. Контроль за ходом испытания вел Мигель Ипаррагирре, а Че непрерывно повторял ему, чтобы он не смел фальсифицировать результаты.

В результате каторжной работы в течение девяти с половиной часов было собрано шесть тысяч арроб1. После этого машина сломалась, и, чтобы привести ее в рабочее состояние, понадобилось три с половиной часа. Че несколько раз спрыгивал с трактора, чтобы посмотреть, "что же, черт возьми, происходит".

Он попытался утаить событие от прессы, но все же уступил требованиям газеты "Революсьон", которая направила в Кама-гуэй репортера Хосе Васкеса и фотографа Корду.

Журналисты провели весь день в тщетных попытках приблизиться к Че. "Это не пропаганда, - заявил он им. - Тут совершенно нечего фотографировать".

Но он все же разрешил Корде и молодому фотографу из местной газеты Аделанте сделать несколько снимков - конечно, при том условии, что потом они сами возьмут в руки мачете и примутся рубить тростник. Все было очень серьезно, и никто не позировал фотографам, чтобы доказать сомневающимся, что уборка тростника может быть частично механизирована. На фотографиях тех дней можно видеть Че или сидящим на тракторе, или вместе с механиками копающимся в механизме.

5 и 6 февраля было убрано соответственно 5900 и 8800 арроб. Репортер "Революсьон" спросил Че, сколько они убрали 8 февраля, и тот ответил, как всегда, сухо: "Десять тысяч арроб и еще сте-бель2" (один из его телохранителей порезал ногу). Репортер дословно передал по телефону фразу в редакцию.

На следующий день, читая "Революсьон", Че страшно удивился: черт возьми, что за глупость они написали?

"- Что это за стебель?

- Может, у вас в Аргентине это означает "и еще чуть-чуть"?

- О, проваливай!"

Следующий утомительный день, 9 февраля, начался у него с полета ранним утром на маленьком самолете в Камагуэй, чтобы проверить, насколько продвинулась уборка урожая. На митинге в театре "Алькасар" он появился в пыльном комбинезоне, прямо с плантации. К тому времени кучи собранного тростника достигли величины почти 60 500 пеков (466 кубометров).

Че объявил, что будет использоваться тысяча резаков; пятьсот уже было готово, а теперь главная задача стояла перед

операторами новой техники: по мере использования дать предложения по ее усовершенствованию. (Польский журналист Кароль позже говорил, что "ни в одной стране мира не имелось тысячи резаков, и никто не стал бы производить тысячу машин без опытного образца".)

Обращаясь и к рабочим сахарной промышленности, и к чиновникам, Че сказал:

"Я намерен здесь похвастаться. Я начал уборку с помощью машины в понедельник. Сначала дело шло как обычно - кардан сломался, то сломалось, другое, некоторые товарищи были неосторожны и получили ушибы, был даже несчастный случай... При проверке машина срезала четыре тысячи пеков... На этой неделе я срезал сорок пять тысяч... Машиной можно нарезать восемьсот пеков в час на поле среднего размера ... я сказал бы, что это - работа для двоих, а не для одного оператора... Нельзя требовать, чтобы люди проводили на тракторе по двенадцать часов в день". Но он сам однажды провел за этой работой тринадцать часов подряд.

Он закончил выступление, защищая новую машину, даже с учетом ее недостатков, к которым относились чрезмерная усложненность и значительное количество конструктивных недоработок: "резка стеблей идет слишком жестко, работа на машине очень утомительна, и, кроме того, заросли тростника никак не заканчиваются". Эта фраза вызвала бурные аплодисменты присутствовавших - они-то хорошо знали, что заросли сахарного тростника бесконечны.

Позволив себе день отдыха, Че вернулся к работе в Министерстве промышленности и сразу же открыл цех по изготовлению колючей проволоки. 11 февраля он вновь отправился в заросли сахарного тростника и побил свой собственный рекорд, убрав 18 700 пеков за девять с половиной часов. На вопросы явившейся к нему группы журналистов канадского телевидения он дал формальные ответы, не приняв посетителей всерьез: те, похоже, не понимали, насколько важным было дело, которым он занимался.

А вот партнеры Че по министерской команде работали в его отсутствие буквально не щадя живота своего. Так же, как и при нем, ни у кого не возникало побуждений устроить дополнительный отдых, так же, если кофе не хватало на всех, то его не пил никто. 12 февраля он без особых происшествий показал знаменательный результат - 21 400 пеков. Охваченный волнением, он спросил Ипаррагирре: "Ну, сколько теперь?" Остановить его удалось только одним способом: встать перед трактором и сказать, что работавшие с ним вконец измотаны.

Умывшись холодной водой, он там же, на месте, принял аудитора московского банка. У русского был такой вид, как будто он не понимал, с какой стати должен был залезать в глубь зарослей сахарного тростника и вести там с министром деловые разговоры. Менее всего он хотел слушать о важности механизации уборки тростника. А Че, казалось, не слишком беспокоился о банковских кредитах.

14 февраля Че сообщили, что неподалеку в зарослях сахарного тростника начался пожар, и Гевара со своей командой умчался на плантацию. Если тростник не убрать, то вполне можно было бы потерять урожай. Товарищи пробовали остановить его: возможно, пожар возник в результате диверсии и поблизости могла оказаться засада контрреволюционеров. Однако Че и не подумал остановиться. "Пошли!" Уборка тростника на горящем поле напоминала муки чистилища, где вместо воздуха тучи пыли и горячей золы; у Че начался приступ астмы. С трудом хватая ртом воздух, с головы до ног засыпанный пеплом, прилипшим к потному телу, он руководил действиями уборщиков.

Но всего этого ему было недостаточно. 15 февраля Че принял участие в соревновании с лучшим оператором сахарного завода "Бразилиа" Ибраимом Вентурой и победил, хотя при этом сорвал тормоза у своей машины. Через день он потерпел поражение в другом соревновании, с Роберто Гонсалесом с завода "Бланкиа-суль", проходившем на очень трудном каменистом и неровном поле. В районе скрывались контрреволюционеры-диверсанты, и Че доводил до исступления свою охрану, отказываясь от мер предосторожности. 17 февраля на заводе "Венесуэла" он убрал 20 000 арроб.

Че покинул Камагуэй, собрав куда больше обещанных ста тысяч арроб. Машина, конечно, работала, но треть всего времени испытаний отняло исправление поломок и преодоление технических трудностей, так что для ритмичности работы поблизости все время должен был находиться механик. Но в данном случае утверждение о том, что добровольная работа стоит больше, чем нормальная оплаченная, было опровергнуто. Накладные расходы, осуществленные в ходе работы команды Че, оказались меньше, чем стоимость произведенной ею продукции.

Несмотря на все приложенные им усилия по механизации уборки, Че должен был два месяца спустя признать, что "заготовка сахара идет совсем не так, как надо". Тому было много причин. Одной из них явилось то, что ради организации севооборота в 1962 году на месте многих посадок сахарного тростника были посеяны другие культуры. Че вступил в конфликт

с Национальным институтом аграрной реформы, несмотря на то что был связан давней дружбой с его руководителем Карлосом Рафаэлем Родри-гесом.

Во-вторых, "значительно уменьшились трудовые ресурсы и стало меньше рубщиков, так как многие кампесинос теперь, получив землю и работу, уклоняются от заготовки сахара". Третьей причиной была крайне низкая эффективность работы добровольцев. В Камагуэе, где традиционно не хватало рабочей силы для уборки урожая, люди, отправившиеся на помощь, проявили себя плохо, и от них и впрямь было больше помех, чем пользы. Зато добровольная работа полностью оправдала себя в провинции Гавана, "где те из нас, кто продолжает по воскресеньям вкладывать свою частицу труда, могут увидеть, что эффективность ... сильно увеличилась. Целые толпы выдающихся бюрократов теперь превратились в выдающихся резчиков тростника".

Че упорно утверждал, что добровольная работа является краеугольным камнем общества, основанного на принципах коллективизма. Хорхе Рискет рассказывал, что он на какой-то встрече в провинции Орьенте предложил выделить в качестве материального поощрения лучшим рабочим добровольческим бригадам жилье на время уборки урожая. Выслушав предложение, Че спросил его:

"- Тебе не кажется, что это будет перебор в материальном стимулировании?

- Черт возьми, Че, нужно же дать людям какое-то место для жилья. Маленькие домишки - не великое дело, и, больше того, в них резчики будут жить вместе, сразу по десять человек. Нет, я не считаю, что это будет перебор".

Уборка тростника явилась удачным приключением, общий фон которого составляли более или менее крупные неудачи. По возвращении из Камагуэя Че вновь погрузился в проблемы промышленности. Как обычно, он доказывал, что возможность вытащить кубинскую экономику из депрессии кроется исключительно в ее развитии.

24 марта он выступал на собрании рабочих текстильной фабрики в Аригуанабо и говорил об образовании Единой партии социалистической революции (ЕПСР). Он возмущался тем, что на фабрике, где работали в основном женщины, из ста девяноста семи рабочих, принятых в партию, было лишь пять женщин. Он сказал, что "женщины все же должны быть освобождены от опутывающих их уз прошлого, которое до сих пор живо", так как мужчины, похоже, "думают, что женщины до сих пор недостаточно развиты, чтобы с ними стоило считаться". Он

вспомнил о случае, происшедшем в его министерстве: женщину пришлось перевести на другую работу, так как ее муж, армейский офицер, не позволял ей ездить в командировки по стране. "Это вопиющий пример дискриминации женщин.... Прошлое продолжает отягощать нас".

Че также посетил завод безалкогольных напитков Марсело Саладо (бывшее предприятие компании "Кока-кола") и обратился к его работникам с резкими вопросами, которые уже прежде задавал в телевизионном выступлении: "Почему у колы не такой вкус, как прежде?" Панно Эрнандес, технический руководитель, пожаловался на всеобщую критику, которой подвергалась продукция завода, и сказал, что они прилагали огромные усилие для улучшения качества.

"Поймите, я сказал то, что сказал, потому что напиток действительно на вкус напоминает микстуру от кашля. Неужели мы не можем делать колу так же хорошо, как американцы, или даже лучше?"

Было похоже, что не могли.

Че всегда входил на производственные предприятия через цеха и никогда - через управленческий корпус. Кадры документального фильма показывают его встречу с рабочими (Че, улыбаясь, прерывает фразу на полуслове). Такое впечатление, что он чувствовал себя как дома. Но подчас у него находились резкие слова и для фабричных рабочих. После посещения мотоциклетного завода в Сантьяго-де-Куба он написал рабочим сердитое письмо, в котором бранил их за то, что члены ОРО берут мотоциклы для личного пользования, и указывал, что "рабочие не имеют никаких прав на ту продукцию, которую выпускают. Пекари не имеют никакого права на дополнительный хлеб, рабочие цементного производства не имеют никакого права на дополнительные мешки цемента, и вы тоже не имеете права на мотоциклы".

Во втором квартале 1963 года мать Че, Селия Ла Серна, была арестована при возвращении из Уругвая в Аргентину по обвинению в перевозке коммунистической литературы. Она провела два месяца в женской тюрьме Буэнос-Айреса, что серьезно подкосило ее здоровье. Это был первый ход нового правительства Аргентины в вендетте, объявленной им Че. А на домашней фотографии Алейды Марч видно, что она находится на последних сроках беременности, ожидая четвертого ребенка Че. Дочь, названная в честь бабушки Селией, родилась 14 июня.

20 мая, на годовщине газеты Народной социалистической партии "Ой", Че произнес очень неудачную речь. Она содержала пересказ учебника по марксизму и похвалы старым кадрам НСП.

Та же самая точка зрения нашла отражение во введении к книге "Марксистско-ленинская партия" - сборнике текстов по теории партийного строительства и речей Фиделя Кастро. Один из биографов Че, итальянец Роберто Массари, сетовал: "Гевара воздал хвалу книге низкого теоретического уровня". Странно, что Че, который настолько критически относился к пути, избранному советской экономикой, не имел никакого представления о социальном неравенстве, политическом авторитаризме и репрессивном полицейском устройстве того государства, каким являлся СССР. Кроме того, он, конечно, не обладал теоретическим багажом, который позволил бы ему держаться в отдалении от советских догм. Он был пленником неандертальского марксизма. Как правильно заметили Кароль и Франки, невежество Че не дало ему возможности составить достаточно полное и точное представление о проблеме.

Но, как ни странно, именно в это время Че вступил в спор с советским марксизмом, заявив о его непоследовательности в управлении экономикой. Первый номер нового журнала "Наша промышленность", предназначенного для полемики и публикации официальных сообщений, вышел в свет 1 июня. Он был напечатан на низкосортной бумаге, сделанной из выжимок сахарного тростника по заказу министерства. Журнал открывался статьей Че, во введении к которой безапелляционно указывалось, что советское "финансовое самоуправление" предприятий отличается от кубинского принципа централизации, который вполне подходит для маленькой страны с хорошими коммуникациями.

Возражение последовало не от вечных врагов Че - представителей старых кадров НСП, а от одного из его политических "потомков", блестящего министра внешней торговли, майора Альберто Моры. В журнале "Внешняя торговля", не называя никаких имен, Мора написал: "Некоторые товарищи говорят, что теория прибавочной стоимости Маркса в настоящее время не действует в государственном секторе кубинской экономики". Че не теряя времени бросился в спор, перепечатав в третьем номере "Нашей промышленности" статью Моры и сопроводив ее своим собственным ответом "О концепции стоимости и возражения на некоторые утверждения по поводу этой проблемы".

Че с самого начала назвал вещи своими именами: никаких "некоторых товарищей" не было. Он сам как министр промышленности и министр финансов Луис Альварес Ром заняли позиции, защищая явление, получившее известность под названием "бюджетное финансирование", "поскольку нужно четко определять не только принципы, но также и людей, которые их

отстаивают".

После длинного ряда цитат и контрцитат Че добрался до сути. Закон прибавочной стоимости "регулирует коммерческие отношения в условиях капитализма, и поэтому когда рыночные отношения по любой причине например, в результате мощного вмешательства государства подвергаются искажению, он тоже окажется искаженным".

Мора утверждал, что государственная собственность все же не является общественной собственностью; это доказывают противоречия, которые наблюдаются непосредственно в деятельности предприятий, принадлежащих государству. Че ответил, что такие противоречия есть на каждом уровне кубинской промышленности, начиная с самой крошечной мастерской и до самого верха, и что они являются внутренними противоречиями, присущими процессу.

А в заключение он приветствовал участие Моры в дебатах и с похвалой отозвался о состоянии внешней торговли. Хотя все это, конечно, было выражено в относительно дружеской манере, Мора был серьезно задет резкостью статьи. Они были друзьями, но когда Че вступил в полемику, его ироничный и неприязненный тон буквально ошеломил Мору.

По существу, это было внутриправительственное столкновение между приверженцами двух различных подходов к управлению экономикой, один из которых представляли Альберто Мора, Роландо Диас и Марсело Фернандес, председатель Центрального банка. Эти трое, недавно пришедшие к марксизму, никогда не состояли в НСП, но имели советских советников по экономике. Их линию поддерживали старые члены НСП, работавшие в НИАР. Другую позицию представляли Че, о котором Мигель Алехандро Фигерас отозвался как о "мятежнике с серьезными основаниями для мятежа", Луис Альварес Ром из Министерства финансов и Энрике Ольтуски из Объединенного планового комитета. Никто из них не желал точного повторения советской действительности, и каждый считал, что в условиях Кубы все можно было бы сделать не так, как в СССР.

Просоветская сторона горячо защищала "финансовое самоуправление" фирм, при котором использовались крупные банковские ссуды, существовала некоторая автономия, главным инструментом для увеличения производства служили материальные стимулы, а заработная плата была дифференцированной для вознаграждения за высокую производительность труда. Че отстаивал централизацию промышленности, говоря, что Куба имела лучшую бухгалтерию и коммуникации во всей Латинской Америке, а также

управленческий опыт монополий Соединенных Штатов, который не должен был пропасть впустую, особенно в промышленности. Кроме того, необходимость централизации диктовалась малым количеством промышленных предприятий (на всей Кубе их было меньше, чем в одной Москве) и недостатком квалифицированных руководителей. Для Че самоуправление предприятий, которое должно было побуждать их к соревнованию между собой, означало возвращение к примитивному капитализму или же движение к социализму, который сбился с пути и базировался не столько на сотрудничестве, сколько на конкуренции. Че прежде всего искал доводы для опровержения мысли о том, что фирмы должны стать своеобразными небольшими монстрами, руководствующимися получением максимальной прибыли, а не общественными интересами.

Родригес из НИАР неоднократно говорил о сельскохозяйственном бюрократическом централизме и о тех бедствиях, который он принес поначалу. Он и Че, казалось, достигли молчаливого соглашения (то, что хорошо для промышленности, вовсе не обязательно годится для сельского хозяйства) или же, по крайней мере, согласились избегать конфронтации. В любом случае, это был только первый раунд.

В конце июня Че нанес краткий визит в Алжир, чтобы укрепить связи между правительством Ахмеда Бен Беллы и кубинской революцией. Карлос Франки, участвовавший в визите, позже вспоминал, что Че все более критично относился к Советскому Союзу. "Он принимал некоторые из основных китайских принципов: зависеть от собственных сил, не ожидая ничего ни от капитализма, ни от Советского Союза и его гегемонии".

Че встретился также с журналистом Хорхе Рикардо Масетти. Это был его человек в Алжире.

В первые годы революции Масетти руководил кубинским агентством печати "Пренса Латина". В марте 1961 года он в ответ на нарастающее сектантство в революционном движении ушел в отставку, но во время попытки вторжения на Плая-Хирон вернулся к работе. Там он в течение всех трех дней боевых действий находился на передовой, посылая информацию о событиях и допрашивая пленных. Масетти поехал в Тунис с поручением от Фиделя - передать ФИО, алжирскому Фронту национального освобождения, предложение о поддержке. В январе 1962 года в Тунис прибыло кубинское судно "Бая-де-Нипе", доставившее минометы и винтовки для алжирских партизан. Масетти руководил передачей оружия, которое было доставлено в лагерь поблизости от алжирской границы. После этого судно, на

борту которого теперь находились дети-сироты и раненые алжирские партизаны, вернулось на Кубу. В конце 1962 года Масетти, дождавшись появления на свет своей дочери, вновь покинул Гавану и исчез из поля зрения.

В кругах, близких к кубинскому правительству, поговаривали, что Масетти в Алжире принимал участие в действиях, руководство которыми издалека осуществлял Че, и что он, несомненно, имел некоторое отношение к присутствию на севере Африки кубинских добровольцев и медиков, которые служили советниками алжирцев в их борьбе против марокканской монархии. Это была правда. Масетти встретился с Че, и их беседы 1963 года сказались позднее на будущем обоих.

В середине июля Че возвратился в Гавану и впервые встретился с делегацией из Вьетнама. Ли Ван Сау вспоминал: "Встреча состоялась ранним утром июля 1963 года в его кабинете в Министерстве промышленности. Мы проговорили до рассвета. Че разъяснил свою точку зрения по отношению к нам и нашей борьбе против янки и настаивал на своей идее насчет создания "многих Вьетнамов". Тогда Че впервые высказал концепцию, которой останется верен до конца жизни: борьба против империализма происходит во всем мире, и победа в ней может быть одержана только путем приумножения количества очагов сопротивления в различных странах третьего мира".

Флажок ФИО на столе и собака, пачкавшая в коридорах министерства, являлись новыми аспектами жизни Че. Но когда же Че завел своего чудовищного бесхвостого пса, который с хозяйским видом расхаживал повсюду? Пес (его звали Муралья, то есть Великая Стена) посещал заседания коллегии министерства, как и любой из ее членов. Он сидел в ногах у Че, требовал, чтобы его ласкали, и время от времени принимался шумно чесать голову задней ногой. Муралья научился входить в лифт, выходить на девятом этаже, находить кабинет Че и скрестись в дверь до тех пор, пока он не открывал. Он был талисманом министерства, но Че имел превосходные отношения со всеми окрестными бродячими собаками; он кормил их, а они слушались его и ходили за ним следом, словно еще одна группа телохранителей. Собаколовам он велел оставить собак в покое.

В минувшем году Че приказал новым руководителям промышленных предприятий в кратчайшее время получить образование хотя бы в объеме шести классов. Это было трудное задание, чуть ли не невозможное, так как эти люди трудились как рабы, преодолевая нехватку запасных частей и сырья, а также выполняя при этом свои политические и военные обязанности. Даже Че, несмотря на всю свою строгость, был вынужден признать

истинное положение вещей и предоставить им еще один год. Экзамены прошли в конце года, и сто тридцать два из девятисот восьмидесяти шести кандидатов не выдержали их, а очень многие даже не нашли возможности явиться.

10 августа разгневанный Че на заседании коллегии министерства дал оценку прошедшим экзаменам. Он был очень строг и вновь повторил, что те, кто не выдержал испытаний, будут уволены, получившие оценки "D" и "C"1 получат переэкзаменовку, а неявившиеся будут лишены зарплаты до тех пор, пока не сдадут экзамен.

Это заседание проходило особенно напряженно. Сначала Че признал, что рабочие отношения с ним очень взрывоопасны, после чего обрушился на генерального директора Эдисона Веласкеса. Тот, очень плохо умевший излагать свои мысли, высказался, что "на Кубе нет ни революционеров, ни мужчин", и обвинил присутствовавших в том, что они не желают воспринимать критику. Че поднялся с места:

"То, что мы здесь не желаем выслушивать критику, - это ложь... Я не знаю, почему ты решил высказать все это так агрессивно, - это ни к чему, парень, даже при всех тех трудностях, с которыми мы сталкиваемся; мы не хоровым пением занимаемся... Нет, нет, каждое мнение будет выслушано. Один господин как-то сказал здесь, что я ревизионист и что меня следует отстранить от управления фабриками. Я просто пришел в бешенство, так как мне показались в корне неправильными разговоры о том, что министра нужно снять с работы из-за чьего-то личного отношения к нему. Я всегда защищал право людей говорить все, что они считают нужным... до тех пор, пока они справляются со своей работой. Но я не обязан принимать критику, с которой не согласен, и у меня есть такое же право, как и у любого из вас, высказать это".

Но страсти на заседании продолжали накаляться, особенно после того, как Гравалоса потребовал самых решительных мер в борьбе с руководителями неэффективно работающих предприятий. "Рубить головы", - сказал он, а Че ответил, что для проведения таких действий нужно сначала создать справедливую систему. Он также сказал, что худшее из того, что делается на Кубе, "порождено не в этом министерстве". Что касается Хусеплана, "то вы даже не поверите мне, насколько он был бы далек от действительности", если бы не Ольтуски, "который только что побывал всельской местности и вернулся, кое-что узнав". Себя он тоже бранил за то, что "допускал нарушения правил - играл в шахматы, что отнимает ценное время, - но вообще-то посвящал все свое время проблемам страны".

Шахматы были единственным излишеством в его жизни, к которому он относился серьезно. "Когда я покинул министерство, то позвал жену и сказал ей, что собираюсь повидаться со своей второй любовью, и она ответила: "Я знаю, ты идешь играть в шахматы". Ради этого излишества он был готов идти на жертвы. Если не считать этих редких часов отдыха или развлечения, он работал неустанно, посещал предприятия в самое, казалось бы, неподходящее время и без предупреждения, чтобы поговорить с людьми и поработать. Никто не удивлялся, когда он вдруг материализовался где-нибудь, как привидение; наоборот, его часто встречал душевный и непосредственный прием. Так, например, на верфи Хибара рабочие подняли крик: "Че приехал!", и никто не мог их остановить.

Под конец года Союз кубинских писателей опубликовал вторую книгу Че "Воспоминания о революционной войне". Издание было неполным; в более поздних переизданиях было добавлено очень много материала. "Я не хотел, чтобы ее издавали в частях и отрывках, но на мое мнение не обратили никакого внимания, а я не : представляю себе, как кто-нибудь может понять книгу, не имея подробных знаний о революции". Книга пользовалась огромным успехом, около каждого книжного магазина Кубы стояли длинные очереди. За границей она тоже широко раскупалась.

"Воспоминания" явились воплощением ностальгии Че по Сьерра-Маэстре. В апреле, выступая перед студентами в Минас-дель-Фрио, он сказал: "Каждый раз, оказываясь поблизости от Сьерры, я не могу противостоять искушению возвратиться туда".| Это был также путь сохранения памяти: "Годы проходят, и память о восстании исчезнет, если события не будут достоверно зарегистрированы, те события, которые уже уходят в глубину латиноамериканской истории".

В предисловии он обратился ко всем участникам революционных событий с призывом поделиться своими воспоминаниями.

"Мы лишь просим рассказчика придерживаться действительности, но не делать собственных умозаключений или что-то преувеличивать, не пытаться притворяться, что он был в каком-то месте, когда на самом деле его там не было, или же говорить что-то, не соответствующее истине. Мы просим, чтобы каждый после того как напишет несколько страниц наилучшим образом, насколько позволяет его образование и возможности, отредактировал сам себя как можно тщательнее и удалил любое слово, если автор не полностью уверен в нем или же оно не является достоверным фактом".

После опубликования книги Че получил приглашение вступить в Союз писателей, но отказался, заявив, что он является писателем далеко не в той степени, как ему хотелось бы. Он также отказался от гонораров за публикацию книги в социалистических странах.

В начале октября по провинциям Орьенте и Камагуэй прошел сильный ураган. Че совершил поездку по пострадавшим районам. Человеческие жертвы оказались немногочисленными, но погибло много скота, пятьсот жилых домов было разрушено. Промышленности, правда, был нанесен лишь незначительный ущерб. Как всегда, Че был покорен спонтанной реакцией населения и уровнем организации народа, особенно в бригадах, сформированных Министерством общественных работ. Спустя несколько дней на международной встрече студентов и преподавателей архитектуры его ожидал еще один приятный сюрприз: "Вы заставили меня забыть, насколько важно, к какому социальному классу принадлежит индивидуум. Молодежь - это свежесть идеалов и их культурного восприятия, особенно когда люди перешагивают через грань отрочества и приступают к служению бескорыстным интересам".

Именно в этот промежуток времени Че заявил о своем выходе из состава Объединенного планового комитета, и Фидель взял на себя непосредственное руководство этой сферой деятельности. "У Хусеплана нет никакого авторитета. Теперь, когда туда пришел Фидель, авторитет появится, но когда я там был, его не было. Кроме того, я имел только один портфель ... руководителя фантомной экономической комиссии, которая ничего не решала".

Че также рассказал о безмерных амбициях первых дней революции: "Мы хотели строить школы - и строили, хотели строить больницы - и строили. Мы строили дороги и туристские курорты, клубы и районы для рабочих. Заработная плата росла. И в то же самое время мы говорили о развитии. Это было невозможно, цифры просто-напросто не сходились".

Противоречия, имевшиеся в промышленности, не позволяли осуществлять развитие в таких условиях. На заседании коллегии Че сказал, что Куба не получила в полном объеме обещанных поставок из-за границы: "Мы не выполнили обязательств по контрактам с социалистическими странами, и социалистические страны в ответ не выполняют свои обязательства и спокойно отказывают нам в поставках".

Че указал на признаки ослабления связей с СССР и очень резко констатировал наличие там бедственного положения в сельском хозяйстве. Он не мог понять, почему через сорок пять лет после революции там все еще происходят такие провалы. Что-

то было в корне неправильно. Он назвал это "сельскохозяйственной катастрофой" и сказал, что Советский Союз должен иметь не только более справедливое общество, чем Соединенные Штаты, но также и более производительное.

Помимо всего прочего, товары, прибывавшие из стран социалистического блока, имели очень низкое качество. Рауль Маль-донадо: "Начало ощущаться отчаяние из-за низкого качества изделий и машин, которые мы получали из Восточной Европы. Это был прогноз того, что могло случиться и на Кубе".

И "прогноз" уже превращался в факт. 2 ноября Че дал интервью Севере Касалису (Сикитрилье) для газеты "Ла Тарде": "- Почему снизилось качество обуви?

- Некоторый первоначальный недостаток сырья, а также конфискация частной собственности привели к ужасной потере осознания значения качества. Мы также пали жертвой этого.... Но мы приближаемся к разрешению этой проблемы, и обувь можно взять в качестве конкретного примера... Вы сами, например, разве не сообщали на днях, что опытные образцы ботинок были симпатичными, хотя многие из них были ужасны?"

В тот же день Че познакомился с докладом Кубинского института минеральных ресурсов и сделал оптимистичную пометку о Хесусе Суаресе Гайоле, своем бывшем товарище по оружию, который "один из немногих проявляет веру и энтузиазм и имеет серьезное желание высказывать их вслух".

Больше всего удовольствия Че доставлял уровень компетентности, которого достигли сотрудники его министерства. Он поздравлял себя с тем, что ему удалось создать удачную команду.. Орландо Боррего, его заместитель, был человеком с "яркой индвидуальностью" и огромной работоспособностью. Работали у н го также Тирсо Сайс, инженер-химик, и капитан первого ранга Кастинейрас, во время войны участник тайной антибатистовской организации на флоте, а теперь принявший на себя колоссальные обязанности заместителя министра по легкой промышленности. Че считал, что большим потенциалом обладает Марио Сорилья. Капитан Анхель Гомес Треба хотя и имел "склонность отдавать приказы в военном стиле" и был "несколько грубоват", а также был неутомимым тружеником, полным энтузиазма. В министерстве также работали Сантьяго Ривера и Ольтуски, которого затем перевели в Хусеплан.

Че относился к себе строже, чем к другим. "На фоне личных неудач, которые случаются у каждого, мои настолько заметны и впечатляющи сами по себе, что нет никакой необходимости перечислять их". Наиболее серьезная из ошибок, допущенных в его работе министра, по его собственному мнению, состояла в

том, что он всегда стремился к действию (его воинственность была порождением жизненного опыта) и избегал обсуждений. Из-за недостаточно эффективной работы государственной администрации Че принял за обыкновение сначала действовать, потом задавать вопросы и затем смотреть, что получится. Он признал, что именно по его инициативе и без обсуждения на правительственном уровне в министерстве был принят метод бюджетной централизации, что так же начались соревнование и добровольная работа (именно за тот метод, которым она была организована, ее "критиковал Фидель"). Если бы предварительно состоялось обсуждение, то "у нас было бы больше столкновений на начальной стадии, но рабочие отношения были бы более определенными".

"Само собой разумеется, что слабость связей между Министерством промышленности и НИАРом, двумя самыми сильными организациями революции, никак не могла способствовать экономическому развитию страны, зато породила много дурных привычек, которые мы до сих пор пытаемся исправлять".

Похоже, что столкновениями с НИАРом дело не ограничивалось, поскольку в том же выступлении Че упомянул о стычках с ОРО и Советом кубинских рабочих (СКР). Че не сдавал своих позиций, что приводило к конфликтам, - он был убежден, что если избегать дебатов и выбирать окольные пути, то возможность прояснить ситуацию будет утеряна, и та же участь ждет возможность разобраться в спорах об экономической политике, которые шли в самом сердце революции. Именно поэтому "работа министра промышленности забирала столько моего энтузиазма и работоспособности, что я не был способен подняться над ней, быть настоящим национальным лидером".

Сводка работы промышленности, которую изучал Че, .была блестящей. Он видел, что министерство сделало огромный скачок в повышении качества управления отраслью, видел рост трудового энтузиазма, рекордный прирост выпуска продукции - но также видел и то, что происходит вторжение бюрократизма в кубинское общество в целом. На протяжении года эта проблема вновь и вновь возникала в речах, в выступлениях на заседаниях коллегии министерства и даже в частной переписке Че. "Ваша книга о Лаосе оказалась перемолотой в колесах нашей страшной бюрократической машины", - сказал он американской журналистке Анне Луизе Стронг. Ее книга, посвященная китайским коммунам, понравилась Геваре, и он пригласил автора посетить Кубу.

"Позвольте мне признаться, что бюрократия в нашей стране -

это скала, твердая и хорошо укрепленная, которая поглощает бумагу, высиживает ее и посылает тому, у кого одна забота: как получше провести время", - эти слова были обращены к Питеру Марукси, редактору канадской газеты "Телеграф".

"Мы воспроизвели под копирку опыт братских стран; это была ошибка, не слишком ужасная, но все же она замедлила свободное развитие наших сил и сделала опасный вклад в один из феноменов, против которых в ходе социалистической революции нужно вести самую тяжелую борьбу - бюрократизм", - писал он в своей статье для газеты "Алжирз уикли".

А эти слова из письма Хосе Матару, руководителю Комитетов защиты революции: "Как мне пока удалось заметить, основное свойство - это недостаток организованности в работе коллегии, что видно из письма, датированного 12 июля, со штемпелем даты поступления 22 июля, в котором просили к 31 июля сообщить мое мнение и которое я получил в министерстве 17 сентября".

Че знал только один способ борьбы с бюрократией: личные контакты между народными массами и их лидерами. Лазаро Бурия, который в семнадцать лет заведовал складом металлоизделий, рассказывал автору, как однажды в воскресенье на склад явился Че в сопровождении сотрудника министерства и обратился к нему:

"- Ты главный здесь? Что нужно делать?

- Вы пришли поработать?

- Именно так, добровольная работа... Ты главный? Говори, что нужно делать?"

Бурия сначала колебался, но потом решился и велел Че измерять железные полосы, раскладывать их по размерам и считать.

А работая в одно из воскресений на шахтах Матамбре, Че решил спуститься к горнякам на самый глубокий уровень. С ним был управляющий шахтами, старый товарищ по революционной войне Альберто Фернандес Монтес де Ока (Пачо), знавший, что высокая влажность вызовет у Че приступ астмы. Увидев, что гость уже в клети подъемника начал задыхаться, Пачо предложил ему вернуться. "Вниз", - настойчиво потребовал Че, и они опустились до 42-го уровня, где Эрнесто провел несколько часов за работой и беседой с шахтерами.

Шахтер по имени Пабло работал отбойным молотком на глубине 6500 футов (около 2 км), когда кто-то тронул его за плечо. Это был Че, он протянул шахтеру руку.

"Нет, майор, в шахтах грязно".

Че в ответ обнял его. Министр был без рубашки, брюк, даже резиновых сапог - в одних трусах, - такая жара царила внизу.

Подняв электрический перфоратор, он спросил у Пабло, как им пользоваться, несколько минут бурил, а затем сказал: "Я совсем вымотался. Не знаю, как ты можешь справляться с этой штукой, ведь ты такой маленький".

С этими словами Че скрылся в темноте. Пабло не сразу понял, что это было реальностью.

Че продолжал страдать от астмы. Доктор Фернандес Мель, его старый друг и товарищ по оружию, пытался экспериментально выявить причины приступов, чтобы бороться с заболеванием. Но Че до сих пор не был в состоянии достаточно точно определить, что вызывало обострения, хотя и знал о влиянии нескольких факторов, таких, как погодные условия, пищевые продукты и различные материалы одежды.

Он пользовался средствами, с помощью которых ветеринары лечат лошадей.

"Че приходилось вдыхать через ингалятор адреналин, который расширял его бронхи. Адреналин опьянял его, вызывал боли в животе и особенно в голове. Че также использовал раствор кортизона как противовоспалительное и употреблял очень много жидкости, чтобы растворять адреналин в организме. Его болезнь была ужасной и необычной. Че стал сродни барометру: он мог точно предсказывать приближение холодных атмосферных фронтов. Проявления болезни у него были очень многообразными, например в виде воспаления лобных пазух из-за затрудненности дыхания".

Именно эта личность вызывала все более и более сильное беспокойство у секретных служб Соединенных Штатов Америки. 30 декабря 1963 года среди высших должностных лиц администрации президента Линдона Джонсона был распространен меморандум разведки "Значение возобновленной Кубой кампании подстрекательства к насильственной революции в Латинской Америке". В нем содержалось предупреждение по поводу значительного увеличения количества призывов к латиноамериканской революции в речах Фиделя, передачах "Радио Гаваны" и в выступлениях Че Гевары.

33. 1964: основа революции.

В начале 1964 года Че обнародовал план промышленных инвестиций. В целом предусматривалось вложить в промышленность 180 миллионов песо, на 18 процентов меньше, чем в предыдущем году. Больше внимания уделялось сельскому хозяйству и особенно сельскохозяйственной инфраструктуре: строительству дорог к плантациям сахарного тростника и хранилищам.

Мигель Анхель Фигерас, один из коллег Че по Министерству промышленности, рассказывал: "Правительство заметило, что в отношениях с социалистическими странами возник огромный торговый дефицит, а мы чувствовали, что пришло время положить этому конец. Единственный способ достичь успеха состоял в восстановлении производительности выработки сахара". Так что темп индустриализации снизился, хотя уже были достигнуты значительные успехи: "было установлено новое оборудование, и много мелких и средних мастерских и предприятий успели переоснастить; это оказалось одной из главных причин того, что наши фабрики продолжали действовать и в то время, когда блокада Соединенных Штатов на поставку запасных частей была в полном разгаре". Да, темп замедлился, но процесс все так же оставался под тщательным контролем, что давало возможность исправлять - допущенные ошибки.

В эти дни у Че происходили постоянные жесткие столкновения с министром экономики Регино Боти и секретариатом Ху-сеплана - он обвинял своих оппонентов в формализме и называл Центр планирования логовом бюрократов. Переписка Че с Боти - он очень уважал последнего, хотя и постоянно спорил с ним - представляет собой непрерывные согласования. В октябре 1963 года он написал Боти:

"Я сожалею, что мое отсутствие на совещании в Хусепла-не, возможно, послужило причиной отсутствия каких-либо обсуждений проблем производства. Согласно Вашей информации, ни в Камагуэе, ни в Орьенте суда не пострадали от урагана. Я всегда к Вашим услугам и готов по телефону или в письме предоставить информацию по поводу любых неясностей, касающихся производства или любой Другой области, в которой я хорошо разбираюсь (например, теории прибавочной стоимости)".

Через несколько месяцев, в феврале 1964 года, Че завершил

с Боти об одной из технических проблем фразой в письме:

приветствую Вас, товарищ министр, военным кличем Хусеплана:

Да здравствует война переписки! Долой производительную работу!"

- июня Че вновь написал Боти. В ответе на предложение последнего увеличить тираж журнала "Медико панамерикана" было сказано, что журнал - "говно", а исходя из "моего небольшого и мало поучительного врачебного опыта, говно не может служить никаким политическим целям". Еще одно письмо, датированное 17 июня, было ответом на личную просьбу насчет токарного станка: "Важнейшие инструменты не могут быть предметом купли-продажи. Если у Вас есть друзья, то отправляйтесь сами на поиски средств производства".

В конце 1964 года Че заявил, что Объединенный плановый комитет - это настоящее бедствие. "Всякий раз, когда я подписываю бумагу, то не знаю делаю ли я что-нибудь осмысленное или же подписываю какое-то чудовище - настолько плохи взаимосвязи". К Боти Гевара относился как к "одному из тех симпатичных людей, которые стараются разглядеть суть вещей, глубоко интересуются происходящим и заставляют людей шевелиться". Когда же в конце концов Министерство экономики оказалось поглощено Хусепланом, который возглавил президент Освальдо Дортикос, а Боти ушел работать на производство, Че поздравил его.

Но не только Объединенный плановый комитет получал от Че язвительные письма. Министру иностранных дел Раулю Роа он вернул письмо с такой припиской: "Возвращаю посланное тобой никчемное письмо, чтобы ты научился ничего не подписывать, не читая".

11 января Че раздавал удостоверения об участии в добровольной работе, где указывалось количество часов, отработанных на воскресниках; сам он тоже получил такой документ. В речи на пленуме Совета кубинских рабочих Че рассказал историю о семидесятилетнем старике, выполнившем добровольную норму, о женщине, отработавшей 340 часов, и рабочем, отдававшем добровольной работе все свободное время - 980 часов.

"Но главное не в том, чтобы сделать наши фабрики выгодными, пожертвовав несколькими рабочими... Достижения скорее должны осуществляться через знания, приобретенные в ходе работы... На эту пасху у меня в руках оказались кое-какие подарки, в том числе и не маленькие. Я лично считаю, что их можно было бы вручить самым выдающимся товарищам. Я не стану показывать их здесь, поскольку они на самом деле хороши и их можно по ошибке принять за материальные стимулы, которыми я их не считаю".

После этого он передал подарки трем наиболее отличившимся рабочим.

Он указал, что социальное принуждение было полезным, но при этом людей нельзя силой заставлять работать, в противном случае "добровольная работа" потеряет свой смысл.

В начале года Че дал интервью журналисту Севере Касалису (Сикитрилье), в котором затронул вопрос о трудовом лагере в Гуанаакабибьесе. "Мне известно, что вы не испытываете симпатий к Гуанаакабибьесу", - сказал Че и, не получив ответа, спросил: "Хотели бы вы туда поехать?"

Проблема Гуанаакабибьеса заключалась в отсутствии информации среди широких кругов населения. Отсутствие гласности порождало ужасные слухи и дикие версии. Сама мысль о трудовых лагерях исторически связывалась с нацистским или советским эвфемизмом для концентрационного лагеря. Че многократно поднимал вопрос в ходе различных разговоров в Министерстве промышленности; так, например, в 1962 году, когда начальник отдела кожевенного производства заявил, что не может никого наказать отправкой в Гуанаакабибьес без предварительного обсуждения с низовыми партийными организациями, Че ответил на это:

"Гуанаакабибьес - это не феодальное наказание. В Гуанаакабибьес не отправляются те, кто должен сидеть в тюрьме. В Гуанаакабибьес отправляются те, кто допустил более или менее серьезное нарушение революционной этики и был уволен с работы. Им приходится тяжело работать, но никакого зверства там нет".

Тот, кто совершил воровство, попадает в тюрьму; руководитель, покрывавший вора, попадает в Гуанаакабибьес. "Люди, которых я видел, не испытывают обиды или недовольства". И, заканчивая выступление, Че сказал сотрудникам министерства, что "каждый желающий может посетить Гуанаакабибьес, а те, кто не захочет этого сделать, могут уходить из министерства".

Место под названием Гуанаакабибьес, звучание которого приводило в изрядный трепет не одного из кубинских чиновников, находилось в маленьком городке Уверо-Кемадо, укрывшемся в лесу на полуострове Корриентес. Первоначально там находился трудовой лагерь, организованный армией, которым стало пользоваться и Министерство промышленности. Поблизости находился поселок шахтеров-угольщиков.

Че посетил лагерь в 1964 году в обществе Сикитрильи. Министр повез журналиста на маленьком самолетике "Сессна". Первый вылет оказался неудачным из-за разыгравшегося шторма,

и они полетели второй раз.

- Я думаю, что мы единственные, кто решил несмотря ни на что попасть в Гуанаакабибьес, - заметил Сикитрилье.

- Нет, есть и другие, кто, кажется, упорно добивается этого, - откликнулся Че".

По прибытии Сикитрилья увидел около сотни людей в реабилитационном центре. Они были вооружены, как почти все жители Кубы, где служба в ополчении привела к появлению оружия в повседневной жизни. Зато никакой охраны не имелось: это не была тюрьма.

"Кто-нибудь не согласен с этим предположением?" - громко поинтересовался Че.

Никто не ответил. Люди, находившиеся в Гуанаакабибьесе, попали туда по множеству самых разнообразных причин; там были студенты, руководители промышленных предприятий и революционные командиры. Вновь прибывшие работали лесорубами и постепенно переходили к более сложным задачам - например, делали бейсбольные биты или же упаковывали тушки цыплят на птицефабрике; все вели непрерывную войну с грызунами, поедавшими зерновые культуры. В лагере имелись пекарня, школа и пасека. Все это было построено руками людей, работавших в лагере.

Люди, работавшие в системе Министерства промышленности, отправлялись в Гуанаакабибьес на несколько недель или месяцев за недисциплинированность, аморальное поведение или очень плохую работу. Каждый наказанный имел право апеллировать к руководству, мог согласиться с наложенным взысканием, но мог и отказываться принять его. Наказание обычно сопровождалось лишь временным отстранением от работы, и люди по возвращении из лагеря имели возможность вернуться на свои прежние рабочие места. Один из сотрудников Че, заместитель министра Орландо Боррего, добавлял: "Че упорно утверждал, что как только наказание было исполнено, промахи людей больше не должны были упоминаться и все дело следовало считать законченным".

Майору Геваре очень нравилась мысль о таком лагере, и он часто шутил - или наполовину шутил - насчет отправки своей команды в Гуанаакабибьес "на каникулы". Секретарь Че, Хосе Мануэль Манреса, позже признался, что частенько оказывался под угрозой отправки в Уверо-Кемадо. "Все же это был уникальный трудовой лагерь".

Хотя Че часто летал туда по воскресеньям, чтобы работать вместе с обитателями лагеря, место имело зловещую репутацию среди работников министерства среднего и высшего уровня.

Неприязненно относящийся к кубинской революции американский историк Теодор Дрэпер утверждал, что Гуанаакабибьес был концентрационным лагерем и что рабочие с ужасом произноси- ли это название. В марте 1964 года, когда Че на собрании передовых рабочих задал вопрос, не хочет ли кто-нибудь из них стать руководителем, один из присутствовавших ответил, что никто не желает ехать сажать эвкалипты в Гуанаакабибьес. Че перевел разговор в шутку, сказав, что прежде всего там нет никаких эвкалиптов, а лишь "москиты и тому подобные штуки, а если мы будем посылать туда каждого, кто допустит ошибку, то скоро там будут одни лишь небоскребы".

Имеется интересное свидетельство лидера Союза молодых коммунистов Франсиско Мартинеса Переса, который был отправлен в Гуанаакабибьес на шесть месяцев в качестве наказания за личный проступок, допущенный во время обучения в Советском Союзе. Он сказал Че, что считает наказание несправедливым, на что Че ответил вопросом же: разве Мартинес не считает, что этот опыт тем не менее поможет ему сделаться революционером? Тот вынужден был признать правоту Гевары. В Гуанаакабибьесе он работал в угольной шахте.

В феврале 1964 года Че возобновил начатые годом раньше дебаты по поводу различий между советской и кубинской индустриальными моделями. В статье под названием "О бюджетной системе финансирования" он попытался просто и наглядно сформулировать суть этих различий, о которых часто говорили как о неясных и трудноуловимых.

По мнению Че, достоинство централизации состояло в том, что она позволяла рационально организовать управление и использование ресурсов, экономить приложение рабочей силы, объединять усилия без риска возникновения конфликтных несоответствий заработной платы, а также осуществлять капиталовложения с более простой системой контроля. С другой стороны, он полагал, что "все еще трудно сказать, какие недостатки дефицит, проблемы с сырьем, недостаток руководящего и инженерно-технического персонала вызваны слабостями, неотъемлемо присущими системе, а какие являются главным образом порождением нашего сегодняшнего стиля организации".

Марсело Фернандес защищал советскую систему "финансовой автономии" исходя из двух ее основополагающих качеств: финансовой дисциплины и возможности осуществлять управле-е экономическими методами, а также потому, что благодаря 'той системе укреплялись связи между производителями и потребителями, повышалось качество и рос объем производства.

Кубинские фабрики не имеют никакого стимула бороться за активизацию сбыта своей продукции, разве что от этого будет зави--ть заработная плата их рабочих... Фернандес утверждал, что у -го имелись банковские документы, доказывавшие, что корпорации Министерства промышленности ни в малейшей степени не беспокоились о развитии экономики, хотя и был вынужден признать, что в хаосе, преобладавшем в то время на Кубе, корпорации Института аграрной реформы были еще хуже. Далее он доказывал, что хотя, согласно теории, "бюджетная система финансирования" не использует банковские кредиты, корпорации управляемые людьми Че, допустили сильный рост дефицита в период 1961 - 1963 годов и покрыли его с помощью кредитов банка.

Ответ Че не заставил себя ждать. В статье, опубликованной журналом "Куба социалиста", Гевара обвинил Марсело Фернандеса в недостаточной глубине теоретического анализа.

Изменения, происшедшие в составе кубинского правительства в течение нескольких последних месяцев, казалось, свидетельствовали об укреплении позиций Че. Однако это был всего лишь второй круг дебатов.

Че в Министерстве промышленности продолжал свои собственные, персональные боевые действия. На заседании коллегии, состоявшемся 22 февраля, он снова и снова говорил о том, что ее членам необходимо учиться, что "мы пока что не имеем команды, о которой могли бы сказать, что все собравшиеся здесь - специалисты в своей области, с университетскими степенями и всем, что полагается, а не заинтересованные любители, которыми все мы являемся сейчас".

Однако самой важной из всех проблем казалось то, что

"участие рабочих в управлении фабриками сегодня равно нулю, хотя мы и послали целый ряд инструкций. Каждый раз, прибывая на фабрику, я спрашиваю, как проходят производственные собрания ... и управляющий сообщает мне: "Ну конечно, собрания проводятся ежемесячно, но они скучные, плохо посещаются, люди не проявляют активности..."

И в чем же причина недостаточного участия рабочих в управлении производством и их апатичности? Просто они воспринимают посещение собраний как обязанность перед кем-то посторонним, а не как место, где нужно разбираться со всем происходящим".

В черствости руководителей Че видел фактор, ухудшающий положение. На обувной фабрике в Матансасе, которую он посетил, один из рабочих пожаловался, что вынужден работать на участке, где образуется очень много пыли, при том, что он

страдает от астмы. Че, который как астматик особенно сочувствовал таким бедам, поговорил с руководителем, но тот сказал, что ничем помочь нельзя - у него нет возможности установить вытяжной вентилятор. Че продолжал настаивать, и тогда местный начальник заявил: "У него вовсе не астма, у него туберкулез".

Свидетельств того, как ему досталось от Че после этой реплики)не сохранилось.

23 февраля майор Гевара в составе бригады министерства резал сахарный тростник на плантациях в Орландо-Нодарсе. Водитель, доставивший их на участок, поставил автобус в тени и остался сидеть в машине. В конце концов Че вскипел и подошел к автобусу.

"- Эй, товарищ, где твой мачете?

- Я не собирался рубить тростник, я водитель.

- Знаешь, тут каждый умеет водить машину. Или ты находишь мачете и начинаешь работать, как и все остальные, или прямо сейчас уходишь отсюда. И не волнуйся за автобус - если дело только в этом, то я сам доведу его обратно".

Как свойственно любой агиографии, тональность диалога за прошедшие годы оказалась снижена. Один из близких сотрудников Че сказал: история окажется куда ближе к действительности, если читатель вставит в нее несколько выражений типа "черт возьми" и "дерьмо".

В то время Че старался внедрить в добровольной работе своеобразную дружескую соревновательность. Росария Куэто, руководительница организации Союза молодых коммунистов в министерстве, приняла вызов Че, и они оба сформировали себе бригады. По словам Куэто:

"Я срезала больше тростника, чем когда-либо в жизни... так как мы просто не могли никому позволить побить нас. Все в моей группе согласились со мной... Соревнование шло почти на равных. Мы узнали, что Че послал одного из своих охранников шпионить за нами ... и мы стали поступать так же. Соперничество было настолько острым, что, признаюсь, я была счастлива, когда услышала, что у него случился приступ астмы, потому что это позволило нам вырваться немного вперед. По мнению нарядчиков, победу одержала моя команда. Че сказал, что подсчеты были пристрастными, что победу решили присудить мне как женщине. Никто не принял этих обвинений, и разгорелась ужасная перепалка. Че казался действительно рассерженным и обвинял нарядчиков в том, что мы смогли одержать победу только благодаря им...

Спустя несколько дней состоялось собрание. На нем решили

устроить соревнование между Министерством промышленности и НИАРом, и Че послал за мной.

Че сказал: "Я пригласил тебя, Росария, чтобы ты рассказала, что ты думаешь о соревновании между нами".

Хотя я волновалась, но рассказала все и даже призналась, что была счастлива, когда с ним случился приступ астмы. А он чуть не умер от смеха, услышав эти слова".

20 февраля Че ответил на письмо некой Марии Росарио Гевары де Касабланка, написав, что не имеет ни малейшего понятия о том, из какой части Испании происходили его предки.

"Товарищ! Откровенно говоря, точно не знаю, из какой части Испании пришли мои предки. Они давным-давно покинули те места "в чем мать родила". И я не хожу в таком виде лишь потому, что это не особенно удобно, но продолжаю жить в такой же нищете, как и они. Не думаю, что между нами есть близкие родственные связи, но если ваши перья встают дыбом всякий раз, когда в мире совершается несправедливость, то мы - товарищи, что гораздо важнее".

Через шесть дней Че в письме некоему Хосе Медеро в который раз превозносил достоинства морального стимулирования:

"Противопоставлять капиталистическую эффективность социалистической эффективности значит путать действительность и лучшие пожелания. Социализм достигает бесспорных преимуществ благодаря распределению и централизованному планированию...

Что касается материальных стимулов, то побивать капитализм при помощи его собственных фетишей при условии, когда их самое эффективное волшебное средство - прибыль - удалено, кажется мне очень трудной задачей... Если я заставляю себя выражаться действительно темно (по моим часам уже перевалило за полночь), то, возможно, я смогу выразиться яснее с помощью другого сравнения. Материальные стимулы, используемые в качестве движущей силы при социализме, подобны дешевой лотерее, они не заставляют загораться глаза самых жадных и при этом не могут вывести остальных из состояния безразличия. Я не утверждаю, что разрешил проблему, и еще менее - что сказал последнее слово по поводу этих и других противоречий".

В марте 1964 года руководство кубинской революции потряс новый политический кризис. Он возник из незначительной в общем-то проблемы: суда над Маркосом Родригесом. Этот человек был членом НСП, во время революции проник в ряды Директората и предал полиции Батисты нескольких активистов,

принимавших участие в налете на Национальный дворец. Родригес был арестован по возвращении из Праги, где он учился. Некоторые из бывших членов НСП принялись защищать его, и суд ерерос в жаркий спор.

В качестве внешнего проявления начавшегося спора служила полемика в печати между газетами "Революсьон" и "Ой", которая прежде принадлежала НСП, причем "Ой" не публиковала материалов о первой неделе судебного процесса. Фидель Кастро принял соломоново решение наказать оба крыла партии. Фауре Чомон смог хорошо воспользоваться судебным процессом; он заявил, что Родригес является символом сектантства, и развернул сильную атаку на старых участников НСП. Подводя итог, он заявил, что несколько хорошо известных людей, которых он разоблачил, покрывают предателя. Кастро попросил Бласа Року полностью опубликовать речь Фауре Чомона в "Ой" и обратил тяжелую артиллерию на Сикитрилью, назвав его представителем "желтой" журналистики. После этого журналист ушел из газеты "Революсьон".

Че, казалось, пребывал над схваткой. 10 марта он устроил себе совершенно необычный для него выходной и отправился вместе с Алейдой на стадион смотреть бейсбольный матч между командами "Индустриалес" и "Оксиденталес".

17 марта он вылетел в Женеву, где принял участие в конференции по торговле и развитию, проводившейся Организацией Объединенных Наций. Там Че произнес очень откровенную речь: "Мы ясно понимаем и искренне говорим, что единственное решение проблем человечества в настоящее время состоит в том, чтобы полностью устранить эксплуатацию развивающихся стран развитыми капиталистическими странами".

Он также во всеуслышание осудил степень введенной против Кубы экономической блокады, вследствие которой изделия, имеющие компоненты кубинского производства, должны быть запрещены к продаже в Соединенных Штатах, даже если они произведены вне Кубы. Суда, на которых доставлялись товары на Кубу, не получали разрешения на перевозку американских товаров. Долларовые денежные переводы на Кубу также запрещались. Имелось множество случаев оказания давления на другие страны, например угрозы приостановки помощи Франции и Англии. И все это происходило в то время, когда связи Кубы с Китаем и СССР ослабевали. Островная нация, казалось, стала Целью для ненависти империи США.

Че смог очаровать как друзей, так и врагов. В Женеве Карлос Льерас Рестрепо, будущий президент Колумбии, пригласил его на обед, хотя колумбийская делегация имела указания не посещать

мероприятий, проводимых представителями стран, с которыми Колумбия не имела дипломатических отношений.

Че воспользовался возможностью и во время конференции ООН по торговле и развитию ознакомился с управлением качеством производства в полимерной и часовой промышленности а по пути домой сделал остановку в Алжире.

8 апреля Объединенный плановый комитет опубликовал балансовый отчет кубинской промышленности за 1963 год. Че с полным основанием мог быть довольным: хотя объем промышленного производства и составил только 84 % от запланированной величины, но производственные затраты сократились на 4 %. Тем не менее его продолжала терзать проблема низкого качества, и причины этого бедствия он усматривал в недостатке у руководителей промышленных предприятий уважения к людям.

На заседании коллегии министерства Че подчеркнул, что причиной дурного качества изделий могут быть или нехватка сырья, или же бюрократизм, культ количества и отсутствие производственной дисциплины и что между этими причинами следует видеть отчетливую разницу.

Че был разгневан и не скрывал этого. Он принялся перечислять бракованные изделия, выкладывая их одно за другим на стол: бесформенные куклы, "похожие на дряхлых старух", никуда не годный трехколесный велосипед, ботинок, в котором каблук был прибит двумя гвоздями вместо положенных десяти, дефектная застежка-"молния" для брюк ("и таких еще 20 000"), которые в народе получили шутливое наименование "камило" (у покойного Камило Сьенфуэгоса была широко известная репутация дон-жуана), кровать с подгибающимися ножками, шампунь, который не мыл волосы, бесцветная пудра для лица и аммиак, обязательно требовавший фильтрования перед использованием.

Вывод последовал трагический: качество промышленной продукции изменялось от плохого к худшему. Эту тему Че затрагивал далеко не в первый раз: еще месяцем раньше он заявил, что самым важным из всего увиденного в Швейцарии был контроль за качеством.

9 мая Че выступил на собрании молодежи своего министерства. Это была неудачная речь. Казалось, что он внезапно увидел себя в том образе, который ему не понравился: "Это министерство-и впрямь холодное, и впрямь бюрократическое, логово дотошных бюрократов и грязных дельцов, которые, начиная с министра и до самых низших чиновников, постоянно борются с безнадежными проблемами".

Однако Че не потерял ни своего язвительного остроумия, ни чувства юмора. 26 мая он написал письмо руководителю гаванской психиатрической больницы, где между прочим сказал:

"Мне хотелось бы знать еще вот что: как Вы можете печатать 6300 экземпляров специального журнала при том, что на всей Кубе нет такого количества докторов? Меня гложет беспокойство, которое чуть не привело меня к нервно-экономическому припадку. Для чего этим журналом пользуются крысы: чтобы повышать свои знания в области психиатрии или чтобы набивать животы? Или, может быть, каждый из пациентов имеет экземпляр около его или ее кровати? В любом случае 3000 экземпляров тиража являются безусловно лишними. Я прошу Вас подумать об этом. Серьезно, хотя журнал и хорош, но его тираж просто невозможный. Поверьте мне, ведь истина, провозглашаемая устами сумасшедших, всегда становится всеобщим достоянием".

В безумии Че всегда присутствовал не только метод - в нем имелся и план. В июне он вступил в дискуссию по поводу теории прибавочной стоимости, включившись в дебаты, начатые американскими экономистами Чарлзом Беттелхеймом и Эрнестом Манделем. Он углублялся в тонкости текстов марксистских классиков, сопоставляя одни цитаты с другими. Че охарактеризовал марксизм как явление библейского плана, открытое для интерпретации, и посетовал на то, что ссылки на него все меньше и меньше связаны с действительностью и все больше превращаются в догматы "классиков". Прежде всего Че подчеркнул одну мысль: понимание и воля в состоянии изменить требования рынка и законы экономики.

Исходя из той же самой точки зрения, Че в июне выступил против руководства профсоюзной организации Союз кубинских рабочих: "профсоюзы, помимо прочего, должны будут понять, что их функции не ограничиваются составлением и произнесением речей или борьбой против различных начальников в различных местах, а заключаются прежде всего в работе с массами и развитии новых концепций этой работы".

Весьма твердым орешком, который все же обязательно предстояло расколоть, являлась проблема разницы в заработной плате. В конце 1963 года Че уже имел столкновение с рабочими, прошедшими обучение специальностям младших статистиков и чертежников; тогда он сказал: "Не считайте, что я слишком напуган для того, чтобы смотреть в глаза рабочему классу". Но в промышленности существовало 90 000 тарифных ставок заработной платы, двадцать пять тарифных сеток... Положение было совершенно ненормальным, и те, кто находился на вершине управленческой структуры, были не в состоянии с ним

справиться, так как количество денег в обращении все увеличивалось, несмотря на отсутствие роста производства, а снизить заработную плату возможности не было, так как профсоюзы всю свою длительную историю вели борьбу за ее увеличение.

Че считал: то, что годится для рабочих, с тем же успехом подходит и чиновникам. 31 августа он отправил президенту комиссии по заочному высшему образованию письмо, в котором с негодованием отказывался от предложенного гонорара за чтение лекции. "Я считаю неприемлемым, когда правительственному и партийному руководителю предлагается денежное вознаграждение за работу, за какую бы то ни было работу... Не считайте это мои слова ничем иным, а лишь жалобой на посягательство на безвозмездность работы, которое не становится менее болезненным из-за его непреднамеренности".

На протяжении этого периода Че открыл дюжину фабрик, которые были заказаны в Восточной Европе и построены за два предыдущих года. Они выпускали карандаши и колючую проволоку, свечи зажигания и велосипеды, домашние холодильники и кухонные плиты. Далеко не все эти предприятия радовали министра. Он рассчитывал производить велосипеды на фабрике в Кайбарьене, а выяснилось, что это был просто завод для сборки частей, изготовленных в других местах. Сборочный цех, да еще и дефектный в придачу: "Мы заказали его, не имея представления о том, какое огромное количество деталей требуется импортировать". Зато в Сайта-Кларе, где было создано новое производство домашней посуды, он смог наконец "открыть фабрику, не испытывая потребности в самокритике".

Че объявил, что его заместитель Орландо Боррего уходит с работы, чтобы возглавить Министерство сахара, которое выделялось из Министерства промышленности, и что предстоит случиться еще некоторым изменениям. Среди советников, оказывавших помощь новому министерству, был Альберто Мора, которого Че вернул к работе, несмотря на политические разногласия, возникшие между ними: "Он может указать нам на ошибку, и в этом не будет ничего неправильного, или же указать на собственную ошибку, и в этом тоже не будет ничего неправильного. В любом случае мы станем гораздо мудрее". В число советников также вошли Гарольд Андерс и Карлос Франки.

За первую половину 1964 года Че провел на добровольной работе 240 часов. Фактически он работал каждое воскресенье и даже больше того, не потеряв при этом ни одного часа из своего напряженного рабочего времени. Порой Че признавался в том, что его жизненный темп является чрезвычайно напряженным:

"Ранним воскресным утром совершенно необходимо просмотреть бумаги или сделать что-нибудь еще, хотя до смерти хочется отправиться в постель, но вместо этого бумаги, и еще, и еще бумаги..."

Месяцем позже он выдал удостоверения сотрудникам министерства промышленности, совместный стаж добровольной работы которых составил 1 683 000 часов. Вслед за Че к движению добровольного труда присоединились очень многие из вождей революции, инженерно-технических работников и рабочих.

9 августа Че в Санта-Мария-дель-Мар играл на второй базе за бейсбольную команду, которую возглавлял Фидель. В бейсбол он играл впервые в жизни.

Ильда, старшая дочь Че, частенько приходила к нему на работу. Он давал ей книги и просил девочку читать ему вслух. Иногда он растягивался на полу, и дочь массировала ему спину.

Энрике Олтуски рассказывал, что в то время, хотя они уже не работали вместе, "мне нравилось общаться с ним, и я приходил в его кабинет при каждом удобном случае, и мы подолгу разговаривали. Манресу просили подать кофе. Че ложился належавший на полу ковер и дымил сигарой. Когда портился кондиционер, он снимал рубашку и распахивал окна. В наших беседах мы обычно решали всемирную проблему справедливости".

Че был очень обеспокоен, с одной стороны, широко распространенным среди рабочих воровством, а с другой - все чаще поступавшими известиями о мошенничестве начальников промышленных корпораций и экономических руководителей. Он обратился в правительство с просьбой вывести на чистую воду каждого, кто использует свою должность для того, чтобы воровать, а в скором времени еще раз возвратился к той же проблеме. На сей раз речь шла о хищениях со складов, которые происходили вследствие отсутствия на предприятиях должного учета и надзора.

Где-то в середине 1964 года Че вновь посетил горнопромышленный комплекс Никаро, чтобы получить представление о состоянии дел там. Вспоминает Фигерас:

"Эдисон Веласкес, руководитель шахт, был неутомимым тружеником; он подорвал свое здоровье, вытягивая производство из провала, но у него был кошмарный стиль управления, ужасно раздражавший людей. Необходимо было обновить кадры, ободрить и вдохновить их, произвести различные перемены. Посещение шахт продолжалось два дня, все это время шли очень резкие споры, и в конце концов Че решил, что Эдисону следует

возвратиться в Гавану. Он сделал свою работу и при этом допустил ошибки, которые могут очень серьезно сказаться в будущем. Окончательный разговор состоялся в рабочей столовой. Че и Эдисон сидели друг перед другом за столами на огромных бетонных скамьях, а все остальные молча следили за происходящим и понемножку разбегались. Они провели за этим разговором около двух часов. Че не хотел подавить или унизить Веласкеса, несмотря даже на то, что на совещаниях в министерстве между ними часто происходили стычки".

Че стремился оказывать своим кадрам действенную поддержку, искал с ними взаимопонимания, но от этого стиль управления, который он применял к директорам предприятий, подчиненных Министерству промышленности, не становился ни на йоту мягче. 12 сентября он приступил к осуществлению плана "понижения в должности", который являлся дополнением и в некоторой степени антитезой действующему плану продвижения на вышестоящие должности. Он обрел зримую форму в октябре, когда в свет вышел документ под названием "Специальный план совмещения должностных обязанностей". Каждый из руководящих работников министерства должен был в течение месяца работать на одном из предприятий возглавляемых им или ею отрасли. "Мысль заключается в том, что вы отправляетесь на фабрику посмотреть, что же из себя представляет то, о чем вы каждый день подписываете бумаги". Программа была обязательной для всех: для министра и для его заместителей, для генерального директора и для руководителя предприятия. Те, кто прошел "понижение в должности", не должны были составлять никаких отчетов: рабочие не должны были воспринимать прибытие начальства на производство как инспекцию, так как "в противном случае люди сразу же начнут Относиться к этим товарищам как голодные львы".

Были предусмотрены специальные меры для того, чтобы избежать ослабления управленческой структуры: в один и тот же период не могли быть понижены в должности более 25 % руководящих работников данного уровня, а также не допускалась одновременная отправка на производство руководителя вместе с его заместителем. Охват кадров ограничивался Министерством промышленности, поскольку "не все товарищи, даже не все правительство поддержало эту идею; она не обсуждалась".

28 октября Че принял участие в мероприятиях, посвященных годовщине гибели Камило Сьенфуэгоса, и посетовал на то, что память о погибших стала уделом ритуалов, превратилась в "своего рода обязательную работу". И предупредил:

"У истории революций есть "подводная часть", не доступная

взглядам публики. Революции не являются совершенно чистыми движениями; они совершаются людьми и осуществляются среди междоусобной борьбы, столкновения амбиций и взаимных претензий. И когда все это оказывается преодоленным, революция, к счастью или к несчастью, становится частью истории, смиряется и исчезает".

4 ноября Че снова отправился в СССР, чтобы принять участие в праздновании сорок седьмой годовщины Октябрьской революции. Это был первый официальный контакт Че с советской номенклатурой после перерыва, порожденного ракетным кризисом. Не был ли визит устроен для примирения Че с руководителями Советского Союза? Фидель, несомненно, ставил такую цель, но Че никак не мог отречься от своего критического подхода к действительности, который со временем становился все острее. При посещении советской фабрики, о которой говорили как об образцовой, он, по воспоминаниям коллег по делегации, сказал, что "это капиталистическая фабрика, похожая на те, что были на Кубе до национализации". Он видел ошибки и заблуждения в планировании, уловки, к которым прибегали в ходе "соревнования", так как планирование было сориентировано на перепроизводство. Он сказал другим членам делегации, что Советский Союз находится в экономическом тупике и пребывает во власти бюрократии.

В СССР корреспондент уругвайской газеты "Эль Популар" взял у Че интервью по поводу недавних выборов президента Соединенных Штатов Америки.

"- Что Вы думаете о поражении Голдуотера?

- Ответ окажется трюизмом. Поражение Голдуотера - это триумф Джонсона и ... вы записываете?

-Да.

- И ... Голдуотер кажется хуже, чем Джонсон. Но для всех, кого я знаю, Джонсон не так уж хорош. Нужно приложить много сил для самоутешения, чтобы чувствовать себя счастливым потому, что победу одержал лучший из худших".

После возвращения из поездки Че рассказал своим коллегам на заседании коллегии министерства о споре, который у него состоялся с несколькими кубинскими студентами в посольстве в Москве.

"В ходе нашего спора эмоции вышли из-под контроля. В те Дни студенты руководствовались не библией "Капитала", а простым марксистским справочником, а тут их познакомили с несколькими точками зрения, в том числе и опасно капиталистическими, на основе которых может возникнуть тенденция к ревизионизму".

Че обсуждал с кубинскими студентами свои взгляды на моральное стимулирование, говорил о том, что советское "самоуправление" является настоящим бедствием. Он сказал, что у него никогда не было такой восприимчивой аудитории, потому что собеседники жили непосредственно в средоточии проблемы. В советской системе "у лидеров не было никаких обязательств перед массами".

Че пришел к страшному заключению: "Что ни говори, западноевропейский блок развивается гораздо быстрее, чем блок народных демократических государств". Почему? Он доказывал, что это происходит из-за того, что вместо развития народной кооперации они вернулись к материальным стимулам, конкуренции и дифференциации в заработной плате ("начальники получают все больше и больше").

"У меня в Москве было несколько стычек": похоже, до него дошел слух о том, что Советы обиняком называли Че троцкистом. Командующий Гевара объяснил своим товарищам, что "высказал мнение, которое можно было счесть близким к китайской стороне ... с некоторой примесью троцкизма. Говорят, что китайцы раскололи революционное движение, и меня тоже вымазали той же самой краской". Он подчеркнул, что во время дипломатической поездки "я дисциплинирован и неукоснительно представляю правительство". И хотя официальной позицией кубинского правительства по отношению к китайско-советским противоречиям был "строгий нейтралитет и полное невмешательство в спор этих двух стран", среди руководства Кубы возникла сильная просоветски настроенная группа. И действительно, Франки в январе сказал, что Рауль Кастро был очень недоволен им и Че, называя их прокитайцами.

После этой поездки у Че начало постепенно изменяться отношение к Троцкому и троцкизму. "Мнение, которое кто-то хотел бы разбить вдребезги, - это мнение, подходящее для нас. Мнение нельзя разбить вдребезги, такие попытки лишь задерживают рост разума ... Очевидно, что из размышлений Троцкого можно многое почерпнуть". А что именно? Об этом Че не говорил.

Он ощущал интуитивную потребность разобраться в так называемых марксистских ересях и рассмотреть их без предубеждения. Но Че имел очень мало возможности познакомиться с теоретическими взглядами Троцкого, анархо-синдикализмом и любым другим из направлений левых революционных движений Европы первой половины двадцатого столетия, которые победившая сталинистская советская бюрократия не подвергла бы соответствующей переработке.

Вернувшись домой, Че 30 ноября поехал на восток Кубы, где открывалось производственное объединение. Он воспринял это событие как личный выпад против себя. "Замечательное" объединение - это просто еще один маленький хлев с никудышными характеристиками, и в целом довольно плохой". На церемонии присутствовали родственники погибших участников гражданского сопротивления, что придало событию эмоциональный подъем. Че произнес блестящую речь, в которой рассказал об истории восстания в Сантьяго, начавшегося в те самые дни, когда отряд Фиделя плыл на "Гранме", подчеркнул значение города для революции, сказал о том долге, который революция обязана ему вернуть. И в заключение он особо отметил тот факт, что объединение будет производить товары, необходимые населению, такие, как гайки и болты, стиральные машины и столовые приборы.

Воспользовавшись возможностью, Че проанализировал положение в Латинской Америке и Конго. Его слова сохранились для потомства благодаря документальному фильму, снятому Сантьяго Альваресом. В этом фильме у Че более густые брови, чем обычно, он утратил свой аргентинский акцент и с хорошей дикцией говорит на кубинском испанском языке, время от времени вкрапляя в речь элементы аргентинского синтаксиса или мексиканские идиоматические выражения. Че говорил не так уж хорошо - у него вообще не было блестящих выступлений, его харизма заключалась не в словах и не в речах, а в чем-то ином. Он использовал слишком много банальностей, высказывался на удивление медленно, не жестикулировал. Он не был оратором, ловко подбирающим слова, казалось, что его мысли далеко опережают словесное выражение и при этом стремятся обогнать одна другую. Внезапная вспышка произошла, когда он говорил об убийстве бывшего премьер-министра Конго (Заира) Патриса Лумумбы: "Нельзя доверять империализму". После этой фразы он поколебался на долю секунды и, улыбнувшись, добавил с ударением: "Ни на крошку". Он показал эту крошку кончиками пальцев и, словно устыдившись, медленно опустил руку.

На этом же митинге Че говорил и о приближающемся сезоне Уборки сахарного тростника. "Естественно, на рубке тростника женщины вообще не могут сделать так уж много". Эти слова вызвали справедливое возмущенное шиканье присутствовавших женщин.

Суть конфликта между Сталиным и Троцким составляло убеждение последнего в том, что распространение революции и коммунизма во всем мире являлось важнейшей из всех возможных задач и было даже важнее внутреннего развития

Советского Союза. Он был выслан из СССР, а впоследствии любой левый, с которым сталинисты были не согласны, получал ярлык "троцкиста" вне зависимости от своего действительного мировоззрения.

Глядя в будущее, он сказал на заседании коллегии в начале декабря:

"Все новые инвестиции должны быть сделаны таким образом, чтобы производительность достигла мировых стандартов... в прямую противоположность тому пути, каким они делались до сих пор, из-за чего каждая фабрика или химический завод, что открываются у нас, оказываются технологически устаревшими и мало чем способствуют повышению средней производительности по стране".

Прежде всего кубинцы должны "пожертвовать всем, чем следует пожертвовать", чтобы достичь производственной безопасности и гигиены рабочего места - чем пренебрегли в сражении за производительность. В написанном где-то в это время документе под названием "Основные задачи на 1965 год" эта проблема включена в число первостепенных наряду с управлением качеством, обучением, техническим обслуживанием и изготовлением запасных частей.

На этом митинге он еще раз предупредил о той опасности, которую представляет собою бюрократия и, в частности, новая ее разновидность, которую он в шутку назвал "летучей" бюрократией: "они больше не спят в заваленных папками кабинетах; они спят на ходу по специальной системе сна и таким образом переходят с места на место... Они приходят и уходят, и всякий раз, когда вы разыскиваете их, они находятся в другом отделе, но никогда не решают вопросов".

Далее Че дал характеристику руководящих кадров революции. Его описание оказалось очень близко к автопортрету, хотя он и отрицал это: "Оно никак не связано со мной". Но: "Жизнь революционного лидера национального уровня... это жизнь, которая, если лишиться компенсации в виде возможности наблюдать за развитием работы... была бы и впрямь очень неутешительной. Уверен, это та цена, которую приходится платить в теперешних обстоятельствах. ...Та жизнь, какую мы ведем, является всепоглощающей... Можно использовать машину таким образом, что она будет давать наибольшую отдачу в течение пяти лет, а на шестой год сломается. ... Хотя кадры могут выглядеть утомленными, я, по крайней мере, никогда не сказал никому: "Устрой передышку". Слишком часто, благодаря ошибочной мысли о нашей будущей важности мы позволяем духу самосохранения пускать корни".

Он заявил, что необходимо "отказаться от ложной концепции своей ответственности, которая ведет нас к попыткам поберечь себя для будущего". Не было ли это предупреждением? Че заявил, что не собирается беречь себя.

* * *

9 декабря он уехал чтобы выступить на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке.

34. Снова латинская америка.

Все предыдущие годы, выполняя обязанности министра промышленности и участвуя в разнообразных дебатах по экономическим и политическим темам, Эрнесто Гевара без излишнего шума работал над проектом, который, судя по всему, был ближе его сердцу, ближе к его профессии революционера. Еще в 1960 году он написал аргентинскому литератору Эрнесто Сабато: "Ни внутренние, ни международные обстоятельства не заставляют меня вновь взяться за оружие - это дело я как государственный руководитель считаю ниже своего достоинства, хотя оно необыкновенно заманчиво для авантюристической натуры".

В проекте рассматривалась организация инфраструктуры, создание добровольческих групп и подготовка условий для проведения вооруженного революционного движения в Андах. В октябре 1962 года Че утверждал, что эта обширная область "предназначена для того, чтобы стать аналогом Сьерра-Маэстры в Южной Америке". Центр действий должен был находиться главным образом в Перу и Аргентине (в последней после падения правительства Фрондиси один за другим вершились военные перевороты).

Сохранились ли тексты речей, записки, газетные статьи, в которых Эрнесто Гевара излагал не просто свои размышления, но и практические планы будущей латиноамериканской революции? Если эти рукописи и существуют, то они входят в ту часть огромного собрания бумаг, которую Алейда Марч и кубинское правительство до сих пор не обнародовали. Но какие же с начала шестидесятых годов сохранились свидетельства, говорящие о его абсолютной убежденности в том, что кубинская революция является только первым шагом будущей революции по всей Латинской Америке?

9 апреля 1961 года, как раз перед вторжением на Плая-Хирон, Че опубликовал статью под названием "Куба: историческое исключение или авангард антиколониальной борьбы?", в которой подчеркнул отличие кубинского варианта революции от ортодоксальной марксистской теории, провозглашавшей революцию делом рабочего класса, и впервые изложил свое представление о том, какой будет вторая латиноамериканская революционная волна. Необходимым ее условием должны были стать вооруженные восстания крестьян-кампесинос, борьба, распространяющаяся в дальнейшем на города, как гневный ответ на оедность, злоупотребления, диктатуру и все несправедливости,

процветающие на континенте.

Че уверенно предсказал очень скорое кровавое вторжение, подготовленное Соединенными Штатами Америки. "Безо всякой недооценки потенциала избирательного соревнования" он считал выборы отдаленным и пока что полностью закрытым путем к переменам. К этой же проблеме он возвратился позже, в написанной во время ракетного кризиса 1962 года статье "Тактика и стратегия латиноамериканской революции". "Здесь — избирательное заигрывание, там — пара депутатов конгресса, сенатор и четыре муниципальных совета, большая народная демонстрация рассеянная при помощи огнестрельного оружия, по одной выигранной забастовке на каждые десять проигранных, один шаг вперед и десять назад.... Зачем вся эта трата народной энергии?"

В тех те же статьях Че дал крайне низкую оценку городским восстаниям и партизанской войне в городских условиях, так как эти действия были чрезвычайно уязвимы с точки зрения предательства. Но при этом он не доходил до полного отрицания этих видов борьбы: "Я не зайду настолько далеко, чтобы утверждать, что успех невозможен".

Казалось совершенно очевидным, что Че, исходя из опыта Кубы, чувствовал наличие пути вперед и что время для движения по этому пути приближалось. Социальная напряженность на континенте могла бы найти революционное разрешение, лишь кто-то должен был предложить его. Во второй статье он сказал: "В Латинской Америке распространяется новый взгляд... новое понимание того, что возможны перемены. И многие точат мачете".

Видимо, уже с последних месяцев 1962 года, а то и еще раньше Че начал посвящать существенную часть своего времени Латиноамериканскому революционному проекту и не откладывал его в сторону даже во время своей работы министром промышленности. Он помог основать в кубинском Министерстве внутренних дел организацию, получившую название "Либерасьон". Координатором ее работы был заместитель министра внутренних дел Мануэль Пиньеро, получавший указания от Че и Фиделя, но, по словам одного из сотрудников организации, "главным образом от Че". В ее задачи не входила секретная работа, она, скорее, должна была выполнять "оперативные задания" по поддержке и проявлению солидарности с латиноамериканскими революционными группами.

Помимо сотрудничества с такими группами, как в Никарагуа, где начиналась вооруженная борьба против диктатуры Сомосы — эти группы позднее образуют Сандинистский национально-

освободительный фронт, — Че сосредоточил свое внимание на территории, занимаемой Андами.

В конце 1962 года Че в Гаване провел с перуанскими революционерами, среди которых были Эктор Бехар и поэт Хавьер Эрауд, переговоры по поводу возможности открытия партизанского фронта и поддержки той замечательной работы, которую проводил Уго Бланко в Вальес-де-ла-Конвенсьон. Бланко, руководившего мощным движением, в котором принимали участие кампесинос и индейцы одной из наиболее нищих областей Перу, преследовали власти — он был обвинен в налете на полицейский участок. Мануэль Пиньеро отвечал за организацию действенной операции в поддержку движения.

Было решено, что лучше всего попасть в зону действий партизан можно будет по самому короткому, судя по карте, маршруту через границу с Боливией. Че обратился к Коммунистической партии Боливии (КПБ) с просьбой о поддержке в организации сотрудничества с перуанскими партизанами, и КПБ вскоре устроила сеть опорных пунктов. Луис Тельерья, член центрального комитета БКП, участвовавший в деятельности этой сети, пользовался содействием членов организации молодых коммунистов, таких, как Хулио Сесар "Эль Ньято" Мендес, Орландо Хименес и Лойола Гусман. 9 января 1963 года группа перуанских партизан прибыла в Боливию.

Политические отношения там представляли собой запутанный клубок. Националистическое революционное движение (НРД) Боливии, возглавляемое президентом Виктором Пасом Эстенсоро, находилось в конфликте с военной диктатурой Перу и поэтому закрывало глаза на эту группу, готовящую вооруженную борьбу против соседней страны. Коммунистические партии и движения не желали оказывать никакой поддержки Уго Бланко — согласно их неистребимой сектантской логике, такие, как он, деятели считались троцкистами.

В конце концов, после многократных проволочек и изменений в планах, группа пересекла перуанскую границу вблизи Пуэрто-Малдонадо. Перуанская полиция, заранее получившая предупреждение от некоего доброжелателя, оказала нарушителям границы сопротивление, началась перестрелка, в ходе которой погиб Хавьер Эрауд. Операция была отменена, и перуанцы отступили обратно в Боливию. Хулио Мендес "Эль Ньято" стал для части группы проводником по джунглям Бени.

Видимо, в то же самое время, когда Че принимал меры для поддержки Перуанской национально-освободительной армии в ее попытках развернуть широкую партизанскую войну, он помогал и в разработке акции, которую готовил один из его

немногочисленных близких друзей, аргентинский журналист Хорхе Рикардо Масетти. С ним Че обсуждал предварительные наброски плана еще в конце 1961 года. Совместно с Пиньеро и Че Масетти подготовил операцию "Сегундо Сомбра", целью которой была организация очагов партизанской войны в Аргентине. Затем Масетти возвратился в Алжир, где в течение предыдущих двух лет помогал в развитии революционного движения. После того как Че, посетив Алжир, встретился с Масетти, последний взялся за изучение тактики действий партизан в городских условиях. "Мы ожидали, затаив дыхание, в течение четырех с половиной месяцев, — Масетти писал жене в начале 1963 года. — Все время оказалось сожрано изучением товаров". Той весной Масетти и несколько товарищей, снабженные алжирскими дипломатическими паспортами, отправились в Бразилию в качестве членов торговой делегации. Так же, как и перуанские повстанцы, они, воспользовавшись помощью Боливийского движения молодых коммунистов, переправились через границу в Боливию, а в сентябре оказались в Аргентине.

Группа получила название Народной партизанской армии (НПА, ПА). Масетти взял себе псевдоним "Командир Сегундо", в честь гаучо Сегундо Сомбры, главного героя аргентинского народного эпического повествования "Дон Сегундо Сомбра". Че в качестве "почетного члена" ПА выбрал псевдоним "Мартин Фьерро" — по названию поэмы Х. Эрнандеса, также превратившейся в народный эпос. В одном из выступлений спустя несколько лет Фидель признал, что участие Че не ограничивалось почетным представительством, что действия ПА были "его" операцией, которой он руководил с Кубы. По мнению нескольких его товарищей, Че планировал присоединиться к партизанам на более поздней стадии. В первоначальный состав группы входили двое кубинцев - капитан Эрмес Пенья, на протяжении нескольких лет бывший личным охранником Че, и Альберто Кастельянос, в прошлом его адъютант и водитель. В числе потенциальных участников группы рассматривался и майор Фернандес Мель, но позднее было решено не привлекать его к операции.

То, что две партизанских кампании, в Перу и Аргентине, развернулись в 1963 году, вовсе не является совпадением. Несомненно, они входили в "Андский проект", разработанный Че.

21 июня 1963 года ПА прибыла на ферму Эмораса и приступила к обучению в провинциях Салта и Жужуй, тех местах, по которым Че, будучи подростком, путешествовал на мопеде. Один из оставшихся в живых участников ПА рассказывал о Масетти: "Он никогда не говорил о своей личной жизни. Мы знали, что у него есть жена и дети, потому что он однажды

упомянул о них. Было время, когда он даже говорил о Масетти в третьем лице. Но я не знал, что это был он сам, а на фотографиях, которые мне позже довелось увидеть, сходство с ним было не такое уж большое. Когда я общался с ним, у него была большая иссиня-черная борода. Когда я попробовал фамильярно заговорить с ним, то нарвался на неприятность. Он представлял из себя впечатляющую личность".

Прибыв на место, участники ПА увидели, что с политической точки зрения время было выбрано не слишком удачно. Аргентинцы в массе были довольны властью правительства Гражданского радикального союза народа, возглавляемого избранным президентом Артуро Ильиа, хотя сторонники прежнего президента Хуана Перона бойкотировали выборы.

В июле 1963 года в Боливию прибыл человек, который, судя по всему, был тесно связан с латиноамериканскими проектами командующего Гевары. Его задача состояла в том, чтобы организовать приграничную сеть опорных пунктов для ПА. Это был Хосе Мария Мартинес Тамайо, известный также как Папи или Рикардо, видный сотрудник Министерства внутренних дел Кубы. В сопровождавший его отряд входили выдающиеся участники повстанческого боливийского Движения молодых коммунистов, такие, как братья Передо, Роберто (Коко) и Гидо (Инти), Роберто Салданья и Хорхе Васкес Вианья.

В августе 1963 года Луис Ла Пуэнте Уседа, лидер левого крыла перуанской организации Американский народно-революционный альянс, прибыл в Гавану. Он только что освободился из тюремного заключения, но успел под воздействием "кубинского" примера основать Левое революционное движение (ЛРД). Представляется очень странным, что Уседа прежде не встречался с Че, несмотря на то что входил в число друзей Ильды Гадеа, а в пятидесятых годах также был выслан из страны и находился в Мексике. Зато нет никаких сомнений в том, что в середине 1963 года он обсуждал с Че свои планы возобновления партизанской кампании против перуанской диктатуры, основывая эту деятельность на опыте Уго Бланко. Пару лет спустя Уседа сообщил о том, какое из основных положений его программы оказалось созвучно концепции Че: охватывающее весь континент сражение, опирающееся прежде всего на наиболее развитые страны Латинской Америки - Мексику, Чили, Уругвай, и Аргентину, - в этой области идеология обеих программ имела значительное сходство.

Мартинес возвратился в Гавану в сентябре, основав в Боливии сеть опорных пунктов для аргентинских партизан. У него сложилось великолепное впечатление о небольшой группе

своих молодых сподвижников, зато о структуре партии в целом он ничего хорошего сказать не мог.

Тем временем партизаны Масетти продолжали обучение и проводили среди кампесинос политическую работу по подготовке к вооруженному восстанию. Масетти писал жене:

"Сейчас мы охватываем сотню километров на карте, хотя в действительности намного больше. Наши связи с людьми являются позитивными с любой точки зрения. Мы познакомились со многими кампесинос и помогаем им всем, чем можем. Но самое главное заключается в том, что они хотят бороться.... Это регион, где бедность и болезни непреодолимы. Господствует феодальная экономика... Каждый, кто оказывается здесь и не приходит в ярость, кто оказывается здесь и не восстает, кто может каким-то образом помочь, но не делает этого, тот ублюдок".

В начале 1964 года аргентинский поэт Хуан Гельман получил сообщение для Че от Масетти, которое ему доставил в Буэнос-Айрес Сиро Роберто Бустос (известный как лейтенант Лауреано, или Эль Пеладо), член городской сети НПА. И однажды утром Че принял Гельмана в своем кабинете в Министерстве промышленности.

"— У меня сообщение от лейтенанта Лауреано, который, по-видимому, передал его от командира Сегундо из НПА, - сказал Гельман.

Реакция Че оказалась просто-таки ледяной; обычно он совсем не так приветствовал хорошо знакомого ему поэта.

— Я не знаю ни лейтенанта Лауреано, ни командира Сегундо, ни НПА, ни вообще ничего из того, о чем вы говорите.

— Предположим, что в Салте имеется партизанская армия. Предположим, что ее возглавляет командир Сегундо, и еще предположим, что в НПА имеется лейтенант Лауреано, который и передал мне это сообщение".

Гельман позднее вспоминал:

"Чё хитро улыбнулся. После этого он так и не заговорил о сути дела, зато свободно рассуждал о трудностях борьбы в городских условиях, о том, насколько трудно, должно быть, переносить тяготы существования подпольщика, пытки. ... А затем он совершенно неожиданно перешел к разговору об аргентинской и боливийской коммунистических партиях, сказал, что они снабдили НПА оружием и затем запросили за него высокую цену. Че находил это забавным".

Эта история получила новый поворот в марте 1964 года, когда Че вызвал в свой кабинет Тамару Бунке, или Таню. Он мельком познакомился с Бунке, молодой аргентинкой немецкого происхождения, в 1960 году, когда та работала переводчицей в

Берлине. Таня была завербована кубинской секретной службой и в течение года обучалась разведывательной деятельности. Че несколько часов обсуждал с нею предреволюционную ситуацию в Латинской Америке, после чего, наконец, сообщил, какое ей предлагается задание: обосноваться в Боливии, где ей предстояло наладить отношения в среде офицерства, местной аристократии и правительства. Она была особо предупреждена о том, что ни в коем случае не должна вступать в контакт с боливийскими левыми. Ей следовало дожидаться прямой связи с Гаваной. В разговоре также часто упоминался кубинский секретный агент, которому предстояло сыграть одну из важнейших ролей в будущих событиях, бывший революционный боец Хосе Монлеон, имевший клички Иван или Ренан.

Таня выехала в Боливию в апреле. Она была только одной из деталей сложной мозаики, которую Че собирал воедино в своем мозгу, мозаики, которая не могла быть идеальной, которую невозможно было собрать полностью. Кто был тем мужчиной или той женщиной, которые могли бы сыграть такую же роль в Аргентине? Как вооруженные движения, рождавшиеся в Перу и Аргентине, должны были отозваться в будущем? Какую роль Че отводил боливийским молодым коммунистам? Какую роль, он, в конце концов, отводил себе?

Но, когда в апреле 1964 года партизанская кампания Масетти завершилась не начавшись, все расчеты оказались нарушенными. Месяцем раньше в НПА проникли агенты аргентинской жандармерии. Несколько позже в результате "несчастного случая" был ранен Диего. Лагерь со всей провизией и находившимися при ней четырьмя людьми был захвачен. Голодающие партизаны блуждали по дикой пустынной местности. Антонио был убит - его сбросили с высокой скалы. Еще одна группа попала в плен 18 апреля. Спустя еще несколько дней исчезли Эрмес Пенья и Хорхе — они либо погибли в бою, либо были захвачены в плен и казнены. Трое бойцов заблудились и умерли от голода. Остальные разбрелись; постепенно их всех захватила полиция. Бывшему среди них Альберто Кастельяносу удалось сохранить свою маску перуанского студента до самого освобождения в декабре 1967 года.

Аргентинский романист Родольфо Уолш, бывший коллега Хорхе Рикардо Масетти по агентству "Пренса Латина", сказал: "Масетти так и не объявился. Он просто исчез в джунглях, в дожде и во времени. В каком-то неведомом месте труп командира Сегундо держит в руках ржавое оружие. Когда он погиб, ему было тридцать пять лет".

Когда Че узнал о гибели партизанской группы в Сальте?

Почему он отказался принять на веру известие о том, что его друг мертв? В течение следующего года он расспрашивал множество людей, посылал курьеров и депеши и организовывал бесплодные поиски, стремясь найти по крайней мере останки Хорхе Масет-ти, командира Сегундо.

Когда Че в конце 1964 года отправился на Ассамблею Организации Объединенных Наций, Аргентинский проект был отменен, в Перу развернулись ужасающие репрессии и будущее Левого революционного движения представлялось совершенно неясным. Андский проект Че, казалось, разваливался на глазах.

Условия для вооруженной борьбы в других местах Латинской Америки были не лучше. Партизаны Венесуэлы потерпели политическую неудачу, в Бразилии и Боливии произошли военные перевороты, активисты движения за аграрную революцию в Колумбии были заключены в Меркеталию.

Похоже было, что все пути оказались закрыты.{22}

35. Повторное открытие Африки.

В день, когда командующий Эрнесто Гевара выехал в Нью-Йорк, чтобы представлять Кубу в Организации Объединенных Наций, у него не было носков. Все старые пары представляли собой сплошные дыры, потребительские карточки были использованы, и до начала следующего месяца он не имел права ничего покупать. Правда, это его нисколько не беспокоило - он намеревался носить высокие ботинки, так что ничего не было бы видно. Один из охранников, не говоря ему ни слова, добыл где-то новую пару носков и заставил Че взять их. Но вот с чем ничего нельзя было сделать, так это с его униформой защитного цвета, которая находилась в плачевном состоянии. Брюки выдержали столько стирок, что по цвету разительно отличались от куртки.

Че совершенно искренне намеревался ходить в своей форменной одежде по Нью-Йорку. Он не принимал никаких мер предосторожности, его замечали за игрой в шахматы с нью-йоркскими полицейскими, охранявшими вход в резиденцию кубинской делегации, находившейся в доме 6 по Восточной шестьдесят седьмой улице. Он ходил по городу в сопровождении всего лишь маленькой группы телохранителей, хотя знал о многочисленных угрозах в свой адрес. Примерно в то же время поблизости от здания ООН была арестована женщина, принадлежавшая к вооруженной группе кубинских эмигрантов. Ее освободили из-под стражи после того, как она призналась, что ее целью было убийство Че. Вечером, спустя несколько дней, когда Че находился в кинотеатре, ему сказали, что эта женщина подкарауливает его у дверей. В ответ он шутливо сказал одному из своих спутников, что "было бы по-настоящему романтично умереть на руках женщины". Выйдя после фильма, он направился к ней, и его пронзительного взгляда хватило, чтобы остановить ее первое движение - всего лишь взгляда, - а уже в следующий момент женщина оказалась окружена телохранителями Че.

11 декабря Че выступил перед Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций. В своей речи он проанализировал взаимные претензии, существовавшие между кубинской революцией, Соединенными Штатами Америки и латиноамериканскими диктатурами. Это была, пожалуй, лучшая по построению из всех его речей, и вообще одно из лучших выражений мыслей и настроений левых революционеров шестидесятых годов.

Начав с обоснованного утверждения о том, что во всем мире дуют ветры перемен, Че посетовал на попытки "американского

империализма сделать вид, что мирное сосуществование годится исключительно для взаимоотношений важнейших сил на планете".

В подтверждение этого он сослался на агрессию против Королевства Камбоджи, бомбардировки Вьетнама, непрерывное давление Турции на острове Кипр, агрессию против Панамы, заключение в тюрьму Лауры Альбису Кампос в Пуэрто-Рико, различные уловки, препятствующие предоставлению независимости Гайане, апартеид в Южной Африке, неоколониалистскую интервенцию в Конго. Большую часть речи он посвятил Африке: "Все свободные люди мира должны подняться, чтобы отомстить за преступление, совершенное в Конго". Высказав согласие с призывом к ядерному разоружению - это была одна из главных проблем, обсуждавшихся на сессии, - Че обратился к теме американской агрессии против Кубы и недавнего запрета, который Соединенные Штаты недавно наложили на продажу медикаментов его стране. Он предложил план мирного урегулирования для Карибского бассейна, который включал ликвидацию военно-морской базы США в Гуантанамо, на Кубе, прекращение разведывательных ' полетов, шпионажа, вооруженных нападений, засылки диверсантов и пиратских рейдов, готовящихся в США, и, конечно, снятие экономической блокады. Чтобы дать представление о масштабе проблемы, Че сообщил о списке, в котором были перечислены 1323 разнообразных актов агрессии, совершенных в том году с базы в Гуантанамо.

Че подробно рассказал о поддержке, которую Соединенные Штаты оказывали диктатурам Латинской Америки, и их косвенном вмешательстве в события в Венесуэле, Колумбии и Гватемале. Далекий от использования дипломатического языка мирного сосуществования, Че высказал вызов и угрозу. "Наш пример принесет плоды".

В ответ на его речь последовали наставительное замечание представителя США в ООН Эдлая Стивенсона и гневные высказывания делегатов от Коста-Рики, Никарагуа, Панамы, Венесуэлы и Колумбии.

Спустя несколько часов Че возвратился на трибуну, воспользовавшись своим правом ответить на вопросы и реплики. Теперь он продемонстрировал свои качества полемиста и дал критический отпор резким замечаниям других делегатов. Он высказал в адрес правительства Коста-Рики обвинение в том, что оно закрывает глаза на существование в этой стране базы кубинских контрреволюционеров, руководитель которой, пользуясь этим, ведет контрабандную торговлю виски. Он нанес

ответный удар никарагуанскому делегату:

"Я не совсем понял его замечание относительно акцентов, х ˚тя думаю, что он имел в виду Кубу, Аргентину и, возможно, Советский Союз. В любом случае, я надеюсь, что никарагуанский представитель не нашел в моей речи никаких следов северо-американского акцента, потому что это действительно было бы опасно. Действительно, возможно, в моей речи проявляется что-то аргентинское. Это не секрет - я родился в Аргентине. Я кубинец, но я также и аргентинец. Кроме того, если я не оскорбляю этим прославленных аристократов Латинской Америки, я еще и патриот Латинской Америки - любой из стран в Латинской Америке, - и всякий раз, когда это будет необходимо, я готов отдать свою жизнь ради освобождения любой страны Латинской Америки, ни от кого ничего не прося и не требуя и никого для этого не используя. И этот временный делегат этой Ассамблеи не является единственным из кубинцев, придерживающимся таких убеждений. Так считает весь кубинский народ".

После этого Че обратил оружие против Эдлая Стивенсона, который к тому времени уже удалился из зала. Че заявил, что американец лгал, отрицая существование эмбарго на медикаменты, что все его разговоры о непричастности США к событиям в заливе Кочинос были бессовестным лицемерием: "Они были готовы дать убежище тем, кого сами вооружили". Он напомнил аудитории о том, как Стивенсон упорно утверждал, что самолет, бомбивший и обстреливавший Кубу во время сражения на Плая-Хирон, поднялся с территории самого острова, хотя на самом деле его действия были частью операции ЦРУ. Он вонзил нож поглубже: "Будь что будет, но, явившись на эту Ассамблею или любую другую, мы все равно останемся легкой головной болью, так как будем называть вещи их настоящими именами, а представителей Соединенных Штатов именовать "всемирными жандармами-Насильниками"".

Его речь была не только твердой и исполненной фактов и образов, несомненно отложившихся в памяти слушателей, но еще и очень личной и вследствие этого очень необычной для Организации Объединенных Наций.

14 декабря Че дал интервью ведущим телепрограммы "Лицо нации" Ричарду Хотлету, Теду Шульцу и Полу Найвену. Перед выпуском передачи в эфир о ней сказали, что она представляет собой "непосредственную и неподготовленную беседу", без заранее предоставленных вопросов. Че не слишком хорошо сыграл свою роль: он был возбужден и часто повторялся. "Мы не принимаем условий для восстановления отношений с США и не

выдвигаем их. Лучше всего для США было бы забыть о нашем существовании. ...Революции не ввозятся извне; они являются результатом той эксплуатации, которой правительства Латинской Америки подвергают свои народы".

Был ли он сторонником разоружения и вывоза ракет? "Конечно. Почему мы не проводим взаимных инспекций; если хотите, мы можем демонтировать все базы атомного оружия".

По поводу изоляции: "У нас много друзей среди народов Латинской Америки". Насчет китайско-советских разногласий: "Мы считаем, что необходимо единство". О возможности мирного перехода к социализму: "В Латинской Америке это очень трудно, фактически невозможно".

Когда Че приходил в кафетерий Организации Объединенных Наций, чтобы поесть, вокруг собирались толпы желающих посмотреть на него и, если удастся, поговорить. Он ходил по Нью-Йорку, покупая книги. 16 декабря, как будто в ответ на его речь, Конгресс США принял поправку к закону о помощи иностранным государствам, которая требовала от всех стран, пользовавшихся помощью США, принять участие в блокаде Кубы.

На следующий день Че покинул Нью-Йорк и отправился в Алжир. По дороге он отправил отцу письмо из Дублина: "Я нахожусь на изумрудном острове твоих предков. Когда люди с телевидения узнали об этом, то пришли, чтобы расспросить меня про историю семейства Линч, но на тот случай, если они окажутся конокрадами или кем-нибудь еще в этом роде, я хранил молчание".

В Алжире Че встретился с символической персоной африканской революции - Джози Фэнон, вдовой Франца Фэнона. Че сказал тогда: "Африка представляет собой поле одной из наиболее важных битв, если не самой важной.... В Африке имеются большие возможности для успеха, но есть и большие опасности". Насколько сильно антиколониальная революция в Африке владела тогда его мыслями?

Не задержавшись в Алжире, Че бросился в стремительное турне по континенту, словно ему было необходимо как можно скорее пересечь столько стран, сколько окажется возможным, и сделать это с максимально возможной скоростью. Казалось, речь в ООН была непредвиденной случайностью, а его настоящей Целью и являлась Африка, что им владела навязчивая идея исколесить весь континент. Перепрыгивая из аэропорта в аэропорт, ˚н завязывал отношения с новыми прогрессивными лидерами, вел беседы с предводителями национально-освободительных групп, разговаривал со студентами и журналистами, посещал Учебные лагеря партизан, дамбы,

природные заповедники и парки, новые фабрики, вел переговоры с президентами стран, находившихся на передовой линии антиколониальной борьбы.

26 декабря Че прибыл в Мали, а 2 января 1965 года - в Браззавиль (столицу бывшей Французской Экваториальной Афри. ки), где у него состоялись переговоры с президентом Альфонсом Массемба-Дебой. Он также встретился с революционным лидером Анголы Антонио Агостиньо Нето и, согласно инструкциям полученным от Фиделя Кастро, предложил неоперившейся ещё революции помощь в виде кубинских инструкторов для партизан.

7 января Гевара прибыл в Конакри, столицу Республики Гвинея, а к 15 января оказался в Гане, где провел переговоры с президентом Кваме Нкрумой и дал пресс-конференцию, на которую явился облаченный в накидку из ткани национальной ганской расцветки. Еще через неделю он был уже в Дагомее (теперь Республика Бенин), а 24 января вновь прибыл в Алжир. Оттуда, к удивлению заинтересованных наблюдателей, особенно агентов разведывательных служб США, он отбыл в Китай, где находился со 2 по 5 февраля.

Его сопровождали Османи Сьенфуэгос и Эмилио Арагонес. Целью визита было разъяснение позиции Кубы по отношению к противоречиям между Китаем и СССР. (Они встретились лишь с Чжоу Эньлаем и Лю Шаоци; ходили слухи о том, что Мао Цзедун отказался принять их, что некоторые из членов делегации очень сильно переживали.) По словам переводчика, Че очень спокойно выслушивал обвинения китайских руководителей в том, что на недавней конференции коммунистических партий Латинской Америки они приняли сторону Советского Союза и таким образом отказались от прежнего своего нейтралитета в споре СССР и Китая. Встреча оказалась не только бесполезной, но и болезненной для Че, хотя сам он ощущал себя ближе как раз к китайской позиции.

6 февраля Че прилетел в Париж, где провел двадцать четыре часа в ожидании продолжения своего африканского турне. Он посетил Лувр, прежде всего греческие и египетские залы; особый интерес он проявил к живописи Эль Греко, Рубенса и Леонардо да Винчи. Он долго смотрел на Мону Лизу, а потом задержался перед работами Иеронимуса Босха. В Париже Густаво Рока, друг Че, еще раз подтвердил известия о гибели Хорхе Масетти и Эрмеса Пеньи.

В столице Танзании Дар-эс-Саламе Че принимал Пабло Ривальта, его старый товарищ по оружию, участвовавший вместе с Геварой в боях за Лас-Вильяс. Позднее он вспоминал:

"На приеме во дворце в Дар-эс-Саламе он встретился с

президентом Джулиусом Ньерере. Они говорили о кубинской помощи Танзании. В переговоры даже вошли конкретные обязательства: поставка небольшой текстильной фабрики, а также ряд других актов содействия, главным образом присылка врачей и инженерно-технического персонала. Все это подробно обсуждалось в ходе действительно неофициальной встречи. Они также говорили и о поддержке освободительных движений. Ньерере был согласен с Че".

Но самые важные переговоры Че проводил не с президентами, а с представителями вооруженных групп революционеров, особенно с преемниками Лумумбы из Конго, которые основали в Танзании опорную базу.

"Посещение Дар-эс-Салама оказалось особенно поучительным. Там живет множество "борцов за свободу", большинство весьма приятно устроились в гостиницах, сделав из своего положения настоящую профессию, порой превращающуюся в прибыльный бизнес, всегда проходящий в комфортабельных условиях. Это было основным условием переговоров, в которых они обычно требовали военной подготовки на Кубе и финансовой поддержки.

Я также встречался с конголезскими бойцами. С самого начала можно было сказать, что в их среде имелось невероятное множество разнообразных тенденций и мнений, в отличие от лидеров конголезской революцш".

Че предложил Лоренту Кабиле, командующему Повстанческим фронтом, а затем и его высшему предводителю Гастону Су-мальо, что обучение должно происходить в Конго, причем в боевых условиях. Ривальта вспоминал: "Большинству присутствовавших на встрече эта мысль не понравилась. Она им не понравилась, так как на самом деле они преследовали цель покинуть Конго, а не вернуться туда". Че предложил прислать им человек тридцать инструкторов, число которых должно было со временем возрасти до 130. Вот что Ривальта рассказывал о подробностях:

"Я говорил с Че по поводу группы кубинцев, которая должна была оказать поддержку вооруженной борьбе в Конго, и даже предложил поставить во главе ее Виктора Дреке, поскольку он был чернокожим, а они просили направлять чернокожих бойцов, а также потому что мы знали, как он действовал в ходе кампании в Эскамбрее. Я тогда подумал и об Эфехенио Амейхейрасе, который уже находился в Алжире; его Че тоже знал со времен Сьерра-Маэстры и был знаком с его храбростью и отвагой. Я предложил Че этих двоих, а также и себя самого. Че не ответил, а только улыбнулся".

Предлагая помощь кубинской бригады, Че действовал не только по собственной инициативе; ему дал соответствующие распоряжения Фидель, а тот, в свою очередь, опирался на пожелания Национального совета Кубинской революции, куда были первоначально направлены просьбы о поддержке. На эту же базу опирались и переговоры, которые Че провел в Браззавиле с Нье-рере и Массембо-Дебой. Судя по всему, никто не передал детали достигнутых соглашений разведке Соединенных Штатов, хотя та была очень обеспокоена африканским турне Че - прежде у них не было сведений о его интересе к этому континенту. Как было сказано в распространенном месяцем позже письменном меморандуме ЦРУ, не имелось никаких сведений об отправке кубинского оружия в Африку, не считая груза, отправленного в Алжир в 1963 году.

После официальных переговоров Че решил послушать "борцов за свободу", поговорить с ними по отдельности, но кубинское посольство по ошибке устроило полномасштабную встречу, "собравшую представителей пятидесяти с лишним различных направлений, имевшихся в стране". На этом собрании Че в свете кубинского опыта дал оценку просьбам насчет инструкторов и денег: "Революционный солдат создается в ходе войны.... Я посоветовал учить их не на нашей далекой Кубе, но в их близком Конго, где шла борьба не только против такой марионетки, как Чомбе, но и против империализма в его форме неоколониализма. ... Реакция была более чем холодной. Хотя большинство сохраняло спокойствие, некоторые попросили слова, чтобы строго упрекнуть меня за этот совет. ... Я пробовал заставить их понять, что здесь стоял вопрос борьбы не внутри границ, а войны против общего хозяина, который настолько же присутствовал в Мозамбике, насколько и в Малави, Родезии, Южной Африке, Конго или Анголе, но никто не желал представить это таким образом.

Они распрощались холодно и формально, и это дало нам возможность ясно понять, какие долгие пути нам еще потребуется преодолеть, странствуя по Африке.... Я решил организовать набор группы черных кубинцев и направить их - конечно, как добровольцев - для поддержки борьбы в Конго".

Именно в это же время премьер-министр Конго Моиз Чомбе вел в Лондоне переговоры с американским сенатором Доддом. Ему объясняли, насколько трудно для Соединенных Штатов будет обеспечить поддержку режиму, хотя эмиссар правительства США и хотел бы этого - ведь группы белых наемников и солдат Из Южной Африки и Родезии все еще продолжали действовать под командой Чомбе. Чомбе согласился взять их к себе на службу

после завершения сроков контрактов. Они обсуждали и возможные альтернативные способы пополнения войска конголезского диктатора путем набора солдат в Сенегале и Нигерии и даже ветеранов французской армии в Того.

Че тем временем имел с Ривальтой беседу, которая последнему показалась странноватой:

"Он сказал мне, что собирался проверить, насколько хорошо я говорю на суахили. Прежде я не задумывался над этим. Он пояснил, что у меня в посольстве имелось много обслуживающего персонала, слуг и служащих из местного населения - я завербовал много народу, имея в виду создать таким образом прикрытие для изучения страны, - а он сказал, что ему это не нравится. Как только он уехал, я урезал штат наполовину".

19 февраля Че оказался в Египте и встретился с президентом этой страны Гамалем Абделем Насером. В ходе их очень краткой беседы Че, помимо прочего, сказал как бы мимоходом, что было бы интересно отправиться в Конго, чтобы оказать там поддержку освободительному движению.

Он думал и о посещении Судана, но политическое положение было неблагоприятным, и этот визит не состоялся. 24 февраля он в третий раз за эту поездку оказался в Алжире, где принял участие во втором Экономическом семинаре солидарности стран Африки и Азии. Его речь носила очень полемический характер, он вызвал волнение среди представителей социалистического блока, заявив, что национально-освободительная борьба должна оплачиваться социалистическими странами. "Мы говорим это без малейшего желания кого-либо шантажировать или произвести сенсацию". Че особо подчеркнул: не должно быть никаких разговоров о взаимной помощи, основанной на принципах теории прибавочной стоимости. "Как может взаимная польза означать продажу по ценам мирового рынка сырья, которое стоит отсталым странам неизмеримого количества пота и страданий, и закупку по ценам мирового рынка машин, сделанных на больших автоматизированных производствах? Оружие должно предоставляться бесплатно: сталкиваясь лицом к лицу со зловещим нападением империализма США на Вьетнам или Конго, мы должны ответить, снабжая эти братские страны всеми средствами защиты, в которых они нуждаются, и нашей безоговорочной солидарностью".

Че был доволен своей речью; он дал прочесть ее текст своим товарищам по делегации, а среди африканских делегатов она нашла живой отклик. (Однако кубинская пресса не опубликовала ее полностью.) В этот же день в Гаване родился Эрнесто, его пятый ребенок. Ну а в Алжире тем временем продолжались

встречи с африканскими и азиатскими делегациями, беседы с кубинским послом Хорхе Сергерой и президентом Алжира Ахмедом Бен Беллой, который говорил о сотрудничестве с партизанами Конго. 6 марта Че еще раз побывал в Египте и послал оттуда открытку своей тете Беатрис: "Из Фив, первой столицы мечты, приветствие от поэта, который вовсе не пишет стихов и стал достойным бюрократом с представительным животом и такими сидячими привычками, что даже передвигается, стремясь при этом лишь к шлепанцам и детям". Именно в этой поездке он впервые сел на верблюда, и никто не мог заставить его слезть со спины этого вновь обретенного четвероногого, верхом на котором он объезжал пирамиды.

На сей раз Че имел продолжительную встречу с Насером, во время которой он откровенно признался, что подумывал о том, чтобы поехать в Конго и присоединиться к борьбе в этой стране. Насер был очарован Че Геварой. По словам биографа египетского президента, Че сказал ему, что между ним и Фиделем не было никакого конфликта: "Мы делали ошибки, и возможно, что я несу ответственность за них. Мы национализировали 98% всего, что представляло хоть какое-нибудь значение". Он говорил о кадровом дефиците, о тех, кто устроил себе тепленькие местечки: "Те, кто закрывает двери перед рабочими, чтобы не позволить кондиционированному воздуху выйти из кабинета". Он также задавался вопросами о том, "какие все-таки существуют отношения между партией и государством? Между революцией и народом? Отношения пока что определяются с помощью телепатии, но телепатия недостаточно хороша. ... Мы не приветствуем сталинизма, но нам не нравится и советское отношение к нему".

Во время переговоров, проходивших в доме Насера, египетский президент несколько раз настоятельно советовал Че позабыть о поездке в Конго, повторял, что он не сможет добиться там ни малейшего успеха, что он белый человек и будет слишком заметен. И, когда они прощались друг с другом, Че сказал хозяину, что оставил эту идею.

В продолжение всей поездки Че делал наброски для статьи, которая спустя три месяца была опубликована в уругвайском журнале "Марча" под названием "Социализм и средний человек на Кубе". Уругвайский журналист Карлос Мария Гутьеррес позднее сказал, что текст "носил форму затаенного прощания". Я так не думаю. Это скорее обобщенное, законченное выражение некоторых идей, которые Че осмысливал на протяжении нескольких лет, его размышления об искусстве и литературе. С одной стороны, он отказался принять социалистический реализм

и отрекся от любых смирительных рубашек для культуры. С другой стороны, он заявлял о недостаточности творческого потенциала, носители которого порвали бы со страхами прошлого; такой творческий потенциал должен быть претворен в жизнь интеллектуалами, чей первородный грех состоит в том, что они не являются подлинными революционерами и потому не способны сочувствовать униженным и их борьбе. Че несколько несправедливо, одним росчерком пера отверг всю кубинскую интеллигенцию и погряз в многословных рассуждениях, из которых не было ясно, чего же все-таки он требовал от литературы: освобождения от страхов или новых тревог?

Далее он перешел к теме "нового человека", бывшей средоточием его навязчивых идей. Не могло быть никакого социализма, даже какой-либо попытки достичь его, без "нового человека". И отсюда он, естественно, переключился на роль кадров:

"И следует сказать со всей откровенностью, что в истинной революции, которой отдается все, от которой не ожидается никакой материальной выгоды, задача революционного авангарда является одновременно и величественной, и волнующей. ... В этих условиях необходимо много человечности, ощущения справедливости и истины, если мы не хотим оказаться в западне крайнего догматизма, холодной схоластики или изоляции от масс. Каждый день необходимо бороться так, чтобы любовь к человечеству могла преобразовываться в конкретные дела, в действия, которые являются примером, которые мобилизуют".

Он завершил статью одной из своих давно выношенных мыслей, и, вероятно, именно поэтому Гутьеррес счел работу прощальной: "Пролетарский интернационализм - это обязанность, но это также революционная потребность. ... Иаша жертва является сознательной долей в оплате той свободы, которую мы строим".

* * *

Африканский тур закончился 13 марта, когда Че отправился в Прагу. В ирландском аэропорту Шэннон в его самолете произошла поломка, и он на несколько дней задержался в Дублине. Он вел долгие беседы с кубинским поэтом Роберто Фернандесом, который работал тогда для известного издательства "Каса де лас Американс" и возвращался из Парижа на том же самолете. Че оказался на мели без книг и кубинских сигар (неужели он в эти дни курил "Кэмел" или "Лаки страйк"?). Они говорили о Франце Фэноне, чья книга во время поездки обрела для Че новое измерение; он рекомендовал ее Фернандесу для публикации, они также обсуждали только что опубликованную в

"Ле тамп модерн" статью Режи Дебрэ "Кастроизм: долгий марш Латинской Америки". Фернандес недавно виделся с Дебрэ в Париже и обнаружил, что в его квартире в Латинском квартале имелась только одна фотография: фотография Че, сделанная самим Дебрэ. Они говорили о переиздании "Партизанской войны"; Че возражал против этого, он хотел переработать ее, добавить другие примеры и написать пролог.

"Просто х..ня, что ты поехал в Париж, а не в Африку", - сказал Че Фернандесу сразу же после признания в том, что когда он был молодым человеком, ему больше всего на свете хотелось бы учиться в Париже. Но Африка... Африка была... {23}

36. "Моя скромная помощь требуется в других странах".

Майор Гевара вернулся в Гавану 14 марта 1965 года. Ему должно было вот-вот исполниться тридцать семь лет, и дома его ожидал маленький тезка, которому не сравнялось и месяца; отец еще не видел его. В аэропорту его встречал Фидель Кастро. Спустя несколько лет Карлос Франки напишет что Фидель первым делом упрекнул Че в недисциплинированности из-за его алжирской речи, которая могла испортить отношения между Кубой и Советским Союзом. Франки сообщил, что Че согласился с оценкой своего поступка, но сказал Кастро, что он недвусмысленно заявил о том, что высказывает свое собственное мнение, которое вовсе не отражает официальной точки зрения кубинского правительства.

Достоверно известно, что, помимо общения с семьей после долгой разлуки, Че в течение первых же двух дней имел несколько долгих бесед с Фиделем. Аргентинский адвокат Рикардо Рохо позднее рассказывал, со слов общего знакомого, что общение этих двоих тогда продолжалось часов сорок. Что происходило в ходе той беседы, растянувшейся на такое долгое время? Кажется ясным, что Че принял твердое решение покинуть Кубу и посвятить себя иному революционному предприятию. Провал партизанской кампании Масетти в Аргентине, где диктатуру сменил гражданский режим, и катастрофа в Перу, по-видимому, демонстрировали невозможность активных действий в Латинской Америке в настоящее время. Насколько часто его мысли посещал погибший премьер-министр Конго Патрис Лумумба? И возможно ли, что, несмотря на свои прощальные слова, обращенные к египетскому президенту Насеру, он полагал, что его присутствие в Африке могло оказать решающее воздействие на ход событий?

Единственные сведения о содержании их бесед — это несколько кратких высказываний Фиделя, сделанных в разное время в течение минувших лет. Однажды он сказал: "Я лично сказал Че, что нам следует подождать до тех пор, пока не настанет время" — то есть повременить с началом каких-либо действий в Латинской Америке. Но Че стремился вперед. Может быть, он ощущал груз накапливавшихся лет и боялся, что сам вскоре окажется непригоден для тех непрерывных усилий, которых требует партизанская жизнь? Сам Фидель именно так и предположил в беседе с итальянским журналистом Джанни

Миной: "Я думаю, что он находился под гнетом хода времени. Он знал, что для всего этого ему необходима хорошая физическая форма". Это мнение, кажется, подтверждает и Хосе Мануэль Манреса: "В отделе индустриализации в 1961-м, когда мы устроились в кабинете, который устроил для нас Ольтуски, Че, облокотившись на канцелярский шкаф, сказал мне: "Мы продержимся здесь пять лет, а потом уйдем прочь. Когда мы будем старше на пять лет, то все еще сможем воевать в партизанах".

Эти пять лет, как выяснилось, уложились в четыре года. Фидель так и не смог остановить Че или как-то сдержать его. А Че вполне мог вспомнить о старом обещании, которое Фидель когда-то давным-давно — еще в Мексике — дал ему. "Когда он присоединился к нам в Мексике, — вспоминал Фидель, — он просил только об одном: "Все, чего я хочу после триумфа революции, это отправиться на борьбу в Аргентину, и пусть меня не связывают никакими запретами или raisons d'eta[16]". И я дал ему такое обещание. Ведь, помимо всего прочего, тогда никто не знал, выиграем ли мы войну и кто останется в живых".

Фидель был вынужден согласиться с решением нетерпеливого Че отправиться в Африку. Гевара был готов безо всякой предварительной подготовки ввязаться в борьбу в Латинской Америке. По крайней мере, кажется, что сам Фидель считал именно так: "Поэтому мы поручили ему руководство действиями группы, отправившейся на помощь революционерам в страну, которая теперь носит название Заир". В другой раз Фидель сказал по этому же поводу: "Ему были поручены другие задачи, которые должны были обогатить его партизанский опыт".

Спустя месяц Че (со словами: "Пора сунуться в Африку") изложил свои самые веские аргументы в пользу поездки в Конго Виктору Дреке, которого выбрал в качестве своего заместителя, и Пабло Ривальте, послу в Танзании. Вот что рассказывал об этом Дреке:

"Почему мы выбрали Конго? Почему не Анголу, Мозамбик или Гвинею? Потому что в Конго были, как казалось, подходящие объективные условия. Совсем недавно состоялась резня в Стэнливиле. В португальских колониях положение было иное, борьба там, по видимости, находилась еще в стадии зарождения. В Конго имелись две особенности: Браззавиль попросил у нас помощи, а партизаны, оснащенные большим количеством китайского и советского оружия, освободили огромный кусок территории бывшего Бельгийского Конго. Даже географические особенности там были хороши".

Ривальта добавил к этому: "Конго могла стать фундаментом

— а вернее, своего рода детонатором, — для революционного подъема во всех африканских странах. Боевые действия, обучение партизан и развитие освободительного движения в Конго с пользой сказались бы повсюду, и особенно в Южной Африке".

Если окончательной целью была революция в третьем мире то в импровизированных планах Че имелась какая-то геополитическая логика. С другой стороны, признаки сближения Кубы с Советским Союзом в раздорах последнего с Китаем могли очень не понравиться ему.

Но факт заключается в том, что решение он принял быстро. 16 марта, всего-навсего через два дня после возвращения в Гавану, Че передал Густаву Росе письмо для своей матери Селии, в котором сообщал, по словам Рохо, что предполагает выйти из состава революционного правительства Кубы. В течение тридцати дней он якобы намеревался рубить сахарный тростник, а затем пойти работать на фабрику на пять лет, чтобы изучить производство изнутри. (Письмо от сына попало к Селии лишь через месяц.)

В тот же день к Че в министерство зашел Роберто Фернандес Ретамар; он хотел забрать сборник стихов, который на время дал Че в аэропорту Шэннон. Поэта принял Манреса и сказал гостю по секрету, что майор попросил его перед возвращением книги переписать одно из стихотворений. "Какое?" — с любопытством спросил Ретамар. Оказалось, что это было "Прощай!" Пабло Неруды.

В конце марта Че совершил целый ряд довольно необычных поступков. Он раздал друзьям книги и различные личные вещи, которые те одолжили ему, переводил пленку за пленкой, делая фотографии, и написал даже больше писем, чем обычно. Он провел только одну публичную встречу, зато имел несколько частных бесед со своими коллегами. Среди тех, с кем он встречался, был Рауль Малдонадо, которому предложили уйти с работы в Министерстве внешней торговли, так как сочли его прокитайски настроенным. Малдонадо вспоминал: "Я пришел повидаться с Че и застал его лежащим на полу — он делал физические упражнения. Он сказал мне: "Революционер не уходит в отставку". Но я не уходил в отставку, я был уволен".

На совещании в Министерстве промышленности, состоявшемся 22 марта, Че обстоятельно рассказал о своей поездке по Африке, особо остановившись на африканском влиянии, проявляющемся в повседневной жизни Кубы, в кубинской живописи, музыке и ремесленных промыслах. Вплоть до самого конца совещание шло, ничем не отличаясь от любого другого. И лишь под занавес Че объявил, что на некоторое время

уедет в Камагуэй рубить сахарный тростник. Присутствовавшие поспешили сразу же высказать сожаление по этому поводу, но Че рассеял их сомнения, сказав, что в министерстве есть способные кадры да и дела в целом идут вполне благополучно, без особых проблем.

Совещание закончилось в 11.30 дня. Гравалоса видел потом, как Че в обществе своего пса Муральи, счастливого рядом с хозяином, не спеша шел по коридору.

Одно из последних свидетельств об этих днях оставил министр иностранных дел Рауль Роа:

"Он вертел в руках черный берет, украшенный сияющей звездой, смакуя ароматный дымок своей сигары... внезапно встал, экспансивным жестом потряс мою руку и сказал тоном прощания: "Завтра я собираюсь на месяц в провинцию Орьенте рубить тростник". - "Эй, разве ты не едешь с нами?" — "Нет, не в этот раз". И как всегда просто, своей характерной походкой, часто дыша, он ушел, приветствуя каждого, кто попадался ему на пути через сад министерства".

Че встретился также с одним из своих молодых сотрудников Мигелем Анхелем Фигерасом, "чтобы обсудить последние выпуски журнала "Нуэстра индустриа экономика". Я высылал ему в Нью-Йорк и Алжир 13-й и 14-й номера. Последний раз мы разговаривали в ночь с 25 на 26 марта. Мы были одни; сотрудники министерства отправились на добровольную работу. Он был очень расстроен тем, что империалисты сотворили в Конго, и сетовал на то, что Чехословакия и СССР продают оружие освободительным движениям: "Это не социализм, даже не что-то подобное ему; они должны были просто дать его". Он спросил меня: "Что вы получили для пятнадцатого номера журнала? ...Пусти статью, опубликованную в "Марче", потом часть статьи Альберто Моры, в которой он нападает на меня и поддерживает материальное стимулирование, пусти статью Манделы и еще пусти статью аргентинского социолога о человеческом характере и побудительной проблеме". И еще он сказал мне: "Как угодно выпроси кусок статьи одного из вице-президентов Форда, где разъясняются методы развития кадров". Это была статья Якокки. А потом, черт возьми, Аргентинец ушел, а мне партия задала вопрос: "Кто велел тебе печатать этот кусок?"

Гравалоса в последний раз увидел Че, находясь в карауле, за пределами Министерства промышленности. Че шел в обществе Карденаса, Алейды и Муральи. На спине у него был рюкзак, а на поясе висел мачете рубщика тростника. Когда они прощались, водитель включил радио; шла полуночная программа, играли танго. Звучало "Адиос мучачос" ("До свидания, мальчики"). Че

ощутил театральность происходившего, попросил выключить радио и так ушел, под слова "двадцать лет — это ничто" с лихорадочно блестящими глазами, провожаемый музыкой, плывущей в воздухе по улицам Гаваны.

Конголезская операция разрабатывалась в кабинете Эмилио Арагонеса под охраной команды Мануэля Пиньеро. Обсуждался состав группы, которая должна была сопровождать Че — люди проходили обучение, — а также и организация всей поездки, вооружение, маскировка и прикрытие. Арагонес настаивал на том, что он тоже должен ехать, но Че выдвинул встречное предложение — Арагонес должен подготовить свою собственную акцию: "Ты там, а я тут". Последний аргумент Арагонеса: "Ты упрямый аргентинский мул, и рядом с тобой должен быть политический деятель" — не оказал должного воздействия.

Виктор Дреке, который должен был возглавлять группу чернокожих кубинцев афро-карибского происхождения, отправлявшихся "куда-то", узнал об изменении в планах в учебном лагере числа 28 или 29 марта. Османи Сьенфуэгос, бывший тогда министром строительства, сказал ему, что ответственность за экспедицию возлагается на нового руководителя и Дреке станет его заместителем, что новый командир носит имя Рамон и "обладает опытом". Во второй половине дня Дреке и Сьенфуэгос встретились на конспиративной квартире в районе Эль-Лагуито с Хосе Марией Тамайо, капитаном из Министерства внутренних дел, который не так давно участвовал вместе с Че в подготовке нескольких операций в Латинской Америке и осуществлял дополнительные меры по поддержке действий Масетти.

Из рассказа Дреке:

"Я услышал, как Османи с кем-то разговаривал. Мы находились в небольшом патио, и этот товарищ вышел к нам; он был белый, с волосами, подстриженными ежиком, и в очках.

— Ты знаешь его?

— Ни в малейшей степени. Я даже не видел его в газетах.

— Товарищ Рамон, — представил Османи.

— Как живешь, Дреке?

— Так ты его совсем не знаешь?

Голос был знакомым, но я не мог определить, кому он принадлежал. У него были вставные зубы. Мы уселись за маленький столик.

— Перестань вые....ться и просто скажи ему.

— Так, значит, ты не узнал Че? — спросил Османи.

Когда человека ранит, он чувствует удар, что-то горячее, вроде шока от электрического разряда. Сердце подпрыгнуло у

меня в груди, я вскочил на ноги.

— Сиди, сиди, — сказал Че.

Да, это был действительно он, но теперь он говорил нормально. Че сказал мне, что мы вскоре отправимся. Он расспрашивал меня о группе, об обучении. Он говорил об операции - в Конго! Он дал мне крошечный пистолет

"Макаров".

— Ты умеешь играть в шахматы? Он не умеет, — пожаловался он, имея в виду Тамайо. ... Затем он вновь принялся писать. На полу валялись смятые прочитанные газеты".

Дреке не вернулся в лагерь, оставшись на конспиративной квартире, где были также Че, Мартинес Тамайо и Карлос Коэльо, адъютант Че. На следующий день Че продолжал писать, время от времени перемежая это занятие чтением, и при этом внезапно подскакивал, словно его подтолкнули. Ночью 31 марта приехал Фидель в компании Османи Сьенфуэгоса и сразу же вышел вместе с Че, чтобы поговорить. Че передал ему бумаги, которые писал, - это было его прощальное письмо:

"Гавана (Год сельского хозяйства)

Фидель!

В этот час я вспоминаю о многом, о том, как я познакомился с тобой в доме Марии Антонии, как ты мне предложил поехать, о всей напряженной подготовке.

Однажды нас спрашивали, кому нужно сообщить в случае нашей смерти, и тогда нас поразила действительно реальная возможность такого исхода. Потом мы узнали, что это на самом деле так, что в революции (если она настоящая революция) или побеждают, или погибают. Многие остались там, на этом пути к победе.

Сейчас все это имеет менее драматическую окраску, потому что мы более зрелы, но все же это повторяется. Я чувствую, что я частично выполнил долг, который связывал меня с кубинской революцией на ее территории, и я прощаюсь с тобой, с товарищами, с твоим народом, который уже стал моим".

Далее Че писал, что он в долгу перед Фиделем, так как он порой считал, что они не смогут достичь поставленной цели, а также и о том, какое влияние Фидель оказал на его жизнь.

"Обозревая свою прошлую жизнь, я считаю, что работал достаточно честно и преданно, стараясь укрепить победу революции. Моя единственная серьезная ошибка — это то, что я не верил в тебя еще больше с самого первого момента в Сьерра-Маэстре, что я недостаточно быстро оценил твои качества вождя и революционера. Я прожил замечательные дни, и, будучи рядом с тобой, я ощущал гордость оттого, что я принадлежал к нашему

народу в самые яркие и трудные дни карибского кризиса.

Редко когда твой талант государственного деятеля блистал так ярко, как в эти дни, и я горжусь также тем, что я последовал за тобой без колебаний, что я мыслил так же, как ты, так же видел и так же оценивал опасности и принципы. Я унесу с собой на новые поля сражений веру, которую ты в меня вдохнул, революционный дух моего народа, сознание, что я выполняю самый священный свой долг - бороться против империализма везде, где он существует; это укрепляет мою решимость и сторицей излечивает всякую боль. Я благодарю тебя за твои уроки и твой пример, и я постараюсь остаться верным им до конца. Я всегда отождествлял себя с внешней политикой нашей революции и отождествляю до сих пор. Где бы я ни находился, я буду чувствовать свою ответственность как кубинский революционер и буду действовать как таковой. ... Я могу сделать то, в чем тебе отказано, потому что ты несешь ответственность перед Кубой, и поэтому настал час расставания".

Письмо не было лишено некоторого оттенка драматизма; полностью отсутствовал обычный для Че шутливый тон. Он, казалось, чувствовал, что это было прощание навсегда.

"Знай, что при этом я испытываю одновременно радость и горе и оставляю здесь самые светлые свои надежды созидателя и самых дорогих мне людей... Я оставляю здесь народ, который принял меня как сына, и это причиняет боль моей душе".

Интонация повторялась:

"Я еще раз говорю, что снимаю с Кубы всякую ответственность, за исключением ответственности, связанной с ее примером. И если мой последний час застанет меня под другим небом, моя последняя мысль будет об этом народе, и в особенности о тебе... Сейчас моя скромная помощь требуется в других странах земного шара".

Он также высказал в письме кое-что из своих желаний:

"Я не оставляю своим детям и своей жене никакого имущества, и это не печалит меня. Я рад, что это так. Я ничего не прошу для них, потому что государство даст им достаточно для того, чтобы они могли жить и получить образование.

Я мог бы сказать еще многое тебе и нашему народу, но я чувствую, что это не нужно; словами не выразить всего того, что я хотел бы, и не стоит зря переводить бумагу.

Пусть всегда будет победа! Родина или смерть!

Тебя обнимает со всем революционными пылом

Че".

Фидель прочел письмо. Это был, наверно, тяжелый момент, несмотря на привычку обоих не проявлять своих эмоций.

Спутники Че, Дреке и Мартинес, отошедшие на несколько метров, смотрели на них. Фидель отвел их в сторону и сказал, что они должны тщательно заботиться о Че и беречь его, да так, чтобы он не знал об этом.

На следующий день майор Эрнесто Гевара оставил конспиративную квартиру. Когда он покинул Кубу, то оставил три старых комплекта военной формы, висевших в чулане, книги в количестве, достаточном для того, чтобы составить библиотеку, подержанный автомобиль 1956 года выпуска и груду бумаг, дневников и записок. Из всего немногочисленного имущества он возвратил себе лишь несколько книг, которые в течение ближайших месяцев просил послать ему.{24}

37. Тату - номер 3.

На рассвете 2 апреля министр строительства Османи Сьенфуэгос, брат пропавшего без вести Камило, привез в гаванский аэропорт троих очень необычных пассажиров. Это были Виктор Дреке, имевший паспорт на имя Роберто Суареса, Хосе Мария Мартинес Тамайо, который путешествовал под фамилией Рикардо, и Эрнесто Гевара, ставший Рамоном. Только позднее заметили, что все три имени начинались с буквы Р.

В Дар-эс-Салам они прибыли 19 апреля, всего через два месяца после предыдущего приезда Че в этот город, и через месяц после возвращения Гевары на Кубу. Но теперь туда вернулся совсем другой человек. Че больше не был министром, говорящим от имени правительства и революции, находящейся у власти, он не был больше обязан соблюдать молчание, законы дипломатии и правила протокола, желая при этом, чтобы все эти путы провалились в преисподнюю. Он снова обрел самостоятельность в своих действиях, он снова был партизаном, был тем Эрнесто, который катил на мотоцикле по дорогам Латинской Америки, ни сном ни духом не ведая, что ему принесет будущее, точно так же, как потом не знал этого на борту "Гранмы". Уругвайский журналист Эдуардо Галеано сказал спустя несколько лет: "С готовностью пожертвовать собою, достойной первых христиан, Че раз и навсегда выбрал место на передовой линии, не позволяя себе никаких привилегий, сомнений или даже права на усталость".

Что влекло его в Африку: было это самопожертвование или же стремление к свободе? Несомненно, это была своеобразная свобода, тот ее вид, на который он указал в своем прощальном письме:

"Я официально отказываюсь от своего поста в руководстве партии, от своего поста министра, от звания майора, от моего кубинского гражданства. Официально меня ничто больше не связывает с Кубой, кроме лишь связей другого рода, от которых нельзя отказаться так, как я отказываюсь от своих постов".

В аэропорту их встречал посол Ривальта, получивший шифрованную телеграмму о прибытии группы кубинцев, выполняющих важную миссию.

"Я встречал прибывших, и, когда самолет приземлился, сразу увидел, как на землю сошел Дреке, затем Мартинес Тамайо, а за ним человек, которого, как мне показалось, я знал. Белый человек, не старый, но и не молодой, в очках, слегка полноватый.

Я обратил на него внимание, поскольку сам много времени провел в подполье. Я сказал себе: "Этот парень приехал как телохранитель Дреке или Мартинеса". И я остановился, присмотрелся, потом еще раз присмотрелся, и еще раз, потому что его глаза невозможно было не узнать. Его глаза и брови были очень примечательны. И я сказал себе: "Черт возьми, я знаю этого человека". Но я не мог вспомнить его. Я совершенно не мог вспомнить его".

Ему представили Рамона, но Че не мог не пошутить:

"— Ты меня не узнаешь? — спросил он со смехом.

После недолгого колебания Ривальта ответил отрицательно.

— Пузан, — сказал ему Че и добавил еще несколько обидных прозвищ.

— Нет, товарищ, нет, я не могу тебя узнать, — повторил Пабло.

— Значит, ты все такой же старый засранец? — спросил Че, и в этот момент Ривальта узнал его; на глаза Пабло навернулись слезы.

— Уймись, черт тебя возьми, не шуми, это я".

Через несколько лет Ривальта рассказал о своем впечатлении: "Я был счастлив, но при этом очень испуган". Группа сначала приехала в гостиницу в центре Дар-эс-Салама, а оттуда в тщательно охраняемый дом в предместье. Вскоре начали прибывать бойцы, проходившие подготовку в Пинардель-Рио. В Гаване их провожал лично Фидель Кастро, напутствовавший их такими словами: "Когда вы попадете в Конго, то встретите там человека, которому вы будете подчиняться так, словно вами командую лично я".

Добровольцы, из. которых был сформирован отряд Че, имели афро-карибское происхождение, но об Африке у них были самые неопределенные понятия. Судя по их собственным словам, они представляли себе некую мешанину из "огромного количества обезьян, джунглей, зебр и слонов — целые стада слонов, — несчетного множества кобр и свирепых африканцев, вооруженных теми самыми духовыми трубками, из которых Тарзан пускал отравленные стрелы".

Кубинцы вступили в контакт с самым высокопоставленным из присутствовавших руководителей (большинство из них находилось тогда в Конго). Это был Антуан Годфруа Чамалесо. Конголезцы говорили о вводе в действие большой армии, открытии нескольких фронтов и начале генерального наступления. У Че и Дреке сложилось впечатление, что у повстанцев не было никакого центрального руководства. И уж хуже всего было то, что все командиры высшего звена из

танзанийского пограничного района находились за границей.

По указаниям Че Ривальта зафрахтовал судно, но ему требовался ремонт, а время между тем поджимало.

"Мы можем начать с десятком человек, нам не следует долго ждать", — сказал он Дреке. За день или два до отъезда из Дар-эс-Салама Че взял суахили-французский словарь, который изучал, и дал группе новые псевдонимы: Дреке должен был стать "Моха" (на суахили — цифра "один"), Мартинес Тамайо — "М...били" ("Два"), а сам Че — "Тату" ("Три").

Наконец судно было готово к плаванию. Че дал последние инструкции. Он оставил четверых кубинских добровольцев в Дар-эс-Саламе дожидаться группу, которой еще предстояло прибыть. Он также оставил там свой суахили-французский словарь, чтобы вновь прибывшие могли выбирать себе имена. Когда Че позднее рассказывал о чувствах, которые он испытывал перед неизбежным отъездом, в его голосе слышалось благоговейное ликование: "Мы уже находились на войне. Она стучалась в дверь".

Группа покинул Дар-эс-Салам на рассвете 23 апреля в автомобилях, купленных посольством. У них был один "Лендровер" и три "Мерседес-Бенца". Че некоторое время сам сидел за рулем. Это был длинный и утомительный маршрут, пересекавший пустыни и джунгли. В сумерках они прибыли в Кигому, маленький городок на берегу озера Танганьика, место для переправы в Конго.

Их судно не было готово к отплытию: неисправность двигателя. Че пришел в ярость: "Мы должны как угодно, но добраться туда". Грузовик доставил их на берег, где находилась маленькая моторная лодка с каютой, рассчитанной не более чем на полторы дюжины людей. Дреке, вспоминая, рассказывал:

"Мне показалось, что эта лодка могла чертовски успешно затонуть. Она была не более тридцати футов длиной. Мы должны были идти из Кигомы в Танзании через озеро Танганьика в Кибамбу в Конго. Отряды Чомбе были постоянно начеку, патрулируя озеро. Переправа должна была занять шесть-семь часов, если бы мы держались вблизи берега, чтобы укрыться от бельгийских наемников".

Переправа оказалась трудной. Посреди озера отказал один из Двигателей, и Че проклял все на свете, прежде чем его удалось снова заставить работать. Шел дождь, но внезапно в небе появились сигнальные ракеты. Че настаивал на том, что им следует красться вдоль границы, а не вступать в бой. "Если мы вступим в столкновение посреди озера, то вовсе не доберемся туда".

В шесть или семь часов утра они высадились на землю Конго

поблизости от маленькой деревушки Кибамба.{25}

38. Ожидание.

Ранним утром, с первыми лучами восходящего солнца, кубинцев встретила небольшая группа конголезских партизан, одетых в желтую униформу. Встречавшие выкрикивали лозунги и скандировали приветствия. Как выяснилось в дальнейшем, это был единственный случай, когда кубинцы увидели военное обмундирование на бойцах Конголезской народно-освободительной армии. "Удивительные солдаты с хорошим пехотным вооружением, которые устроили нам торжественный почетный караул".

Ближе к вечеру состоялась вторая встреча с несколькими командирами отрядов.

У Че состоялась странноватая беседа с одним из конголезских офицеров:

"Полковник Ламберт... сказал мне, что они не волнуются из-за самолетов, так как у них есть дава, лекарство, которое делает их пуленепробиваемыми:

- Они несколько раз попадали в меня, но пули просто падали на землю.

Я быстро понял, что он говорит совершенно серьезно. Дава - это микстура из трав и других волшебных компонентов; ею обливают бойца, делают мистические знаки, а на лбу почти всегда делают отметку древесным углем. Боец теперь защищен от любого вражеского оружия (хотя это зависит и от силы доктора-колдуна), но не должен прикасаться к чужим вещам или же к женщине, не принадлежащей ему, а также не должен бояться, иначе он окажется беззащитным. И любая неприятность получает простое объяснение: погибший испугался, что-то украл или же переспал не со своей женщиной. Раненый - испытывал страх. Ну а поскольку мертвецы ничего не могут рассказать, то им легко приписать все три промаха.

Вера настолько сильна, что никто не идет в бой, не выполнив предварительно церемонию давы. Я постоянно опасался, что это суеверие повернется против нас - что конголезцы обвинят нас в каких-то ошибках, совершенных во время боя, из-за которых погибло много народу; в разговорах с командирами я несколько раз пытался разубедить их в этом. Это оказалось невозможно: дава была признанной статьей веры. Наиболее политически просвещенные из партизан говорят, что это естественная сила; как диалектические материалисты, они подтверждают силу давы, тайны которой принадлежат докторам-колдунам и ведьмам из Джунглей".

Че решил признаться Чамалесо, кто он есть на самом деле. Конголезец "оказался поражен. Он без конца повторял: "Международный скандал" и "Только чтобы никто не знал, не говорите никому". Это действительно вызвало большой переполох, и я даже опасался за последствия". Конголезский лидер не стал тратить времени попусту, но, опасаясь ответственности, той же ночью отправился в Танзанию, чтобы сообщить Кабиле, что Че Гевара находится в Конго. Вслед за этим последовало длительное ожидание.

В конце апреля Че впервые предложил конголезцам организовать обучение сотни бойцов, которые могли бы вступить в бой спустя месяц, когда к обучению приступила бы вторая группа.

"Как всегда во время той войны, мы получали уклончивые ответы. Они попросили меня изложить все это в письменной форме. Я так и сделал, но никто не знал, куда запропастилась бумага. Мы продолжали настаивать на переходе и начале работы на базе, расположенной дальше в горах. ...Но мы не могли идти туда, потому что командующий не прибыл; мы должны были ждать, потому что: "Мы проводим встречи".

Шли дни, Че все больше и больше раздражался, но никакого выхода не было. Он решил двинуться в путь и организовать постоянную базу на горе около Лулуабурга. Конголезцы, которые поначалу согласились было на этот план, не давали окончательного согласия. "Они начали строить для нас жилье, и на это потребуется несколько дней", - так они сказали. Я терпеливо объяснил, что мы хотели помочь".

В это время Че провел несколько бесед с некоторыми из местных командиров, которые дали ему подробную картину племенных разногласий и борьбы между предводителями. Один из них, Оленга, повышал себя в чине всякий раз, когда захватывал город.

"И так проходили дни. Я работал в течение нескольких дней в амбулатории с Куми, и наблюдал несколько тревожных случаев. Чрезмерное количество венерических заболеваний! - в основном подхваченных в Кигома.

Я был обеспокоен тем, что проститутки в Кигома были способны инфицировать так много людей. ...Кто платил этим женщинам? Чем им платили? На что тратились деньги революции?"

Но что было значительно хуже, партии оружия и жизненно важного военного снаряжения всегда прибывали некомплектными: для полевых орудий и автоматов всегда недоставало боеприпасов или запасных частей, винтовки

поступали с несоответствующими патронами, а мины оказывались без детонаторов.

Это было организованное бедствие. Солдаты выгружали продовольствие и оружие на берегу, смешивая все в веселом беспорядке.

"Мы были должны что-то делать, чтобы избежать полного безделья". Начались занятия французским языком, суахили, общеобразовательными предметами. "Боевой дух был все еще достаточно высок, но по мере того, как дни за днями проходили в бездействии, товарищи начали перешептываться. И угроза лихорадки, поразившей почти всех нас, продолжала нависать над нами".

А на театре военных действий тем временем было тихо. Че и Рафаэль Серкера оказывали помощь партизанам, получившим пулевые ранения в основном не в бою, а в ходе грубых развлечений и поединках в баре.

Посреди всего этого хаоса Че распевал танго на неизвестно какой мотив и читал "Капитал", избранные работы Хосе Марти и биографию Маркса, написанную Мерингом.

8 мая в лагерь Кибамба прибыли восемнадцать кубинцев под предводительством Сантьяго Терри и конголезского лидера Леонарда Митудиди. Митудиди, университетский активист и один из руководителей освободительного движения среднего звена, хорошо говорил по-французски и отвечал за организацию поставки оружия партизанам на восточном фронте. Он привез Че сообщение от Кабилы, в котором конголезский лидер просил Гевару быть поосторожнее и не разглашать свое настоящее имя.

Проведя месяц в навязанном безделье - таким было участие кубинских добровольцев в несуществующей войне, - Че решил отправиться в Лулуабург. Новая база располагалась в наивысшей точке горного хребта, приблизительно в трех милях от Кибамбы. Скрытый облаками пик вздымался на высоту около 10 000 футов. Подготовка кубинцев оказалась недостаточной для этого усилия: они предполагали действовать на равнинах, и несколько бойцов заболели от высоты. У самого Че во время подъема случился приступ астмы. Был получен приказ напасть на Альбер-твиль двумя подразделениями, при участии кубинцев. Че писал: "...приказ абсурден. Мы ощущаем недостаток подготовки, нас только тридцать человек, из которых десять больны или выздоравливают. Однако я проинструктировал людей и велел им приготовиться к походу и бою, хотя я постараюсь изменить планы или по крайней мере задержать их осуществление".

Во время встречи Че сумел доказать Митудиди, который успел возвратиться и выступал в роли начальника штаба фронта,

что предложение было очень опасным и что "гораздо важнее досконально разведать всю боевую зону и изучить все средства, имеющиеся в нашем распоряжении. Высшее командование не имело ясной картины того, что происходило на каждом из отдельных фронтов".

Для оценки ситуации было организовано три экспедиции. Четвертая, в которой должен был принять участие Че, откладывалась снова и снова: то было необходимо дождаться бензина, то лодки, то обязательного прибытия Кабилы (который так и не появился). Это было первое ясное представление, которое кубинцы получили о состоянии революционного процесса в Конго.

Дреке провел четыре дня, бродя взад и вперед по районам Лулембе и Физу, примыкавшим к озеру Танганьика, и обнаружил множество преувеличений: там, где якобы находилась тысяча человек, оказалось всего восемьдесят, а там, где предполагались "фронты", уже в течение некоторого времени не было никаких боевых действий. Нарастало ощущение апатии. Эдуарде Торрес отправился в отряды действующего фронта и там обнаружил, что повстанцы даже и близко не желают подходить к казармам жандармерии правительства Чомбе.

Еще хуже, по мнению Че, было положение с кадрами: "Просто дармоеды. Их никогда нет поблизости, когда они нужны. Высшие чины проводили целые дни в пьянстве, они напивались до изумления, нисколько не беспокоясь тем, чтобы скрывать это от своих людей и населения". Он сделал вывод, что учебный лагерь обязательно должен располагаться вдали от племенного влияния и возможностей устраивать пирушки.

Фредди Иланга было четырнадцать лет, он говорил по-французски, имел пистолет и был офицером. Он вспоминал: "Мне сказали: "Это Че". Именно так. "Ты слышал, что я сказал?" И мне объяснили, чтобы я молчал об этом или меня расстреляют. "Что за хер такой этот Че для них, чтобы угрожать мне расстрелом?" - спросил я себя". Через несколько дней Митудиди сказал Че, что Фредди назначен его учителем суахили. Начались занятия под деревом на базе Лулуабург. "Он не нравился мне, так как у него был очень проницательный взгляд, - рассказывал Фредди. - Он смотрел на тебя так, будто заставлял что-то сказать".

На следующий день Че взялся за ремонт зенитного пулемета, а Фредди отправился прочь без положенного урока, но тут-то его заметил Митудиди.

"- Что ты здесь делаешь? - спросил меня Митудиди.

Я доложил Че:

- Товарищ Тату, я должен быть с вами, спать там же" ооо

где и вы, есть там же, где и вы.

- Это тебя беспокоит? - спросил он.

- Нисколько.

- У тебя обеспокоенный вид.

На следующий день я пошел вместе с Тату на холм. Погода наверху была ненормальная, и нужно было идти по открытому месту, иначе солнце оставалось скрытым, а земля всегда была влажная. У меня из одежды было только покрывало".

С точки зрения Фредди Иланга, Че был не только таинственным человеком, но и довольно странным:

"Он носил оливково-серую, а не желтую униформу, черный берет, пистолет, флягу, ботинки, такие же, как у всех, зато у него не было никаких знаков различия или ремня с патронами. Когда он выходил из лагеря, то брал свою винтовку "М-2" с парой обойм, а его карманы всегда были битком набиты: там было множество бумаг, бинокль и высотомер. Каждый раз по прибытии на место он смотрел, на какой высоте мы находимся. В маленьком кармашке он носил компас. Поначалу он брал с собой рюкзак - пока у него не начались приступы астмы. Однажды, когда мы поднимались на холм, то устроили привал на полпути, и я увидел, как он "щелк-щелк" этой штукой во рту, и я тогда спросил: "Товарищ, неужели вы брызгаете духами в рот?" А он ответил: "Нет, я страдаю от болезни, которая называется астма".

Он всегда писал по ночам и в это время курил свою трубку. Он не мылся каждый день, о нет. Это было редкостное зрелище, когда он спускался к реке, чтобы искупаться".

Че был очень доволен своим учителем:

"Это был умный мальчишка, и ему предстояло приобщить меня к тайнам языка. Мы начали занятия с большим энтузиазмом, с трех часов уроков в день, но фактически именно я сократил обучение до часа в день, и не из-за недостатка времени, которое я, к сожалению, был вынужден беречь, а из-за полной несовместимости между моим характером и языками. В этой стране с ее особенностями люди говорят на суахили так же, как и на языке родной матери, на диалекте собственного племени, и таким образом он оказывается до некоторой степени языком завоевателей или же символом высшей силы".

Ну а Иланга легко усваивал испанский язык, начав с большого количества ругательств и оскорблений, которые узнал от кубинских бойцов. А Че вскоре подарил ему пистолет "беретту".

* * *

В первые же дни пребывания на базе в Лулуабурге, приблизительно через месяц после прибытия в страну, Че,

отдавая дань климату Конго, перенес очень сильную, хотя и непродолжительную лихорадку. Однако спустя несколько дней он заболел снова.

Во время его повторного заболевания один из бойцов, не подумав, сказал вслух, что "если майор и дальше будет в таком состоянии, то ему придется уехать". Че услышал эти слова, вышел из себя и закричал: "Я не уеду, я лучше помру здесь. А вот это скоро пройдет, это всего-навсего болезнь".

Затем поступило сообщение: "Кубинский министр с толпой других кубинцев поднимается в горы".

"Это было настолько абсурдно, что никто не мог поверить. Тем не менее я, чтобы размяться немного, немного спустился с горы, и, к моему большому удивлению, встретил Осма-ни Сьенфуэгоса. После объятий последовало объяснение: он прибыл для переговоров с правительством Танзании и попросил разрешения посетить товарищей в Конго. Он доставил мне самую грустную новость за все время войны: из Буэнос-Айреса позвонили по телефону и сказали, что моя мать очень больна, а суть заключалась в том, что ее кончина была просто-напросто вопросом времени. Османи не смог переговорить с Буэнос-Айресом еще раз".

К моменту прибытия Османи в Лулуабург Селия Ла Серна, вероятно, пребывала в коматозном состоянии. Ее доставили в больницу 10 мая, а 16 мая ей стало совсем плохо. В тот же день удалось кое-как связаться с Гаваной и сообщить о несчастье Алейде. Селия умерла 19 мая; 21 мая некролог был опубликован в кубинской прессе.

"Я был вынужден провести месяц в печальной неопределенности, ожидая исхода, который я приблизительно определил, но продолжая питать надежду на то, что в новости вкралась какая-нибудь ошибка, до тех пор, пока не получил подтверждения смерти моей матери".

Новость поступила из приозерного лагеря с журналом, который получил доктор Серкера.

"Я послал ему записку, в которой просил его спуститься, потому что я хотел поговорить с ним. Он появился на следующий день и уселся в гамаке. Я дал ему журнал "Боэмия". По его реакции было видно, что друг уже сказал ему о болезни матери. Он начал рассказывать о своем детстве. Он хотел выпить чаю; я попросил его не уходить. Он не сказал ни да ни нет, но все же остался. Мы вместе поели, а потом бродили, напевая танго. Он ушел рано утром".

Несмотря на стоическую, судя по внешним признакам, реакцию, смерть Селии, должно быть, явилась для него ужасным

ударом. Ведь столько лет мать и сын поддерживали слабую, но постоянную связь, между ними были доверительные отношения любви и сочувствия.

Селия так и не получила прощального письма, которое Че, уезжая, оставил для своих родителей в Гаване.

"Дорогие старики!

Я вновь чувствую своими пятками ребра Росинанта, снова, облачившись в доспехи, я пускаюсь в путь.

Около десяти лет тому назад я написал Вам другое прощальное письмо.

Насколько помню, тогда я сожалел, что не являюсь более хорошим солдатом и хорошим врачом; второе уже меня не интересует, солдат же из меня получился не столь уж плохой.

В основном ничего не изменилось с тех пор, если не считать, что я стал значительно более сознательным, мой марксизм укоренился во мне и очистился. Считаю, что вооруженная борьба - единственный выход для народов, борющихся за свое освобождение, и я последователен в своих взглядах. Многие назовут меня искателем приключений, и это так. Но только я искатель приключений особого рода, из той породы, что рискуют своей шкурой, дабы доказать свою правоту.

Может быть, я пытаюсь сделать это в последний раз. Я не ищу такого конца, но он возможен, если логически исходить из расчета возможностей. И если так случится, примите мое последнее объятие.

Я любил Вас крепко, только не умел выразить свою любовь. Я слишком прямолинеен в своих действиях и думаю, что иногда меня не понимали. К тому же было нелегко меня понять, но на этот раз - верьте мне. Итак, решимость, которую я совершенствовал с увлечением артиста, заставит действовать хилые ноги и уставшие легкие. Я добьюсь своего. Вспоминайте иногда этого скромного кондотьера XX века.

Поцелуйте Селию, Роберто, Хуана Мартина и Патати-на, Беатрис, всех.

Крепко обнимает Вас ваш блудный и неисправимый сын Эрнесто".

Оно было доставлено отцу в октябре, когда отсутствие Че было обнародовано. А сын только после смерти матери получил от нее ответ на свое письмо о том, что он оставляет Кубу (оно упоминается в приведенном здесь письме). Финал долгой переписки был ознаменован затерянными письмами, письмами, попавшими не туда по вине почты, письмами, не сумевшими найти адресата.

Примерно в то же время Че получил и еще одно глубоко

обескураживающее известие: 15 июня в Алжире состоялся военный переворот, в результате которого был свергнут президент этой страны, его друг Ахмед Бен Белла. В результате его свержения была задержана партия оружия, направлявшаяся в Оран и предназначенная для операций в Конго.

Неподалеку от базы Лулуабург находилось несколько деревень, где жили переселенцы из Руанды. Их самым большим богатством являлись коровы, которых мужчины обменивали на жен и даже на самую жизнь. "В ходе войны в этой области нам пришлось угощаться великолепной говядиной, которая даже чуть ли не излечивала ностальгию". Но зато положение вещей, при котором партизанские группы сторонников и последователей Лумумбы были раздроблены по племенным линиям, а их подход к военным действиям полностью противоречил партизанской тактике постоянного перемещения, приводило Че в отчаяние.

"Бойцы занимали то, что здесь называют барьерами. Эти барьеры находились в местах, которые были хорошо выбраны с тактической точки зрения, на высоких, достаточно труднодоступных холмах. Люди, жившие там, однако... полагались на бездеятельность врагов и зависели от снабжавших их крестьян. Последние должны были доставлять им пищу и терпеть множество злоупотреблений и дурное обращение. Народно-освободительная армия была паразитической армией: она не вела никакой работы, не занималась обучением, не сражалась, зато требовала поставки и работы с населения, и часто очень строго. Когда нужно было устраивать лагерь, конголезские бойцы заставили крестьян перетаскивать их провизию и военное снаряжение. Они показали себя совершенными бездельниками, когда нужно было переносить продовольствие из базового лагеря. Если этим людям давали что-нибудь нести, то они заявляли: "Мими апана мотокари" (я не грузовик) или "Мими алана кубан" (я не кубинец)".

Митудиди, вероятно в соответствии с недвусмысленным распоряжением Кабилы, дожидался прибытия последнего, прежде чем отдать приказ о вылазке. "Каждый день звучала одна и та же унылая литания: Кабила сегодня не приехал, зато завтра наверняка или через день... Если распорядок дня не изменится, то конголезская революция бесповоротно обречена на неудачу".

А Митудиди тем временем пытался установить среди партизан хоть какую-то дисциплину и немного подпортить жизнь пьющим (а таких, по данным Че, было от 90 до 95 процентов от общего количества). Он прекратил раздачу винтовок и потребовал, чтобы артиллеристы продемонстрировали ему свое умение, прежде чем получат боеприпасы. "Но там все равно

нужно было сделать очень много. А он был всего лишь один человек. Даже его помощники не слишком помогали ему... Мы очень доверяли друг другу".

7 июля, поставив в известность Митудиди, Че в компании Фредди отправился в горы, в лагерь Лулуабург. Митудиди, судя по всему, считал, что Кабила, проводивший в Дар-эс-Саламе переговоры с Чжоу Эньлаем, все же не приедет из Танзании. Поэтому он сам вместе с двумя кубинцами вскоре после прощания с Че отправился в лодке в Руандази, населенный пункт, находившийся на расстоянии всего лишь четырех километров. Когда Че и Фредди находились на полпути, их догнал посыльный с известием о том, что Леонард Митудиди утонул.

"Дул сильный ветер, подымавший высокие волны; похоже было, что он упал в воду случайно - все указывало на это. С этого момента начала разворачиваться цепь странных событий; я так и не смог узнать, относить ли их за счет глупости, чрезмерного суеверия - озеро было обителью всевозможных духов - или чего-то более серьезного. Факт заключается в том, что Митудиди, который немного умел плавать, по словам нескольких свидетелей, смог скинуть ботинки и оставался в живых еще десять-пятнадцать минут, призывая на помощь. Люди бросились в воду спасать его; среди них был его ординарец, который тоже утонул. Командир Франсуа, отправившийся вместе с ним (я так и не узнал, упал ли он за борт вместе с Митудиди или же прыгнул ему на помощь), тоже исчез. Как только произошел несчастный случай, они сразу же выключили мотор, так что лодка полностью потеряла управление, но когда его снова запустили, казалось, какая-то волшебная сила не позволяла Митудиди приблизиться к лодке. В конце концов, хотя он продолжал звать на помощь, лодка повернула к берегу, и товарищи видели, как он вскоре исчез под водой. Таким образом, человек лишился жизни вследствие дурацкого несчастного случая как раз в то время, когда начинал добиваться какой-то организованности в ужасном хаосе, царившем на базе Кибамба. Митудиди был молодым человеком, едва за тридцать".

После гибели Митудиди Кабила написал Че еще одно письмо, в котором он просил еще подождать. Кабила также прислал нового офицера связи, некоего Мутебу, но тот исчез после пары бесед, в которых он уговаривал Че перенести базу, чтобы изгнать призрак Митудиди. Че удалось лишь добиться осуществления своих предложений об организации пары смешанных кубинско-ангольских подразделений для боевой подготовки солдат и командиров и об использовании центральной базы в качестве учебного лагеря.

Части, действовавшие на Фронт-де-Форс, были укомплектованы не столько конголезцами, сколько руандийцами, что явилось большой неожиданностью для кубинцев. В конголезской армии было вообще очень много беженцев из Руанды. Их главнокомандующий Муданди в середине июня поднялся в горы к Че, чтобы сообщить, что его предложения получили одобрение и он может начинать устройство засад.

"Он учился в Китае и производил очень благоприятное впечатление, будучи серьезным и решительным, но в ходе нашей первой беседы вставил сказочку о сражении, в котором они убили тридцать пять вражеских солдат. Я спросил его, сколько оружия они в результате захватили, и он сказал мне, что не захватили ничего, так как они обстреливали противника из базук и оружие было разбито на части. Я никогда не обладал слишком большими дипломатическими способностями, и я прямо сказал ему, что это ложь. Он принялся оправдываться, сказав, что сам не участвовал в сражении и все ему доложили подчиненные... Но, поскольку преувеличение является нормой для этой области, прямо называть ложь ложью - это не лучший путь для того, чтобы завязать с кем-нибудь братскую дружбу".

Муданди попросил Че выделить пятьдесят кубинцев, чтобы произвести атаку на участке Фронта-де-Форс на населенный пункт на берегу реки Кимби, известный под названием Форс-Бендера, где находилась гидроэлектростанция. Это место не было мелким объектом, предполагалось, что там размещался батальон численностью в 500-700 человек, среди которых имелись и белые наемники. Был там и небольшой аэродром. Партизанам дали "приказ произвести нападение 25 июня. Я спросил, почему выбрана такая определенная дата, но Муданди не смог дать ответа... Он, казалось, был бедным неудачником-исполнителем, получившим задание, превышавшее его способности... Но он также был весьма двуличным".

План, составленный конголезскими лидерами за границей, предусматривал неожиданную атаку на Фронте-де-Форс в расчете на успех. При этой тактике опасности подвергались прежде всего "иностранные" силы - руандийцы и кубинцы, - вовлеченные в партизанскую войну. У Че возникли серьезные сомнения по поводу этого плана: были получены сведения о том, что цитадель противника, "помимо естественных оборонительных укреплений, оборудована траншеями и имеет тяжелую артиллерию". Он также желал принять личное участие в операции. Он так написал об этом Кабиле: "Ручаюсь вам, что, будучи человеком действия, я нетерпелив; это не подразумевает никакой критики с моей стороны". Ответ Кабилы был получен 17 июня. В нем

конголезский руководитель подтверждал первоначальный план нападения, а также просил Че не принимать личного участия в боевых действиях и оставаться на базе. {26}

39. Разгром на Фронте-Де-Форс.

19 июня 1965 года Че изложил своему отряду план наступления на Фронте-де-Форс.

На следующий день он, вместе с руандийским офицером Муданди, изучил план населенного пункта. И еще раз Че высказался против операции, предложив атаковать менее значимые казармы, но конголезцы отказались прислушаться к его доводам. К тому же Че приводила в отчаяние необходимость остаться в лагере, но он был вынужден смириться с этим: "Что, если я пойду, а они прогонят нас, потому что это их страна?"

И, словно дурное предзнаменование, в тот же день случайно загорелась хижина, в которой он жил.

24 июня в лагерь прибыли тридцать девять кубинцев, в том числе трое врачей. Че был приятно удивлен, увидев среди новичков своих старых знакомых. Это были Гарри Вильегас и Карлос Коэльо, его товарищи по оружию в боях в Сьерра-Маэстре и Экамбрее, а в последующие годы - его телохранители. У них был личный приказ Фиделя: без ведома Че оберегать его и заботиться о его безопасности.

Первые сведения о событиях на Фронте-де-Форс поступили 1 июля. Это была краткая записка от Дреке: "Атака началась в пять утра 29 июня. Родина или смерть. Моха".

Вскоре поступило и второе сообщение: "7.30; все идет успешно, люди счастливы и ведут себя хорошо". "Но наряду с этой запиской были получены тревожные новости о множестве погибших, об убитых и раненых кубинцах, которые заставили меня полагать, что все шло не так уж хорошо".

Нет, на самом деле все шло из рук вон плохо. В пять утра кубинцы открыли огонь из легкого орудия и пулемета. Защитники были действительно на какое-то время ошеломлены, но вскоре пришли в себя и принялись отстреливаться из миномета и пулемета. Руандийцы почти сразу же обратились в бегство. Дреке в отчаянии рассказывал: "К тому времени только кубинцы продолжали стрелять. Руандийцы не умели стрелять короткими очередями. Они непрерывно нажимали пальцами на спусковые крючки и почти сразу же израсходовали все тридцать патронов. Мы сражались против батальона в 500-600 человек". "Таков был характер операции. Она началась при хорошем настрое, но во многих случаях были допущены потери еще до настоящего начала операции, а потом люди бросились бежать врассыпную".

Тем временем вторая группа, которой командовал Пичардо,

вступила в бой на неудачно выбранном участке. Они были обнаружены, когда пересекали шоссе, чтобы занять позицию. Погибли четверо кубинцев и четырнадцать руандийцев. Перед началом боя бойцам приказали оставить все документы, по которым можно было бы установить их личности, но группа Пичардо пошла в бой со своими рюкзаками, и в руки правительственных солдат попал дневник, из которого было ясно видно, что в нападении принимали участие кубинцы. Один из погибших оказался одет в нижнее белье с ярлыком: "Сделано на Кубе".

Дреке командовал организованным отступлением. Несколько лет спустя он скажет: "Мы, кубинцы, нарушили баланс вооруженного мира, достигнутый конголезцами. Они были вооружены, но находились дома, со своими женами и детьми. Они не сражались". Тогда Дреке еще не мог представить себе, какие ужасные последствия могло повлечь за собой присутствие кубинцев в Конго.

* * *

Одновременно с операцией на Фронте-де-Форс еще одна группа под руководством кубинцев с таким же, если не с еще худшим, результатом вела бои в Катанге.

"Из 160 человек шестьдесят дезертировали еще до начала боя, а многие другие сделали не более чем по выстрелу. В назначенное время конголезцы открыли огонь по казармам - стреляли в основном в воздух, так как большинство из них закрывали глаза и нажимали на спусковые механизмы своих автоматических винтовок, пока боеприпасы не кончались. Враг отвечал точными выстрелами из 60-мм миномета, которыми было убито несколько человек, после чего почти сразу же последовало беспорядочное отступление".

Исход этих боев оказал сильное деморализующее влияние на местных партизан,

"но и среди кубинцев также наблюдалось изрядное уныние. Каждый из наших бойцов имел грустный опыт лицезрения того, как боевые отряды, идущие в сражение, разбегались в первый же момент боя, разбрасывая где попало свое бесценное оружие, чтобы было легче бежать. Они видели также и отсутствие товарищества среди бойцов. Раненые были оставлены на произвол судьбы; ужас охватил солдат, и ... они рассеялись, не ожидая никаких приказов.

В первые же дни после нападения большое количество солдат дезертировало или попросило отпустить их. Мунданди написал мне длинное письмо, полное, как обычно, описаниями героических дел, в котором он оплакивал потерю своего брата и

рассказывал, что тот погиб, уничтожив полный грузовик солдат... Он также оплакивал потерю нескольких человек из числа своих лучших кадров и жаловался на то, что высшее начальство находилось в Кигома, тогда как люди сражались и приносились в жертву в Конго. Между прочим он заметил, что две трети вражеских войск были уничтожены... Эти письма были только началом того распада, который в конечном счете уничтожит всю Освободительную армию и потащит кубинские отряды вслед за нею".

Основная проблема, вставшая теперь перед Че, заключалась в том, чтобы прекратить распад побежденного отряда и вселить боевое настроение в окончательно павших духом руандийских и конголезских партизан.

Наконец прибыл Кабила, в окружение которого входили: его начальник штаба, министр иностранных дел и несколько женщин-метисок из Гвинеи. Он, казалось, держался "сердечно, но отстраненно". Че попросил Кабилу сообщить танзанийскому правительству о присутствии кубинцев. Кроме того, он предложил совершить поездку по фронтам, начиная с Кабимбы; выехать можно было бы в тот же вечер. Но поездка была отложена, раз, другой и третий. Где-то 11 июля, "через пять дней после приезда Кабилы, он прислал за мной, чтобы сообщить, что он этой ночью уезжает в Кигома".

Че задал Кабиле вопрос: куда тот направляется - на границу с Танзанией или в Дар-эс-Салам. Кабила ответил, что возвратится на следующий же день.

"Когда известие об отъезде Кабилы разошлось по лагерю, и кубинцы, и конголезцы пали духом. Чанга, наш храбрый "озерный адмирал", в ярости спрашивал: "Зачем этот человек привез так много бутылок виски, если он собирался пробыть здесь только пять дней?

На следующий день настроение на базе, которое улучшилось было благодаря присутствию Кабилы, начало вновь падать. Солдаты, которым было поручено рытье траншей, сказали, что не собираются работать в этот день, потому что командир уехал".

К счастью, подразделение из двадцати пяти кубинцев и двадцати шести руандийцев под командованием Мартинеса Тамайо устроило 22 июля успешную засаду, в которую угодил грузовик конголезской правительственной армии. (Оставшиеся пятьдесят семь человек отказались сражаться, сказавшись больными.)

Закариас, командир руандийцев, предложил отрезать по два пальца каждому, кто стрелял без приказа. Мартинес Тамайо смог тактично предотвратить эту "воспитательную" меру. Один из

кубинцев, попытавшийся остановить ударившегося в бегство руан-дийца, был вознагражден за свою заботу болезненным укусом в руку.

"Фарсовый характер засады не был исчерпан этим. В грузовике было пиво и виски. Мартинес Тамайо попробовал было унести пищевые продукты, разбить все остальное, но это оказалось невозможно. Все руандийцы несколько часов пьянствовали, а кубинцы, которым запрещали пить, наблюдали за этим. Кубинцы посовещались между собой и решили возвратиться на базу. На обратном пути Закариас убил крестьянина".

Че, ощущавший непритворную подавленность из-за всех этих событий, позднее писал: "Пять лет - такова очень оптимистическая прикидка возможности успешного завершения конголезской революции, если она будет зависеть от возможности развития этих вооруженных групп до состояния полноценных подразделений".

Фортификационные работы на озере прекратились сразу же после отъезда Кабилы. Несколько конголезцев дезертировали, из-за малочисленности командного состава тут же развернулась борьба за власть. По словам Че, "база погрузилась в хаос. Однажды произошел позорный случай, когда командир бежал, чтобы укрыться в кубинской хижине: солдат потребовал риса, а когда командир отказал ему, погнался за ним с оружием в руках". Че задавал сам себе вопрос, было ли присутствие кубинского отряда полезным, и приходил к положительному выводу, так как трудности являлись следствием огромных различий между ними и конголезцами. Последние должны были иметь некоторые преимущества. Он повторял:

"Наша задача состоит в том, чтобы помочь выиграть войну. Своим примером мы должны показывать разницу, но не заставляя при этом кадры ненавидеть нас... своих исконных революционных товарищей... Мы вообще имеем больше продовольствия и одежды, чем местные товарищи, и должны разделить все это, насколько возможно, выборочно с теми товарищами, которые показывают свой революционный характер".

На следующий день, 18 августа, Че не выдержал и на рассвете уехал на Фронт-де-Форс.

"Наконец-то, после четырех месяцев принудительного заключения, после, казалось, бесконечных прогулок по плато... я чувствовал себя слегка наподобие объявленного вне закона, ударившегося в бега, но был решительно настроен на то, чтобы не возвращаться на базу как можно дольше.

Только-только успел я добраться до Фронта-де-Форс и растянулся на земле, наслаждаясь своей непреодолимой

усталостью, как товарищи пришли ко мне с жалобами на отношение руандийцев, в первую очередь капитана Закариаса, который применял к своим людям физические наказания и был, несомненно, способен убить кого угодно. Тем не менее прием, оказанный мне руандийцами, оказался сердечным".

На рассвете Че увидел электростанцию Форс. Его встреча с засадным отрядом была исполнена в равных долях радости и горечи. Виктор Дреке вспоминал: "товарищи пришли в восторг, увидев, что он подходит к нам, со своей бородой, в оливково-серой униформе, с советским пистолетом 25 калибра, винтовкой "М-1" и в берете... Он был полон идей, в добром здравии, лишь немного утомлен. Мы были очень обеспокоены реакцией конголезцев... Они понятия не имели, кто такой Че. Они знали его просто как Рамона, медика, как Тату-муганга, как они называют докторов. "Крестьяне были очень дружественно настроены по отношению к нам, и я почувствовал себя обязанным возвратиться к моей прежней профессии медика, которая в сложившейся ситуации была сведена к распределению антималярийных таблеток и инъекциям пенициллина от их обычной болезни, гонореи".

Вильегас добавил к этим словам:

"Легенда распространялась мгновенно. Всюду, куда мы только ни приходили, мы обнаруживали, нас знают благодаря доктору Тату, белому медику. Хотя у нас были и другие врачи, люди приходили, чтобы их лечил доктор Тату. Че возвратился к тем обязанностям, которые он выполнял в Сьерра-Маэстре. Именно так он быстро завоевал симпатии аборигенов". {27}

40. Вездесущий призрак.

Исчезновение Че с арены кубинской политической жизни вызвало к жизни поток дезинформации. Это были и спекулятивные измышления безработных журналистов, и дымовая завеса, которую старательно поддерживали кубинские секретные службы и столь же старательно пыталось развеять ЦРУ. В этом балете версий значительная роль была отведена абсурду.

Сначала кубинское правительство уделяло вопросу минимум внимания. Че можно было заметить в документальных фильмах, шедших в кинотеатрах Гаваны в апреле 1965 года: он участвовал в уборке сахарного тростника. Хосе Мануэль Манреса со временем признался: "В течение полутора месяцев я отбивался от всех посетителей, заявляя им, что Че уехал на уборку тростника". Но тайну невозможно было сохранить надолго.

Спустя несколько лет в Бразилии был опубликован обзор слухов, согласно которым Че в середине 1965 года пребывал одновременно в Колумбии, Перу, Чили, Аргентине, Бразилии, Уругвае и даже в психиатрической клинике Мехико. В том же 1965 году газеты в разных концах мира напечатали шесть заметок, в которых говорилось, что его настигла насильственная смерть. По-видимому, самым удивительным было известие о том, что Че скончался, а его тело захоронено в фундаменте одной из фабрик Лас-Вегаса. Правда, в нем не приводилось никаких сведений ни о том, как он туда попал, ни кто его убил,, ни о том, какую продукцию выпускала фабрика.

Согласно сведениям из кубинских источников, радиостанции, находившиеся под контролем ЦРУ, вещали в передачах на Азию, что Че был убит Фиделем из-за его прокитайской ориентации, а Восточная Европа узнавала из передач радиостанции "Свободная Европа", имевшей того же хозяина, что причиной гибели Че послужила его просоветская ориентация. Была даже распространена листовка с фотографией, на которой отец Че Держит в руках плакат с просьбой к Фиделю выдать тело его сына. Гевара-старший попытался опубликовать опровержение, но оно никак не повлияло на распространение слухов.

Примерно в июне 1965 года, когда Че находился в Конго, по различным службам безопасности, близким к ЦРУ, прошел странный обзор новостей, ставший известным как "Меморандум Р"; затем была организована утечка информации о его содержании. Обзор, как теперь считают, был составлен секретарем, фамилия которого начиналась на букву Р. Он был связан с надежными, как полагали американцы, источниками в

советском посольстве в Гаване. Из них ему стало известно, что Че, страдавший ˚т истощения и умственного расстройства, изолирован в гаванской больнице имени Калихто Гарсии. Психика Че якобы оказалась нарушена вследствие лихорадки неизвестной этиологии, и теперь он видит призрак Камило Сьенфуэгоса, призывающего его продолжить революцию в других частях мира. "Меморандум" утверждал, что Че страдал от приступов графореи, во время которых писал Фиделю Кастро безумные письма, содержавшие, помимо всего прочего, предложения отправить его в Занзибар, чтобы вести там работу совместно с китайцами.

Именно в те месяцы французский писатель и консервативный журналист Жан Лартеги, сотрудничавший с газетой "Пари матч", выдвинул гипотезу, согласно которой в исчезновении Че был виновен Фидель, убивший его.

Тем не менее, судя по многим признакам, казалось, что Че был все же жив. В тот же самый период итальянский журналист взял у него интервью в Перу, хотя источник из ЦРУ в ответ на вопрос, ушел ли Че в подполье, ответил: "Да, на шесть футов вниз". Позднее стало очевидно, что вся массированная дезинформация была направлена на то, чтобы заставить публику считать, что Фидель "избавился" от Че.

28 июня длинный перечень противоречивших один другому слухов появился на страницах журнала "Ньюсуик": по одной версии, он покончил с собой после увольнения из Министерства промышленности, по другой - руководил партизанскими кампаниями во Вьетнаме или Санто-Доминго. Согласно еще одной версии, он дезертировал и продал тайны кубинцев Соединенным Штатам Америки за десять миллионов долларов. Фидель лично, нечаянно или преднамеренно, породил простор для спекуляций своим ответом на вопрос журналистов:

"- Когда народ будет знать, что происходит с Че?

- Как только майор Гевара пожелает".

Когда в Доминиканской Республике состоялось народное восстание, в Майами зародилась легенда, поместившая Че в эту страну. В легенде с замечательной точностью перечислялись имена, даты и географические названия. Он, как считалось, приплыл на рыбацкой лодке из Сантьяго-де-Куба и высадился на землю поблизости от Санто-Доминго. Тот же самый источник утверждал, что его видели в ходе уличных боев в Санто-Доминго и что там он и погиб в сражении. Когда американские морские пехотинцы вторглись в страну, американская радиостанция сообщила, что к острову причалила кубинская мини-субмарина с командой из двоих человек, одним из которых был Че. Также

сообщалось, что кубинские тайные агенты с целью дезинформации спрятали в офисе Антонио Имберта Барреараса, одного из членов проамериканского военного триумвирата в Доминиканской республике, письмо, согласно которому Че погиб во время доминиканского восстания в боях в районе Каманьо на улице городка Сьюдад-Нуэва.

Призрак Че бродил по миру. Сообщения разведки, которыми обменивались между собой советники из администрации президента Линдона Джонсона, сопровождались записками о том, что каждый из этих документов представляет собой очередной вклад в историю о местонахождения Че Гевары. ЦРУ само оказалось в плену версии, которую распространяло, - о том, что между Фиделем и Че возникли разногласия, в результате которых последний оказался в кубинской тюрьме или же был казнен. Автором этой легенды был Виктор Марчетти, литератор, состоявший на службе в ЦРУ. Одновременно он продолжал сочинять все новые и новые истории по поводу безумия Че, а также распространять слухи о том, что тот находится в Латинской Америке или ожидает повода, чтобы отправиться туда.

Некоторые из аналитиков ЦРУ начали собирать информацию относительно кубинского присутствия в Конго, и один из них даже предположил, что Че мог находиться там, но эта версия не нашла никакой поддержки.

Агентство печати "Франс Пресс" распустило сплетню, согласно которой между Фиделем и Че произошел спор, закончившийся перестрелкой, во время которой последний был убит. Заметка была перепечатана одной из троцкистских газет. А перуанская "Ла Пренса" опубликовала заметку, в которой сообщалось, что Че был устранен Советским Союзом из-за его прокитайских настроений.

Под давлением этих и множества других слухов Фидель 3 октября, во время церемонии формирования Центрального комитета вновь создававшейся Коммунистической партии Кубы, взошел на трибуну. Он держал пять исписанных от руки листов и машинописную перепечатку их содержания. В театре воцарилась напряженность. Фидель начал речь:

"Один из членов нашего Центрального комитета отсутствует, это человек, имеющий большие заслуги, обладающий очень высокими достоинствами. Воспользовавшись его отсутствием, враг смог выдумать тысячу предположений, попытался смутить народ и посеять разногласия и сомнения. Но было необходимо ждать, и мы терпеливо ждали".

Затем Фидель приступил к чтению того самого прощального Письма, которое Че вручил ему в апреле. Когда он заканчивал

чтение, зал взорвался аплодисментами. Фидель попытался было Продолжить речь, но овация не прекращалась.

Позднее Фидель сказал, что обнародование прощального Письма Че "было непреложной политической необходимостью" . {28}

41. Пессимистичный оптимист.

Эмилио Арагонес и Оскар Фернандес Мель оказались в Конго, потому что Фидель уступил их просьбам поехать добровольцами после того, как они получили письмо от Че, в котором описывалась ситуация, сложившаяся после поражения повстанцев на Фронте-де-Форс.

Сначала Че опасался, что они приехали для того, чтобы просить его вернуться на Кубу или же пытаться уговорить его отказаться от участия в боевых действиях. "Я просто не мог понять, по какой причине секретарь партии может покинуть свой пост, чтобы отправиться в Конго". Когда же он понял, что Арагонес и Фернандес Мель приехали в качестве добровольцев, то сразу же включил их в списки.

Арагонес был сто двадцатым кубинцем, приехавшим в Конго. К тому времени там находилось сто семь бойцов и четыре медика. Несколько человек было убито. Чанга находился на озере Танганьика, и еще двое вернулись на Кубу. При иных условиях эти люди могли бы образовать ядро крупной армии.

Прибыло подкрепление: группа конголезских студентов, обучавшихся в Китае и Болгарии. Но от них нельзя было ожидать толку в бою. Сыновья вождей, разговаривавшие по-французски, они были натасканы в теории, но не желали идти в горы. Они получили воспитание на колониалистских идеях и принесли с собой отрицательные стороны европейской культуры. "Они возвратились после обучения с внешним налетом марксизма, исполненные сознания своей важности как "кадры" и нескрываемого стремления отдавать приказания, каждое из которых перерастало в недисциплинированность и даже в элитарные заговоры".

И с такими вооруженными силами Че намеревался внести перелом в ход войны.

В военном отношении партизанский контингент был скован. Пока продолжались бесплодные стычки, Че пользовался любой возможностью для проведения в зоне мероприятий социальной поддержки населения. Он сам оказывал местным жителям медицинскую помощь, а также раздавал по деревням семена овощей. Потом он решил отправиться в Лулембу с предложением устроить вместе с Ламбертом несколько засад и попутно изучить возможности нападения на город. Судя по захваченной платежной ведомости, численность его защитников составляла всего пятьдесят три человека.

Они достигли передовой линии, которая представляла собой

РЯД кишащих паразитами хижин около дороги, не имевших ни траншей, ни иных защитных сооружений. Подле размещалась пара зенитных установок и несколько базук. "Траншеи были постоянной головной болью: исходя из каких-то суеверных страхов, конголезские солдаты отказывались лазить в дыры, которые вырыли своими собственными руками, и не строили никаких прочных укреплений для отражения атак противника". Говорили, что Ламберт находился в Физу у больной дочери. По той или иной причине, но он не бывал в лагере уже в течение полутора месяцев. Разведывательная экспедиция привела Че в район Физу, где "важнее всего теперь было устроить представление. Генерал Маулана надел свои боевые доспехи, которые состояли из мотоциклетного шлема с закрепленной на макушке шкурой леопарда, и придавали ему очень смешной вид. Коэльо называл его Космонавтом... Был устроен военный парад, завершившийся речью генерала Мауланы. К тому времени комизм достиг чаплинского уровня; у меня было ощущение, будто я смотрю плохую кинокомедию, раздражающую и бессодержательную, а командиры тем временем кричали, топали ногами по полу и крутились в разные стороны... Той же ночью мы вернулись в Физу".

Противник, который в течение длительного времени пребывал в неподвижности, начал наконец проявлять признаки жизни. Активизировались бомбежки и пулеметные обстрелы с воздуха крестьянских поселений; кроме того, повсюду сбрасывались с самолета листовки, в которых правительство президента Мобуту Сесе Секо предлагало крестьянам награду за выдачу кубинских советников и помилование тем из повстанцев, кто сложит оружие. Из США прибыла помощь, состоявшая из двухсот миллионов долларов в денежном выражении и большой группы советников, направленных ЦРУ. Среди них были и американцы, и кубинцы, принимавшие участие в десанте на Плая-Хирон, и ро-дезийцы, южноафриканские солдаты. В ЦРУ об этой акции говорили: "Мы пригнали свою собственную скотину".

Тогда же прибыла и новая кубинская миссия во главе с министром здравоохранения Хосе Рамоном Мачадо Вентурой. Он рассказал Че о том, что происходило во внешнем мире.

"Люди из Революционного Совета не говорили нам правды-я полагаю, частично потому, что так всегда происходит в таких делах, а частично потому, что они сами не имели никакого представления о том, что на самом деле происходило... Реальностью было то, что они нарисовали идиллическую картину, в которой повсюду находились военные формирования, вооруженные силы скрывались в джунглях, и шли непрерывные

бои..."

Важнейшая встреча конголезских лидеров состоялась, наконец, 5 октября на склоне горы между Физу и Баракой. Че шел на нее не со спокойной душой.

Получив личное впечатление о ходе боевых действий в Конго, Арагонес и Фернандес Мель вели с Че горячие споры. Фернандес Мель рассказывал: "Мы говорили ему, что на Кубе население было настроено против Батисты, но здесь не было никого, кто был бы настроен против чего бы то ни было". Арагонес добавлял: "Мы не понимали, что, черт возьми, он делал там".

Серьезные сомнения возникли и в оставшейся части кубинского партизанского отряда. Че прилагал много усилий, чтобы рассеивать их, а также опровергал слухи о том, что

"Кубинцы находятся в Конго, потому что Фидель не информирован о реальной ситуации в этой стране... Я не мог требовать от них доверия к себе как к руководителю, но как революционер я мог требовать, чтобы они уважали мою честность... Я не собирался пожертвовать ни одним из них ради своего личного честолюбия. Если я действительно не сообщил в Гавану мнения о том, что все пропало, то только потому, что я не разделял этого мнения".

Но на деле только личное уважение и доверие к Че и позволяло группе сохраняться как полноценной боевой единице. "Ушли те романтические времена, когда я мог угрожать за недисциплинированность отправкой назад, на Кубу. Если бы я сделал это теперь, то был бы счастлив, оставшись с половиной отряда".

Че написал длинное письмо Фиделю:

"Я получил твое письмо, которое исполнило меня смешанным чувством - что во имя пролетарского интернационализма мы допускаем ошибки, которые могут оказаться очень дорогостоящими. Кроме того, я лично беспокоюсь о том, что можно подумать, будто я страдаю от ужасной болезни необоснованного пессимизма, то ли из-за недостатка серьезности в моих писаниях, то ли потому, что ты можешь не все понять... Я лишь сообщу тебе, что здесь, согласно мнению тех, кто близок ко мне, я лишился своей репутации объективного человека, поддерживая на высоком уровне необоснованный оптимизм при столкновении с существующим положением. Я могу тебе поручиться, что если бы не я, то эта красивая мечта полностью рухнула бы посреди всеобщей катастрофы".

Он недвусмысленно пояснил, что нуждался не просто в людях, а в кадровых военных - "здесь очень много вооруженных людей, но нам не хватает солдат", - и очень серьезно предупредил

Фиделя по поводу безответственности конголезских лидеров, их нежелания сражаться, их неискренности, их удаленности от реальной борьбы и о том, что ситуации в Конго в целом является бедственной. Он предупредил, что конголезцам не следует давать денег, так как они будут истрачены не на борьбу. "Мы не можем в одиночку освободить страну, которая не хочет бороться; мы должны создать в ней дух борьбы и, вооружившись фонарем Диогена и терпением Иова, искать солдат - эта задача становится тем труднее, чем больше этого народу отирается вокруг".

Действительно было странно, что Че, которого можно было считать сверхоптимистом, предстал в этом письме, адресованном Фиделю, в качестве пессимиста.

В октябре премьер-министр Моиз Чомбе сам оказался жертвой военного переворота. Сразу же резко усилилась пропагандистская кампания, в которой мятежникам предлагали заключить мир. Президентом был объявлен Жозеф Касавубу; уже через несколько дней он встретился в Аккре, столице Ганы, с главами ряда африканских государств, и достаточно прозрачно намекнул им на желательность распада антиколониального фронта. Он объявил об урегулировании в отношениях с правительством Конго (Браззавиль). Таким образом была расставлена политическая западня, которая должна была изолировать оставшихся последователей Патриса Лумумбы, а вместе с ними и партизан Че.

Собрав своих товарищей-кубинцев, Че "спросил у них, кто считает победу возможной, и только Дреке и Мартинес Тамайо подняли руки... Я закрыл собрание с убеждением в том, что лишь очень немногие разделяли мою мечту о создании армии, которая принесла бы триумф конголезскому оружию, хотя я был с полным основанием уверен, что были люди, готовые пожертвовать собой даже при том, что чувствовали бесполезность своей жертвы".

Конголезские руководители развернули кампанию против кубинцев, называя их клоунами. В их защиту выступил один из крестьян: "Он говорил всем, кто соглашался слушать, что просто позор сравнить нас с бельгийцами... Он никогда прежде не видел белого человека, довольствующегося такой же порцией еды в котелке, что и у других бойцов". Руководители принялись высмеивать конголезцев из кубинской группы зато, что иностранцы заставили их работать. Они также распустили слух о том, что мины, подорвавшись на которых несколько человек получили ранения, были заложены кубинцами.

"Причина, на самом деле совершенно жалкая, заключалась в том, что мы действительно не слишком честно относились к начальникам, так как были недовольны их невежеством, их

суеверностью, подпитывая их комплекс неполноценности. Мы, возможно, ущемили их чувствительность тем болезненным фактом, что белый человек упрекал их так же, как и в недобрые старые дни".

В это время конголезское радио неоднократно сообщало о смерти Че Гевары в Конго. Была ли это утечка информации организована руководством повстанческого движения? Была ли это просто ничем не обоснованная пропаганда? Так или иначе, но эти новости даже не попали в мировую прессу.

1 ноября Че спустился к озеру Танганьика. Его сопровождал капитан Санчес Бартли (в Конго он был под именем Лоутона), доставивший тревожное сообщение из Дар-эс-Салама. Танзанийское правительство вызвало кубинского посла Пабло Риваль-ту и поставило его в известность о том, что "вследствие принятия африканскими государствами решения о невмешательстве во внутренние дела других стран они сами, так же как и другие правительства, которые до сих пор оказывали поддержку конголезскому освободительному движению, должны будут изменить форму этой поддержки. Ну а далее они просили, чтобы мы отозвали те силы, которые направили в качестве нашего вклада в эту политику. Они подтвердили, что мы дали больше, чем многие из африканских государств, и что нам не следует ничего сообщать о наших планах участникам конголезского освободительного движения до тех пор, пока сам президент не вызовет его лидеров и не сообщит им о решении, принятом африканскими государствами. Я послал сообщение о происходящем в Гавану. Мы ждем твоего мнения".

"Это был переворот ради убийства революции. По причине конфиденциального характера информации я ничего не сказал конголезским товарищам и принялся выжидать, чтобы посмотреть, что же случится в ближайшие несколько дней". Вскоре Ривальта переслал в Конго ответ из Гаваны, телеграмму, направленную Фиделем на его адрес в Дар-эс-Салам:

"Мы должны делать все, кроме глупостей. Если, по мнению Че, наше присутствие стало незаконным и бесполезным, то нам следует думать об отъезде. Вы должны действовать в соответствии с объективной ситуацией и настроением наших людей. Если вы чувствуете, что мы должны остаться, мы попробуем послать столько людских и материальных ресурсов, сколько сможем. Мы опасаемся, что вы можете ошибочно счесть наше отношение к событиям пораженчеством или пессимизмом. Если вы решите, что " нужно уезжать, Че может сохранить сложившееся положение вещей, вернувшись сюда или же направившись куда-либо в иное место. Поддержим любое

решение. Старайтесь избегать риска для жизни наших людей".

Еще одно послание от Фиделя прибыло через Дар-эс-Салам 4 ноября. В нем говорилось, что наемники, состоявшие на службе у правительства, все же должны были покинуть Конго. Депеша заканчивалась словами: "В таком случае отозвать ту революционную поддержку, которую мы предоставили конголезцам, было бы предательством, даже если они не просят о ней или отказываются от борьбы". Линии связи были прерваны, но послания все же доходили. Че отправил в Дар-эс-Салам для пересылки Фиделю письмо, в котором, после рассказа о ходе военных действий, написал:

"Было время, когда говорили о массовом дезертирстве всех конголезских руководителей. На этот случай я принял решение остаться с примерно двадцатью отборными людьми (нельзя выжать кровь из камня), отправить остальных в другое место и продолжать борьбу до тех пор, пока сохранится хотя бы малейшая возможность; в таком случае я решил бы, перебираться ли по суше на другой фронт или же воспользоваться священным правом на убежище. Ввиду самых последних новостей моя реакция была такой же, как и у Фиделя: мы не можем уехать. Кроме того, ни один кубинец не должен уезжать на предложенных условиях. С танзанийским руководством нужно серьезно поговорить насчет окончательных деталей.

Вот мои предложения: чтобы кубинская делегация высокого уровня, или Арагонес отсюда, или оба вместе, посетили Танзанию. Содержание переговоров должно быть примерно таким: Куба предложила поддержку, причем только с одобрения Танзании; последняя соглашается, и мы оказываем эту поддержку безо всяких условий или сроков. Мы понимаем сегодняшние трудности Танзании, но не соглашаемся на ее предложения. Куба не изменяет своему слову, не , отказывается от обещаний и не может позорно бежать, оставляя братьев на милость наемников. Мы можем отказаться от борьбы только в том случае, если сами конголезцы попросят нас об этом, имея какие-то веские причины, или же в случае донельзя неблагоприятных обстоятельств, но мы будем бороться, чтобы предотвратить такой поворот событий".

Военная ситуация в начале ноября казалась довольно стабильной, но распад повстанческих сил стремительно ускорялся. Повсеместно циркулировали слухи о том, что южноафриканские и бельгийские наемники и правительственные отряды при поддержке бывших жандармов из Катанги продвигаются к озеру Танганьика. Правительственная авиация вела бомбежки. Были вырыты траншеи, устроено несколько засад, положение продолжало быстро ухудшаться. На фронте Али

напряженность в отношениях между кубинцами и конголезскими бойцами достигла предельного уровня. Мартинес Тамайо испытал большие трудности и волнения, пытаясь остановить дезертирство среди конголезцев; деморализация начала затрагивать и кубинцев, среди которых начались разговоры об уходе.

Крах был неизбежен. Руандийцы покидали позиции на Фронте-де-Форс и увлекали за собой кубинцев. По крайней мере, они отступали организованно, с оружием, и перегруппировывали свои силы в зоне Нганья. Муданди отправил Че записку:

"Я не в состоянии удерживать позиции и обеспечивать их оборону... Я прошу вас понять меня: я решил отступить; я не бросаю кубинских товарищей... Я не могу подвергнуть всех руандийских товарищей опасности уничтожения... Я стремился оказать поддержку этой революции, чтобы иметь возможность сражаться за другую - в нашей стране. Раз конголезцы не желают сражаться, то я предпочел бы умереть на своей земле".

Оказавшись перед такой ситуацией, Че послал телеграмму на Кубу: "Вражеское давление усиливается, но мы пока что кое-как блокируем озеро. Срочно нужно большое количество конголезских денег на случай, если мы будем отрезаны. Наступление продолжается и развивается. Должен двигаться быстро. Готовимся защищать базу. Кубинцы решили эвакуировать женщин и детей в Кигома и согласились организовать в Танзании секретную базу, которую нужно будет использовать в том случае, если они окажутся отрезаны".

Ночью 17 ноября Че приказал начать второе отступление на внутренние оборонительные линии. Вместе с кубинцами отступали конголезские солдаты и крестьяне со своими женами и Детьми.{29}

42. Последние дни ноября.

18 ноября 1965 года Чамалесо, выступая перед конголезцами, среди которых был и командующий фронтом Ильдефонс Масенго, сказал, что принято решение отказаться от борьбы.

В лагере множились слухи о том, что конголезцы решили уйти с позиций. Вслед за слухами ширилось беспокойство. Че не сдавался. На встрече с самыми доверенными из членов его отряда обсуждалась возможность организованной эвакуации, после которой следовало пересечь с небольшой группой партизан всю страну и присоединиться к действовавшим на севере повстанцам, во главе которых стоял Пьер Мулеле. Правда, это означало прогулку более чем в шестьсот миль по незнакомой территории, в ходе который нужно было, не имея проводников, пересекать девственные джунгли. При этом партизаны даже не знали точно, в какой стране находился Мулеле, так как они ни разу не вступали в контакт с ним и его силами.

Че настаивал на том, чтобы остаться в Конго с ядром отряда. Спустя несколько месяцев он объяснял: "Мое намерение состояло в том, чтобы эвакуировать больных, слабых, всех, кто нетвердо держался на ногах, и продолжать борьбу, оставшись с маленькой группкой. Имея в виду эту цель, я провел небольшое испытание... которое дало обескураживающие результаты: почти никто из товарищей-бойцов не был готов к продолжению борьбы. Так что решение оставалось за мной".

На следующий день, 19 ноября, часть конголезского контингента начала отступать в направлении Физу. Че, не имевший связи с баркасом, отплывшим в Танзанию еще до того, как было отдано распоряжение об эвакуации, решил приказать сжечь лагерь и документы. Но прежде чем приказ был отдан, кто-то поджег пороховой склад.

"Пока я поджидал отставших, мы смогли с первого холма по дороге на Джунго посмотреть фейерверк: как горели и взрывались драгоценные пороховые боеприпасы. Было много отставших; их, казалось, одолевала застарелая усталость и тревожный недостаток жизненных сил. В группах практически не осталось конголезцев".

К трем часам им удалось связаться с капитаном Лоутоном, находившимся на береговой базе в Танзании, и передать, что ему следует возвратиться в Конго, потому что предстояла эвакуация.

"Выражение на лицах всех товарищей изменилось, как только они услышали из-за озера слово "понято", как будто перед ними помахали волшебной палочкой...

Все командиры уходили; крестьяне становились все враждебнее к нам. Но мысль о полной эвакуации, о том, чтобы уехать тем же путем, которым мы прибыли сюда, оставив позади беззащитных крестьян и людей, которые, хотя и имели оружие, но были также беззащитны, учитывая их скудные боевые навыки борьбы, побежденных и чувствующих себя преданными, глубоко ранила меня.

Что касается меня, то остаться в Конго не было бы * жертвой, и не был ею один год, или пять лет, которыми я пугал моих людей; это была часть идеи борьбы, которую я полностью разработал в голове.

На самом деле мысль о том, чтобы остаться, просуществовала до глубокой ночи; пожалуй, я так и не принял решения и просто стал еще одним из беглецов".

Прибыла депеша с Кубы, в которой Че убеждали, что попытка соединиться с Мулеле на севере Конго была бы безумием и ему следует "искать любой возможный путь, чтобы выбраться оттуда".

Виктор Дреке:

"Эвакуацию следовало провести среди большого количества конголезских партизан и гражданских жителей, которые собрались там, убегая от наступавших бельгийцев, не щадивших никого. Это было устрашающее зрелище, потому что среди всей этой толпы были раненые и больные люди, женщины, дети, старики. Нам нужно было несколько лодок, чтобы вывезти всех, но эти лодки не существовали".

В тот вечер Че предпринял еще одну попытку остаться; он настаивал на том, чтобы дождаться группу кубинцев, которая должна была подойти, но скорее всего погибла. Среди кубинских командиров возник бурный раздор. Эмилио Арагонес, у которого Че в разгаре спора сбил с головы шляпу, заявил, что если вся проблема в том, как погибнуть, то он, после того как все остальные будут эвакуированы, с превеликой радостью усядется рядом с Че на причале и поспорит с ним о том, что же такое идеализм, черт бы его побрал. В конце концов Че сдался.

"Для меня ситуация была решающей. Двоих придется оставить, если они не явятся в течение нескольких часов... Мои отряды представляли собой сборную толпу, из которой, по прикидкам, за мной последовало бы до двадцати человек, и у них должны были иметься дурные предчувствия на этот счет. И, наконец, что должен был делать я?

Наше отступление было бегством, откровенным и простым. Хуже того, мы становились сообщниками в обмане людей, остававшихся на суше. С другой стороны, кем я был теперь? У меня сложилось впечатление, что, после моего прощального

письма Фиделю, товарищи начали воспринимать меня как человека из другого мира, как кого-то очень далекого от повседневных проблем Кубы, а я не испытывал желания настоятельно требовать от них жертвы - остаться. Так я и провел последние часы - в одиночестве, озадаченный".

К двум часам ночи появились три баркаса Лоутона; их появление предварялось пуском сигнальных ракет и бомбежкой. Первым делом они установили на одной из лодок пулемет.

"Эвакуация проходила организованно. На борт поднялись больные, затем весь штаб Масенго - сорок человек, отобранных им, а затем все кубинцы. А потом начался болезненный, жалкий и бесславный спектакль. Я был вынужден отказывать людям, которые просили взять их. В этом отступлении не было ни намека на величие, ни малейшего признака восстания".

Потом погрузились человек восемь руандийцев, оставшихся с группой до конца. Че хотел подняться на борт последним, но кубинские офицеры, решившие, что это уловка для того, чтобы остаться, отказались взойти на судно без него. Он поднялся на первый баркас в сопровождении Хосе Мартинеса Тамайо, Арагонеса и Фернандеса Меля.

К шести утра, когда стали видны первые здания в Кигома, Че со своей лодки обратился к кубинцам. Дреке дословно пересказал его выступление:

"Товарищи, по причинам, которые вам всем известны, настало время разделиться. Я не сойду с вами на берег; мы должны избежать любых провокаций. Сражения, которые мы вели, сильно обогатили нас опытом. Я надеюсь, что несмотря на все трудности, через которые мы прошли, если когда-нибудь Фидель обратится к вам с предложением отправиться на другое задание такого же рода, некоторые из вас ответят "есть". Я также надеюсь, что если вы окажетесь Дома к двадцать четвертому, когда вы будете есть молочного поросенка, о чем вы так мечтаете, то вспомните этих скромных людей и тех товарищей, которых мы оставили в Конго. Возможно, мы еще встретимся на Кубе или в какой-нибудь другой части мира". К баркасам приблизилась маленькая лодочка. Че спустился в нее, за ним последовали Мартинес Тамайо, Гарри Вильегас и Карлос Коэльо, и распрощался.

43. Дар-эс-Салам

Виктор Дреке, бывший заместителем командира кубинской экспедиции в Конго, вспоминал прощальные слова Че, когда тот удалялся на лодке в просторы озера Танганьика:

“Еще увидимся, Моха”. Это было ужасно; люди плакали. Нельзя было сказать, радуются они или печалятся. Я никогда больше не видел Че”.

Кубинские солдаты, попав в Кигома, быстро пришли в себя. Вспоминает Эразмо Видо: “Мы побрили головы, отмылись от грязи. Мы были полуголыми и босыми. Мы продезинфицировались — нас одолевали вши. Бойцы были рады, что там нашлись лекарства. Душевное состояние снова было на высоте. Мы чувствовали, что оказали достойное сопротивление, что мы не были виновны в поражении”.

Затем их доставили в Дар-эс-Салам, откуда им предстояло группами уехать в Гавану. Еще одна небольшая группа во главе с Оскаром Фернандесом Мелем осталась в Кигома, чтобы попытаться найти троих кубинцев, затерявшихся в Конго. (Поиски, продолжавшиеся два месяца, все же завершились успешно.)

Тем временем посол Пабло Ривальта получил приказ освободить верхний этаж здания кубинского посольства в Дар-эс-Саламе, куда теперь имели доступ только он сам да посольский шифровальщик. Эти комнаты стали убежищем для потерпевшего поражение Че. Он сильно исхудал от голода и дизентерии, отрастил длинные волосы и бороду. Вместе с ним были трое его ближайших сподвижников: Гарри Вильегас, Карлос Коэльо и капитан Хосе Мария Мартинес Тамайо.

Благодаря пище и книгам Че вырвался из первоначальной апатии и мучительных раздумий. Уже через несколько дней после приезда он начал диктовать шифровальщику посольства по имени Кольман записки, основанные на дневниках, которые он вел в Конго. Постепенно он втянулся в работу и писал почти без перерывов в течение трех недель.

Обретавшая форму рукопись имела название “Воспоминания о революционной войне (Конго)” и была посвящена “Баасу и его павшим товарищам, в попытке найти хоть какой-то смысл в их жертве”. В прологе Че написал:

“Это история неудачи... но благодаря наблюдениям и критической оценке она поработает на перспективу. Я чувствую, что если история имеет хоть какую-то ценность, то она заключается именно в описании опыта, который может быть

использован другими революционными движениями. Победа — это великий источник положительного опыта, но поражение, по моему мнению, еще важнее в этом смысле — особенно в случае, когда участники и советники являются иностранцами, пришедшими рисковать своими жизнями на незнакомую территорию с чужим для них языком, связанные с нею только пролетарским интернационализмом и представлениями о современной освободительной войне, проводимой странами при таком уровне международной солидарности, какой не был известен со времен гражданской войны в Испании".

В том же прологе Че сказал, что "эти записки... будут изданы через длительный промежуток времени после того, как были надиктованы, когда, возможно, автору нельзя будет задавать вопросы по поводу того, что он здесь сказал. Время покажет, и если в опубликовании этих записок будет какой-то смысл, то редакторы смогут внести любые исправления, которые посчитают необходимыми, обращаясь к осведомленным источникам для разъяснения смысла событий или высказываний в свете прошедшего времени".

Че не мог, конечно, представить, что его рукопись будет издана лишь спустя почти тридцать лет, да и то не полностью.

Он оттачивал свою способность к самокритике, как будто книга была упражнением в психоанализе; он обнажал свои ощущения и судил себя гораздо резче, нежели в кубинских "Воспоминаниях". И в этой самокритике он оставил лучший из всех портретов своей личности, которые мне только удалось разыскать:

"Мне надлежит проделать наиболее трудный анализ — анализ моих собственных действий. Углубляя самокритику насколько возможно, я пришел к следующим выводам: в отношениях с предводителями революции мне мешал тот несколько необычный способ, каким я попал в Конго, и я оказался не способен преодолеть это препятствие. Мои мнения были непоследовательными; я долго придерживался позиции, которую можно охарактеризовать как чрезмерное удовлетворение. Порой я был виновен в очень резких и вредных вспышках, являвшихся, возможно, следствием некоторых врожденных свойств моего характера. Единственные люди, с которыми я, почти наверняка, поддерживал правильные отношения, были крестьяне, поскольку я больше привык разговаривать на политическом языке, давать прямые объяснения и показывать личный пример, и эти отношения, я думаю, складывались успешно. Я не изучил суахили достаточно быстро и достаточно хорошо. Этот недостаток был связан прежде всего с моим знанием французского языка, которое

позволяло мне общаться с руководителями, но держало в отдалении от народных масс. Мне не хватило воли сделать необходимое усилие.

Что касается контакта с моими людьми, то, думаю, что я принес достаточно жертв, чтобы никто не мог обвинить меня в чем-нибудь, опираясь на личные или физические основания, но в Конго я потакал двум моим главным слабостям: табак, нехватку которого мне редко доводилось испытывать, и чтение, которым я всегда увлекался чрезмерно. Такие неудобства, как единственная пара разбитых ботинок, или отсутствие смены одежды, или питание тем же рационом, что и у бойцов, ни в коей мере не является жертвой с моей стороны. Прежде всего то, что я отходил в сторону, чтобы читать, отделяло меня от товарищей, даже если не принимать во внимание те черты моего характера, которые затрудняют близкие отношения. Я был резок, но не чрезмерно, и думаю, не был несправедлив. Я использовал дисциплинарные методы, не применяемые в регулярной армии, такие как лишение пищи. Это единственный известный мне эффективный способ наказания в условиях партизанской кампании. Я пробовал поначалу использовать моральное принуждение и потерпел неудачу. Я пытался привить своим солдатам те же взгляды на происходящее, какие были у меня, но потерпел неудачу...

Мне не нужно было побуждений, чтобы потребовать от себя проявления максимальной жертвенности в решающий момент. Это было следствием внутренней психологической установки. Мне было бы легко остаться в Конго. С точки зрения чувства собственного достоинства бойца, это был бы естественный поступок... Когда я думал по поводу этого решения, тот факт, что я знал, насколько легко для меня было принести жертву, говорил не в мою пользу. Я чувствую, что должен был преодолеть в себе камень преткновения в виде этой самокритики и навязать окончательное решение нескольким определенным бойцам. Только нескольким, но мы должны были остаться.

И, наконец, мое прощальное письмо к Фиделю тяжело сказалось на моих отношениях с личным составом. Я видел это со всей отчетливостью, хотя мое восприятие полностью субъективно. Письмо заставило товарищей воспринимать меня — так же как и много лет назад, когда начинал в Сьерра-Маэстре — иностранцем среди кубинцев. Если тогда я прибыл вместе с ними, то теперь я покидал их. Появились вещи, которые больше не были общими для нас, такие, как тоска, которую я испытывал молча и не проявлял явно, и то личное, что священнее всего для каждого, человека: его семья, его дом, его корни. Письмо, которое породило так много похвальных отзывов как внутри, так и за

пределами Кубы, отрезало меня от бойцов.

Эти психологические размышления могут показаться неуместными при анализе борьбы почти континентального масштаба. Я все еще придерживаюсь своей концепции жесткого лидера — я был руководителем группы кубинцев, не больше роты, и моя задача состояла в том, чтобы быть их реальным руководителем, привести их к победе, в результате которой образовалась бы подлинная народная армия. Но мое специфическое положение превратило меня одновременно: в солдата, представителя иностранных сил, инструктора кубинцев и конголезцев, честолюбивого политического стратега в неведомой расстановке политических сил. А также в моих отношениях с предводителями революции — ив Катона Цензора, назойливого и непонятного. Потянув за множество нитей, я затянул гордиев узел, который не решился разрубить. Если бы я был истинным солдатом, то был бы способен оказать большее влияние на другие аспекты моих сложных отношений. Я говорил о тех моментах кризиса, когда лидер, то есть я сам, заботился о собственной безопасности — пример того, что в условиях чрезвычайной опасности я не был способен отказаться от мыслей о себе”.

Это был анализ, проведенный человеком, изучавшим себя для следующего предприятия, человеком, пытавшимся выпрямиться и выяснить при этом, каким образом и когда он сломался, человеком, который все время ожидал случая, чтобы вновь вступить в игру со смертью. Че уже не ощущал себя полностью разгромленным. Он сделал из своего поражения частную неудачу; он мог переживать свой собственный, порой преувеличенный, комплекс вины, собственные нечеловеческие требования к себе. По этому поводу он недвусмысленно высказался в прологе:

“Я многому научился в Конго. Были ошибки, которых я впредь не повторю; возможно, их будут повторять другие, а я буду совершать новые. Я проникся большей, чем когда-либо, верой в партизанскую войну, но мы потерпели неудачу. Моя ответственность за это велика. Я не забуду поражения и его трудно доставшихся уроков”.

При помощи Ривальты и Фернандеса Меля он еще раз прошелся по этим событиям. Согласно воспоминаниям обоих, Че по горячим следам произошедшего, был убежден, что сложившиеся условия не располагают для возобновления войны в ближайшее время и что для того чтобы возобновить борьбу, нужно будет многое сделать по-иному. Он начал оправляться физически. Хотя Че был молчалив и нелегко проявлял свое истинное настроение, спутники видели по его шуточкам и

жестам, что он все еще был угнетен. Друзья расстались с ним обеспокоенные и удивленные.

Че отредактировал перепечатанную рукопись и во время одной из встреч в Дар-эс-Саламе вручил экземпляр Фернандесу Мелю, чтобы тот передал ее на Кубе Фиделю и Алейде.

Не подлежит никакому сомнению, что Че на протяжении нескольких месяцев пребывания в Дар-эс-Саламе поддерживал постоянный контакт с Гаваной. Не существует никаких текстов коммюнике или писем, которыми он наверняка обменивался с Фиделем. Сегодня мы достоверно знаем лишь одно — что Алеида, по собственной инициативе Ривальты, смогла совершить тайное путешествие в Дар-эс-Салам через Каир. Ривальта рассказал, что супруги прожили вместе несколько дней в кубинском посольстве, что они разговаривали о детях и Че был счастлив.

Ривальта лично занимался и изменением внешности Че:

“Я отправился на рынок и купил там машинку для стрижки волос, ножницы, расчески и бритву. Стрижка вышла хорошо — я когда-то учился на парикмахера. Закончив, я сунул сигару ему в рот”. Сохранилась фотография, с которой гладко выбритый Че, выглядящий гораздо моложе своих лет, весело смотрит из-за сигары, загораживающей чуть ли не половину лица. Сотрудник кубинского Министерства внутренних дел Эдди Суньол тайно приехал из Гаваны, чтобы завершить трансформацию образа с помощью фальшивых зубов и очков. Когда работа была завершена, Че было совершенно невозможно узнать.

В феврале 1966 года Че написал Ильде, своей старшей дочери, которой уже исполнилось десять лет:

“Дорогая Ильдита!

Пишу тебе сегодня, но это письмо ты получишь значительно позже. Знай, что я помню о тебе и надеюсь, что ты проводишь радостно день твоего рождения. Ты почти женщина, поэтому не могу писать тебе как детям, рассказывая глупости и враки.

Тебе следует знать, что я нахожусь далеко и буду долго отдален от тебя, делая все, что в моих силах, для борьбы против наших врагов. Немного, но кое-что я делаю и думаю, что ты сможешь всегда гордиться твоим отцом, как я горжусь тобою.

Помни, что впереди многие годы борьбы, и даже когда ты станешь взрослой, тебе придется внести свой вклад в эту борьбу. Между тем следует готовиться к ней, быть хорошей революционеркой, а в твои годы это значит много учиться, изо всех сил, и быть всегда готовой поддержать справедливое дело. Кроме того, слушайся маму и не слишком воображай о себе. Это придет со временем.

Борись, чтобы стать одной из лучших в школе. Лучшей во

всех отношениях, ты знаешь, что я понимаю под этим: учебу и революционное поведение, иначе говоря, серьезное отношение к труду, любовь к родине, революции, товарищество и т. д. Я не был таким в твои годы, но рос я в другом обществе, где человек был врагом человека. Тебе выпало счастье жить в другое время, и ты должна быть достойной его.

Не забывай время от времени следить за поведением малышей и советовать им учиться и вести себя прилежно. Главным образом смотри за Алейдитой, которая с большим уважением относится к тебе как к своей старшей сестре.

Хорошо, старуха, еще раз желаю тебе провести счастливо твой день рождения. Обними за меня маму и Джинну и прими мое большущее и крепчайшее объятие на все время нашей разлуки.

Твой папа”1.

Вскоре Че распрощался с Алейдой и отправился из Танзании в неизвестном направлении. Прощальная весть от него появилась в послании, которое он направил в адрес Конференции трех континентов, состоявшейся в Гаване в январе:

“В Конго идет борьба между преемниками Лумумбы и бывшими подручными Чомбе, борьба, которая в настоящее время, кажется, ведется по переписке, к радости тех, кому удалось ради собственной выгоды умиротворить значительную часть территории страны. Но вероятность войны все еще сохраняется”.

44. Прага: холод и одиночество.

Автору хотелось бы еще раз обратиться к словам Че. Невозможно подделаться под его повествовательную интонацию, его невероятную искренность, его саркастический юмор. Тем не менее, как и очень многие другие документы такого рода, дневники Че, которые он, вероятно, вел после отъезда из Африки - гипотетические "Пражские дневники", - не были опубликованы, если, конечно, они еще существуют. Кроме того, мы должны указать на то, что кубинские историки избегают образа удрученного и угнетенного Че, как смертельной заразы. О "холодном" периоде, протянувшемся от конца марта (или немного ранее) до июля 1966 года, было написано, если вообще что-то было, очень мало. Поэтому единственный оставшийся выход состоит в том, чтобы попробовать реконструировать эту первую "Пражскую весну" по рассеянным и очень разнообразным фрагментам информации.

Покинув Африку, Че отправился в Европу, в место, где он мог пребывать в полной тайне. Он ожидал возобновления неоднократно откладывавшейся латиноамериканской операции; в этом случае "Андский проект" был бы, несомненно, тоже возрожден.

Оскар Фернандес Мель, врач, старый товарищ Че по оружию, видел его в марте 1966 года в Дар-эс-Саламе, а несколько позже, возвращаясь на Кубу, встретился в Каире с Алейдой, которая ехала в Танзанию, чтобы тайно увидеться с мужем.

Если Фернандес Мель не ошибается, то именно март оказался тем месяцем, в котором Че от жара лихорадки после поражения перешел к холодным расчетам нового плана. (Если же правы кубинские историки Адис Купуль и Фройлан Гонсалес, то поворотный момент состоялся на несколько месяцев раньше.) В том же марте Че отправил капитана Мартинеса Тамайо в Боливию, чтобы восстановить сеть опорных пунктов, организованную там активистами молодежного движения. Но, или тогда,, или чуть позже, Эрнесто Гевара снова инкогнито покинул Танзанию и через Каир и Белград отправился в Прагу.

Мануэль Пиньеро поручил Улисесу Эстраде задание, которое можно было бы сформулировать как "доставку Че в безопасное место, где он будет находиться до тех пор, пока не решит, что ему Дальше делать". Этим безопасным местом была маленькая квартирка в Праге. Всю ее обстановку составляли несколько кроватей и кухонный стол. Дни там тянулись медленно. Че едва не сошел с Ума, когда прочел все имевшиеся книги и был

вынужден перейти к решению в одиночестве шахматных задач.

Гарри Вильегас и Карлос Коэльо, его телохранители и неотступные дружественные тени, были вместе с ним. Отчеты за тот период поступали от имени Вильегаса; он хорошо запомнил, как они проводили значительную часть тех дней, бродя по этому прекрасному городу, словно одержимые, несмотря на пронизывающий холод. По крайней мере, климат Центральной Европы не провоцировал у Че астму. По соображениям безопасности они питались в ресторанах как можно дальше от центра города.

Секретность была полная. Че испытывал глубокое недоверие к этой стране и настаивал на отсутствии всякого общения с ее секретными службами. Он часто говорил: если бы они выяснили, что он находится у них, то это сразу же стало бы известно ЦРУ. Поэтому вся операция осуществлялась одними кубинцами. Гевара часто обменивался письмами с Фиделем. Однажды он ускользнул от своих телохранителей и отправился в кино, где в почти пустом зале смотрел фильм "Олимпийские игры в Токио", содержание которого он мог понять, хотя текст шел на чешском языке.

Че отправил Эстраду назад, на-Кубу, так как этот большой чернокожий человек был в Праге слишком заметен. Его сменил Хуан Карретеро, пользовавшийся псевдонимом Ариэль. И наконец, когда латиноамериканская операция начала обретать форму, Че вызвал из Гаваны Альберто Фернандеса Монтеса де Оку, Пачунго, своего старого товарища по сражению за Санта-Клару и по работе в министерстве промышленности.

На протяжении той весны и части лета, проведенных в Праге, Эрнесто Гевара вырабатывал новую программу действий, используя элементы первой операции, проведенной в 1964 году, и изменяя их в соответствии с теми изменениями, которые произошли в Латинской Америке за то время, пока он находился в Африке. Осуществление первоначального проекта было временно отложено после того, как в Аргентине был убит Хорхе Рикардо Масетти, а в Перу истреблена Национально-освободительная о армия (НОАП). В основу программы была положена концепция "континентального фронта", предложенная Че во время встречи с Хосье Фанон, состоявшейся в Алжире в 1964 году.

Откуда Че взял силы, чтобы углубиться в эту схему после ужасного опыта, приобретенного в Конго? После гибели Че американский журналист И.Ф. Стоун предположил, что, когда революция приобретает гражданскую власть, "то, наподобие Церкви, она переходит в греховное состояние. Можно легко

вообразить, как эта медленная эрозия первоначальной добродетели должна была волновать Че. Он не был кубинцем и не мог получить удовлетворение, освободив от империализма янки лишь одну из латиноамериканских стран. Он мыслил в масштабах континента. В определенном смысле он был подобен некоторым из первых христианских святых, находивших убежище в пустыне. Только там чистоту веры можно было гарантированно уберечь от нераскаянного ревизионизма, содержащегося в природе человека".

Однако кое-что Стоун не уловил. Латинская Америка была не просто территорией, о которой Эрнесто Гевара ребенком читал в книгах, какой-то историей в духе Эмилио Сальгари, в которой с бесчестными разделываются ударами мечей. Континент вовсе не был сказочной страной из мальчишеских фантазий, куда является какой-нибудь капитан Немо, чтобы исправить все неправое. Латинская Америка была абсолютно реальной во всех своих образах: кошмарная бедность трущоб Каракаса, ужасы социального неравенства в Перу, демагогия в Боливии, бесправие, чинимое военными в Колумбии, достойные гангстеров злоупотребления центральноамериканских правительств. Диктаторы-марионетки, приказывавшие пытать людей; недоедание, голод, невежество, страх - все это были реальные образы, запечатленные в сознании Че во время его юношеских путешествий. Именно на этих образах зиждилась твердость Че, его ясное понимание того, что необходимость революции в Латинской Америке была больше, чем только моральная потребность, и потому эту необходимость нельзя было игнорировать. И, более того, в 1966 году эта революция казалась осуществимой, не просто в смысле возможности проведения определенных действий, но и назревшей, наступающей в самом настоятельном и ужасном значении этого слова.

* * *

Судя по всему, на этом новом этапе первоначальной целью должна была стать Перу, размещение опорной базы предусматривалось в Боливии, а второму очагу партизанской войны предстояло незамедлительно вспыхнуть в Аргентине. Этот вывод подтвердил Вильегас: "Первая акция из предусмотренных нами готовилась не для Боливии, а для Перу; именно там шла организационная работа для предстоящей партизанской войны".

В апреле 1965 года Эктор Бехар провел реорганизацию Фронта национального освобождения, а в июне Левое революционное Движение (ЛРД), которое возглавлял Луис де ла Пуэнте Уседа, начало очень активные действия на трех фронтах. В районе будущих операций в течение нескольких месяцев

проводилась подготовительная политическая работа. Вскоре вступил в действие и ФИО, возглавлявшийся Эктором Бехаром, Гильермо "Пако" Ло-батоном и Хуаном Пабло Чангом.

Пока Че находился в Африке, мощный наступательный порыв перуанских партизан, подпитывавшийся от постоянных крестьянских волнений, оказался в значительной степени ослаблен вследствие перенесенных в конце 1965 года ударов, которые практически обезглавили движение. 23 октября, при попытке вырваться из осажденного лагеря Меса-Пелада, погиб ла Пуэнте, а партизанская армия ФИО оказалась разорванной на части в результате предательства проводника.

Че, несомненно, обдумывал возможность воссоединения перуанских партизан, но отказался от этой мысли, так как кубинское правительство было убеждено в том, что движение в Перу было насыщено провокаторами. Вильегас позднее скажет перуанским партизанам: "Еще очень многое необходимо выяснить, например, как попал в плен "Калихто" конспиративная кличка Бехара, как погиб ла Пуэнте, как исчез Лобатон, а Гадеа брат Ильды, бывший шурин Че оказался в тюрьме. По нашему мнению, Че не должен был отправляться туда".

По мнению французского исследователя Режи Дебрэ, "до середины 1966 года Че, кажется, думал о Боливии только как об отправной точке для операции в Перу". Но более вероятно, что к тому времени, когда Че покинул Африку, он уже отбросил перуанский план и начал думать о Боливии не только как о тыловой базе, с которой можно будет отправиться куда-то еще.

В ноябре 1964 года остатки боливийской революции, зарождение которой Че наблюдал своими глазами, рухнули в результате кровавого военного переворота, организованного генералами Рене Баррьентосом и Альфредо Овандо Кандией. За переворотом последовали жестокие репрессии, с особой силой ударившие по шахтерам. Профсоюзный лидер Хуан Лечин был изгнан из страны, а часть левых объявлена вне закона. Хотя военное правительство приобрело в 1965 году видимость законности - были устроены выборы, в результате которых Баррьентос был избран президентом, а Эрнан Силес Суасо стал вице-президентом, - политическое положение в стране оставалось весьма неустойчивым.

Че не только поддерживал прямые и косвенные связи с руководителями Коммунистической партии Боливии до тех пор, пока не покинул Кубу в 1964 году; он встречался и с Оскаром Само-рой, лидером радикального диссидентского крыла партии, который питал пристрастие к вооруженной борьбе, а вскоре после встречи завел внутрипартийный диспут под предлогом раскола

между прокитайскими и просоветскими элементами. Эта и другие встречи заставили руководителя БКП Марио Монхе Молину приехать на Кубу с протестом по поводу того, что маоисты в его партии готовят партизанскую войну, что означает поддержку линии группы Оскара Саморы.

В апреле 1965 года, уже после отъезда Че с Кубы, в БКП произошел раскол. В обеих фракциях получила развитие тенденция к организации вооруженной оппозиции военному правительству. В середине 1965 года группа из двенадцати молодых боливийских коммунистов, обучавшихся в Гаване, "неоднократно" обращалась с просьбой об организации для них военной подготовки. В это время в Гаване находился Хорхе Колье Куэто, второй секретарь БКП; он поддержал эту просьбу и даже направил на Кубу еще одну группу молодежи. Это были Роберто "Коко" Передо, Луис "Ньято" Мендес, Родольфо Салданья и Хорхе Васкес Виа-нья. Че имел связь с этими людьми в ходе организации опорных пунктов для операций Масетти и Пуэрто Малдонадо.

Переговоры по поводу деятельности партизан в Боливии, в которых рассматривались две основных возможности: организация опорной базы для перуанских партизан или же устройство базы для ведения боевых действий, возобновились в Гаване в январе 1966 года в ходе Конференции трех континентов. Фидель лично обсуждал положение с первым секретарем БКП Марио Монхе. Говорят даже, что после конференции Монхе прошел краткий курс военного обучения и был перед группой молодых боливийцев приведен к присяге; в руках у него был 9-миллиметровый пистолет "браунинг".

Быстро выяснилось, что соглашение о сотрудничестве между кубинским правительством и БКП имело свою цену. БКП стремилась дезавуировать другие левые группы, в которых видела своих конкурентов. Судя по всему, она преуспела в этом, добившись исключения из числа участников Конференции трех континентов еще одной левой боливийской делегации, которая прибыла без приглашения. Режи Дебрэ задним числом назвал это решение прискорбным, так как вследствие него база поддержки проекта Че оказалась ограниченной, а кубинцы стали заложниками у Монхе и формалистов из БКП.

После того как Че покинул Конго и в своем манифесте обнародовал намерение начать работу в Латинской Америке, работа Тани, которая жила в Боливии под именем Лауры Гутьеррес Бауер, приобрела новое значение. За время своего пребывания в Боливии Таня завязала связи с местной олигархией и вышла замуж за боливийского студента, получив таким образом

статус постоянного гражданства. Она имела двойное прикрытие - как археолог и как преподаватель немецкого языка. Она имела превосходные отношения с информационным управлением президента и даже встречалась с самим президентом Баррьентосом. В январе 1966 года агент кубинской секретной службы, известный по конспиративной кличке Мерси, приехал под видом представителя аргентинской косметической фирмы, чтобы проверить, достаточно ли прочно прикрытие резидента. Мерси в течение двух месяцев в Боливии и Бразилии проводил с Таней "повышение квалификации" - занятия по множеству различных тем, среди которых были способы борьбы со слежкой, анализ информации, карате и чтение микрофотоснимков. Уезжая, он повторил приказы Че: Таня должна оставаться в тени, держаться подальше от боливийских левых и дожидаться специального гонца с Кубы, чтобы активизировать деятельность по ее миссии.

В марте 1966 года в Боливию прибыл капитан Мартинес Тамайо, находившийся до того вместе с Че в Праге. Его приезд указывал на то, что перуанский проект временно отложен - или, точнее выражаясь, откорректирован в соответствии с действительностью - и что Боливия оказалась теперь в центре партизанских планов Че. Что должен был представлять из себя новый план, в каких условиях ему предстояло осуществиться, с кем нужно было сотрудничать? О чем думал Че? О том, что в Боливии имелись условия для ведения вооруженной борьбы? О том, что неудавшаяся революция пятидесятых годов проложила дорогу социалистической революции? Ни одно из левых движений Боливии не было настроено на ведение вооруженной борьбы против военного правительства. Вообще-то о войне действительно поговаривали, но сил, готовых начать ее, не существовало. Как сказал спустя несколько лет Инти Передо, БКП все время находилась "на грани перехода к вооруженной борьбе", но так и не переступила за эту грань.

Этот проект принадлежал Че Геваре. Фидель позднее подтвердил: "Мы не давали ему задания. Идея, план - все это было его собственным". План так и не был полностью детализирован, ни в боливийских дневниках Че, ни в разговорах с людьми, которым предстояло позднее сопровождать его туда. Дебрэ спустя несколько лет отмечал:

. "Насколько нам известно, настоящие планы Че никогда о не излагались в письменном виде, тем более не публико-,.: вались. Во время пребывания в Ньянкауасу Че не практиковал никаких систематических откровенных бесед с ..-партизанами по поводу планов дальнейших действий. Планы зарождались из

разнообразнейших причин и осуществлялись без разговоров; их суть была примерно известна большинству, кое-кто мог их предугадать, но осведомлены о них были очень немногие". Исходя из тех фактов, которые стали нам известны сегодня, и из оценки тех действий, которые Че предпринял в течение следующих месяцев, можно заключить, что отправка Мартинеса Та-майо в Боливию явилась началом воплощения плана. По мере его осуществления действия партизан в этой стране должны были обрести размах, а на втором этапе борьбе предстояло рас пространиться по всему континенту, охватить весь андский реги он, причем Аргентине и Перу предстояло оказаться единым полем битвы. Мысль состояла в том, чтобы основать в Боливии "материнский фронт", который был бы и настоящим театром военных действий, и местом для практического боевого обучения. Кажется очевидным также, что в будущем, когда от партизанского ядра предстояло отделиться крупным отрядам, предназначенным для Перу и Аргентины, Че намеревался отправиться на родину. Это намерение укрепилось после очередного военного переворота в Аргентине, в ходе которого президент Артуро Илья был свергнут генералом Хуаном Карлосом Онганией. Аргентинские военные, казалось, трудились для развития проекта Че. Первоочередными Задачами Мартинеса Тамайо было восстановление связей с остатками перуанского Фронта национального освобождения, в первую очередь с Хуаном Пабло Чангом, налаживание контакта с Боливийской коммунистической партией, возобновление сети опорных пунктов, подключение "попутчиков" - братьев Передо, Салданьи, Ньято, Васкеса Вианьи, - но прежде всего организация главной базы, где партизаны могли бы проходить обучение. Все эти задания были выполнены в кратчайшие сроки, и группа приступила к работе. Мартинес Тамайо купил ферму в Юнгасе, местечке в провинции Бени, расположенном неподалеку от Каранави, на северо-восток от Ла-Паса. Однако вскоре выяснилось, что ферма находится слишком близко к военной базе, и ее пришлось оставить.

Хосе Монлеон (Иван, Ренан), агент кубинский секретной службы, тот самый человек, который два года назад присутствовал на первой встрече Че с Таней, состоявшейся на Кубе, в апреле выехал из Гаваны, чтобы взять дело в свои руки. Хотя Монлеон входил в группу Пиньеро, ему надлежало стать "кротом" - Держаться в отдалении от боливийских левых и на всем протяжении операции оставаться в образе преуспевающего торговца. Из кубинского источника известно, что "Иван был обучен борьбе со слежкой, получению и передаче информации, контрразведке,визуальному наблюдению, мерам безопасности,

работе с рацией и использованию секретных кодов, шифровке и тайнописи".

Таня выехала из Боливии, чтобы получить фальшивый паспорт более высокого качества и пройти дополнительное обучение в Мексике и Праге. Встречалась ли она там с Че? Это маловероятно, так как присутствие Че в Праге было делом глубоко секретным, о нем не должен был знать никто, кроме очень ограниченного круга людей, состоявшего из его преданных товарищей по оружию (Пачо Монтес де Ока, Мартинес Тамайо, Карлос Коэльо и Гарри Вильегас) и нескольких сотрудников Министерства внутренних дел (Улисес Эстрада, Карретеро, ХосеЛуис), которые работали в посольстве. Сам Че был очень осторожен и делал все возможное для того, чтобы не выдать своего присутствия.

В мае в Боливии встретились трое агентов Че - Таня, Монлеон и Мартинес Тамайо. В том же мае Фидель встречался с Монхе и поделился с ним довольно неопределенными мыслями по поводу предстоящей операции. О чем думал лидер боливийских коммунистов, покидая Кубу? Сложилось ли у него впечатление о том, что именно в это время шла подготовка первой стадии боливийской операции? Так или иначе, но по возвращении Монхе дал "добро" на обучение небольшой группы членов молодежной коммунистической организации. Инти Передо - руководитель - и еще восемь товарищей выехали в Буэнос-Айрес.

Че, находившийся в одиночестве в холодной Праге, начал выстраивать ряды своих соратников. 10 июля Таня получила известие, активизировавшее ее деятельность; она приступила к созданию тайных складов и конспиративных квартир для прибывающих бойцов. Спустя еще четыре дня Вильегас и Коэльо выехали из Праги в Боливию. Че отправил на поле предстоящего сражения своих ближайших соратников. Им предстояло, присоединившись к Мартинесу Тамайо, начать операцию. Еще через неделю в Латинскую Америку отправился и Че Гевара.

45. Корабли сожжены.

19 июля 1966 года в поезде из Праги в Вену ехал некий человек, называвший себя Рамоном Бенитесом и имевший паспорт гражданина спокойной в то время Восточной Республики Уругвай. Так началась поездка, участникам которой предстояло увидеть не только пригороды центральноевропейских столиц. Рамон Бенитес занимал 22-е место в вагоне номер 121; напротив, на 24-м месте, сидел его кубинский друг Фернандес Монтес де Ока. В Вене сеньор Бенитес пересел на поезд, направлявшийся в Женеву, а далее в Цюрих. Оттуда он, противно всем законам формальной логики, прилетел в Москву, откуда, сменив паспорт, улетел в Гавану. Человек обошел полмира, чтобы добраться домой. Домой?

Теперь, по возвращении, Че Гевара уже не имел места, которое мог бы назвать домом. Он сжег свои корабли. Гавана оказалась лишь портом захода на пути к новому подвигу. Спустя год и три месяца после отъезда в африканское предприятие он вернулся, чтобы начать другую партизанскую экспедицию, на сей раз в Латинской Америке. Фидель Кастро писал: "При его обостренной чувствительности, он переживал из-за возвращения на Кубу после того, как он столь бесповоротно простился с нею. Я уговорил его вернуться, поскольку это было наиболее удобное и практичное решение для реализации всех его намерений и замыслов". И что же представляли собой эти намерения и замыслы? Че предстояло собрать людей, которые отправятся вместе с ним, проработать детали плана и начинать тренировки. Мне удалось найти только одно упоминание о том, где Че находился в течение последующих трех месяцев, проведенных на Кубе. Поставленный перед необходимостью хранить строжайшую тайну своего местопребывания, он обитал где-то в районе между пещерой Лос-Портальес (где находился его командный пункт во время ракетного кризиса) и Ла-Пальмой, местечком неподалеку от городка Сан-Андрес-де-Тайгуанабо, в провинции Пинар-дель-Рио. Еще более точным адресом служит указание на резиденцию некоего американца, владевшего до революции половиной провинции. Брошенное хозяином поместье находилось на склоне почти неприступного холма и имело благотворный микроклимат, благодаря которому Че смог на некоторое время забыть о своей неотвязной астме. "Он был толстым и крепким", - сообщал анонимный источник.

Гевара имел за это время много бесед с Фиделем. Кубинский премьер-министр вынес из них убежденность в том, что Че нельзя

было остановить. Фидель раз за разом уговаривал старого друга предоставить возможность начать операцию кому-то другому и лишь потом включиться в действие, но Че оставался непреклонным. "Он был нетерпелив, чрезвычайно нетерпелив", - констатировал Фидель.

Че не составляло труда найти добровольцев для своего предстоящего предприятия, которое можно было назвать воплощением вооруженного латиноамериканизма. Идеал международной солидарности - особенно солидарности с другими латиноамериканцами - очень импонировал многим молодым революционерам Кубы. Здесь же появлялась возможность повернуть часы назад, уйти от суровых будней строительства социализма и вернуть славные боевые праздники. Память отбрасывала все дурное из тех времен, удерживая только хорошее: солидарность, всеобщая убежденность и - а почему нет? - героизм.

На протяжении прошедших лет многие и многие кубинцы обращались к Че с просьбами позволить присоединиться к его будущим революционным акциям; в народе было хорошо известно, что многие члены кубинского революционного правительства среднего и даже высшего уровня вызывались принять участие в латиноамериканской революции за пределами Кубы. "Мы открыто выражали готовность отправиться туда, так как опасались, что он уйдет и начнет борьбу без нас. И таким было не только мое отношение. Многие из наших товарищей чувствовали то же самое", - вспоминал Дариэль Аларкон. Че подбирал людей по указанию собственного сердца, тех людей, которые, как он видел, умели преодолевать страх, которые с некоторой беззаботностью относились к смерти - "красивых", в кубинском значении этого слова, людей, и притом немного сумасшедших. Он отдавал предпочтение бойцам, не только разделявшим его политические взгляды, но также и неистово преданным идее равенства, самоотверженным и стойким. Он сам обладал всеми качествами, которые требовал от своих соратников. Он выискивал в людях способность преодолеть трудности и изнеможение, найти в себе силы в то время, когда, казалось бы, все уже потеряно.

Прежде всего старая гвардия. Ее ядро составляли телохранители и ординарцы Карлос Коэльо и Гарри Вильегас, старые друзья, бывшие вместе с Че начиная с самых тяжелых дней боев в Сьерра-Маэстре. Че относился к ним почти как к собственным детям. Еще одним из "детей" он считал Леонардо Тамайо, "маленького индейца", который был посыльным в его отряде и исходил на своих легких ногах всю Сьерру. Конечно же,

одним из первых должен был стать Альберто Фернандес Монтес де Ока. Некогда он заблудился в мексиканских джунглях, а в Санта-Кларе шел в наступление в десяти шагах перед своими людьми навстречу танку противника. Монтес де Ока был старым товарищем Че и по действиям в Сьерра-Эскамбрее, и по работе в Министерстве промышленности, а последние несколько месяцев провел вместе с Че в Праге.

Че выбрал лучших из тех партизан, которые действовали под его началом в Сьерра-Маэстре и особенно во Вторжении. Это были Элисео Рейес, Сан-Луис, Оло Пантоха (последний, как считают, вместе с Уго Бланке принимал участие в первой операции в Перу; тогда он работал в Министерстве внутренних дел у Рамиро Вальдеса) и Мануэль Эрнандес, лучший из командиров авангарда во время вторжения в Лас-Вильяс.

Из участников недавней африканской операции Че привлек доктора Октавио де ла Педраху (Морогоро) и Исраэля Рейеса Сайаса, бывшего в прошлом телохранителем Мануэля Пиньеро. Были и другие ветераны революционных боев, которых Че, несомненно, хотел бы взять с собой: капитан Дариель Аларкон, товарищ по войне в Сьерра-Маэстре, Антонио Санчес Диас по кличке Пинарес, один из лейтенантов Камило Сьенфуэгоса, который символически носил ботинки своего давнего предводителя. "Антонио и впрямь был очень похож на Камило". Че и сам невольно поддался этой ностальгической слабости.

Че включил в состав отряда еще две ключевых фигуры послереволюционного периода. Хесус Суарес Гайоль, Блондин, впервые встретился с Че, когда лежал с обожженными ногами после поджога радиостанция, а позднее стал его заместителем в Министерстве промышленности, "одним из тех немногих, кто выказывал веру и энтузиазм". Хуан Виталио Вило Акунья был членом Центрального комитета партии. Че был знаком с ним начиная с самых первых дней в Сьерра-Маэстре, и глубоко восхищался его решительным характером и готовностью к самопожертвованию.

Вне всякого сомнения, Че должен был сопровождать и капитан Хосе Мария Мартинес Тамайо (Папи, М'били), принимавший участие в операции с самого начала. Видимо, на последнем этапе подготовки к отряду должен был присоединиться и его брат Рене Мартинес Тамайо. Рене (астматик, как и Че) был лейтенантом Министерства внутренних дел и входил в число охранников Мануэля Пиньеро; он был радистом-коротковолновиком.

И, наконец, нужно упомянуть Густаво Мачина Оеда. Он принимал участие в революции как член Директората, а позднее

написал Че письмо с просьбой предоставить ему возможность продолжить борьбу за пределами Кубы. Он пользовался заслуженной репутацией храбреца. После победы революции он сначала служил в вооруженных силах, а позднее стал заместителем министра промышленности.

Насколько известно, все они были отборными бойцами, людьми, обладавшими изрядным опытом партизанских действий. Почти все они, кроме Пачунго, Блондина и Густаво Мачина, были из кампесинос. Если судить по их положению в кубинской армии или Министерстве внутренних дел, трое из них -Мачин, Акунья и Пинарес - имели звание майора, высшее звание в вооруженных силах. В отряде также было девять капитанов, два первых лейтенанта и два лейтенанта. Очень возможно, что в подборе людей принимали участие сам Фидель, Рауль Кастро и Рамиро Вальдес и что этот процесс начался еще в то время, пока Че находился в Праге.

Вильегас и Коэльо, оставив Че в Праге, совершив путешествие по Германии, Африке и Бразилии, 25 июля прибыли в боливийский порт Санта-Крус. Мартинес Тамайо, руководивший начальным этапом подготовки операции, уже поджидал их там. В подготовительной работе принимали участие еще два человека. Об одном из них я могу сказать только то, что он имел кличку Эль Флако, Тощий, и очень скоро попросил освободить его от участия в операции. Второй, перуанец по имени Хулио Дагниньо Пачеко, осуществлял связь со своими соотечественниками из ФНО. Почти одновременно из Гаваны возвратились домой после обучения Коко Передо и еще три боливийца; они намеревались в сотрудничестве с Боливийской коммунистической партией готовить новую операцию в Аргентине или Перу, опорный пункт которой должен был находиться в Боливии.

Вильегас и Коэльо передали Мартинесу Тамайо самые последние инструкции Че: Таня должна была оставаться не связанной с группой, которой предстояло вести подготовку партизанской кампании. Было необходимо приобрести ферму в северной части предполагаемой зоны действий. Прибывшие назвали ,Тамайо ожидаемую дату прибытия Че на Кубу и примерную продолжительность периода обучения. Ответ Мартинеса Тамайо был обескураживающим. Вильегас вспоминал, что "исходя из того, что он рассказал, мы оказались перед необходимостью приступить к делу немедленно, поскольку ничего еще не было готово".

Вильегас писал в дневнике, что первые переговоры Мартинеса Тамайо с боливийским партийным лидером Марио Монхе оказались очень сложными, что Монхе фактически

выступал против вооруженной борьбы, и что Тельерия, член Центрального комитета Боливийской коммунистической партии, отвечавший за снабжение, отнесся к работе безответственно.

Потом переговоры между кубинцами, находившимися в Боливии, и посланниками Че стали продвигаться куда быстрее, но на них не проводилось никаких более или менее откровенных обсуждений планов или поставленных целей. Причиной этого, возможно, было множество двусмысленностей и изменений, возникших в проекте за несколько последних лет.

Из Ла-Паса Вильегас и Коэльо через перуанца по имени Пачеко передали в ФНО сообщение, в котором говорилось, что операция "начнется в Боливии, а затем распространится на территорию Перу". Перуанец, казалось, согласился с этим и пообещал Хуану Пабло Чангу, старому знакомому Че, что перуанский национально-освободительный фронт пришлет группу из двадцати человек для обучения и участия, в боливийской партизанской кампании.

На следующий день, 30 июля, Мартинес Тамайо и Вильегас установили контакт с Мойсесом Геварой, лидером шахтеров, исключенным из БКП за прокитайские настроения. Он неоднократно просил у кубинского руководства оружия и денег для организации партизанской кампании. Эмиссары Че предложили ему присоединиться к создаваемой группе, но сообщили, что он не получит ни денег, ни оружия, поскольку все "централизовано". Моисее Гевара согласился с этими условиями.

Монхе и его партия не были информированы о связях кубинцев с группой Мойсеса Гевары. Монхе предстояло действовать под впечатлением того, что в какой-то странной кубинской схеме Боливии отводилась роль базы в глубоком тылу. Правда, на одной из встреч лидеру боливийских коммунистов задали вопрос: "А что, если появится Че?" - "Я буду сражаться рядом с ним где бы то ни было",.- последовал ответ.

Тем временем встречи продолжались. Ответ перуанского ФНО был столь же любезным, как и первая реакция его представителя Пачеко. Почему Боливия, а не Перу, как кубинцы говорили вначале? Но все же они предложили направить шесть человек для обучения и участия в боевых действиях по новому плану.

Люди Че снова и снова тормошили Монхе. Ему задавали вопрос насчет обещанных двадцати человек. "Какие двадцать человек?" - недоуменно переспросил он. Он с готовностью позабыл о своем обещании и заявил, что Центральный комитет не одобряет вооруженную борьбу, потому что тридцать две тысячи голосов, полученных коммунистами на прошлогодних выборах,

они считают победой. По словам Вильегаса, "Мартинес Тамайо должен был непрерывно дышать в затылок этим людям, чтобы заставить их делать хоть что-нибудь".

Начала съезжаться кубинская команда; одновременно продолжался поиск фермы.

В течение августа встречи продолжались. Но когда же все-таки начали говорить о том, что боевые действия будут проходить в Боливии, что она станет не просто опорным пунктом для действий в других странах?

В дневнике Вильегаса приведены записи бесед с Монхе. В ходе одной из них Коко Передо выступил в защиту позиции кубинцев. Монхе в ответ предложил другой вариант плана партизанских действий - городское восстание в столице Перу, за которым должно последовать отступление в горы: "Восстание, которое явилось бы толчком и даже в случае неудачи повлияло бы на пробуждение и развитие народного сознания". Кубинцы объяснили ему, что их план предусматривал действия в масштабах всего континента и должен был осуществляться под личным руководством Че. Монхе повторил: "Я буду сражаться рядом с ним где бы то ни было", но тем не менее продолжал вилять.

А тем временем на Кубе отобранные для плана Че люди получили внезапный вызов. Дариэль Аларкон и Мануэль Эрнандес, проходившие курсы обучения партизанским действиям для оказания помощи в партизанской кампании в какой-нибудь латиноамериканской стране - они считали, что это могла быть Венесуэла или Колумбия, - получили телефонограмму от Рауля Кастро. В ней им предписывалось немедленно отправиться в аэропорт Сантьяго-де-Куба и вылететь оттуда в Гавану. При виде одинокого самолета, ожидавшего только их, Аларкон высказал предположение, что "нас собираются изящно расстрелять".

"В какое же дерьмо ты мог вляпаться, - поинтересовался Мануэль, - чтобы они захотели расстрелять нас обоих?"

В аэропорту Гаваны их ожидал начальник личной охраны Рауля. Он доставил их в Министерство вооруженных сил и проводил прямо в кабинет министра. Они оказались там первыми, но вскоре стали собираться старые товарищи: Пинарес, Пантоха, Сан-Луис и другие ветераны боев в Сьерра-Маэстре. Аларкон шутливо приветствовал их: "Так вы, парни, тоже здесь?" - "Да, мы здесь". - "Отлично. И зачем?" - "Кто знает? Но мы ни сами не остаемся здесь, ни наши здешние заботы". Никто не знал, по какой причине их собрали сюда. Че, которому нравились фарсовые ситуации, понравилась бы такая преамбула.

Рауль приветствовал их улыбкой. Все опасения были

отброшены. Посетителей угостили сигарами. Пинарес взял три: "одну сейчас, а две на потом". Министр обороны сказал им, что их пожелания принять участие добровольцами в международной операции удовлетворены. Согласно воспоминаниям Тамайо, не все беседы прошли в столь дружественном тоне. Часть из них проходила с глазу на глаз, а один из приглашенных отклонил предложение.

Из министерства группа отправилась прямиком в учебный лагерь Сан-Франциско, где в 1960 году Че разместил свой штаб. Обучением руководил Пинарес.

В начале сентября Че остановил свой выбор на территории Альто-Бени, неподалеку от границ с Перу и Бразилией. Там было решено основать первый партизанский лагерь. Пачо Фернандес Монтес де Ока отправился в Боливию, чтобы узнать мнение соратников, которые уже находились там. Тем временем к разраставшемуся заговору присоединился новый участник. Фидель уже целый год поддерживал контакт с молодым французом Режи Дебрэ, который только что закончил работу под названием "Кастроизм: долгий марш Латинской Америки". Поэт Роберто Фернандес Ретамар дал об этой работе хороший отзыв Че, тот прочел ее по-французски, привез на Кубу для перевода на испанский язык и сердечно рекомендовал ее Фиделю. И Дебрэ оказался вовлечен в проект. Он принял участие в Конференции трех континентов и написал, при содействии Фиделя, эссе, получившее название "Революция в революции", представлявшее собою пересказ отношения официальных кубинских властей к партизанскому движению. Сразу же по завершении этой работы Дебрэ дал согласие сотрудничать с кубинцами. Как-то раз в Гаване он получил от Фиделя задание установить связь с боливийскими революционными группами, придерживавшимися левой, по сравнению с коммунистической партией, ориентации, и прозондировать их мнение относительно возможности партизанских акций. Спустя несколько лет Дебрэ сказал, что из того, "как Фидель говорил об этом задании, он сделал вывод о том, что эта операция очень важна". Дебрэ также попросили провести анализ политического состояния двух боливийских территорий - Альто-Бени и Чапаре. Фидель не дал Дебрэ никакой дополнительной информации, и француз не имел представления о том, что работает на проект, в котором принимает самое непосредственное участие Че.

3 сентября Пачо Фернандес Монтес де Ока через столицу Чили Сантьяго прибыл в Ла-Пас и встретился там с двумя другими кубинцами. Выяснилось, что размещение базового лагеря в Альто-Бени не согласовалось с той предварительной

работой, которую боливийские молодые коммунисты при поддержке БКП провели в зоне Камири. В Санта-Крусе они уже сделали запасы оружия, продовольствия и одежды.

Предложение о создании базы в Альто-Бени вызывало у Мартинеса Тамайо подлинное отвращение. Он рискнул даже заявить, что "Че предложил множество бессмысленных вещей". Ему не нравились новые контакты с группой Мойсеса Гевары, которые, как он считал, должны, были дурно повлиять на отношения с представителями БКП, с которыми они работали. А Пачо настаивал на том, что отношения с БКП должны отойти на второй план, а партизанам следует вернуться к организации своих собственных сетей, отказаться от участка в Санта-Крусе и искать новое место в Альто-Бени.

10 сентября Вильегас отправил Че донесение, в котором сообщалась точка зрения Мартинеса Тамайо. Затем последовали новые переговоры с Монхе, были изучены три возможные зоны базирования. Кубинская группа в Ла-Пасе отклонила предложение о действиях в районах Альто-Бени или Чапаре и вернулась к мысли о зоне Санта-Крус - Камири. Важнейшим аргументом в пользу этого выбора было то, что эта малообитаемая область находилась невдалеке от Анд и (по словам Вильегаса) соответствовала идее Че о создании "глубоко тыловой опорной базы для организации партизанской кампании, продвижения к северу безо всяких столкновений и постепенного перехода к более близкой к центру зоне, использование на западе отрогов Анд, по которым проходит граница с Аргентиной, в основном как маршрут коммуникаций".

В донесении также говорилось о том, что связи с Мойсесом Геварой поставили кубинцев в трудное положение в отношениях с боливийской компартией. На этой стадии с кубинцами работала группа из десяти человек, руководящее положение в которой занимали братья Передо, Хорхе Васкес Вианья и Родольфо Салданья. Донесение сообщало о свершившемся факте: в очень отдаленной местностилодле реки Ньянкауасу куплено ранчо. Ближайший населенный пункт - Лагунильяс, неподалеку находится и конспиративная квартира, где спрятано военное снаряжение. Ранчо площадью в три тысячи акров располагалось в местности, покрытой пышной растительностью; на ней имелась свиноводческая ферма, обслуживавшаяся двумя сельскохозяйственными рабочими - боливийцами, входившими в коммунистическую партию. Покупку совершил Коко Передо, и он же стал официальным владельцем фермы. Но довольно странным является то обстоятельство, что уже 11 сентября, на следующий день после отправки Че донесения о покупке, Вильегас

предупредил, что сосед, Сиро Арганьярас, представляет некоторую опасность, так как "чрезвычайно любопытен".

Пачо возвратился в Гавану 12 сентября. В это время Мартинес Тамайо отправился обследовать другое возможное место базирования - фермы в области Альто-Бени. Хотя они и остановили свой выбор на районе Ньянкауасу, но, судя по всему, не отказались полностью от альтернативы и ожидали решения Че. А Дебрэ проводил социополитическое изучение этой зоны, а также района Чапаре, на севере от Кочабамбы. Эта работа, проводившаяся "под взволнованными и подозрительными взглядами боливийской компартии", заняла весь сентябрь. Там он встречался и с Мартинесом Тамайо, хотя последний сделал вид, что не знаком с французом.

В середине сентября добровольцы на Кубе тронулись в путь, который вел к неизвестному заданию под командой неизвестного руководителя. Они вскарабкались в покрытый брезентовым тентом кузов грузовика, которым управлял водитель наивысшего класса майор Томасевич. Пинарес, по своей вечной склонности к озорству, прожег в брезенте дыру сигарой и смотрел, что происходит вокруг, подробно рассказывая остальным, где они едут. Оказалось, что маршрут ему знаком, они ехали по его родным местам - окрестностям Пинар-дель-Рио, в восточной части острова.

Когда машина прибыла на ферму, добровольцы построились в саду приблизительно в пятидесяти ярдах от дома, и Томасевич предупредил:

"Вам будет полезно собраться с духом, потому что вы будете иметь дело с неким очень тщеславным и очень невежливым человеком".

Пинарес дал группе команду приготовиться. Прошло несколько минут. Пока они ожидали появления кого-нибудь, облаченного в оливково-серую униформу, из окна высунулся какой-то человек. По словам Аларкона, "он был одет в костюм парижского стиля, при галстуке, держал в руке очки. Он был лысоват, с несколькими беспорядочно торчавшими седыми волосами, и курил трубку". Человек подошел к группе, остановился, не доходя до нее пары ярдов, и церемонно приветствовал Томасевича, пожав ему руку.

"Ну вот, доктор, это группа, которую вы будете обучать". - Томасевич принялся представлять их, используя конспиративные имена. Человек пристально поглядел на стоявших в строю и сказал с испанским акцентом:

- Знаете, майор, я должен кое-что сказать вам. Они кажутся мне просто толпой засранцев, - он представился каждому из

участников группы, называя себя Рамоном.

- Что вы думаете о них теперь? - спросил Томасевич.

- Все та же самая толпа засранцев, - ответил тот, оглядывая людей с головы до ног. Затем он обратился к Пинаресу: - Я тебя знаю.

- Вы не можете меня знать, - последовал ответ.

- А разве ты не майор Пинарес? Разве ты не тот командир, который на протяжении всего ракетного кризиса мотался вокруг Пинар-дель-Рио в разбитом старом джипе, осыпая дерьмом всех местных кампесинос?"

Шутка была настолько обидной, что вся группа расхохоталась. Сан-Луис корчил рожи, словно пытался отгадать, кем же был этот замаскированный тип. Обнаружив аргентинские интонации, прикрытые деланным испанским акцентом, он даже решил было, что это мог быть кто-нибудь из братьев Че, с которыми он никогда прежде не встречался. Разорвать чары удалось Хесусу Суаресу Гайолю. Именно он первым кинулся вперед и обнял незнакомца: "Черт тебя возьми, парень, это ты! Это же Че, черт возьми!"

Придя в себя после первой радости, они заставили его снять очки и надеть оливково-серый китель и берет. Как и миллионы прочих кубинцев, они около полутора лет ничего не знали о судьбе Че. Первая запись в дневнике боевых действий, который вел Сан-Луис, гласила: "Мы были невероятно тронуты, узнав его". Но они еще и были горды тем, что им предстояло сражаться вместе с майором Геварой.

Когда первое возбуждение улеглось, Че сообщил о том, что будет представлять собой начальная часть операции, не дав при этом определенных указаний на какую-либо страну. Аларкон вспоминал: "Он предупредил, что хотя мы и не направляемся на скотобойню, борьба тем не менее будет долгой и жестокой и пройдет в самых трудных условиях". В завершение Че веско заметил, что не хотел бы, чтобы хоть кто-то оказался в принудительном порядке втянут в операцию, и потребовал от всех подтвердить, что они действительно являлись добровольцами.

Режи Дебрэ позже провел анализ состава добровольцев и причин, вследствие которых они пожелали принять участие в Латиноамериканском проекте. Его точка зрения отличается от общепринятой, но тоже заслуживает внимания. "Высокопоставленный лидер - это не просто красный царек, развалившийся в кресле. Четверо членов Центрального комитета, двое заместителей министров и два высокопоставленных

чиновника бросили свои семьи, автомобили, дома, привилегии, чтобы отправиться вместе с Че в неведомые джунгли, где некоторые из них превратились в ходячие скелеты, замотанные в тряпье, с распухшими конечностями, вынужденные пить собственную мочу, чтобы не Умереть. Никто не вынуждал их идти, и на них не смотрели телекамеры, готовые зафиксировать их последние слова, их последние мысли".

А в Боливии тем временем продолжалась комедия ошибок. 23 сентября трое кубинцев снова встретились с Марио Монхе. От имени боливийской компартии он потребовал разъяснений насчет связей Дебрэ с другими левыми группами, особенно марксистско-ленинской коммунистической партией Оскара Саморы. Кубинцам пришлось сказать, что они не были информированы о миссии Дебрэ и даже не знали о том, что он находился на континенте. В ходе этой беседы Монхе сказал им, что партия ведет подготовку всеобщего восстания, в котором партизанское движение должно играть вспомогательную роль. Когда же кубинцы поинтересовались, что уже сделано для организации восстания, он ответил: "Ничего".

Следующая встреча состоялась 28 сентября. На ней Монхе повторил, что его соглашение с Фиделем ограничивалось созданием опорной базы для партизанской кампании, которая должна была проходить на юге, и что во всем плане Боливии отводилась второстепенная роль. Кубинцы ответили на это, что Боливия получила центральное значение, так как в ней сложились должные условия. Встреча закончилась на мрачной ноте: Монхе заявил, что не потерпит, чтобы на него смотрели как на марионетку.

Спустя два дня Вильегас встретился с участниками группы молодых боливийских коммунистов, с которыми кубинцы наиболее тесно сотрудничали, чтобы сообщить о сомнениях, одолевавших Монхе. Родольфо Салданья и Коко Передо сказали, что их не заботит позиция Монхе и что они в любом случае будут участвовать в борьбе. 4 октября поступила депеша от Че. Он писал, что разрыв может оказаться серьезной проблемой на подготовительном этапе операции: "Поддерживайте отношения с Монхе н избегайте споров".

* * *

Дела шли своим чередом, и вскоре реальность нарушила обманчивые покой и тишину, царившие в учебном лагере Сан-Андрее на Кубе. Было произнесено ключевое слово "Боливия". Реакция у всех была одинаковой - удивление.

Че составил буквально зверскую программу обучения. Аларкон рассказывал: "Это было настолько тяжело, что мы не

были уверены, что сможем вынести все. Мы считали себя готовыми, но Че сказал, что нужно повторять все снова и снова". Прежде всего он прочитал им правила. С офицерскими привилегиями было покончено; все вновь в одинаковом положении. Караульную службу все тоже несли поровну. Че брал себе первые часы. Те, кто стоял последнюю смену караула, завершавшуюся в пять утра, отвечали за приготовление завтрака. Еще через полчаса был подъем, а ровно в шесть, минута в минуту, начинались тренировки по стрельбе. Для тех, чьи достижения не увеличивались, поездка должна была закончиться не начавшись. Стреляли из самого разнообразного оружия: из "фалов", "гарандов", "М-1", "томпсонов", "узи", сотни патронов за раз. По субботам и воскресеньям добровольцы стреляли из базук и пулеметов 30-го и 50-го калибра. После тренировок они чистили оружие, а затем наступал черед шестичасового форсированного марш-броска с рюкзаками, полными боеприпасов. В семь часов вечера группа разделялась на две части, с каждой из которых Че и Густаво Мачин вели занятия по истории, испанскому языку и математике. В этот неуклонный и даже ненормальный уклад входили занятия французским языком и языком кечуа - индейской народности, составляющей значительную часть населения Боливии; эти уроки начинались в девять часов вечера. Че принимал участие во всех занятиях и, кроме того, должен был готовиться к тем урокам, которые проводил сам.

Спустя две недели курсанты-добровольцы стали готовить свои легенды. Один должен был стать эквадорским коммивояжером, другой - уругвайским поставщиком .мяса. Кому-то предстояло выучить колумбийский государственный гимн, бейсбольные команды Панамы и названия газет, выходивших в Монтевидео.

Измученные добровольцы попросили Че временно приостановить общеобразовательные занятия, чтобы они могли уделить время отработке своих легенд. Че ответил, что этим можно заниматься в свободное время. Какое свободное время? - удивились они. После полуночи, спокойно разъяснил он. Это была естественная реакция для человека, который никогда не спал целую ночь.

Тренировка давала свои результаты. Тамайо, Аларкон, Альфонсо Сайас и Сан-Луис Рейес первыми смогли преодолеть дистанцию марша за час пятьдесят минут. Это позволило Че создать нажим на всех остальных, лидеры осыпали их насмешками и оскорблениями до тех пор, пока всем не надоело выслушивать их. В течение всего тренировочного периода Фидель не реже раза в 1еделю приезжал в лагерь. В одно из посещений Че

и его включил в работу, заставив провести хронометраж марш-броска, трасса которого пересекала реки, взбегала на вершины холмов и спускалась в долины и обрывистые ущелья. Тому, кто в тот раз пришел первым, Фидель подарил свои часы.

Че, внезапно перешедший от лишений и необходимости вести стоический образ жизни, к режиму изобилия, по словам товарищей, "жрал как лошадь, съедал по три порции" на зависть Вило Акуньи - у того был излишек веса, и ему было приказано соблюдать диету. Диета не пошла на пользу Акунье, и ему пришлось поплатиться за нее в ходе кампании.

До нас дошло много анекдотов, касающихся периода обучения в Пинар-дель-Рио. Один из них очень мне нравится. Хотя он и не имеет никаких документальных подтверждений, но дополняет имеющиеся у нас сведения о характерах Фиделя и Че. Как-то раз у Гевары возникла серьезная размолвка с Рамиро Вальдесом, бурный спор, Че даже ударил Рамиро. В это время Алейда Марч находилась неподалеку, сидя в автомобиле у подножия холма, на котором тренировались добровольцы. Наблюдая за происходящим, они поняли, что Че "снимает стружку" со старого друга за то, что тот привез с собой Алейду, в то время как жены других товарищей не имели возможности навестить мужей. Воздух сотрясали проклятия и оскорбления.

Прибытие Фиделя оказалось как нельзя кстати - Че, когда по-настоящему выходил из себя, мог оказаться опасен.

Фидель укротил Че, сказав ему: "Это ошибка не Рамиро, а моя. Мы рассчитывали дать всем остальным несколько дней отпуска, чтобы они смогли навестить жен, но не предусмотрели отпуск для тебя; именно поэтому Алейда здесь". Постепенно Че начал успокаиваться. Фидель предложил подвезти некоторых из товарищей на холм в своем автомобиле. Но они, не доверяя его водительскому мастерству, отказались: "Все в порядке, майор, мы пойдем следом за вами".

Той ночью Гевара и Алейда ночевали в лагере в отдельной комнате. На следующий день Че не смог как обычно взбежать на гору. Кубинцы с их обычным уважительным отношением давали ему понять, что усталость такого рода не тот предмет, которому стоит придавать слишком уж большое значение, лишь хитро спрашивали его: "Хорошо спали, майор?"

5 октября из Боливии для встречи с Че прибыл капитан Мартинес Тамайо. Он прежде всего хотел сообщить, что находится не в восторге от базового лагеря на ферме в Ньянкауасу и предпочел бы переместиться в другой район. Че очень рассердился на него: переезд, по его мнению, был бесполезным и, больше того, угрожал безопасности всего

предприятия. Помимо всего прочего, ранчо удовлетворяло требованиям, предъявлявшимся к тыловой базе, в число которых входила возможность проведения на ней длительного обучения и близость к аргентинской границе.

На исходе октября Эрнесто Гевара в последний раз увидел своих детей. Встреча состоялась в предместьях Гаваны. Несколько раньше Алейда привозила к отцу младшую дочь, Селию, страдавшую в то время от инфекционного заболевания почек. Девочке еще не исполнилось и четырех лет, и не было никакой опасности, что она узнает отца. Че приехал на последнюю встречу уже загримированный, в своем новом облике Адольфо Мены, уругвайского функционера из Организации американских государств. Его ждали четверо младших - дети Алейды. Десятилетнюю Ильду решили не привозить на встречу: "Возможно, посчитали, что я могла бы проболтаться своим друзьям или товарищам о том, что видела его или что он собирался уезжать".

Алейда Гевара, старшая из присутствовавших детей - ей было почти шесть лет, - хорошо запомнила эту встречу: "Мужчина сказал мне: "Привет". Он сказал, что он испанец, его зовут Рамон и он хороший друг моего папы".

"Эй, вы говорите не по-испански, вы говорите по-аргентински", - заявила Алейдита. Все были поражены: если маскировка не могла одурачить шестилетнего ребенка, то от нее не было никакого смысла.

Но Че остался невозмутим: "Почему по-аргентински?"

"Потому что я думаю , что так говорят аргентинцы", - ответила девочка.

Незадолго до отъезда, в октябре, Че получил донесение от Дебрэ ("лучшее, что я написал в своей жизни"), к которому прилагались карты, планы, политические сообщения, списки сочувствующих, и смог сопоставить его с информацией, полученной от Пачо. Было совершенно ясно, что в других областях Боливии можно было выбрать значительно лучший плацдарм для партизанского движения: там имелись более социально развитые кампесинос, не было такой сильной изоляции от шахтерских масс, лучше представлены радикальные политические силы боливийского общества, а среди левых партий были сильнее развиты воинственные настроения. Но, по словам Дебрэ, было очевидно, что "он Че, охваченный нетерпеливым стремлением вернуться к партизанской жизни... и занятый подбором людей для кампании и подготовкой будущих связей, придавал второстепенное значение первоначальному местоположению базы".

Но не только это оказало влияние на выбор, сделанный Че. Он решил разместить базовый лагерь в области Ньянкауасу, где не проводилось никакой предварительной политической работы, Как рассматривал ее именно как тыловую базу, а не как опорный пункт для партизанских действий, и потому придавал больнее значение ее изолированному положению.

Проговаривались окончательные детали. Кубинские секретные службы приняли меры для того, чтобы как-то оправдать исчезновение полутора десятков известных кубинских военных деятелей, распустив слух, что они находились во Вьетнаме. Подготовительный период подходил к концу; за это время выяснились некоторые недостатки в отборе добровольцев: так, оказалось, что Пинарес был хотя и приятным в обращении человеком, но недисциплинированным и несдержанным, в то время как Вило Акунья оставался все таким же чрезмерно полным и болезненным, хотя и держался за счет силы воли.

Мартинес Тамайо вернулся в Боливию 21 октября, все еще страдая от резкого выговора, полученного от Че. (Он признался Вильегасу, что участвует в операции из одной лишь преданности Че.) Ему было дано указание вступить в контакт со всеми радикальными левыми группами, даже с бывшим вице-президентом Хуаном Лечином.

Хосе Монлеон, Ренан, связался с Вильегасом и Коэльо 10 октября; с его же помощью Таня установила связь с Мартинесом Тамайо. Люди Че вступили в контакт с параллельной сетью, которой руководил из Гаваны Мануэль Пиньеро. Изолированность, которой Че требовал на начальном этапе, исчерпала себя; кубинцы начали действовать объединенной группой. Незадолго до того Вильегас встретился с Монхе, который сказал ему, что Центральный комитет партии одобрил мысль о том, что путь к власти в Боливии проходит через стадию вооруженной борьбы. Тем не менее Монхе признался в том, что, как ему казалось, "в значительной степени поддержка вооруженной борьбы была лишь лицемерием и что они его товарищи, лидеры БКП были неспособны реально принять в ней участие".

Да или нет? Пока что ничего не было до конца ясно. Вскоре после этого Монхе через Кубу уехал в Болгарию. На прощание он имел еще одно столкновение с кубинцами, у которых просил финансировать его поездку, но они, усталые от его непрерывных уловок, пропустили просьбу мимо ушей.

Че загримировался для своего второго тайного отъезда с Кубы. Он использовал маскировку, которую уже испытывал в Сан-Андресе. Судя по всему, его сильнее всего раздражали фальшивые

зубы, с помощью которых он обычно изменял форму нижней челюсти, и очки с линзами для близоруких, из-за которых он был вынужден ходить очень осторожно, чтобы не споткнуться. В последний день Фидель устроил обед с наиболее доверенными членами кубинского правительства и предупредил их о том, что на обеде будет гость. Маскировка сработала: никто не узнал Че.

На последней фотографии, запечатлевшей его вместе с Фиделем, Че предстает в своем последнем маскарадном обличье: одет как подобает высокопоставленному бюрократу, в пальто, при галстуке, в шляпе, из-под которой видны квадратные очки. Можно разглядеть, что он смотрит на Фиделя, а тот, с сигарой, рассматривает паспорт Че. Их разделяет не более восьми дюймов. На заднем плане открытый гардероб, в котором нет ни одежды, ни даже пустой вешалки. Не сохранилось никаких записей тех прощальных слов, которыми они обменялись. Лишь позднее Фидель сказал итальянскому журналисту Джанни Мине несколько кратких фраз об этом событии: "Мы были не такими уж неискренними, поскольку мы немногословны... Он не был таким, неискренним, и я не таков, но наши чувства были очень сильны".

23 октября 1966 Эрнесто Гевара покинул Кубу, чтобы снова превратиться в Че.

* * *

22 октября курс обучения был закончен. Бойцам предоставляли отпуск для прощального свидания с семьями, хотя они должны были сохранять строжайшую тайну насчет того, куда направляются. Мануэль Эрнандес сказал жене, что отправляется в Камагуэй на уборку сахарного тростника, но прощался куда дольше обычного и под конец расплакался. Прощальные слова Пинареса, по распространенному мнению, были исполнены его обычного мрачного юмора: "Отправляйся искать себе другого мужа, потому что я оттуда не вернусь".{30}

46. "Сегодня начинается следующий этап".

Сохранилась фотография человека, который смотрится в зеркало в номере гостиницы "Копакабана" в Ла-Пасе. Снимок был сделан в тот же день, когда этот человек возвратился в город после нескольких лет отсутствия. Предшествовавший год был худшим в его жизни, тем не менее он готов был предпринять новую попытку. Было 3 ноября 1966 года, и Эрнесто Гевара спустя тринадцать лет второй раз в жизни прибыл в боливийскую столицу, словно некий персонаж, танцующий танго с меняющимся ритмом.

Не возродился ли тогда в Че образца 1966 года, за спиной которого была Кубинская революция и африканское поражение доктор Гевара, каким он был в 1953-м - авантюрист, странствующий по Латинской Америке? Тринадцать лет, разделявшие этих двоих людей, были короткими, но важными. Человек, фотографировавший сам себя в зеркале, временно носил имя Адольфо Мены; он был специалистом в области сельского хозяйства из Уругвая, работавшим на Организацию американских государств, как сообщалось в документах, имевшихся в Национальном информационном управлении при президенте Боливии.

И существует еще одна фотография, отретушированная в лабораториях ЦРУ, на которой Че Гевара представлен чисто выбритым. Вне всякого сомнения, она была и в распоряжении паспортного контроля в аэропорту, который доктор Мена только что прошел.

Че, подгоняемый риском, с которым неотъемлемо сопровождено путешествие под чужим именем, приступил к действиям уже на следующий день, не дав себе времени на то, чтобы осмотреться и ознакомиться с политической ситуацией в Боливии. С помощью Пачо Фернандеса Монтеса де Ока он вечером встретился с Ренаном на конспиративной квартире. Ренан дал ему инструкции по сбору с остальной частью группы и получению оружия. Ренан, в свою очередь, связался с Мартинесом Тамайо, который, не поняв до конца, в чем дело, сказал Гарри Вильегасу и Карлосу Коэльо, что Че не хочет видеть их, хотя на самом деле речь шла о том, что Че не хотел встречаться со всей группой сразу. В результате двое бывших телохранителей Че представили себе какие-то серьезные осложнения в отношениях со своим предводителем, чей характер они знали очень хорошо, и

провели бессонную ночь.

И, наконец, Че вошел в контакт с Таней и привлек ее к работе организации по созданию партизанского отряда. Когда же он изменил свое прежнее решение, согласно которому Таня не должна была иметь прямых связей с партизанами, а работать лишь в качестве тайного агента, внедренного в боливийские правительственные круги? Факт состоит в том, что с этого момента обособленная деятельность Тани закончилась и она оказалась полностью вовлечена в работу группы.

Следует отметить, что аргентинские секретные службы именно в это время взяли под наблюдение дома родственников Гева-ры; возможно, их предупредили, что Че направляется к ним. Спустя год ЦРУ признается в том, что оно получило от боливийского правительства информацию о том, что в стране идет подготовка партизанской кампании (источник информации скорее всего был заблаговременно завербован из числа членов либо Коммунистической партии, либо группы Мойсеса Гевары). Но в Северной Америке этим сведениям не придали ни малейшего значения. Там не испытывали никакого уважения к разведывательным службам боливийского правительства и считали, что правительство пытается таким образом отвлечь общественное внимание от более неотложных внутренних проблем.

5 ноября в полшестого вечера Че вместе с Пачо выехал на джипе в Ньянкауасу. Перед ним отправились Мартинес Тамайо и Коэльо, а через несколько часов следом выехали Вильегас и боливийский активист Хорхе Васкес Вианья. Для того чтобы пересечь почти всю страну, потребовалось около двух дней. 7 ноября они встретились с замыкающей машиной.

Через много лет после этого я видел короткометражный фильм кубинского режиссера Сантьяго Альвареса "Всегда к победе!"[17]. Объектив Альвареса запечатлел боливийские непроходимые проселки, идущие в никуда по диким местам. Это было невероятно. Че вступал в сердце Латинской Америки, в ад, который так хорошо знал.

Они добрались до Рио-Гранде к четырем часам дня 7 ноября. Теперь, оказавшись поблизости от фермы, "оставили автомобили и проделали оставшуюся часть пути в одной машине, чтобы не привлекать внимания ближайшего соседа Сиро Арганьяраса, который уже начал поговаривать о том, что мы промышляем кокаином. Любопытная деталь - нашего неутомимого Коэльо он считает химиком шайки".

На втором отрезке пути, когда они вчетвером ехали в одном джипе, Че раскрыл свое инкогнито Васкесу Вианье, который был

до того поражен, что "чуть не свалился с машиной в ущелье" В первой беседе с боливийцем, которого Че знал лишь по донесениям своих эмиссаров, связанных с ним, он сказал: "Мы не можем позволить себе мечтать о революции в одной лишь Боливии, не укрепив ее революцией в по крайней мере одной из соседних стран, если не во всей Латинской Америке. Если этого не произойдет, эта революция будет подавлена. Я пришел сюда, чтобы остаться, и я уйду отсюда только мертвым или же пробившись за границу".

Из беседы стало ясно, что молодой коммунист хотел бы последовать за Че, но при этом "был, судя по всему, лоялен к Монхе, которого уважал и, кажется, любил. Так же, как и он, считает Родольфо Салданья, так же и Коко, но мы должны заставить партию бороться. Я попросил его не сообщать партии о моем присутствии до прибытия Монхе - он находился в Болгарии - и попросить у Монхе помощи. Он согласился с обоими пунктами".

Группа добралась до ранчо уже после полуночи. Че потратил несколько лишних мгновений на то, чтобы сделать первую дневниковую запись в новой записной книжке, купленной во Франкфурте: "Сегодня начинается следующий этап".

Первые несколько дней майор Гевара не оставался надолго в центральном строении ранчо - глинобитном домишке из двух комнат, крытом гофрированной жестью. По этой крыше ему и дали название "Каламина"[18]. Че ночевал под открытым небом в сотне ярдов в стороне, чтобы обезопаситься от внезапного нападения. Тем временем в доме находились трое товарищей из Коммунистической партии - Аполинар Акино, Акино Серапио Тудела и Антонио Домингес, - изображавших из себя сельскохозяйственных рабочих.

Начались рекогносцировочные походы. Сначала Че и Коэльо прошли вверх по течению реки Ньянкауасу, но не смогли добраться до ее истоков. Вскоре Пачо и Вильегас совершили еще одну попытку и прошли дальше своего командира. Это были еще мирные дни, когда они сражались только с москитами и клещами. "Сегодня я снял шесть клещей".

Че несколько раз записал слово "Ньянкауасу" в своем дневнике, используя пять различных написаний записей: Ньякауасо (Nacahuaso), Ньякауасу (Nacahuasu, Nacahuazu и Nacahimzu) и Ньякаусу (Nacahuzu) - такие варианты попадались ему в книгах, географических картах и в произношении местных жителей. С учетом трудноуловимых различий это название, представляющее собой искаженное слово Yakaguasu из языка гуарани, означает или "Водный исток", или "Водное устье".

Но, по крайней мере, одно было ясно. Подчеркнутая строка из дневника Че, кажется, дает ключ к пониманию проекта, слагавшегося в его мозгу: "Область, судя по всему, мало посещается.

При должной дисциплине мы могли бы пробыть здесь довольно долго". Тем не менее 10 ноября водитель Арганьяраса заметил нескольких кубинцев. Когда Че узнал об этом, он устроил им жуткую выволочку и решил переместиться в джунгли, чтобы основать там постоянную базу. "Положение быстро ухудшается. Мы должны выяснить, сможем ли мы, по крайней мере, доставить наших людей. Я был бы доволен и этим".

На второй неделе ноября, в ожидании прибытия остальных кубинских добровольцев, Че приступил к рытью землянок, в которых они могли бы хранить продовольствие, "а также и все то, что могло бы скомпрометировать нас", одновременно создавая продовольственные запасы. Пачунго совсем пал духом, расставшись с семьей, зато Че чувствовал себя родившимся заново. Очень показательна дневниковая запись от 12 ноября: "Волосы у меня отрастают, хотя и очень медленно, седина начинает исчезать, появляется бородка. Через пару месяцев опять стану похож на себя".

Проводя дни за разведкой местности и рытьем тайников, Че все же находил время для чтения. Известно, что он прочел такие книги, как "История как история свободы" Бенедетто Кроне, "Эра перманентной революции" и "История русской революции" Троцкого, "Происхождение американца" Поля Риве. Возможно, что он читал и военные мемуары генерала Шарля де Голля или Уинстона Черчилля. Не исключено, что он прочел также что-то из произведений Дени Дидро и "Феноменологию духа" Георга Гегеля или, по крайней мере, положил их в тайник.

Пока что единственным источником беспокойства был их надоедливый сосед Сиро Арганьярас, все время сшивавшийся подле Каламины. "Мальчишки из нашего дома разговаривали с Арганьярасом, у которого кое-что покупали, а он упорно настаивал на том, что они строят фабрику по производству кокаина".

20 ноября наконец прибыли Антонио Санчес Диас (Пинарес) и Элисео Сан-Луис Рейес. Их сопровождал Родольфо Салданья, с самого начала входивший в состав группы боливийских молодых коммунистов. Он только что помог Тане доставить в Ньян-кауасу оружие в маленьком джипе, из которого было вынуто одно из сидений. Че продолжал приглядываться к молодым боливийцам, особенно потому, что все рекомендации, полученные его эмиссарами от лидеров партии, были неоднозначными. "Салданья

произвел на меня хорошее впечатление; он, кажется, скорее готов порвать со всем, нежели Васкес Вианья". За пару дней до того Че написал Фиделю: "Здесь все в порядке. В домике нас четверо, и, кажется, без затруднений сюда больше не втиснешь... Есть намеки на то, что лучшие кадры порвут с Монхе, если он не изменит свою позицию". Примерно в это время Монхе должен был проехать через Гавану, возвращаясь с международной конференции коммунистической бюрократии, проходившей в Болгарии. Че предложил: "Ты должен забить в его голову стремление к славе, но не давать ему ни денег, ни каких-то вещей, если только они не являются абсолютно необходимыми".

Первый секретарь Боливийской коммунистической партии Марио Монхе, казалось, все еще не понимал, что его корабль начинает тонуть. Несколькими днями раньше, 9 ноября, он встретился в парижском аэропорту Орли с Инти Передо. (Передо возвращался, пройдя курс обучения в Гаване.) Монхе заявил ему, что подаст в отставку, если партия не поддержит партизанскую войну. Эти слова находились в полном противоречии с его же собственной позицией двухнедельной давности - тогда он отправил в Гавану Коко, брату Инти, распоряжение приостановить обучение. Пятеро из двенадцати боливийцев, обучавшихся там, нарушив партийную дисциплину, отказались выполнить приказ и продолжали обучение.

Пока кубинцы по одному, по двое добирались до лагеря, Хорхе Васкес Вианья трудился в Каламине. Родольфо Салданье Че приказал разыскать среди его товарищей фермера, который помог бы им с уборкой урожая. Он также говорил с Родольфо по поводу строительства механической и сапожной мастерских и амбулатории. Че, несомненно, собирался устроить главную тыловую базу в Ньянкауасу и так бы и поступил, если бы партизан не обнаружили раньше времени и не вынудили вступить в вооруженную борьбу. 21 ноября он писал: "Мы постараемся просидеть здесь как можно дольше".

Рекогносцировки продолжались даже активнее, чем прежде, но разведчики всегда возвращались в лагерь около Каламины. Там появился сторожевой пост, расположенный высоко на дереве.

27 ноября на ранчо прибыл Коко Передо, вероятно, одна из наиболее выдающихся личностей среди боливийских молодых коммунистов. Его сопровождали Вило Акунья, Леонардо Тамайо и боливийский студент-медик по имени Фредди Маймура. Затем он вновь уехал, и вскоре вернулся с капитаном Мартинесом Тамайо, Исраэлем Сайасом, Мануэлем Эрнандесом и Инти Передо, братом Коко. "Мартинес Тамайо доставил кое-какие малоприятные известия. Китаец[19] находится в Боливии и хочет прислать

двадцать человек из Перуанской национально-освободительной армии и повидаться со мной. Это не слишком желательно, так как будет означать интернационализацию борьбы еще до того, как мы сможем рассчитывать на Монхе. Мы сошлись на том, что Чанг должен прибыть в Санта-Крус, а оттуда его доставит Коко". На следующий день Че собрал боливийцев, чтобы сообщить им о предложении Чанга. "Все согласились принять их, но только после того, как мы приступим к действиям"

Че продолжал изучать своих людей. "Я имел предварительный разговор с Инти, который предполагает, что Монхе не станет воевать. Зато сам он, кажется, твердо решил участвовать в борьбе". И он не был единственным. Че позднее запишет в ежемесячном обзоре событий за ноябрь, что если участники сети обеспечения, созданной Мартинесом Тамайо, "поднимутся, то получится ад или наводнение".

Настроение в группе было прекрасным. Исраэль Сайас пел и непрерывно шутил. Коэльо также отпускал шутки. Он говорил, что у него "аж яйца ломит" от восторга, а Че в ответ ругал его.

В только что упомянутом обзоре за ноябрь майор Гевара записал:

"Перспективы в этом отдаленном от всех центров районе, где, судя по всему, мы практически сможем оставаться столько времени, сколько сочтем необходимым, представляются хорошими. Планы таковы: дождаться оставшейся части людей, довести количество боливийцев по крайней мере до двадцати и начать действовать. Мы еще должны выяснить реакцию Монхе и людей Мойсеса Гевары".

Че, сам не замечая того, превращался в латиноамериканца. В его дневниковых записях, рядом с обычными кубинскими и неизбежными аргентинскими выражениями, вновь начинают всплывать в памяти мексиканские идиомы. А наряду с ними возникают и народные боливийские выражения.

2 декабря прибыл его старый друг Хуан Пабло Чанг.

"Он очень экспансивен. Мы потратили весь день на разговоры. Первостепенные вопросы: он отправится на Кубу и лично сообщит о положении; в пределах двух месяцев, то есть когда мы приступим к действиям, к нам смогут присоединиться пять перуанцев. Двое - радиотехник и санитар - приедут в ближайшее время и пробудут с нами в течение некоторого времени. Он попросил оружие, и я согласился дать ему "Бз" видимо, базуку, а также несколько "маузеров" и гранат и купить для них "М-1". Я также решил оказать им поддержку в отправке пяти перуанцев для организации склада оружия в районе Пуно на противоположном берегу озера Титикака. Он рассказал мне о

своих хлопотах в Перу, даже о смелом плане освобождения Калихто Эктор Бехар, общепризнанный лидер Национально-освободительной армии Перу, в 1966 году был арестован и заключен в тюрьму "Сан-Кинтин", который мне кажется несколько неправдоподобным. Он считает, что в зоне продолжают действовать некоторые из уцелевших партизан, но доподлинно ему это неизвестно. Он уехал в Ла-Пас таким же восторженным, каким прибыл сюда".

Коко проводил Чанга в Ла-Пас, куда отправлялся со своим основным заданием - оказать поддержку городской сети, которая "все еще находилась в пеленках", и войти в контакт с Хулио Дагнино, отвечавшим за связь с перуанскими партизанами, а также с шурином Инти, Гонсало Лопесом Муньосом, руководителем службы информации в президентской администрации, которого можно было бы "втемную" использовать в качестве осведомителя.

Поскольку Че решил, что лагерь должен был находиться на самообеспечении, а в округе не было хорошей охоты, на второй неделе декабря продовольствие стало подходить к концу. Продолжалась работа по устройству складов; теперь для этой цели приспособили замаскированные пещеры. В это же время начались работы по обустройству второго лагеря, отнесенного подальше от ранчо и Каламины. Инти Передо в своем дневнике описал первый лагерь как тренировочный, в отличие от пещер, которые представляли собой стратегическую базу. Режи Дебрэ, прибывший туда на несколько недель позже, дал описание второго лагеря как тыловой базы, где имелся арсенал, склады продовольствия и амуниции, а также учебный лагерь.

Кубинцы тем временем съезжались в Ла-Пас, где их встречала Таня. Те, кто не знал ее прежде, увидев женщину, отвечавшую за проведение операции, были изрядно удивлены: Таня отдавала множество приказов, обращалась с ними весьма фамильярно, а временами поражала их чуть ли не враждебным отношением. Она вела себя с ними так, будто они были старыми знакомыми. В конспиративной квартире была только одна настоящая кровать и две раскладушки; согласно сопровождавшему Гевару всю жизнь духу равенства, в конце концов все они стали спать на полу. Таня сказала кубинцам: "Вы можете говорить, что спали с женщиной". Они производили массу шума,.и она добродушно успокаивала их. Дариэль Аларкон позднее сказал: фотографии были несправедливы к ней, так как ее красота не была фотогеничной.

Предпоследняя группа кубинцев попала в Ньянкауасу второго декабря; их сопровождали Коко Передо и Мартинес Тамайо. Это были Густаво Мачин, Рене Мартинес Тамайо, оставшийся

безымянным медик, Октавио Ла Консепсьон, Дариэль Аларкон, а с ними три боливийца: Лорхио Вака, Орландо Хименес и Ньято Мендес. Двое боливийцев были из кампесинос и до того работали на ранчо в области Альто-Бени, на севере Боливии, которое также было закуплено для партизанской операции, а теперь законсервировано за ненадобностью.

Че, несомненно, внимательно изучал достоинства и недостатки нового пополнения. Согласно дневнику Вильегаса, "Че считает, что даже в Гаване нельзя было бы собрать такую прекрасную группу". Дариэль Аларкон взял на себя кухню, чтобы устроить праздник: "Че попросил меня приготовить пищу, достойную такого события, как воссоединение нескольких товарищей. Я думаю сделать в рекордный срок отличное тушеное мясо. Вышло, как мы это называем, "в восточном стиле"; я воспользовался вяленым мясом и вареным сладким картофелем. А на десерт я сварил хороший крепкий кофе, который сначала подал Че, а уже потом положил сахар".

Че дал Коко Передо и Мартинесу Тамайо указания: демонтировать конспиративную квартиру в Ла-Пасе, вывезти оставшееся оружие с ранчо в Альто-Бени и доставить Монлеона и Таню в лагерь.

Инти сообщил Че, что заручился согласием Лорхио Ваки, который сказал, что примет участие в вооруженных акциях, если партия одобрит их..

А 12 декабря "я обратился ко всей группе и прочитал проповедь насчет сущности войны. Особо подчеркнул необходимость единоначалия и дисциплины и предупредил боливийцев об ответственности, которая ложилась на них в связи с тем, что им пришлось нарушить партийную дисциплину, чтобы занять иную позицию.

Сообщил о назначениях: Вило как военный - мой заместитель, Сан-Луис и Инти - комиссары, Марчин Оед - начальник штаба, Вильегас - связь, Инти - финансы, Ньято Мендес - снабжение и вооружение, Октавио Моро -медицинская связь"

В это время Че был очень обеспокоен из-за некоего охотника, известного как "человек из Валье-Гранде". Он не то работал, не то гостил у любопытного соседа партизан Сиро Арганьяраса. Этот человек вынюхивал, что происходило вокруг, и партизаны считали, что пытается разузнать все возможное насчет их группы.

Так оно и было. Его прислал Арганьярас для того, чтобы разведать все насчет кокаинового производства, - Арганьярас, бывший алькальд из городишка Камири, был уверен, что именно этим занимаются его странные соседи, и хотел, чтобы его взяли в долю. Че в течение нескольких дней наблюдал за

передвижениями "охотника", а потом, возможно, из-за его постоянного присутствия, решил переселиться во второй лагерь. Он носил название Центральный лагерь и располагался в глубине джунглей. "Мы вышли утром - Вильегас, Леонардо Тамайо, Коэльо, Мачин Оед, Октавио, Рене, Инти, и я - с тяжелым грузом. Путь прошли за три часа".

В ближайшие несколько дней они переносили электрический движок и рыли новые пещеры. Че в своих планах предусматривал строительство большого тылового лагеря наподобие Эль-Омрито и Минас-дель-Фрио, созданных в ходе кубинской революции. Разница была в том, что в Боливии они не имели широкой поддержки со стороны сочувствующих кампесинос. Поэтому здесь возник просто уединенный лагерь с "растительными стенами и крышей", как спустя несколько месяцев скажет мексиканский журналист Луис Суарес.

Последние двое кубинцев, которых поджидал Че, Оло Пантоха и Хесус Суарес Гайоль, прибыли 19 декабря в сопровождении Мартинеса Тамайо и Коко Передо. Кроме того, вернулся из своего трехдневного отпуска Аполинар Акино, а из Ла-Паса приехал Монлеон. Всю следующую ночь Че провел в беседах с Монлеоном, Коко и Мартинесом Тамайо.

Че приветствовал кубинцев словами: "Наконец-то пропавшие нашлись". Но поговорить с ним им не удалось, так как прежде всего ему нужно было обсудить положение с Монлеоном. Зато они оказались объектом шуток остальных своих товарищей, которые говорили, что Че собирался "устроить им тяжелую жизнь" за поздний приезд. Он этого не сделал, хотя прежде и поступал так несколько раз в подобных ситуациях со своими кубинскими кадрами. Этот эпизод дает ясное представление как о том уважении, которым Че пользовался как командир, так и о том, насколько его товарищи и друзья опасались вспышек его гнева.

Личная встреча Че с Монлеоном носила несколько странный характер. Че дал последнему разрешение жениться на боливийке, в которую тот был влюблен, дочь политического деятеля, работавшего с президентом Рене Баррьентосом. Будущий тесть Монлеона хотел поручить ему работу в сельскохозяйственном проекте, проводившемся в области Бени. Че, казалось, даже пришлась по душе эта идея; он думал о Монлеоне больше как о ключевом связующем звене с будущей городской сетью, чем как об участнике партизанского восстания, и чувствовал, что мог бы таким образом внедрить своих людей в правящие круги и поддерживать тайную связь с Гаваной, как это делала Таня. Предполагаемый переезд Монлеона в область Бени, видимо, тоже устраивал Че, который подумывал об организации там второго

очага партизанского движения. По имеющимся сведениям, Че закончил разговор предупреждением: "Но ты должен быть осторожен и находиться в резерве на будущее, когда у тебя появятся более важные обязанности".

Представляется очевидным, что у Че пока не было ясного представления относительно тех возможностей, которые городская опорная сеть может предоставить партизанам. Он торопился завершить обучение группы и до конца выяснить отношения с Марио Монхе и Боливийской коммунистической партией в целом. Монхе не смог прибыть на первую назначенную встречу, и теперь Че снова ожидал его приезда.

Работы по устройству Центрального лагеря продолжались до 24 декабря. Одновременно велась разведка местности. Несмотря на то что окрестности изучались достаточно подробно, партизанам удавалось избегать контактов с жившими в тех местах кампесинос. Это дает хорошее представление о том, насколько мало была заселена эта область. 24 декабря Че записал в дневнике: "День потрачен на празднование Сочельника. Здесь есть люди, которым пришлось проделать по два путешествия, чтобы добраться, и хотя они прибыли поздно, но в конце концов все мы собрались и хорошо провели время, некоторые даже слишком. Васкес Вианья сообщил мне, что поездка человека из Лагуниньяса принесла не слишком много новых сведений, лишь несколько очень приблизительных набросков". "Человеком из Лагуниньяса" был Марио Чавес, член партии, поселившийся в этом районе по поручению братьев Передо шесть месяцев тому назад в качестве хозяина небольшой гостиницы. Помимо сбора информации он должен был помочь составить подробную карту области.

30 декабря продолжались разведывательные походы и работы по перемещению в Центральный лагерь ("место очень хорошее"), где тем временем были построены небольшая пекарня и столь же скромных размеров учебное помещение.

31 декабря в первый лагерь наконец приехал долгожданный первый секретарь Боливийской коммунистической партии Марио Монхе. Че немедленно сообщили об этом. "Встреча была хотя и сердечной, но несколько напряженной. Вопрос "Зачем вы сюда приехали?" так и висел в воздухе".

По дороге Коко Передо сказал Монхе, что Че передаст ему политическое руководство, но ни при каких обстоятельствах не уступит руководящего положения в готовящемся вооруженном движении, к которому так усиленно старался привлечь руководителя боливийских коммунистов. Когда Монхе оказался в лагере, Инти постарался как можно убедительнее объяснить

посетителю, что вскоре должны начаться вооруженные акции и ему следует присоединиться к партизанам. "Посмотрим, посмотрим..." - отвечал Монхе.

По словам Аларкона, одной из причин прохладного приема, с которым встретился Монхе, было то, что он даже не пожелал приветствовать партизан. Зато Таню, рассказывал Аларкон, приветствовали просто восторженно, поскольку она явилась как фея-крестная из "Золушки", доставив письма и подарки. Приехал и Мартинес Тамайо - чтобы остаться в отряде. Он привез с собой новобранца, Антонио Хименеса по прозвищу Просфора. Че отвел Монхе в сторону, чтобы поговорить без всяких околичностей. Сохранился чей-то карандашный набросок, запечатлевший их обоих во время этой встречи. Один из собеседников сидит на камне, другой - на стволе поваленного дерева. Между ними стоит фляга с кофе или чаем. Че курит сигару. Беседа продолжалась несколько часов.

Мысль о том, чтобы партия приняла участие в вооруженной борьбе под военным руководством, Че сразу же оказалась отброшена. Взамен Монхе предложил, что, "хотя он и собирался уйти в отставку с поста первого секретаря, но мог бы убедить новое руководство партии, по крайней мере, сохранять нейтралитет и привлечь к борьбе новых участников". Че не возражал против этого предложения, но сказал, что "открытое проявление колебаний и оппортунистических настроений" было ужасной ошибкой, оставившей партию без единой позиции. Следствием этого оказалось то, что бывший первый секретарь мог принять участие в вооруженной борьбе, не получив ни поддержки, ни осуждения со стороны БКП.

Еще одно предложение Монхе заключалось в том, что "он мог бы обратиться к другим южноамериканским партиям и попытаться добиться от них поддержки освободительного движения". Эту идею Че воспринял крайне скептически, поскольку заранее был уверен в том, что она обречена на неудачу. Обращение к Кодовилье (весьма умеренному лидеру аргентинских коммунистов) с просьбой "оказать поддержку Дугласу Браво предводителю венесуэльских партизан было воспринято им как предложение закрыть глаза на бунт в его собственной партии".

Однако главным камнем преткновения оказались претензии Монхе на руководство и политической, и военной кампаниями, Че был непреклонен: "Я должен быть военным руководителем и не пойду в этом вопросе ни на какие компромиссы". Это убеждение возникло под влиянием конголезского опыта Че. Он не мог позволить себе вторично попасться в одну и ту же ловушку,

подчинившись политическим лидерам, которые не имели никакого желания вести борьбу. "Дискуссия не приводила ни к чему, это был порочный круг". Марио Монхе доказывал, что если бы революция происходила в Аргентине, то он с готовностью таскал бы за Че его пожитки, но в Боливии впереди должен идти боливиец. Че приводил ему бесчисленные примеры из истории латиноамериканизма, борьбы прежних испанских колоний за свою независимость, постоянного перемещения революционеров независимо от произвольно устанавливавшихся властями и частенько перемещавшихся границ. Монхе настаивал на своем требовании и предлагал Че стать его советником. Че отвечал, что он ни у кого не был советником. В обмен на свое военное руководство он предложил Монхе стать формальным предводителем движения и даже сказал, что ради соблюдения приличий перед шпионами, которые наверняка проникнут в их ряды, он будет каждое утро докладывать Монхе об обстановке и получать инструкции. Но при этом он, Че, должен быть фактическим руководителем, и это не могло даже обсуждаться. Ни один не соглашался уступить. Монхе принялся было обсуждать гипотетические ситуации, но Че оборвал его, заявив: "Я уже здесь, и выгнать меня отсюда можно будет только мертвым".

Но переговоры все же продолжались. Монхе атаковал группу Мойсеса Гевары, заявив, что они оппортунистьии весьма ненадежны. Че, в свою очередь, назвал Монхе сектантом.

Складывалось впечатление, что после того как Коко сказал Монхе о том, что Че не пойдет на уступки в стратегических вопросах, партийный секретарь тоже решил не отступать ни на шаг. Правда, в своих возражениях он был крайне непоследователен.

После нескольких часов дискуссии разногласия, проявившиеся в позициях собеседников, казались непреодолимыми. Монхе попросил Че дать ему возможность посоветоваться с членами Боливийской компартии, присоединившимися к партизанской группе. Для этого они перешли в новый лагерь. Там Монхе увидел братьев Передо, Ньято Мендеса, Фредди Маймуру, Васкеса Вианью, Антонио Домингеса и Лорхио Баку. Все они, по словам одного из присутствовавших, встретили его очень холодно. Монхе доказывал, что военное руководство должно принадлежать его партии, что люди отвернутся от партизан, как только узнают, что их предводитель - иностранец. Он пообещал им гарантировать амнистию в том случае, если они откажутся от участия в вооруженной борьбе: "Пойдемте со мной прямо сейчас", - и даже прибегнул к затаенной угрозе: хотя партия и не станет прибегать

к каким-либо репрессиям, люди выиграют, если уйдут с ним.

Монхе, вероятно, не ожидал получить резкий и единодушный ответ. Молодые боливийцы набросились на него. Они настаивали на том, чтобы он остался с отрядом, говорили, что они уверены в том, что партия не бросит их на произвол судьбы, что служить под командованием Че - это честь. Обсуждение проблемы запуталось. Тогда Монхе вернулся к той же идее, которую когда-то излагал Мартинесу Тамайо и Вильегасу: более правильным подходом была бы организация восстания в городах, участники которого в дальнейшем отступили бы в горы. Он сказал также, что в любом случае оставит свой пост в руководстве партии и присоединится к отряду как рядовой солдат. При этом он произнес загадочную фразу: "Я здесь не для того, чтобы превратиться в Ван Тро И" (то есть не ради корысти) - так звали одного из вьетнамских лидеров, пользовавшихся в то время большой популярностью.

Казалось, что Монхе был совершенно ошеломлен. Он пообедал в лагере вместе с партизанами, но за обедом царила холодная атмосфера, на которую он, должно быть, обиделся. Когда Аларкон попросил одного из боливийцев, Мендеса, дать свою тарелку лидеру партии, Мендес ответил: "Видишь ли, товарищ, я не знаю, откуда едят свиньи в вашей стране, но в моей они подбирают пищу прямо с земли".

На следующее утро "Монхе сказал мне, что уезжает и 8 января предложит руководству партии свою отставку. Его миссия, по его словам, была закончена. Он уехал с таким видом, будто направлялся на виселицу".

Че собрал партизан и изложил им "мнение Монхе, сказав, что мы объединимся со всеми теми, кто хотел бы делать революцию и что я предвижу для боливийцев трудные дни нравственных мучений". Сан-Луис также сделал в дневнике пророческую запись: "Вероятнее всего, здесь имеет место раскол, и некоторые присоединятся к нам". Начиналось одиночество.

В дневнике Че сухо отметил, что "отношение Монхе может, с одной стороны, затормозить развитие события, но, с другой, может внести и положительный вклад, освободив меня от политических обязательств". Конечно, самоустранение наиболее влиятельной из радикальных левых сил Боливии наносило ущерб проекту, и партизанам теперь предстояло организовать опорную городскую сеть, независимую от той, которую они использовали до тех пор.

Для Че было теперь очень важно узнать, пришла ли группа Мойсеса Гевары к окончательному решению и согласна ли она на организацию объединенного фронта. Одновременно он приступил

к организации опорной сети в городах, где мог рассчитывать на доктора Умберто Реа (который, однако, в это время находился на Кубе), Родольфо Салданью и Лойолу Гусман. Она была одним из лидеров Молодых коммунистов и должна была стать казначеем движения. Полезным для этой цели мог оказаться и перуанец Дагнино, который мог бы взять на себя работу в городской сети наряду со своими обязанностями по обеспечению свя-. зей с Национально-освободительной армией. Монлеон мог бы пригодиться при организации параллельной системы связи с Гаваной.

Судя по всему, Че был не слишком обеспокоен. Как и на Кубе в 1958 году, он недооценил важность широкого, крепкого городского движения за спиной и вокруг партизанского движения. Между строк в его дневнике можно прочесть, что он, по-видимому, был намного больше заинтересован настоятельной потребностью приступить к боевой закалке своей группы путем проведения обширной разведывательной операции в зоне расположения и налаживанием связей с аргентинцами согласно его континентальной схеме.

10 декабря Че уже решил отправить Таню в Буэнос-Айрес. Ей предстояло прежде всего провести переговоры с несколькими аргентинцами, а затем доставить их в Ньянкауасу. В дневниках и бумагах Че упоминаются Сиро Бустос (связанный в прошлом с партизанской группой Масетти), Хосами - Хуан Гельман - поэт, который позднее примкнет к диссидентской левой фракции в Аргентинской коммунистической партии, Хауреги из профсоюза журналистов и Стампони. 2 января 1967 года Таня выехала для выполнения этого задания.

Снова наступило время ожидания. Было устроено несколько пятидневных походов для изучения местности. Часть партизан работала во втором лагере, занимаясь копкой пещер, защитных сооружений и укрытий, накрывая крышами строения базы. Че постепенно начало становиться ясно, что вокруг них находятся практически ненаселенные дикие джунгли. Редко какой из групп удавалось обнаружить признаки жилья. Записи Че были лаконичными и очень точными. В его мозгу складывался план первоначальных действий: "Вило и доктор прошли за Икири до тех пор, пока не уперлись в неприступный скалистый обрыв; они не встретили людей, но обнаруживали кое-какие следы. Пинарес, Мануэль и Дариэль шли вдоль реки, пока не наткнулись на непроходимое обнажение".

Че провел первое собрание отряда, чтобы в зародыше подавить начавшие возникать напряженные отношения.

"Я слегка вспылил по поводу качеств партизанского бойца и

необходимости строгой дисциплины и объяснил, что наша задача состоит прежде всего в том, чтобы создать образцовое стальное ядро... Рассказал, насколько важно обучение, которое необходимо для нашего будущего. Потом я собрал командиров - Вило, Пинареса, Мамина Оеда, Инти, Сан-Луиса, Вильегаса, доктора, "Ньято" Мендеса и Мартинеса Тамайо...

Я объяснил, почему Вило был назначен моим заместителем: потому, что Пинарес вновь и вновь повторял одни и те же ошибки... Неприятные происшествия могут разрушить всю нашу работу".

Но этим дело не закончилось: проблемы с Пинаресом продолжались. Спустя неделю Че отметил в своем дневнике: "Вило сказал мне, что Пинарес очень задет упоминанием его ошибок на недавнем собрании. Я должен поговорить с ним". И на следующий день:

"Я говорил с Пинаресом. Он жалуется на то, что я критиковал его в присутствии боливийцев. Его аргументы не основывались ни на чем, кроме его эмоционального состояния; это, впрочем, заслуживало внимания. Остальное было совершенно неважно. Он упомянул о неприятных высказываниях Мачина Оеда в его адрес, в которых я разобрался. Мне кажется, что такого происшествия просто не было, всего лишь сплетня. Пинарес немного успокоился".

Будучи поглощен мелкими деталями, Че, кажется, забыл отметить в дневнике тот факт, что 8 января не получил никакого ответа от Монхе. Не упоминает он и об окружавшем их ландшафте. А вот Пачо тогда же записал: "Вид Анд изумителен, а восхождения на горы волнуют; очень устаешь, особенно без сытного питания". Лагерная жизнь подняла настроение Коэльо, он расхаживал повсюду, распевая "Изабель" Шарля Азнавура, и отвечал на недоуменные вопросы: "Я не спятил. А если вы спятили, то вините империализм в том, что оказались здесь". Он разговаривал со своей винтовкой, когда чистил ее: "Послушай, я чищу тебя, но не хочу из тебя стрелять. После войны я сдам тебя в музей".

Рекогносцировки продолжались. А 11 января группа приступила к изучению языка кечуа, который преподавали Анисето Рейнага и Хименес Тардио. Че записал: "Сегодня был день "боро[20]", и мы провели его за удалением личинок мух из - под кожи Пинареса, Лорхйо Ваки, Вильегаса, Оло Пантохи, Октавио и Вило". В дневнике Вильегаса просто отмечен "скучный день", а Пачо сообщает, что он "спас бабочку из сети паука. Мы пришли в лагерь в 6.10. Че вел урок".

Связь с Гаваной (которая в шифрограммах носила имя

"Манила") действовала отлично в направлении Гавана - Ньянкауасу, но крайне медленно в обратном направлении - Ньянкауасу - Ла-Пас - Гавана. Че сообщил Фиделю о своих переговорах с Монхе, а в ответ получил известие о том, что Хуан Пабло Чанг, перуанский силач, должен вскоре появиться в партизанском лагере. 11 января Че получил от Фиделя сообщение о том, что тот имел переговоры с другим представителем руководства коммунистической партии, профсоюзным руководителем Симоном Рейесом, который "согласился предоставить нам помощь, но не сказал, в чем она будет выражаться. Он знает, как добыть хорошие американские ботинки. Он может заняться этим немедленно. Он будет там через две недели". Еще через десять дней Фидель известил Че о том, что второй секретарь Коммунистической партии Боливии собирается прибыть в Гавану и что "мы выслушаем его предложения и отнесемся к ним жестко и активно". Спустя еще две недели Фидель сообщил о своей встрече со вторым секретарем БКП Хорхе Колье и Симоном Рейесом:

"Колье заявил, что Монхе информировал секретариат БКП о внутренней операции, и эта точка зрения вызвала замешательство. Мы рассказали Колье о континентальном масштабе и стратегической сущности операции. Это помогло прояснить недоразумение, и он согласился с тем, что со стороны руководства было бы ошибкой требовать сотрудничества в акции, имеющей стратегическое, а не внутреннее содержание. Мы просили его поговорить с тобой для того, чтобы установить основные правила сотрудничества с ними и их участия в операции... и он произвел на меня благоприятное впечатление. Думаю, что вы достигнете приемлемого соглашения".

Такое представление о положении дел складывалось у Фиделя в Гаване, где он пытался сгладить отношения между Че и Боливийской коммунистической партией. Но оно не соответствовало мыслям, возникавшим у Че на основе той информации, которую он получал. В промежутке между получением двух посланий от Фиделя в лагерь вернулся Коко с тремя боливийскими новобранцами. Он рассказал Че, что Монхе не только не сложил с себя должности первого секретаря партии, но еще и "разговаривал с этими троими, только что прибывшими с Кубы, пытаясь отговорить их от участия в партизанской войне... Если это враждебное отношение возобладает, то в нашем составе будет только одиннадцать боливийцев".

В своем обзоре событий за январь Че указал:

"Как я и предполагал, Монхе оказался скользким, во-первых, и склонным к предательству, во-вторых. Партия уже готовит

оружие против нас, и я не знаю, когда и чем это закончится. Но это не остановит нас, и/возможно, в конечном счете окажется к лучшему. (Я почти уверен в этом.) Самые честные и боевые люди будут с нами, даже если им придется преодолеть более или менее серьезный кризис совести".

Почти полностью разорвав отношения с боливийскими коммунистами, практически избавляясь от любой зависимости от них, Че, казалось, сбрасывал с себя дополнительный груз. Спустя много лет об этом хорошо сказал Дебрэ:

"Местная политика совершенно не интересовала его. Боливийские коммунисты? Выводок цыплят. Национальное левое руководство? Кучка близоруких политиканов. Шахтеры с оловянных рудников? Рабочая аристократия, которая завтра сама может явиться источником проблем для пролетарского равенства. Сама Боливия была отправной точкой, первым звеном в цепи".

Несмотря на вроде бы недостаточно активную деятельность, в течение третьей недели января жизнь в лагере не была легкой. Провианта было недостаточно: область была небогата продовольствием, попытки обмена с кампесинос не давали результатов, а охота также была неэффективной. Из дневника Пачо: "Каждую ночь я мечтаю о еде. Наша диета чрезмерно скудна, в нее не входит ни мясо, ни молоко". Начались заболевания: "У Мачина Оеда появились признаки малярии... Мануэль слег с сильной лихорадкой, которая по всем признакам похожа на малярию. Весь день я ощущал в теле признаки гриппа, но болезнь не разыгралась".

В дневниках партизан время от времени появляются упоминания о женах и семьях, воспоминания. Вильегас, 18 января: "Тысяча, миллион поцелуев Гарри и Кусти". Пачо, 1 января: "Я весь день думал о Тэрри". Сан-Луис, 10 января: "Читаю "Пармскую обитель" и вспоминаю мою любимую жену и Элисето". Сам Че упоминал дни рождения жены, брата и сестер. Дариэль записал в дневнике: "Ностальгия и впрямь является мрачным спутником в джунглях".

Происходили странные вещи, так или иначе связанные с "любопытным соседом", Сиро Арганьярасом. 18 января Че записал:

"Васкес Вианья пришел, несмотря на мощный ливень, чтобы сообщить о том, что разговаривал с Оло Пантохой, намекнул на то, что ему многое известно, и предлагал сотрудничать с нами в торговле кокаином или чем-нибудь наподобие этого... чем мы занимаемся, как ему известно. Я велел Васкесу Вианье завербовать Арганьяраса, но не обещать ему особенно много, только плату за перевозку грузов на его джипе, а также

пригрозить смертью, если он предаст нас".

Но уже на следующий день полиция посетила Каламину.

"Лейтенант Фернандес приехал в сопровождении четверых полицейских в штатском в арендованном джипе на поиски кокаиновой фабрики. Они лишь обыскали дом, но заметили при этом несколько странных вещей, таких, как керосин для наших ламп, который не был переправлен в пещеры. Они отобрали у Васкеса Вианьи пистолет, но оставили его винтовку "маузер", малокалиберный пистолет. Для виду они отняли малокалиберный пистолет и у Арганьяраса, показали его Васкесу Вианье и ушли, предупредив нас, что они в курсе всех дел и с ними нужно считаться. Васкес Вианья может получить пистолет в Камири "без особых хлопот, если поговорит со мной", - сказал лейтенант Фернандес. Он спрашивал о "Бразильце".

С учетом обострения ситуации Че приказал Васкесу Вианье как следует пригрозить Арганьярасу и его помощнику и серьезно напугать их. Во избежание неприятных неожиданностей он также провел реорганизацию во втором лагере:

"План базировался на подвижной обороне зоны около реки; мы предполагали провести силами нескольких человек из авангарда контратаку по проходящим параллельно реке тропкам, связывающим с тыловым охранением. После разведки мы переместили бы лагерь поближе к дому Арганьяраса. Если его прикрытие не поможет, мы, перед тем как покинуть зону, дадим этому типу прочувствовать наше отношение".

К концу ноября в отряде продолжала давать себя знать нарастающая напряженность отношений. А Че в это время стремился установить в лагере железную дисциплину. Вило Акунья, нагруженный рюкзаком с сотней кукурузных початков, поскользнулся во время переправы через реку Ньянкауасу и уронил в воду винтовку. Дариэль Аларкон описал эту сцену: "Мы увидели, как Вило вышел из воды и посмотрел на нас. Выражение на его лице я не рискну описывать. "Я уронил мою винтовку... и если я явлюсь к Че без оружия... Я уж лучше сразу застрелюсь!" И вся наша группа принялась нырять в поисках винтовки".

26 января наконец-то поступили и хорошие новости: "Только мы успели приступить к работе по выкапыванию новой пещеры, как сообщили о прибытии Мойсеса Гевары и Лойолы Гусман". Лойоле, которая была одним из лидеров молодежной коммунистической организации, в это время было всего лишь около двадцати лет. Когда Коко Передо ска'зал, с кем ей сейчас предстоит встретиться, она была крайне удивлена. "Незадолго до этого в новостях сообщили, что Че находится в Колумбии". А при встрече она была крайне поражена тем, что майор разговаривал

без своего всем известного аргентинского акцента.

"- Почему ты мокрая? Потому что река глубокая или потому что ты такая маленькая?

Он приказал ей снять носки и высушить их. И сразу же переименовал ее в Игнасию.

- Почему Игнасия?

- В честь святого Игнасио Лойолы".

В то время как Лойоле, согласно планам Че, предстояло стать основным звеном в будущей городской сети, Моисее Гевара, лидер небольшой маоистской группы, с которым Мартинес Тамайо и Вильегас налаживали отношения в течение нескольких месяцев, оказывался необходим, так как партизаны лишились поддержки со стороны БКП.

"Я изложил Мойсесу Геваре мои условия: он должен будет распустить группу; для них не будет никаких особых должностей, тем более никакой политической организации. Мы должны избегать любых противоречий по национальным или международным спорным вопросам. Он согласился со всем этим без колебаний, и после прохладного начала отношения с другими боливийцами стали более дружественными".

Лойола позднее упорно утверждала, что Че несколько раз повторил, что здесь ни у кого не будет ни просоветских, ни прокитайских убеждений.

"Лойола произвела на меня хорошее впечатление. Она очень молода и нежна, но можно сказать, что она полностью определилась. Молодые коммунисты готовы выгнать ее, но пока что пытаются заставить ее подать в отставку. Я дал людям инструкции и другие бумаги. Я также вернул ей деньги, которые она потратила; сумма уже приближается к 70 000 песо. Похоже, что наличности скоро не будет хватать. Доктор Пареха возглавит сеть, а Родольфо Салданья присоединится к нему в течение двух недель".

В разговоре с Лойолой Че в очень простых словах объяснил ей основные положения организации городской сети. Он также дал ей сломанный радиопередатчик, который нужно было починить и подготовить к использованию. С Мойсесом Геварой Че договорился о прибытии "первой группы между 4 и 14 февраля. Он сказал, что не может прийти раньше из-за состояния связи, а в настоящее время люди разбежались от него, так как идет карнавал".

Заручившись этой непрочной поддержкой и уверившись в том, что городская сеть начала складываться, Че решил отправляться в дальний разведывательный поход через три дня после того, как вернется провожавший посетителей Коко. Кажется

удивительным, что Че первым делом стремился проверить своих людей, хотя и наверняка знал, что это могло привести к проблемам с любопытной полицией и старательно шпионившим соседом Арганьярасом, что без участия БКП городская сеть все еще представляла собой разрозненные клочья. Неужели он настолько торопился начать кампанию? 31 января оказалось последним днем, проведенным в лагере. Небольшая группа под командованием Оло Пантохи осталась для того, чтобы встречать пополнение и охранять базу. "Я поговорил с бойцами и дал им последние указания на время нашего отсутствия".

Цель разведывательной экспедиции состояла в том, чтобы установить отношения с местными кампесинос и попытаться в принципе избежать столкновений, хотя они и могли быть полезными для обучения группы, ее подготовки к трудностям партизанской жизни и усложнения обучения, которое, как многие предвидели, и без того должно было оказаться очень тяжелым. Пачо записал в дневнике:

"Завтра мы выходим, и я выбираю, что возьму с собой на прогулку. Всего так много, что я не знаю, что и делать: одеяло, рюкзак, гамак, 15 фунтов продовольствия - рис, бобы, зерно, сахар, кофе, хинин, рагу, суп, банка молока, банка сосисок, банка сардин, смена одежды, вяленое мясо, патроны, винтовка, журнал радиосвязи, тетрадь для занятий, пистолет, фляга..."

А вот запись, сделанная Че: "Теперь начинается настоящая партизанская жизнь, и мы сможем проверить бойцов. Время покажет, на что они способны и какие перспективы есть у боливийской революции". {31}

47. Зверский поход.

Партизаны вышли в экспедицию 1 февраля 1967 года. Она была рассчитана на двадцать дней, и хотя партизаны не искали конфронтации, "возможность столкновения с армией не исключалась", как Че сказал Инти Передо. После первого перехода Че записал: "Люди пришли несколько усталыми, но в целом выдержали хорошо. Вило, шедшему в тыловом охранении, мешал его вес, и он сдерживал всю группу. Пачо Фернандес Монтес де Ока был счастлив: "Сегодня я ощущал себя великим и пока что побил все рекорды, так как ни разу не отстал".

Отряд шел под дождем, изучая местность, так как их карты были неточны: "Этот ручей не может быть рекой Фриас, его вообще нет на карте". Че постоянно пытался "рисовать наши собственные карты, исправляя" цветными карандашами те, что у них были, помещая горные цепи и реки на верные места. Он много фотографировал.

Усталость начала сказываться на отряде 4 февраля, после ежедневных двенадцатичасовых переходов. "Мы шли по течению Ньянкауасу, что было довольно легко, но просто смертельно для нашей обуви; некоторые товарищи оказались теперь практически босыми. Люди устали, но все держатся очень хорошо. У меня забрали почти пятнадцать фунтов груза, и мне идти легче, хотя боль в плечах время от времени бывает невыносимой". По словам Инти, Че в своих дневниковых записях был чрезмерно бодр и представил проблемы, возникавшие во время похода, совсем незначительными. Путешествие оказалось чрезвычайно трудным, так как его маршрут проходил по девственным джунглям в сезон непрерывных ливней. Пачо отмечал: "Люди измучились. Леонардо Тамайо подхватил лихорадку, у Аларкона разнесло гланды, а я не могу есть".

И все это происходило в полной изоляции. "Мы не нашли никаких признаков того, что по реке за последнее время кто-нибудь проходил, но, согласно карте, мы рано или поздно должны натолкнуться на жилье". Карта была ненадежна, и Че постоянно исправлял ее. Режи Дебрэ позднее отметил:

"Область между Ньянкауасу и Рио-Гранде почти полностью необитаема. Обитатели ее сельских районов настолько же социально и экономически инертны, насколько джунгли действительно неизведаны, а многие места совсем не отмечены на карте. Все доступные карты этой области были полны пробелов, неточностей и ошибок в указании местоположения объектов".

5 февраля партизаны вышли к широкой реке, "в несколько раз шире, чем Ньянкауасу, которую невозможно было преодолеть вброд. Мы... нашли настоящую "рио-Гранде" "Большая река", и к тому же полноводную. В этом месте ширина реки составляла от восьмидесяти до ста ярдов, и в нее вливались другие реки". Пачо записал в этот день: "Че подпрыгнул от радости и сказал мне: Пачо, мы добрались до реки Иордан. Окрестите меня".

Но они все так же ни видели вокруг никаких признаков присутствия людей. "Есть признаки жизни, но старые, а тропинки, по которым мы пытаемся идти, исчезают в густом подлеске, и нет ни малейшего намека на то, что они используются". Наконец Че отдал приказ остановиться на дневку. На следующий день им предстояло попытаться форсировать реку.

6 февраля, в день "покоя и восстановления сил", дозоры, направленные вверх и вниз по реке, так и не нашли ни одного места, где можно было бы вброд переправиться через нее. Кое-кто из партизан попробовал переплыть, но никому это не удалось. Пачо записал: "Я нырял в реку четыре раза; переплыть было невозможно".

На следующий день была предпринята попытка воспользоваться "очень большим и неуправляемым плотом, который сделал Пинарсс. Авангард переправился за две поездки, половина второй части колонны и моя одежда, но не мой рюкзак, отправились в третью. Расчеты Суареса Гайоля насчет предполагаемого места высадки оказались неверны, плот отнесло далеко вниз по течению, и вернуть его не смогли. Он разбился, и Вило Акунья принялся делать другой, который не был готов до 9.00 вечера", так что переправу оставшейся части второго подразделения пришлось отложить на следующий день.

На противоположном берегу реки отряд обнаружил все то же самое: одиночество и голод. Первая встреча у них произошла 9 февраля - они наткнулись на кампесино по имени Онорато Рохас, которому в дальнейшем предстояло сыграть заметную роль в судьбе партизан. Че познакомился с ним на следующий день: "крестьянин был абсолютно типичным, он не был способен ни понять нас, ни помочь нам, а также и представить себе, какую опасность влечет за собой его встреча с нами. Таким образом он потенциально опасен - наша безопасность для него абсолютно безраз- >, лична. Наш доктор подлечил его детей от глистов, одного из них от удара лошадиным копытом, и мы распрощались".

Той ночью Че изложил на бумаге свой сценарий: "Для начала я думаю совершить в течение ближайших десяти дней поход в сторону Масикури и привести всех товарищей в физическое

состояние, подобающее солдатам". Он пояснил, что цель состояла в том, чтобы вступить в бой: "Мы попробуем провести его на реке Фриас, где будем разведывать другой маршрут".

Партизаны добрались до Масикури. Пачо радовался в своем дневнике: "Я вымылся с мылом. Это было великолепно". Начиная с того дня партизаны были вынуждены прорубать себе дорогу через джунгли при помощи мачете. При случайной встрече с несколькими кампесинос им удалось добыть немного еды. Даже Че, несмотря на его выдающиеся упорство и стойкость, начал выказывать признаки изнеможения: "Я ужасно устал, потому что мое нутро не согласилось принять умет1, и я не ел целый день". Было решено устроить 13 февраля дневку около жилища крестьян. Пачо признается в дневниковой записи: "Мы с Пинаресом отправились поискать зерна; это наша единственная пища уже в течение нескольких дней". Че поддерживал дисциплину; весь их скудный провиант выдавался в походном порядке. У него самого был номер 14.

В тот же день был расшифрован текст радиограммы из Гаваны, содержавшей новости по поводу активных переговоров с Боливийской коммунистической партией. Второй секретарь Хорхе Колье повторил, что "не имел никакого представления о континентальной направленности проекта. Но в таком случае они готовы принять участие в осуществлении этого плана, а детали их попросили обсудить со мной". Радиограмма сообщала также, что лидеры БКП Колье, Умберто Рамирес и Симон Рейес твердо обещали посетить отряд и что партия будет продолжать сотрудничество с партизанами в предварительно оговоренных направлениях. В ней говорилось еще и о том, что Хуан Лечин, партийный руководитель, пользовавшийся большим влиянием в среде шахтеров, которого Че уже встречал, проезжая через Боливию в пятидесятые годы, заявил о своей готовности присоединиться к вооруженной борьбе. Как ни странно, все эти известия о переменах, которые позволяли значительно расширить политический фронт партизанской операции, удостоились в дневнике Че только сухой фразы: "Посмотрим, как нам удастся выдержать столкновение с этой новой миротворческой атакой".

День за днем партизаны прорубали себе путь сквозь заросли, иногда встречаясь с крестьянами. Рацион был очень однообразным и скудным. От голода спасало зерно. Запись в дневнике Пачо: "Завтрак - суп из маиса. Обед - ничего. Ужин - немного маиса".

16 февраля Че решил пересечь горную цепь в направлении реки Росита. От встречного крестьянина удалось узнать, что в тех местах проводится строительство дороги. Работы ведут солдаты, в

лагере у которых имеется тридцать винтовок. Че проанализировал возможность завязать бой с солдатами силами своего отряда и пришел к выводу, что в этом не было никакого смысла, поскольку начало боевых действий было запланировано на июль, когда партизаны закончат тренировки и наберутся сил и опыта. В течение следующих нескольких дней шли проливные дожди, безжалостно терзавшие отряд. Подъем в горы начался под (мощным ливнем, который шел не переставая в течение восемнадцати часов. 18 февраля Пачо записал, что они "шли к реке Ро-| сита по крутым горам с отвесными обрывами по обеим сторонам К. пути". Че добавлял к этому: "Очень плохие новости. Склон перекрыт искусственными ограждениями, и спуститься совершенно невозможно. Нет иного выхода, кроме как повернуть обратно". 20 февраля: "В этот день шли очень медленно". Из других записей также явствует, что партизаны приложили массу усилий для того, чтобы перебираться через разлившиеся от дождя бурные горные ручьи и непроходимые скалы.

22 февраля: "Потратили целый день, поднимаясь по очень тяжелым крутым склонам и пробираясь сквозь густые джунгли. В конце концов... мы оказались у истока ручья, который впадает в реку Масикури, но течет на юг". 23 февраля: "Поганый день для меня. Я выдержал его только за счет мужества, поскольку чувствовал себя совершенно вымотанным. Мы вышли в двенадцать, под солнцем настолько жарким, что камни трескались. Вскоре после этого, когда мы взбирались на самый высокий холм, я почувствовал головокружение и после того уже брел, не отдавая себе отчета". Пачо уточняет список трудностей: "Ни капли воды, жажда и очень мало пищи". А кошмарный поход все продолжался. 24 февраля: "Очень скучный день, утомительный переход. Прошли немного. Нет воды; ручей, вдоль которого мы следовали, пересох". 25 февраля: "Плохой день" - Че пришлось вмешаться, чтобы прервать возникший конфликт между двумя из своих людей.

"Пачо , шедший в авангарде, вызвал меня, чтобы рассказать о том, что между ним и Пинаресом возник спор, после чего Пинарес отдал ему категорический приказ, угрожая мачете, и ударил рукоятью ножа в лицо. Когда Пачо обернулся к нему и заявил, что не пойдет дальше, Пинарес снова пригрозил ему мачете, толкнул и порвал одежду. Это было очень серьезным происшествием, так что я вызвал Инти и Сан-Луиса, которые подтвердили мне, что из-за характера Пинареса в авангарде возникают дурные настроения, но также сообщили, что Пачо нарушал субординацию". Это был не дождь, а потоп.

За два дня до происшествия Че уже сделал в дневнике

пометку о том, что слышал, как Пинарес послал одного из товарищей к черту, и что с ним следует переговорить.

И на следующий день Че поговорил с обоими. Он понимал, что у Пинареса властный характер, но и Пачо несколько преувеличил, да к тому же и выждал некоторое время, прежде чем доложить об инциденте с мачете. Че воспользовался случаем, чтобы объяснить, что нервное напряжение, являющееся результатом усталости и трудностей (которые Инти в своем дневнике назвал "чертовскими"), следует держать под контролем. Виновникам он пообещал суровое наказание. Согласно записи, сделанной Сан-Луисом, Че сказал:

"Семь лет революции наложили отпечаток на некоторых товарищей, которые привыкли пользоваться услугами шоферов, секретарей и других помощников, отдавать им приказания. Мы привыкли получать все готовое. Относительно легкий образ жизни заставил нас забыть о суровой и требующей жертв жизни, к которой мы теперь вернулись".

Пачо особенно задело, когда Че сказал ему и Пинаресу, что они мажут друг друга дерьмом.

Рио-Гранде выглядела пугающе. Аларкон рассказывал: "Когда мы остановились у реки и взглянули на нее, увиденное впечатлило и даже немного напугало нас. По ней неслись комья размытой земли, посредине плыли огромные деревья, вздымавшие ввысь ветви и корни". На берегу реки произошло несчастье, стоившее жизни Бенхамину Коронадо, одному из боливийцев, прошедшему подготовку на Кубе, - он поскользнулся у кромки воды, упал в реку и утонул прежде, чем ему смогли прийти на помощь. "На берегу Рио-Гранде мы прошли крещение смертью, причем совершенно нелепой".

27 февраля партизаны ничего не ели; лишь пили чай. Последние консервы закончились. Некоторые из неопытных новобранцев принялись поедать неприкосновенный запас. Несколько разведывательных партий, отправленных на поиски брода, вернулись без утешительных результатов, так что партизаны, выйдя к месту впадения Роситы в Рио-Гранде, взялись за постройку плота. Однако он развалился, не успев добраться до середины. Еще два дня было потрачено на тщетные поиски переправы, однако в конце концов отряд был вынужден двинуться дальше по берегу реки. При этом была потеряна связь с авангардом.

3 марта партизаны питались только съедобной сердцевиной стволов срубленных пальм. Пачо записал: "Еще один адский день". На следующий день им удалось убить двух обезьян, какаду и голубя. Вся эта жалкая добыча была разделена на весь отряд

"Люди совсем пали духом, а их физическое состояние становится с каждым днем все хуже. У меня начинают отекать ноги". Из дневника Пачо: "Все идем и идем без пищи, измотанные, под дождем, приглядываясь к деревьям в поисках плодов, чего-нибудь, на что можно было бы поохотиться, но ничего, ничего. У меня кружится голова и перед глазами мелькают звезды. Только силой воли мне удается держаться на ногах".

Главным врагом партизан теперь стал голод. Сердцевина пальмовых стволов и случайно пойманные птицы, конечно, не могли насытить людей. 7 марта Че записал: "4 месяца. По мере того как близится к концу наша провизия, но не дорога, люди все сильнее падают духом". Они вновь приступили к поискам реки Ньянкауасу.

8 марта потерялись Инти и Мартинес Тамайо. Доктор Педраха Морогоро отметил, что Че был "истощен и, конечно, очень слаб, но прилагал огромные усилия, чтобы скрыть это от остальных". На следующий день пропавшие были найдены, но тогда же обнаружились и дурные новости: Ньянкауасу находилась на расстоянии пяти дней пути, а Пинарес со своим авангардом наткнулся на нефтяную вышку, причем рабочие увидели их оружие.

Че, хотя и предполагал недоброе, не мог знать, что вследствие ошибки Пинареса капитан Сильва, армейский офицер, охотившийся в тех местах, узнал от рабочих-нефтяников о том, что те видели поблизости вооруженных людей. Решив, что это торговцы наркотиками, он доложил об этом по команде. Патино, майор боливийской армии, подробно расспросил нефтяников, после чего приказал капитану взять подразделение и найти этих людей. Трехдневный рейд Сильвы не увенчался успехом, но тем не менее присутствие партизан было раскрыто. Почти в то же самое время (естественно, Че не знал и об этом) двое из числа добровольцев, прибывших с Мойсесом Геварой - Висенте Рокабадо и Пастор Баррера, - дезертировали из базового лагеря.

Следующие три дня партизаны Че проходили лишь по две с половиной-три мили. 13 марта Че записал: "Люди очень устали и снова находятся в крайне дурном состоянии духа. Пищи осталось на один раз. Мы прошли около шести километров, но никуда толком не продвинулись".

К незримому и пока что очень непрочному окружению, смыкавшемуся вокруг партизан, добавилось новое звено - полицейские добрались до Каламины. Пытаясь выяснить, кто же все-аки шляется по окрестным местам, они избили Серапио - Акино Туделу, - а на крыше поставили флаг в качестве ориентира для вертолетов. Полиция пока что не знала, что искать.

И марта, "почти не сознавая этого, мы достигли Ньянкауасу. (Я был - и есть - утомлен и клонился, будто придавленный горем.) Река просто дикая, и ни у кого нет настроения переправляться через нее, но Сан-Луис вызвался и спокойно справился с задачей, после чего, ровно в 15.20, направился на базу. Я рассчитываю, что он окажется там через два дня. Мы доели последнюю провизию - тушеное зерно с мясом - и теперь будем зависеть от охоты. Пока я писал, нам попалась маленькая птичка, и я слышал еще три выстрела. Врач и Инти - охотники. Мы слышали часть речи, в которой Фидель обрушился на венесуэльских коммунистов и про отношение СССР к своим латиноамериканским марионеткам".

В тот же день полиция арестовала Висенте Рокабадо и Пастора Барреру, когда те пытались продать винтовку в Лагунильясе. Рокабадо, бывший сотрудник криминальной полиции, уволенный оттуда за взятки, постарался снискать расположение своих бывших коллег: он рассказал им даже больше, чем знал, и попытался припомнить все, что смог услышать за время пребывания среди партизан. Он рассказал о своем командире (Оло Пантохе) как об "Антонио-кубинце", сообщил, что "большой начальник", которого он никогда не видел, был Че, рассказал о находившихся в лагере аргентинцах, перуанцах, французе (Режи Дебрэ), дал подробное описание джипа, на котором ездила Таня, перечислил имена членов группы, завербованных шахтерским лидером Мой-сесом Геварой, а в довершение всего предложил провести солдат к Каламине и базовому партизанскому лагерю. Он даже утверждал, что присоединился к партизанам для того, чтобы собрать сведения, а потом посмотреть, не удастся ли ему потом выгодно распорядиться ими.

Коко Передо позже с гневом заявил, что "боливийские партизаны, завербованные Мойсесом Геварой, набирались в борделях и барах и примкнули к партизанам ради денег". Это было несправедливо, хотя несомненной истиной было то, что Гевара отбирал людей крайне поверхностно. Из дюжины его людей, попавших в лагерь, часть была признанными профсоюзными активистами, но вместе с ними оказались и люмпен-пролетарии из добывающих регионов.

15 марта малочисленная часть отряда во главе с Че предприняла еще одну попытку переправиться через Ньянкауасу и частично преуспела в этом. Плот снова развалился, успев перед этим отнести пассажиров на полмили вниз по течению, а двое партизан из группы Че и тыловое охранение остались на берегу. Часть отряда страдала от различных заболеваний ног, все поголовно партизаны ослабели из-за нехватки в рационе белков и

жиров - а точнее, из-за длительного недоедания.

С самого начала экспедиции с партизанами шла найденная по дороге лошадь. Когда голод начал особенно сильно терзать людей, двое обратились к Че с просьбой позволить съесть животное. В первый раз он пригрозил лишить их рациона, если они еще раз поднимут этот вопрос. Но 16 марта Че, который с детства очень любил лошадей и намеревался в будущем использовать эту лошадь на ранчо, принял решение: "Мы решили съесть лошадь, поскольку от голода у людей начали пухнуть животы, и это вызывало тревогу. Мануэль Эрнандес, Инти, Леонардо Тамайо, и Густаво Мачин имели различные признаки недоедания. Я был чрезвычайно слаб. В пять часов вечера у нас начался пир из конины. Вероятно, завтра нам придется расплатиться за него".

По крайней мере радио работало безотказно. Сообщение из Гаваны подтвердило, что Режи Дебрэ прибыл в Боливию. Че считал, что тот уже должен оказаться в базовом лагере. Так и было на самом деле - Таня встретила его в Ла-Пасе в конце февраля и доставила в лагерь вместе с Аргентинцем, Сиро Роберто Бусто-сом и Коко Передо 5 марта. Фидель Кастро направил Дебрэ в эту повторную поездку в Боливию, чтобы тот встретился с Че, хотя основная цель этой поездки была не до конца ясной. Дебрэ считал, что Фидель хотел, чтобы он помог Че добиться более широкой поддержки среди боливийских левых, прежде всего маоистских и троцкистских групп, с которыми он уже имел контакты после начала трений с коммунистами.

17 марта произошло еще одно несчастье - во время переправы тылового охранения через Ньянкауасу плот опрокинулся. Лорхио Вака - "до тех пор, пожалуй, лучший из боливийцев в составе тылового охранения по его серьезности, дисциплинированности и энтузиазму" - утонул. К тому времени Че, судя по всему, начал сомневаться в достоинствах выбранного региона. Но, как позднее сказал Дебрэ, было уже слишком поздно для того, чтобы "отказаться от него и направиться на поиски чего-то лучшего".

Тем временем капитан Сильва со своим патрулем добрались до ранчо Сиро Арганьяраса. После сурового допроса, в ходе которого Сильва засовывал пистолет в рот Арганьярасу, ему удалось получить ту же самую информацию, которую давно уже имела полиция: поблизости, на расстоянии нескольких миль, разместилась группа странных людей, вероятно, торговцев наркотиками. Было поднято подразделение численностью почти естьдесят человек. Сильва с девятью солдатами дошел до Каламины, ни ничего не обнаружил. Двое боливийцев, Рейнага и До-нгес, следили за солдатами из укрытия. Первые выстрелы

разились в сумерках, когда Васкес Вианья, возвращавшийся в лагерь, столкнулся с другим патрулем и ранил солдата. После этого армия арестовала Салюстио Чоке, одного из боливийских "поденщиков", работавших на ранчо.

В базовый лагерь поступили противоречивые сведения о начавшейся активности армии. Авангард отряда Че во главе с Пачо и Аларконом прибыл за несколько дней до прихода основной части отряда. Затем внезапно появился Сан-Луис, которого Че отправил вперед с известием об их задержке при переправе через реку. Дебрэ так описал свои впечатления: "Сан-Луис прибыл внезапно, без предупреждения, днем раньше, с винтовкой, но без рюкзака. Ребенок-дикарь, сплошная кожа да кости; никто не услышал его появления. Другие ходят, спотыкаясь, но он, вроде бы совсем еще зеленый, скользит сквозь листья джунглей, как кошка".

В то время как Че медленно двигался к главному лагерю, вокруг второго лагеря, получившего теперь название "Медвежий лагерь", были размещены засады. Пачо с группой бойцов вышел на патрулирование'искать командира, но безрезультатно. Дебрэ позже отметил, что на базе, которой в то время командовал Оло Пантоха, создался своего рода вакуум власти, проявившийся в хаотичности действий и слабой дисциплине. Главный вопрос заключался в том, что им следовало делать - сражаться против армии или дожидаться Че?

19 марта Че вел свой отряд как мог быстро, крепко держа в руках своих людей, которые из-за смертельной усталости часто ссорились по пустякам. В полшестого вечера они встретились с партизанским дозором.

"Нас встретил перуанский доктор Реституто Хосе Кабрера, вместе с которым были Чанг и телеграфист Лусио Гальван. Они сообщили новости о том, что Дариэль Аларкон дожидался нас с продовольствием, что двое из людей Мойсеса Гевары дезертировали и что на ранчо побывала полиция... Ни Оло Пантохи, ни Коко там не было. Последний отправился в Камири на поиски еще одной группы людей Гевары, а Оло ушел сразу же после того, как узнал о дезертирстве".

Че приказал Мануэлю Эрнандесу подробно описать их путь, чтобы можно было скорее отыскать тыловое охранение. К рассвету все участники экспедиции собрались вместе.

Когда на следующий день партизаны вышли на базу, Че узнал и остальные новости - об аресте Салюстио Чеке, о том, что армия заняла Каламину, о том, что Васкес Вианья исчез после того, как застрелил солдата, о потере мула с ранчо и джипа (Че, верный своим обычаям, записал все именно в таком порядке). Отряд тем

временем шел дальше. Дебрэ наблюдал за их приближением: "В ночном полумраке постепенно начала вырисовываться процессия горбатых нищих, двигавшихся со скованной медлительностью слепцов. Наконец-то основная группа... И вот в серой мгле рассвета, на краю джунглей, в этой пустынной саванне, раскинувшей свои холмы и пустоши насколько хватает глаз, из густой желто-зеленой поросли показались силуэты цвета хаки, пробиравшиеся между высоких колючих и режущих трав, среди которых тут и там рассеяны ротанговые пальмы. Они напоминали цепочку лунатиков, обряженных в доспехи, или, вернее, нагруженных конскими вьюками, шатающиеся и согнутые под тяжестью своих рюкзаков (каждый из которых весил, по меньшей мере, тридцать килограммов). Их винтовки направлены вперед, приклады на руке под нужным углом. Утренний свет становится ярче. Их фляжки, висящие на поясах, как пистолеты, бойко побрякивают, невыразимого вида звонкие черные от сажи котелки, кружки и мачете привязаны к рюкзакам. Группа, молчаливая, как и подобает партизанам, звучала как один человек-оркестр всем своим висящим добром и движимым имуществом. Че находился в середине; он держал корпус почти ~прямо, верх рюкзака возвышался над головой, свою винтовку "М-1" он держал вертикально, на голове - коричневый фетровый берет, на лице - пробивающаяся борода".

"Простите за задержку", - с кривой улыбкой сказал он, снимая рюкзак. Он остался на ногах, вытирая лицо и пытаясь перевести дух, тогда как все остальные, оказавшись на месте, попадали без сил. "Пора готовить", - сказал Че, увидев подвешенную вверх ногами тушу. Последовавшие двадцать четыре часа он кричал каждому, кто попадался ему на глаза: "Давай, иди готовить, шевелись!"

"- Майор, можно нам разжечь огонь средь бела дня? - Да, при исключительных обстоятельствах. Но никто не откусит ни кусочка, пока сюда не доберется тыловое охранение".

В лагере Че встретился с Таней и Хуаном Пабло Чангом, лидером Перуанской народно-освободительной армии.

"Преобладало пораженческое настроение. Вскоре появился недавно завербованный боливийский врач с сообщением для Сан-Луиса; он сказал, что Пинарес и Оло Пантоха находятся у водопоя и что ему нужно пойти туда поговорить с ними. Я отослал его назад, сказав, что войны выигрываются пулями и что они должны немедленно вернуться в лагерь и ждать меня там. Все это производит впечатление ужасного хаоса. Они не знают, что делать".

Че говорил с Чангом, одновременно пытаясь восстановить

порядок среди своих людей:

"Он хочет 5000 долларов ежемесячно в течение десяти месяцев, и Гавана велела ему обговорить это со мною... Я согласился в принципе, при том условии, что он в течение шести месяцев организует восстание. Он считает, что сможет это сделать с пятнадцатью людьми в области Аякучо. Мы также договорились, что он получит пять человек сразу же и еще пятнадцать через некоторое время; они придут с оружием, получив боевую закалку... Он казался полным энтузиазма". {32}

48. Бои.

Хотя Че наверняка чувствовал, что время боев приближается, все же почти весь день 21 марта 1967 года он потратил на формулировку своего многонационального проекта в той детальной и кропотливой манере, которая всегда так очаровывала людей. Он объяснил Дебрэ (который привез ему из дому краткую записку от Алейды: "Со мной все хорошо. Беспокоюсь за детей. Они получают хорошие отметки"), что предпочитает видеть его за границей, где он выступал бы в качестве связующего звена между партизанами и международной общественностью, а не бойцом в отряде или же связником с левым крылом боливийского рабочего движения в Ла-Пасе. Че предложил Дебрэ перед возвращением в Гавану и Европу отправиться в Бразилию и встретиться там с Карлосом Маригельей, который занимался подготовкой группы, выделившейся из Бразильской коммунистической партии. Но главной задачей Дебрэ должна была стать организация поддержки боливийского и, шире, латиноамериканского партизанского движения в Европе. Че предполагал передать с Дебрэ письма Жан-Полю Сартру и Бертрану Расселлу. Аргентинцу Сиро Роберто Бустосу Че поручил важнейшую миссию в его стране. Он хотел, чтобы тот установил контакт с "группами Хосами, Гельмана и Стампони", в которые входили активисты самых различных взглядов, от революционно настроенных сторонников Перона до бывших членов Коммунистической партии, одобрявшие вооруженную борьбу как путь к социальному реформированию. Здесь не предвиделось никаких осложнений. "Если эти люди примут участие в формирующемся движении, то им следует начать разведывательные операции на севере и посылать мне доклады о работе".

Вечером 21 марта Че получил рапорт от Оло Пантохи, в котором сообщались сведения о дезертирстве из партизанского отряда и о присутствии в районе армейских подразделений. Дебрэ описал реакцию Че:

"Лицо Че вытянулось. Он был вне себя. Он вскочил и заорал:

- Что здесь все-таки происходит? Что это за дерьмо? Кто меня окружает - предатели или трусы? Ньято, я не желаю видеть здесь ни одной из твоих боливийских жоп, ни одной. Согласен? Всех вон, пока положение не изменится. Усек?

- Да, майор.

- Вило, отправляйся к тыловому охранению, бегите в лагерь. Мы останемся здесь. Пинарес и Оло Пантоха не должны ничего предпринимать, черт возьми, я поговорю с ними. Иди

немедленно, сейчас же. Я со своими людьми присоединюсь к тебе завтра. Завтра увидимся.

Вспышка холодного гнева разом уничтожила ту атмосферу всеобщего братства, которая обычно окружала Че. Было похоже, что он хотел разрушить единение, существовавшее между ним и его товарищами, и укрепиться в своем одиночестве. Молчание людей, сражавшихся под его командой на Кубе и в других местах, было окрашено благоговейным страхом".

На следующий день Че со своей группой вышел из лагеря. Около полудня он собрал вместе всех партизан. Их было сорок семь человек, считая посетителей. Пять человек находились в засаде около реки, а еще трое отправились в разведку, чтобы предупредить любые неожиданности.

Инти Передо рассказал Че о множестве проблем, вызванных поведением Пинареса. Че взорвался:

"- Я сказал Пинаресу, что если это правда, то его следует вышвырнуть из отряда. Он ответил, что лучше пусть его расстреляют.

Че сказал:

- Ты оскорбил нас, всех нас, особенно меня. Ты больше не командир авангарда. Твое место займет Мануэль Эрнандес. Выйди отсюда. Еще одно нарушение дисциплины, и ты будешь изгнан.

- Лучше пусть расстреляют.

- Если ты так этого хочешь...

Собрание было очень бурным и взрывчатым. Окончилось оно нехорошо".

Но Че воспользовался возможностью для того, чтобы определить свою стратегию. Если они сейчас отступят без боя, то армия, располагавшая всей той информацией, которую им, конечно же, дали дезертиры, отправится за ними в погоню - со свежими силами и высоким моральным духом. Лучше дождаться их и нанести удар первыми.

Че был прав. В семь часов утра 23 марта Сан-Луис и Дариэль Аларкон, возглавлявшие группу засады, в составе которой было шестеро боливийцев, разбили армейскую колонну, отправившуюся вдоль реки после ареста Серапио возле Каламины. Стрельба продолжалась всего семь минут, но за это время семеро солдат были убиты, а четверо ранены, в том числе майор и капитан.

"Мы захватили план их операции, согласно которому они Должны были наступать с двух сторон вдоль Ньянкауасу, чтобы встретиться посредине. Мы сразу же направили людей в противоположном направлении, Пинаресу и почти всему

авангарду поручили отправиться в конечный пункт их маршрута, а основную группу и часть тылового охранения оставили держать оборону. Исраэль Рейес устроил засаду в другом конце маршрута их маневра. Так мы проведем ночь и посмотрим, объявятся ли завтра пресловутые рейнджеры.

На следующий день, "я послал Инти поговорить напоследок с пленниками, отобрать у них всю пригодную для нас одежду и освободить всех, кроме двоих офицеров; с ними говорили отдельно и оставили им всю одежду. Мы дали майору время до полудня 27-го, чтобы забрать мертвых, и предложили перемирие по всей области Лагунильяс, если он останется в этих местах, но он сказал, что уйдет в отставку из армии. Капитан сказал, что вступил в армию год назад по поручению коммунистической партии, а его брат учится на Кубе. Кроме того, он назвал нам имена двоих других офицеров, готовых сотрудничать с нами".

О симпатии, которую капитан Сильва питал к партизанам, позднее узнало его начальство. Он перенес суровые допросы и был переведен с понижением в Камири.

В течение следующих нескольких дней авиация осуществляла нерегулярные налеты, пугавшие боливийских новобранцев. Но вскоре боливийские летчики начали сбрасывать напалмовые бомбы. Пинарес продолжал разведывательные вылазки, но так и не обнаружил в округе ничего и никого. Инти вспоминал о том, как Пинарес отреагировал на выволочку, полученную от Че: "Он стремился быть во всем лучшим. Он даже считал обязательным для себя носить самый тяжелый рюкзак по мере того, как обстановка становилась все хуже и хуже, ну и, конечно, свой "гаранд".

После этого Че передвинул засады подальше, а 25 марта, воспользовавшись относительно спокойной обстановкой, проанализировал ситуацию. "Мы выложили яйца на стол, а теперь посмотрим, кто дольше выдержит", - по словам Дебрэ, Че сказал это со своим "обычным непринужденным и откровенным сарказмом". Он собрал большую часть партизан в глубине джунглей и, держа по обыкновению руки за спиной, провел краткий разбор похода и произошедших смертельных несчастных случаев. "Я провел анализ похода, сообщил об ошибках Пинареса, сказал, что я понизил его в должности, и объявил, что Мануэль Эрнандес теперь является командиром авангарда".

Далее Че принялся ругать своих бойцов, особенно четверых боливийцев (Хулио Веласко, Хосе Кастильо, Эусебио Тапиа и Уго Чоке; всех их привел с собой Моисее Гевара). За недисциплинированность и нежелание сражаться он обозвал их мальчишками-переростками, приказал им сдать оружие и

"пригрозил, что если они не станут трудиться, то будут лишены пищи и права курить. Их личные вещи в таком случае будут разделены среди самых нуждающихся товарищей". Вот что слышал Дебрэ:"Вновь и вновь в баритоне прорезались саркастические интонации. Почему Таня приехала с посетителями? Еще один пример недисциплинированности. Ей было приказано оставаться на юге и действовать в качестве связной... "А ты, Рене, явился сюда как техник, а не можешь даже наладить работу передатчика"... Таня, единственная женщина в группе, отвернулась со слезами на глазах. Рене промолчал. Не было топлива для движка, питавшего передатчики. Че был чрезвычайно требовательным, до непреклонности, прежде всего по отношению к себе - намного больше, чем к своим людям, к своим людям больше, чем к врагам. Если он хотел добиться большего, то ради этого подвергал лишениям себя... он имел всего две персональных привилегии: был освобожден от ночной караульной службы, а вне лагеря имел право носить в рюкзаке термос с кофе".

Было Че говорил и о двуличии руководства боливийских коммунистов, о том, как в то самое время, когда они в Гаване вели с Фиделем переговоры, на которых изъявляли готовность оказать поддержку партизанам, они исключали из партии молодых активистов, присоединившихся к повстанцам. "Факты есть то, что они означают, а слова, не соответствующие фактам, не значат ничего. Я объявил, что учебные занятия будут возобновлены". Но Че не ограничился собранием. Он побеседовал с каждым партизаном с глазу на Несколько больше времени, чем другим, он уделил Хуану Чангу, объяснив, что Чанг находится здесь для того, чтобы >йти подготовку в боевых условиях, после чего отправится в 2РУ- При сложившемся положении вещей он хотел также при партизанской группе интернациональный характер. "На сети было решено назвать отряд Боливийской национально освободительной армией. Оставалось написать протокол собрания".

Также решено распространить сводку боевых действий партизан. Пачо в своем дневнике кратко отметил: "Я устал до смерти".

В то время как Че укреплял дисциплину, местные силы боливийской армии готовили ответ на засаду. Майора Плату и капитана Сильву допросили в Камири; оттуда Сильву переправили в Ла-Пас, где продержали четырнадцать дней в тюрьме, подвергая интенсивным допросам. Там побывала и пара агентов ЦРУ, желавших узнать, не видел ли Сильва в партизанском лагере Че. Но капитан не смог опознать ни одной

из предъявленных фотографий.

Участие в событиях представителей ЦРУ не было случайностью. Они включились в них еще на начальном этапе по просьбам сразу и боливийских военных, и Министерства внутренних дел и приняли участие в допросе дезертиров Рокабадо и Баррары в Камири. Некий доктор Гонсалес, сразу же включившийся в следствие, был через некоторое время опознан сотрудниками кубинских спецслужб как Густаво Вильольдо Сампера, кубинский эмигрант. Другие агенты ЦРУ, такие как Эдвард Фоглер и резидент ЦРУ в Боливии Тилтон, приняли участие в проходивших позднее допросах Салюстио, "работника", арестованного на ранчо Каламина.

Подключение ЦРУ к боливийским событиям оказалось лишь первым из шагов, предпринятых правительством Соединенных Штатов. В считанные часы после первого вооруженного столкновения в Боливии оно дало ответ на запрос, поданный боливийским правительством послу США Дугласу Хендерсону, предложив южноамериканским "партнерам" помощь силами своего экспедиционного корпуса, размещавшегося в зоне Панамского канала. Имелась в виду организация обучения боливийских солдат, поставка оружия и сухих пайков.

26 марта партизаны играли с армией в прятки. Две разведывательные группы внимательно следили за перемещениями наступающих, но не ввязывались в бой. На следующий день, как из: мешка, "посыпались различные новости; радиоволны оказались заполнены сообщениями, среди которых была и пресс-конференция | президента Баррьентоса". В военных сводках говорилось о вымышленных многочисленных потерях в составе партизан, но проскальзывали и более серьезные и неприятные известия. Выяснилось, что была опознана Таня. "Таким образом пошли прахом два года хорошей и терпеливой работы". Дезертиры указали приметы ее джипа, машину нашли в Камири, полиция провела обыск дома ее хозяйки, сеньоры Лауры Гутьеррес Бауер, и с огромным удивлением обнаружила фотографии, на которых она находилась в обществе президента Рене Баррьентоса и генерала Альфредо Овандо. Понадобилось всего два-три дня, чтобы определить связь, существовавшую между Лаурой и Таней, о которой рассказывали дезертиры.

Разоблачение Тани нанесло сильный удар организации подпольщиков в Ла-Пасе. Родольфо Салданья вспоминал спустя много лет: "Я страшно переволновался, когда увидел, что Таня не возвращается в лагерь... Ее присутствие было очень важно для вооруженного движения".

После партизанской засады армия арестовала Сиро Арганья-

раса и его помощника, Росарио, "человека из Валье-Гранде". Солдаты перерыли весь дом и так избили человека из Валье-Гранде, что он, как потом кто-то вспоминал, даже всерьез подумывал о самоубийстве. Они даже украли двери дома. В довершение всего Арганьяраса, который выдал партизан полиции, когда принимал их за торговцев наркотиками, на целых девять месяцев бросили в тюрьму.

Армия, которая, согласно сведениям из радиопередач, перебросила в районе действий партизан две тысячи человек, приступила к окружению противника, держась при этом в изрядном отдалении от него. Радио продолжило распространять дезинформацию, все время повторяя о пятнадцати убитых мятежниках. Зато радио ничего не сообщало о том, что тем временем в Санта-Крус прибыл майор армии США Ральф В. Шелтон, эксперт по борьбе с партизанами, имевший за плечами опыт вьетнамской войны.

В последних числах марта Че предпринял ряд шагов по снабжению отряда продовольствием и поиску путей выхода из зоны; его люди тем временем приходили в себя после труднейшего повода. Партизанский дозор встретился с группой Красного Креста. Не открывая огня, партизаны предложили его водителю поворачивать восвояси.

Следующие три дня Че выжидал. Дебрэ так рассказывал об этом периоде:

был очень сердит и в течение нескольких следующих не сказал ни с кем ни слова. Он сидел в стороне ото всех в гамаке под пластиковым тентом, курил трубку, Тал, размышлял, потягивал матэ, чистил свою винтовку, а по ночам слушал "Радио Гавана" по транзисторному радиоприемнику. Отдавал лаконичные приказы. Отсутствующий, погруженный в раздумья. В остальной части лагеря - напряженная атмосфера. Споры, повышенное национальное самолюбие, пререкания по поводу наилучшей тактики - все это еще обострялось из-за переутомления, голода, недосыпания и непреходящей угрозы со стороны джунглей. В иной обстановке он был бы среди бойцов, говорил бы и пошучивал с каждым. А сейчас Че утвердил дисциплину, абсолютно явную, неприукрашенную, безо всяких персональных различий. Может ли харизма существовать в отрыве от людей? "Ни в коем случае", - добродушно сказал он мне, когда в одну из последовавших ночей, во время доверительного разговора наедине, я задал ему вопрос по поводу его почтения к Фиделю и тиранического отношения ко всем остальным. "Нужно делать то, на что ты способен, учитывая при этом свои недостатки. Я аргентинец и теряюсь среди этих

жителей тропиков. Мне трудно раскрываться, я лишен того дара общительности, которым обладает Фидель. Мне остается молчание. Каждый командир должен быть мифической личностью для своих людей. Когда Фидель хочет играть в бейсбол, он убеждает окружающих в том, что они сами мечтают об этой игре, и они отправляются вместе с ним на стадион. Когда я был на Кубе и другие предлагали мне поиграть в бейсбол, я говорил: "Потом" - и отправлялся в уголок, чтобы почитать. Если люди не любят меня, пусть даже на первых порах, то, по крайней мере, они будут уважать меня за то, что я не такой, как они".

Ну а президент Баррьентос тем временем проводил встречи с командованием вооруженных сил, чтобы объяснить свое решение обратиться к правительству США за советами в военном вопросе. Это решение вызвало недовольство у некоторых из националистически настроенных офицеров. Баррьентос также просил советов и у немецкого военного преступника Клауса Барбье, скрывавшегося тогда в Боливии. Вице-президент и главнокомандующий вооруженными силами генерал Альфредо Овандо, который только что возвратился из поездки по Европе, взял на себя поиски поддержки оружием и боеприпасами у военных режимов Аргентины и Бразилии. Армейские части, находившиеся в Ками-ри, пребывали в плачевном состоянии. Майор Рубен Санчес провел инспекцию в области и обнаружил "состояние деморализации и страха среди командиров и всех находящихся в зоне действий". Однако 30 марта армия раз и навсегда заняла Каламину, так что в эти дни партизаны были, скорее, чем-то наподобие наводящего ужас призрака, которого никто толком не видит.

В сводке за март 1967 года Че сосредоточился на трех пунктах. Он предполагал прекратить обучение боливийских новобранцев, особенно из группы Мойсеса Гевары, "моральный уровень которых очень низок (2 дезертира, один сдавшийся в плен и выболтавший все, что знал, трое трусов, двое симулянтов)". Далее он отметил необходимость "сниматься с места раньше, нежели я рассчитывал, и уйти отсюда, оставив в резерве группу, над которой будет постоянно нависать угроза, при том, что еще четыре человека, возможно, являются осведомителями. Положение не слишком хорошее, но теперь мы переходим к другому этапу проверки на пригодность в партизаны, который пойдет людям на пользу, если они смогут преодолеть его".

1 апреля в Санта-Крус прибыл первый американский самолет, на борту которого находилась часть обещанной материальной помощи и, вероятно, напалмовые бомбы. Че в это время

устраивал новые пещеры-тайники и держал отряд в состоянии боевой готовности (Пачо записал в дневнике: "Мы не спали уже несколько дней"), направляя бойцов на патрулирование и устраивая засады на путях вероятного подхода противника. В ночь на 3 апреля партизаны покинули лагерь.

"Мы двигались медленно до тех пор, пока в 6.30 не добрались до поворота на кратчайший путь, и в 8.30 оказались на краю территории ранчо. Когда мы пришли на место, где устроили засаду для армии, то увидели, что от семерых погибших там остались одни лишь скелеты, дочиста обглоданные хищными птицами, которые чрезвычайно ответственно отнеслись к своим обязанностям. Я послал двух человек (Леонардо Тамайо и Ньято) установить контакт с Сан-Луисом, о а вечером мы подошли к ущелью Пиирobой, где и уснули, нажравшись говядины с кашей. Я поговорил с Дебрэ и Бус-тосом и предложил им три варианта: идти с нами, выходить самостоятельно или пойти в Гутьеррес и попытаться выбраться оттуда. Они выбрали третий вариант. Завтра попытаем счастья".

Игра в прятки между партизанами и армейскими подразделениями продолжалась и 4 апреля. Партизаны прошли через участок, где совсем недавно находился кордон численностью до ста пятидесяти человек. "Мы нашли военное снаряжение, такое, как миски, фляги, даже патроны и еще кое-какое имущество. Все это мы конфисковали".

В тот же день отряд, возглавляемый майором Санчесом, прошел в том направлении, куда указал Салюстио, и добрался до лагеря. Санчес вспоминал об этом поиске:

"Я шел как мот быстро и, согласно описанию, которое дал Салюстио, находился метрах в двухстах от центрального лагеря. В это время налетела авиация и, приняв нас за партизан, принялась бомбить. Как только бомбежка закончилась, я вошел в лагерь. По пути мы заметили только крупные строения на несколько человек каждое, будочки на одного человека, вероятно, для часовых. В глубине ущелья, в первом лагере, я нашел своего рода кухню; пепел в ней был все еще теплым. В каждом из трех или четырех лагерей, которые мы обнаружили, были земляные укрепления для круговой обороны, причем не один ряд, а несколько; так что, когда мы поднялись на гору, я подумал: не похоже на то, чтобы партизаны воевали в традиционной манере. Я нашел документы, списки партизан, донесения, расписание постов, кучу других бумаг и, что важнее всего, фотографии, на которых был снят Че".

Об одной из этих фотографий еще будет много разговоров.

Спустя четыре дня военные открыли доступ в лагерь для прессы, и журналисты перерыли все, что осталось после солдат.

Эктор Прахт из чилийской газеты "Эль Меркурио" обратил внимание на доминиканские боеприпасы, аргентинские газеты, американские жестянки из-под молока, грядки, на которых росли овощи, кур и цыплят. "Чилийский журналист дал детальное описание нашего лагеря; он нашел фотографию, на которой я чисто выбритый и курю трубку. Я должен буду тщательно разобраться в том, как он смог обнаружить ее".

Че так и не смог этого выяснить. К настоящему времени существуют три, очевидно, противоречащие одна другой версии обнаружения фотографии.

Английский журналист Мюррей Сэйлс сказал, что нашел фотографию доктора Гевары и текст речи Во Нгуэн Зиапа среди мусора, тщательно выметенного из спальных помещений. Гевара на фотографии выглядел моложе, чем тот человек, которого он видел на Кубе в 1964 году, поэтому Сэйлс считал, что снимок сделан на несколько лет раньше, в Сьерра-Маэстре.

Мексиканский журналист Луис Суарес сказал, что другая фотография Че была сделана на поляне, похожей на ту, где была построена партизанская база. Эта фотография, на которой он с бородой и без трубки, была найдена Угалде, фотографом боливийского президента. Специалисты из государственной нефтяной корпорации "Ясимьентос Петролиферос" произвели съемку партизанского лагеря в поисках ракурса, соответствующего фотографии, чтобы выяснить, здесь ли она была сделана. Но запечатленный на фотобумаге кусок джунглей казался слишком уж похожим на любой другой на протяжении тысяч миль... Таким образом, получить неопровержимые доказательства того, что Че Гевара бывал в этом лагере, не удалось.

На следующий день Че продолжал движение, выставляя заслоны для того, чтобы обезопасить свой фланг во время перехода. "Я думал выйти на рассвете и отправиться вниз по течению, в трехстах метрах от нашей позиции были замечены купавшиеся солдаты. Тогда мы решили переправиться через реку, не оставляя следов, и идти по противоположному берегу до тех пор, пока не доберемся до нашего ручья". Через день партизаны прорвали первое заграждение и задержали нескольких крестьян, искавших заблудившихся коров. "Ночь мы провели за едой".

Из воспоминаний Дебрэ:

"Во время пятиминутного привала, который устраивался каждые несколько часов, он мог позволить себе выпить лишь одну-две кружки довольно мутного грога. Все прочее было точно таким же, как у остальных. Он своими руками, безо всякой помощи, подвешивал и снимал свой гамак, при каждом приеме

пищи получал те же самые половинку сардины или три кусочка мяса, полагавшиеся на каждого. В рюкзаке он нес такой же груз, а после того как однажды во время переправы через реку уронил в воду свою порцию маиса, то провел целый день голодным, чтобы не ущемить никого другого. Этот принцип равенства перед лицом смерти стал кредо и пробным камнем для идеологического испытания.

- Видишь эту булочку, Дебрэ? - Дело было после ужина, ночью, около походного костра. Он лежал, вытянувшись на земле. - Будем считать, что она весит двадцать граммов. Ты можешь разделить ее на два нормальных куска по две сотни калорий в каждом, и не больше. Предположим, что тебя окружают десять голодных людей и все зависит от тебя. Что ты будешь делать?

- Кину жребий на эти два куска.

- Почему?

- Лучше будет, если двое товарищей смогут выжить благодаря тому, что съедят хотя бы понемножку, чем если Десять человек, у которых ничего нет, съедят десять раз по ничего.

- Вот тут ты не прав, Дебрэ. Каждый должен получить свою крошку, а потом как бог рассудит. У революции есть свои принципы, и всегда может оказаться двумя бюрократами меньше.

- Ты считаешь, что для десяти революционеров лучше встретить свой безусловный конец при абсолютном равенстве условий?

- Пока моральные устои сохраняются, революция уцелеет. Если их нет, то на что же опираться?"

В течение следующих трех дней авангард и основная группа продвигались по направлению к Пириренде. Вило Акунья командовал тыловым охранением. Пачо записал в дневнике: "По радио говорят, что Че находится в Боливии". Пока что это был просто слух, не имевший под собой серьезной основы, но его оказалось вполне достаточно для того, чтобы 9 апреля в Пентагоне состоялась встреча, в которой участвовали несколько генералов, директор ЦРУ Ричард Хелмс и советник президента США по национальной безопасности и латиноамериканским проблемам Уолтер Ростоу. Хотя они и пришли к выводу, что это утка и Че не находился в Боливии, все же было решено сделать сотрудничество с боливийскими вооруженными силами более тесным.

10 апреля врач-перуанец, бывший в составе отряда, подошел к Че и доложил, что "вдоль реки вниз по течению идут пятнадцать солдат. Инти пошел сообщить об этом Сан-Луису, командовавшему группой засады. Делать было нечего, только ждать, чем мы и занялись. Я послал Коэльо вверх по течению,

чтобы он мог сообщить мне об их продвижении".

Тыловое охранение при поддержке Инти и Сан-Луиса заблокировало оба берега реки. Когда армейский патруль, шедший вдоль воды в поисках следов партизан, подошел почти вплотную, партизаны открыли огонь. Один солдат был убит, трое ранены, шестеро сдались в плен. Но и отряд понес тяжелую потерю - Хесус Суарес Гайоль, Блондин, товарищ Че на протяжении нескольких лет, во время непродолжительной перестрелки был убит выстрелом в голову. "Его "гаранд" заклинило, а рядом с ним лежала граната, с выдернутой чекой, но невзорвавшаяся".

Отряд, с которым они столкнулись, был частью большей группы, прочесывавшей окрестности реки Ньянкауасу. Майор Рубен Санчес, командовавший подразделением, обнаружившим партизанскую базу, вспоминал:

"В три часа дня появились двое перепуганных солдат, которым удалось ускользнуть с места стычки около Ирипи-ти. Некоторые из офицеров оказались настолько потрясены, что даже не были в состоянии объяснять, что случилось. Я постарался успокоить одного из солдат, и он в конце концов рассказал мне, что в одиннадцать утра они попали в партизанскую засаду. Он не смог сообщить мне никаких подробностей: ни того, на каком расстоянии от нас находились партизаны, ни сколько их было. Солдаты были полностью дезориентированы, они кое-как улучили возможность сбежать и с большими трудностями добрались до нашего лагеря. Лейтенант Сааведра погиб. Полковник Роча, который в то время командовал 4-й дивизией, приказал мне двигаться дальше. Было уже четыре часа дня, скоро должна была наступить темнота. Поэтому я со своими тридцатью пятью солдатами да еще восемнадцатью, вернувшимися утром с места нашей безрезультатной засады, как можно быстрее отправился на место происшествия, чтобы забрать тело офицера".

Че предвидел ответные действия армии. И поэтому, вместо продолжения перехода, приказал группе засады, которой вновь командовал Сан-Луис, выдвинуться вперед "метров на пятьсот, теперь уже при поддержке всего отделения авангарда. Сначала я приказал было отступать, но сразу же решил, что логичнее будет оставить ситуацию такой, как есть. Примерно в 17.00 поступили новости о том, что армия наступает большими силами. Теперь не оставалось ничего, кроме ожидания. Я отправил Гарри Вильегаса, чтобы тот прояснил мне положение".

Снова рассказывает майор Санчес:

"Вместо поспешного отступления от места первой засады они прошли вперед на два или три километра и устроили еще одну

засаду. Над лесом летала "Сессна", которая должна была поддержать нашу атаку. Как было предварительно условлено, я дал сигнал выстрелом из ракетницы. Потом начался бой. Я шел третьим в голове колонны; хотя командиру обычно полагается находиться в середине или в тылу отряда, но мне пришлось так поступить, чтобы подбодрить самых деморализованных солдат".

Солдаты шли вдоль реки, но не принимали особых предосторожностей и потому оказались застигнуты врасплох. Пачо открыл огонь. Вот как все это выглядело в описании Санчеса:

"Все окружавшие меня были убиты или ранены. Лейтенант Айала, тащивший 60-миллиметровый миномет, получил ранение в грудь. Я единственный остался живым и невредимым. Тогда я отпрыгнул влево, ища укрытие, и наткнулся на двоих отступавших солдат. Перед нами партизаны кричали, требуя сдаться. Мы заняли позицию и принялись стрелять в сторону голосов. Затем позади нас появилась вторая группа и тоже потребовала, чтобы мы сдались. Я приказал одному солдату стрелять назад, а сам вместе с другим продолжал стрелять вперед. Вдруг стрельба противника прекратилась. Установилась полная тишина. Я почувствовал, как кто-то уперся коленом мне в спину, схватил меня за подбородок и резко вывернул голову. Позже я узнал, что это был Маймура. Солдаты закричали: "Не убивайте его, это майор!" Мы сдались. Один попытался отобрать мой револьвер, но я вынул из него патроны и вцепился в оружие.

- Никто не заберет у меня этот револьвер, - заявил я.

Сан-Луис спросил меня:

- Сколько у вас людей? Откуда вы пришли?

- Вы напрасно теряете время. Я ничего вам не скажу, - ответил я.

Вмешался другой партизан, который, как мне показалось, был боливийцем:

- Эти солдаты - шайка воров.

- Это ты вор, а не я.

Тут Сан-Луис подтолкнул меня вниз по склону, и я оказался над рекой, рядом с партизаном, стоявшим недалеко от берега с карабином на плече; он курил сигарету. Кто-то еще продолжал стрелять, кто-то пытался отступить из района столкновения. Курившим был Инти. Сан-Луис спустился следом за мной и сказал:

- Майор, прикажите вашим людям сдаться.

- Я не могу приказать им сдаться, могу приказать только отступить.

- Заставьте их сдаться, или мы перебьем их.

- Убейте меня, если хотите, - ответил я, - но я не стану приказывать сдаваться.

Сан-Луис ушел, а я остался с Инти. Тот сказал мне:

- Майор, пожалуйста, не отходите от меня.

Но я не мог послушаться: у меня были убитые и раненые, один из них оказался в воде, и я должен был попытаться спасти их. Инти видел мои действия, но ничего не сказал. Оказав помощь раненому, я, конечно, возвратился к своему охраннику.

- Вы - воры и убийцы, - сказал я Инти. - Почему вы убиваете моих солдат?

Инти дал мне кольцо, принадлежавшее погибшему утром лейтенанту, и ответил:

- Заберите это для его вдовы. Часы мы не отдадим, потому что они нам очень нужны. Мы не воры и не убийцы. Вы называете нас так потому, что не понимаете значения нашей борьбы".

Далее Санчес писал: "Все они держали себя как командиры, и я рассмеялся. Конечно, судя по тому, как они разговаривали, все они могли принадлежать к числу командиров. Сан-Луис принимал самое активное участие в бою, Инти сказал, что он командовал группой засады, так что командиром не мог быть никто иной, кроме Че".

Вильегас послал Че первый рапорт: "На этот раз оказалось семеро погибших, пятеро раненых и двадцать два человека сдались в плен". Партизаны в течение однрго-единственного дня нанесли армии два поражения. Команда привидений под руководством призрака нанесла новый удар. Спустя несколько месяцев журналист Луис Суарес смог встретиться с побежденными солдатами. "Партизаны были очень тощими и бледными, словно восковыми".

Че подошел поближе к солдатам и рассмотрел их, не дав, правда, им возможности заметить себя. Он приказал Инти намекнуть майору Санчесу на возможность перейти к партизанам. Санчес отказался, но согласился взять с собой подготовленное обращение Национально-освободительной армии, чтобы передать его в прессу, и сдержал свое слово. Он взял два экземпляра обращения, один из которых вручил военной разведке, умолчав о втором. А его, в свою очередь, он отдал своему брату-журналисту, который и опубликовал текст в газете "Пренса либре", выходившей в Кочабамбе.

Мало того что Санчес выполнил свое обещание; общение с партизанами произвело на него сильное впечатление и оказало влияние на его социальные убеждения. Спустя несколько лет он оказался одной из ключевых фигур в левом военном перевороте.

12 апреля Че организовал непродолжительную церемонию

похорон первого кубинца, погибшего в ходе военных действий в Боливии, своего старого друга Суареса Гайоля.

"Я собрал всех бойцов, кроме четверки "мальчишек-переростков", чтобы почтить память Блондина и подчеркнуть, . что первая пролитая кровь - кубинская кровь. Это было необходимо сделать, так как появилась тенденция, которую я заметил вчера среди бойцов авангарда, когда Камба сказал, что все меньше и меньше доверяет кубинцам.... Я вновь призвал к единению как единственной возможности увеличивать наше войско, которое усилило свою огневую мощь и уже закаляется в боях, но не только не растет, а, наоборот, в последние дни сокращается".

Таня, которая во время боя оставалась в лагере, потребовала от Че, чтобы тот разрешил ей сражаться на передовой линии.

"Спрятав трофеи в тайнике, который очень хорошо устроил Ньято, мы в 14.00 вышли и двигались в медленном темпе, настолько медленном, что почти не продвинулись, и были вынуждены вскоре после выхода остановиться на ночлег у крохотного родничка". Запись в дневнике Пачо: "Вяленое мясо полно червей. Несмотря даже на то, что оно гнилое, а у меня расстроен желудок, я ем его, чтобы набить брюхо".

Партизаны замкнули круг и возвратились к базовому лагерю (Пачо позже сказал: "Мы шлялись по окрестностям посреди целого стада жандармов и вновь оказались на старте") и обнаружили, что армия не нашла самый важный из их тайников. Че записал в дневнике: "Американцы клянутся, что отправка их советников - часть давнего плана и не имеет никакого отношения к партизанам. Возможно, мы видим зарождение нового Вьетнама".

Первоначальный план Че состоял в том, чтобы собрать всех партизан вместе, провести определенные действия в зоне Мую-пампа, после чего по возможности отступить на север. Дебрэ и Бустос в этом случае продвинулись бы, в зависимости от обстоятельств, в направлении Сукре или Кочабамбы. Поскольку радиопередатчик не работал, а связи с городами не было, Че написал шифрованное письмо Фиделю; он рассчитывал переслать его с Дебрэ:

"Ранчо оказалось раскрыто, и армия начала преследовать нас; мы нанесли первый удар, но сами отрезаны... Таня заперта здесь, поскольку она нарушила приказы и оказалась втянута в события... Нет никаких новостей от троицы Монхе, Коэлье, Рейсе. Я к тому же не доверяю им, а они исключили из партии молодежь, пошедшую с нами. Я могу слушать все радиопередачи, но это совершенно бесполезно, если они сразу же не передаются в Ла-Пас, так что мы пока что отрезаны".

Он добавил также, что хотел бы, чтобы Дебрэ покинул отряд и принялся за организацию европейской сети солидарности. То же самое должен был делать и Бустос: "Организовывать поездки на юг и собирать аргентинцев; он тоже сидит здесь в бутылке".

16 апреля, после воссоединения с тыловым охранением, возглавляемым Вило Акуньей, партизанская колонна снова вышла в путь.

"Авангард вышел в 6.15, мы - в 7.15. Шли хорошо, пока мы не добрались до реки Икира, но Таня и Мачин отстали. Когда у них измерили температуру, оказалось, что у Тани больше 39, а у Мачина за 38. Помимо всего прочего, задержка помешала нам совершить запланированный переход. Мы оставили их обоих, а с ними доктора Кабреру и Се-рапио, в километре выше по течению от Икиры, а сами пошли дальше, овладев имением Белла-Виста, или, если говорить точнее, четырьмя кампесинос, которые продали нам картофель, свинью и немного зерна. Это бедные крестьяне, очень напуганные нашим присутствием здесь".

Перед этим боливийские солдаты запугивали местных жителей совершенно неправдоподобными историями о том, что партизаны явились из Парагвая, что они насилуют женщин, а мужчин вешают на деревьях или же заставляют тащить свое имущество, что они крадут скот и запасы зерна, поджигают дома. Они пришли для того, чтобы насаждать на нашей земле парагвайский коммунизм. Обеспокоенные кампесинос принимались гадать, что же такое может представлять из себя этот "парагвайский коммунизм", и, чтобы не нарваться на неприятности, старались избегать партизан, как чумы.

Несмотря на скептическое отношение Че к местным жителям, партизанам удалось задеть в их сердцах чувствительные струны; правда, Че так и не узнал об этом. Сосредоточенные лица крестьян из глухого уголка Боливии ничего не выражали, но люди все же начинали интересоваться партизанами, раздумывать и задаваться вопросами. Этому процессу не мешали даже и действия армии, которая к тому времени приступила к репрессиям. Крестьян арестовывали, мучили, избивали, уничтожали посевы и одновременно обещали награды за информацию о партизанах.

Обращению Че были в качестве эпиграфа предпосланы слова знаменитого героя кубинской борьбы за независимость Хосе Марти: "Наступило время пылать, и от этого огня появится один лишь свет". Че провел анализ войн за социальную справедливость, которые с неизбежностью начнутся в Третьем мире, и призвал левых преодолеть свои разногласия: "Желание изменить положение вещей при помощи слов - это иллюзия;

история либо сотрет их, либо раскроет их истинное значение". Он указал также, что левые должны упорно работать для достижения своей цели: вести войну с империей на ее периферии. "Наш каждый шаг - это боевой клич к борьбе против империализма".

Документ, которому предстояло лечь в основу предложений, выдвинутых кубинцами и поддержанных всеми радикалами конца шестидесятых годов, призывал к созданию "одного, двух, трех, множества Вьетнамов".

Че слушал свое обращение издалека, по радио. Он не оставил никаких комментариев по этому поводу. Саверио Тутино, итальянский журналист, работавший в Гаване, после изучения текста, основываясь на ссылки на годовщину окончания Второй мировой войны, пришел к выводу, что оно было написано в 1966 году. Но он не стал копать глубже. Упоминания о каких событиях, случившихся после 1966 года, были включены в текст позднее? Одна фраза, несомненно добавленная редакторами, позволяла сделать предположение о местонахождении майора Гевары: "В этих и других странах вспыхнут новые войны речь шла о Гватемале и Венесуэле, как уже случилось в Боливии". Никто тогда не обратил на эти слова особого внимания.

Тем временем Че в джунглях разыскивал для Дебрэ и Бустоса путь через Муюпампу. Он был вынужден оставить группу тыловой охраны под командованием Вило Акуньи с больными, среди; которых оказался и Моисее Гевара, страдавший сильным расстройством желудка. С оставшимися были и "мальчишки-переростки". Че приказал этой группе "проявить свое пребывание в районе, чтобы отвлечь тем самым врага и не дать ему обнаружить наш маршрут, и ждать нас в течение трех дней. По истечении этого времени они должны были оставаться в зоне, но не затевать никаких реальных боевых действий, а просто дожидаться нашего возвращения". Че не мог тогда предвидеть, насколько трагическими окажутся последствия разделения отряда.

18 апреля партизаны на марше натолкнулись на нескольких крестьян. Сохранилось описание этой встречи. "- Добрый вечер. - Добрый вечер, сеньор. - Не говори "сеньор". Сеньор - это тот, кто оскорбляет и обижает бедняков.

- Мы в наших местах так обращаемся к порядочным людям".

В основном с кампесинос разговаривал Инти, и его слова дошли до нас через годы: "Мы не парагвайцы. Здесь боливийский голод и боливийская нищета". А дневник Пачо дает представление о том, в каком положении находился тогда отряд: "Мы не спали по нескольку дней. Мы идем ночью, а днем несем караул и готовим еду".

На следующий день, 19 апреля, партизаны взяли в плен довольно странную персону. Это был "английский журналист, назвавшийся Джорджем Эндрю Росом. Его привели по нашим следам несколько ребятишек из Лагуниньяса. Его документы были в порядке, но в них имелись подозрительные мелочи. В паспорте была вычеркнута профессия "студент", а поверх написано "журналист", (он утверждает, что на самом деле был фотографом). У него пуэрториканская виза... Он рассказал, что был в лагере и видел там дневник Исраэля Рейеса, где тот описывал свои путешествия и впечатления. Он 20 ноября выехал из Гаваны и через Москву, Прагу и Буэнос-Айрес прибыл в Ла-Пас. Это все та же самая старая история. Кажется, главной побудительной причиной действий наших людей стали недисциплинированность и безответственность".

Личность Роса до сих пор представляет собой загадку. Кубинские источники упорно утверждают, что между 8 и 16 апреля, перед встречей с партизанами, он встречался в Ла-Пасе с агентами ЦРУ. Кроме того, по их утверждениям, Рос согласился отправиться в зону боевых действий, узнать, там ли находится Че, и посыпать одежду партизан химикалиями, благодаря которым их будет легче потом выследить с собаками. Последующая история не подтвердила эти мнения, но и не освободила Роса от подозрений. Че считал, что Роса можно было бы использовать для дополнительного освещения событий вдобавок к усилиям Дебрэ и Бустоса. Инти вручил ему воззвание Национально-освободительной армии, адресованное широкой публике.

Чтобы избежать опасности опознания, Че не стал встречаться с журналистом и дал свои последние указания Сиро Бустосу. Помимо координации деятельности аргентинских групп, Бустос, по его собственным словам, должен был

"вступить в контакт с подпольщиками в Ла-Пасе и передать им ряд распоряжений, касающихся неотложных задач: перемещение, устройство запасов денег и военного снаряжения и, что самое главное, возобновление связи с партизанами. Имеется настоятельная потребность привлечь к проекту новобранцев, разработать план, как это сделать, а также найти новые места для проживания и встреч, и т.д. Также нужно было сообщить в Гавану, что группа отрезана, что их передатчик не работает и что материальное и политическое положение группы воистину критическое".

Трое журналистов расстались с партизанами в 11.45 утра. Че в это время готовился взять штурмом город Муюпампу, правда, отказался от этой мысли, узнав о том, что тамошний гарнизон провел рекогносцировку в округе и солдат подняли по тревоге. С

этого момента партизаны больше не имели никакой связи с друзьями, оставшимися за пределами Боливии.

Журналисты были обнаружены очень скоро. Их остановил полицейский патруль, который узнал Роса и, видимо, догадался, кем были его спутники. Хотя полицейские и не арестовали никого, но дали сигнал кому следовало. Все трое были задержаны спустя несколько часов уже армейским патрулем и доставлены н. джипе в Муюпампу.

Партизаны уже успели покинуть район, но кто-то из крес тьян на следующий день сообщил им о том, что Дебрэ и Буст были арестованы. Че кратко отметил: "Плохие новости для Сиро С Дебрэ все должно обойтись". Еще через несколько дней он записал: "Они стали жертвами собственной спешки, почти отчаянного желания выбраться, а также моего недостаточного сопротивления их планам. Таким образом прерывается связь с Кубой, мы потер: разработанную нами схему борьбы в Аргентине".

Основная группа партизан, отрезанная от тылового охранения, потратила два дня на перемещение в район Таперильяса. {33}

49. Иностранное вмешательство и гибель друзей

1 апреля 1967 года в аэропорту Сайта-Круса приземлился огромный "Локхид-Геркулес С-130", вылетевший с военной базы Соединенных Штатов Америки в зоне Панамского ка- , нала. Это было первое звено авиамоста, в составе которого были легкие самолеты, направлявшиеся в Камири. На прибытие первого самолета, доставившего армейские сухие пайки и напалм, отозвалась в середине апреля боливийская газета "Пресенсиа". В заметке, попавшей в сводку новостей агентства "Пренса Латина", сообщалось о прибытии в Боливию пятидесяти военных советников из США. "Франс Пресс" привела более скромные цифры - двадцать семь человек, включая команду "С-130", четверых техников, сопровождавших разобранный вертолет, пятеро американских рейнджеров и еще несколько неопознанных личностей. Сведения агентства "Франс Пресс" были ближе к действительности. Американское правительство решило ограничить сотрудничество с боливийским правительством минимальным объемом, так как было убеждено в том, что Че Гевара не находится в этой стране.

18 апреля в Боливию прилетел американский генерал Уильям Топ. Он должен был ознакомиться с состоянием вооруженных сил страны для разработки в дальнейшем плана военной помощи. Топ дал завтрак, на котором присутствовали посол Дуглас Хендерсон (который уже не раз обращался с просьбой о военном вмешательстве для защиты интересов американских компаний, страдающих от забастовок), президент Рене Баррьентос и трое его министров. В докладе, направленном в Вашингтон, Топ подвел итог встречи, назвав ее сердечной, очень откровенной и прямой. То, что удалось узнать представителям США, не обрадовало их. Правда, действительно новым для них явилось лишь сообщение Баррьентоса о случайном обнаружении партизан. У американцев также сложилось впечатление, что Баррьентос и его министры всерьез опасаются психологического воздействия, которое оказывают поражения армейских подразделений на остальную часть страны, особенно их стимулирующего влияния на различные подрывные группы.

Топ покинул Боливию в твердой уверенности, что проблема состоит не в том, чтобы найти замену частям, ведущим действия против партизан, а в том, чтобы изменить отношение к происходящему армейских командиров, в том числе и самого

Баррьентоса - президент бессмысленно перемещал войска, не имея ни малейшего представления, как вытащить кролика из шляпы. Он не мудрствуя лукаво потребовал материальной помощи. Топ доложил в столице, что боливийские руководители просили о том же самом, что и всегда, - им представлялось, что самолеты и автоматическое оружие взамен устаревших "маузеров", которыми были вооружены их солдаты, являются панацеей от их бед. Топ разъяснил, что при данном характере боевых действий самолеты окажутся бесполезными и что когда солдаты поднимают руки вверх, то "маузер" нисколько не труднее бросить на землю, чем автомат. Солдат необходимо было научить эффективно использовать уже имеющееся у них оружие. Военная миссия США пришла к выводу о том, что перед боливийцами стоит очень серьезная проблема и даже Соединенным Штатам не так уж просто найти пути для ее разрешения, не говоря уже о том, чтобы полностью справиться с нею. Было очевидно, что США должны были предпринять ряд практических шагов и прежде всего добиться усовершенствований в боливийской армии.

Хотя в то время правительство США не отдавало себе отчета в реальном масштабе этой проблемы, считая ее мелкой, - ведь фантом, за которым шла охота, по их глубокому убеждению, находился где угодно, только не в Боливии. Аналитики разведывательных служб с интересом внимали первым слухам о присутствии Че в этой стране, но руководство Центрального разведывательного управления было настроено скептически, считая эти сведений частью той дымовой завесы, за которыми кубинское правительство спрятало одного из своих руководителей. Обнаружение партизанской базы близ реки Ньянкауасу и найденные там фотографии, казалось, подкрепляли мысль о том, что Че или в настоящее время, или в недавнем прошлом был в Боливии, но мнение директора ЦРУ Ричарда Хелмса и его ближайшего окружения возобладало: сейчас Че там не было.

В качестве элемента своего стратегического плана Пентагон направил в Боливию с базы Форт-Гулик мобильную группу инструкторов (МГИ) под руководством майора Ральфа - Паппи - Шелтона, который несколько недель тому назад уже побывал в зоне боевых действий. Его сопровождали... капитан Майкл Лерой, недавно вернувшийся из Сайгона, еще трое офицеров и Двенадцать инструкторов, в том числе и кубинский эмигрант Маргарите Крус, для непосредственной подготовки команд Убийц. Они организовали тренировочную базу в Ла-Эсперанса, заброшенном сахарном заводе в пятидесяти милях к северу от Санта-Круса. Из состава боливийской армии был выделен полк

Манчего и 650 офицеров и солдат из других частей. Среди них оыли полковник Гальярдо и майор Мигель Айороа. Пентагон 'е направил в Боливию пять самолетов "П-51" и два вертоле-"Эйч-19". Президент Баррьентос сказал в интервью Луису Су-гсу: "Здесь нет ничего особенного, такие военные миссии просятся в течение уже пятнадцати лет".

Ральф У. Шелтон по прозвищу Паппи (Папочка) входил в состав весьма солидной организации, созданной Вашингтоном для борьбы с боливийскими мятежниками, - Специальной оперативной группы (СОГ). Возглавлял СОГ бригадный генерал авиации Уильям К. Скер, начальник разведки южного командования (Саутком) в зоне Панамского канала, владевший испанским языком и набивший руку на подавлении партизанских движений в Перу, Колумбии и Венесуэле. Его заместителем был назначен подполковник Редмонд И. Уэбер, командир 8-го полка специальных сил ("рейнджеров"), размещавшегося в той же зоне Панамского канала. 38-летний майор Шелтон был прежде начальником антипартизанских школ в Лаосе и Доминиканской республике.)

Ну а для Режи Дебрэ, Сиро Бустоса и журналиста Роса начался период испытаний. После ареста их доставили в местную ратушу, где состоялась встреча с Уго Делгадильо, журналистом газеты "Пресенсиа", который побеседовал с ними в течение нескольких минут и сделал фотоснимки. Все трое настаивали на том, что они иностранные корреспонденты, но благодаря показаниям Салюстио, арестованного ранее работника с Каламины, их быстро .: опознали. Они были допрошены и избиты, после чего Дебрэ вертолетом отправили на военно-воздушную базу Чоэти близ Камири, а на следующий день туда же на джипе отвезли Бустоса и Роса.

Баррьентос сразу же заявил, что трое журналистов погибли! Это был самый легкий способ полностью закрыть вопрос. Че услышал это заявление по радио. Тем не менее фотографии, сделанные случайно оказавшимся в Муюпампе журналистом ДелЕИ дильо, спасли им жизнь. Чтобы сохранить свои снимки, которые скорее всего конфисковали бы военные, он передал отснятую пленку какой-то женщине, а та доставила ее в Кочабамбу и передала в газету. Пленники, сфотографированные живыми, теперь никак не могли задним числом оказаться погибшими в бою. Но хотя публикация фотографий помогла троим арестованным сохранить жизнь, но от мучений она их уберечь не смогла. В течение первых трех дней Дебрэ допрашивали два полковника, добивавшихся от него ответа на один вопрос: находится ли Че в Боливии? Они избивали Дебрэ,

лупили его молотком, имитировали его расстрел. Салюстио указал на него как на человека, доставлявшего оружие партизанам. Бустоса раскрыли не сразу, так как он имел фальшивый паспорт хорошего качества, в котором было написано, что он аргентинский журналист по имени Фруктуозо. Когда Дебрэ потерял сознание под пытками, майор Рубен Санчес, недавний пленник партизан, находившийся в Камири, удержал солдат, которые хотели добить его. Но пока что и Дебрэ, и Бустос отрицали присутствие Че в Боливии, а Рос не мог ничего сказать, поскольку ничего не знал. Прибыла новая команда следователей; ее возглавлял полковник Федерико Арана из военной разведки, а помогали ему Роберто Кинтанилья, адъютант из Министерства внутренних дел, и агент ЦРУ, который, как и его предшественник, именовался доктором Гонсалесом, а также Габриэлем Гарсией. Тон допросов изменился. Бустос начал давать сведения, которые, как он считал, не могли повредить партизанам. Он говорил о базовом лагере, обнаруженном 4 апреля, о присутствии иностранцев, а также сказал, как ему советовал Че, что командиром отряда является Инти Передо.

Партизаны к тому времени потеряли в бою только одного человека, однако еще двое утонули во время тренировочного похода, двое дезертировали, а один, не считая Дебрэ и Бустоса, был арестован. В те же дни им пришлось пережить еще один удар: Хорхе Васкес Вианья откололся от отряда в ходе случайного столкновения с армией, и найти его не удалось. Он несколько дней блуждал в джунглях, пока около Таперильяса не столкнулся с армейским патрулем, убил двоих солдат, но и сам получил ранение и через два дня был захвачен в плен. Тем временем отряд партизан почти без продовольствия шел по горам. Че записал: "Требуется еще много работы, чтобы сделать из него боевую силу, хотя моральный уровень очень высок". В течение нескольких следующих дней он пытался установить контакт с арьергардной группой Вило Акуньи. 25 апреля, примерно в десять утра, Че услышал, что к отряду приближается группа солдат. Сведения о ее составе были противоречивыми - кто-то определял численность преследователей в тридцать человек, а кто-то в шестьдесят. Че лично принял участие в засаде.

"Вскоре появилась головная группа. К нашему удивлению, она состояла из трех немецких овчарок и их проводника. Животные вели себя беспокойно, и не думаю, что нам удалось бы укрыться от них. Однако они продолжали приближаться. Я выстрелил первым - в собаку - и промазал, а когда я собрался выстрелить в проводника, мою "М-2" заклинило. Мануэль Эрнандес убил вторую собаку, затем я - третью; больше никто в

засаду не попал".

Нормальной пищи у нас осталось на три дня. Ньято сегодня убил птицу при помощи пращи; начинается птичья эпоха". А еще через три дня Пачо Фернандес Монтес де Ока запишет в дневнике: "Рацион - две пустельги. Мне досталось крылышко пустельги и лапша".

В тот же день, 1 мая, я сам видел публикацию первой сводки о действиях партизан, той самой, которую контрабандой доставил майор Санчес. Газету "Пренса Либре" покупали рабочие Кочабамбы, собиравшиеся на первомайскую демонстрацию, текст партизанского обращения зачитывался и по радио. Разъяренные публикацией военные арестовали редактора газеты. В политической блокаде партизан оказалась брешь, и, несмотря на малочисленность, повстанцы смогли оказать на боливийское общество более сильное влияние, чем могло показаться на первый взгляд. Тогда же в Тринидаде, городе провинции Бени, состоялась демонстрация родителей против отправки ста шестидесяти призывников в зону партизанских боевых действий.

Почти без пищи и воды партизаны Че выискивали обратный путь к своим прежним лагерям, где были устроены тайники с провизией и оружием, и, наконец, 7 мая добрались до одного из них. Пачо записал в дневнике: "Наша цель - вступить в контакт с Вило Акуньей и подготовить оружие". Че лаконично отметил нехватку продовольствия, а также то, что они находились в зоне в течение шести месяцев.

На следующий день, когда партизаны запасались провиантом из потайного склада в пещере, вновь было замечено присутствие поблизости армейских сил. Пачо, Оло Пантоха и еще несколько человек застали врасплох и обстреляли нескольких невооруженных солдат, набиравших воду. Вскоре после этого были -захвачены в плен еще двое солдат, собиравших кукурузу. Но на этом стычки не закончились: "Когда появились солдаты - их было человек двадцать семь, - все ожидали их, охваченные напряжением. Те заметили что-то странное, и группа во главе со вторым лейтенантом Ларедо выдвинулась вперед. Он сам начал стрелять первым и был убит вместе с двумя другими молодыми солдатами". У Ларедо было найдено письмо от жены, в котором та просила его привезти скальп партизана, чтобы украсить им гостиную. "Начало темнеть, и наши люди двинулись вперед и захватили в плен шестерых солдат. Остальные отступили". В этой стычке партизаны убили двоих солдат и офицера, ранили двоих и восемь человекм взяли в плен.

Че приказал выйти в четыре часа утра, предварительно отпустив пленных. Сам он провел бессонную ночь из-за приступа

астмы. "У нас не осталось никакой пищи, кроме сала, я был голоден, а спал едва ли два часа и поэтому был способен идти лишь медленными шаркающими шагами. И весь переход был таким. У первого же родника мы ели суп из сала. Люди слабы, у нас - несколько случаев водянки".

В начале второй недели мая полковник Арана, подполковник Кинтанилья и "доктор Гонсалес" возвратились, чтобы допросить Дебрэ, Бустоса и Роса в штабе полка Манчего в Санта-Крусе. На этот раз с ними был генерал Арнальдо Сауседо. Легенда Бустоса рассыпалась - агенты определили, что его паспорт фальшивый, и заявили, что он был с партизанами как боец, а не журналист. Следователи сопоставили подробности, которые сообщили Дебрэ, Бустос и Рос с рассказами дезертиров, а также выявили противоречия в их собственных показаниях. "Мне ничего не оставалось, кроме как признать бесспорное", - скажет спустя несколько лет Бустос, когда сознался в том, что, уступив нажиму следователей, подтвердил, что во главе партизан стоял Че. Это была лишь часть признания, состоявшего из двадцати тысяч слов и целого ряда набросков портретов бойцов. Бустос утверждал спустя несколько лет, что Че разрешил ему раскрыть его присутствие в партизанском отряде: "Что ж, если увидишь, что отрицать бесполезно, то выпаливай сразу же. Таким образом я смогу снова стать самим собой и снова надеть свой берет". Дебрэ позже частично подтвердил версию Бустоса. А сам он в этом раунде допросов признался в том, что в ходе своей журналистской работы на третьей неделе марта взял интервью у Че в партизанском лагере. Показания были неопровержимыми, и командование боливийских вооруженных сил и полевые агенты ЦРУ были серьезно обеспокоены, но Хелмс все же придерживался мысли, что это дезинформация и что, по всей видимости, Че мертв. Он доказывал это в споре со своим руководителем службы тайных операций (носившей эвфимистическое название Объединенного управления планирования) Томасом Карамессинесом.

Уолтер Ростоу подготовил президенту Джонсону меморандум. В нем проводился обобщенный анализ ситуации и говорилось о том, что ЦРУ только что получило первое достаточно достоверное сообщение о том, что Че Гевара мог быть жив и проводить операцию в Южной Америке, но разведчикам требовалась дополнительная информация, прежде чем они могли бы с уверенностью заявить о том, что Гевара не умер - в кругах различных разведок все больше и больше склонялись к этому заключению. Тем временем, невзирая на сомнения директора, ЦРУ отправило в Боливию новую группу советников, расширило

там ее инфраструктуру и начало воздушную разведку для того, чтобы дать надежные карты области. Четверо советников были также направлены на помощь боливийскому Министерству внутренних дел, которое возглавлял министр Антонио Аргедас.

Че, еще не знавший, что его присутствие в Боливии перестало быть тайной, в поисках Вило Акуньи и группы арьергарда вел партизан в направлении Пириренды. Пачо записал: "Мы очень слабы и голодны. Трудно идти, особенно с тяжелыми мачете и оружием. Мы идем только благодаря силе воли и дисциплине". Отсутствие массовой поддержки и прямых контактов с крестьянами, бедность и малонаселенность области, а также еще и почти полное отсутствие дичи в джунглях обрекли партизан на постоянный голод.

В то время как партизаны находились в бедственном положении в оперативном плане, в чисто военном отношении они, проведя шесть боевых столкновений с боливийской армией, оставались непобедимыми. Из-за этого 11 мая полковник Роча был освобожден от должности командира 4-й дивизии, базировавшейся в Камири. (Он ограничил свою деятельность жестокими притеснениями местных крестьян, арестами, пытками, избиениями и другими репрессиями, даже если те указывали солдатам местонахождение партизан.) На его место был назначен Луис Антонио Реке Теран. Полковник Сентено Анайа в то же время сменил полковника Роберто Варгаса в 8-й дивизии.

12 мая партизаны наткнулись на еще один крестьянский дом, купили у хозяина свинью и приготовили ее с кукурузой. На следующий день им пришлось с лихвой расплатиться за свое обжорство. "А нас весь день мучила отрыжка, газы, рвота, понос - настоящий физиологический концерт. Мы лежали совершенно неподвижно, пытаясь переварить свинью. У нас есть две канистры воды. Я был очень болен, пока меня не вырвало, после чего стало лучше".

На следующий день они вышли к озеру Пириренда - зеркалу воды, окруженному буйной растительностью, как скажет в своем дневнике Пачо. Че к тому времени обращал мало внимания на красоты пейзажа. Он был больше обеспокоен нарушениями дисциплины, которые случались вследствие нехватки продовольствия:

"Перед выходом я собрал людей и обрушился на них в связи со стоящими перед нами проблемами, особенно продовольственными. Я разругал Дариэля Аларкона за то, что он съел котелок пищи, а потом отрицал это, Тамайо - за то, что он тайно ел вяленое мясо, Анисето - за его готовность участвовать во всем, что мало-мальски связано с едой, и нежелание делать что-

либо еще".

Спустя несколько часов на расстоянии двух миль состоялся налет авиации.

На следующий день, 15 мая, Че записал в дневнике: "Сегодня никаких новостей". У Пачо написано подробнее: "Он выглядит по-настоящему плохо. Вчера вечером отказался от своей пайки мяса". Еще днем позже Че писал:

"Когда мы вышли в путь, у меня начался страшный приступ колики с рвотой и поносом. Колику остановили демеролом, а я потерял сознание, и меня несли в гамаке. Когда я очнулся, то чувствовал себя значительно лучше, но оказался весь в дерьме, словно грудной младенец. Мне дали брюки, но без мытья запах дерьма можно учуять за милю от меня. Мы проспали там весь день".

Пачо не так уж бодр: "Почти все мы больны. Ночью несколько раз стреляли жандармы... Проблема состоит в том, чтобы вырваться из оцепления и перебраться в место с водой".

В течение предыдущих дней армейские патрули стреляли в сторону партизан вслепую. В ночь на 16 мая отряд выскользнул из окружения на юго-запад. Той же ночью было получено известие из Гаваны, в котором говорилось, что их изоляция стала еще сильнее. Ренан был отозван из Ла-Паса, так как его въездная виза истекла, а сам он был болен. Городская сеть оказалась теперь в руках Родольфо Салданьи и нескольких неопытных людей, имевших связь с Гаваной, но не с партизанами. Начавшиеся действия партизан пробудили симпатии большинства радикальных групп оппозиции, но не было никакой возможности превратить эту обнадеживающую симпатию в форму практической помощи. Сообщение Гаваны заканчивалось странно - словами о готовности части руководства БКП присоединиться к движению. Неужели Че не вспомнил тогда о Селии Санчес и созданной ею системе поддержки Движения 26 июля - вспомогательных группах в Гаване, занимавшихся мобилизацией городского населения против диктатуры Батисты, - которую он так недооценил в свое время?

Партизаны скитались по району в течение еще недели, направляясь к месту первого лагеря в надежде встретиться с отставшим арьергардом. По пути происходили редкие встречи с местными кампесинос. Че слышал по радио, что Баррьентос назначил суд над Дебрэ: "он президент будет просить конгресс восстановить смертную казнь". Для защиты Дебрэ нанял аргентинского адвоката Рикардо Рохо, жизненный путь которого, таким образом, опять пересекся с жизнью Че. Бустос также должен был предать перед судом, тогда как Роса выпустили под

залог и он навсегда исчез из поля зрения публики.

А арестованный с раненой ногой Васкес Вианья тем временем терпел усиленные допросы. Его доставили в больницу государственной нефтяной корпорации в Камири, где он попросил сделать ему операцию без наркоза, так как он боялся сказать что-нибудь лишнее на операционном столе. После операции его перевели в казармы Чоэти. Там его допрашивал "доктор Гонсалес", который утверждал, что Васкес Вианья прикидывался па-намским журналистом, проникшим в сеть военной разведки, но был на самом деле эмиссаром Гаваны. "Гонсалес", похоже, смог убедить Хорхе подтвердить присутствие Че в Боливии, так как позже к нему в камеру явился сотрудник Министерства внутренних дел Роберто Кинтанилья, показал ему магнитофонную ленту с записью допроса и угрожал широко обнародовать признания Васкеса, если он не расскажет всего, что ему известно о городской сети и конспиративных квартирах. Взамен он предлагал Вианье имитировать бегство, а потом помочь выехать в Германию. Васкес отказался, и тогда к нему стали применять жестокие меры. Кинтанилья сломал ему обе руки, а в последующих пытках нанес еще множество телесных повреждений. Спустя несколько часов его сбросили с летящего вертолета в джунгли, и он погиб. Однако по радио сообщили, что он бежал. Че, положительно отреагировавший на первые публичные заявления арестованного партизана, надеялся на то, что Васкес действительно смог бежать и теперь получить возможность вступить в контакт с городскими сетями и сообщить им о положении партизан: "Он должен теперь присоединиться к ним или отправиться в Ла-Пас, чтобы наладить контакты".

28 мая партизаны заняли город Карагуатаренда, где пополнили свои запасы имущества первой необходимости (мука, сахар, сандалии, табак, зубные щетки), а также обзавелись автотранс- , портом. Следующие несколько дней они передвигались от одного ранчо к другому на джипах нефтяной корпорации; радиаторы автомобилей заливали, если не было воды, мочой. 30 мая они поймали в засаду патруль солдат полка полковника Кальдерона, с которым шел журналист Хосе Луис Алькасар. Солдаты бежали, оставив троих убитых и одного раненого. Затем партизаны имели еще одно столкновение с армией, но на сей раз безрезультатно. Че не мог не придать своей ежемесячной сводке событий оп- , тимистического тона. "С военной точки зрения, три вооруженных столкновения, в ходе которых враг понес потери, тогда как у нас их не было, так же как и прорывы в Пириренде и Карагуатаренде, конечно, являются успехом. Собаки были признаны бесполезными и больше не

используются в операции". Правда, отсутствие связи с Гаваной и Ла-Пасом приводит Че в отчаяние, он написал, что им нужно проявлять как можно больше терпения в вопросе вовлечения в партизанское движение крестьян, что дело Дебрэ дало им рекламу, что "моральные качества бойцов отряда находятся на высоком уровне, а это при хорошем руководстве является гарантией успеха". Тогда как "армия все еще дезорганизована, и ее методы ничуть не усовершенствовались". В заключение Че подчеркнул: "Беспокоит невозможность связаться с Вило Акуньей, несмотря на то что мы предприняли паломничество по горным хребтам. Есть признаки того, что он направился на север".

А бывшая группа тылового охранения, которой командовал Вило Акунья, отягощенная больными, имевшимися в ее рядах - а среди них был и Густаво Мачин, - не имела возможности общения с крестьянами, перепуганными репрессиями военных. В конце мая дезертировал Хулио Веласио - когда он вышел к солдатам, те почти сразу же убили его. Это заставило группу непрерывно перемещаться, проводя при этом разведку, чтобы не пропустить вероятного контакта с отрядом Че. Пинарес, который после полученной от Че взбучки работал как Геракл, совершавший свои подвиги, предпринимал дальние вылазки среди холмов и плантаций в поисках провизии. 1 июня он отправился в очередной поход. Спустя два часа Акунья услышал стрельбу, а еще через некоторое время узнал, что Пинарес и боливиец Касильдо Кон-дори попали в армейскую засаду и погибли.

В начале июня Че продолжал движение, старательно уклоняясь от столкновений с армией. Из-за холодного атмосферного фронта температура по ночам сильно падала. Продовольствия и воды все также не хватало, и партизаны были вынуждены наполнять фляги соленой водой. При всех этих обстоятельствах Че все же не терял чувства юмора и сказал Пачо: "Тощий, бородатый, я напоминаю своим видом святого Лазаря". 6 июня они снова подошли к Рио-Гранде и узнали о том, в округе появлялись все новые и новые армейские патрули. В эту ночь Че проводил со своими бойцами урок истории и учил их играть в шахматы.

10 июня, когда главная группа была занята постройкой плота, у дозорных произошло столкновение с армейским патрулем.

Судя по всему, дело было в том, что наши люди шли, не принимая должных мер предосторожности, и были замечены. Жандармы начали, как обычно, палить вокруг, и Вильe-гас на самом деле это был Пачо и Коко, которым понево-; пришлось стрелять, выдали свою позицию. Мы решили ставаться на месте и

выйти завтра. Положение было не-колько неудобным: если бы они решили атаковать всеми нами, то, в лучшем случае, нам пришлось бы без воды пересечь крутые скалистые горы".

Пачо и Ко застрелили одного из солдат капитана Рико Торо, тяжело ранили другого, а третьего - слегка. Рико утверждал, что убил четырех партизан. Засада оказалась не очень-то результативной, и отряд Че двинулся дальше, на сей раз к реке Росита.

13 июня Че написал: "Очаровательное явление - политические волнения в этой стране, все охватывающая путаница договоров и контрдоговоров. Нечасто бывает так ясно видно, что партизанская активность может являться катализатором для революции". Сообщения из Гаваны продолжали поступать (хотя Фидель и не имел представления о том, получают ли их партизаны) и, казалось, подтверждали, что партизаны могли бы стать знаменосцами оппозиции военному правительству. Хуан Лечин находился в I Чили и собирался перебраться в Боливию, и даже умеренный Виктор Пас Эстенсоро, бывший президент, находившийся в изгнании, готовился к военным действиям. В сообщениях из Гаваны была и информация насчет реорганизации Национально-освободительной армии Перу, в которой было пять человек, обеспечивавших военную подготовку кадров, и пропагандистская группа, работавшая в Лиме.

14 июня Че озаглавил свою дневниковую запись именем дочери, Селита (маленькая Селия), цифрой 4, сопровождаемой вопросительным знаком, - словно задавал себе вопрос, действительно ли девочке исполнилось четыре года. Очень похоже на то.

А заканчивалась запись словами, обращенными к себе самому. "Мне исполнилось 39 лет, годы безвозвратно бегут, и поневоле задумаешься над своим партизанским будущим. Но пока что я в форме". Эту "форму" он поддерживал в те дни благодаря одной лишь I силе воли и несгибаемому духу революционера, невзирая нЯ голод, навалившиеся кишечные недуги и приступы астмы. Нельзя не вспомнить высказывания его альтерэго, персонажа из рассказа Хулио Кортасара "Примирение": "Астма - моя возлюбленная; она научила меня полностью использовать ночь".

Еще несколько дней партизаны шли по берегу реки РоситыИ Их скудные запасы провизии подходили к концу, а крестьяне по пути не попадались. Лишь спустя четыре дня удалось найти небольшую деревушку, где обитало с десяток семей кампесинос. "За жителями нужно охотиться, чтобы поговорить с ними, они ведут себя, словно зверьки. В общемто они встретили нас

приветливо, но Калихто, которого назначила мэром военная комиссия, побывавшая здесь месяц назад, держался настороженно и очень неохотно соглашался продавать нам всякие мелочи".

Партизан насторожило поведение троих вооруженных крестьян, называвшихся торговцами свиньями. Один из жителей деревни помог разоблачить их, сказав, что это полицейский лейтенант, пограничник и учитель, собиравшие сведения о мятежниках. "Мы сначала хотели убить их, но потом я решил вернуть их армии и передать с ними строгое предупреждение насчет правил ведения войны".

В этой деревне Че после длительного перерыва занялся врачеванием зубов. "По истечении двух дней сплошных удалений, благодаря которым я прославился в Чако под именем Фернандо-зубодера, я закрыл мою операционную, и под конец дня мы вышли из деревни и удалились от нее на час пути". Пребывание отряда в деревне нашло отражение в нескольких фотографиях. Был сфотографирован и Че: перед соломенной хижиной он заглядывает в рот перепуганному пациенту, которого поддерживает ассистент, а со стороны за происходящим наблюдают трое-четверо зрителей.

Были и хорошие новости: "Я впервые за эту войну ехал на муле". Че снова обзавелся верховым животным. На фотоснимке он, с неизменной сигарой, улыбается, а на переднем плане - голова мула.

Когда партизаны уходили из деревни, то захватили с собой одного из ее жителей. По-видимому, это был пленник. На самом деле этот двадцатилетний крестьянин, которого звали Паулино Байгорриа, сам вызвался присоединиться к партизанам. Именно он помог раскрыть полицейских шпионов. "Паулино обещал доставить мое сообщение в Кочабамбу. Ему дадут письмо для жены Коко, шифровку для Гаваны и четыре сводки событий". В четвертой сводке Национально-освободительная армия опровергала появившееся в средствах массовой информации сообщение о смерти Инти. Там также говорилось:

"Что касается слухов о присутствии гипотетических бойцов из других латиноамериканских стран, то ради соображений безопасности и согласно нашему собственному кодексу революционной правды мы не назовем никаких имен, но при этом ясно дадим понять, что любой гражданин, согласный с нашей программой-минимумом и способствующий освобождению Боливии, сможет влиться в наши ряды с теми же правами и обязанностями, какие имеют боливийские повстанцы, составляющие, естественно, подавляющее большинство участников движения".

Паулино был по пути схвачен армейским патрулем, подвергнут допросам и пыткам в Сайта-Крусе, потом переведен в Ла-Пас и, после отказа сообщить кому предназначались найденные при нем послания, заключен в тюрьму.

24 июня, в День святого Иоанна-Крестителя, Че слышал по радио о бойне, учиненной правительственными войсками в шахтерском регионе. Шахтеры, представлявшие собой одну из немногих организованных социальных групп в боливийском обществе, которыми Че восхищался еще во время своей первой поездки по Латинской Америке в пятидесятых годах, постоянно сопротивлялись режиму военной хунты и подвергались столь же постоянным репрессиям с ее стороны. За два года до этих событий им даже на 40 процентов урезали заработную плату. В начале лета 1967 года находившаяся в то время в подполье Объединенная федерация профсоюзов боливийских шахтеров провела свой конгресс. Еще раньше шахтеры из Катави приняли решение пожертвовать дневной заработок на лекарства для партизан. Конгресс Объединенной федерации поддержал это решение. Во время празднования Дня святого Иоанна армейские подразделения напали на лагеря шахтеров. Цель акции была совершенно очевидной: дать другим профсоюзам четкое представление о том, что их ожидает в том случае, если они тоже пожелают оказать поддержку партизанам. На шахте солдаты расстреляли беззащитных мужчин, женщин и детей; всего погибло восемьдесят семь человек. Это массовое убийство получило известность под названием "резня святого Иоанна". Че следил за событиями по передачам аргентинского радио. Сам он не имел никакой возможности вмешаться в ход происходивших событий, так как не мог прийти со своим отрядом в зону конфликта, не мог установить контакт с городской организацией, не обладал полной и достоверной информацией для оценки ситуации и не желал лишиться ни единого человека, поставив все в зависимость от возможности партизан добиться увеличения своей военной мощи. Несколькими днями позже правительство обвинило партизан в том, что те якобы подтолкнули шахтеров на восстание.

Начиная с 23 июня Че стал особенно сильно мучиться от астмы. "Астма представляет собой серьезную опасность, а лекарств в запасе осталось немного". В течение всех лет, проведенных на Кубе, ему удавалось, как правило, справляться с болезнью, но теперь, когда партизаны лишились части своего запаса медикаментов в результате захвата армией базового лагеря, он оказался практически беззащитен. К концу июня приступы стали очень сильными. "Моя астма все усиливается и не

дает мне нормально спать". Когда он не мог ночью заснуть и задыхался от нехватки воздуха, то с силой наваливался на ствол дерева, чтобы таким образом помочь движению грудной клетки, или же просил Тамайо или Карлоса Коэльо сделать ему массаж. Во время одного из таких сеансов массажа Тамайо спросил:

"- Разве астма это не психологическая проблема?

- Да, я знаю, что это психологическая проблема, и поэтому пользуюсь маленьким ингалятором. Если я выброшу ингалятор, потому что астма это просто психология, то моя астма станет сильнее".

26 июня партизаны из засады убили четверых солдат, но на сей раз вместо бегства подразделение боливийской армии перешло в наступление, попытавшись обойти противника с фланга. Прежде чем Че успел приказать отступить, двое партизан получили ранения. "Вильегас был ранен в ногу, а Коэльо в живот. Мы быстро доставили их в дом, чтобы оказать помощь всеми средствами, которыми располагали. Вильегас имел поверхностную рану, и лишь временный недостаток подвижности будет представлять для нас головную боль. У Коэльо раздроблена печень и пробиты внутренности". Че отказался оперировать своих старых товарищей, поручив операцию доктору де ла Педрахе, а сам лишь держал лампу, освещавшую операционное поле. В разгар операции, когда хирург сшивал Коэльо толстую кишку, Тамайо понял, что его друг мертв.

"В его лице я потерял товарища, вместе с которым неразлучно провел все эти годы, чья преданность имела бесчисленное количество подтверждений. Его потерю я ощущаю, словно потерю своего ребенка. Когда его ранило, он попросил, чтобы мне отдали его часы; их сняли не сразу, а после оказания самой первой помощи, потом отдали Рене, который вручил их мне. Выяснилось, что он хотел, чтобы часы передали сыну, которого он ни разу не видел, как я делал это с часами многих других погибших товарищей. Я буду носить их сам, пока идет война. Мы погрузили его тело на лошадь и отвезли подальше, чтобы похоронить там".

Отряд, у которого теперь было девять лошадей, двинулся в путь. Че потерял троих человек, своих старых, испытанных товарищей: Суареса Гайоля, Сан-Луиса, и вот теперь - Коэльо. Он не знал, что Пинарес и Васкес Вианья тоже мертвы. "Черный День для меня".

И еще несколько дней партизаны продолжали поиски своей ставшей группы тылового охранения. 29 июня. Я поговорил с бойцами, которых осталось теперь 24 человека. Снова привел в пример Китайца Чанга в качестве образца. Я разъяснил значение понесенных нами потерь, а также рассказал, кем для меня был

Коэльо - я относился к нему почти как к сыну, - и потому его гибель явилась для меня личной потерей. Я критиковал себя за недостаточную самодисциплину, за слишком неторопливый темп переходов и обещал разработать новые идеи, чтобы не нести в будущих засадах бесполезных потерь, никоим образом не связанных с ходом операции".

К концу июня Уолтер Ростоу вновь информировал Джонсона о событиях в Боливии. Ростоу сделал совершенно верное предположение: когда партизаны были обнаружены, они еще не успели завершить период военной подготовки, В том же документе он указал на серьезные недостатки в действиях боливийской армии. Ростоу сообщал об отсутствии координации в действиях командования, низкой квалификации руководителей, слабой обученности и отсутствии дисциплины у личного состава боливийских вооруженных сил. Он также указал на то, что американские советники занимались специальной подготовкой полка из состава боливийской армии и что правительства США и Аргентины оказывают материальную помощь режиму. Но боливийскому правительству, судя по всему, этого казалось недостаточно, и его посол 1 в Вашингтоне Хулио Санхинес одолевал власти Соединенных Штатов просьбами о помощи в подготовке операции по обнаружению и уничтожению партизан.

В сводке событий за июнь Че перечислил главные проблемы, с которыми сталкивались партизаны: это постепенная утрата людей, причем каждая потеря является серьезным ударом, хотя и армия и не знает о них, и отсутствие контакта с арьергардной группой. Че не знал о том, что группа Акуньи вновь и вновь предпринимала попытки связаться с основными силами отряда. Выбравшись из наиболее опасной зоны, группа один два раза в неделю совершала разведки в районе реки Юке, где, судя по всему, также находилось одно из заранее обусловленных мест встречи. Любопытно, что Че, кажется, утратил способность широкого видения политической ситуации; в частности, ему не казалась серьезной проблемой неспособность партизан объединиться с набиравшим размах общенародным движением противодействия военной хунте. Че воспринимал важность военных : действий своего крохотного отряда из двадцати четырех человек(среди которых был раненый Вильегас, на некоторое время лишившийся способности нормально передвигаться) с точки зрения, которую он обрел в ходе партизанской войны.

В этом проекте, который зародился при иных политических обстоятельствах, оформлялся в условиях разногласий и невыполнения обещаний, начался преждевременно и с самых

первых шагов лишился всех своих городских и международных связей, и вначале все указывало на предстоящую катастрофу. Тем не менее к тому времени люди Че нанесли армии уже десять поражений, "легенда о партизанах распространялась, как пламя в сухой траве; мы теперь стали неукротимыми суперменами".

"Наши первоочередные задачи состоят в том, чтобы восстановить контакт с Ла-Пасом, возобновить свои запасы военного снаряжения и медикаментов, а также добиться присоединения 50-100 человек из города". Че думал о городском подкреплении, так как крестьяне, совершенно явно, все еще не выказывали желания присоединиться к партизанам. "Это порочный круг - чтобы получить необходимых новобранцев, мы должны вести как можно более активные действия в населенной зоне, а для этого нам необходимо иметь больше народу". А в заключение прозвучала тревожная нота. "Военные действия армии до сих пор дают нулевой эффект, зато она ведет работу среди кампесинос - факт, который мы не имеем права игнорировать, так как в результате этой работы все члены общества превращаются в осведомителей - или из страха, или из-за того, что их обманывают относительно наших целей".

Спустя несколько дней Гавана передала по радио очередное сообщение, которое, казалось, дало Че ответ на часть поставленных им перед собою вопросов. Правда, он, судя по всему, очень сильно переживал из-за того, что не мог прокомментировать и уточнить что-то в полученном тексте. Родольфо через посредника, который постоянно курсировал на Кубу и обратно, сообщал ему о возможности создания второго фронта. Гавана также подтвердила, что на Кубе проходит обучение группа боливийских студентов. Но эти хорошие новости не могли возместить катастрофического положения со связью: после того как Монлеон выехал из Ла-Паса, подпольщики этого города лишились контактов не только с Че, но и с Гаваной.

А тем временем вице-президент Боливии Овандо решил усилить давление на Соединенные Штаты, чтобы добиться у них расширения оказываемой помощи. Для этого он обнародовал информацию о том, что Че находился в Боливии, подкрепив это Утверждение показаниями Дебрэ о том, что он в марте взял интервью у Че в лагере Ньянкауасу. "Кроме того, Овандо сообщил, чго армии противостоят прекрасно обученные партизаны, чьи опытные вьетконговские командиры в свое время громили во Вьетнаме первоклассные американские полки". Правда, в это же время "ентство Ассошиэйтед Пресс опубликовало телеграмму, в которой утверждалось, что Че скончался на Кубе, а заявления о его присутствии в Боливии были предназначены для

стимулирования партизанского движения. Телеграмма, судя по всему, была рассчитана на то, что кубинское правительство в ответ на нее раскроет истинное местонахождение Че. А высказывания Овандо поддержал и генерал Баррьентос, который "провел пресс-конференцию, на которой признал мое присутствие, но сказал, что я буду ликвидирован в течение нескольких дней. Он изверг обычный свой поток бессмыслицы, обзывая нас крысами и змеями, и подтвердил свое уже высказывавшееся намерение жестоко покарать Дебрэ".

В первые дни июля ядро отряда Че продолжало движение. Нога Вильегаса медленно заживала, а сам командир продолжал страдать от астмы. 6 июля Че организовал смелую операцию -он направил группу во главе с Коко Передо и Пачо захватить город Самайпату.

"На операцию были направлены Мартинес Тамайо, Коко, Пачо, Анисето, Марио Гутьеррес и Хуан Пабло Чанг, Китаец. Они остановили грузовик, двигавшийся со стороны Сайта- Круса; ничего не случилось, но второй, следовавший сзади, тоже остановился из солидарности, так что они были вынуждены задержать и его тоже. Затем началась борьба с дамой, ехавшей в грузовике, которая не желала, чтобы из машины высадили ее дочь, потом остановился третий грузовик, чтобы посмотреть на происходящее, а потом из-за общего беспорядка остановился четвертый, и дорога оказалась перекрыта. Скоро во всем разобрались, четыре автомашины стояли рядком вдоль дороги, и когда армейский патруль поинтересовался происходящим, один из водителей объяснил, что они остановились передохнуть. Наши люди уехали в грузовике, добрались до Самайпаты, захватили двоих вооруженных полицейских, лейтенанта Вакафлора, командовавшего постом, потом сержанта, который сообщил пароль, и с быстротой молнии захватили пост, на котором находились десять человек".

В ходе непродолжительной перестрелки Коко убил солдата. Одновременно произошел случайный перебой в подаче электроэнергии; армейские командиры потом были уверены, что партизанам помог кто-то из местных жителей. Взятые в плен солдаты были оставлены голыми в километре от города. Все события происходили на глазах жителей города и множества проезжих, так что известия о них разлетелись, как искры от пламени.

На фотоснимке, сделанном около Самайпатии, Че, рассматривающий что-то на земле, стоит на коленях, окруженный кампесинос. У него на голове новая кепка, в которой он напоминает русского революционера девятнадцатого века, но это

неправильно. В соответствии с законами иконографии Гевара должен быть в берете.

"Что касается пополнения запасов, то операция оказалась неудачной. Эль-Чино не позволил Пачо и Марио Гутьерресу чего-нибудь награбить, но и сам не купил ничего полезного, в том числе и лекарств, которые мне так нужны. Но удалось добыть кое-что совершенно необходимое для партизан. К двум часам мы уже возвращались с добычей". Согласно дневнику Пачо, Че забыл сказать о том, что был совершенно счастлив, жуя печенье и попивая пепси-колу.

В один из ближайших дней, когда пресса шумела о неэффективности военного кордона, мелькнуло сообщение о наличии среди партизан вьетконговского полковника. Речь шла о Хуане Пабло Чанге. Перуанец, среди отдаленных предков которого были китайцы, и понятия не имел о том, в кого его превратили газетчики.{34}

50. Истребление арьегарда

В течение второй недели июля 1967 года передвижение партизан Че осуществлялось весьма неторопливо. Но за этим внешним спокойствием скрывался тот факт, что армия была в состоянии четко проследить их южный маршрут.

Для майора Гевары главным врагом была болезнь. “Моя астма усиливается, — написал он 7 июля, а на следующий день добавил: — я несколько раз делал себе уколы и в конце концов использовал 0,9-процентный раствор глазных капель. Если Паулино не выполнил своего задания, мы должны будем возвратиться в Ньянкауасу, чтобы поискать лекарство от моей астмы”.

Тем временем начался суд над Сиро Бустосом и Режи Дебрэ. Намерение боливийского правительства любой ценой добиться их осуждения послужило причиной трений с некоторыми из армейских офицеров, такими как майор Рубен Санчес, согласившийся выступить свидетелем со стороны защиты. Военный министр Альфредо Овандо вызвал его к себе; состоялась следующая беседа:

“— Надеюсь, что вы дадите подходящие показания?

— Что значит “подходящие”? — спросил я. — Я скажу правду: я не видел Дебрэ в бою.

— Посетите президента Баррьентоса. Президент схватился за голову:

— Из-за вас вооруженные силы будут выглядеть очень плохо.

— Я единственный, кто может спасти честь вооруженных сил, — ответил я Баррьентосу, — потому что этот суд — пародия, в которой все офицеры лгут, а я собираюсь говорить правду”.

Че так прокомментировал публичные заявление Дебрэ и Бустоса, сделанные в ходе процесса: “Они неудачны; прежде всего они признались в межконтинентальных целях партизан, чего не должны были делать”.

Партизаны тем временем скитались по необитаемой области, в которой даже не проводили предварительной разведки. Че был серьезно болен. Перед отрядом стояла вполне реальная угроза того, что те немногие кампесинос, с которыми они встречались, в погоне за обещанной наградой “50 миллионов песо тому, кто поймает партизана Эрнесто Че Гевару, мертвого или живого, предпочтительно живого”, могли донести о них армии.

Распространяемые листовки с подобными объявлениями и утверждения Баррьентоса о том, что предводителем партизан является Че, стали причиной разногласий, возникших между

боливийским президентом и послом США Хендерсоном. Последний настаивал на том, что свидетельства присутствия Че были дезинформацией и что Че, даже если он и побывал в Боливии, то к настоящему времени уже покинул ее пределы. Баррьентос публично возражал послу, делая в прессе заявления о том, что партизанская проблема останется актуальной еще на некоторое время.

На боливийского президента также оказывали давление и мелкие партии, образующие правительственную коалицию. 14 июля Че записал по этому поводу: “ПРП Подлинная революционная партия и НРД Националистическое революционное движение отказались от своей оппозиции к революции, и кампесинос предупреждают Баррьентоса против союза с Фалангой. Правительство быстро разваливается. Просто позор не иметь в такой момент еще 100 человек”.

И в таких обстоятельствах правительство объявило о начале “Операции Синтия” (так звали дочь Баррьентоса), намереваясь покончить с партизанами в течение нескольких часов. Согласно плану операции, дивизия № 4, в зоне действий которой находилась территория между районом Ньянкауасу и Рио-Гранде, должна была окружить партизан. Правда, из этого ничего не вышло. В кольце оказался только воздух; армия гонялась за тенями, натыкаясь на ложные лагеря.

Правительственный кризис усиливался:

“Политические новости сообщают о глубоком кризисе, окончания которого не предвидится. На сегодня союзы сельскохозяйственных рабочих в Кочабамбе сформировали политическую партию “христианского духа”, поддерживающую Баррьентоса, а последний просил, чтобы они “позволили ему управлять в течение четырех лет”. Он почти умолял. Силес Салинас угрожал оппозиции, говорил, что наш приход к власти будет стоить им всем головы, призывал к национальному единству и заявлял, что страна находится на военном положении. С одной стороны, это похоже на уговоры, и на демагогию — с другой; возможно, они готовят замены”.

Че оказался прав. 17 июля Баррьентос, поддерживаемый двумя небольшими партиями, ПРП и НРД, объявил о роспуске кабинета. Казалось, что он хотел принять меры для создания более широкой коалиции.

27 июля партизаны возвратились в тот район, где они похоронили Карлоса Коэльо. Несколько встретившихся по дороге кампесинос предупредили их о том, что неделю назад здесь прошла армия. Одна из последних фотографий Че была сделана в деревне под названием Техерия. Как это часто бывало, рядом с

ним находилось животное. Че сфотографирован с мулом; он держит уздечку и курит огромную сигару, глядя в камеру из-под козырька фуражки, почти что прикрывающего его глаза. У мула, запечатленного в профиль, очень серьезный вид. Че улыбается, хотя ему вовсе не хорошо: в то время он не мог есть. “Астма очень сильно угнетает меня, а жалкие запасы транквилизаторов подходят к концу”. Настроение у него немного улучшилось после передачи “Радио Гаваны”, в которой “Рауль отвечал на чехословацкую критику по поводу статьи о Вьетнаме. Эти друзья называют меня современным Бакуниным и оплакивают кровь, которая уже была пролита и которая может пролиться, если возникнут еще три или четыре Вьетнама”.

В другом сообщении его ставили в известность о том, что Куба все же должна была послать в Ла-Пас еще одного агента, хотя замена для Ренана уже была подготовлена — “кубинец, сражавшийся в Сьерре, с хорошим послужным списком”. Родольфо Салданья в Ла-Пасе по предложению кубинцев прекратил работы по созданию второго очага партизанского движения; предполагалось, что он сосредоточился на организации связи с Че. Тем временем в Гаване группа боливийцев, проходивших военную подготовку, насчитывала уже двадцать три человека, представлявших несколько боливийских левых групп, включая коммунистическую партию.

26 июля, в годовщину штурма казармы Монкада, Че, все так же страдавший от астмы, провел с группой небольшую беседу о значении Кубинской революции: “восстание против олигархии и против революционной догмы”. Он не знал, что его маршрут на юг был уже прослежен армией, которая перебросила по воздуху в эту зону группу Тринидада. Несколько часов спустя в засаду, устроенную Че, попалось несколько солдат: “Это произошло примерно так: на гребне появились восемь солдат, направлявшихся на юг; они прошли немного по старому следу, а потом повернули обратно, постреливая из реактивного миномета и размахивая тряпкой. Вскоре они возвратились, и все восемь попались в засаду; четверо были убиты. Мы отступили, не подобрав их оружия и снаряжения, так как уцелеть было непросто. Мы ушли вниз по реке. Была еще одна засада, сразу же после того, как мы пересекли небольшой каньон, лошади прошли настолько далеко, насколько вел след”.

Еще через три дня в 4.30 утра — Че из-за астмы провел эту ночь без сна — солдаты из полка Тринидада снова столкнулись с партизанами. “Когда де ла Педраха готовил кофе, то вдруг сказал, что заметил свет фонаря за рекой. Мануэль Эрнандес, который не спал и готовился заступить в караул, отправился

вместе с де ла Педрахой, чтобы остановить гуляющих. “Стой, кто идет?” Это оказался патруль Тринидада.

“Началась перестрелка. Мануэль Эрнандес сразу же забрал “М-1” и пояс с патронами у раненого, а также сообщил новости о том, что 21 человек находился в пути к Абапо, а еще 150 — в Мороко. В армейских частях были еще потери, которые не слишком аккуратно подсчитывали среди царившего хаоса. Потребовалось много времени, чтобы навьючить лошадей, а Реституто с топором и минометом, который захватил у врага, потерялся. Уже было почти 6 часов, и даже больше; много времени было потрачено впустую, так как часть вьюков свалилась на землю. Конечным результатом оказалось то, что в самых последних столкновениях мы попадали под огонь мальчишек-солдат, которые становились все смелее.

Я поторопил людей и снова отправился вместе с Вильегасом под огнем через речной каньон, где след заканчивался, и мы наконец заняли позицию. Я послал Мануэля Эрнандеса и Коко с Марио Гутьерресом взять на себя инициативу, пока я пришпоривал лошадей”.

Во время переправы через реку лошадь Че поскользнулась и упала, но Коко, Марио Гутьеррес и Мануэль Эрнандес мгновенно прикрыли его огнем, чтобы не дать противнику открыть по упавшему массированную стрельбу. Среди солдат раздались крики: “Мы взяли его!”

Двенадцать человек остались, чтобы прикрыть отступление, пока партизаны в течение непростительно долгих часов перебирались от позиции к позиции. Под конец Мартинес Тамайо, Рауль Киспайя, Пачо Фернандес Монтес де Ока, Симон Куба, Хаиме Арана и Анисето Рейнага подверглись ожесточенному обстрелу. Раулю пуля попала в рот, и он мгновенно умер, а Мартинес Тамайо и Пачо получили ранения. Но двое последних в течение двух часов не позволяли армейскому подразделению сдвинуться с места.

“После трудного перехода через горы они добрались до реки и присоединились к нам. Пачо ехал верхом, но Мартинес Тамайо не мог ехать, его пришлось нести в гамаке. Я послал Мануэля Эрнандеса, Франсиско Уанка, Давида Адриасолу, Коко и Анисето на охрану прохода вдоль первого ручья, на правом берегу, а мы тем временем занялись ранеными. Пачо получил поверхностную рану, рассекшую бедро и содравшую кожу с мошонки, а вот Мартинес Тамайо был очень серьезно ранен, а наш последний запас плазмы был потерян вместе с рюкзаком Симона. Мартинес Тамайо умер в 22. 00, и мы похоронили его около реки в хорошо укрытом месте, так что жандармы не найдут его”.

Потери армии в этом столкновении составили три человека убитыми и пять раненых. А партизаны, в свою очередь, лишились поврежденного радиопередатчика и магнитофона, с помощью которого они записывали и расшифровывали передачи из Гаваны. С этих пор им стало очень трудно понимать, что им сообщали из Гаваны, и они оказались в очень значительной степени зависимы от коммерческого радио, по которому узнавали о том, что происходит во внешнем мире. Они также потеряли одиннадцать рюкзаков, лекарства и книги (одну книгу Троцкого, а другую — Дебрэ с рукописными пометками Че).

Партизаны отступили, затирая за собой следы. Запись Че о двоих утраченных товарищах была, как обычно, весьма сухой:

“Что касается наших погибших, то почти невозможно внести в список склонного к самосозерцанию Рауля. Он не был таким уж бойцом или тружеником, но можно сказать, что он всегда интересовался политическими проблемами, хотя никогда не задавал вопросов. Мартинес Тамайо был самым недисциплинированным из кубинцев и наименее расположенным к ежедневным жертвам, но был выдающимся бойцом и старым товарищем по оружию, начиная с первой неудачи Масетти, затем в Конго и теперь здесь. Это очень чувствительная потеря. Нас осталось 22, среди них двое раненых — Пачо и Вильегас — и я, с моей стремительно усиливающейся астмой”.

Ежемесячная сводка новостей, составленная Че в июле, была также выдержана в очень холодном тоне, но он снова упомянул об изоляции как, скорее, о проблеме организации сети Ла-Пас — Гавана, чем о проблеме политической. Как ни странно, именно в это время три наиболее заметных левых группы в Боливии (БКП, прокитайская коммунистическая группа во главе с Саморой и троцкистская ПОР, которой руководил Лора), несмотря на все свои различия, объявили о своей поддержке партизанского движения и согласились на то, что их члены могли в индивидуальном порядке присоединяться к партизанам. Причиной этого явился энтузиазм, возникший после военных успехов партизан и репрессивной ответной реакции хунты.

Истинной реальностью было то, что за пределами страны легенда о партизанах разрослась до общеконтинентальных размеров: “Онганиа закрывает границы[21], а в Перу сохраняется состояние повышенной боевой готовности”. Но снаружи не было видно слабости групп, их потерь, отрыва от арьергарда, нежелания кампесинос присоединяться к партизанам.

Че также дал оценку зрелости боевой группы: “нравственный и боевой опыт партизан совершенствуется с каждым боевым столкновением, Орландо Хименес и Хаиме Арана все еще

слабоваты” и неравноценность армейских сил: они “все еще не научились попадать в цель, но есть подразделения, которые кажутся более боеспособными”.

Но теперь перед группой возникла новая важнейшая задача, отодвинувшая на второй план и восстановление контакта с внешним миром, и вербовку новых бойцов: возникла настоятельная необходимость вернуться в пещеры на старую базу, чтобы возобновить запас медикаментов и снаряжения, утраченных во время последней стычки, а также и лекарств от астмы. “Астма плохо сказывается на мне, а я использовал последнюю дозу противоастматической инъекции. У меня остался только запас таблеток на десять дней”.

Раненым становилось лучше. 3 августа Че записал в дневнике: “Мы медленно продвигаемся вперед. Нет никаких новостей. Пачо поправляется хорошо. Мне, с другой стороны, становится все хуже. И день и ночь оказались для меня очень тяжелыми, и я не вижу в ближайшей перспективе никакого выхода из этого состояния. Я попробовал сделать внутривенную инъекцию новокаина — без малейшего эффекта”. Пачо: “Че перестал есть, съел только кучку зерна, как лошадь; он очень плох от болезни, которая усиливается с каждым днем, несмотря на уколы”. Еще через два дня Че написал: “Моя астма совершенно безжалостна. Несмотря на все мое нежелание разделяться, я был вынужден выслать группу вперед. Добровольцами вызвались Дариэль Аларкон и Марио Гутьеррес”.

И в довершение всех бед на следующий день при подъеме на холм Че сбросила лошадь. Он лежал на земле, запутавшись в стремени, и не мог дышать из-за мучительного приступа астмы. Несмотря на опасность, он не мог откладывать решение. 7 августа: “Моя астма все в таком же состоянии, но лекарство кончается. Завтра я приму решение по поводу отправки группы на реку Ньянкауасу. Сегодня исполнилось ровно девять месяцев с момента нашего прибытия и создания партизанской группы. Из первых шести человек двое мертвы Мартинес Тамайо и Коэльо, один потерялся Васкес Вианья к тому времени тоже погиб, но Че не знал об этом и двое раненых Пачо и Вильегас. И еще есть я, с астмой, с которой не могу справиться”. Очевидно, что Че, обычно стоически переносивший любые трудности, был в это время очень плох.

Примерно в это же время президент США Линдон Джонсон получил меморандум ЦРУ, в котором оценивалось положение партизан. В документе утверждалось, что в Боливии действовала группа, состоявшая из примерно ста человек, преимущественно боливийцев, при участии нескольких кубинцев. Эта группа была

хорошо обучена и дисциплинированна, имела лучшее руководство и оснащение, чем плохо обученная и организованная боливийская армия. В отношении участия Че в действиях партизан все еще преобладало скептическое отношение, поскольку аналитики ЦРУ рассматривали достоверность единственных источников сведений о его присутствии (Дебрэ и Бустос) как весьма сомнительную, а собственной информацией о присутствии Че в Боливии они не располагали. Руководство ЦРУ продолжало считать, что Че умер на Кубе.

Из меморандума было видно, что поведение боливийских союзников вызывало недовольство правительства Соединенных Штатов. Особенно их раздражал собственной персоной президент Баррьентос, единственная стратегия которого состояла в том, чтобы добыть у американцев как можно больше военного снаряжения. Американские аналитики критически относились также и к боливийским вооруженным силам. Солдаты постоянно демонстрировали свою неумелость, агрессивно вели себя по отношению к гражданскому населению, терроризировали горожан, приставали к женщинам и в целом производили крайне неблагоприятное впечатление, в отличие от хорошо дисциплинированных партизан. Документ утверждал, что ничего из имеющихся данных не говорило о возможности скорого разрешения партизанской проблемы.

Неделей раньше в аэропорту Ла-Паса высадилась новая группа агентов ЦРУ. Ее возглавлял Феликс Родригес, кубинский эмигрант, принимавший участие в грязной войне против Кубы и в боевых действиях во Вьетнаме. Им предстояло работать непосредственно с боливийской военной разведкой, используя боливийское военное обмундирование и документы.

8 августа Че провел со своими людьми критический разбор ситуации:

“Я собрал всех вместе и сделал резкие заявления: мы находимся в трудном положении. Пачо поправляется, зато я превратился в человеческую развалину, и эпизод с кобылкой в припадке отчаяния он ударил ее ножом в шею показывает, что я время от времени теряю контроль над собой. Положение изменится, но все мы должны преодолеть сложившуюся ситуацию, и тот, кто не чувствует себя способным к этому, должен об этом сказать. Сейчас одно из тех времен, когда принимаются крупные решения. Этот способ борьбы дает нам возможность стать революционерами — высший ранг в человеческой иерархии, но также позволяет нам получить степень людей. Те, кто не может достичь хоть одного из двух этих состояний, должны сказать об этом и выйти из борьбы.

Все кубинцы и некоторые из боливийцев решили держаться до конца”.

Некоторые из партизан принялись ругать всякие мелочи, Че вмешался снова.

“Я прекратил обсуждение, сказав, что здесь зашли дебаты о двух вещах совершенно разного порядка: одна — хотят или не хотят люди продолжать борьбу, а другая — ссоры и проблемы внутри группы, которые умаляют величие главных решений”.

В то время партизаны медленно, с трудом прорубали себе путь через джунгли, покрывавшие горные хребты, убивая лошадей для еды. По радио они услышали о том, что один из партизан Вило Акуньи, Антонио Хименес, был убит при попытке пробиться сквозь армейский кордон. После гибели Антонио на стенах домов его родного города Тараты появилось множество восхвалявших его надписей. За этой акцией последовали серьезные репрессии со стороны властей. Партизаны вызывали большие симпатии у населения, но не могли извлечь из них пользу: зона их политического влияния находилась слишком далеко от географической зоны их действий.

13 августа Че, под сильным нажимом со стороны Инти и Пачо, согласился наконец послать в район Ньянкауасу группу за медикаментами, сложенными в одной из пещер. “Пачо быстро поправляется, тогда как моя астма становится все хуже. Со вчерашнего дня я принимаю по 3 таблетки в день. Нога, которую я повредил, пожалуй, лучше”.

Че не мог знать о событиях, которые усугубили последствия его решения отправить вперед мобильную группу. В конце июля из группы Вило Акуньи дезертировали два человека, Уго Сильва и Эусебио Тапиа. Они попали в руки солдат и были отправлены в Лагунильяс, где их допрашивали сотрудники армейской разведки и эмиссары ЦРУ. После пыток, которым их собственноручно подверг полковник Реке Теран, 10 или 11 августа Сильва привел капитана Саравию к тем самым четырем пещерам, где находились тайные склады партизан. Военные нашли боеприпасы, лекарства и очень важные документы и фотографии. В результате случайной утечки информации эта новость была опубликована газетой “Пресенсиа”, а также спустя несколько дней передана по радио. Че услышал эту передачу.

“Черный день... Ночные новости рассказали о том, как была захвачена пещера, куда направлялся наш патруль, и описание было настолько точным, что невозможно было сомневаться. Я теперь приговорен к страданию от астмы на неопределенное время. Они также захватили все наши документы и фотографии. Это самый жесткий удар, который они нанесли нам. Кто-то

“раскололся”.

К материальным потерям добавился огромный риск, которому подвергались люди, отправившиеся на поиск медикаментов.

Среди армейской добычи были фотографии; рукопись Че, посвященная латиноамериканской экономике и политике, паспорт Че, кино- и фотопленки и, конечно, лекарства от астмы. Фотография в паспорте “Бенитеса” соответствовала еще одной, попавшей в руки властей ранее. Все это было дополнительными доказательствами того, что Че, по крайней мере, побывал в Боливии.

16 августа с Че произошла еще одна неприятность: “Мул, наткнувшись на ветку, выбросил меня из седла, но все обошлось. Нога становится лучше”. Они добрались до реки Росита. Продовольствия не хватало, но они не могли охотиться из-за опасения привлечь стрельбой внимание армии. Переходы были изматывающими. 19 августа Пачо записал в дневнике: “Входная и выходная раны от пули зажили; рана между бедрами должна все же зажить. Мои яйца почти в порядке”.

Спустя неделю партизаны, несколько раз заметив солдат, устроили, наконец, засаду, но Оло Пантоха выстрелил слишком рано, и это дало противнику шанс скрыться.

“Инти и Коко отправились следом, но они нашли укрытие и удержали их в отдалении. Наблюдая за ходом преследования, я увидел, что пули с нашей стороны ложатся поблизости от Коко и Инти. Выбежав, я обнаружил, что Лусио Гальван действительно стрелял в них, так как Оло Пантоха не сказал ему, где они были. Я был настолько разъярен, что потерял контроль над собой и по-настоящему набросился на Оло”.

Армия не преследовала отступавших партизан, но не действия противника вызывали у них основное беспокойство: им было нечего есть и пить. Че записал 27 августа:

“День был потрачен на отчаянные поиски пути; результат пока что не ясен. Мы находимся поблизости от Рио-Гранде и уже миновали Юмао, но здесь, судя по донесениям, нет никаких новых переправ; мы могли бы перейти через скалу Мануэля Эрнандеса, но мулы там не пройдут. Есть возможность пересечь небольшую горную цепь и двигаться дальше к Рио-Гранде и реке Масикури, но мы до завтра не будем знать, осуществимо ли это”.

Пачо добавил: “Мы ничего не едим. Нет воды”. К счастью, группа, возглавляемая Дариэлем Аларконом, возвратилась из своего похода за медикаментами.

“Их одиссея оказалась длительной, так как в Варгасе и Юмао были солдаты, с которыми они чуть не столкнулись. Затем они

отправились следом за несколькими солдатами, направлявшимися из Саладильо в Ньянкауасу, и обнаружили, что вверх по ручью Конгри проходят три тропы, проложенные солдатами. Медвежья пещера, куда они прибыли 18-го, оказалась “антипартизанским” лагерем, в котором находилось около 150 солдат; их там чуть не поймали, но они все же смогли уйти незамеченными”.

Жажда, мучившая партизан, стала теперь хуже, чем голод. 29 августа Че в отчаянии сделал запись в своем дневнике:

“Трудный и очень тревожный день. Рубщики продвинулись совсем недалеко, а однажды пошли в неверном направлении, считая, что идут на Масикури. Мы разбили лагерь на высоте 1600 метров, в относительно глухом месте, заросшем тростником, сердцевина которого облегчает жажду. Некоторые товарищи — Хаиме Арана, Эустакио и Чанг — заметно ослабели от нехватки воды”.

Пачо записал: “Мы приготовили шесть котелков бобов из наших запасов и сварили бульон из гнилой червивой конины”.

На следующий день, 30 августа, Че писал: “Ситуация становится отчаянной. Рубщики ослабевают; Мануэль и Адриасола пили свою мочу, так же поступил и Чанг, результат был ужасен: диарея и судороги. К счастью, Тамайо и Аларкон нашли воду на дне ущелья”.

В сводке за август было написано:

“Это был, несомненно, худший месяц за все время войны. Потеря всех пещер с находившимися там документами и лекарствами стала ударом, особенно в психологическом отношении. Потеря двоих человек в конце месяца и последовавший переход на конину (повторное пересечение горного хребта Сан-Маркос) деморализовали людей и привели к первому случаю санкционированного ухода из отряда. Расставание с Орландо Хименесом было бы чистой воды выигрышем, но только не при этих обстоятельствах. Почти полное отсутствие контакта с внешним миром и с Хоакином и тот факт, что попавшие в плен участники его группы заговорили, — все это также оказало некоторое деморализующее влияние на людей. В некоторых семена сомнения оказались посеяны моей болезнью. И все это нашло отражение в единственном нашем столкновении с врагом, в ходе которого мы должны были нанести врагу значительные потери, а на самом деле ранили лишь одного человека. С другой стороны, трудный переход в горах высветил недостатки некоторых из наших людей.

Наш нравственный и революционный дух находится в глубоком упадке”.

Че не имел возможности узнать о том, что ситуация должна была стать еще хуже. 31 августа произошел случай, поставивший под серьезный вопрос возможности будущего выживания партизан. Патруль, возглавляемый капитаном Марио Варгасом Салинасом, окружил дом Онорато Рохаса, где дождались его возвращения от партизан. Кампесино был завербован армией в качестве проводника, сознался в том, что еще в марте имел контакты с Че, и согласился сотрудничать с армией. В отчаянной попытке воссоединиться с Че группа Вило Акуньи решила направиться к дому Онорато, чтобы хотя бы узнать новости. К дому пришел Густаво Мачин с разведывательной группой" и Онорато согласился отвести их к близлежащему броду. Но пока партизаны разговаривали с Онорато, в доме последнего несли стражу двое солдат, Партизаны не заметили их, ибо не стали входить в дом, так как собаки Онорато при их приближении подняли отчаянный лай.

В течение нескольких часов армейские силы были приведены в готовность. Капитан Варгас при помощи Онорато подготовил засаду. Кампесино, одетый в белую рубашку, проводил партизан к броду через Рио-Гранде, где расстался с ними, и вернулся домой. В этот момент Че со своей группой партизан находился на расстоянии всего-навсего двадцати пяти миль от места событий.

Приблизительно в 5.30 утра партизаны появились у брода Йесо. Описание последовавшей сцены принадлежит Варгасу. "Первый вошедший в воду был высоким, коренастым, темнокожим человеком с рюкзаком, как и все они, и с оружием, которого я не смог распознать. Они подошли к броду, Таня среди них.

Первый сразу же вступил в воду". В этот момент Онорато Рохас покинул сцену. Партизанскую группу, состоявшую из девяти человек, возглавлял Исраэль Рейес; в левой руке он держал автомат, а в правой — мачете. Он присел, напился из реки, а затем дал своим товарищам знак следовать за ним. И тут внезапно началась стрельба. Один лишь Исраэль успел отреагировать и застрелил одного из солдат. Вило Акунья, Густаво Мачин Оед и Моисес Гевара, убитые на месте, рухнули в поток. Фредди Маймура, медик, заметив, что Таня ранена, бросился за ней в воду и был унесен течением. Хосе Кастильо бросил оружие и был взят в плен.

Маймуре удалось вытащить тело Тани из воды. Одни источники утверждают, что он был вскоре после этого захвачен в плен, другие — что он несколько дней скитался по джунглям, но все же напоролся на солдат и был убит. Кастильо доставили в Вальегранде, где его допрашивали сотрудники военной разведки

и ЦРУ.

1 сентября Че в поисках своего отставшего арьергарда подошел вдоль ручья к дому Онорато Рохаса. С наступлением ночи партизаны “обнаружили, что дом был пуст, но к нему было пристроено несколько дополнительных навесов для солдат; теперь под ними никого не было. Мы нашли муку, сало и коз. Мы зарезали двух коз и зажарили их с мукой, устроив роскошный пир, хотя провели всю ночь, ожидая, пока они будут готовы”.

С того момента, как Вило Акунья попал в засаду, прошло всего лишь двадцать четыре часа.{35}

51. “Выбраться отсюда и найти более подходящие зоны”

2 сентября 1967 года Че узнал из радиопередачи о том, что его арьергард был уничтожен. Он сомневался в правдивости этого известия в течение трех дней, хотя различные радиостанции с каждой новой передачей приводили все большее и большее количество деталей. Потом он долго не упоминал об этом событии, вплоть до своего ежемесячного обзора событий за сентябрь, в котором сделал письменное примечание, как будто все же не хотел поверить в случившееся:

“С другой стороны, некоторые сообщения о погибших кажутся верными; их теперь следует считать ликвидированными, хотя возможно, что отколовшаяся группа заблудилась и избегает контакта с армией, поскольку сообщение о 7 убитых одним махом может быть фальшивкой или по крайней мере преувеличением”.

Когда Че наконец смирился со случившимся, он понял, что должен с остатком своей партизанской группы покинуть район. В первый день перехода, 2 сентября, группа после столкновения с одиноким солдатом продвинулась на северо-запад. В воскресенье, 3 сентября, авангард натолкнулся на дом землевладельца, где размещалось сорок человек солдат. “Возникло беспорядочное столкновение, в ходе которого наши люди убили по крайней мере одного солдата, того, что был с собакой. Солдаты спохватились, окружили их партизан, но после перебранки отступили. Мы не смогли захватить даже рисового зернышка”.

Партизаны продолжили движение, пытаясь выбраться из зоны. Повсюду, где они проходили, им попадались следы или случайные сообщения кампесинос о прохождении армейских подразделений. 4 сентября Че записал как напоминание самому себе: “Помни, что главное не потери противника, а осторожность”.

5 сентября, через пять дней после приема, партизаны сумели расшифровывать сообщение из Гаваны, Оно содержало сделанную для Че сводку результатов конференции Латиноамериканской организации солидарности (ОЛАС), большого совещания латиноамериканского масштаба, проведенного на Кубе для того, чтобы вернуться к предложению о развертывании общеконтинентальной партизанской войны. Большинство встретило с одобрением предложения Че, хотя большая часть присутствовавших промосковских коммунистов возражала (“Боливийская делегация была просто кучей дерьма. Альдо

Флорес из БКП принялся выступать как представитель от ФНО. ФНО должен был заявить, что он лжет"). В последнем абзаце сообщения говорилось о том, что доктор Лозано, член боливийской городской сети, обнаружил, что его дом подвергся обыску.

6 сентября партизаны еще раз столкнулись с армией, и снова это был патруль, возглавляемый проводниками розыскных собак. Че не был со своими людьми в течение нескольких часов, пока восемь человек лежали в засаде. Однако Мануэль Эрнандес смог провести группу в полном составе через деревню. Преследователи прошли мимо, не обнаружив партизан, но и последние не обнаружили их присутствия.

Че медленно продвигался через джунгли. Им владело ощущение, что вокруг партизан находились большие массы войск.

"Авиация не разыскивает нас здесь, несмотря даже на то, что обнаружила лагерь, а по радио сообщили о том, что руководитель группы — я. Итак, вопрос. Они испуганы? Маловероятно. Они думают, что мы не можем убежать через горы? С нашим предыдущим опытом, о котором они знают, я не думаю, что это так. Они хотят пропустить и ждать нас в каком-нибудь стратегическом пункте? Это возможно. Они считают, что мы приложим усилия для того, чтобы задержаться в зоне Масикури, и сделать запасы? Это также возможно".

Единственный канал связи партизан с внешним миром, причем односторонний, все еще представляло собой коммерческое радио; новости порой вызывали ярость у командира:

"Будапешт ежедневно критикует Че Гевару как патетическую и, по-видимому, безответственную личность и с похвалой отзывается о марксистской позиции Чилийской коммунистической партии, выражающейся в тех практических мерах, которые они предпринимали. Как бы я хотел прийти к власти, хотя бы только затем, чтобы разоблачить трусов и лакеев всех мастей, ткнуть их носами в их же собственное дерьмо".

Двумя днями позже его гнев обрушился уже на кубинское радио: "Радио Гаваны" сообщило о том, что ОЛАС получило сообщение о поддержке от ФНО. Чудеса телепатии, похоже, никогда не закончатся!"

Партизаны с большими трудностями кое-как преодолели Рио-Гранде. Че во время переправы потерял ботинки. (Ньято Мендес сделал ему нечто вроде сандалий.) Они лишились вьючных мулов и оружия; доктор Октавио де ла Педраха чувствовал себя очень плохо, а Че продолжал мучиться от астмы. Порой он целыми ночами не мог уснуть. "Я забыл сделать запись о событии:

сегодня, впервые за приблизительно шесть месяцев, я принял ванну. Шесть месяцев — это рекорд, который некоторые смогли теперь повторить". Партизаны ссорились по пустякам: из-за еды, из-за того, что кто-то из них пытался взять меньший груз. Они двигались вперед, изможденные, и при этом карабкались на все более и более неприступные склоны и переправлялись через реки. Однажды Оло Пантохо заметил пятерых человек, продвигающихся по их следам, и сказал об этом Че.

"Выяснилось, что это была галлюцинация, очень опасная вещь для настроения людей, поскольку они немедленно заговорили о сумасшествии. Я поговорил с Оло, и стало очевидно, что он не был полностью нормальным. Он горько расплакался, но отказывался признать, что хоть что-нибудь было не в порядке, и сказал, что всего лишь страдал от недосыпания, так как исполнял обязанности адъютанта в течение пяти дней после того, как заснул на посту, а потом отрицал это".

В сентябре президент Рене Баррьентос, отказавшись от всех своих прежних утверждений, в выступлении по радио подтвердил версию событий, предложенную официальным Вашингтоном. Он заявил, что Че давно мертв и утверждения о его присутствии в Боливии являются всего лишь пропагандой. Однако в тот же самый день боливийская армия предложила награду в более чем 4000 долларов США за информацию, которая позволит захватить Че живым или мертвым. Дуглас Хендерсон посмеивался над этими противоречиями, но точно такая же двусмысленность существовала и в верхних эшелонах ЦРУ и среди советников Линдона Джонсона, которые все еще не пришли к однозначному заключению по поводу того, был ли Че жив и мог ли он действовать в Боливии.

Зато никаких сомнений не имелось у полевых агентов ЦРУ, возглавляемых Феликсом Родригесом, который допросил Хосе Чавеса и изучил дневник Исраэля Рейеса, найденный после уничтожения партизанского арьергарда на броде Йесо. Эти новые данные дали возможность агентам выяснить наконец, что недавно уничтоженная группа Вило Акуньи представляла собой отставшее тыловое охранение основного партизанского отряда, который возглавлял Че. Теперь они знали, кого искали и насколько большой могла оказаться разыскиваемая группа.

15 сентября радио принесло Че новые ужасные новости. Игнасия Лойола Гусман, казначей ФНО и одна из ключевых фигур в городской сети, благодаря фотографиям, найденным в пещерах партизанского лагеря, была узнана. Ее арестовали в Ла-Пасе, и она попыталась покончить с собой, выбросившись из окна Правительственного дворца. За ее арестом последовали

студенческие демонстрации, протесты преподавателей и возмущенные обращения интеллигенции. Тогда же были арестованы или по крайней мере серьезно потревожены полицией родственники нескольких партизан. За всеми этими событиями стоял чиновник Министерства внутренних дел Антонио Аргуэдас, действовавший по рекомендациям ЦРУ. Городская сеть оказалась практически парализованной, в ней фактически остался один лишь координатор Родольфо Салданья. Он встретился с кубинским агентом, носившим конспиративную кличку Наташа, но не смог после этого вступить в контакт с партизанами.

19 сентября Че записал в дневнике: “Знамение времени: мои чернила закончились”. Спустя еще два дня, забравшись в результате перехода, занявшего всю ночь, на вершину горы, Че увидел, что указатель его высотомера ушел за пределы шкалы в 6730 футов. “Люди очень испуганы и пытаются скрыться из глаз при нашем появлении. Мы потеряли много времени из-за ограниченной подвижности”. Последние семь миль перехода того дня заняли у них четыре с половиной часа. На следующий день, 21 сентября, они достигли города Альто-Секо, приблизительно в двадцати милях к югу от Валье-Гранде. Их там приветствовали неистово лающие собаки, которые, впрочем, быстро успокоились, поняв, что партизаны не обращали на них никакого внимания. Альто-Секо это “город с одной лошадью и 50 домами, расположенный на высоте приблизительно 1900 метров. Горожане приветствовали нас, проявив примерно в равных частях опасение и любопытство”.

Инти Передо и Че провели в здании школы беседу с группой кампесинос, которые слушали их в молчании. Спустя годы один из них вспоминал, как Че сказал: “Завтра придут военные и узнают о вашем существовании и о том, как вы живете. Они построят школу и медицинскую клинику, они починят дорогу к Валье-Гранде, проведут телефон, найдут для вас воду”. Че говорил правду. Они построили школу и больницу и установили телефон. Но теперь все стало хуже. Телефон не работает, в больнице нет ни доктора, ни лекарств, а дорога превратилась в руины.

На допросе в полиции крестьяне показывали, что в партизанской группе имелось двое чернокожих, говоривших по-португальски, и что сам Че выглядел больным и истощенным.

24 сентября партизаны пришли на ранчо под названием Лома-Ларга. У Че “болела печень, его рвало, а люди измучены бесконечными переходами”. Завидев их, кампесинос разбежались, так как появлению партизан предшествовали пугающие слухи, но все же удалось узнать, что в этом районе армии не было. Еще

через два дня они добрались до города Абра-де-Пичако, в котором проходила ярмарка. Кампесино позднее вспоминали: “Дон Че ехал на муле, а за ним следовали другие животные, навьюченные продовольствием. Он провел с нами три часа, пил чичу[22], но танцевать не захотел, сказав, что очень устал. Когда он уезжал, мы не велели ему ехать в Ла-Игуэру, а направиться через горы, но он, казалось, не поверил нам и отправился вниз по ущелью Юро”.

“Когда мы прибыли в Ла-Игуэру, все шло по-другому. Все мужчины исчезли, и было только несколько женщин. Коко отправился в дом телеграфиста, где имелся телефон, и вернулся с бюллетенем, направленным от заместителя губернатора Вальe-Гранде местному шерифу, где говорилось, что он имел известия о том, что в области находились партизаны и что любые новости необходимо сообщить в Вальe-Гранде, где за них заплатят. Мужчина сбежал”.

Нинфа Артеага, жена телеграфиста, рассказывала: “Они пришли очень голодные и слабые. Они много ели и сказали мне, что никогда не забудут нас... Доктор был из области Бени. Он так ласково говорил с нами о том, как будет в том случае, если партизаны победят. Он сказал, что у нас будут доктора и лекарства. Но, что важнее, я знаю людей. Всегда знаешь, хорошие они или плохие”.

Когда они выходили из города, авангард угодил в засаду, устроенную армейским батальоном Галиндо. Дариэль Аларкон, шедший первым, нагнулся, чтобы вытряхнуть камешек из обуви, и таким образом уцелел при первом залпе, сбившем с ног Мануэля Эрнандеса, Марио Гутьерреса Ардайю и Коко Передо. Аларкон попытался спасти Коко, взвалил его на плечо, но в тело Коко сразу же попала еще одна пуля, которая, пройдя навылет, ранила Дариэля.

Че сразу же расположил в городе линию обороны. “Спустя несколько мгновений появился раненый Дариэль Аларкон, затем Анисето и Франсиско Уанка с сильно поврежденной ногой”. Двое боливийских бойцов, Антонио Домингес и Орландо Камба Хименес, исчезли во время столкновения.

“Тыловое охранение двинулось по дороге; я следовал за ними... держа двух мулов. Задние были обстреляны с очень близкого расстояния. Они отстали, контакт с Инти был утрачен. Прождав его полчаса маленькой группой, которая подвергалась непрерывному массированному обстрелу с холма, мы решили оставить его, но он вскоре сам догнал нас.

В этот момент Инти узнал, что его брат погиб. “Я не видел его мертвым. И не обронил слезы; я обнаружил, что в том состоянии, в котором я нахожусь, плакать трудно”. На сей раз

наши потери были большими. Самая большая потеря это Коко, но и Мануэль Эрнандес, и Марио Гутьеррес были великолепными бойцами, и человеческая ценность этих троих была неизмерима. Антонио Домингес хорошо рисовал".

Сбежавший Домингес знал путь, которым партизаны намеревались следовать, так что Че был вынужден изменить свои планы, но армейские отряды, окружающие их, заблокировали все дороги. Ночью, после перестрелки, Че собрал оставшихся в живых и предложил боливийцам покинуть отряд, но ни один из них не принял предложения. Аларкон вспоминал, что Че сказал кубинцам: "Мы представляем достоинство Кубинской революции, и мы будем защищать это достоинство до последнего человека и последней пули".

Можно ли утверждать, что он полагал поражение неизбежным и готовился смириться со всеми вытекающими из него последствиями? Ему уже не в первый раз приходилось попадать в положение, при котором, казалось бы, о победе не могло идти никакой речи, и, несомненно, он был не из тех людей, которые с готовностью признают бедственность ситуации, но за последние два месяца он лишился дюжины своих друзей, он был полностью отрезан, лишен возможности укрыться среди почти полностью разгромленных городских сетей и совершенно оторван от своей удаленной тыловой базы в Гаване. Он даже не мог рассчитывать хотя бы на один пункт, где его ждала бы твердая поддержка среди кампесинос. Но если дела говорят за человека, то Че не говорил о поражении: он сказал, что не готов ни для того, чтобы сдаться, ни даже для того, чтобы отступить.

Слухи о состоянии и направлении движения отряда, основываясь на которые армейское командование устроило засаду в Ла-Игуэре, побудили его также мобилизовать батальон рейнджеров, прошедших обучение на базе Ла-Эсперанса, и отправить его в район Валье-Гранде. Различные сведения, полученные из имущества погибших и от дезертиров, подтверждали, что Че и его группа находились в этом районе, что майор Гевара был болен, а его группа была слаба. Это позволило армии выработать свою стратегию.

28 сентября Че записал в дневнике: "День бедствий, который, как однажды показалось, должен был стать последним". Всякий раз, пытаясь найти выход из каньона, они натыкались на солдат. В десять утра группа из сорока шести человек, казалось,

"целые века проходила мимо. Следующая группа появилась в полдень, на сей раз из 77 человек. И, в довершение всех бед, в это время раздался выстрел, и солдаты заняли позиции. Офицер приказал им спуститься в ущелье, где, как они полагали, мы

находились. Так или иначе, в конце концов они передали по радио, что он, кажется, был удовлетворен, и возобновили движение. Наше нынешнее укрытие не предоставляет никакой защиты от нападения сверху, и если бы они нас нашли, вероятность спасения была бы весьма спорной".

Пачо писал в своем дневнике: "Звук, с которым мы со всей возможной осторожностью вскрывали банки с сардинами, казался нам ужасным грохотом".

Они просители, запертые в ущелье, три дня; их разведчики не могли найти никакого выхода. Чилийское радио сообщило, что Че угодил в ловушку в каньоне в боливийских джунглях. На третий день перед ними прошло еще больше патрулей но наконец в десять часов вечера 30 сентября им удалось выбраться из этой мышеловки. Врач и Аларкон, оба, были в тяжелом состоянии. Че признался Пачо, что "это было все равно что несколько раз умирать и рождаться заново".

В сводном рапорте за сентябрь Че писал:

"Самая важная задача заключается в том, чтобы выбраться отсюда и найти более подходящие зоны, затем установка контактов, несмотря даже на то, что аппарат в Ла-Пасе разгромлен... Они нанесли нам серьезный удар. Состояние духа у оставшихся людей было очень хорошим, и у меня остаются сомнения насчет одного лишь Саймона Кубы, который может воспользоваться шансом убежать при каком-нибудь столкновении, если его не предупредить".

Пачо, в свою очередь, писал: "Только голос Че заставляет людей идти дальше. Возглавляемые этим человеком, который казался неутомимым и бесстрашным, партизаны добрались до нового места стоянки, "в редкой рощице". Здесь Че дал им передышку: "я решил остановиться еще на день, так как место хорошее и имеет пути, гарантирующие отступление, учитывая, что мы можем увидеть любые перемещения вражеских войск".

Следующие двое суток они двигались по ночам, чтобы избежать окружения. У них почти не было воды, и они страдали от невероятного переутомления.{36}

52. Ущелье Юро.

Память о последнем сражении Че, случившемся в Боливии, живет в умах уцелевших партизан, заставляя их непрестанно задавать себе все тот же неизменный жестокий вопрос: мог ли исход тех событий оказаться иным?

4 октября 1967 года Че вел цепочку своих несчастных людей в настолько быстром темпе, насколько позволяла осторожность. Они карабкались вверх и вниз по горам, не имея даже питьевой воды. Он все еще находил в себе силы смеяться над военными в своем дневнике: "По радио передают... что, если меня захватят силы 4-й дивизии, то меня будут допрашивать в Камири, а если 8-й, то - в Санта-Крусе".

Всю следующую ночь они шли по коровьей тропе. Дариэль и .Пачо ушли вперед на поиски воды.

"Когда рекогносцировка была закончена, они увидели, как к дому подошли шестеро солдат, очевидно остановившихся по пути куда-то еще. Мы остались в темноте, с людьми, измученными от недостатка воды, и несли Люсио Гальвана, кричавшего от жажды. Преодолев очень трудный путь, прерываемый многочисленными остановками, мы добрались на рассвете до зарослей деревьев, где могли расслышать близкий лай собак. Мы видели совсем рядом высокое и очень гладкое скальное обнажение".

6 октября партизанский отряд, состоявший из семнадцати человек, во главе с Че, нашел воду. Было решено устроить временный лагерь. Пачо записал в дневнике: "Я начинаю сбиваться со счета дней. Мы идем в любое время дня и ночи, главным образом по ночам, а днем наши люди стоят на постах и устраивают засады. Я не могу сказать, где кончается один день и начинается другой".

В тот же день журнал "Лайф" напечатал обширную подборку фотографий, озаглавив ее "Боливийские портреты исчезнувшего Че Гевары". Это были те самые найденные в пещерах фотографии - армейский офицер продал их журналу. Они произвели всемирную сенсацию и послужили развитию легенды о Че. На одной из них на переднем плане был запечатлен Хуан Пабло Чанг, а на заднем - Че, курящий сигару. На другой фотографии, сделанной во время разбивки лагеря на холме, можно было сразу же узнать Че, сидевшего на траве; его окружала дюжина бойцов, среди которых были Карлос Коэльо, Пачо Фернандес Монтес де Ока и Оло Пантоха.

7 октября Че записал:

"Мы отметили 11-месячный юбилей нашего партизанского

предприятия очень скоромно; никаких осложнений не было до 12.30, когда какая-то старуха пригнала своих коз, чтобы пасти их в ущелье, где мы устроили лагерь, и мы были вынуждены задержать ее. Женщина не сообщила нам никаких достойных доверия сведений насчет солдат, отвечая на все вопросы, что она ничего не знает и что уже давно не бывала здесь".

Инти Передо, Анисето Рейнага и Франсиско Уанка отвели ее домой. Женщина сначала прикидывалась глухой, затем сказала, что совсем не говорит по-испански, а потом - что не желает, чтобы партизаны входили внутрь. Все это было грустно видеть.

Когда спустились сумерки, группа двинулась дальше при свете луны. "Переход был очень утомительным, и мы оставили за собой многочисленные следы в каньоне, по которому проходили. Поблизости не было никаких домов, но имелись крохотные клочки посадок картофеля, орошавшиеся с помощью канав, отходивших от одного из ручьев". В темноте партизаны видели свет, но не могли понять, каков же был его источник. Уже спустя годы выяснилось, что это были костры кампесинос, собиравших картофель, которые видели проходивших партизан. Они шли очень медленно, так как Хуан Пабло Чанг был совершенно измучен да к тому же потерял очки, без которых не мог ничего толком видеть. Доктор также до того изнемог, что превратился в совершенную развалину. По радио сообщили, что армия окружила партизан между Рио-Гранде и рекой Асеро, и на сей раз это было правдой. Дариэль Аларкон вспоминал позднее: "Казалось, что к этому моменту на нас обрушилось все, что скопилось: месяцы обучения, голода, наготы, болезней, жажды, изоляции, а теперь еще и знание о том, что мы были обнаружены благодаря "Радио Бемба" оно же "телеграф джунглей". Армия сообщала по радио, что теперь наше уничтожение было лишь вопросом нескольких часов".

Внезапно партизаны увидели скалу, перегородившую им путь, и разом остановились. В гребне скалы имелась пятифутовая расщелина, через которую им было необходимо перебраться, а под ней - яма, полная ледяной воды. Аларкон вспоминал: "И Че смотрел на нас. Никто не желал первым совершить попытку взобраться на эту скалу. Человек - это человек, а не кошка. Тогда он сказал, что сам поднимется на скалу, и полез, цепляясь за мельчайшие выступы". "В 2 часа мы остановились, чтобы передохнуть; было бесполезно продолжать попытки".

В 4.30 утра, после всего лишь пары часов отдыха, группа вновь оказалась на ногах. Они шли теперь по ущелью с другим названием, но Че и другие кубинцы также называли его Юро.

В 5.30 утра 8 октября Че приказал выставить три дозорных

Наряда. В один из них, левофланговый, вошли Дариэль Аларкон и Пачо, в другой, выдвинувшийся вперед по ходу, - Тамайо и пьято Мендес, в третий, правофланговый, - Дэвид Адриасола и Анисето. Аларкон: "Я был в дозорном наряде, и Пачо сказал мне:

"Смотри, вон там человек!" И я увидел, что с земли поднялся человек, похожий на постового. Дальше впереди мы увидели еще одного человека, и именно в этот момент начался восход солнца. Когда мы увидели, что с земли поднялись уже несколько человек, то сползли вниз".

Че, который сначала надеялся поймать солдат в засаду и вырваться из кордона, теперь пересмотрел свой план и приказал трем дозорным группам вернуться назад. Инти Передо вспоминал: "Мы не могли повернуть обратно; дорога, по которой мы прошли, была очень открытой, и мы оказались бы легкой добычей. Но мы не могли и двигаться вперед, так как это значило бы прийти прямо на позиции солдат. Че принял единственное решение, которое соответствовало сложившимся обстоятельствам: он дал приказ укрыться в маленьком ущелье, скорее даже ложбинке, расположенной поблизости, и занять позицию. Это произошло примерно в 8.30 утра: семнадцать из нас расселись посредине и по бокам ложбины в ожидании дальнейших событий. Важнейшим вопросом и для Че, и для нас всех было: определила ли армия наше местоположение?"

Рейнджеры прочесали широкую полосу, но так и не нашли партизан. Они считали, что те находятся где-то внутри оцепления, выставленного после перестрелки 1 октября.

На рассвете 8 октября Педро Пенья, кампесино, видевший партизан, когда они пересекали его посадки картофеля, донес о них второму лейтенанту Карлосу Пересу, разбившему лагерь неподалеку. Два взвода из батальона рейнджеров, усиленные минометом и пулеметным расчетом, расположились около устья ложбины. Там к ним подошел капитан Гари Прадо. После того как ему доложили о полученной информации, он расположил там свой командный пункт и приказал рейнджерам занять высоты, господствующие над ложбиной.

Че, не имевший представления о том, сколько народу выставлено против него, решил отвести партизан к вершине ложбины, чтобы дождаться там сумерек, а под покровом ночи взобраться на скалу и вырваться из окружения.

Около 11.30 утра Че отправил Анисето Рейнагу и Ньято Мендеса сменить Леонардо Тамайо и Гарри Вильегаса, находившихся на посту в одном из концов ущелья. Аларкон вспоминал: "Анисето, исполняя приказ, перебрался через ущелье, но оказался излишне любопытным и, услышав над головой разговоры солдат,

прошел дальше, чем следовало, и высунул голову над краем ущелья. Я видел его с моего места, но не мог предупредить - ничего не мог сказать, так как в этом случае они услышали бы нас". Солдат заметил Анисето и убил его двумя выстрелами в голову. Группа Аларкона и Инти также открыла огонь и ранила солдата. "Тогда им на помощь подошли три солдата и сержант, и мы тоже вывели их из строя". Прадо доложил в Ла-Игуэру о том, что его люди вступили в бой, попросил выслать вертолет для вывоза раненых.

На гребне скалы, находившейся слева от партизан, они ранее назначили точку рандеву, но теперь были лишены возможности подняться на него, так как армия полностью контролировала подходы. Дариэль Аларкон, Инти Передо и Давид Адриасола принялись отстреливаться от противника прямо из того укрытия, в котором находились с утра, а наступавшие принялись закидывать гранатами дно ущелья, где находилась группа Че. "Мы лишь отстреливались в тех случаях, когда стреляли по нас, чтобы не сразу выдать себя и сэкономить боеприпасы. Мы вывели из строя нескольких солдат".

Перестрелка продолжалась в течение трех часов. Где-то после двух часов дня Че, по-видимому, приказал Франсиско Уанке взять больных и самых слабых - врача-перуанца, Октавио де ла Педраху, Лусио Гальвана и Хаиме Арану - и отступить вместе с ними. Сам он с оставшейся частью группы (Пачо, Симоном Кубой, Хуаном Пабло Чангом, Оло Пантохой и Рене Мартинесом Тамайо) связал наступавших перестрелкой. Прадо поместил взвод, которым командовал сержант Бернардино Уанка, в ущелье и приказал пристрелять по ориентирам пулемет и минометы на стык двух ущелий, через который, как они рассчитывали, партизаны попытаются ускользнуть.

Со своего наблюдательного пункта Аларкон видел, как группа Че начала движение. И он сам, и его товарищи думали, что командиру со спутниками удастся прорваться через кордон. Вилье-гас и Тамайо находились на другой возвышенной точке того же ущелья.

Но именно в этот момент Че получил ранение в правую ногу, примерно на четыре дюйма выше лодыжки. Одновременно еще одна пуля разбила приклад его карабина "М-2", а другая пробила Дыру в берете. Он был вынужден отступить назад в ущелье, а группа рассеялась.

Вильегас вспоминал: "Попробуйте представить себе, что из себя представляют те места: местность с очень неровным рельефом, сплошные зигзаги и холмы, соединяющиеся между собой таким образом, что хотя мы и находились всего лишь в 300,

400 или 500 метрах друг от друга, но не имели возможности разглядеть с одной позиции, что происходило на соседней".

Этим шестнадцати оставшимся в живых партизанам противостояла почти сотня специально подготовленных рейнджеров.{37}

53. Плен.

Около половины третьего 8 октября 1967 года трое изумленных солдат из роты "Б" батальона рейнджеров, которые в качестве минометного расчета не принимали прямого участия в предыдущей перестрелке, увидели, как всего в нескольких ярдах от них на уступе холма появился партизан. Его винтовка была засунута за патронташ, и он с усилием тащил, а точнее, почти нес на себе еще одного партизана, который был ранен в ногу и к тому же сильно задыхался.

Симон Куба (тот самый, о котором Че неделей ранее сказал, что он может воспользоваться случаем и сбежать в какой-нибудь стычке) был близок к тому, чтобы достичь вершины очень крутого подъема, высотой примерно в шестьдесят метров. Все это расстояние он фактически нес на себе Гевару. Че, раненный в правую ногу и обессиленный от тяжелого приступа астмы, мог передвигаться с превеликим трудом. Он все еще держал свой "М-2", хотя в последней перестрелке карабин пришел в негодность.

Капрал Бальбоа и рядовые Энсинас и Чеке позволили им выбраться на ровное место, а затем Бальбоа крикнул, чтобы они сдавались. У Симона не было ни малейшей возможности взяться за свое оружие, так как все трое солдат уже прицелились в него. Говорят, что он крикнул: "Это майор Гевара, проявляйте хоть какое-нибудь уважение, черт возьми!"

Солдаты пришли было в замешательство, смутились, а один из них, по слухам, даже предложил: "Садитесь, пожалуйста, сеньор". Но они быстро опомнились и отобрали у задержанных оружие: винтовку Симона, и разбитый карабин, и золингеновский стальной нож Че.

Столько же раз, сколько пересказывалась история пленения Че, столько же раз она искажалась. Одни рассказчики лгали, чтобы скрыть часть событий, а другие лгали по политическим мотивам. Были люди, объединившие полуправду и выдумку и в конце концов искренне поверившие в это. И, наконец, имелись люди, которые в течение минувших двадцати пяти лет робко добавляли частичку за частичкой к истории тех дней. Любопытно, что это были те самые мелкие детали, которые полностью скрыли окончательную, как считалось прежде, версию, особенно история с пистолетом вождя боливийских партизан, 9-миллиметровым "вальтером-ППК", которая также оказалась сокрыта покровом тайны.

Пачо Фернандес Монтес де Ока в дневниковой записи от

первого октября, за неделю до описываемых событий, отметил: "Фернандо Че попросил у меня сигарету, а также зарядить обойму его пистолета. Он держал при себе пистолет, как будто хотел покончить с собой прежде, чем попадет в плен. У меня - то же самое настроение".

И Дариэль Аларкон спустя несколько лет размышлял о том же самом: "В горячке боя Че, вероятно, потерял обойму, которую Пачо приготовил для него, или же кто-то другой, неизвестный, помешал ему принять то решение, в котором никто из тех, кто знал его непревзойденную храбрость, доказанную множество раз, и его презрение к смерти, не мог усомниться".

Фидель Кастро, лично написавший предисловие к боливийскому дневнику Че, заметил: "Было доказано, что Че продолжал сражаться, уже раненый, до тех пор, пока приклад его винтовки "М-2" не был разбит выстрелом, после чего оружие стало абсолютно бесполезным. В пистолете, который он имел при себе, не было обоймы. Эти невероятные обстоятельства объясняют, почему им удалось захватить его живым".

Рапорт о взятии Че в плен, опубликованный через год Антонио Аргедасом, также подтверждает, что обоймы в пистолете не было. Однако в документах военных - перечне личных вещей пленного и рапорте командира военной разведки полковника Сауседо - говорится, что пистолет Че был заряжен.

Можно ли утверждать, что боливийское военное командование лгало, как оно делало во многих других своих документах, связанных с пленением и гибелью Че? Действительно ли майор Гевара предпочитал покончить с собой, нежели оказаться в плену? Была ли обойма потеряна в сражении? А может быть, он расстрелял пули из своего пистолета после того, как винтовка пришла в негодность? Или же он, измученный астмой и раной, просто не успел отреагировать на неожиданное появление троих солдат? Это никогда не удастся выяснить.

Но независимо от всех этих малозначительных тайн все источники сходятся на том, что первым контактом Че с захватившим его противником была краткая беседа с капралом.

- Как вас зовут?

- Капрал Н. Бальбоа Уайльяс.

- Какое прекрасное имя было бы для партизанского командира. - После этого он угостил арестовавших его солдат сигаретами "Астория".

Капитан Гари Прадо Сальмон, командовавший близлежащим военным гарнизоном, позже расскажет (называя себя в третьем лице):

"...По словам командира роты, который находился на

расстоянии в пятнадцать ярдов: "Здесь двое из них. Капитан, мы поймали их". Капитан Прадо оглядел партизанских бойцов и спросил: "Кто вы?" - обратившись сначала к Вилли (Симону Кубе), который ответил: "Вилли"... а затем другой: "Я Че Гевара". Взяв копию с рисунка Бустоса, офицер сравнил черты его лица с эскизом и попросил его протянуть левую руку, на тыльной стороне которой он ясно разглядел шрам, который упоминался в качестве особой приметы".

Один из рейнджеров позднее скажет, что Че разговаривал "гордо, не опуская головы, и смотрел капитану прямо в глаза". Через несколько лет сам Гари Прадо описал то впечатление, которое произвел его враг и которое он запомнил навсегда. "Че имел внушительный облик, ясные глаза, гриву волос почти рыжего цвета и густую тяжелую бороду. Он был одет в черный берет, грязную военную униформу и синюю куртку с капюшоном; грудь у него была нараспашку, так как на куртке у него не осталось ни одной пуговицы".

У Прадо был американский радиопередатчик "GRC9", использовавшийся еще во время Второй мировой войны, и он связался со своим заместителем, лейтенантом Тоти Агилерой, находившимся в близлежащем городе Абра-Пикачо, а тот в свою очередь транслировал донесение в штаб дивизии в Валье-Гранде. Донесение "Сатурно" - полковнику Сентено - было отправлено в 2.15: "Трое партизан мертвы, а двое тяжело ранены. Войска взяли в плен Рамона, но нам необходимо удостовериться в этом. У нас двое убитых и четверо раненых".

Из рапорта Прадо: "Тогда же я отдал несколько приказов. Мы находились в тени маленького деревца на краю ущелья, но в десяти метрах над ним, и были прикрыты небольшим углублением. Я приказал связать пленным руки и ноги их же собственными ремнями". Он сообщал далее, что Че сказал ему:

"- Не беспокойтесь, капитан. Уже все кончено.

- Для вас - да, но там осталось еще несколько хороших бойцов, и я хочу избежать любого риска.

- Это бесполезно, мы проиграли".

Лейтенант Агилера передал Прадо запрос, в котором сообщалось, что Валье-Гранде требовал подтвердить захват в плен партизанского командира. Полковники, осуществлявшие руководство боевой операцией за много миль от поля боя, не могли поверить в случившееся. В 3.30 пополудни Прадо послал еще одну радиограмму: "Захват Рамона подтверждаю. Жду приказаний. Он ранен".

Уже через полчаса полковник Андрее Селич вылетел на вертолете из Валье-Гранде, направляясь в сторону Ла-Игуэра,

ближайшему от ущелья Юро населенному пункту. Примерно в 4.30 дня вертолет пролетел над ущельем и был обстрелян партизанами, которые все еще продолжали борьбу.

К району боевых действий приближались и два самолета, груженные напалмом, но Прадо попросил их не бомбить зону, так как противники находились очень близко один к другому, и партизаны, и рейнджеры перемещались по узкому пространству ущелья Юро и соседней долины, не имея определенных позиций. Через несколько минут взвод рейнджеров натолкнулся на Оло Пантоху и Рене Мартинеса Тамайо. Трое солдат были ранены, один из них вскоре умер. Партизан закидали ручными гранатами, и они погибли. Такова была официальная версия.

В пять часов дня из Валье-Гранде в Ла-Пас была отправлена телеграмма, адресованная военному командованию. "Мы подтверждаем захват Рамона". Они ждали два с половиной часа, прежде чем собрались с духом передать известие своим высшим начальникам.

Примерно в то же время одна из трех партизанских групп, которая вела бой в высшей части ущелья (Инти Передо, Гарри Вильегас, Дариэль Аларкон, Ньято Мендес, Леонардо Тамайо, Давид Адриасола), сумела оторваться от боливийских солдат и вышла в точку встречи, предварительно согласованную с Че. По дороге они нашли немного муки, выброшенной на землю, и это взволновало их: Че никогда не допустил бы такого. Чуть позже обнаружилась его растоптанная миска. Инти Передо позднее сообщил: "Я узнал ее, потому что она была алюминиевым блюдом. Мы не встретили никого в условленном месте, хотя и узнали следы Че - отпечатки его сандалий не походили на прочую обувь, и поэтому их можно было легко узнать. Но затем мы потеряли след". Описание картины закончил Аларкон:

"Мы видели, как Че выбрался и ушел за кордон, и поэтому считали, что он находится вне опасности. Приблизительно часа в три дня мы увидели, что он начал отступление, и сказали себе: "Он теперь вне опасности", но чего мы не увидели, было то, что он вернулся, чтобы помочь Вилли Симону Кубе и Чангу. ...Бой закончился примерно в пять часов дня".

Так где же находился Че? Все еще можно было расслышать стрельбу. Это пробивалась другая группа - больные во главе с Франсиско Уанкой, в сопровождении доктора Морогоро де ла Педрахи и перуанцев Рестituто Кабреры и Лусио Гальвана. Пачо, в одиночку, смог укрыться в пещере на дне ущелья. Начало темнеть. Капитан Прадо решил отойти к Ла-Игуэре, ограничившись самым ценным призом, майором Геварой.

В путь вышла странная процессия. Почти сотня испуганных

солдат несла тела своих товарищей по оружию, а также Оло Пантохи и Рене Мартинеса Тамайо на импровизированных носилках. Че и Симон были связаны, их вели двое солдат, а всю группу окружало внушительное "подразделение охраны".

Ла-Игуэра находилась в полутора милях. На пути колонны попалось несколько раненых солдат, которых эвакуировали с поля боя. Че предложил оказать им помощь. Капитан Прадо отказался и заявил, что это Че виновен в их состоянии. "Это война", - кратко ответил Че. Капитан предложил ему несколько легких сигарет "Пасифик", но он взял только темную "Асторию" у одного из солдат.

Было, наверно, около семи часов вечера. Солдаты, согласно приказам, не разговаривали с пленными партизанами. Во всяком случае, Че ничего не сказал за оставшуюся часть перехода. Возможно, он вспомнил свои слова, написанные при первом посещении Боливии: "Жизнь здесь стоит немного; они принимают и теряют ее без малейшего волнения". {38}

54. Восемнадцать часов в Ла - Игуэре.

Около половины восьмого вечера Эрнесто Гевара второй раз в жизни вошел в Ла-Игуэру, но на сей раз уже как побежденный. Эта жалкая деревушка, где в не более чем тридцати глинобитных домиках ютилось человек пятьсот жителей, имела еще одно имя: Смоковница - в память о том, что здесь некогда в изобилии рос исчезнувший теперь инжир. Удаленная отовсюду Ла-Игуэра, куда можно попасть лишь пешком или верхом по тропе, не проходимой для транспортных средств, это место, где, по утверждению фольклора, вечны одни лишь камни.

На окраине селения собралось несколько испуганных крестьян. Спустя двадцать лет после смерти Че одна престарелая крестьянка расскажет, что видела, как он прошел в колонне перед ее домом в Ла-Игуэре и что потом его увезли на небо... в вертолете, наконец, выговорила она, словно это явление, объяснение которого она столько раз слышала, все еще казалось ей не менее диковинным, чем тот факт, что Че улетел на небеса.

Командиры рейнджеров, полковник Селич и майор Айороа, прилетевшие на вертолете, дожидались уже давно. Пленные и мертвые партизаны были доставлены в здание школы, глинобитный дом с черепичной крышей, в котором были лишь две классных комнаты, разделенных между собой перегородкой. Симона Кубу заперли в одном из классов вместе с трупами Оло и Рене. Че поместили в другом. Его развязали и дали аспирину от боли в раненой ноге.

Хуан Пабло Чанг, получивший рану в лицо, также был задержан. Когда его поймали - одновременно с другими или же позже?

В полдевятого вечера Гари Прадо отправил то же самое сообщение, которое передавал в течение всей второй половины дня, воспользовавшись на сей раз телеграфом: "Папа ранен". Вместе с Селичем они просмотрели жалкое содержимое рюкзака Че: двенадцать кассет фотопленки, две дюжины карт, исправленных Че цветным карандашом, портативный радиоприемник, два маленьких шифровальных блокнота, еще два блокнота с записями текстов полученных сообщений и пара записных книжек - возможно, дневники? - полностью исписанные убористым торопливым почерком Че.

Полковник Селич по телефону запросил указания у штаба 8-й Дивизии. Спустя десять минут раздался ответный звонок:

"Арестованные должны оставаться в живых до тех пор, пока не поступят указания сверху". Еще через час из Валье-Гранде поступило новое распоряжение: "Сохраните Фернанадо в живых до моего приезда. Прибуду завтра утром вертолетом при первой же возможности. Полк.овник Сентено".

Тем временем в Ла-Игуэре три собравшихся там командира попробовали допросить Че, но ничего не добились, так как он отказался говорить с ними. Прадо вспоминал о том, как Селич сказал Че: "А что, если тебя сначала побрить?" - и дернул его за бороду. Че отмахнулся от него. По словам телеграфиста из Ла-Игуэ-ры, когда Че отказался отвечать на вопросы, Селич зашел еще дальше - грозил убить пленника, отобрал у того две трубки и часы.

Городишко пребывал в состоянии тревоги и ожидал нападения уцелевших партизан в любой момент. Вокруг школьного здания были размещены два концентрических заслона охраны, а на ближних подступах еще и многочисленные дозоры.

В десять минут одиннадцатого ночи "Сатурно" (позывной 8-й дивизии из Валье-Гранде) переслал телеграмму, пришедшую из Ла-Паса от верховного командования вооруженных сил, генералов Овандо и Лафуэнте. Депеша была составлена с использованием шифра, специально изобретенного на случай возникновения непростой проблемы пленения Че. Шифр был несложен. "Фернандо" (Че) - "500"; "Живой": "600", передавать первое только азбукой Морзе, остальное по радио. "Мертвый": "700".

Телеграмма "Сатурна" содержала следующий текст: "Добрый вечер. Последнее сообщение подтверждает, что мы задержали 500. Запросите четкие инструкций: или 600, или 700".

Верховное командование ответило: "Должен сохраниться 600. Повышенная боевая готовность. Имеются утечки".

Верховное командование в Ла-Пасе пребывало в затруднении. Первое сообщение было получено генералом Лафуэнте Сото, командующим армией, Васкесом Семпертеги, начальником штаба армии, и подполковником Араной Серрудо из военной разведки. Аргентинский писатель Хорхе Гальярдо дал незабываемое описание всех этих трех персонажей: Лафуэнте был приземистым человечком с мордой орангутана, таким же интеллектом, густой бородой и имел прозвище Чкампу ("Грибная рожа", на языке кечуа). Васкес, виновник преступной резни восставших шахтеров, был коренаст и имел циничную улыбку. Арана был кривобоким, с очень длинной, но толстой шеей на совершенно не подходящем для нее теле и очень темнокожим.

Они отправились на поиски военного министра, генерала Альфредо Овандо; тот оказался в своем излюбленном небольшом

кабинете в крепости Мирафлорес. Приняв этих троих, он вызвал генерала Хуана Хосе Торреса, начальника штаба вооруженных сил, занимавшего кабинет напротив зала заседаний, примыкавшего к кабинету Овандо. В этом самом зале заседаний и состоялась встреча этих пяти человек. Возможно, что они консультировались и с некоторыми другими высокопоставленными военными, такими, например, как командующий военно-воздушными силами Леон Колье Кето, который, что вызывает большое удивление, был братом одного из руководителей Боливийской коммунистической партии Хорхе Колье.

На совещании, состоявшемся в этом зале, не велось никаких стенограмм или протоколов. Известен только результат. Договорившись между собой, генералы доложили о своем решении президенту Баррьентосу, который одобрил его.

Той же ночью, за полчаса до полуночи, полковнику, Сентено в Валье-Гранде пришло следующее распоряжение, в азбуке Морзе: "Президент приказывает Фернандо 700".

Че Гевара был приговорен к смерти.

Тех восемнадцати часов в Ла-Игуэре достаточно для того, чтобы довести до отчаяния даже наиболее хладнокровных биографов, не говоря уже о вспыльчивых. Вся предшествовавшая этому краткому периоду Жизнь Эрнесто Гевары детально запечатлена в море бумаг, в которые он заносил свои впечатления, описания событий, в дневниках, сохранивших наиболее личные его чувства и переживания, в письмах, статьях, интервью, речах, протоколах и пометках на полях книг. Его жизнь проходила в окружении многочисленных свидетелей - будущих рассказчиков, чьи дружественные голоса говорили и говорят о нем. А теперь, впервые, биограф должен будет положиться исключительно на враждебно настроенных свидетелей, многие из которых преследовали какие-то своекорыстные цели, имели личную заинтересованность в искажении событий и распространении ложной информации. Все, что нам сегодня известно, собиралось по капельке на протяжении более чем тридцати лет, это результат журналистской настойчивости; это запоздалые доказательства раскаяния, зачастую фальшивого, в своем участии в давно происшедших событиях. Три четверти суток, прошедших в Ла-Игуэре, воплотились в трясину слов, которые не дают, однако, ответа на один, важнейший, вопрос: знал ли он, что его собираются убить?

Как он в это время оценивал Симона Кубу, которого так часто, и не слишком лестно, упоминал в своем дневнике?

А может быть, он проводил мысленную перекличку партизан

- оставшихся в живых, попавших в плен, погибших?.. Пачо Монтес де Ока и Помбо находились в это время вместе с Инти Передо, Дариэлем Аларконом, Давидом Адриасолой, Ньято Мендесом и Леонардо Тамайо; Франсиско Уанка и Октавио де ла Педраха ушли с больными и ранеными. Видели ли они, что он попал в плен? Попытаются ли они что-нибудь сделать?

А может быть, Че проводил это время в раздумьях об Алейде и своих детях? Или же он вспоминал погибших, погибших до него, проложивших ему дорогу: о Рене Рамосе Латуре и Хеонеле Родригесе, Камило Сьенфуэгосе и Рикардо Масетти, Элисео Сан-Луисе Рейесе и Мануэле, Вило Акунье и Тане? Этот список был бесконечен...

Сильно ли он страдал от раны? Он никогда не отказывал пленным в максимально доступной медицинской помощи, а ему самому для лечения пулевой раны дали всего лишь таблетку аспирина.

Обдумывал ли он свое поражение, последнее звено в цепи, протянувшейся Далеко в прошлое: группа Пуэрто Малдонадо, отряд в Салте, а теперь и его, Че, собственная партизанская война?

Что готовило для него будущее? Пятьдесят лет тюрьмы? Пулю в затылок? Он не впервые оказывался побитым, но кто мог точно сказать, будет ли этот раз последним?

А его дневник тем временем находился в телеграфной конторе, всего в нескольких ярдах от того места, где их держали под стражей. Да, были и прежде военные поражения, но впервые в жизни Эрнесто Гевара оказался лишен ручки и бумаги, оказался человеком побежденным по существу, потому что не мог по своему обычаю сообщить о положении дел.

Полутора часами ранее в Ла-Игуэре была произведена первая смена караула. Че неловко лежал на полу. Кровотечение из раны в ноге прекратилось. Один из охранников, находившихся на посту в помещении, где Че был заключен, рассказывал несколько лет спустя:

"Я видел одну вещь, которая показалась мне явным оскорблением пленного партизана; это было, когда вошел Карлос Перес Гутьеррес, схватил его за голову и плюнул в лицо. Че не стал терпеть этого - он плюнул в ответ и так пнул обидчика, что тот согнулся пополам. Я не знаю, куда он его пнул, но видел, как Карлос Перес Гу-.- тьеррес свалился на пол, а Эдуарде Уэрта и другой офицер схватили Че".

Вскоре после этого пришел санитар, который промыл раненую ногу Че дезинфицирующим раствором, и это была вся медицинская помощь, которую ему предоставили. Нинфа Артеага,

жена телеграфиста, вызвалась отнести заключенным еду. Заместитель караульного начальника отказал в ее просьбе. На это Нин-фа сказала, что "если мне не позволят покормить его, тогда я не буду кормить никого". Ее дочь Элида отнесла немного еды "слепому" партизану (вероятно, это был Хуан Пабло Чанг). Последний ужин Че состоял из миски арахисового супа.

В комнату вошел лейтенант Тоти Агилера: "Сеньор Гевара, теперь вы находитесь под моей опекой". Че попросил у него сигарету. Агилера спросил, действительно ли он был доктором, на что Че ответил, что был, и добавил, что он был еще и дантистом и в свое время вырвал немало зубов.

Лейтенант обошел вокруг комнаты, пытаясь продолжить разговор, но в конце концов ушел. Не было никакой возможности вести беседы с находившимся здесь раненым человеком, живой легендой, всегда необщительным, всегда сохранявшим известное отдаление даже от близких людей. Ну а насколько же сильнее должна быть отчужденность по отношению к незнакомцам, а тем более к врагам.

Позже в комнату вошли несколько солдат. Они поначалу нерешительно принялись задавать Че различные вопросы обо всем на свете. Есть ли у них, на Кубе, религия? Правда ли, что кубинцы хотели обменять его на несколько тракторов? Это вы убили моего друга? Постепенно посетители перешли к оскорблениям. По рассказам, один главный сержант сказал Че, увидев, что того затолкали в угол комнаты:

"Вы, наверно, думаете о бессмертии осла?" - эта испанская идиома означает нечто вроде "милых пустячков".

Че, который всегда любил ослов, улыбнулся и ответил: "Нет, лейтенант, я думаю о бессмертии революции, которой так боятся те, кому вы служите".

Около половины двенадцатого ночи Че остался в обществе двоих солдат; в комнате не было ни офицеров, ни сержантов. Че вступил с ними в беседу и спросил, откуда они родом. Оба были из шахтерской области, сыновья шахтеров. Они считали, что, вероятно, могли бы убежать вместе с ним. Один из них вышел из комнаты, чтобы посмотреть, как обстоят дела. Селение все еще находилось во взбудораженном состоянии, его окружали три кольца оцепления, третье - из солдат другого полка. Солдаты рассказали об этом Че. По их словам, он ответил: "Не волнуйтесь, я уверен, что недолго пробуду в заключении, потому что многие страны потребуют моей выдачи, так что вам совершенно не нужно слишком волноваться. Я не думаю, что со мной может вообще что-нибудь случиться".

Одна из партизанских групп, все еще в полном составе,

сумела тем временем проскользнуть через сеть армейского заграждения. Инти Передо вспоминал: "В эту тревожную и трудную ночь мы не имели ни малейшего представления о том, что произошло, и спрашивали друг друга шепотом, не знают ли они, кто еще из товарищей, кроме Анисето, погиб во время столкновения". На рассвете они вновь спустились к ущелью и после непродолжительного ожидания отправились ко второму условленному месту встречи, находившемуся в нескольких милях от Ла-Игуэры. Аларкон: "Мы прошли до второго места встречи, неподалеку от реки Эль-Наранхал. Мы должны были вновь отправиться в Ла-Игуэру, и... рассвет застал нас рядом с небольшой деревней".

Был рассвет 9 октября. Из посольства Соединенных Штатов Америки в Вашингтон, округ Колумбия, летели телеграммы, в которых посол Хендерсон ставил Государственный департамент в известность о том, Че находился среди пленных и был серьезно болен или ранен. Советники Линдона Джонсона по латиноамериканским делам, опираясь на источники из ЦРУ, сообщали, что Баррьентос захватил Че.

С началом дня охрану в Ла-Игуэре несколько ослабили. Вскоре раздался приближавшийся гул вертолета, на котором летел из Валье-Гранде полковник Сентено, Сатурно, в сопровождении агента ЦРУ Феликса Родригеса. По прибытии оба сразу же направились на телеграф, где находились документы, найденные в рюкзаке Че.

А рейнджеры под командой майора Айороа тем временем прочесывали ущелья, разыскивая оставшихся в живых. Официальная версия капитана Прадо была следующей:

"Операция началась утром девятого. Каждый ярд земли тщательно рассматривался. Группа обнаружила пещеры, в которых скрывались Чанг и Пачо; в ответ на предложение сдаться они открыли огонь и убили солдата. На это последовал быстрый ответ рейнджеров, которые ручными гранатами и автоматами заставили их замолчать".

Любопытно, что в другой части своего рапорта Прадо сообщил, что его солдаты сообщили о присутствии в пещере одного партизана, а не двоих. Почему, если в ущелье находилось два человека, уцелевшие партизаны не увидели их минувшей ночью? Почему в дневнике Пачо нет записи от 8 октября?

А в Ла-Игуэре полковник и человек из ЦРУ отправились посмотреть на Че. Один из солдат через несколько лет рассказывал о том, что "один из командиров громко спорил с Че, а за спиной у этого командира стоял еще кто-то, возможно, журналист, который делал звукозапись происходившего на

большой магнито-эн, висевший у него на груди".

По словам Родригеса, все происходило куда дружелюбнее. Че Ьывели из классной комнаты и попросили разрешения сделать 'фотографию. Феликс стоял рядом с партизанским командиром, а майор Ниньо де Гусман, пилот вертолета, взял "Пентакс" агента ЦРУ. До наших дней дошла фотография: на голове Че взъерошенная грива волос, мрачный и какой-то опустошенный взгляд. Усталые глаза опущены долу, руки сложены вместе, как будто связанные.

Еще две фотографии, сделанные солдатами в то же утро, очень похожи. На обеих Че отворачивается от камеры.

Сентено отправился в ущелье Юро, чтобы лично руководить ходом операции, а Родригес в это время с помощью своего портативного "RS48" отправил закодированное сообщение. Селич, присутствовавший при этом, был очень точен в описании: "Он нес с собой радиопередатчик дальнего действия, который быстро установил и сразу же передал кодированное сообщение. После этого он немедленно установил на освещенном солнцем столе фотокамеру на штативе с четырьмя телескопическими ногами и принялся снимать". Особенный интерес у Родригеса вызвали два дневника Че, шифровальная книга и записная книжка с адресами людей по всему миру".

Переснимая шифровальную книгу, Родригес заметил, что "в мире существуют только две таких - одна в руках у Фиделя Кастро и эта". Селич на вертолете с двумя ранеными солдатами возвратился к Валье-Гранде, а в половине двенадцатого в Ла-Игуэру вновь прибыл Сентено в обществе майора Айороа с эскортом. Они обнаружили агента ЦРУ в полном замешательстве: Сентено лишь кратко заметил, что успокоил его, пообещав, что американские агенты получат копии фотографий в Ла-Пасе. "Никто не возражал против фотографирования".

Майор Айароа позже вспоминал:

"Утомившись одиночеством в классной комнате, Че попросил, чтобы ему позволили поговорить со школьной учительницей Хулией Кортес.

- Ах, вы учительница. А вы знаете, что "е" в "se" из фразы "ya si leer" пишется с ударением? - спросил он, указав на надпись на классной доске. - Между прочим, на Кубе нет таких школ, как эта. Она больше похожа на тюрьму для нас. Как могут дети крестьян учиться в таком месте? Это непедагогично.

- У нас бедная страна.

- Но правительственные чиновники и генералы ездят на автомобилях "Мерседес" и владеют кучей других вещей... Разве не так? Именно против этого мы боремся.

- Вы приехали издалека, чтобы сражаться в Боливии.

- Я революционер и был в самых разных местах.

- Вы приехали, чтобы убивать наших солдат.

- Посудите сами, на войне возможны или победа, или поражение".

И в какой же именно момент полковник Сентено передал президентский приказ убить Че? Правда ли, что Феликс Родри-гес пытался убедить боливийцев не убивать его, доказывая, что потерпевший поражение Че в это время был бы полезнее живым, нежели мертвым? Агент ЦРУ утверждал в своих мемуарах, что он поступил именно так, но Сентено ни разу не упоминал о таких его поступках.

Родригес также утверждал, что разговаривал с Че в течение полутора часов и что Че даже попросил его передать Фиделю от его имени, что латиноамериканская революция победит, а жене пожелать вступить в новый брак и жить счастливо.

Но на самом деле полтора часа представляли собой самое большее пятнадцать минут, и другие военные источники соглашаются с тем, что Че узнал в Родригесе гусано, кубинского ренегата, работающего на ЦРУ; Че назвал его наемником, и после этого их беседа превратилась в обоюдные крики и ругань.

Фактом следует признать то, что без четверти двенадцать дня Сентено забрал дневник Че и его винтовку и вместе с Родригесом улетел на только что приземлившемся вертолете.

В полдень Че попросил разрешения еще раз поговорить со школьной учительницей, но та отказалась: она была испугана.

В это время уцелевшая группа партизан находилась всего лишь в 500-600 метрах от города, дожидаясь сумерек, чтобы сделать свой ход. Аларкон вспоминал:

"Именно тогда мы поняли, что Че находился в плену... Мы услышали новости по небольшому радиоприемнику с наушником, который был у нас с собой... Мы посчитали это дезинформацией, которую распространяла армия. Но примерно в десять часов утра они уже говорили, что Че мертв, и... говорили о фотографии его жены и детей, которую он хранил в бумажнике. Услышав это, трое из нас, кубинцы, уставились друг на друга, молча роняя слезы... Из этих слов нам стало ясно: он действительно погиб в бою. Нам так и не пришло в головы, что он был там, живой, на расстоянии 500 с небольшим метров от нас".

В середине утра Айороа приступил к поискам палачей-добровольцев среди солдат. Главный сержант Марио Теран попросил позволить ему убить Че; один из солдат вспоминал: "Он доказывал, что партизаны убили троих его приятелей из роты "Б", которых тоже звали Марио, и что в честь их памяти ему нужно

предоставить право убить Че". Он был изрядно пьян. Сержант Бернардино Уанка вызвался прикончить товарищей Че.

Сразу же после часа дня Теран, коротышка не более пяти футов двух дюймов росту, коренастый (он весил 145 фунтов), вошел в класс, где был заключен Че. Теран держал винтовку "М-2", которую ему дал главный сержант Перес. В это время в соседней комнате за тонкой перегородкой Уанка в упор расстреливал Чан-га и Симона.

Че сидел на скамье, прислонившись к стене, его запястья были связаны. Теран заколебался, что-то сказал, а Че ответил:

"- Что ты волнуешься? Ты же пришел убить меня".

Теран отвернулся было, словно хотел выйти, но затем все же выпустил первую очередь, услышав вызывающий оклик: "Стреляй, ты, трус. Ты убьешь мужчину". Лишь без малого тридцать лет спустя удалось установить, что Че действительно произнес эти слова.

Сам Теран так рассказывал об этом:

"Когда я вошел туда, Че сидел на скамье. Увидев меня, он сказал: "Ты пришел, чтобы убить меня". Я не мог заставить себя выстрелить, и этот человек сказал мне: "Успокойся, ты будешь убивать мужчину". Тогда я отступил на шаг назад, к двери, закрыл глаза и выпустил первую очередь. Че упал на пол с перебитыми ногами, он корчился, полилась кровь. Я собрался с духом, выпустил вторую очередь и о поразил его в руку, плечо и сердце".

Немного времени спустя в комнату вошел главный сержант Карлос Перес и выстрелил в безжизненное тело. И это оказалась не единственная посмертная пуля: рядовой Кабреро тоже выстрелил в тело Че; по его словам, он желал отомстить за смерть своего друга Мануэля Моралеса.

Различные свидетели, кажется, сходятся в том, что время смерти Че - примерно 3.10 пополудни, воскресенье, 9 октября 1967 года.

Боливийская военщина первоначально обнародовала другую дату гибели Че, чтобы создать впечатление, что он погиб в бою. Из-за этой Дезинформации годовщина смерти Че в течение ряда лет отмечалась 8 октября. Потрясенная учительница кричала на убийц.

Доминиканский священник из близлежащего прихода пытался успеть попасть в Ла-Игуэра, чтобы поговорить с Эрнесто Геварой. Отец Рохер Шильер вспоминал:

"Когда я узнал о том, что Че содержится под стражей в Ла-Игуэре, я добыл лошадь и отправился туда. Я хотел выслушать его исповедь. Я знаю, что он сказал бы: "Я потерян для вас". Я

хотел ответить ему: "Ты не потерян. Бог все еще верит в тебя".

По дороге я встретил крестьянина. "Не торопитесь, отец мой, - сказал он мне, - они уже покончили с ним".

Примерно в четыре часа дня капитан Прадо вернулся в город из своего последнего рейда по близлежащим ущельям. На пути в Ла-Игуэру майор Айороа сообщил ему о том, что Че казнен. Капитан нахмурился в негодовании: он-то захватил Че живым. Уже все было подготовлено для того, чтобы перевезти тело на вертолете. Прадо подвязал челюсть Че носовым платком, чтобы лицо не было искажено.

Уличный фотограф делал снимки солдат, окружавших лежавший на носилках труп. Эти фотографии похожи на снимки с воскресных пикников, отличаясь от них лишь отсутствием улыбок. На одной из фотографий около трупа запечатлены Прадо, отец Шильер и дона Нинфа, жена телеграфиста.

Священник вошел в школьное здание, но не знал, что делать. Он подобрал винтовочные гильзы, чтобы сохранить их, а потом старательно вымыл лужи крови на полу. Он хотел смыть часть грехов того человека, который был убит в этой школе.

Марио Терана пообещали наградить часами и поездкой в военную академию в Вест-Пойнт (США) для обучения на курсах старшин, но ни одно из этих обещаний не было выполнено. Вертолет улетел. К одной из лыж его шасси был привязан труп. {39}

55. Исчезнувший труп.

Вальe-Гранде, центр провинции, находящийся в 765 километрах (475 милях) к юго-востоку от Ла-Паса. Штаб 8-й дивизии, десять часов утра 10 октября 1957 года. Уругвайский журналист Эрнесто Гонсалес Бермехо дал выразительное описание сцены, на которой разворачивались последующие события:

"Город похож на великое множество других, со своей главной площадью, высохшим фонтаном, бюстом в память кого-то того или этого и несколькими каменоломнями. Ратуша с часами, навсегда остановившимися в десять минут шестого неведомо какого числа, аптека Хулио Дурана, бакалея Монтескларос, заведение доны Евы, которое одновременно служит и пансионом, и, конечно, церковь, которая не без доли тщеславия именует себя собором".

Боливийская военщина, торопясь похвастаться своим триумфом, созвала пресс-конференцию. Со свойственным им цинизмом, они не только не подождали, пока мертвое тело Че остынет, нет, они объявили о его смерти, когда он еще был жив, хотя в то время они были единственными, кто знал об этом. Рене Баррьен-тос сделал заявление в десять часов утра, обратившись, якобы не для печати, к группе журналистов в Ла-Пасе. В свою очередь полковник Сентено устроил пресс-конференцию в штабе 8-й дивизии в час дня. Полковник Сентено объявлял, что Че погиб в ходе столкновения с армией около Ла-Игуэры, примерно в двадцати милях от Вальe-Гранде: "вооруженное столкновение продолжалось четыре часа... но Гевара, раненный в пах и легкие, погиб в самом начале..."

Командующий армией, генерал Альфредо Овандо, прибыл в Вальe-Гранде в 3.50; его сопровождали генерал Лафуэнте и контр-адмирал Угартечеа. Они зашли в зал, где лежали тела погибших в ходе недавних боевых действий. У Овандо был очень напряженный вид, словно он изо всех сил старался скрыть свою нервозность. Это была какая-то странная победа, после который победители казались скорее испуганными, нежели торжествующими.

Тремя часами позже, ровно в пять часов дня, в местном аэропорту приземлился вертолет; к одной из лыж его шасси было привязано мертвое тело. Транспортной операцией, судя по всему, руководил человек, одетый в военный френч, но без знаков различия. Это привлекло внимание журналистов и заставило их решить, что он был агентом ЦРУ. Некоторые из них

сфотографировали его - он был "доктором Гонсалесом". Здесь же находился его коллега Феликс Родригес. Журналисты поинтересовались у тентов, откуда они: "С Кубы? Из Пуэрто-Рико?" - "Ниоткуда", - дружно ответили те по-английски.

Родригес крикнул коллеге: "Давай-ка убираться отсюда ко

сем чертям". Кампесино, оказавшийся в это время в аэропорту, |идел, как тело пронесли мимо него: "Он выглядел невредимым.

1е было похоже на то, что он мертв. Он лежал на носилках с от-Ьштыми глазами, глядя на нас, как будто он был все еще жив". Тело погрузили в крытый автомобиль "Шевроле"-пикап и в окружении огромного количества солдат доставили в Мальтийский

госпиталь Сан-Хосе, а там положили на мраморный стол в больничной прачечной.

Медсестра Сусана Осинага раздела труп: "Он носил куртку, Брюки, черный берет, на котором была вышита - я не знаю, зелёная или красная - маленькая военно-морская звезда; на каждой ноге по три пары носок, пара коричневых, пара полосатых и пара синих". В первичном осмотре приняли участие двое врачей: подполковник Селич, который ни на шаг не отходил от тела.

На второй пресс-конференции, которая прошла в этой самой Зольничной прачечной, журналистам было представлено тело Гевары. У некоторых присутствовавших происходившее вызвало ассоциации с гиперреалистической версией картины Рембрандта "Урок анатомии доктора Тюлпа". Альберто Суасо, корреспондент агентства ЮПИ, сообщал:

"Чуть влажная прозрачность этих выразительных зеленых глаз, равно как и напоминавшее загадочную улыбку выражение, которое можно было разглядеть на его лице, ' производили впечатление, что в этом теле все еще присутствовала жизнь. Я думаю, что не был единственным из нас, журналистов, прибывших в Валье-Гранде тогда, 10 октября 1967 года, кто ожидал, что Че заговорит с нами".

Затем были продемонстрированы фотографии пулевых ранений, сделанные человеком в военной форме; те самые фотографии, которые вскоре будут опубликованы в газетах всего мира.

Военные допустили еще одну серьезную ошибку, надеясь таким образом изгнать из мира дух Че. Они пытались доказать, 1что он несомненно мертв, приводя бесстрастную рациональность фотографий трупа в качестве лживых доказательств причи-1ны. Пугающие фотографии его лица, на котором, как ни странно,

несмотря на минувший год ужасного голода, продолжительных и тяжелых приступов астмы, лихорадки, разочарований, (сомнений, запечатлелось странное спокойствие отдыха, благодаря чудесам техники и агентствам новостей оказались доступными миллионам людей по всему земному шару. В соответствии с ужасной христианской традицией поклонения замученному Христу и святым, истерзанным ранами, этот образ неизбежно

- вызывал определенный строй ассоциаций: Смерть, Искупление и Воскресение.

Движимые этими призраками, кампесинос из Валье-Гранде среди устрашающей тишины сплошной вереницей прошествовали перед телом. Когда армия попыталась прекратить доступ, людская лавина прорвалась через кордон солдат. Той ночью в маленьких домишках маленького городка впервые зажглись свечи -во имя Че. Родился новый святой, мирской святой из бедноты.

В полшестого вечера высокопоставленные офицеры сфотографировались рядом с мертвым телом. Тогда же Овандо попытался вложить в уста Че слова: "Я Че; я больше стою живой, чем мертвый", - которые тот якобы произнес в момент пленения. Позднее Овандо изменит текст, не отклоняясь, впрочем, далеко от первоначальной темы: "Я Че, я проиграл". Это оказалось началом длинного потока дезинформации. Армейский офицер показывал журналистам дневник Че и "цитировал" одну из будто бы находившихся там записей: "Я никогда не думал, что боливийские солдаты могли быть такими стойкими".

Линдон Джонсон впервые узнал о смерти Че в шестнадцать часов вечера из меморандума, полученного от Уолтера Ростоу, где излагались сообщение из газеты "Пресенсиа" о захвате Че в плен, и десятичасовое заявление Баррьентоса о смерти Че. Позднее ЦРУ предоставило гораздо более точный рапорт на основе информации, полученной от непосредственных участников и свидетелей событий.

Первая реакция Гаваны была осторожной. Фидель позднее признавался, что под воздействием непрестанного потока фотографий он постепенно начал принимать факт смерти Че, но все еще ждал более точного подтверждения: это был не первый раз,

когда пресса "убивала" Че в той или иной части мира. Но чего он

не мог сказать вслух, было то, что его неуверенность была следствием происшедшей уже несколько месяцев тому назад потери связи с партизанами. Связь прервалась полностью, и даже контакты с остатками городских подпольных организаций не давали никакого результата.

Вскрытие трупа было выполнено в тот же день поздним вечером. Его провели директор больницы Абраам Баптиста и интерн Хосе Мартинес Кассо под пристальным взглядом Тото Кинтанильи, начальника разведки Министерства внутренних дел, и "доктора Гонсалеса" из ЦРУ. Составленная документация была неизбежно полна двусмысленностей. В тексте свидетельства о смерти читаем: "Смерть вызвана множественными пулевыми ранениями грудной клетки и конечностей". А в протоколе вскрытия перечислено девять пулевых ранений: два в ногах - одно в средней трети правой ноги, другое в средней трети левого бедра; два в области ключиц; два в ребрах; одно в грудном мускуле. Причина смерти здесь названа по-иному: "ранения грудной клетки и последовавшее кровотечение".

Однако некий армейский офицер в присутствии журналистов насчитал десять ран. "Дополнительное" ранение в горло не было упомянуто в протоколе вскрытия. На первых порах несоответствие прошло незамеченным, как, впрочем, и тот факт, что раны в груди были смертельными. Именно из-за этого, в случае честного вскрытия трупа, нельзя было бы утверждать, что Че был взят в плен живым, хотя и серьезно раненным, и живым находился в Ла-Игуэре, согласно версии, высказанной на второй пресс-конференции. Ну и, конечно же, он никак не мог разговаривать с теми, кто взял его в плен. Начинало выясняться, что боливийская армия замарана по самые уши. Следует еще принять во внимание то, что ее руководители хотя и смогли договориться между собой об убийстве Че, но не догадались согласовать легенды о его смерти.

Перед военными стоял и еще один животрепещущий вопрос: что делать с телом? В десять часов утра пришла телеграмма от начальника генерального штаба генерала Хуана Хосе Торреса: "Останки Гевары должны быть немедленно сожжены, а пепел развеян". Но с телом нельзя было покончить без достоверного опознания. Призрак Че мог бы оказаться даже опаснее, чем его могила. Овандо предложил отрезать у трупа голову и руки и сохранить их для последующей идентификации. Родригес, агент ЦРУ, приложил много усилий для того, чтобы убедить Овандо ограничиться руками; он доказывал, что по рукам вполне можно будет через некоторое время проверить отпечатки пальцев и что если боливийское правительство отрежет побежденному врагу голову, то стране угрожает опасность оказаться в глазах всего мира каким-то варварским племенем.

Так что в больнице должна была состояться еще одна опера- ' ция. Напряженная обстановка, в которой с самого начала проходило расчленение трупа, оказалась слишком тяжелой для

одного из докторов, Мартинеса Кассо, который напился. Так что доктору Баптисте пришлось в одиночку отрезать руки покойного по запястья и поместить их в сосуд с формальдегидом. Была сделана и посмертная восковая маска, но, по словам Сусаны Осинаги, "они изуродовали лицо после того, как сняли с него восковую маску".

11 октября, примерно в три часа ночи, полковник Сентено и подполковник Селич, отвечавшие за всю операцию по сокрытию тела, дали приказ капитану Варгасу Салинасу, тому самому, что месяцем раньше захватил в засаду партизанскую группу Вило Акуньи. Он должен был упрятать куда-нибудь тела Че, а также Альберто Фернандеса Монтеса де Оки, Орландо Пантохи, Симона Кубы, Анисето Рейнаги, Хуана Пабло Чанга и Рене Мартине-са Тамайо - всего семерых человек. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы могилу Че можно было как-то обнаружить - в Боливии не должно было появиться места, где люди могли бы выказать свое уважение к мертвецу и его товарищам.

От первоначальной идеи сожжения отказались после того, как один из докторов разъяснил, насколько трудно ее будет осуществить, не имея настоящей кремационной печи.

Несмотря на принятые предосторожности и темноту, старик, работавший напротив Мальтийского госпиталя, сумел рассмотреть происходившее. Спустя десять лет он так рассказывал об этом журналисту Ги Гуглиетту:

"- Они бросили его тело в старую прачечную и забрали оттуда позже, вместе с другими. Той ночью его увезли в большом армейском грузовике. Они побросали трупы в грузовик и уехали.

- А куда ехал грузовик?

-'Кто же это может знать?"

У другого журналиста, Эрвина Чакона из "Пресенсии", которого Овандо не пригласил на банкет, устроенный для военных в Валье-Гранде, почему-то возникли неопределенные подозрения. Он провел ночь, наблюдая за происходившим около Мальтийского госпиталя, и проследил машину по следам до расположенных неподалеку казарм Пандо, где следы, оставленные грузови-: ком, исчезли. Чакону было известно, что Селич и Варгас были теми самыми людьми, которые должны были проделать грязную работу - избавиться от тела Че.

Итак, тела были доставлены на грузовике в полковые казармы Пандо, размещавшиеся на окраине Валье-Гранде, где уже были заготовлены четыре канистры с горючим, чтобы, невзирая на предупреждения докторов, сжечь трупы. Однако на рассвете 11 октября капитан Варгас отказался от этой мысли и решил остановиться на варианте тайных похорон. Похоронная команда

использовала в качестве декораций строительные работы, проводившиеся неподалеку от прилегавшего к казармам аэродрома. Тела просто свалили в глубокую траншею и завалили землей и строительным мусором, который привезли на тачке.

Когда общественность начала интересоваться судьбой тела погибшего революционера, на свет божий явилась история о его исчезновении. С тех пор командиры боливийских вооруженных сил принялись изощряться в создании множества нелепых и противоречивых версий относительно места последнего упокоения Че. Торрес утверждал, что труп был кремирован, Овандо настаивал на версии тайного захоронения, и в конце концов Торрес был вынужден сообщить, что тело сначала было кремировано, а потом захоронено.

В четверть седьмого вечера 13 октября Линдон Джонсон получил меморандум Уолта Ростоу, который докладывал, что дал задание выяснить у Кори Оливера, насколько соответствует действительности информация о том, что боливийцы кремировали тело Че Гевары и что ЦРУ ответило Государственному департаменту утвердительно.

На следующий день трое аргентинских полицейских инспекторов изучили почерк в дневниках и сняли отпечатки пальца с отрезанных рук Че. Сопоставление со старыми документами подтвердило опознание.

Тем временем Роберто, младший брат Че, вместе с группой журналистов прилетел в Боливию, чтобы забрать тело брата ("Мы полетели на самолете прессы, поскольку у меня совершенно не было денег"), но получил только уклончивые ответы и противоречивую информацию от военных.

Слухи относительно исчезнувшего тела ходили самые разнообразные, от близких к реальности до совершенно невероятных. Мексиканский журналист Хосе Нативидад Росалес был уверен, что Че был захоронен в закрытом стеклом саркофаге в казармах Ла-Эсперанса, учебного лагеря "зеленых беретов". Широкое распространение получила версия, согласно которой тело Че было сожжено, а пепел рассеян с вертолета над джунглями. По другому варианту, прах был замурован в стену ратуши Валье-Гранде. Через два месяца после смерти Гевары журналист Мишель Рай произвел новую версию: тело хранится во льду где-то в холодильнике, погребе или каком-то еще складе в Ла-Пасе.

При каких обстоятельствах произошла гибель Че? Где находились его останки?

После телеграфных сообщений агентства "Интерпресс" от 11 и 12 октября, в которых излагалось содержание беседы с судебно-

медицинским экспертом Мартинесом Кассо, возникли первые Достаточно определенные сомнения в официальной версии смерти. Участник вскрытия нерешительно признался, что смерть произошла в период между одиннадцатью утра и полуднем того же самого понедельника 9 октября, так что, если боевое столкновение состоялось восьмого...

В воскресенье 15 октября капитан Гари Прадо, которого кто-то из журналистов обвинил в убийстве Че, дал интервью корреспонденту агентства ЮПИ. В рассказе Прадо были определенные неувязки, но от подозрения в том, что он виновен в смерти Гева-ры, он был полностью освобожден: Че был взят в плен живым и также живым был доставлен в Ла-Игуэру. Был ли он ранен? Насколько серьезно? Об этом не сообщалось.

15 октября Фидель впервые выступил по кубинскому телевидению с официальным сообщением о смерти Че. Кастро обвинил боливийскую военную хунту в том, что они казнили Че. Это обвинение он обосновывал, опираясь на многочисленные противоречия между обнародованным содержанием протокола вскрытия и сообщения, согласно которым в момент взятия в плен Че имел ранение, но оно не было тяжелым. 17 октября боливийское правительство прислало на Кубу официальную телеграмму, в которой настаивало на версии, высказанной их военными: "Че Гевара скончался через несколько часов после того, как был живым взят в плен... из-за имевшихся у него ранений..." Но в тот же день журнал "Тайм", который, несомненно, воспользовался утечкой сведений из американского правительства, дал подтверждение словам Фиделя: "Боливийское военное командование приказало казнить Че, после того как он живым, хотя и раненым, был взят в плен". Еще через несколько дней британский журналист Ричард Готт, писавший для чилийской газеты "Пунто финал", сообщил, что уже 8 октября была допущена утечка информации для печати о том, что Че Гевара взят в плен (вероятно, это сделал сам Паппи Шелтон в гольфклубе Санта-Круса).

Лишь спустя четыре месяца, 5 февраля 1968 года, появилась первая журналистская работа, содержавшая достаточно полный обзор деталей тех двух дней - 8 октября, когда Че был взят в плен, и 9-го, когда он был казнен в школе селения Ла-Игуэра. Статья французского журналиста Мишеля Рая, опубликованная американским журналом "Рампартс", была озаглавлена "Хладнокровие: как ЦРУ казнило Че".

Время шло, и сквозь туман дезинформации начала прорисовываться истинная картина событий. Но обнаружение местонахождения тел Че, Пачо, Чанга, Оло, Рене, Анисето и

Симона было куда более трудным делом. В конце восьмидесятых годов кубинские исследователи Адиса Купулья и Фройлан Гонсалес получили косвенные сведения о двух местах, в которых, предположительно, находились массовые захоронения: "участок около фундамента спального помещения казармы Пандо или же около взлетно-посадочной полосы в аэропорту Валье-Гранде. Расстояние между обоими вероятными участками захоронения - 200 метров". Однако первым нарушил официальную завесу молчания, за которой в течение долгих лет скрывалось местонахождение могил, майор Сауседо Парада, сотрудник боливийской военной разведки. Позднее он подтвердит автору достоверность нескольких ключевых моментов из той информации, которую ему удалось собрать.

А прежде чем выяснилась главная подробность тех тайных похорон, должно было пройти двадцать восемь лет. Лишь тогда Варгас Салинас, бывший капитан, а теперь отставной генерал, решил рассказать все полностью. В ноябре 1995 года Варгас Салинас сообщил о том, как он вместе с майором Флоресом командовал этим захоронением. Варгас рассказал о том, как на рассвете 11 октября 1967 года они при помощи трактора вырыли траншею около летной полосы, бросили туда тела Че и его товарищей, а потом зарыли могилу так, чтобы не осталось никаких следов.

Открытие вызвало большой шум. Командование боливийских вооруженных сил дрогнуло и принялось делать противоречивые заявления; мэр Валье-Гранде решил объявить окрестности аэропорта территорией "исторического значения", чтобы привлечь в свой забытый всеми богами город туристов. Президент Боливии Гонсало Санчес предложил организовать поиски для того, чтобы Че мог получить "христианское" погребение...

В ноябре и декабре 1995 года группа под руководством аргентинских экспертов, при участии кубинских ученых-криминалистов приступила к раскопкам участка. Розыски, проведенные на основании сведений, полученных в местных источниках, помогли разыскать второе массовое захоронение в местности Канья-да-дель-Арройо, в которой находились тела бойцов из группы Франсиско Уанки и раненых, которые были с ним. Они были убиты уже после смерти Че в Кахоне. В то время, когда писались эти строки, останки Че все еще не были обнаружены... {40}

56. Множество часов майора Гевары.

Есть что-то поразительное в том, что у человека, который при жизни выказывал такое пренебрежение к материальному обладанию, после смерти оказалось столько имущества вещей, принадлежавших ему при жизни, вещей, которыми он так или иначе пользовался... И вещей, которые могли принадлежать ему.

На Кубе вещи Че играют роль светского эквивалента святых реликвий. При входе в редакцию "Верде Оливо" установлена небольшая витрина, в которой хранится фотоаппарат. В 1960 году Че дал его журналистам на время, а потом подарил. Это обычная 35-миллиметровая "Экзакта". Посетители неизменно останавливаются перед витриной, а потом поднимают глаза к фотографии улыбающегося Че.

Лина Гонсалес, старая крестьянка из кубинской деревни Ломас-дель-Педреро, показала журналисту Мариано Родригесу табуретку, стол и маленькую чашечку. Тут он сидел и пил кофе.

В кубинском городе Кабайгуане есть муниципальный музей, посвященный Че, где посетители могут увидеть гипсовую повязку, которая была на сломанной левой руке Гевары в заключительные дни сражения за Санта-Клару. Как он попал туда? Действительно ли это его гипс? Ведь он носил гипс на руке во время триумфального входа в Гавану; есть фотографии, сделанные в крепости Ла-Кабанья, - и там рука в гипсе. Как снятый гипс мог вернуться в Кабайгуан?

Несколько лет назад в кубинском музее революции состоялась выставка предметов, связанных с партизанской кампанией в Боливии, но Танин джип не принадлежал Тане, а носки - "тонкие, похожие на те, что входят в форменную одежду кубинских военных", - не принадлежали Че. Оставшиеся в живых боливийские партизаны с негодованием говорили мне: "Че носил толстые чулки, купленные во Франции, а носки представленные на выставке, были аккуратными и новыми, учитывая еще и то, что носки Че были рваными и жесткими, потому что он не имел обыкновения мыть ноги".

Точно так же как обломки Истинного Креста или талисманы удачи, личные вещи Че вдохновляют как его друзей, так и противников, служат источниками дружественного почитания, недобросовестных спекуляций и массы забавных мошенничеств.

Торговля скудным имуществом Че началась немедленно после того, как он оказался в плену, и осуществлялась между Ла-Игуэрой (где, по словам поэта Энрике Лина, Че "основал свой посмертный штаб"), Валье-Гранде и Ла-Пасом. Менталитет,

представлявший собой комбинацию из стремления к грабежу, погони за военными трофеями и фетишизма, заставил сначала военных, а потом и тех гражданских, у которых была такая возможность, красть все принадлежавшее Че, на что они были в состоянии наложить лапу. Доллары США и Канады, боливийские песо были сразу же поделены в Ла-Игуэре среди солдат за спинами командиров. Паркеровская авторучка Че попала в руки главного сержанта, который за деньги позволял журналистам фотографировать ее. Человек, укравший обручальное кольцо Че, направил усилия на изготовление его копий и в течение нескольких лет торговал ими. Поврежденная винтовка "М-2", доставшаяся сначала полковнику Сентене, была подарена им в качестве завуалированной взятки генералу Альфредо Овандо. Одну из курительных трубок Че украл подполковник Селич, а другую - сержант Бернардино Уанка. Однако никто не захотел взять себе сандалии, которые Че носил вместо потерянных при переправе ботинок, представлявшие собой куски кожи, сшитые между собой проволокой.

Однако больше всего владельцев одновременно нашлось у наручных часов Че.

В момент ареста майор Гевара носил двое часов одной марки - "Ролекс-Перпетуал Ойстер". Одни были его собственными, а вторые принадлежали его ближайшему сподвижнику Карлосу Коэльо, который отдал их Че перед смертью. Солдаты, арестовавшие Че, забрали и те и другие. Че сказал об этом капитану Прадо, когда тот в последний раз посетил своего пленника в здании школы в Ла-Игуэре. Прадо вызвал солдат и забрал у них часы.

"Вот ваши часы. Носите, никто их у вас не заберет".

По словам Прадо, Че предпочел, чтобы тот сохранил их для него, а если с ним что-нибудь случится, то передал их "моему народу". Прадо попросил Че указать, которые из часов принадлежат ему, и тот камешком сделал на задней стороне корпуса одних пометку в виде крестика. Прадо надел на руку часы Че, а часы Карлоса Коэльо отдал майору Айороа.

Такова была официальная версия, но Кортес, телеграфист из Ла-Игуэры, видел, как полковник Селич снял часы с запястья Че, когда руки пленника были связаны. Агент ЦРУ Феликс Род-ригес сказал, что часы достались ему, так как он сумел обмануть солдат, которые сняли их с руки Че. Родригес сказал, что надел их на руку, когда вертолет вылетел из Ла-Игуэры, но в его рассказе "Ролекс-Перпетуал Ойстер" превратился в "GT-мастер". Ну а журналист Луис Суаре, в свою очередь, сообщил, что сержант Бернардино Уанка забрал себе "Ролекс" Че, сняв его с

трупа.

Кое-кто утверждает, что часы оказались у генерала Альфредо Овандо. А по самой фантастической версии, часы преодолели тысячи миль: от трупа к доктору, делавшему вскрытие трупа, от доктора к его сыну, а тот, в свою очередь, отдал их в уплату долга в баре мексиканского города Пуэбла. {41}

57. Сомнительные дневники

Среди добычи, захваченной у партизан после боя в ущелье Юро, помимо предметов, павших жертвами фетишизма офицеров и солдат, была груда записных книжек и дневников. Эти трофеи оказались необыкновенно привлекательными для военного командования. Особой ценностью обладали два пункта из их перечня: блокнот на спирали формата 5 1/2x7 дюймов в рыжеватой обложке с надписью “1967” и коричневый ежедневник, купленный во Франкфурте. Первый из них был дневником майора Гевары за ноябрь и декабрь 1966 года, причем на обороте каждого листа были записаны тексты посланий, которыми партизанская группа Че обменивалась с Гаваной. Второй был дневником за 1967 год, и последняя запись в нем датировалась 7 октября. В число трофеев также входили: записная книжка с адресами людей со всего мира, с которыми Че поддерживал контакты, два маленьких шифровальных блокнота и зеленая записная книжка, в которую он переписал стихи Пабло Неруды и Николаса Гильена. Капитан Гари Прадо сделал на одном из дневников, подобранных непосредственно в ущелье, пометку: “Найдено в рюкзаке”.

Существование этих двух дневников было впервые обнародовано генералом Альфредо Овандо, который показал их репортерам во время пресс-конференции, которую он проводил в гостинице “Санта-Тересита” в Ла-Пасе 10 октября 1967 года.

В первые же дни эти дневники прошли через множество рук: от Прадо, сделавшего пометку, где они найдены, к полковнику Сентено в Ла-Игуэре, далее к Феликсу Родригесу, который сфотографировал их, далее в военную разведку в Валье-Гранде и к Овандо, который пролистал их в своем кабинете в Центральном банке, потом к его адъютанту лейтенанту Олмосу, который, в свою очередь, вручил их командиру 8-й дивизии, а когда отправился забрать их назад, то обнаружил их в руках агента ЦРУ, известного под именем Гарсия. Во время полета обратно в Ла-Пас агента попросили вернуть их; капитан Памо там же, в самолете, сразу получил документы назад. После всего этого Овандо передал их в военную разведку, где их спрятали в сейф.

Фотокопия, сделанная агентом ЦРУ, прибыла в Вашингтон и ближайшие несколько дней. Уолт Ростоу в своей записке президенту Джонсону от 11 октября 1967 года ссылается на существование дневников; Ростоу говорит в ней, что с этого утра он на 99 процентов уверен в том, что Че Гевара мертв и что “они” должны оказаться в Вашингтоне в тот же день или назавтра.

Неделей позже две центральных фигуры в боливийской

диктатуре разыграли блиц-спектакль из заявлений и маневров, связанных с дневниками майора Гевары. Он начался 6 октября с телеграммы итальянского информационного агентства АНСА, в которой боливийская военная хунта сообщила миру о своем намерении “продать дневники, чтобы возместить ущерб, причиненный партизанами”. 7 ноября генерал Овандо объявил, что дневники будут проданы тому лицу, которое предложит самую высокую цену. Президент Рене Баррьентос, только для того, чтобы сказать нечто другое, заявил, что они только что были проданы издательскому консорциуму в США.

В течение ноября боливийские генералы пытались осуществить продажу, разрываясь между предложениями от американской фирмы “Даблдэй” и французской “Магнум”, представлявшей издательство “Пари Матч”. Второе из предложений было на самом деле приманкой, заброшенной французскими журналистами для того, чтобы получить как можно больше информации. Цены, предлагавшиеся на этих торгах (“начали где-то с 20 000 долларов и дошли до 400 000”), кажутся чрезмерно высокими для 1967 года. 22 ноября вышел президентский декрет, согласно которому вооруженные силы получали исключительное право на владение документами Че.

Некоторые кубинские исследователи упорно утверждали, что затея с публикацией была предпринята не всерьез, а являлась просто-напросто попыткой подтвердить подлинность той искаженной версии дневников, которую готовило ЦРУ. Адис Купуль и Фройлан Гонсалес утверждают, что техники в боливийской резидентуре ЦРУ, находящейся в Ла-Пасе, не жалея сил, производили в тексте искажения, изъятия и исправления, чтобы создать новый вариант дневников, который можно было бы использовать в политических или военных акциях, направленных против Кубы. Вне всякого сомнения, Центральное разведывательное управление считало очень полезным иметь под рукой собственную версию записок Че, а то и несколько. Они позволили бы им разыграть целый ряд сценариев. Во-первых, противопоставить политические позиции Че и Фиделя, чтобы тем самым усилить существующую напряженность в отношениях Кубы с советским блоком. Во-вторых, бросить тень на образ Че, объявив его авантюристом деспотического склада или, наоборот, оторванным от реальности мечтателем, создав тем самым у различных латиноамериканских коммунистических партий недоверие к последователям Гевары. Однако для проведения операций такого уровня требовалось создать очень правдоподобную версию дневников, которая в максимальной степени соответствовала бы характеру Че и не имела бы

бросающихся в глаза различий со всем тем, что им было написано до тех пор.

Независимо оттого, занималось ЦРУ фальсификацией днев ников или нет, боливийских военных связывали с американскими издательствами двое посредников, журналистов из США. Фидель Кастро отозвался о них как о “журналистах со связями в ЦРУ”, Это были корреспонденты “Нью-Йорк таймс” Эндрю Сент-Джордж — старый знакомый Че и Фиделя еще со времен Сьерры — и Хуан да Онис. У них имелись фотокопии дневников без права их публикации. Вскоре переговоры с американскими издателями прервались. Фирма “Даблдэй” пошла на попятный, мотивировав свое решение тем, что Алейда Марч могла бы оспорить у них право на публикацию.

А тем временем в конце января 1968 года события получили совершенно неожиданное развитие. В пресс-бюро агентства “Пренса Латина” в столице Чили Сантьяго вдруг появился тайн-ственный незнакомец и с видом фокусника, вытаскивающего из шляпы даже не кролика, а живого тигра, заявил:

“Я пришел от имени Антонио Аргедаса. Он хочет передать Кубе дневники Че”.

Эмиссар министра внутренних дел Боливии упорно утверждал, что его босс испытывал сильное раздражение из-за непрерывного вмешательства Соединенных Штатов Америки в жизнь его страны. Группа журналистов под руководством Эрнана Урибе собралась для того, чтобы оценить эту необычную ситуацию. Журналисты решили, что им совершенно нечего терять; они сообщили представителю Аргедаса о своем согласии с его предложением и послали шифрованный доклад кубинскому заместителю министра внутренних дел Манэлю Пиньейро, Вскоре боливиец возвратился в Сантьяго и привез микрофильм, спрятанный в катушке магнитной ленты с записями народной музыки. Однофамилец боливийского диктатора Марио Диас Баррьентос, по кличке Карлик, отправился в качестве курьера в Гавану через Мексику. Его сопровождали — о чем он не знал — агенты кубинского Министерства внутренних дел.

Фидель Кастро позднее рассказывал:

“Хотя у нас не имелось ни малейших сомнений относительно подлинности самого документа, все фотокопии были подвергнуты строжайшей экспертизе, чтобы не только установить его подлинность, но также и обнаружить любое, пусть малейшее, изменение, которое, возможно, было в него внесено. Информация была проверена по дневнику одного из уцелевших партизан”.

Задача расшифровки почерка была поручена Алейде Марч, которой помогали бывший секретарь Че Хосе Мануэль Манреса и

трое спасшихся участников партизанской кампании в Боливии — кубинцев — Дариэль Аларкон, Леонардо Тамайо и Гарри Вильегас.

У кубинцев оставалось лишь одно сомнение, о котором Фидель не преминул сообщить в своем предисловии к книге:

“Поскольку в этом дневнике содержится множество упоминаний о кубинской революции и ее взаимоотношениях с партизанским движением, кое-кто попробует истолковать нашу публикацию как провокацию, которая может предоставить дополнительные аргументы врагам революции, империалистам янки и их союзникам, латиноамериканским олигархам, утвердить их в намерениях блокады, изоляции и актах агрессии против Кубы”.

Но такое толкование, конечно, следовало бы считать абсурдным, исходя из факта, что копии дневников и так уже находились в руках Баррьентоса и ЦРУ.

Работа по подготовке дневников к печати велась в строгом секрете. После нескольких месяцев расшифровки почерка и экспертизы подлинности рукопись книги была передана в издательство “Освальдо Санчес Пресс”. Это произошло в субботу, 22 июня 1968 года. Студенты технического училища помогали в выпуске тиража. В 11.45 утра в воскресенье 30 июня миллион экземпляров книги под названием “Diario del Che en Bolivia” (“Боливийский дневник Че”) был готов. На следующий день книга бесплатно поступила в книжные магазины Гаваны. Почти одновременно книга была выпущена издательствами “Пунто финал” в Чили, “Масперо” во Франции, “Руедо Иберико”, также во Франции, для распространения во франкистской Испании, “Сигло XXI” в Мексике, “Фельтринелли” в Италии, “Тринкот” в Западной Германии и журналом “Рампартс” в США. Как ни странно, в этом перечне нет ни одного издательства или журнала из Восточной Европы[23], что дает некоторое представление о степени напряженности отношений между фальшивым европейским социализмом и кубинской революцией и взаимной ненависти между восточноевропейскими бюрократами и Че. В переданном по телеграфу сообщении о предпринятом в Гаване издании чехословацкое агентство печати ЧТК даже высказало сомнение в подлинности дневников.

Книжные магазины Гаваны были переполнены, фотографии, сделанные в этот день, запечатлели невероятные массы народа.

Школьный учитель Исраэль Диас первым получил книгу в книжном магазине на углу проспекта Л и 27-й улицы; он занял очередь в четыре утра. Через несколько недель дневники Че уже читали миллионы людей во всем мире; дополнительные тиражи

также будут исчислять сотнями тысяч.

Чехи были не единственными, кто высказывал сомнения по поводу кубинской версии дневников. Как ни странно, Эндрю Сент-Джордж тоже высказывался скептически, хотя он-то должен был знать, что опубликованные дневники были подлинными. Он настаивал на том, что подлинная версия будет напечатана в Соединенных Штатах издательством “Стейн энд Дэй” и что оригинал, который он.видел, содержал многочисленные критические высказывания по отношению к Фиделю Кастро.

Ответ кубинского президента не заставил себя ждать. 3 июля 1968 года он сделал следующее заявление по телевидению: “Никто в здравом уме не мог бы вообразить, что кто-нибудь опубликует фальшивую версию книги, которая к тому же находится еще в чьих-то руках, особенно если этот кто-то является врагом”.

В кубинском издании, однако, были известные недочеты: в нем были пропущены записи тринадцати дней, в которых могла содержаться если не какая-то подрывающая все основы информация, то, по крайней мере, ключи к тому, как должен заканчиваться текст, попавший к кубинцам. Спустя несколько дней после заявления Фиделя кто-то — может быть, дружественно настроенный националист, а может быть, кто-то из боливийских военных — передал дневники Че в газету “Пресенсиа”, выходящую в Ла-Пасе, и на радиостанцию “Нуэва Америка”. Эти органы 11 и 12 июля обнародовали полную версию дневников. Таким образом, если попытки как-то манипулировать их содержанием и предпринимались, то теперь они были исключены.

Утечка вызвала в Боливии скандал общенационального масштаба; последовало расследование. Чтобы очистить от подозрений вооруженные силы, генерал Овандо пригласил журналистов в свое служебное помещение и показал им дневники, лежавшие в сейфе в коробке из-под обуви. 19 июля Баррьентос объявил о начале нового расследования. В тот же день исчезли Антонио Аргедас и его брат. Вскоре они объявились в Чили, попросив там политического убежища.

Как выяснилось, Аргедас был, мягко говоря, очень странной личностью. Сорокалетний адвокат и бывший майор авиации, он был также в прошлом членом Коммунистической партии, членом левого крыла Националистического революционного движения, а к тому же и агентом ЦРУ. Этот человек, в политической жизни которого было столько взаимоисключающих трансформаций, не пользовался вообще никаким доверием. Его обвиняли в организации массовых репрессий против городских участников и

союзников партизанской кампании Че, в ослеплении заключенных, в пытках и убийствах. Тем не менее, находясь в эмиграции, он заявлял о своем восхищении Фиделем Кастро и сказал, что хочет сохранить у себя, в своих руках, оружие, оставшееся от “его друга” Коко Передо. Можно ли верить этим заявлениям? Спустя несколько месяцев он так объяснил причины своих поступков: “Моя главная цель состоит в том, чтобы не дать возможности империализму Соединенных Штатов подделать или извратить дневник Че Гевары”. Еще через несколько дней Фидель Кастро подтвердил, что именно Аргедас был источником утечки и что он передал дневники безо всяких дополнительных условий.

На этом странная история Аргедаса не завершилась. Из Чили он перебрался в Лондон, где его допрашивали представители ЦРУ и Британской секретной службы, оттуда он переехал в Нью-Йорк, а потом в Лиму. В конце концов он возвратился в Ла-Пас, где предстал перед судом, но был освобожден под залог — скорее всего благодаря своей угрозе раскрыть общественности связи, существовавшие между ЦРУ и боливийским правительством; в доказательство он мог представить более 134 документов, которыми заблаговременно запасся. Вскоре после этого дом Аргедаса был взорван, сам он подвергся вооруженному покушению, после чего попросил политического убежища в мексиканском посольстве в Ла-Пасе.

Перенесемся в 1980 год. Скандал, связанный с дневниками, возобновился после того, как фирма “Сотби” объявила о предстоящей продаже с аукциона оригинала дневников Че. Предполагаемая их цена составляла 250 000 фунтов стерлингов. Как могли дневники попасть к “Сотби”?

Боливийское правительство провело расследование, и след быстро привел к одному из бывших диктаторов Луису Гарсии Месе, который продал дневники “бразильцу”, а тот в свою очередь или продал их “Сотби”, или же использовал британскую галерею как посредника. В июне 1984 года под угрозой ряда судебных исков со стороны боливийского правительства “Сотби” отменила продажу.{42}

58. “Проклятие” Че

На протяжении первых пятнадцати лет после смерти произошел целый ряд удивительных совпадений, в результате которых большинство тех, кто имел хоть какое-то отношение к пленению, приказу об убийстве, самому убийству и исчезновению тела Че умерли неестественной смертью. С кем-то происходили странные несчастные случаи в вертолетах или автомобилях, кого-то казнили партизаны новых поколений, уничтожали представители то ли существовавших, то ли левых партизан или же правые партизаны наиболее неандертальского склада или избивали до смерти свои же собственные бывшие товарищи по оружию. Кого-то высылали из страны, кто-то тяжело заболевал, кто-то был застрелен. Неослабевающая волна насилия уничтожила одного за другим почти всех главных персонажей той истории. Несомненно, это связано с тем, что все причастные люди жили в беспокойное время и жили явно неправедно.

Но это также походило и на то, что призрак Че вернулся для того, чтобы посещать своих убийц и сводить с ними счеты. И тогда возникновение в результате этой непрестанной череды смертей легенды о “проклятии” не может вызвать удивления. Слухи, а скорее, народная мудрость, утверждают, что это он из потустороннего мира устроил эту массу несчастных случаев, нападении и болезней. Правда, существовало и другое, ничем не обоснованное мнение, согласно которому все эти смерти явились результатом акции мщения, проведенной в международном масштабе кубинскими секретными службами. Как ни странно, у тех, кто придерживается первой гипотезы, вторая версия не вызвала такого восхищения, как у кубинского писателя, с которым автору случилось иметь беседу. Он улыбнулся с осведомленным видом и намекнул довольным голосом: “Наши службы...”

Давайте рассмотрим факты.

Онорато Рохас получил достаточно широкую известность после опубликования фотографии, на которой запечатлен момент получения им из рук вице-президента Эрнана Силеса Суасо награды за предоставление информации о партизанах, благодаря которой оказалось возможно устроить на броде Эль-Иесо засаду, в которой погибла группа Тани и Хоакина. Фотография была весьма патетическая: Онорато, одетый в форму рейнджера, в слишком большом для него берете, с полуторагодовалой дочерью на руках.

14 июля 1969 года возрожденная Национально-

освободительная армия казнила его двумя выстрелами в голову. В это время он жил на находившемся в нескольких милях от Санта-Круса ранчо площадью в двенадцать акров, которое ему подарил президент Рене Баррьентос.

Сам Баррьентос оказался вторым. Он погиб 29 апреля 1969 года, через полтора с небольшим года после того, как утвердил приказ о казни Че. Вертолет, в котором он находился, внезапно загорелся и рухнул на землю около города Арке. Причины этого несчастного случая так и не были выяснены. Ходили слухи, что в то время был близок к краху его бывший соратник генерал Альфредо Овандо, так как Баррьентос планировал дворцовый переворот, который должен был избавить его от внутренней и внешней оппозиции. Зато совершенно достоверно известно, что сам Овандо, попавший как преемник Баррьентоса на некоторое время в президентский дворец, был вскоре выселен из него в результате военного переворота, устроенного другим генералом, Рохелио Мирандой.

Хорхе Гальярдо, писатель, тесно связанный с высшими военными чинами, участвовавшими спустя несколько лет после гибели Че и его товарищей в прогрессивном перевороте Хуана Хосе Торреса, заметил как-то, что “через три года после гибели Че сложилось народное суеверие, согласно которому он заберет за собой в могилу всех, кто был причастен к его смерти”. Двое кубинских историков, совершивших путешествие по южной части Боливии, где действовали партизаны Че, отмечали:

“Среди боливийских военных и их родственников получило обращение “цепное” письмо[24], связанное с этим суеверием. В нем говорилось, что смерть Баррьентоса явилась божественной карой и что всех виновных в убийстве Че ждет жестокая участь. Для спасения, говорилось в письме, они должны трижды прочесть “Отче наш” и трижды “Аве, Мария”. Письмо нужно было переписать девять раз и разослать девяти людям”.

То ли виновники недостаточно старательно переписывали и рассылали письмо, то ли последовавшие события произошли на самом деле случайно, но, так или иначе, вскоре после смерти Баррьентоса новая религия получила подкрепление в виде еще одного несчастья. 10 октября 1970 года, на следующий день после третьей годовщины смерти Че, лейтенант Уэрта, командовавший солдатами, взявшими Че в плен, погиб в результате автомобильной катастрофы.

Следующим звеном в этой цепи стало убийство подполковника Селича, одного из тех немногих достаточно высокопоставленных военных, которые разговаривали с Че в школе Ла-Игуэры; Селич пытался унизить пленного врага.

Позднее, во время диктатуры Уго Бансера, он стал министром внутренних дел и был в начале семидесятых годов во время “серии допросов” избит до смерти агентами военной разведки, поймавшими его во время подготовки еще одного из множества тех переворотов, которые составляют боливийскую историю.

В апреле 1971 года полковник Роберто Кинтанилья, бывший в 1967 году руководителем разведки в Министерстве внутренних дел и присутствовавший при ампутации кистей рук, которого несколько лет спустя пытался убить Инти Передо, был казнен в Гамбурге Моникой Эарит, членом Национально-освободительной армии. Выдав себя за немецкую гражданку, желавшую получить визу, Моника вошла в боливийское консульство, попросила о встрече с полковником Кинтанильей, дважды выстрелила ему в грудь и спокойно ушла.

“Проклятие” Че не всегда несло смерть тем военным, которые принимали участие в антипартизанских действиях. Порой оно проявлялось и в других формах. Феликс Родригес, агент ЦРУ, опознавший, Че и сфотографировавший его дневник, вернувшись в Майами, начал страдать от астмы. Следует учесть, что в большинстве случаев астма проявляется с детских лет, а он прежде и понятия не имел, что это такое. “Когда я вернулся в Майами... со мной приключился приступ астмы. Я проделал всевозможные обследования на аллергию, и ни одна из проб не была положительной. Медики пришли к выводу, что у моей астмы или какие-то психологические причины, или же это проклятие Че, поскольку приступы случались у меня и при сухой, и при влажной погоде, в холод и в жару”.

Майор Хуан Айороа, командовавший рейнджерами, участвовавшими в последних стадиях кампании против Че, в его захвате и убийстве, в конце сентября 1972 года был выслан из страны правительством Бансера.

Генерал Хуан Хосе Торрес, бывший начальником Генерального штаба вооруженных сил во время действий Че в Боливии и поставивший вторую подпись на приказе о казни, спустя несколько лет сам пришел к власти в стране, но был свергнут в результате военного переворота. Он был убит в Буэнос-Айресе 12 февраля 1976 года тремя выстрелами в голову участником крайне правой группы “Трипл-А”.

Еще через два месяца пришел черед генерала Хоакина Сентено Анайи, который, будучи командиром 8-й дивизии, передал приказ о казни Че своим подчиненным. Он стал послом Боливии во Франции и в мае 1976 года в Париже был застрелен. Ответственность за его смерть взяла на себя организация, назвавшаяся Интернационалистской бригадой Че Гевары, о

которой никто не слышал ни до, ни после этого события. Сентено был убит тремя выстрелами в упор из пистолета калибра 7,65 прямо перед дверью посольства. Ему предъявили публичное обвинение в том, что он предоставлял укрытие в Боливии старым нацистам, таким, как Клаус Барбье.

Гари Прадо Сальмон, армейский капитан, взявший Че в плен, получил тяжелое ранение в начале 1981 года в бою с фашистской группой, захватившей нефтяное месторождение в Санта-Крусе. У него были пробиты оба легких, а также поврежден позвоночник, в результате чего он остался парализованным. Что удивительно, его поразил случайный выстрел одного из его собственных людей, чье имя так и не удалось узнать.

Через двадцать лет после описанных ранее событий бывший министр внутренних дел Антонио Аргедас получил восемь лет тюрьмы в Боливии за похищение торговца; из предыдущей главы можно заметить, что это была далеко не первая из его неприятностей.

О судьбе главного сержанта Марио Терана известно очень немного. Правда, из отрывочных газетных сообщений следует, что он привык шляться пьяным по улицам Кочабамбы, что Че часто является ему в кошмарах и что, как и сержанту Бернардино Уанке, ему часто приходится прибегать к услугам психиатров.

59. Образы и призраки.

Аргентинский поэт Пако Уриондо, погибший несколько лет спустя от рук военной хунты уже своей собственной страны, узнав о смерти Че, написал:

"Всю неделю будет непрерывно идти дождь, и неверующие или лишенные суеверия будут считать, что это всего лишь совпадение, что происходящее просто случайно, хотя и несколько необычно. С каждым разом друзья приходят все сильнее промокшими, а теперь эта мрачная погода будет длиться больше, чем когда-либо. Но на сей раз не будут гадать насчет Буэнос-Айреса; люди не станут разговаривать об унынии и бедствиях, что терзают их, - нет, нет, даже его обитатели - на сей раз они станут гадать о чем-то ином, где нет мира, а одна лишь тишина".

Селия, четвертая дочь Че, родилась в 1963 году, в предпоследний год работы ее отца министром промышленности Кубы; за полтора года до того, как он уехал в Конго, и может составить представление об отце только через воспоминания других людей. Она много раз пыталась прочесть боливийский дневник, но так и не смогла заставить себя сделать это.

Фидель Кастро говорит, что в последние годы ему часто случается видеть Че во сне. Он признался итальянскому журналисту Джанни Мине, что Че говорит с ним и "рассказывает мне о многом".

Ана Мария, сестра Че, в начале семидесятых сказала испанскому журналисту: "Время от времени я чувствую, что кто-то смотрит на меня, но и не только на меня, как будто я могла бы . каким-то образом стать им, и я ощущаю, что я будто бы не одна, и не знаю, что делать. Я должна научиться жить с этим".

В этом нет ничего очень уж необычного. Все мы знаем, что неким странным и удивительным образом умершие оставляют огромную пустоту, зияющее отверстие в жизнях тех, кто переживает их. Однако Эрнесто Гевара обрел за годы жизни магическую ауру; она не затуманилась после его смерти и коснулась множества людей, никогда не знавших его.

Вскоре после завершения партизанского похода вблизи селения Ла-Игуэра, где жалкий домик школы послужил приютом Че в последние часы его жизни и первые часы после смерти, местность оказалась опустошенной в результате ужасной засухи. Растительность и животные погибли, а крестьяне были вынуждены эмигрировать. Народная мудрость, потаенные слухи, вновь сложенные сказки - все сходится на том, что эта погода

стала божественной карой жителям за то, что они позволили солдатам убить Че.

В Ла-Игуэре клочки волос и испачканные кровью лоскуты брюк Че показывают как святые реликвии. В Лагунильясе уличный фотограф сделал хороший бизнес на продаже фотографий тела, а многие жители города добиваются того, чтобы на каменном столе в прачечной Мальтийского госпиталя поместили фотографию мертвого Че - нового мирского Христа.

Крестьяне Кочабамбы создали своеобразную литанию, странную разновидность молитвы: "Бедненький Че, смилуйся, сотвори чудо, сделай так, чтобы моя корова выздоровела. Выполни мою просьбу, бедняжка Че".

Медсестра из Валье-Гранде, которая раздевала труп Че, признается: "Время от времени я представляю себе Че и вижу его, будто он жив, а он говорит мне, что хочет забрать меня из той жалкой нищеты, в которой я живу".

Здание школы в Ла-Игуэре было разрушено, на его месте построили амбулаторию, но она так и не открылась, в ней ни разу не появился ни один врач, не было никаких лекарств. В конце концов на этом месте воссоздали школу. Уругвайский журналист Эрнесто Гонсалес Бермехо посетил ее в 1971 году:

"- Что ты знаешь о Че? - спросил он крестьянского мальчика, когда учитель не обращал на них внимания.

- А вот он, - ответил ребенок, показывая на портрет Симона Боливара".

Франсиско Ривас, шестидесятилетний кампесино, живший около Ла-Игуэры и имевший четырнадцать детей, сказал: "Тогда я не понимал этого. Теперь я знаю, что много потерял".

В церкви кубинского города Матансаса Эрнесто Гевару можно увидеть на ретабло1 в сонме ангелов, а в другой церкви, в мексиканском штате Тамаулипас, он делит угол фрески с дьяволом.

Смерть Че привела тысячи мужчин и женщин в оцепенение, смущение, удивление, нерешительность. Всего одиннадцать коротких лет на политической сцене - и, совершенно не предполагая того, Че стал живым символом многократно откладывавшейся, многократно предававшейся латиноамериканской революции. Единственное, в чем мы можем быть уверены, так это в том, что такой зачаток мечты создан из бессмертного материала. Тем не менее Эрнесто Гевара умер в Боливии. Уругвайский поэт Бенедегти написал:

И вот мы там потрясенные разгневанные пусть даже смерть могла оказаться еще одной предсказуемой нелепостью.

В Санта-Кларе воздвигнута бронзовая статуя Че высотой в

двадцать один фут работы Хосе Деларры, того самого, который дал фарфоровый медальон с портретом Че кубинскому космонавту, так что Че мог побывать за пределами атмосферы. Статуя изображает коренастого, почти толстого Че Гевару с бородой, как у Сайта-Клауса, и без улыбки. Это общая беда со статуями - бронза очень плохо воспроизводит улыбку.

Я взял интервью у Дариэля Аларкона в его доме в предместье Гаваны. Он остроумный, улыбчивый человек, но к концу интервью, когда он вспомнил, что Инти Передо, Гарри Вильегас, Леонардо Тамайо и он сам, возможно, смогли бы спасти Че в полдень того октябрьского дня, на комнату легла тень. Это одна из тех вещей, с которыми человек не может примириться до конца жизни.

Я разговаривал с бывшим секретарем Че Хосе Мануэлем Манресой в темноте, так как в том районе Гаваны, где он живет, как раз тогда произошло отключение электроэнергии. Время от времени он запинался, следы переживаний отпечатывались на его рукаве.

"- Вы, люди Гевары, те, кто жил рядом с Че, производите такое впечатление, будто вы помечены, заклеймены на лбах буквой Z, как это имел обыкновение делать Зорро.

- Мы были бедными заблудшими душами, которые шли по жизни неведомо куда и просто ожидали, чтобы нам встретился такой человек, как Че".

Наступила долгая тишина, а потом раздалось приглушенное рыдание. Никто не знал, о чем еще спросить.

Ощущение того, что они оказались брошенными, что Че ушел без них, убивает их. Хоэля Иглесиаса постиг серьезный кризис, из-за которого он начал пить. Альберто Мора покончил с собой. Диас Аргельес так и не смог простить Че за то, что тот взял с собой его закадычного приятеля Густаво Мачина, а не его самого, и не простил Че даже в момент собственной гибели спустя несколько лет в Анголе, в бою против южноафриканских бронеавтомобилей, в сражении эпического уровня, вполне достойного самого Че. Эфихенио Амейхейрас вздрагивает, рассказывая о том, что он мог сдерживать энтузиазм Че, от ощущения боли из-за того, что не был там, где было необходимо это сделать. Виктор Дреке много лет продолжает задавать себе один и тот же вопрос: какие он мог допустить ошибки в Африке, что Че не взял его в Боливию. И хотя приходит к одному ответу: "Никаких" - вопрос продолжает терзать его. Этот же вопрос задают себе и братья Асеведо, и друг Че Оскар Фернандес Мель, и Эмилио Араго-нес, который, вернувшись из Африки, тяжело заболел, так что чуть не умер. Так же поступает и Улисес Эстрада,

которого Че отослал из Праги, потому что он был слишком уж заметен. И Орландо Боррехо, заместитель Че в Министерстве промышленности. И Энрике Ольтуски, который намерен все же написать книгу, где будет сказано, что они не могли договориться об очень многих важных вещах... И когда я разговариваю с ними, я готов дать голову на отсечение практически без риска ее потерять, что и сегодня, почти через тридцать лет-после его смерти, на Кубе есть сотня мужчин и женщин, готовых продать свои души дьяволу в обмен на возможность погибнуть вместе с Че в Боливии.

Я должен был найти еще одну, последнюю из фотографий Че. В доме Тео Брунса в Гамбурге есть плакат с надписью: "Товарищи, реклама всех вас есть у меня дома. Че". Я был благодарен за передышку, за возвращение этого язвительного остроумия, которое было так свойственно ему в жизни.

Мой сосед и друг Хуан Гельман написал некоторое время тому назад:

Но серьезно то что Че действительно вступил в смерть и скитается поблизости говорят

Красивый и камни под его руками я из страны где теперь Гевара должен умереть другими смертями, каждая из которых искупит его смерть теперь кто смеялся стал пылью и пищей для червей теперь может он который кричал думать об этом и может он кто забыл забыть или помнить.

Есть память. Из тысяч фотографий, плакатов, футболок, звуко и видеозаписей, открыток, портретов, журналов, книг, фраз, докладов - всех тех призраков, населяющих индустриальное общество, которое не знает, каким образом внедрить свои мифы в рассудочность памяти, - Че смотрит на нас. Он наш мирской святой. Несмотря на все превратности, он возвращается. Хотя после его смерти прошло уже тридцать лет, его образ продолжает общение с поколениями, сменяющими одно другое, его мифическая личность - непочтительная, шутливая, упрямая, нравственно непоколебимая, незабываемая - воспаряет над неолибералистскими заблуждениями знати.{43}

comments

Комментарии

1

1. Маленький Гевара: детство - это судьба

Философский Словарь

Сохранилось семь тетрадей; четвертая по порядку оказалась утеряна. Мария дель Кармен Арьет, помогавшая вдове Че Алейде Марч, имела доступ к этим все еще не опубликованным документам, которые остаются закрытыми для большинства историков, и прокомментировала их в своей книге. Несколько страниц воспроизведены в виде факсимиле в книге "Ernestito vivo y presente". Судя по всему, Че делал эти записи в возрасте двадцати семи лет, в частности во время пребывания в Мексике.

2

2. Воспоминания о прошлом главного героя

Разрыв в семье

Если этот эпизод действительно имел место, то в книге Эрнесто Гевары Линча, в которой, как считается, история семьи изложена достоверно, он опущен. Дэниел Джеймс, со ссылкой на Элмара Мая, утверждает, что родители разошлись из-за разногласий в экономических вопросах и неверности Эрнесто-старшего, после чего отец Че открыл контору на улице Парагвай и в основном там и жил, хотя и навещал семью дома. Никакого иного подтверждения этой истории, датируемой 1949 годом, я не нашел.

Письма Эрнесто, написанные в течение трех последующих лет, были адресованы то отцу, то матери, то обоим сразу, что дает основания полагать, что они жили вместе. Однако достоверно известно, что отношения Эрнесто с отцом всегда были несколько отдаленными, тогда как к матери он испытывал безграничную привязанность. Но можно ли это различие в отношении сына к родителям объяснять конфликтом между родителями?

3

3. Открытие Латинской Америки

Дневники

Писатель Хорхе Кастанеда в беседе обратил мое внимание на несоответствия между той версией дневника, которую Эрнес-то-старший опубликовал в "Mi hijo el Че" ("Мой сын Че") и той, что увидела свет в "Notas de viaje" ("Путевые заметки"). Там, где он усмотрел преступные признаки цензуры, я увидел только то, что Эрнесто частенько делал, - то есть переработку текста; он всегда относился к своим дневникам как к черновым материалам, нуждающимся в капитальном редактировании. Именно так он поступал с дневниковыми записями военных времен, которые затем увидят свет уже как книги, получившие названия "Воспоминания о революционной вой не" и "Воспоминания о революционной войне (Конго)". Я воспринимаю текст "Notas de viaje" как переработанную версию дневника (по словам самого Че "более чем через год после того, как записи были сделаны"), в которой он по каким-то собственным соображениям отходит от хронологической последовательности, несомненно имевшейся в оригинале. Это еще раз подтверждает тот факт, что опубликование рукописей Че не в полном объеме порой служит причиной недоразумений.

4

6. Гватемала: момент истины

Поезд на юг

До сих пор не ясно, была ли у Эрнесто, в дополнение к его горячему стремлению, реальная возможность принять участие в боевых действиях в последние дни существования правительства Хакобо Арбенса. В мемуарах Ромеро есть такая фраза: "Однажды, когда мы ехали поездом на фронт, армейский сержант в Сакапе сказал нам, что лучше вернуться в столицу, так как предательство уже свершилось". Но Ромеро не пишет, участвовал лив этой поездке Эрнесто.

Раздумья о Гватемале

В мемуарах Ильды Гадеа есть несколько упоминаний о состоявшихся в последующие годы беседах о событиях в Гватемале в более поздних годах, и в ходе каждой из них всплывал один и должны были сражаться?"

1 мая 1955 года в Мексике Эрнесто, воспользовавшись случаем, задал этот вопрос Фортуни, секретарю Гватемальской коммунистической партии, и не был удовлетворен полученным уклончивым ответом.

Поворотный пункт

Долорес Мойано полагает, что в результате пребывания в Гватемале Эрнесто превратился из скептика в активиста. Это мнение разделяют многие авторы, которые воспринимают Гватемалу как точку политического поворота в сознании Гевары, его радикального переопределения. Необходимо заметить те колебания в политическом мировоззрении Гевары мексиканского периода, для того чтобы понять, что это мнение не является исчерпывающим, хотя государственный переворот, свидетелем которого он оказался, несомненно, произвел на него глубокое впечатление.

Статья

Различные источники расходятся во мнениях по поводу точного времени ее создания. Далмау считал, что Эрнесто написал ее "среди разрывов бомб"; говорили также, что он работал над ней, скрываясь в аргентинском посольстве. Ильда Гадеа утверждает, что записала ее под диктовку Эрнесто. Если это так, значит, она была написана еще до полной победы контрреволюционеров. Зато большинство авторов сходятся на том, что онабыла озаглавлена "Yo vi la caida de Jacobo Arbenz" ("Мой взгляд на падение Хакобо Арбенса"), и насчитывала более дюжины страниц. Статья была скопирована во множестве

экземпляров, один из них был послан в Аргентину, а остальные, судя по всему, оказались безвозвратно утрачены. Статья заканчивалась словами: "Битва начинается теперь".

7. Порты захода

Знакомство с Фиделем

Кубинские историки и журналисты были очень неточны в своих описаниях первой встречи Че и Фиделя.

Фидель прибыл в Мериду 7 июля 1955 года. Там он пересел на другой самолет, принадлежавший мексиканской авиакомпании, и рейсом № 566 прилетел в Веракрус. Саладо датирует встречу сентябрем, многие другие относят ее на август, Массари - на ноябрь, а Ильда Гадеа говорит о начале июля. Фидель говорит неуверенно - "июль или август". Я твердо уверен, что встреча состоялась на второй неделе июля, потому что на третьей неделе они уже встречались и приняли участие в церемонии у памятника Мальчику-герою.

Предатель

Кубинская история не указывает с достаточной определенностью на личность предателя, внедрившегося в состав группы Движения 26 июля в Мексике. Антонио дель Конде утверждал спустя много лет, что это был Рафаэль дель Пино. И. Лаврецкий приводит больше подробностей, утверждая, что кубинское посольство в Мексике подкупило предателя в среде мятежников - телохранителя Фиделя-за 15 000 долларов. Байо позднее обвинял Рикардо Бона-чеа, расставшегося с Движением за несколько недель до неприятностей, обрушившихся на кубинцев. В книге Минервы Сала-дос приводятся доказательства того, что Мигель А. Санчес, Кореец, принимавший участие в обучении, но не принявший участия в плавании "Гранмы", имел связи с кубинским посольством.

Судьба Патохо в Мексике

Че: "Эль-Патохо проводил время, работая журналистом, изучая физику в университете Мехико, то бросая занятия, то вновь возобновляя их, не добиваясь в них особых успехов, зарабатывая на жизнь самыми разными работами в нескольких местах; но он никогда не просил ни о чем. Я до сих пор не могу сказать, был ли этот чувствительный и самоуглубленный мальчишка невероятно застенчивым или чересчур гордым для-того, чтобы признаться в некоторых своих слабостях и глубоко личных проблемах и обратиться к друзьям с просьбой о помощи, в которой он мог нуждаться".

Стихотворение

Че так и не отдал Фиделю свое стихотворение "Пойдем, сияющий пророк рассвета..." Согласно одному из источников, он

передал его Ильде в тюрьме "Мигеле Шульц"; согласно дру гому, оно находилось в чемодане, который он оставил Ильде, покидая Мексику: "Он оставил мне свой чемодан, в котором была книжка стихов". Во всяком случае, ясно, что сам автор не видел в стихотворении достоинств и воспринимал его лишь как один из эпизодов своей биографии.

Спустя несколько лет это стихотворение опубликовал Леонель Сото, редактор "Верде оли-во", на что Че послал ему сердитое письмо с требованием не печатать больше ничего без его личного согласия, особенно эти ужасные стихи. Че считал свою поэзию глубоко личным делом. В другом случае, когда Пардо вознамерился опубликовать или прочесть по радио другое стихотворение, Че в шутку пригрозил ему расстрелом.

8. "Гранма" черпает воду

Продовольственные запасы на борту "Гранмы"

Две тысячи апельсинов, сорок восемь банок сгущенного молока, четыре окорока, коробка яиц, 100 плиток шоколада и 100 фунтов хлеба. Всего этого должно было хватить для восьмидесяти двух человек на время рейса.

Восстание в Сантьяго

Франк Пайс планировал нанести ряд ударов и совершить диверсионные акции, но приказал при этом избегать всякой активности на участке между Ман-санильей и Пилоном, чтобы не привлечь случайно войска к месту предполагаемой высадки.

Был намечен следующий план действий: захват полицейского участка, нападение на управление морской полиции, окружение казарм Монкада, захват форта Кинтеро, освобождение политических заключенных и захват оружия. Далее городские партизаны планировали захватить аэропорт и присоединиться к высадившимся повстанцам. От идеи всеобщей забастовки отказались, так как в то время Движение 26 июля еще практически не имело связей с рабочим движением.

В октябре 1956 года Франк Пайс и Фидель Кастро пришли к соглашению о том, что восстание должно начаться спустя пять дней после того, как "Гранма" выйдет в плавание. Телеграмма с этим известием была получена в одиннадцать утра 27 октября, так что восстание не только не было отложено, но даже началось на день раньше, поскольку организаторы опасались, что известие о высадке революционного десанта может быть подвергнуто цензуре. В Сантьяго в выступлении участвовали 200 человек; тогда впервые на улицах появилась оливково-серая униформа Движения 26 июля. Армейское командование получило неопределенную информацию о готовившемся восстании в ночь накануне его начала, но ему не удалось узнать, где и когда оно начнется.

Ударные группы Д26 контролировали город в течение двух часов, но затем армия и полиция объединили свои силы и в сумерках предприняли контратаку. Захватить тюрьму и освободить заключенных удалось, нападение на полицейский участок тоже можно было считать успешным, зато попытка окружить Монкаду потерпела неудачу. 1 декабря на крышах еще скрывались отдельные снайперы повстанцев, но Движение в целом перешло к подпольной работе.

Судьба "Гранмы"

Яхта находилась все эти годы на попечении сержанта Пантохи, под присмотром бдительных глаз друзей и родственников рулевого Кольядо. Камило Сьенфуэгос поручил ему спасти яхту, после того как Кольядо после победы революции был освобожден из тюрьмы на острове Пинос. Когда Фидель 8 января 1959 года вступил в Гавану, Кольядо доложил ему, что яхта готова к плаванию.

После того как небольшое суденышко дало свое название газете и кубинской провинции и стало одним из объектов национального достояния (на Кубе есть только одно судно, чья популярность может сравниться с популярностью "Гранмы", это яхта Эрнеста Хемингуэя на его ранчо в Сан-Франциско-де-Па-ула), оно стало музейным экспонатом, и посетители вновь и вновь задают один и тот же вопрос: как могли восемьдесят два человека провести семь дней на этой скорлупке?

Эфихенио Амейхейрас: "Некоторое время тому назад восемьдесят два пионера забрались на яхту "Гранма", подражая вось мидесяти двум участникам первой экспедиции. Удивительно, но, как они ни толкались, им не удалось разместиться на судне. Некоторым мальчишкам пришлось забраться на крышу. А теперь представьте себе, что значило плыть на этой яхте, настолько перегруженной, что ватерлиния у нее находилась глубоко под водой".

9. Катастрофа

Потери

Как ни странно, но засада в Алегриа-де-Пио не повлекла за собой многочисленные потери среди повстанцев - сразу погибло лишь два человека, а еще один скорее всего был ранен, захвачен в плен и убит военными. Но в течение ближайших дней попало в плен и было убито на месте восемнадцать человек из числа рассеявшихся повстанцев, а еще семнадцать, также попавших в плен, были заключены в тюрьму.

Реплика

Вошедшую в мифологию кубинской революции реплику "Здесь никто не сдается, черт возьми!" ("Не успев познакомиться с Камило, я уже знал по символическому восклицанию"), которую Че приписал Камило Сенфуэго-су, как выяснилось позже, произнес Хуан Альмейда, который никогда не решался поправить Че и потому молчал об этом.

Дневники

Фидель: "У Че как партизанского бойца была привычка тщательно записывать в дневнике все свои наблюдения за день. Во время длительных переходов через труднопроходимую местность, в глубине влажных лесов, когда люди, сгибавшиеся пополам под тяжестью огромных рюкзаков, устраивали небольшой привал или после изматывающего марша получали приказ остановиться и разбить лагерь, можно было видеть, как Че берет книжечку и делает в ней пометки своим мелким, подчас неразборчивым докторским почерком". Че вел дневники в продолжение всей Кубинской революции. Однако опубликованы лишь дневниковые записи первых месяцев.

10. Идти некуда

Селия и крестьянская сеть

Кубинские историки вообще склонны недооценивать значение сети сельских активистов, основанной в предгорьях Сьер-ра-Маэстры Селией Санчес. Если исходить только из их утверждений, то получается, что скитавшиеся по горам повстанцы исключительно в силу случая натыкались на пользовавшихся влиянием в округе кампесинос, которые предлагали продовольствие, укрытие и прежде всего показывали дорогу. Сам Че не придавал большого значения этой сети, хотя на самом деле она сыграла в революции важнейшую роль.

Начиная с января 1956 года Селия Санчес, дочь обеспеченного врача, начала под руководством Франка Пайса готовить организацию политических активистов на востоке Кубы, ожидая возвращения Фиделя Кастро во главе освободительной армии. Она досконально знала сельские районы в муниципалитете Ни-кера, поскольку выросла в Пилоне, маленькой деревушке, расположенной между Сантьяго и Мансанильей.

При помощи Кресенсио Переса Селия смогла организовать сеть, в состав которой входило нарождавшееся крестьянское вооруженное ополчение, а также ряд складов продовольствия, горючего и боеприпасов.

Перес оказывал вооруженное сопротивление выселениям, которые производили жандармы по указанию землевладельцев.

Камило и еда

Че: "Камило был всегда голоден и хотел есть - не важно, как или где, он просто хотел есть. У нас случались из-за него настоящие неприятности, потому что он всегда стремился войти в крестьянскую хижину и попросить чего-нибудь съестного, и дважды, послушавшись советов этого великого обжоры, мы чуть не попадали в руки армии. Тогда погибла дюжина наших товарищей. На девятый день перехода его ненасытность победила. Мы пришли в хижину кампесино, объелись и все заболели. Среди больных, конечно, был Камило, который в одиночку съел целого козленка. В то время я был скорее медиком, чем солдатом, и поэтому назначил ему диету и приказал весь день не выходить из хижины".

Эфихенио Амейхейрас сказал, что в то время было совсем не трудно съесть козленка, а вот как насчет того, чтобы повторить подвиг Камило, который съел целый котел риса и цыпленка?

11. Воскресение из мертвых на реке Ла-Плата

Репрессии против крестьян

Крестьянина, которого тащил на веревке капрал Басол - повстанцы не освободили его, чтобы не выдать себя, - ожидал трагический конец. Че: "Мы считали, что этот кампесино находится вне опасности, поскольку в момент нашего нападения его не оказалось ни в казарме, ни на передовой. Но на следующий день, когда стало известно о нашем нападении и его результате, он был безжалостно убит в Эль-Масио".

Раненые

Че: "Наше отношение к раненым составляло противоположность тому, что было обычным в армии. Они не только убивали наших, но и бросали своих. Эта разница показала себя спустя некоторое время и явилась одной из причин нашей победы. Несмотря на мое нежелание - как врач я считал необходимым сохранить запас медикаментов для наших людей, - Фидель приказал выдать все возможные лекарства пленным, чтобы те могли оказать помощь своим раненым. Именно так мы и поступали".

Хулио Сенон Акоста

Че: "Хулио Сенон Акоста тоже оказал большую поддержку в это время. Он был неутомим, он знал страну, он всегда помогал товарищу, которому в чем-то не повезло, или же городскому товарищу, которому не хватало сил, чтобы выбраться из болота. Именно он носил воду из дальнего колодца, мог быстро развести костер, именно он разыскал в лесу ямайское розовое дерево, благодаря которому мы смогли в дождливый день разжечь огонь".

Хуан Альмейда: "Он был тогда, если можно так выразиться, отрядом, состоявшим из одного человека. Сильный, жесткий чернокожий человек сорока или сорока пяти лет".

Мэтьюз

Герберт Мэтьюз поплатился за свой интерес к повстанцам. После того как кубинские революционеры пришли к власти и особенно после того как Фидель Кастро в 1960 году принял левую ориентацию в политике, Мэтью-зу изрядно досаждали сенатскими расследованиями, любопытством ФБР и преследованиями со стороны крайне правых групп.

Опять Камило

Че: "Мы постоянно сталкивались из-за вопросов дисциплины, из-за проблем, порожденных различными точками зрения и различным восприятием со стороны партизан. Камило в те дни

был очень непослушным и очень темпераментным партизаном".

12. Казнь

Налет на Национальный дворец

В апреле 1957 года Франки написал Пайсу письмо (оно было сразу же после налета изъято вместе со всем имуществом типографии, где печаталась газета "Революсьон"), в котором характеризует политический климат, существовавший в то время в среде революционных сил. Указал на общие положения Д26 и Директората: "Они такие же, как и мы, не считая некоторых различий, а именно: роль Гаваны, которую они оценивают слишком высоко, а мы недооцениваем; они одобряют дальнейшее развертывание вооруженного сопротивления и боевые действия в Сьерре и разделяют наше беспокойство насчет доминирующего положения Фиделя". Различия с Народно-социалистической партией: "Они критикуют диверсии и партизанскую войну. Они говорят, что мы играем на руку террористам, находящимся у власти. Они говорят, что Д26 - это заговорщицкая мелкобуржуазная партия, которая ведет безрассудную политику. Они не понимают природы тирании и не считают революцию возможной".

Дебрэ: испытанные и честные

"Характер Че не противоречит его мифу, но сам он был кем-то другим и более сложным. Неподкупный поборник справедливости, идеалистический герой, романтический авантюрист? Конечно, но нужна ли человеку розовая вода для того, чтобы быть романтичным, или вера в то, что идеалисты в действии подобны сестрам милосердия? Революционер, как я уже говорил раньше, движим прежде всего чувством любви, но он Че имел обыкновение скрывать свою собственную нежность, словно это была слабость. Находясь в самом сердце кубинского руководства, он не был склонен к снисходительности, а в жестоких дилеммах "революционного правосудия" (аресты или казни подозреваемых или, возможно, причастных), он больше склонялся к линии поведения Робеспьера, нежели Дантона, и, уж конечно, никак не Фабра д'Эглантина. Как противоположность Фиделю. Миф отвел им противоположные роли, а с мифами нельзя ничего поделать".

Ковбой Кид

Че: "Ковбой Кид и еще один товарищ наткнулись на нас в один и тот же день. Они сказали, что искали нас больше месяца. Он сказал, что жил в Мороие, провинции Камагуэй, а мы, как всегда в таких случаях, подробно расспросили его и провели с

ним начальное обучение политграмоте. Обычно этим занимался я. Ковбой Кид не имел никаких политических идей и казался просто-напросто здоровым, веселым мальчишкой, рассматривавшим все происходившее как большое приключение. Он был бос, и Селия Санчес дала ему свои запасные ботинки. Они были то ли фабричного производства, то ли ручной работы в мексиканском стиле и оказались единственной обувью, которая по дошла малорослому Ковбою Ки-ду. В своих новых ботинках и большой соломенной шляпе он походил на мексиканского ковбоя и именно из-за этого получил свое прозвище...

Ковбой Кид был ужасным лгуном - он, вероятно, никогда не говорил ничего без того, чтобы приукрасить правду до такой степени, что она становилась совершенно неузнаваемой, но в своих действиях... Ковбой Кид показывал, что различия между фактами и фантазией не были совершенно четкими, и на поле битвы он демонстрировал то же самое опрометчивое поведение, которое он приписывал себе, когда не участвовал в бою.

Я однажды через некоторое время после его присоединения к нам, по окончании ночных чтений, принялся расспрашивать Ковбоя Кида. Он начал рассказывать мне о своей жизни и между делом, чтобы занять руки, рисовал цифры карандашом. Когда он закончил, рассказав множество захватывающих анекдотов, мы спросили его, сколько ему лет. По его словам, ему было чуть больше двадцати, но судя по тем подвигам, о которых он рассказал, он приступил к их совершению еще лет за пять до своего рождения".

Эндрю Сент-Джордж

Че: "В то время он продемонстрировал, только одно из своих обличий, наименее уродливое из всех, - журналиста-янки. Кроме того, он работал на ФБР. Поскольку я единственный из всего отряда говорил по-французски (по-английски тогда не говорил вообще никто), я должен был заботиться о нем, и, честно говоря, он не казался мне похожим на ту опасную персону, которая появится в более позднем интервью, где он больше не был обязан скрывать свою тайную работу" .Джим Ноэль, бывший тогда резидентом ЦРУ в Гаване, говорил Дорчестеру и Фабрицио, что Сент-Джордж сотрудничал с одним из его людей.

13. Картинки в пыли

Потери армии

Че: "Из одного лишь пристрастия к статистике я собирал все данные о потерях у наших врагов, предоставленные нашей стороной в ходе боевых действий, и оказалось, что их число превышало всю численность противостоявшей нам группы. Фантазия заставляла каждого человека приукрашать свои собственные подвиги. Этот и другие подобные опыты заставили нас понять, что цифры должны быть определенно подтверждены несколькими людьми. Мы пошли даже на то, чтобы потребовать предъявления предметов одежды каждого из погибших для того, чтобы подтвердить гибель противника. Беспокойство о правдивости всегда было важным для Повстанческой армии, и мы попытались заронить в души наших товарищей глубокое уважение к ней и объяснить необходимость поставить правдивость на первое место перед любой мимолетной выгодой".

Батиста и Че

Че обнаружил лейтенанта Педро Паскаля Карреру, лежавшего раненым, когда вошел в изрешеченное пулями здание казармы Эль-Уверо. Каррера был уверен, что мятежники убьют его. Че объяснил, что они не убийцы и щадят раненых, и собственноручно оказал ему медицинскую помощь. Каррера спас Сильероса от доставки в Сантьяго. Позже, при личной встрече с Батистой, он рассказал диктатору о происшедшем. "Там был один человек, который вел все разговоры. Это был лидер, который обращался со мной должным образом, хотя мы и нанесли им потери. Он говорил с иностранным акцентом, и он врач". Батиста прервал меня и воскликнул: "Это Че, коммунистический преступник!" Я сразу же сказал ему, что уверен в том, что они отпустят назад моих товарищей, которых взяли в плен.

Табернилья прервал меня: "Заткни пасть, говнюк, ты просто ведешь пропаганду в пользу этих бандитов... Наши товарищи наверняка уже мертвы". Мои люди появились через три дня, живые и здоровые".

Че о Чибасе и Пасосе

Че: "Это были два совершенно не похожих друг на друга человека. Рауль Чибас просто-напросто грелся в лучах славы своего брата, который и в самом деле являлся на Кубе символом эпохи, но он не имел ни одного из достоинств брата. Он не обладал ни красноречием, ни мудростью, ни интеллигентностью. Похоже, что именно благодаря своей посредственности во всем он

и сделался светилом в ортодоксальной партии. Говорил он мало и хотел покинуть Сьерру как можно скорее. Фелипе Пасос был человеком в себе. Его уважали как большого экономиста, и, что важнее, он имел репутацию честного человека, заработанную благодаря тому, что он не запускал рук в общественную казну, находясь в администрации, в которой преступления и воровство были столь же обычным занятием, как и при Прио Со-кратесе, когда тот возглавлял Национальный банк. Можно считать, что в те дни остаться неподверженным этой всеобщей болезни было редким и ценным достоинством. Это достоинство могло помочь чиновнику сделать карьеру, оставаясь при этом слепым по отношению к огромным проблемам, стоявшим перед его страной, но что можно сказать о революционере, который не осуждал ежедневные невероятные злоупотребления, совершавшиеся в стране в ту эпоху той эры каждый день? Фелипе Пасос умудрялся не делать этого, и после спешного переворота, осуществленного Батистой, его вскоре выжили с поста руководителя Национального банка, вместе с его честностью, его знаниями и его всеобщим престижем талантливого экономиста. Он был достаточно тщеславен для того, чтобы считать, что мог бы явится в Сьерру и, как это представлялось его крошечному мозгу макиавеллиевского склада, взять в свои руки бразды правления страной. Он, возможно, уже подумывал о переходе на сторону Дви жения или же пришел к такому решению позже, но его поведение не было никогда вполне искренним".

14. Майор

Самоубийство Роберто Родригеса

Че: "Роберто Родригес был лишен оружия за невыполнение приказов. Он был очень недисциплинирован, и взводный лейтенант в качестве дисциплинарного взыскания приказал ему сдать оружие. Роберто Родригес взял револьвер у товарища и застрелился. У нас возникли кое-какие разногласия, так как я выступал против того, чтобы ему были оказаны воинские почести, тогда как бойцы были склонны считать его еще одним из погибших в бою. Я доказывал им, что самоубийство при наших обстоятельствах это враждебное действие, независимо от того, насколько прекрасными качествами обладал их товарищ. После попыток воспротивиться люди проводили тело товарища в последний путь, но без почестей.

За день или два до случившегося он рассказал мне кое-что из истории своей жизни, и можно сказать, что он был чрезмерно чувствительным мальчиком, которому приходилось совершать огромные усилия для того, чтобы приспособиться к трудной партизанской жизни, а также к военной дисциплине; эти явления вошли в противоречие с его физической слабостью и бунтарскими инстинктами".

Убитый щенок.

"Для трудных условий Сьер-ра-Маэстры это был счастливый день. В долине Агуа-Ревес, одной из самых крутых и извилистых в районе Туркино, мы терпеливо следили за продвижением солдат Санчеса Москеры. Упрямый убийца оставлял позади себя сожженные ранчо, и это вызывало возмущение и грусть.

Но стремление настигнуть нас заставляло противника подняться вверх по одному из двух или трех проходов, туда, где находился Ка-мило. Он мог бы также пройти по проходу Невады, или по проходу Хромого, или, как теперь его называют, проходу Смерти.

Камило спешно вышел к нему навстречу с 12 бойцами, но даже и эту горстку он должен был разделить, расставить в трех различных местах, чтобы задержать отряд больше чем в сто солдат. Моя задача заключалась в том, чтобы напасть с тыла на Санчеса Мос-керу и окружить его. Окружение - вот к чему мы стремились, поэтому, стиснув зубы, наш отряд шел мимо дымящихся боио, по тылам противника, особенно к нему не приближаясь. Мы были далеко от него, однако не настолько, чтобы не слышать возгласов карателей. Мы не знали точно,

сколько их было. Наша колонна с трудом передвигалась по склонам, в то время как по дну глубокой впадины шел враг.

Все было бы прекрасно, если бы не новый наш спутник - охотничий щенок нескольких недель от роду. Хотя Феликс неоднократно отгонял его в сторону нашей базы - хижины, где остались повара, щенок продолжал следовать за нами. В этом месте Сьерра-Маэстры очень трудно передвигаться по склонам из-за отсутствия тропинок. Мы проходили место, в котором старые мертвые деревья были покрыты свежими зарослями, и каждый шаг нам давался с большим трудом. Бойцы прыгали через стволы и заросли, стараясь не потерять из виду наших "гостей". Маленькая колонна передвигалась, соблюдая тишину. И только иногда звук сломанной ветки врывался в естественный для этих горных мест шум. Внезапно раздался отчаянный, нервный лай щенка. Собачонка застряла в зарослях и звала своих хозяев на помощь. Кто-то помог выбраться щенку, и все вновь пустились в путь. Но когда мы отдыхали у горного ручья, а один из нас следил с высоты за движением вражеских солдат, собака вновь истерически завыла. Она уже не звала к себе, а лаяла со страху, что ее могут покинуть на произвол судьбы.

Помню, что я резко приказал Феликсу: "Заткни этой собаке глотку. Задуши ее. Лай должен прекратиться!" Феликс посмотрел на меня невидящим взглядом. Его и собаку окружили усталые бойцы. Он медленно вытащил из кармана веревку, обернул ее вокруг шеи щенка и стал его душить. Сперва щенок весело вертел хвостом, потом движения хвоста стали резкими в такт жалобному хрипу, прорывавшемуся через стиснутую веревкой глотку. Не знаю, сколько времени все это длилось, но нам всем показалось оно нескончаемо долгим. Щенок, рванувшись в последний раз, затих. Так мы его и оставили лежащим на ветках.

Мы вновь пустились в путь. Никто о происшедшем не сказал ни слова. Расстояние между солдатами Санчеса Москеры и нами несколько увеличилось, и некоторое время спустя послышались выстрелы.

Мы быстро спускались со склона в поисках удобного пути, который приблизил бы нас к противнику. Судя по всему, он наткнулся на бойцов Камило. Перестрелка была частой, но недолгой. Все мы находились в состоянии напряженного ожидания. Стоило немалого труда дойти до хижины, где, по нашим расчетам, произошло столкновение, там солдат не оказалось. Два разведчика поднялись к проходу Хромого. Некоторое время спустя они вернулись, сообщив, что обнаружили свежую могилу, а в ней каскито (батис-товского солдата). Разведчики принесли документы убитого. Итак, произошла

стычка, и одного солдата убили. Больше мы ничего не знали.

Обескураженные, мы побрели обратно. Разведав окрестность, обнаружили по обе стороны склона следы проходивших вниз людей. Возвращение длилось долго.

К ночи мы дошли до пустой хижины. Это была ферма Мар-Верде. Там остановились на отдых. Быстро зарезали поросенка, сварили его с юккой. Один из бойцов нашел в хижине гитару. Кто-то запел песню.

Может быть, потому, что песня была сентиментальной, или потому, что стояла ночь и мы все до смерти устали, но произошло вот что. Феликс, евший сидя на земле, вдруг бросил кость. Ее ухватила и стала грызть крутившаяся подле него кроткая хозяйская собачка. Феликс погладил ее по голове. Собака удивленно посмотрела на него, а он на меня. Мы оба почувствовали себя виноватыми. Все умолкли. Незаметно всех нас охватило волнение. На нас смотрел кроткими глазами другой собаки, глазами, в которых можно было прочитать упрек, убитый щенок".

13

15. Разногласия

Че о руководителях Движения 26 июля

"На подготовительном этапе, до того, как Фидель уехал в Мексику, национальное руководство составляли: сам Фидель, Рауль, Фаустино Перес, Ньико Лопес, Армандо Харт, Пепе Суарес, Пед-ро Агильера, Луис Бонито, Хесус Монтане, Мельба Эрнандес и Аиде Сантамария (если в моих сведениях нет ошибок, поскольку мое личное участие на том этапе было очень кратким, а сохранившаяся документация очень бедна).

Позже, в то время, когда мы находились в Мексике, Пепе Суарес, Педро Агильера и Луис Бонито вышли из состава руководства из-за какой-то несовместимости или чего-то другого, а Марио Идальго, Альдо Сантамария, Кар-лос Франки, Густаво Аркос и Франк Пайс к нему присоединились.

Из всех товарищей, которых я перечислил, только Фидель и Рауль прибыли в Сьерру и находились там на протяжении первого года. Фаустино Перес, прибывший с нами на борту "Гранмы", отвечал за организацию действий в городах. Педро Мирет был арестован за несколько часов до того, как мы покинули Мексику, и оставался там до следующего года, когда прибыл на Кубу с партией оружия. Ньико Лопес был убит в первые же часы после высадки на берег. Армандо Харт в конце рассматриваемого года (или в начале следующего) был заключен в тюрьму. Хесус Монтане сразу же после высадки с "Гранмы" был взят в плен. Марио Идальго, Мельба Эрнандес, Аиде Сантамария вели работу в городах. Альдо Сантамария и Карлос Франки присоединились к участникам боевых действий в Сьерре на следующий год. Густаво Аркос остался в Мексике, организуя политические контакты и снабжение. Франк Пайс, руководивший действиями в Сантьяго, был убит в июле 1957 года.

Позднее, уже в Сьерре, к нам присоединились: Селия Санчес, которая была с нами в 1953 году, Вильма Эсприн, работавшая в Сантьяго и закончившая войну в колонне Рауля Кастро, Марсело Фернандес, координатор Движения - он пришел на смену Фаустино после забастовки 9 апреля и находился с нами лишь несколько недель, так как его работа проходила в городах, Рене Рамос Ла-тур, который командовал ополчением на Равнине, пришел в Сьерру после неудавшийся забастовки 9 апреля, стал одним из партизанских командиров и героически погиб в бою, а также Давид Сальвадор, лидер рабочего движения. Некоторые из бойцов, воевавших в Сьерре, как, например, Альмейда,

присоединились к нам позже.

Как можно заметить, товарищи с Равнины составляли большинство, и их политическая направленность, не испытавшая воздействия постепенного созревания революционности, привела их к своего рода "мирной" деятельности, а также отдалила от "вождя", которого они с таким страхом видели в Фиделе, а также от "милитаристского" элемента, который в Сьерре представляли мы. Различия были очевидны уже тогда, но они не стали еще настолько значительными, чтобы подтолкнуть к тому насилию, которым был отмечен второй год войны".

17. Наступление

Мнение шпиона о Че

"Элегантный, блестящий, намного более интеллектуальный, чем Фидель. Или Че коммунист, или я за те два года, что изучал коммунистов, так и не видел ни одного. Его штаб располагает всей роскошью, какая могла бы быть в городе: керосиновым холодильником, керосиновой печью, особым продовольствием, сигарами "Уппманн", кока-колой, вином и самыми разнообразными помощниками. Он спит в удобной кровати... Че любит власть.... Че, в отличие от Фиделя, физически слабый человек... Кастро проходит по многу миль в день. Че никогда не ходит пешком: он едет в джипе или верхом на муле. Кастро - очень храбрый человек. Че не особенно храбр, но зато хороший актер, непревзойденный хвастун. Он притворяется, что способен читать даже в то время, когда его дом обстреливают". (Ричард Туллис, батистовский шпион, внедренный в Повстанческую армию).

Коллективизация супа

Эвелио Лаферте: "Мы провели ночь в Минас-дель-Ин-фьерно. Мы промокли под дождем, и хозяин, которого называли Испанцем, живший там, приготовил ужин. Мне кажется, что он зарезал индюка. Он взял его ноги, крылья и потроха и сварил бульон, в который засыпал рису. И еще он приготовил фрикассе, как он сказал: для высокого начальства. Че, проходя через кухню, увидел его и спросил:

- Ну, Испанец, что ты тут делаешь?

- Бульон для мальчишек, промокших под дождем.

А Че продолжает расспрашивать:

- Испанец, а что это за фрикассе?

- Это для вас, офицеров.

Ну а что случилось потом, все знают. Че схватил горшок с фрикассе и вытряхнул его содержимое в котел с бульоном, при этом не переставая бранил Испанца, называя его пройдохой и жополизом. Подхалимаж был, с точки зрения Че, великим грехом, и он часто употреблял эти слова, когда бранил кого-нибудь из провинившихся".

Коммунисты

Во время наступления, где-то после 21 июля, в Сьерру прибыл Карлос Рафаэль Родригес, один из руководителей Центрального комитета НСП, с сообщением о том, что его партия будет оказывать поддержку Фиделю.

Это был один из многих противоречивых поступков НСП, который, вероятно, явился результатом разногласий среди партийных руководителей. После непрерывных и резких критических выступлений по отношению к политике Движения 26 июля на протяжении первого года восстания НСП в феврале 1958 года направило нескольких своих активистов (например, Акосту и Ривальту) для участия в партизанских операциях, а также дала указание своим сельским кадрам сотрудничать с партизанами в провинции Орьенте. Однако в июне, за месяц до этого визита, партия распространила манифест, призывавший ее членов отказаться от участия в вооруженной борьбе.

Карлос Рафаэль встретился с Фиделем как раз 26 июля, во время сражения за Санто-Доминго. Фидель взял его с собой на поле битвы; ему, вероятно, доставило удовольствие наблюдать, как его гость, заслышав свист пуль, бросился на землю. Не сохранилось никаких документов, содержавших информацию о круге вопросов, обсуждавшихся на этой встрече, но когда Карлос Рафаэль в августе возвратился в Гавану, то приступил к мобилизации организаций НСП в провинциях Камагуэй и Лас-Вильяс для оказания поддержки Повстанческой армии, когда та двинется на запад острова.

18. Вторжение

Сколько их было всего? Сколько было грамотных?

Источники не договариваются о количестве участников Вторжения - называют то 142, то 144 человека, по мере того как идут годы, численность партизан то возрастает, то уменьшается. Весьма приблизительными являются и сведения об уровне их грамотности. Че заявил, что неграмотных было 90 процентов, другие сводят их количество до 52 процентов, хотя большая часть из умеющих читать и писать могли делать это лишь на самом примитивном уровне - как, например, Хоэль Родригес или Эдильберто дель Рио (которого Че в Сьерра-Маэстре так и прозвал Неграмотным). Эдильберто дель Рио: "Однажды Че послал меня принести ему книгу. Я не умел читать и поэтому дал ему ее вверх тормашками и сказал: "Че, я не знаю, о чем она, тут написано по-английски", на что он ответил: "Неграмотный, ты держишь ее вверх тормашками". И с тех пор он меня только так и называл".

Судьба Сойлы

Сойла Родригес и Че больше не встречались до окончания революции; тогда, за несколько месяцев до отъезда с Кубы, он побывал в Лае-Мерседесе. "Мы побеседовали", - говорит Сойла.

Участники Вторжения

О Марке Эрмане известно очень немного; документальных сведений об этом загадочном

персонаже также сохранилось крайне мало. Он исчез со сцены незадолго до победы кубинской революции. Его имя приводят в разных вариантах - то как Марк Эрман, то как Эрман Марк. Есть мнение, что он участвовал во Второй мировой войне и был ранен в бою под Гвадалканалом. В первые месяцы 1958 года он занимался обучением новобранцев в колонне Че. Судя по всему, он обладал неприятным характером, из-за которого его не слишком любили люди, да и Че в книге упоминает о нем только мельком. Но при этом Че, должно быть, вполне доверял ему, так как во время Вторжения назначил его на очень важный пост.

Мануэль Эрнандес Осорио родился 17 марта 1931 года в Диаманте, одном из местечек, примыкающих к предместьям Санта-Риты, в провинции Орьенте. Его родителями были кампесино испанского происхождения и женщина смешанной расы, дочь хозяина небольшой лавки. Подростком он буквально не слезал с седла, в его тощей, долговязой юношеской фигуре скрывалась огромная энергия. Он работал рубщиком тростника, потом катал тачку в шахте Чарко-Редондо, где основал ячейку

Движения 26 июля. Там же он украл динамит. Потом он решил принять участие в вооруженной борьбе и с несколькими товарищами отправился в Сьерру на поиски повстанцев. Друзьям вскоре надоело рыскать по горам, а он продолжал упорствовать и в конце концов наткнулся на дозор партизан, которые, для первой проверки, сказали, что они были из армии Батисты.

"Можно сказать, чертовски не повезло - я пришел, чтобы примкнуть к Фиделю Кастро".

Революционный Директорат 13 марта

После неудачного нападения на Национальный дворец и распад кадрового состава Директорат смог восстановиться. Его силы провели серьезную вылазку в Нуэвитасе, организовали войсковой фронт в Лас-Вильясе и возобновили активность в Гаване.

19. Новые горы, новые проблемы

Виктор Бордон

Бордон был рабочим с сахарной плантации, взявшийся за оружие в конце 1956 года для того, чтобы сопротивляться правительственным репрессиям. Когда Движение 26 июля организовало восстание в Лас-Вильясе, он не принимал в нем участия. После неудачной апрельской забастовки новый провинциальный координатор Эн-рике Ольтуски организовал партизанскую кампанию в горах Эс-камбрея, причем отношения с действовавшим там Вторым фронтом были весьма неопределенными: Ольтуски должен был подчиняться Второму фронту в военном плане, но при условии, что войдет в число его высших командиров. Бордону пришлось перенести множество трудностей: Второй фронт сильно беспокоил его партизан; люди Второго фронта даже напали на один из их лагерей, чтобы отобрать оружие, а когда он отправился протестовать, самого четыре дня держали под арестом. Его освободили лишь после угроз со стороны прибывшего в Лас-Вильяс Камило Сьенфуэгоса.

Второй фронт

Составить объективное представление о Втором фронте чрезвычайно трудно. Поклонники Гевары, особенно близкие к Директорату, рисуют весьма неприглядную картину, полностью игнорируя положительные стороны деятельности группы, возглавлявшейся Элоем Гутьерре-сом Менойо. Напряженность в отношениях между последним и Фиделем сохранялась еще со времен их совместного обучения в университете. Во время боев в Сьерре Гутьеррес называл Че и Фиделя "Ньянгарас" (оскорбительное жаргонное наименование коммунистов).

Военные успехи Второго фронта не представляли собой ничего выдающегося; официальная история группы сообщает лишь о нескольких перестрелках с армией в Рио-Негро, Чар-ко-Азуле и Ла-Диане. Энрике Ольтуски: "Им все время казалось, что они владеют провинцией Лас-Вильяс, и они считали, что будут сохранять в ней доминирующее положение, когда революция победит. Они предполагали после победы революции остаться силой, с которой нужно будет считаться".

Че не упоминает о том, какие отношения сложились у него с Гутьерресом в ходе кампании в Лас-Вильясе. Правда, имеются сведения о нескольких их встречах, например во время сражения за Пласетас, когда Гутьеррес сопровождал его, а в специальном выпуске журнала "Боэмия" упоминается еще одно их свидание в

конце войны, когда они обменялись рукопожатием.

Хосе Рамон Эррера рассказывал мне, что Че старался поддерживать хорошие отношения со Вторым фронтом. Однажды в его руках оказалась сотня винтовок "ремингтон", которые Насарио Сархент доставил на побережье. Они предназначались Второму фронту, и Че отдал их Гу-тьерресу. "Они не наши", - сказал он.

Энрике Ольтуски

В конце 1957 года полиции удалось, воспользовавшись сведениями, которые они под пытками вытянули из нескольких подпольщиков, разгромить местное руководство Движения 26 июля в провинции Лас-Вильяс. Все основные кадры были арестованы. Восстановить организацию в Лас-Вильясе руководство из Гаваны поручило Энрике

Ольтуски.

Ольтуски, сын украинских иммигрантов, получил инженерное образование в США и был членом кружка последователей Хосе Марти. "Уже давно, еще когда я находился в Соединенных Штатах, меня терзали угрызения совести. Мои товарищи боролись и умирали на Кубе, тогда как я безбедно жил в США. Каждый день я говорил себе: я должен вернуться на Кубу, и вот однажды я поднялся и поехал. По возвращении я не сразу примкнул к Д26, а входил в состав МНР, возглавляемой профессором Гарсией Барсенасом". Когда МНР присоединилась к Д26, Ольтуски тоже примкнул к Движению и принял участие в разработке его политической программы.

Он был организатором апрельской забастовки в Лас-Вильясе. "Движение перенесло страшный удар, когда забастовка потерпела неудачу, особенно из-за того, что многие тогда отошли от него".

НСП в Лас-Вильясе

Таурино Терраса: "Я взялся за оружие в 1958 году по приказу партии, примкнув к Директорату. "Он хороший парень, хороший повар, но он коммунист". В октябре я сказал Фауре, что сюда идет Че и что партия приказала мне отправиться к нему и служить у него разведчиком. Я пошел к Фауре, чтобы сдать ему винтовку, а он сказал мне: "Пусть она будет у тебя. Мы и они - одно и то же. Мы все пойдем приветствовать Че".

Ольтуски: "С НСП существовал конфликт. Я чувствовал, что в то время коммунистические идеи были очень популярны на Кубе и что коммунисты были авторитарными сектантами. Кроме того, они не поддерживали революцию. Я имел дело с коммунистами в Лас-Вильясе, но НСП не поддерживала вооруженную борьбу, которая, как я был уверен, являлась единственным способом разбить Батисту".

Альберто Фернандес Монтес де Ока

В семье его называли Пачо или Пачунго. Родился в 1933 году в Сан-Луисе провинции Орьен-те. В возрасте четырех лет переехал с родителями в Сантьяго. Мальчиком работал в кафе, принадлежащем его родителям на рабочей окраине города, где было полно проституток*. Во время обучения в педагогическом училище завязал общение с группой Франка Пайса и Тея. Успешно закончил образование, но работу учителя найти не смог, так как был занесен в политический "черный список". Позднее он изучал журналистику, но не получил диплома, затем в 1956 году эмигрировал в США, где жил без работы, но отказался принять помощь от своих родных. По возвращении на Кубу в 1957 году он принял участие в студенческой демонстрации, был жестоко избит полицией и заключен в тюрьму. Потом он уехал в Мексику, принял участие в морской экспедиции, которая закончилась кораблекрушением, уцелел, так как был хорошим пловцом, скитался по мексиканским джунглям, где питался мясом обезьян, и в конце концов был опять арестован. Он снова эмигрировал в США, а в конце 1957 года под видом страхового агента приехал на Кубу. Оказалось, что совсем недавно его брат Орландо был убит полицией. Он участвовал в работе Д26 в Санта-Кларе, а в ноябре 1958 года ушел в горы Эскамбрея.

20. Молниеносная война

Интриги

В течение последних месяцев существования диктатуры военными было предпринято множество акций, направленных на то, чтобы обеспечить Батисте возможность спокойно скрыться из страны. Одна из них оказала определенное влияние на ход сражения за Санта-Клару. Полковник Россель, выступавший под именем Кантильо, связался с Эчамендией (Исраэль Суарес де ла Пас), представителем подполья Гаваны, находившимся в то время в Санта-Кла-ре. Эчамендиа доставил Че от Рио Чавиано послание, в котором тот просил о перемирии и при этом случайно упомянул о бронепоезде.

22. Первый день революции

Победа была одержана не только в Лас-Вильясе

Оценивая историю революционной войны только с точки зрения Че, можно прийти к ложному впечатлению о том, что именно в Санта-Кларе происходили решающие события. Несомненно, они были чрезвычайно важны, но главные боевые действия происходили все-таки в провинции Орьенте, где Фидель Кастро после сражения за Баф-фо, закончившегося 30 декабря, осадил Сантьяго. Атака на этот город была намечена на 31 декабря.

Че занимает Ла- Кабанью

Некоторые историки полагают, что Фидель направил Че в Ла-Кабанью, а не на базу "Колумбия", где располагался наиболее боеспособный гарнизон в Гаване, для того чтобы ограничить его возможности. Если исходить из этой точки зрения, то следует считать, что Фидель не доверял Че и считал его позицию чересчур радикальной. Карлос Франки: "Какие основания были у Фиделя для того, чтобы послать его в Ла-Кабанью, имевшую второстепенное значение?"

Но, возможно, оснований было два, причем вполне очевидных: во-первых, национальность Че - он никогда в жизни не был в Гаване и не знал ее, 'а во-вторых, колонна Камило была не так сильно измотана в боях.

Расстрелы в Санта-Кларе

Че признавал, что после боев в Санта-Кларе подписал двенадцать смертных приговоров, хотя журналист, которому он это сказал, Пиньеро из "Пренса либре", смог достоверно узнать только о шести случаях казней. Хосе Рамон Эррера в беседе со мной говорил о четырнадцати смертных казнях, но заметил, что память могла его и подвести, так как при попытке составить список казненных он так и не смог насчитать столько имен. Капитан Суарес Гайоль (Блондин) говорил мне, что казни были вопросом "оздоровления общества". Он добавил к списку, который я составлял, фамилию некоего Капетильо. Шеф полиции Рохас не включен в этот список, так как он после краткого расследования был расстрелян уже после того, как Че оставил город.

24. Битва за аграрную реформу

Знаменитая "сикитрилья"

Риске: "Это выражение Камило заимствовал из статьи одного журналиста, где тот сравнивал членов ассоциации владельцев скотоводческих ранчо, которые надеялись пятью тысячами телок откупиться от аграрной реформы, с охотниками, стреляющими маленькую местную птичку, называющуюся в народе "сикитрилья" ради крохотной косточки из ее шеи. У нас говорят: "стрелять из пушки по воробьям".

28. Фабрики и дезодоранты

Фабрика по производству лопат, приобретенная во время дипломатической поездки.

Че: "Стоит посмотреть на эту фабрику по производству лопат, чтобы получить представление о том, чему не должно быть места в политике развития... Фабрика представляет собой пресс, который превращает металлический лист во что-то вроде судка для завтрака и делает из него что-то в том роде. Да, не что иное, как просто пресс, это никакая не фабрика, но тем не менее уже обладает всеми устрашающими особенностями фабрики, с ее конторой, ее отдельной облицованной душевой для особо отличившихся рабочих, и еще четыре конторы и четыре душевых для четырех бригад рабочих, которые трудятся в одном и том же месте".

30. Уставать некогда

Самолет и обряд посвящения

Че пришлось летать на планере в юности, в 1947 году. На самолете он впервые полетел в одиночку в конце 1959 года. На Кубе существует традиция, согласно которой пилота-новичка, совершившего свой первый вылет, коллеги окунают в бочку с водой, вываливают в грязи, а потом поливают машинным маслом. Однако подвергнуть такому крещению Че товарищи не решились. Зато он сам позже признался в том, что был неприятно задет их отказом подвергнуть его положенному обряду.

34. Снова Латинская Америка

Мартинес Тамайо

Говорят, что этот человек с жестким галисийским лицом родился в тот день 1938 года, когда в город Майари привезли львов. Он был вынужден очень рано оставить школу и выучиться управлять трактором. Он взял в руки оружие в 1957 году, украв у своего дедушки старый дробовик, сражался вместе с Раулем Кастро в составе Второго фронта и работал в кубинских секретных службах.

Ему пришлось в разгар ракетного кризиса выполнить важную миссию в Гватемале. Он был щедрым человеком, способным с легкой душой раздавать все, что имел, тем, кто в этом нуждался больше. Он обладал необыкновенной физической силой. Он не любил школу и закончил всего лишь четыре класса. Зато он любил цветы и выращивал их всю жизнь, очень хорошо разбирался в розах и разводил их у себя дома. После победы революции он выучился управлять самолетом.

Виктор Дреке: "Капитан Хо-се Мария Мартинес Тамайо был сильным, ласковым, немногословным белым человеком; он очень любил Че, просто боготворил его. У него были прекрасные отношения с товарищами, он был смел и готов пойти на риск. Он не любил говорить о своих собственных делах. Хотя он предпочитал работу разведчика, тайную борьбу, но был неплохим партизаном".

Таня

Черный список дел Тани производит впечатление сфабрикованного. Джеймс, восточногерманский агент-перебежчик, утверждал, что узнал ее и объявил, что она, работая на Восточную Германию, вела слежку за иностранцами. Помимо этого высказываются намеки на то, что она была любовницей Че. Впрочем, для этих домыслов нет никаких оснований, равно как и для версии, согласно которой она как работник секретной службы Германской демократической республики работала еще и на КГБ. Так или иначе, но совершенно очевидно, что Таня имела обязательства только лишь перед кубинскими секретными службами, которые завербовали ее, а позднее - перед Че.

После гибели Тани против нее была развернута ожесточенная кампания. Всякий стремился сказать о ней что-нибудь дурное или хотя бы неодобрительное. При этом все основывались на мелких деталях из короткой жизни партизанской группы Вило Акуньи. Говорили, что это по ее вине группа передвигалась так медленно,

что она была беременна, что она страдала раком матки, и т.д.

Аргентина

Леонардо Тамайо: "Че всегда помнил об Аргентине, несмотря даже на то, что сделал множество резких заявлений по поводу его родной земли и соотечественников. Че не раз говорил: "В Латинской Америке последней освобожденной страной будет Аргентина. В Аргентине, хотя и есть бедняки, но кампеси-нос едят хорошее мясо, а борьба - удел крайней нищеты. Чтобы вытащить аргентинцев из домов, необходим подъемный кран".

23

35. Повторное открытие Африки

Группа, предназначенная для отправки в Африку

В январе 1965 года, когда Че все еще продолжал свою дипломатическую поездку, Виктора Дреке, одного из бывших лидеров Революционного Директората, который во время революции сражался рядом с Че в Сан-та-Кларе, а теперь вел борьбу с контрреволюционерами в провинции Лас-Вильяс, спросили, не желает ли он принять участие в добровольческой миссии за пределами Кубы. Когда он согласился, ему предложили набрать взвод солдат афро-кариб-ского происхождения (то есть чернокожих кубинцев), имеющих боевой опыт. В Гаване были собраны три группы: самого Дреке, вторая, состоявшаяся из обитателей провинции Орьенте (ею командовал капитан Сантьяго Тэрри), и третья из Пинардель-Рио (командир - Бертелеми). Возглавить весь отряд должен был Дреке.

Подготовка добровольцев началась в холмах Канделярии провинции Пинар-дель-Рио, где и прежде обучались революционеры из других стран Латинской Америки. 2 февраля все три группы собрались вместе. Когда в казарме включили свет, кто-то воскликнул: "Что за чертовщина! Неужели здесь одни чернокожие! Сюда собрали с Кубы всех чернокожих!" Обучение было очень интенсивным: учебные стрельбы, пешие марши на боль--шие расстояния, прыжки с шестом, полосы препятствия, полевая артиллерия, базуки, установка и снятие мин, "коктейль Мо-лотова" и, самое главное, действия прежде всего иррегулярных войск. Сам Фидель посещал занятия и принимал в них участие. В конце концов добровольцам сообщили, что им предстоит действовать в Африке, а среди материалов, которые им дали прочесть для подготовки, были работы Патриса Лумумбы. Менее чем за сорок пять дней группа была подготовлена к поездке.

36. "Моя скромная помощь требуется в других странах"

Партийные кадры Че

Состав Центрального комитета Кубинской Коммунистической партии был объявлен 1 октября. Как ни странно, трое государственных министров, бывших близкими к Че, в него не вошли. Это были министр сахарной промышленности Борре-хо, министр финансов Альварес Ром, а также Артуро Гусман, сменивший Че на посту министра промышленности. Виласе-ка был в июне освобожден от должности руководителя Центрального банка и назначен ректором Гаванского университета.

5 ноября 1965 года ЦРУ составило специальный доклад о новых членах Центрального комитета. В нем говорилось, что людей, близких к Геваре, отводят на второстепенные роли и что "дискредитировавшая себя" экономическая точка зрения Че теперь не имеет сторонников в Центральном комитете. Но это вряд ли соответствовало истине, так как среди ста человек, составлявших Центральный комитет, было немало людей, полностью отождествлявших себя с Че: Сан-Луис, Дреке, Сайас, Хосе Рамон Сильва, Фернандес Мель, Вило Акунья и Асеведо. И основные экономические принципы Че проводились в жизнь на протяжении еще, самое меньшее, двух лет. Рауль Маддонадо, вынужденный уйти в отставку с поста заместителя министра, дал более близкую к действительности версию событий: "Эти трое министров были исключены по политическим причинам: они имели более прокитайские склонности, нежели просоветские".

Самоубийство Альберто Моро

Рауль Малдонадо: "Говорили, что его самоубийство явилось прямым следствием его отстранения от внешней торговли и разногласий с Че. Это не так. Моро был молод и немного неуравновешен, он пил... ходил по девкам, там были какие-то измены. Он совсем свихнулся, принялся шляться по барам, играл там на саксофоне с оркестрами. Он был молодым человеком, вовсе не успевшим увидеть детства. Дортикос выкинул его прочь и отправил домой, на произвол судьбы. Че взял его обратно в Министерство промышленности, где он был советником Че, а с 1964 года стал руководить консолидированными предприятиями. Беттелхейм присудил Моро ученую степень; он вступил в повторный брак, на этот раз в Париже. Он начал успокаиваться. Потом ему пришлось снова вернуться на Кубу из-за бюрократизма в политике - решили сократить количество кубинцев за границей,

так как появилось слишком много случаев перебежки. От нового брака у него родилась дочь-инвалид, и жена оставила его. Он запутался и выстрелил в себя".

37. Тату - номер 3

Псевдонимы участников экспедиции

В нарушение правил, которых придерживался Че в своих дневниках, при описании операций в Конго и Боливии в этой книге используются не конспиративные псевдонимы их участников, а настоящие имена или общеупотребительные прозвища.

Че - Тату или Рамон; Дреке - Моха; Эдуарде Торрес - о Нане; Мартинес Тамайо - М...били, Рикардо, Папи; доктор Рафаэль Серкера - Куми; Норберто Пичардо - Инне; Сантьяго Терри - Али; Крисо-хенес Винахерас - Ансурене; Исраэль Рейсе - Ази; Аркадио Венитес - Догна; Эразмо Ви-до - Кисуа; Каталино Олачеа - Мафу; Октавио де ла Консепсьон де ла Педраха - Морогоро; Гарри Вильегас - Помбо; Кар-лос Коэльо - Тума; Виктор Шеб - Зива; Роберто Санчес Бартелеми - Чанга.

Местность

Че: "Ландшафт, среди которого мы в конце концов расположились, характеризуется большим водным бассейном, обращенным в озеро Танганьика, площадью приблизительно 35 квадратных километров, средней шириной приблизительно 50 километров. Здесь проходит граница между Танзанией, Бурунди и Конго. По сторонам бассейна проходят горные цепи; одна принадлежит Танзании и Бурунди, а другая - Конго. Последний имеет среднюю высоту 1500 метров выше уровня моря (озеро - 700 метров) и тянется почти от Альбертвилля, на юге, где является театром боевых действий до Бакувилля на севере, и представляет собой холмы, спускающиеся в тропические джунгли. Ширина системы меняется, но мы можем определить среднюю ширину в зоне в 20-30 километров. Есть два высоких, более крутых и более скалистых плато, одно на востоке, а другое на западе, которые ограничивают волнообразное плато, пригодное для земледелия в долинах и для разведения рогатого скота - это занятие предпочитают племена руандийских скотоводов, которые традиционно занимаются этим. На западе гора спускается на равнину высотой 700 метров, который является частью бассейна реки Конго. Эта местность, напоминающая саванну с ее тропическими деревьями, кустами и естественными лугами, разрывает непрерывный горный пейзаж. Холмы, находящиеся поблизости от гор, не круты, но дальше к западу, в зоне Кабамбаре, они заканчиваются, переходя в совершенно тропическую местность.

Горы начинаются от самого озера и на первый взгляд полностью определяют весь характер местности. Здесь мало ровных мест, пригодных для высадки с плавсредств и размещения высадившихся отрядов, они очень трудны для обороны в том случае, если не контролируются высоты. Наземные коммуникации к югу от Кабимбы, где находилась одна из наших позиций, отрезаны; в западном направлении горы дают возможность добраться до Альбертвилля и Лулимба-Фису, от последнего одна магистральная дорога проходит через Муенгу на Букави, другая - к побережью через Бараке, заканчиваясь в Уви-ру. nocjje Лулимбы дорога проходит через горы и пригодна для партизанских засад, так же как, хотя и в меньшей степени, та часть, которая пересекает долину реки Конго.

Часто бывают дожди, с октября по май почти ежедневно, зато их почти не бывает в период с июня до сентября, хотя в последний месяц и случаются отдельные ливни. В горах дожди бывают круглый год, хотя в сухие месяцы значительно реже".

38. Ожидание

Последнее письмо от Селии ла Серна

Текст письма от матери приводится в книге Рохо. Один из моих кубинских источников предполагал, что письмо могло быть поддельным, но я так не считаю.

Селия: "Не кажутся ли тебе мои письма странными? Я не знаю, то ли мы утратили естественный образ общения, который использовали прежде, то ли мы его никогда не имели и всегда разговаривали тем немного ироническим тоном, свойственным всем обитателям обеих берегов Ла-Платы, а благодаря нашим семейным традициям стали из-за этого еще отчужденнее. Дело в том, что я всегда опасалась отказаться от этой иронической интонации и писать прямо. Видимо, я считала, что тогда мои письма перестанут быть понятными и окажутся неясными и загадочными.

Благодаря дипломатическому тону, принятому в нашей переписке, я также могла читать и понимать то, что было скрыто между строк. Я читала твое последнее письмо точно так же, как читала бы новости, опубликованные буэнос-айресскими газетами "Ла пренса" или "Ла на-сьон", угадывая или пытаясь угадать реальное значение каждой фразы. Результат - множество непонятного и даже изрядная тревога... Я не стану пользоваться дипломатическим языком. Я буду говорить совершенно прямо.

При том, что среди населения Кубы есть так много хороших резчиков тростника и так мало руководителей, способных организовать работу, мне кажется просто сумасшествием то, что все вы отправляетесь убирать тростник на целые месяцы, словно это ваша основная обязанность. Периодические занятия добровольной работой в то время, которое обычно отводиться для отдыха или досуга, скажем, по субботам и воскресеньям, - это уже совсем другое дело. Другое дело также и демонстрация преимуществ механизированной уборки тростника и важности использования этих машин, при том, что поступление иностранной валюты на Кубу зависит от тоннажа полученного сахара. Месяц - это долгое время. И могут быть неизвестные мне причины. Теперь что касается лично тебя. Если после этого месяца ты полностью займешься управлением предприятием - работой, которую не без успеха ведут Кастельянос и Вильегас, - то, я чувствую, безумие достигнет абсурдных размеров, особенно в том случае, если потребуется пять лет этой работы для того, чтобы получить реальное представление о ней. Поскольку я

знала, что ты стремился не покидать министерство больше чем на один день, то, когда видела, что твои заграничные поездки чересчур затягиваются, задала себе первый вопрос: будет ли все еще Эрнесто министром промышленности, когда вернется на Кубу?

Кто оказался прав или хотя бы получил преимущество в дискуссии по вопросу о мотивации стимулирования? На этот вопрос получена только половина ответа. Если ты собираешься управлять предприятием, то должен уйти с поста министра. В зависимости от того, кто будет назначен на твое место, будет видно, насколько мудрым оказалось твое решение. В любом случае, выкинуть пять лет на управление фабрикой - слишком большая трата твоих талантов. И это говорит не мать, а старуха, которой хотелось бы видеть весь мир социалистическим. Она считает, что если ты поступишь так, как сказал, то не сможешь больше достойно служить мировому социализму. Если по каким-то причинам Куба закрыла для тебя двери, то есть еще некий господин Бен-Белла в Алжире, который был бы благодарен тебе, если бы ты взялся за реорганизацию экономики в его стране или взялся бы давать советы в этой работе, да и господин Нкрума в Гане, конечно, тоже был бы рад. Да, ты всегда будешь иностранцем. Это, видимо, твоя судьба".

39. Разгром на Фронте-де-Форс

Первые выстрелы кубинцев

Не ясно, что послужило причиной бомбежки и авиаобстрела прибрежной фермы Кисоси - то ли засада, устроенная группой Сантьяго Тэрри на подошедший к берегу катер, то ли обстрел самолета, предпринятый 19 июня. Стрельба велась из пулемета калибра 12,7 мм, расположенного над базой Кибамба; самолет ответного огня не открывал.

Бомбардировщик

Марчетти: "ЦРУ снабжало деньгами и оружием Мобуту (прежде Чомбе) и Сирила Адоу-лу. В 1964 году ЦРУ направило в Конго своих собственных наемников. "Б-26", пилотировавшийся кубинцем - ветераном десанта, в бухте Кочинос провел сильные бомбежки позиций повстанцев. Когда ЦРУ в 1964 году включилось в операцию, пилоты-кубинцы, вызвавшиеся принять в ней участие, заключили контракты с компанией "Кара-мар" (Caramar "Caribbean" Marine Aero Corporation), также принадлежавшей ЦРУ. Оружие и военное снаряжение приобреталось у различных "частных" поставщиков. Крупнейшим из них в Соединенных Штатах была Международная корпорация вооружений (International Armament Corp. linterarmco), находившаяся в Александрии, штат Вирджиния. Журналист из Таксона, штат Аризона, в 1966 году сообщал, что он видел более ста самолетов "Б-26", полностью готовых к установке пулеметов и бомб. "ЦРУ сообщило, что эти самолеты предназначались для компании "Интермаунтин" (In-termountain), занимавшейся поисками непогашенных очагов лесных пожаров". На самом деле они должны были вскоре направиться в Конго и Юго-Восточную Азию".

Исследователь Уильям Блум добавлял, что пилоты ЦРУ проводили бомбардировочные рейды против повстанцев, но при этом возникали проблемы, так как те же самые кубинцы отказывались бомбить гражданское население".

Воинское достоинство при отступлении

Дреке: "Че вел себя с людьми очень осторожно: "Мы должны заставить их сражаться и рыть траншеи в позиционной войне. Мы должны убегать, но элегантно. Ты останавливаешься, два выстрела, останавливаешься, бежишь. Это не значит, что ты не отступаешь, ты просто должен уметь делать это правильно. - Он шутливо прошелся, показывая, что это значит. - А вот чего я не хочу, так это бегства с бросанием оружия".

После этого мы часто говорили в шутку: "Майор, я отступил, но с полным соблюдение воинского достоинства".

40. Вездесущий призрак

Письмо Че публиковалось во всех изданиях его произведений. Хотя его подлинность подтверждается множеством доказательств, сомнения все же высказывались. Так, Сикитрилья в эмиграции заявил, что Че просто не мог написать подобного письма. Некоторые авторы указывают на то, что ни разу не воспроизводилась факсимильная копия письма, а лишь его машинописные копии. Но, с другой стороны, сам Че без всяких разночтений воспроизвел его текст в своих "Воспоминаниях о революционной войне. (Конго)", правда, уже после того, как оно было обнародовано Фиделем.

41. Пессимистичный оптимист

Деньги

Че в письме к Фиделю прямо заявляет, что конголезским лидерам нельзя давать денег:

"Дело с деньгами причиняет мне самую сильную боль, так как я сам усердно настаивал на этом. В своем худшем проявлении - высокомерным расточителем, - выслушав длительный скулеж, я пообещал финансировать фронт, самый важный из них, при том условии, что я буду руководить военными действиями, сам сформирую смешанную колонну под моим прямым командованием... Для этого, как я подсчитал, хотя это и глубоко ранило меня, требовалось 5000 долларов в месяц. Теперь я обнаружил, что все двадцать выплат этой суммы достались туристам на сладкую жизнь во всемирных столицах... Не одного сентаво из этих денег не попало ни на несчастный фронт, где крестьяне терпят все доступные воображению трудности, в том числе и грабеж со стороны своих собственных защитников, ни тем беднягам, что увязли в Судане".

Голод

Голод - это общая тема для всех кубинских добровольцев.

Видо: "Усилия требуют больше, чем ты съедаешь. Люди стали похожими на волков, им кажется, что они могут съесть все, что видят... Мы съели бы льва, если бы он нам попался".

Марко Антонио Эррера (Генке): "Было уже не так легко ловить для еды презренных обезьян. Они разбежались из-за бомбежки. Мы жили, питаясь юккой и ее листьями".

Арагонес рассказывал, что, когда они поймали оленя, его разделили на тридцать человек. Че и он попросили, чтобы им дали по кусочку, которые они могли бы зажарить на палочках над угольями, а не есть тушеным с юккой. Когда они с удовольствием поедали свои барбекю, один из африканцев спросил: "А это вкусно?" Че отдал ему свою порцию, и Арагонесу не оставалось ничего, как последовать его примеру. ("И этот поганый ублюдок вместо того, чтобы сказать: "Я уже съел свою порцию..."). Арагонес отощал с 250 фунтов до ста с небольшим. Когда он вернулся на Кубу, то перенес тяжелое инфекционное заболевание, вызванное дефицитом белка, несколько раз находился на грани смерти.

45. Корабли сожжены

Псевдонимы

Че - Рамон, затем Фернандо; Альберто Фернандес Монтес де Ока остался Пачо или Пачун-го; майор Вило Акунья - Хоа-кин; Элисео Сан-Луис Рейсе - Роландо; Мануэль Эрнандес - Мигель; заместитель министра Суарес Гайоль - Блондин; Орландо Оло Пантоха - Антонио; Хосе Мария Мартинес Та-майо - М'били, Папи и Рикар-до; его брат Рене - Артуро; Гарри Вильегас - Помбо, как и в Африке; Густаво Мачин Оед - Алехандро; Антонио Пинарес Санчес - Маркое; Леонардо Та-майо - Урбано; Карлос Коэ-льо - Тума или Тумаини, как в Африке; Дариэль Аларкон - Бе-ниньо; Исраэль Рейес - Брау-льо.

Еще одно описание прощания

Тома Борже описывает один из моментов периода окончания тренировок, уже перед самым отъездом: "Че сел на бревно рядом с Фиделем, (и) они сидели рядом больше часа, не говоря ни слова. И расстались они тоже молча. Че положил руку Фиделю на спину, Фидель - Че, и они сердечно похлопали друг друга по плечам".

Трудности поездки

Путешествие Че с Кубы в Боливию - это головоломка, достойная внимания самых серьезных фанатиков ребусов.

Судя по всему, он покинул Кубу 23 октября 1966 года (хотя некоторые настаивают на дате 19 октября, это маловероятно, так как курс подготовки закончился только 22 октября) и на самолете улетел из Гаваны в Москву с кубинским паспортом под именем сотрудника Национального института аграрной реформы Луиса Эрнандеса Гальвана.

На следующий день, 24 октября, в Москве он сменил этот паспорт на другой, где именовался уже уругвайским гражданином Рамоном Бенитесом. С ним он прибыл в Прагу, где получил новый, на имя Адольфо Мены, и 25 октября поездом уехал в Вену.

Чтобы устранить свидетельства подделки паспортов, из журнала паспортного учета в Министерстве иностранных дел Уругвая были вырваны две страницы. И для "Бенитеса", и для "Мены" использовалась одна и та же фотография, но в документах было небольшое различие: один родился в 1920 году, другой в 1921, но в один и тот же день, 25 июня.

Исследователи просто сходят с ума, когда пытаются определить, куда же след уходит из Вены. В паспортах стоят

поддельные печати, указывающие на проезд через Мадрид перед отъездом с Кубы (9 и 19 октября). Кажется вероятным, что Че ехал через Франкфурт, где купил блокнот, в котором вел свой первый дневник, или через Париж (или же поездом из Вены до Франкфурта, а затем в Париж), и прибыл в Сан-Пауло 1 ноября. Если это так, то, значит, Че и Пачо странствовали по Европе в течение пяти дней, о которых не сохранилось никаких сведений. Некоторые источники упорно утверждают, что на одном из этапов поездки Че и Пачо выдавали себя за испанских торговцев крупным рогатым скотом (этот вид торговли ни в малейшей степени не мог заинтересовать Че).

"Крыша" Мены внезапно потребовалась в Сан-Пауло. Че был задержан там таможней; которая потребовала, чтобы он предъявил документы о прививках. ("Необходимо было предвидеть, что уругвайские удостоверения о прививках нуждаются в печати; я должен был получить другое в Сан-Пауло", - сообщил Че в Гавану в начале ноября). Та-майо: "Че рассказал нам, что все это случилось около девяти утра, а отпустили они его часа в четыре дня при условии, что он на следующий день вернется туда с необходимыми бумагами. Че сказал нам, что немного волновался, поскольку другие латиноамериканцы путешествовали с такими же точно документами и власти не обращали на них никакого' внимания. Он сказал: "Было похоже, что они распознали меня".

3 ноября Че получил туристскую визу для Боливии и поехал в Ла-Пас, опять как Мена. Однако никаких записей в документах паспортного контроля о его въезде в Боливию нет. Он позже сказал: "Я сделал важное открытие: теперь мы знаем, что если кого-нибудь нарядить слоном, то он все равно доберется сюда".

46. "Сегодня начинается следующий этап"

Маршруты и нации

Кубинцы, сопровождавшие Че, уезжали парами в период между концом октября и серединой ноября 1966 года. Им требовалось несколько дней, чтобы добраться до места, приняв при этом сложные меры предосторожности.

Исраэль Рейсе: "Я уехал из дома в четверг, 25 октября, покинул Гавану 29 октября. Так началось мое второе приключение. Я ехал в Боливию под своим собственным именем, Исраэль Рейсе, с панамским паспортом и 26 000 долларов в кармане. 1000 предназначалась на мои путевые расходы, а 25 000 - для Рамона.

Я ехал по маршруту Москва - Прага - Франкфурт - Чили - Боливия".

Исраэль Рейес, Вило Акунья и Элисео Рейес путешествовали под видом панамцев. Тамайо был мексиканцем, Мануэль Эрнандес - испанцем, а ла Педра-ха, Суарес Гайоль, и Оло Панто-ха - гражданами Эквадора. Один из авторов был восхищен тем, как кубинские секретные службы сумели создать двадцать одного гражданина с безупречными паспортами Эквадора, Панамы, Колумбии, Перу, Уругвая и Боливии, а об испанском он даже и не знал.

Псевдонимы

Гидо Передо именовался Инти; Хорхе Васкес Вианья - Лоро; Роберто Передо - Коко; Лорхио Вака Марчетти - Кар-лос; Орландо Хименес Басан - Камба; Хулио Мендес Корне - Эль Ньято; Давид Адриасола - Дарио; Хаиме Арана - Чапако или Луис; Марио Гутьеррес Ар-дайа - Хулио; Фредди Майму-ра - Эрнесто-доктор. Родольфо Садданья будет пользоваться собственным именем; также не использовались псевдонимы в отношении Салюстио Чеке, Бен-хамина Коронадо и Рауля Кис-паи и.

Среди кампесинос, которые были направлены Боливийской коммунистической партией для работы на ранчо, а потом сражались вместе с партизанами, Апо-линар Акино будет пользоваться собственным именем, Акино Гудела - Серапио, а Антонио Домингес - Леон.

В группе Мойсеса Гевары: Симон Куба - Вилли; Касильдо Кондони-Виктор; Хосе Касти-льо - Пако; Уго Чеке - Чинго-ло; Хулио Веласко - Пепе; Франсиско Уанка - Пабло; Антонио Хименес - Пан Дивино или Педро. Под собственными названиями упоминались: Пастор Баррера, Висенте Рокабадо, Вальтер

Арансибия, Анисето Рей-нага и Эусебио Тапиа.

Среди перуанских партизан: Хуан Пабло Санг - Эль Чино (Китаец); Лусио Эдильберто Гальван Идальго - Эустакио; Реституто Хосе Кабрера - Доктор или Эль Негро.

Манила

В различных боливийских дневниках упоминаются сообщения с Кубы, прибывающие из "Манилы". Это наименование относится к центру связи, расположенному неподалеку от Гаваны, в предместьях маленького городка Пунта-Брава рядом с Сан-Антонио-де-Лос-Баньос. Около входа были свалены старые деревянные лодки, а почти в миле от входа находились подземные бункеры с передатчиками мощностью 50 000 ватт. Там находилось тридцать пять-сорок передатчиков и приемников, работавших круглосуточно.

Командир-самоубийца?

По мнению некоторых авторов, Че в Боливии искал смерти.

Дебрэ: "Рамон один сам с собою. Он скоро предаст себя в руки смерти, брошенный, с его астмой, его невыносимой болью в спине, шее и в глубине души, буколически спокойный".

Карлос Мария Гутьеррес: "Убедившись своей полной изоляции и отсутствии перспектив, он решил начать партизанскую войну в Боливии и завершить ее, принеся себя самого в жертву".

Долорес Мойано, говоря о боливийской операции, использует слова "харакири" и "сеппу-ку".

Но представляется очевидным, что этого быть не могло.

47. Зверский поход

Некоторые авторы считают, что обнаружение последних тайников было связано с "умышленной" небрежностью Тани. В частности, есть мнение, что в ее джипе, обнаруженном в Ка-мири, находились важные документы, в частности четыре записных книжки с адресами всех участников городской сети и контактами за пределами Боливии, которые "привлекли внимание властей". С этим связывается и налет полиции на ранчо. Также бытует версия о том, что этот странный поступок Тани был продиктован приказом из СССР остаться в партизанском лагере. Однако Дебрэ в беседе согласился со мною в том, что для подобного мнения нет убедительных оснований.

48. Бои.

Аргентинцы

Из всех аспектов операции самой слабой кажется связь с Аргентиной. Луис Фаустино Стампони в то время находился в Гаване и понятия не имел о том, что Че хотел получить от него поддержку своим действиям. Он узнал об этом лишь спустя полтора года, когда прочел дневники. Личность Гельмана все еще вызывает сомнения. Аргентинский поэт, который в то время участвовал в деятельности малочисленной революционной группы, утверждал, что Че разыскивал именно его. Но это маловероятно. Предположительно этим человеком мог быть Альф-редо Эльман, лидер Молодых коммунистов из Мендосы. Кроме того, среди лидеров левых групп был и Хосами - Хуан Гельман, - но Таня утратила связь с этой группой, и Хосами хотя и находился в это время в Боливии, но не вступал даже в косвенный контакт с Че.

Дневник Браулио

Адис Купуль и Фройлан Гон-салес упорно утверждают, имея для этого веские основания, что дневник Исраэля Рейеса попал в руки армии и ЦРУ не в апреле 1967 года, а пятью месяцами позже, когда Рейес был убит патрулем Варгаса Салинаса, и что корреспонденция Роса "Я был арестован вместе с Дебрэ" (в которой, как утверждалось, использовались материалы из этого дневника) была фальсификацией. Имя Рейеса, по их мнению, стало известно из обрывка записки, предназначавшейся Блондину, и личность Рейеса была таким образом связана с паспортом на имя некоего Исраэля Рейеса Тапиа, который исчез после въезда в страну.

49. Иностранное вмешательство и гибель друзей

Некоторые авторы носятся с идеей о том, что Гавана, и, в частности, Фидель решили не продолжать поддержку "авантюры Че" и поэтому не предприняли никаких серьезных попыток восстановить контакт с ним. Да-риэль Аларкон в своей последней книге настаивает именно на этой версии событий (чего он не делал, когда мы с ним провели более шести часов за обсуждением этого вопроса). Кажется очевидным, что после того как партизаны оказались отрезанными от городских сетей и лишились связи с Гаваной, кубинское правительство мало что могло предпринять, за исключением разве что прямого вмешательства. Единственная тень сомнения возникает из-за внезапного отъезд Монлеона (Иван, Ренан) по причине потери "крыши", а также того факта, что его сменщик, "кубинский боец из Сьерры", так и не объявился. Этот эпизод останется неясным до тех пор, пока Монлеон и его руководитель, майор Пиньеро, не изложат свои версии событий.

50. Истребление арьергарда

Брод Иесо?

Адис Купуль и Фройлан Гон-салес полагают, что засада у брода Иесо на самом деле была организована у брода через Рио-Гранде в Пуэрто-Маурисио, в зоне действий 4-й дивизии, но армия указала иное место, так как операция была проведена силами 8-й дивизии. Че посмеялся над территориальными претензиями, когда ранее услышал по радио сообщение о том, где должен будет проводиться суд над ним.

Кстати, в течение первых нескольких дней после гибели Вило Акуньи его принимали за совсем другого человека. ЦРУ и боливийские военные разведчики считали, что это был кубинский майор Антонио Э. Луссон, член Центрального комитета.

51. "Выбраться отсюда и найти более подходящие зоны"

Дневник Леона

Капитан Марио Варгас Са-линас в подтверждение данных об изоляции партизан цитирует дневниковую запись одного из боливийских партизан, Леона (Антонио Домингеса): "Что-то происходит сейчас в нашем лагере? Почему партизан терзают сомнения? Мы пришли издалека, чтобы биться до конца. Ведь было сказано - мы уйдем или победителями, или мертвецами. Кубинцы, кажется, полагают, что мы боимся, и обвиняют нас в трусости. Это неправда, и мы доказывали это, когда выпадал случай. Получается так, что мы должны быть более практичными и встречать происходящее с высоко поднятой головой. Я немного болен - возможно, все мы больны от трудностей и недоедания, - но что касается того, что народ поймет наши добрые намерения, и товарищей из .городов, направляющихся нам на помощь, то этому, кажется, уже не верит никто".

Подлинность этого дневника не была доказана.

Мобилизация рейнджеров в лагере Ла-Эсперанса

Приказ об отправке в Валье-Гранде был получен ими 25 сентября, а засада состоялась 26 сентября. Это полностью опровергает заверения Феликса Род-ригеса, согласно которым рейнджеры были мобилизованы потому, что он, исходя из количества потерь, сделал вывод о том, что в засаду попал именно отряд Че.

52. Ущелье Юро

Кто их выдал?

Оставшиеся в живых партизаны в течение долгого времени считали, что их выдала старуха, попавшаяся им на пути в этот день; они дали ей пятьдесят песо, чтобы она молчала. Дариэль Аларкон рассказал, что истинную причину, похоже, удалось выяснить после того, как к власти в Боливии пришел генерал Торрес: сын мэра Ла-Игуэры увидел их, когда поливал картофельные грядки, и побежал в город, чтобы сообщить о пришельцах.

В дневниковой записи от 7 октября Че упомянул о том, что старуха была с маленькой девочкой. Спустя двадцать лет один кубинский журналист выяснил, что девочка была внучкой (а не дочерью - Че ошибся) старухи, которую звали Эпифания. Когда он спросил имя молодой женщины, та отказалась ответить: "Не скажу - сейчас здесь полно журналистов, а потом вы уедете..."

Гонсалес Бермехо утверждает, что старшую из женщин зовут Флоренсия Кабритас, а ее дочь Алехита.

Старая Флоренсия рассказала: "Я видела, как они появились в тот полдень - бородатые, с оружием, - и я испугалась. Я не хотела говорить. Потом я рассказала им более или менее, где они находятся. Я не знала, кто такой этот Че".

53. Плен

"Не стреляйте..."

Фраза, которую якобы выкрикнул Че ("Хватит стрелять, черт возьми! Я Че; я больше стою живой, чем мертвый!"), цитируется в многих источниках, но не встречается ни в одном из репортажей, написанных по горячим следам события. На самом деле она впервые была произнесена генералом Овандо на пресс-конференции, которую тот провел через несколько дней после пленения и убийства Че.

Хуан Пабло Чанг

Во многих документах вместе с шахтером Симоном Кубой и Че упоминается третий человек, раненный в лицо и ослепленный текущей со лба кровью. Это Хуан Пабло Чанг, который, исчезнув из большинства официальных отчетов, волшебным образом вновь появился в школе Ла-Игуэры, уже в виде трупа. Анонимный солдат: "он поддерживал раненого правой рукой, а левой еще одного человека, лицо которого было залито кровью". (См.: "Приказ о казни" в комментарии к главе 57).

54. Восемнадцать часов в Ла-Игуэре

Принятие решения

Наиболее подробное описание того, как Че был вынесен смертный приговор, приведенное в книге Хорхе Гальярдо, основывается на информации, полученной от одного из главных участников собрания, генерала Торреса. То ли из предосторожности, то ли по иной причине, Гальярдо умалчивает о том, какой позиции придерживался Торрес, а далее утверждает, не приводя никаких доказательств, что приказ был отдан ЦРУ.

Аргедас убедительно доказывает, что Торрес был одним из тех, кто голосовал за убийство. Это объясняет то прохладное отношение, которое правительство Фиделя Кастро неоднократно демонстрировало по отношению к прогрессивному правительству Боливии, которое во время непродолжительного периода его существования возглавлял Торрес.

Полковник Реке Теран говорил спустя несколько лет, что решение приняли Овандо, Бар-рьентос и Торрес. Бетанкур добавил к списку еще одного офицера, Бельмонта Ардилеса. Вакафлор упоминает о том, что в обсуждении участвовал еще один генерал, командующий военно-воздушными силами Леон Колье Кето (брат секретаря коммунистической партии).

Овандо сказал через десять лет, что убить Гевару "было приказано" и что он, возглавляя вооруженные силы, не принимал лично этого решения.

Американское правительство пребывало в неведении. Двумя днями позже Уолтер Ростоу послал президенту Джонсону меморандум, в котором сообщал, что самые последние известия, которыми они располагали, говорили о том, что Че Гевара был жив и что после краткого допроса, проведенного для того, чтобы установить его личность, генерал Овандо приказал расстрелять его. Ростоу сказал, что считает это глупостью, но понимает точку зрения боливийцев, учитывая те проблемы, которые создались у них из-за французского коммуниста, курьера Кастро Режи Дебрэ.

Приказ о казни

Во множестве мемуаров, посвященных гибели Че, царит хаос противоречий, возникавших то ли случайно, то ли созданных преднамеренно для того, чтобы ввести общественность в заблуждение, путаются разнообразные детали - например, точное время прибытия в Ла-Игуэру вертолета, доставившего туда Сентено и Феликса Родригеса. Прадо говорит о девяти утра, Селич о четверти седьмого, Сауседо сообщает, что он вылетел в

семь утра, а сам Сентено утверждает, что в полвосьмого они прибыли на место.

Полковник Сентено устно передал в Ла-Игуэру приказ, который получил предыдущей ночью в Валье-Гранде. Возможно, что это было подтверждение ранее полученного приказа, как сказал в интервью спустя несколько лет полковник Реке Теран, но Сентено, несомненно, передал его Селичу и Айорое утром 9 октября 1967 года.

Хотя Теран и говорит в своих мемуарах, что получил приказ и передал его боливийцам, а затем лично перевез тело Че в Валье-Гранде, но капитан Прадо определенно утверждает, что ни Феликса Родригеса, ни полковника Сентено не было в Ла-Игуэре, когда Че был убит, так как вертолет покинул деревню в 11.45 утра.

Однако кажется очевидным, что инструкции Родригеса должны были предусмотреть сохранение Че в живых, чтобы доставить его в Панаму для тщательного допроса, и что разведывательные службы Соединенных Штатов не имели никакого отношения к убийству Че.

Неужели дело только в спиртном? Солдаты были пьяны? Документы, поднятые испанскими репортерами Бетанкуром и Алькасаром, а также французским журналистом Мишелем Раем, говорят, что были, и все, кажется, подтверждают, что Терану необходимо было выпить, чтобы укрепить нервы. Но Прадо отклоняет эту версию, утверждая, что в этой несчастной деревушке не нашлось бы столько спиртного, чтобы напоить полторы сотни солдат.

Тайна Чанга и Пачо

Жена телеграфиста говорила об ослепшем партизане. Он также упомянут в документах Арге-даса. Анонимный солдат, которого расспрашивал Карлос Со-рия Гальваро, говорил о том, что в соседнем с местом заключения Че помещении было убито двое партизан, один из которых ничего не видел. Тогда почему же источники, признающие одновременную казнь Че и Симона Кубы, отрицают гибель Чанга?

Это лишь одна из множества маленьких тайн, окружающих смерть Че. Почему в дневнике Пачо не было записи за 8 октября, если он дожил до 9-го? Может быть, Прадо говорил о том, что его последний рейд против партизан состоялся 9 октября, чтобы показать, что он не мог находиться в Ла-Игуэре во время убийства? Или Пачо погиб в бою 8 октября, но не был включен в число погибших до тех пор, пока его не нашли на следующий день? По словам Прадо, Чанг и Пачо были вместе в одной из пещер. Я остановился на приведенной в книге версии на том

основании, что боливийская армия сообщала о не имевших места в действительности столкновениях на протяжении партизанской войны и еще месяца после ее окончания всякий раз, когда нужно было отрицать казни без суда.

Майор Рубен Санчес

Спустя несколько лет Санчес говорил: "Меня собирались направить в ту самую зону, где Че был захвачен в плен, но моей жене должны были делать операцию, и я не мог поехать туда. Могу сказать, что мне повезло, или уж даже и не знаю. Если бы я был там, то они или не убили' бы Че, как это случилось, или же убили бы нас обоих".

55. Исчезнувший труп

Одиссея уцелевших

В течение двух недель после убийства Че рейнджеры пытались окружить две вырвавшихся из ущелья Юро группы партизан: группу Инти Передо и группу больных бойцов. Вторую группу, в которую входили де ла Пед-раха, Уанка, Лусио Гальван и Хаиме Арана, им удалось захватить. Это случилось 12 октября 1967 года в местечке Кахонес; пленники были расстреляны. Группа Инти, в которую входили трое кубинцев (Вильегас, Аларкон и Тамайо), имела несколько схваток с противником, всякий раз, одерживая обеды, и наконец сумела вырваться за границу, правда, при этом погиб Эль Ньято. Инти удалось восстановить контакт с организациями Коммунистической партии, и, когда он в середине февраля 1968 года возвращался в свою страну, трое кубинцев с двумя новыми проводниками перебрались через чилийскую границу. В конце концов они после длительных странствий возвратились в Гавану.

После восстановления Национально-освободительной армии Инти Передо снова взялся за оружие и в 1969 году в столкновении с армейским отрядом был контужен взрывом гранаты, захвачен в плен и умер под пытками. Аларкон в 1968 году возвратился в Боливию для участия в действиях НОА. Попав в окружение солдат режима Сукре и национальной полиции в банке в Ла-Паса, он с криком "Родина или смерть!" выбежал навстречу нападавшим и попытался покончить с собой, выстрелив вг голову. Но он чудесным образом уцелел, так как ранение оказалось несмертельным, а после прихода к власти режима генерала Торреса он был освобожден по амнистии. Давид Адриасола погиб в апреле 1968 года при столкновении с полицией неподалеку от Лагунильяса.

56. Множество часов майора Гевары

Уже заканчивая работу над комментариями к книге, я узнал, что в середине сентября 1967 года Че носил в своем рюкзаке четверо часов.

57. Сомнительные дневники

Операция "Подделка"

Фидель Кастро намекнул на возможность подделки во предисловии к дневнику, когда написал: "С революционной точки зрения публикация "Боливийского дневника" Че не имеет никакой альтернативы. Дневник Че оказался в руках Баррьенто-са, который немедленно передал копию ЦРУ, в Пентагон и администрации. Журналисты со связями в ЦРУ имели доступ к документу уже в Боливии и делали его фотокопии, хотя и с обязательством воздержаться на некоторое время от их публикации".

Адис Купуль и Фройлан Гон-салес утверждают, что на верхнем этаже посольства США в Боливии работали каллиграфы из ЦРУ, готовившие провокационную акцию, в которой должны были использоваться искаженные дневники Че. Правда, их утверждение не подтверждается больше никакими данными.

Сент-Джррдж заявлял, что дневник, изданный на Кубе, не был подлинным, и считал, что фотокопия была сделана с уже "доработанного" оригинала.

Руки и маска

В мае 1969 года Аргедас вернулся в Ла-Пас. Его усиленно разыскивала полиция. Перед тем как попросить убежища в мексиканском посольстве, он рассказал адвокату Виктору Санньеру (известному под кличкой Эль-Мамут - Мамонт), что руки Че находятся в банке с формалином, которая вместе с посмертной маской спрятана в деревянной урне. Санньер несколько позже забрал их, положил в рюкзак и, преодолев множество препятствий и волнений, смог контрабандой вывезти свой груз из страны и доставить на Кубу.

26 июля 1970 года Фидель Кастро произнес речь и в конце выступления попросил у аудитории тишины и объявил, что Аргедас прислал на Кубу не только дневники Че, но и его посмертную маску и забальзамированные руки. Когда он спросил, как с ними поступить: предать погребению или сохранить, толпа единодушно ответила: "Сохранить! Сохранить!" Кастро объявил, что они будут захоронены у подножия памятнику Хосе Марта, а на надгробье будут изображены оливково-серые рукава от военной формы с майорскими нашивками.

59. Образы и призраки

Кинофильмы

Голливуд попробовал погреть руки в лучах славы Че, но все его труды пропали даром. В 1968 году кинокомпания "XX век - Фоке" выпустила фильм "Че!" (режиссер Ричард Флей-шер, в главной роли Омар Ша-риф, Фидель Кастро - Джек Паланс). Съемка происходила в Пуэрто-Рико. Оружие и даже сигары оказались форменным несчастьем. Стереотипы, заложенные в фильме, вызывают неприятие у любого зрителя из Латинской Америки: монашеского склада, полностью лишенный чувст ва юмора фанатик Че рядом с алкоголиком Фиделем. Историю жизни Че буквально растерзали как бесчисленными ошибками, допущенными в сценарии Уил-сона и Бартлета, так и тем способом, каким она была представлена. В своенравной Латинской Америке конца шестидесятых годов фильм был воспринят как еще одно проявление войны между империей и народным восстанием. В Сантьяго (Чили) и в Венесуэле кинотеатры, где показывали этот фильм, поджигали

горючей смесью; его демонстрация оказалась сорванной по всему континенту, несмотря на работу Омара Шарифа и то несколько наивное восхищение, которое повсеместно вызывал его персонаж. Сейчас запыленные коробки с этим фильмом можно найти на полках любого магазина видео.

У итальянской версии истории Че (режиссер Паоло Эуск, в главной роли Пако Рабал) была аналогичная судьба.

notes

Примечания

1

La Poderosa - мощный (исп)

2

Гомогенизатор -приспособление для предотвращения внутренностей пациентов, умерших от инфекционных болезней, в однородную суспензию; применяется при микробиологических исследованиях

З

Халитоз (мед.) - дурной запах изо рта.

4

Хиваро - группа племени южноамериканских идейцев, обитающих в Восточном Эквадоре и Севернрм Перу; известна их традиция сохранять скальпы или засушенные головы своих врагов.

5

НРД - Национальное революцилнное движение (Movimento Nacional Revolucionario)

6

Кампесино (campesino, исп.) - обычное название крестьянина в испаноязычных странах Латинской Америки.

7

Батиста-и-Сальдивар, Рубен Фульхенсио (1901-1973) - государственный и политический деятель Кубы, генерал. В январе 1934 г. совершил государственный переворот и до 1940 г. был фактическим диктатором, а в 1940-1944 гг. - президентом Кубы. В 1944 г., потерпев поражение на выборах, покинул Кубу и некоторое время жил в США. В 1947 г. вернулся в страну. 10 марта 1952 г. вновь организовал военный переворот, запретил деятельность прогрессивных организаций и установил режим террористической диктатуры. В 1954 г. был избран президентом. Заключил ряд кабальных экономических и военных соглашений с США. В 1959 г., после победы революции, бежал из страны.

8

Гринго (gringo, исп.) - пренебрежительное наименование жителей США в Латинской Америке; можно перевести как «паршивый американец».

9

9700 песо в то время соответствовали 56 долларам США Прим.перев.амер.изд

10

Вилья, Франсиско, «Панчо» (1877-1923) — наст. имя Доротео Аранго. Руководитель крестьянского движения ав период мексиканской революции 1910-1917 гг. Во время интервенции США в Мексику (1916-1917) активно участвовал в борьбе с интервентами. В 1916-1919 гг. вел партизанскую войну против помещиков и правительствненных войск. В 1920 г. отошел от революционного движения. Убит реакционерами.

11

Тако - блюдо мексиканской кухни

12

Куэрнавака - город неподалеку от Мехико.

13

Марти-и-Перес Хосе хулиан (28.1.1853 - 19.5.1895) - кубинский патриот, революционер, поэт и писатель, идеолог и организатор освободительгой борьбы против испанского господства.

14

Фрондиси, А - будущий президент Аргентины (1958 - 1962) лидер основанной в 1957 году партии Гражданский радикальный союз непримирииых. Первыми шагами его правительства, пришедшего на смену временному правительству генерала П.Э.Арамбуру (1955 - 1958), было восстановление гражданских свобод, однако вскоре оно вступило в соглашение с монополиями США и внось резко ограничило деятельность оппозиции.

15

Хорхе Сотус позднее предаст реврлюцию, будет осужден ревтрибуналом на длительный срок тюремного заключения, бежит в США, где в конце концов подорвется на мине во время прохождения диверсионной подготовки.

raisons d'eta (фр.) - государственные интересы

17

Один из легендарных боевых кличей Че. - Прим.пер.амер.изд

18

Calamina (исп.) - расплавленный цинк, шире - нечто оцинкованное. Жилое здание фермы было покрыто листами оцинкованнй жести

19

Хуан Пабло Чанг Наварро, перуанский революционер, участник партизанского движения в Перу, разгромленного властями.

20

Боро - местное название кровососущей мухи, откладывающей при укусе яйца под кожу жертвы.

21

Онганиа - бывший в то время военным диктатором Аргентины, распорядился закрыть аргентино-боливийскую границу (прим. авт.).

22

Чича — крепкий перебродивший напиток, бормотуха.

23

Автор допускает здесь неточность: русский перевод “Боливийских дневников” был опубликован в приложении к № 42 журнала “Новое время” от 18 октября 1968 г.

24

Цепное письмо (аналог в русской традиции — святое письмо) — письмо (обыкн. религиозно-мистического содержания), рассылаемое по нескольким адресам с тем, чтобы получатель разослал его другим адресатам.